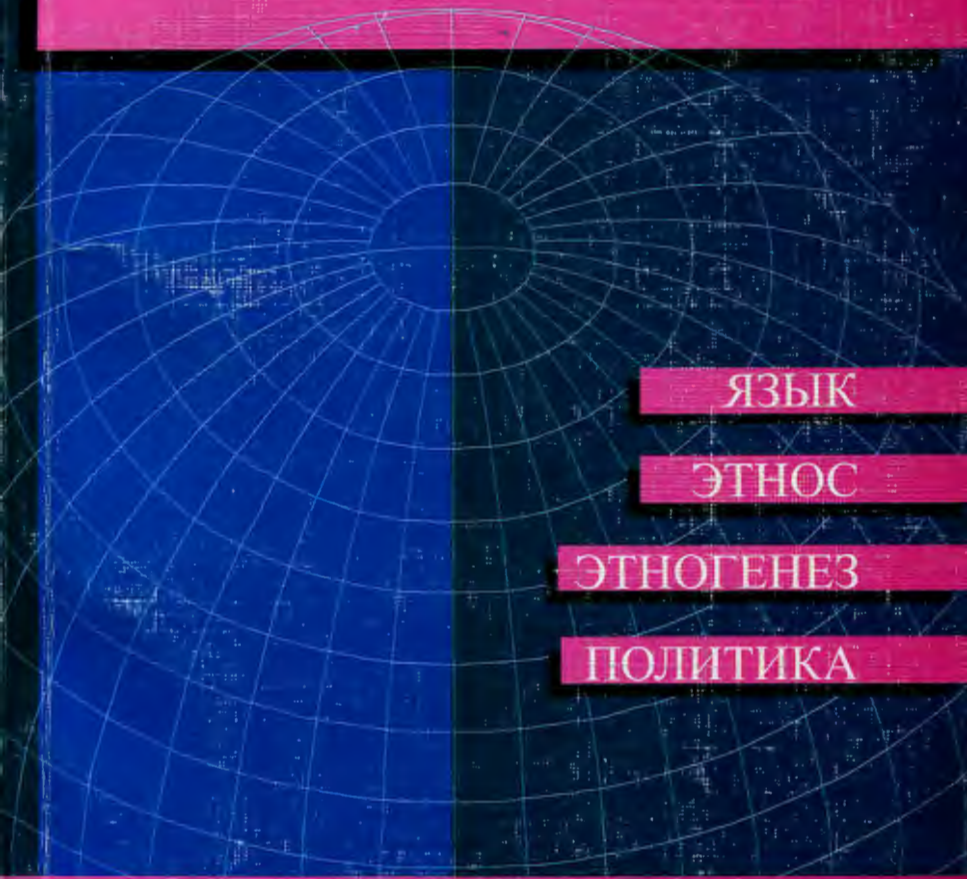
А. С. Герд

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОЛИНГВИСТИКУ



ЯЗЫК

ЭТНОС

ЭТНОГЕНЕЗ

ПОЛИТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. Герд

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОЛИНГВИСТИКУ

Курс лекций и хрестоматия

Второе издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ББК 81:60.5:63.5
Г37

Герд А. С.

Г37 Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 457 с.
ISBN 5-288-03739-6

Рассматриваются такие темы, как типы языковых состояний, понятия «этнос», «языковая политика», «этногенез», «моделирование знаний о народной культуре». В хрестоматии публикуются оригинальные отечественные и зарубежные статьи, наиболее ярко представляющие те или иные аспекты этнолингвистики.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, историков, этнографов, социологов, лингвистов, а также для специалистов по проблемам межнациональных отношений.

ББК 81:60.5:63.5

© А. С. Герд, 2005
© Издательство С.-Петербургского университета, 2005

ISBN 5-288-03739-6

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 1

ПРЕДМЕТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Этнолингвистика — пограничная дисциплина, лежащая между языкознанием, этнографией и социологией. У языкознания свой предмет исследования — естественный человеческий язык, его законы, структура, многообразие форм, функций и проявлений. Предмет этнографии — это народы, этносы, их этническая история, образ жизни, характерные черты культуры этих народов, их происхождение (этногенез). Предмет социологии — общество как единое целостное образование, социальная структура общества, закономерности и фазы социального развития. Предмет этнолингвистики — язык в его соотношении с этносом, место и роль языка в обществе.

У каждой науки есть некоторые общие точки соприкосновения, общие сферы, в которых они пересекаются друг с другом. И здесь, в этих смежных областях, каждая наука может и должна помогать и служить другой в решении ее задач и проблем.

Именно в этих переходных исследовательских зонах и сферах обычно и рождаются новые научные направления. Так, например, в свое время на пересечении логики, математики и языкознания родилась новая гуманитарная дисциплина — структурная и математическая лингвистика; собственно, так появились и биофизика, биохимия и математическая физика. И этнолингвистика родилась на стыке этнографии и языкознания.

В современной науке особое значение приобретает как совершенствование старых, классических методов научного исследования, так и поиск новых нетривиальных методов и подходов к анализу данных. Многие из таких новых методов и приемов нередко также рождаются на стыке разных наук и дисциплин. В свою очередь, привлечение новых типов источников, разработка новых методов анализа чаще всего ведут к получению новых оригинальных результатов в каждой науке, к возникновению новых научных направлений.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Этнолингвистика зародилась в США в трудах Ф. Боаса и Э. Сепира по исследованию языков американских индейцев. Однако американская этнолингвистика — это чисто языковедческое направление.

Для современной, преимущественно американской, науки характерно расширенное понимание антропологии, включающее в себя и этнолингвистику. В последнем издании новой Британской энциклопедии[1] отмечается, что антропология — это наука, связанная с изучением человека, особенностей эволюции и истории его физических характеристик, расовых распределений, межгрупповых отношений и культурной истории. Основные направления современной антропологии — культурная антропология и физическая антропология. В Американской энциклопедии[2] 1970 г. указывается, что антропология изучает человека с биологической и культурной точек зрения. Культурная антропология включает археологию, этнологию, этнографию, лингвистику, социальную антропологию.

Для осознания задач современной этнолингвистики весьма существенной является теория Г. Шухардта, известная под названием «Wörter und Sachen» («Слова и вещи») и ориентированная на изучение истории слов в тесной связи с историей реалий. Сюда же примыкают труды итальянских неолингвистов Дж. Бонфанте, В. Пизани, М. Бартоли. С точки зрения итальянских неолингвистов, именно этнические смешения — причина большинства языковых изменений. В каждом языке можно найти следы смешений и скрещений. Между языками нет четких границ, один язык незаметно переходит в другой. Большое внимание итальянские неолингвисты уделяли роли субстрата.

У истоков этнолингвистики в России стоят такие выдающиеся отечественные ученые, как А. А. Шахматов, С. Ф. Карский, Д. К. Зеленин, Н. П. Гринкова, Б. А. Ларин. Большое значение для развития этнолингвистики имела теория языковых союзов и, в частности, работы Н. С. Трубецкого, в которых он неоднократно развивал идею языковых союзов разных типов.

На становление этнолингвистики в нашей стране особенно повлияли работы В. М. Жирмунского и серия конференций и трудов, осуществленных по инициативе М. А. Бородиной и С. И. Брука под названием «Ареальные исследования в языкознании и этно-

[1] The New Encyclopedia Britannica. Vol. 1. Chicago, 1994.
[2] The Encyclopedia Americana. N.Y., 1970.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

графии». Самоопределению этнолингвистики как особой научной дисциплины немало способствовал Н. И. Толстой.

Цель этнолингвистики — показать, как язык в разных формах его существования и его история влияли и влияют на историю народа, на положение и тип того или иного этноса, той или иной социальной группы в обществе, каковы те лингвистические методы, которые могут помочь в решении различных задач этнографии и социологии. В задачи этнолингвистики входит также анализ пользования языком, отношения к языку в различных языковых ситуациях, в разных этносоциальных слоях и группах.

Выводы и рекомендации этнолингвистики направлены на этнографию, социологию и историю.

Этнолингвистика не описывает ни фонемы, ни морфемы, ни предложения, не открывает новых закономерностей в языке. В этнолингвистике категории и факты языка и текстов на языке используются только как средство более глубокого проникновения в собственно этнические и социальные процессы.

В определенном смысле традиционная социолингвистика — это синхроническая этнолингвистика. Круг вопросов, которые традиционно относят к социолингвистике, представляет собой одну из классических лингвистических проблем «язык и общество». В XX в. она не раз привлекала внимание ученых разных стран. Назовем здесь имена русских ученых Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, позднее Л. И. Баранниковой, Л. П. Крысина; во Франции — Ф. де Соссюра, А. Мейе, Ж. Вандриеса, в США — Э. Сепира, Д. Гамперца, Д. Хаймса, В. Лабова, в Чехии — целое направление «Пражский лингвистический кружок».

В 20–30-е годы XX в. отечественное языкознание с честью справилось с трудными задачами создания алфавитов и письменности для бесписьменных языков народов СССР.

Социолингвистика начинается тогда, когда языкознание напрямую обращается к проблеме «язык и общество», к изучению языка в зависимости от социальной среды, слоя, класса, группы, семьи, профессии индивида. Традиционно социолингвистика изучала прежде всего влияние различных социальных факторов (параметров) на развитие языка и речи[3].

[3]Последний наиболее полный обзор литературы по социолингвистике, разных точек зрения, методов и подходов см.: *Ерофеева Т. Н.* Социолект: Стратификационное исследование: Автореф. докт. дис. СПб., 1995.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В то же время сегодня именно этнолингвистика как дисциплина преимущественно методологическая может и должна содействовать не только дальнейшему развитию языкознания, этнографии, а также во многом способствовать решению целого ряда актуальных общественных проблем.

Например, описывая язык и диспуты политических, общественных или профессиональных групп, их лидеров, программ, лозунгов, обещаний или речь управленческих кадров, этнолингвистика через анализ языка может дать более полный портрет и самих групп и их лидеров. Здесь язык выступает как лакмусовая бумажка, как индикатор социальной структуры общества. Так постепенно этнолингвистика приходит к вычленению, по данным языкознания, в структуре общества различных социоречевых образований и типов.

Проблема языка как деятельности, пользования языком, употребления языка в различных группах является в наши дни одним из ведущих направлений современного языкознания, и здесь лингвистика может оказать немалое содействие именно той части социологии, которая занимается непосредственно проблемами типов социальных общностей. Вместе с этнографией, философией, социологией, психологией этнолингвистика может содействовать уточнению таких краеугольных понятий, как *этнос, этническая общность, народ, народность, нация, коренная нация, социальная группа, общность, национальное самосознание, менталитет, диалект.* Особенно сближаются этнолингвистика и традиционная социолингвистика при изучении форм и типов современных языковых состояний.

В круг проблем этнолингвистики входят также такие актуальные вопросы современности, как права человека и его язык, их место в современном обществе в тесной взаимосвязи с национальной и социальной структурой этого общества. Трудно разделить сферы этнолингвистики и социолингвистики и в решении проблем языковой политики, языкового планирования, во всех сферах сознательного воздействия общества на функционирование языка. В конечном счете всякий этнический процесс, этническое явление имеет свою социальную сторону, а на большинстве социальных явлений и процессов лежит отпечаток этничности.

Как справедливо писал Н. И. Толстой, в известном смысле этнолингвистика и социолингвистика могут расцениваться как два основных компонента (раздела) одной более обширной дисциплины с той лишь разницей, что первая учитывает прежде всего специфи-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ческие национальные, народные, племенные особенности этноса, в то время как вторая — особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, как правило, на поздней стадии его развития.

Эту единую науку можно было бы назвать термином «этносоциолингвистика», более точно — «лингво-социология» (термин Л. Б. Никольского), или «лингвоэтносоциология» (оба эти термина тяжелы). Однако, как показывает практика, тот термин лучше, который проще и за которым уже стоит традиция его употребления. Таковым и остается *этнолингвистика.*

С точки зрения отношения ко времени можно условно выделить синхроническую и диахроническую этнолингвистику.

Диахроническая этнолингвистика использует язык и лингвистические методы как средство познания далекого прошлого, этнической истории народа, истории его материальной и духовной культуры.

Синхроническая этнолингвистика рассматривает язык и методы языкознания как орудие и средство проникновения в актуальные, национальные и социальные проблемы современности. В том или ином виде, в новых формах межнациональные и межъязыковые проблемы будут существовать еще в течение ряда столетий. Вот почему этнолингвистика не только не теряет своего значения, ее актуальность возрастает день ото дня.

Этим объясняется и то, что на каждом новом историческом этапе курс лекций по этнолингвистике не может отгородиться «китайской стеной» от текущих актуальных проблем современности. Этнолингвистика все шире пользуется методами классической диалектологии, системного анализа, структурной и прикладной лингвистики, углубляя и развивая их.

Каковы те основные проблемы, в решении которых уже сегодня может помочь этнолингвистика? Это:

— происхождение народа (этногенез и этническая история);

— история материальной и духовной культуры народа (история вещей, традиций, понятий, представлений; семиотика народной культуры);

— история формирования народного мышления, знания;

— характер восприятия окружающего мира индивидом — носителем языка;

— урбанизация как процесс;

— языковое планирование, языковая политика.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В данном курсе лекций раскрываются этнолингвистические подходы к решению некоторых из этих проблем.

По-разному соотносятся с этнолингвистикой и различные частные собственно лингвистические дисциплины. Одни из них (диалектология, лингвистическая география, ономастика, этимология, историческая лексикология, сравнительно-историческое и типологическое языкознание) дают больше для решения проблем исторической этнографии, этногенеза, истории контактов и взаимовлияния народов; другие (функциональная стилистика, коммуникативная лингвистика, теория дискурса, речевых актов, экспериментальная фонетика, лексикология, грамматика современных языков и лингвистическая прагматика) содержат больше данных для решения проблем, связанных с этнографией современных народов в их синхроническом состоянии, с социологией общества.

Из области языкознания для этнолингвистики всегда важны также разные типы классификации языков, диалектов (генеалогическая, ареально-типологическая, структурно-типологическая, квантитативная). Одновременно следует признать, что из двух типов классификаций языка — генеалогической и типологической — для этнолингвистики большее значение имеет первая из них.

Применение результатов типологии языков затруднено тем, что многие структурные языковые особенности встречаются в разных языках; не всегда ясно, какой тип языка, его особенностей следует считать хронологически более ранним: сами типы языка порой довольно сложно проецируются в то или иное историческое время и пространство. Типология языков обретает полную историческую силу, когда она подходит к доказательству родства языков. Отвлекаясь от споров о процессах выделения отдельных этносов и языков, отметим, что сегодня в мире насчитывается условно от 2500 до 5000 языков и около 3000 разных народов.

Пограничную сферу между языкознанием, этнографией и социологией представляет также вопрос о языке специальных работ по этнографии и социологии. В то же время для прикладной лингвистики сегодня это уже традиционная и богатая опытом и исследованиями проблема разработки и унификации терминов и терминосистем для той или иной отрасли знания, которая всегда решается совместно лингвистами и специалистами той или иной области знания.

Главная сфера взаимодействия лингвистики, этнографии и социологии лежит, однако, не столько в сопоставлении самих матери-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

алов и фактов этих наук, сколько в выработке новых комплексных методов, направленных на решение традиционных проблем, которые пока при старых подходах решить не удается.

Этнолингвистику нельзя рассматривать только как историко-этнографический или социологический комментарий к явлениям языка, как фон для более полного описания лингвистических явлений.

Специфика этнолингвистики не в типе материала, не в привлечении тех или иных уровней языка, а в методах решения проблем, возникающих в различных гуманитарных областях, и в этих целях могут использоваться любые языковые факты.

Покажем разницу между языкознанием и этнолингвистикой на следующем примере. Человек, индивид, носитель языка, является объектом и лингвистики, и этнографии, и социологии.

Если лингвист изучает индивида как носителя устной речи, то он, конечно, должен учесть такие внешние, внелингвистические факторы, как:

— место проживания этого человека (деревня, город, тип города с позиции урбанологии);

— социальное положение (крестьянин, рабочий на заводах, шахтах, транспорте, служащий — в какой сфере общественной жизни он занят и т. д.);

— узкая профессия;

— место рождения;

— возраст;

— национальный родной язык, второй язык, является ли он билингвом;

— образование;

— наиболее типичные речевые ситуации, речевые акты и социальные роли, в которых выступает этот индивид (член семьи; руководитель учреждения, должность; покупатель, продавец, общительный друг и т. п.).

Но при всем при этом главный объект лингвиста — речь индивида как таковая, элементы языка, фонемы (звуки), морфемы (суффиксы, приставки, окончания), склонение, спряжение, типы слов и предложений, их смысл, значение и употребление, то, как они, эти языковые единицы, реализуются в разных ситуациях и речевых актах.

На заключительном этапе лингвист определяет тип языковой системы и языковое состояние (диалект, региолект, профессио-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нальные наддиалектные типы, литературная, разговорная речь и т. д.), к которому относится речь этого индивида (группы индивидов).

Для этнолингвиста главное — другое: каково языковое сознание индивида, как, где и когда он употребляет этот язык, свидетельствует ли его речь, его язык о принадлежности к той или иной этнической или социальной группе, выделяет ли речь его как индивида по месту рождения, образованию, возрасту, и главное — его модальное отношение к языку в разных типах речевых ситуаций, является ли для него язык символом в общественной, политической и культурной жизни и т. д. В этнолингвистике объект не единица языка, а *человек,* индивид, его поступки и действия *в его отношении к языку и через язык.*

Среди различных направлений языкознания этнолингвистика ближе всего стоит к современному прикладному языкознанию. Перед этнолингвистикой, как и перед прикладными науками, постоянно встают все новые и новые виды конкретных практических задач. Сегодня никто не может предсказать всех типов задач, которые могут встать перед этнолингвистикой в будущем.

Специфика этнолингвистики проявляется в том, что при появлении новых и порой неожиданных проблем именно она может предложить наиболее эффективные подходы и методы решения таких задач.

Источники этнолингвистики. Существенное значение для перспектив этнолингвистики имеют обобщение опыта и интерпретация материалов, накопленных в лучших этнографических, археологических, этнолингвистических и чисто диалектологических атласах. Здесь следует отметить прежде всего *Немецкий лексический атлас* В. Мицки, *Лингвоэтнографический атлас Италии и Швейцарии,* целую серию новых региональных этнолингвистических атласов Франции, *Диалектологический атлас русского языка, Диалектологический атлас белорусского языка, Атлас украинского языка,* а также *Малый атлас польских говоров, Лексический атлас Московской области* В. Войтенко, *Ярославской области* Г. Мельниченко, *Атлас Закарпатья* И. Дзендзелевского.

Лингвистические атласы и отдельные карты разных типов (общенациональные, региональные, тематические) покрывают в той или иной степени всю Европу от Бретани и Испании до озера Селигер, Подмосковья, Восточной Украины и Поволжья. При наличии довольно большого числа карт расселения отдельных народов

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

(карта народов мира, карта народов СССР, этнографическая карта Сибири и др.) подлинных этнографических атласов народной культуры пока гораздо меньше. Назовем среди них капитальный историко-этнографический атлас *Русские* (1967), *Атлас немецкой народной культуры* (1937–1939; 1959–1962), *Польский этнографический атлас, Этнографический атлас финской народной культуры* (1976), *Этнографический атлас Югославии* (1989), *Историко-этнографический атлас Прибалтики* (1986), обобщающую библиографию лингвистических и частично этнографических атласов [Мельникова, Сухачев, 1971; Сухачев, 1984].

Из круга других филологических источников важнейшими для этнолингвистики являются словари, в особенности словари диалектные, этимологические и словари разговорной речи.

Любой диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа. Народная лексика позволяет глубже, полнее и, главное, более детально проникнуть в историю народной культуры, в происхождение отдельных слов, в описание самих реалий и предметов (см. подробнее в лекции 5).

В языкознании особо выделяется тип современных диалектных словарей полного типа таких, как, например, *Псковский областной словарь, Акичмский словарь*. Такие словари содержат не только специфические местные слова, отсутствующие в литературном языке, но и всю лексику, которая находится в активном современном употреблении. Такие словари, построенные на большом иллюстративном материале записей народной речи, разговоров, являются крайне ценными источниками для изучения современных социолингвистических процессов, типов речевых ситуаций, отношения носителей языка к объективной действительности, к своему языку, к речи соседей, к самим соседям, к другим народам, для моделирования системы народного мышления.

Любопытными и оригинальными источниками о мере и степени межэтнической, потенциально межъязыковой интерференции являются, с одной стороны, средневековые писцовые книга, содержащие имена людей, населявших отдельные города, районы, села, а с другой — современные телефонные и адресные книга городов, ярко показывающие долю разноэтничных фамилий в общем ономастиконе.

Наконец, исключительно важными источниками являются сами

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

тексты. С одной стороны, тексты записей народной речи позволяют более полно и детально восстановить историю обрядов, профессионально-производственной деятельности (гончарство, ткачество, пахота, косьба). С другой стороны, тексты, в том числе и тексты на литературном языке, анализ их лексики, позволяют очертить социальный тип и облик народа, дать портрет различных социальных групп, политических партий, общественных движений и их лидеров[4].

Ниже в книге литература и методы этнолингвистики рассматриваются по отдельным главам в зависимости от конкретных направлений. Там же даются, по необходимости, основные сведения по истории той или иной проблемы.

В пособии затрагиваются преимущественно методологические аспекты этнолингвистики, равно применимые к разным ее направлениям, и не рассматриваются специально, например, такие частные вопросы, как этнолингвистика и фольклор, этнолингвистика и топонимика, этнолингвистика и антропонимика, этнолингвистика в ее отношении к разным формам проявления культуры, к видам реалий, к занятиям (утварь, земледелие, рыболовство, охота, жилище, домашний быт и т. д.), этнолингвистика и духовная культура (мифология, обряды, поверья, народные праздники, игры, танцы). Все эти проблемы представляют собой уже отдельные самостоятельные частные направления этнолингвистики, которые должны рассматриваться в непосредственной связи со специфическими источниками и конкретными материалами того или иного типа. В этом отношении не менее важную часть учебника составляет его вторая часть — **хрестоматия.**

В приложении помещены фрагменты законов о языке.

Nota bene. Перед Вами не книга по языкознанию; одновременно предлагаемую книгу нельзя рассматривать как учебник по основам этнографии или социологии.

Курс лекций предполагает определенный уровень лингвистических знаний в объеме курса «Введение в языкознание». Знакомство с такими понятиями, как *язык, речь, синхрония, диахрония, сравнительно-исторический метод, типологический метод, происхождение языка, классификация языков мира, лингвистическая*

[4]Подробнее об использовании разных типов источников см. ниже в отдельных главах.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

география, диалект, диалектология, языковой союз, интерференция, типы словарей.

В курсе лекций не рассматриваются методы этнометодологии, поскольку в целом они относятся к современной теории когнитивной и интерпретационной семантики, к теории связного текста, дискурса.

В целях большей простоты и ясности изложения некоторые основные принципы системного анализа и моделирования повторяются каждый раз применительно к специфике отдельных понятий, анализируемых в разных главах.

Подбор рекомендуемой литературы всегда представляет непростую задачу, поскольку это должны быть основные наиболее обобщающие работы, по возможности доступные студенту. Этим и вызваны значительные ограничения, накладываемые на список литературы, рекомендуемой в отдельных главах.

Никакой учебник не может заменить лекций и живого общения преподавателя со своими студентами. Каждому преподавателю, лектору предстоит самому по-новому, творчески подойти к этому изданию, что-то опустить, что-то дополнить, уточнить, переработать, с чем-то не согласиться.

В 1995 г. была опубликована книга автора данного курса «Введение в этнолингвистику», в которой кратко излагались основы этнолингвистики. За это время появились две интересные и содержательные книги М. М. Копыленко «Основы этнолингвистики» и Н. Б. Мечковской «Социальная лингвистика», которые автор настоятельно рекомендует в качестве обязательной литературы по курсу.

Книга выросла из ежегодного в течение ряда последних лет чтения лекций и курсов по этнолингвистике, по теории этногенеза на историческом факультете и факультете социологии Петербургского университета, ну и, конечно, из индивидуальных исследований автора и прежде всего его коллег — историков, археологов, этнографов[5].

Благодарю А. А. Жукова за внимательное критическое и доброжелательное прочтение рукописи и И. Б. Братуся за коррективы по тексту.

[5]Ниже понятия *этнос* и *народ, этнография* и *этнология, языкознание, языковедение, лингвистика* рассматриваются как синонимы.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Рекомендуемая литература

Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

Арутюнов С. А. Этнические процессы и язык // Расы и народы. 1985. №15.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.

Белл Р. Г. Социолингвистика. М., 1980.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.

Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.

Государственные и титульные языки России / Гл. ред. В. П. Нерознак. М., 2002.

Гринкова Н. П. Этнография и диалектология // Тр. Второго Всесоюз. геогр. съезда. Т. 3. М., 1949.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1980.

Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. Ч. II. М., 1956; Ч. II. М., 1965.

Звегинцев В. А. О предмете социолингвистики // Изв. АН СССР. 1976. Сер. лит. и яз. Т. 35. №4.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

История советского языкознания: Хрестоматия. М., 1988. Раздел 2.

Кабакова Г. И. Французская этнолингвистика: Проблематика и методология // Вопросы языкознания. 1993. №6.

Копыленко М. М. Основы этнолингвистики. Алматы, 1995.

Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Очерки истории языка. Л., 1960.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мослов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1987.

Мельникова Т. Н., Сухачев Н. Л. Лингвистические и этнографические атласы и карты. Л., 1971.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Мечковская Н. Б., Плотников Б. А., Супрун А. Е. Общее языкознание: Сущность и история языка. Минск, 1993.

Народы России: Энциклопедия. М., 1994.

Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1985.

Никонов В. А. Личное имя — социальный язык // Советская этнография. 1967. №5.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Общее языкознание: Хрестоматия. Минск, 1976.

Попов А. И. Географические названия: Введение в топонимику. М.; Л., 1965.

Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955.

Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.

Семиотика / Под. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1: (А-Г). М., 1995.

Сорокин Ю. А., Морковина И. Ю. и др. Этнопсихология. М., 1988.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Социолингвистика // Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975.

Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Социология: Словарь-справочник. Т. 1–4. М., 1990–1991.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Сухачев Н. Л. Лингвистические атласы. Л., 1984.

Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР. 1982. Сер. лит. и яз. Т. 41. № 5.

Фольклор и этнография / Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1970.

Хроленко А. Т. Этнолингвистика. Славянск-на-Кубани, 2000.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. М., 1986.

Шахматов А. Л. Русская историческая диалектология. СПб., 1911.

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.

Этническое и языковое самосознание. М., 1995.

Этнолингвистика // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

Этнолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Этнолингвистика // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976.

Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора / Под ред. В. Иванова. Вып. 1, 2. М., 1988.

Этнонимы / Под ред. В. А. Никонова. М., 1970.

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

Языки народов России. Красная книга / Под ред. В. П. Нерознака. М., 2002.

Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. Т. 1–3. М., 1997.

Атласы

Атлас народов мира. М., 1964.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki, 1997.

Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.

Дзендзелівський И. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Ужгород, 1958–1960.

Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. М., 1986; Вып. 2. 1989.

Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Вильнюс, 1985; Рига, 1986.

Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.

Atlas der deutschen Volkskunde. Bd 1–3. Marburg, 1959–1962.

Atlas linguistique et ethnographique de l'Alsace / E. Beyer, R. Matzen. Paris, 1969.

Deutscher Wortadas / W. Mitzka etc. Bd 1–22. Giessen, 1951–1980.

Etnološki atlas Jugoslavije. Vyp. 1–4. Zagreb, 1989.

Mały atłas gwar polskich. Wrocław; Kraków, 1957–1970.

Polski atłas etnographiczny. T. 1–4. Warszawa; Wrocław, 1958–1971.

Sammela M. Suomen perinne atlas. Helsinki, 1994.

Suomen kansakultturin kartasto. T. 1–5. Helsinki, 1976.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 2

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ СОСТОЯНИЙ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Для этнографии и социологии весьма существенны достижения современной лингвистики в области анализа общественных функций языка, выявления и описания разных форм языковых состояний.

Различные виды языковых состояний делятся на формы устной и письменной речи.

В рамках устной речи выделяются:

— диалект;
— наречие;
— диалектная зона;
— говор;
— регионолект;
— профессиональная диалектная речь;
— арго;
— профессиональная речь города;
— групповые жаргоны;
— литературная разговорная речь;
— литературная официальная речь.

Среди письменных форм языковых состояний выделяются:

— язык художественной литературы;
— язык фольклора;
— язык публицистики (язык газет, журналов, радио, телевидения);
— язык науки;
— язык официально-деловых документов;
— язык реклам и объявлений;
— эпистолярный язык;
— конфессиональный язык.

Взятые вместе разные формы языковых состояний образуют национальный язык. Определяющими компонентами национального языка являются литературная разговорная речь, язык художественной литературы, науки, публицистики, деловой язык.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Наличие или отсутствие на той или иной государственной, административной территории в ареале распространения языка, этноса или в отдельной социальной группе разных типов языковых состояний, характер их функционирования составляют языковую ситуацию. Характер языковых ситуаций тесно связан с типами коммуникации в обществе.

Межличностное, социальное общение, как правило, осуществляется при помощи естественного языка, хотя существуют и такие средства, как искусственные языки, жесты, мимика, игры.

С точки зрения проблем передачи информации выделяют так называемое коммуникативное пространство, в котором каждый индивид в разных ситуациях выступает в той или иной социальной роли (на работе, в магазине, дома, в гостях). Коммуникативное пространство делится на коммуникативные сферы, такие как сфера частного профессионального общения, частного неофициального общения, официального публичного общения. Коммуникативные сферы делятся на коммуникативные ситуации в зависимости от обстановки, темы. Различаются индивидуальные и массовые коммуникации; при массовых коммуникациях доминирующую роль начинает играть не отдельный индивид, а коллектив, система.

Языковая ситуация — разновидность формы существования языка, типа языкового состояния. Например, может быть ситуация двуязычная и многоязычная, бытовая или официального общения.

Если внутренняя структура и закономерности функционирования и эволюции языка в той или иной языковой ситуации составляют предмет языкознания, то в задачи этнолингвистики входит анализ корреляции между разными видами языковых состояний и этносами, социальными группами в обществе. Например, с одной стороны, существуют этносы (русские, англичане, французы и др.), обладающие полным набором перечисленных выше типов языковых состояний. С другой стороны, в мире немало этносов, не имеющих письменной формы языка, но обладающих развитой системой диалектов, профессиональной речи.

Рассмотрим подробнее отмеченные выше типы языковых состояний. Остановимся сначала на формах устно-речевого общения.

Устно-речевые типы языковых состояний. Как известно, язык нам дан во времени и в пространстве. Во времени — начиная с эпохи древнейших диалектов и до наших дней; в пространстве — в самых разных формах спонтанной разговорной речи в деревнях, селах и городах.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Например, становлению всех современных славянских языков на рубеже нашей эры предшествовала эпоха древнейших праславянских диалектов, формированию отдельных прибалтийско-финских языков (финский, эстонский, карельский, вепсский, ижорский, ливский) — эпоха общего прибалтийско-финского языкового состояния.

Диалект — это разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью[1].

Территориальный диалект — разновидность языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными географически, территориально. Территориальный диалект — это прежде всего язык крестьянского сельского населения и одновременно социальный диалект. Именно понятие территориального диалекта чаще всего используется в работах этнографов.

Границы между близкородственными языками и их диалектами неотчетливы. Например, между Белоруссией и Россией, Белоруссией и Украиной нет такой реки, такого озера или поля, где можно было бы остановиться и сказать, что на этом берегу или поле кончаются русские или украинские диалекты, а на другом сразу же начинаются белорусские.

С позиции лингвистической географии выделяются также так называемые островные диалекты, говоры. Например, говор района г. Чухлома в Кировской области — южно-русский остров в северном окружении. Таковы, например, венгры в Закарпатье, Словакии, эстонцы в Сибири, русские старожилы — «семейские» — в степных районах Бурятии; на озере Иссык-Куль. Население таких районов, как правило, двуязычно. В отдельных странах различия между диалектами приближаются к разнице между языками. Таковы, например, многие диалекты Китая. Напротив, различия между отдельными государственными языками по числу и типу признаков могут оказаться меньше, чем различия между диалектами. Таковы языки русский и белорусский, чешский и словацкий. Иногда эта граница проявляется ярче, как, например, между украинским и русским языками в Курской и Белгородской областях.

Территориальный диалект как признак нередко может служить параметром выделения отдельных групп этноса. Есть немало случаев, когда диалект как группа говоров хорошо коррелирует имен-

[1] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 132.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

но с понятием субэтноса или других этнических объединений. Например, только в пределах Севера России поморские диалекты полностью соответствуют поморам Белого моря, заонежский диалект — заонежанам, ядро псковских говоров — скобарям, осташковские диалекты на озере Селигер — осташам.

Говоря о положении и эволюции диалектов нельзя не учитывать также и то, что на территориях позднего распространения языка диалекты оказываются в иных условиях, чем на территории старого коренного заселения. В районах позднего заселения они обычно тесно соприкасаются с разными языками. Таково, например, положение русских диалектов в Заволжье, Сибири, в Средней Азии. Здесь рядом с русским населением живут представители других национальностей, что не может не сказаться на судьбе русских говоров. В таких условиях диалекты развиваются в условиях постоянного межъязыкового контактирования.

Наречие объединяет группу близких диалектов. Понятие наречия хорошо соотносится с некоторыми историческими мезаэтническими группами. Так, например, севернорусское наречие полностью коррелирует с понятием «севернорусы», южнорусское — с понятием «южнорусы». Не случайно Д. К. Зеленин писал: «С полным правом можно говорить о двух русских народах севернорусском ... и южнорусском». Но, как справедливо отмечает К. В. Чистов, для признания той или иной группы этносом решающим является наличие самосознания. Однако ни у севернорусов, ни у южнорусов такого особого самосознания нет.

В любом случае понятие наречия может использоваться в качестве дополнительного этнического маркера для выделения этнических групп соответствующего уровня.

Территориальный говор — самая мелкая ареальная разновидность языка. Это понятие в лингвистическом плане может служить достаточно надежным коррелятом при выделении микроэтнических объединений в рамках ареального микроузла, отдельного населенного пункта, группы семей. Именно отношение к своему говору, к говору соседей (семья, деревня), хорошо прослеживаемое во множестве полевых записей диалектной речи, весьма ярко высвечивает осознание себя в отличие от соседей, от сопредельных групп населения и опознания соседей именно по мелким особенностям речи. Обширный цитатный материал, позволяющий из первых рук увидеть, как представители того или иного этноса (субэтноса) относятся к объективной действительности, к себе, к соседям,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

содержится в диалектных словарях и картотеках лексики разных языков и диалектов, которые должны со временем стать одним из основных источников и собственно этнографических исследований. Сколь тонко и остро ощущают местные жители даже малейшие отклонения от своего родного диалекта, свидетельствуют примеры записей, сделанные в 70–80-е годы XX в.

Из записей, сделанных в деревне Большой Сабек на р. Луге в Ленинградской области о речи своих соседей (за р. Лугой), жителей вокруг озера Самро́ (записи Н. В. Богдановой и Ю. Б. Смирнова):

«У нас называли подойни́к, у них рогови́к, у нас на-о говорят, у них на-а, да с прищелком; у нас сковоро́дник, а у них пяцальник; у нас кафтан, у них свитёнок. Другого языка там не было; самряки, да и всё, говорили ни впута ни в ягута, а прямо тороцма, то ись ни влево, ни вправо».

Из записей, сделанных от русских в Карелии, в Заонежье:

«Там лесные деревни, там и разговор не такой — "Лей пятух на полицы доубит" — ето ля́пают так.

По-карельски (как по-русски в Карелии) говорю, всё ля́паю с вами. Там всё "Ня по́йду, ня хо́чу ля́пают так"».

Из записей в восточном Обонежье, около г. Пудожа:

«Заоне́женка опеть приехала, ишь говор-то какой».

Из записей на Крайнем Севере на Терском берегу Белого моря:

«Кашкараны (жители деревни Ка́шкаранцы) да варзужаны (жители Ва́рзуги) шокали "Шо, ишшо́; вот ишшо́ беда"».

Приведем цитаты, записанные в Псковской области:

«А там за Порховым живут "ти-ти-ти типловато, ти-ти-ти морсковато", те тикуны, скобари, а мы здесь "на о"» (Дновский район Псковской области). «Яны так не прицокивают, мы их поляка́ми зовем, наречие у них совсем другое» (Великолукский район Псковской области).

В сельской местности в разных странах в наши дни все шире распространяются смешанные формы диалектной речи, на диалект оказывают сильное влияние язык города, литературный язык. При этом для многих современных носителей диалектов в качестве престижной, образцовой формы выступает язык города вне зависимости от стилей и соответствия норме литературного языка. И хотя речь новых горожан, особенно в лице родственников, недавно покинувших деревню, далека от нормы литературного языка, как

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

небо от земли, их язык в сознании жителей деревни выступает как язык горожан, язык города, которому и надо подражать.

В некоторых странах, в том числе, например, и в России на Урале, искони многие люди постоянно живут в деревне, селе, ведут активное приусадебное животноводство, огородничество, а работают где-нибудь неподалеку в шахтах, рудниках, на заводах. Это весьма своеобразные группы населения, которые принадлежат уже к рабочим. Такие группы часто встречаются в странах Африки. Наконец, в современной деревне рядом живут и местные учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства. Язык всех этих групп людей трудно отнести уже к классическим крестьянским диалектам. Так возникает регионолект.

Регионолект — это особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой, — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Регионолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и поселки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса. На регионолекты в ареальном плане членятся языки многих современных крупных этносов. Носителями регионолектов нередко являются местные по происхождению сельские учителя, врачи, агрономы, работники клубов.

Например, почти все севернорусы, жители городов северной России, а также представители других народов Русского Севера и Северо-Запада в процессе устно-речевой коммуникации пользуются двумя регионолектами русского языка — собственно севернорусским и северо-западным. Для последнего характерно употребление в речи жителей городов форм типа *ён, ёна уехавши, ушёдцы, был у сестрé, горазд устал* и т. п. Первый охватывает обширную территорию к северу от Твери, Ярославля, Череповца, второй — территорию к северо-западу от Москвы (Тверская, Псковская, Новгородская, Ленинградская, Мурманская области, Карелия).

Таким образом, на смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в регионолекты.

Выделение регионолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной фор-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

мой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории.

Профессиональные языки и диалект. Наконец, в пределах и внутри тех или иных диалектов, наречий региолектов функционируют, с одной стороны, открытые подсистемы профессиональных языков (речь рыбаков, охотников, гончаров, шерстобитов), а с другой — закрытые (профессиональные арго). Например, и сегодня по особенностям речи выделяются группы рыбаков Псковско-Чудского озера, Белого озера, Волги, озера Селигер. Характерно, что как раз в лексике рыбаков озерных областей много общего. И в этом отношении разные типы профессиональных языков могут выделять особые группы коллективов, индивидов, которые оказываются более широкими и общими, чем группы диалектные. Такие профессиональные типы языка как бы накладываются на диалекты и в чем-то перекрывают их. Например, в речи рыбаков Русского Северо-Запада и Поволжья много общего, хотя крестьянские диалекты этих ареалов весьма различны.

Открытые подсистемы представляют собой фрагменты системы диалекта, обычно достаточно хорошо известные многим его носителям. Они пользуются престижем, уважением, проявляемым в речи женщин, подростков.

Напротив, арго-условные языки ремесленников и торговцев — это тайные языки, закрытые системы, основная функция которых конспирация, сокрытие темы разговора. Таковы, например, арго торговцев Торопца, Осташкова в Средней России.

Профессиональные языки представляют собой языковые состояния, переходные от собственно диалектных типов к типам наддиалектным. Наддиалектные формы устной речи — это типы, не имеющие уже территориальной закрепленности, распространенные преимущественно в городах и поселках городского типа и рассматриваемые обычно уже как язык города.

В языке любого современного города можно выделить следующие типы устно-речевого общения: обиходно-бытовая речь (в семье, в кругу друзей, знакомых), речь профессионально-производственного общения (жаргоны, официальная устная речь).

Сложность функционирования этих типов заключается в том, что с точки зрения собственно лингвистической все они располагаются между двумя полюсами — просторечием и литературной разговорной речью.

Русское просторечие выделяется как устная ненормирован-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ная социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка. Это, например, случаи, когда вокруг нас говорят: *ра́дива, колидо́р, хо́чем, ты хоти́шь? хо́чут, туды́, полукли́ника, спинжа́к, средства́, була́хтер, витина́р, матеря́.*

В лингвистике описано просторечие, определены состав и социальный круг его носителей (см.: Хрестоматия. С. 325 и сл.). Для просторечия крайне важны отнесенность к ситуации, степень подготовленности. число говорящих, тема разговора, беседы. С точки зрения социолингвистической эти типы речи соотносятся с различными диалектами, представленными в том или ином городе. В отличие от собственно диалектов (территориальных) такие городские диалекты условно принято называть социальными.

С точки зрения этнолингвистической просторечие может служить маркером, признаком выделения отдельных, прежде всего социальных и, реже, профессиональных групп в обществе, например, таких, как жители города, недавно переехавшие из деревни в город, лица старшего поколения, исторически связанные с деревней, селом. Просторечие не престижно, в городе часто подвергается негативной оценке, осмеянию со стороны молодежи.

В то же время просторечие многих, в особенности небольших городов, может быть вписано в более широкую сферу регионолекта того или иного типа. Тогда к собственно просторечию будут относиться только такие типовые общеязыковые формы, как *спинжак, булахтер, витинар.* Регионолектность пронизывает просторечие и, в свою очередь, общерусское просторечие — часть любого регионолекта.

Значительный интерес для этнолингвистики представляет также то, какие диалектные особенности, какого диалекта (субэтноса) более всего ощущаются в разговорной речи города. Так, например, известно, что в речи многих жителей Петербурга более всего проявляются особенности псковских, новгородских и вологодских диалектов, в речи Архангельска — архангельских поморов Белого моря. Подробные данные в широком контексте позволяют более тонко анализировать вопросы этнической истории города, ареала.

Устная профессиональная речь в городе (профессиональные городские диалекты) выделяется так же, как в территориальных диалектах. Это речь людей, связанных одной профессией, одним родом занятий, интересов, речь специалистов или узких знатоков в той или иной области знания: речь врачей, преподавателей, летчиков, рабочих разных профессий на фабриках и

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

заводах, шоферов автомобилей, спортсменов и поклонников того или иного вида спорта, рыболовов, филателистов, профессиональных политиков и т. д. Во всех современных профессиональных диалектах сегодня чувствуется влияние стандартного языка науки и техники. Такие профессиональные диалекты особо выделяются названиями материалов, орудий производства, глаголами производственных процессов. Так, например, в языке горняков *коза* 'вагонетка', *чайник* 'пневматический насос', *баран* 'вид машины'; в языке студентов и преподавателей вузов *окно* 'разрыв в часах занятий', *автомат* 'вид зачета', *нагрузка* 'объем педагогических поручений', *сачковать* 'пропускать занятия', *расчасовка* 'распределение часов по дисциплинам'.

В устной профессиональной речи одних и тех же групп специалистов разных областей и городов много общих черт. Таким образом, устная профессиональная речь — важный критерий и показатель для выделения в обществе разных групп индивидов по их профессии, роду занятий, интересам, в том числе и по интересам, не связанным с работой (хобби).

Групповые жаргоны — это речь индивидов и групп индивидов, образующих прежде всего разные относительно замкнутые социальные группы. Например, жаргон воров и тюремно-лагерный жаргон, жаргон мафии, молодежный жаргон, жаргон проституток.

Групповые жаргоны — это одна из форм самоорганизации и существования самих групп, их противостояния окружающей среде, обществу. Основная задача группового жаргона — скрыть, утаить содержание высказывания от окружающих, «непосвященных». Многие носители групповых жаргонов (воровских, молодежных, мафии) неплохо владеют и литературной формой речи.

Примеры жаргонных слов: *боковик* 'соучастник преступления', *келить* 'болтать', *журавль* 'друг, приятель', *чеграш* 'мелкий вор'.

Со временем многие жаргонные слова и выражения проникают в общегородское просторечие (например, *тусоваться, туфта, кайф)*. Групповые жаргоны как тип языковых состояний позволяют выделять различные группы лиц, занимающих самое разное положение в социальной структуре общества. В принципе групповые социальные жаргоны близки к профессиональным городским диалектам.

Разные виды жаргонов хорошо изучены лингвистически. Им посвящена большая литература, составлены сотни словарей. Приве-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

дем здесь примеры только некоторых из капитальных словарей русской жаргонной лексики[2].

Литературная разговорная речь. У разных людей сильно различается степень владения литературным языком. Устная литературная речь имеет свою норму как идеал, но в то же время литературная речь отличается большой вариантностью. Например, даже писатели — выходцы из южной России говорят на γ (г фрикативное) вместо г (г взрывное): hъlavá hórъd, севернорусская интеллигенция говорит на о: golová vorótъ при норме gъlavá, vьrótъ.

Даже в официальной речи лекторов, профессоров, учителей, писателей, художников встречается множество фонетических и акцентологических отклонений. В пределах единой литературной речи возможны разные варианты и допустимые отклонения от нормы.

Таким образом, современная диалектология — это наука, отнюдь, не только о крестьянских диалектах, хотя во многом и прежде всего о них, но также и о всех формах и видах функционирования спонтанной речи. А это и традиционные крестьянские диалекты, и речь современного города во всем ее разнообразии. Диалектолог — это тот, кто собирает и изучает разные виды свободной неподготовленной спонтанной речи.

Именно в исследовании проблем этнографии современного города наиболее тесно переплетаются этнография, лингвистика, социология и психология.

Письменные типы языковых состояний. Литературный язык является высшим типом языкового развития. Основные виды литературного языка реализуются в письменной форме. Это *язык художественной литературы, язык фольклора, язык публицистики, язык науки и техники, язык официально-делового общения, конфессиональный язык.* В степени распространения и общепризнанности литературного языка проявляется степень этнической консолидации народа.

Литературный язык, и в особенности письменный литературный язык, не обязательно охватывает весь этнос. Целые группы населения по многим причинам могут не владеть письменным литературным языком. Это и безграмотные, и носители просторечия, диалектов, и просто лица, не получившие необходимого образова-

[2] *Балдаев Д., Белко В., Исупов И.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992; *Грачев М. А.* Язык из мрака: Блатная музыка и феня. Нижний Новгород, 1992; *Рожанский Ф. И.* Сленг хиппи. СПб., 1992; *Фаин А., Лурье В.* Материалы к словарю молодежного сленга. СПб., 1991.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ния. При этом сама степень этого владения может быть весьма различной: можно уметь читать газету, но можно читать и чувствовать разнообразную художественную литературу (прозу, поэзию), можно грамотно писать письма, заявления, но можно на этом языке создавать и художественные или научные произведения. Таким образом, разное владение письменным литературным языком всегда предполагает тот или иной необходимый уровень образования и эрудиции. Разумеется, само распределение аспектов и параметров владения литературным языком по социальным группам одного этноса и по разным этносам будет весьма различным.

Исторически литературный язык может быть и неродным, привнесенным извне — ситуация достаточно типичная для стран Азии. Чужой язык исторически нередко доминирует в высших сферах общения (литература, искусство, наука). Таковы, например, классический арабский язык у иранцев, древнеармянский грабар у армян, церковнославянский у южных и восточных славян в XI–XVIII вв. Таким исторически был некогда и латинский язык у романских, германских народов и частично у западных славян.

Литературный язык может иметь свои варианты. Так, ретороманский язык в кантоне Граубюнден в Швейцарии существует в шести литературных вариантах. Учебники для школы здесь созданы на всех шести вариантах, но, кроме того, обучение ведется в школе на немецком и на итальянском. В Албании существуют два варианта албанского литературного языка; особую роль играет говор Тираны. Галисийский язык в Испании имеет свою старую литературу, но в самой Испании находится юридически на положении особого диалекта по отношению к официальному языку — испанскому.

Провансальский язык во Франции имеет также старую богатую литературу, более чем столетний опыт борьбы за сохранение и развитие языка, а рядом функционирует официальный французский язык. Мощные литературные языки, такие как испанский, французский, итальянский, влияют на местные литературные языки (галисийский, каталонский, провансальский). В ряде регионов особо выделяются крупные локальные варианты языка; таков испанский в странах Латинской Америки. В Канаде сегодня функционируют практически два равноправных варианта двух литературных языков — английского и французского.

Интересным и неизученным параметром оценки этноса является отношение к известному или уже малоизвестному старому литера-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

турному языку. Например, не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, Болгарии, Сербии, Молдавии в течение долгих столетий вплоть до середины XIX в. были весьма высоки авторитет и престиж церковнославянского языка; как образ и представление не забыт он и сегодня.

Представление о языке художественной литературы в обыденном непрофессиональном сознании обычно сливается с представлением о художественной литературе и о литературном языке.

В любом случае, если народ или хотя бы его часть осознает не только сам факт наличия своей художественной литературы, но и знает своих писателей, ощущает гордость за литературу, и она ассоциируется у него с понятием об «образцовом правильном языке», то все это не может не учитываться при рассмотрении различных вопросов, связанных с характеристикой того или иного этноса.

Например, вряд ли возможно отрицать, что такие имена, как Фонвизин, Крылов, Пушкин, Толстой, Чехов, в сознании почти любого русского сегодня связаны с широким кругом идей о величии русского народа, его истории, его духа, литературы и языка.

В современных условиях нередки случаи, когда писатели одной национальности пишут свои произведения на государственном языке другой нации. Таковы, например, Ч. Айтматов, Ч. Гусейнов, В. Быков, Ч. Амирэджиби, Ю. Рытхэу. В Индии выросла целая плеяда писателей, пишущих на английском языке. Классик бенгальской литературы Б. Чатгерджи написал свой первый роман по-английски. Многие видные писатели в странах Африки пишут на английском, французском, португальском языках, а нигерийский романист Воле Шойинка, пишущий на английском языке, удостоен Нобелевской премии 1986 г.

Для характеристики отдельных групп этноса в целом весьма существенно, какое место в сознании этноса занимают писатели, по происхождению связанные со своим народом, литература других народов, а также осознает ли этническая общность и в какой своей части своеобразие национального языка, гордость за него.

Специфика литературного языка в том, что он, функционируя преимущественно в письменной форме, как правило, является прежде всего языком приобщения к другой культуре, к мировой культуре в целом. Например, русский литературный язык, репрезентирующий не только великую русскую, но и мировую культуру, является источником приобщения к ней не только русских России, но практически всех других ее народов.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Подобные функции во многом выполняют английский и французский языки и в странах Азии и Африки.

Для возникновения литературного языка нужны определенные условия. Факторами, благоприятствующими возникновению литературного языка, являются: а) осознание носителями языка своего культурно-языкового, исторического, этнографического единства и определенной доли специфичности, противопоставленности своего языка другим языкам, диалектам; б) наличие религиозной и политической обособленности; в) наличие образованных, культурных представителей своего народа, которые могли бы заложить основы литературного творчества; г) наличие развитого фольклора и разных форм письменности предшествующих эпох и времени.

Язык фольклора — это особая разновидность литературного языка. Данный тип реализуется лишь в определенных стереотипных ситуациях. Генетически фольклор — устная наддиалектная форма, но мы его, как правило, воспринимаем уже через записи исследователей.

Фольклор отличается богатством жанров. Это и былины, и причитания, и песни, и легенды, и сказки, и загадки, и заговоры, и пословицы, и поговорки.

Именно фольклор во многом позволяет глубже других источников проникнуть в духовный мир народа, в мир его образов и представлений. И здесь большое значение имеет вскрытие внутреннего смысла, глубинной семантики слов, связанных с тем или иным предметом, обрядом, поверием.

Так, например, с образом аиста, по данным Н. И. Толстого, у славянских народов связаны представления о человеке, превращенном в птицу, об урожае, о плодородии земли, о стихии ветра и воды, о силе, изгоняющей вредных насекомых, о птице, которая защищает человека от молнии; немало обрядов связано у славянских и финно-угорских народов с баней.

Вскрытие глубинного значения слова, термина, его внутренней семантики невозможно без обращения к тексту на том или ином языке, оно предполагает обязательное знание этого языка, умение оперировать записями обрядовых и других фольклорных текстов, материалами словарей, картотек. Сюда примыкает использование фразеологии, пословиц и поговорок, которые нередко выступают как неотъемлемая часть обычной спонтанной разговорной речи[3].

[3]Каждый этнограф должен знать язык народа, изучению которого он себя посвятил.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Язык публицистики — это язык радио, телевидения, газет, журналов. Существенным аспектом корреляции язык — этнос является вопрос о том, обладает ли данный этнос стандартным языком публицистики. Какой это язык, родной или неродной, какие группы этноса этот язык охватывает, распространяется ли он на всю государственную, административную территорию или только на ее часть, сколько и каких языков публицистики функционирует на данной территории. Отсюда естественно вытекает проблема наличия или отсутствия на определенной территории газет, журналов, радио, телевидения на тех или иных языках. Например, в Финляндии официально функционируют два государственных языка — финский и шведский, и соответственно выходит немало газет, журналов не только на финском, но и на шведском языке; при этом массовая реализация шведской периодики, радио и телевидения имеет место преимущественно в западной Финляндии и на Аландских островах.

Язык науки — это язык научных докладов, статей специальных монографий, учебников, энциклопедий. Для этнолингвистики основной вопрос здесь — обладает ли данный этнос языком науки; какой это язык, какие группы этноса каким языком науки и в какой степени пользуются как в ситуациях создания письменного текста (статьи, монографии, учебника, энциклопедии), так и устного речевого общения (в вузах, в докладах на конференциях, семинарах). Например, в Польше латинский язык долгое время был официальным языком науки.

В большинстве республик экс-СССР научное общение в области точных и естественных наук, как правило, происходит на русском языке. В характере пользования специальными языками науки здесь могут быть большие различия в зависимости от отраслей знания, техники, образовательного уровня специалистов, их возраста, этнического состава научных коллективов, ситуаций (конференция, семинар, лекция в вузе, популярная лекция).

Именно отсутствие необходимых терминов, стройных терминологических систем тормозит внедрение национальных языков как языков преподавания в школе, вузе, развитие науки на национальном языке. Весьма актуальны эти проблемы и для стран и республик экс-СССР. Например, в Киргизии многие киргизские ученые, преподаватели, студенты технических вузов в разное время говорили о том, что им гораздо легче изложить свои научные мысли на русском языке, чем на киргизском.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Во всех отраслях науки и техники крайне не хватает терминов описания, словарей. Для кого, когда, где и какие терминологические словари создавать? Здесь важен учет адресата, сферы применения словаря. По-видимому, начинать надо со школы, с программ учебников в школе. Новое в языке закрепляется десятилетиями и поколениями.

Сюда же примыкает и учет языка обучения: какой язык используется, в каких школах, лицеях, гимназиях (городских, сельских, специальных), в каких классах, по каким предметам.

В целом проблема знания и пользования разными языками науки одна из актуальных для изучения современных этносов.

При характеристике этноса, ведущего активную и динамичную современную информационную деятельность, нельзя абстрагироваться и от такого параметра оценки, как наличие или отсутствие делового официального языка.

Официально-деловой язык — это язык законов, постановлений, указов, бланков, производственной документации на заводах, фабриках, в учреждениях, заявлений, отчетов. В конечном счете официально-деловой язык — это тот тип языка в виде различных бланков и форм, с которым сталкиваются ежедневно сотни представителей самых разных этнических групп во всех странах мира в различных фирмах, бюро, канцеляриях. Во многих странах официальный, деловой язык не является родным для представителей того или иного этноса. Так, языком делопроизводства для большинства народов Сибири служит либо русский, либо якутский. Английский и французский языки, функционирующие сегодня во многих странах Африки прежде всего в деловой сфере, развиваются на фоне множества местных языков и диалектов в каждой стране. Например, в Гане официальный язык — английский, а в соседних с ней странах (Буркина Фасо, Того) — французский.

Вопрос этот сегодня тем более актуален, что во многих республиках экс-СССР наблюдается тенденция к поспешному переводу всего делопроизводства на тот или иной национальный государственный язык. Как известно, тенденция эта вызывает разное отношение у различных этнических групп на той или иной государственной территории.

Язык рекламы и объявлений. Оригинальным параметром оценки развитого этноса является тип языка рекламы и объявлений в газетах, на улицах, по радио (какой используется язык — родной-неродной, государственный-местный), отношение к рекламе и к ее

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

языку, к штампам, клише. Например, в последнее время в Москве и Санкт-Петербурге широко распространились реклама и вывески на английском языке.

Приведем ниже в качестве примера отрывки из статьи петербургского журналиста С. Ненашева.

«Безобразная непонятность преобладает сегодня на наших улицах, — читаем в газете "Санкт-Петербургские ведомости" от 20 февраля 1996 г. — Шел недавно по Каменноостровскому проспекту. Взгляд машинально скользил по вывескам и рекламным щитам сплошь на английском языке. "Rifle" (джинсы фирмы "Райфл"), "Restaurant Imperial" (ресторан "Империал"), "Wrigley's chewing gum" (жевательная резинка "Риглиз")... И вдруг — словно щелчок в сознании — странное слово "Penka". Призвал на помощь весь свой "вокабуляр" (словарный запас) английского и французского. Такого слова не знаю. Прочитал снова — уже всю надпись над магазином. Слева и справа по-русски "Овощи" — "Фрукты". Посередине непонятное английское слово "Penka".

И лишь на третий раз осенило — да это же наша русская "Репка", только написанная несколько латинизированным, если можно так выразиться, шрифтом. Для тех, кто еще не понял, объясняю наглядно: "... бабка за дедку, внучка за бабку, Жучка и т. д. — вытянули репку". Славный и знакомый — как по жизни, так и по сказке — всякому русскому человеку овощ в окружении прочих иностранных вывесок оказался чем-то чуждым и далеким».

Конфессиональный язык — это язык церковной литературы и богослужения. До сих пор мало изучено место конфессионального языка в жизни этноса. Как известно, вся история европейских литературных языков XIV–XVII вв. пронизана идеей борьбы за внедрение народных языков в сферу конфессиональной жизни, за богослужение на родном языке. Ярким примером здесь является деятельность создателей словенского литературного языка Примуса Трубара и Юрия Далматина, протестантов, впервые переведших на словенский язык Библию.

Ватикан только в 1969 г. разрешил вести службу на местных языках. Церковь в Галисии в Испании прошла путь от латинского к билингвизму с галисийским и к испанскому (кастильскому). Крестьяне Галисии хотели слышать с амвона церкви не свой обиходно-бытовой галийский язык, а чужой, едва понятный, но зато авторитетный кастильский язык. В городах Галисии, напротив, галисийская интеллигенция с кафедры с удовольствием слушает галисийскую речь, а возвращаясь домой, говорит по-испански.

Какой язык используют те или иные представители этноса и социальных групп как язык конфессиональный, какова степень его распространенности, каково соответствие типа вероисповедания и языка — все эти вопросы не могут не интересовать и этнографию, и социологию, и этнолингвистику.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Таким образом, именно знание разных типов языковых состояний и форм существования языка позволяет более глубоко и всесторонне подходить к решению различных проблем этнолингвистики, таких как этногенез, язык и этническая история, духовная культура, народная мифология, история слов и история вещей, урбанизация и язык, язык и межнациональные отношения в современном мире.

Рекомендуемая литература

Аврорин В. А. Проблема изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.

Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования. М., 1967.

Возрождение культуры России: Язык и этнос. Вып. 3. СПб., 1995.

Городское просторечие / Под ред. Е.А.Земской, Д.Н.Шмелева. М., 1984.

Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984.

Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. I–II. М.; Л., 1955–1959.

Ерофеева Т. И. Современная городская речь. Пермь, 2004.

Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.

Закономерности развития языков народов СССР в советскую эпоху. Т. 1–4. М., 1969.

Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР. М., 1982.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Логинов К. К. Являются ли «заонежане» локальной группой русских? // Советская этнография. 1986. № 2.

Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972.

Плавскин З. И. Роль двуязычия в литературном творчестве: (На материале языков Пиренейского полуострова) // Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983.

Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуации в странах романской речи. М., 1976.

Тишков В. А. Англо-французское двуязычие в Канаде // Советская этнография. 1985. № 4.

Трубинский Б. И. Современные русские регионолекты // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991.

Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

Якубинский Л. П. Язык и его функционирование. М., 1986.

Ярцева В. Н. Развитие национального английского языка. М., 1969.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 3

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ И БИЛИНГВИЗМ КАК ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Все типы языковых состояний, проанализированные выше, могут осуществляться в ситуациях монолингвизма (одноязычия), билингвизма (двуязычия) или, реже, мультилингвизма (многоязычия), в зависимости от среды, возраста, уровня образования, профессии, места жительства индивидов.

Абсолютное большинство современных государств в той или иной мере заключают в себе разноэтничные элементы и характеризуются интерференцией языков и двуязычием (билингвизмом). Это могут быть как народы, проживающие на данной территории с глубокой древности (русские в Карелии), так и те, кто поселился здесь в более поздние эпохи (русские в Бурятии), а также переселенцы относительно недавнего времени (XIX–XX вв.), включая большое число иммигрантов (французы, англичане в России XIX в., русские на Балканах, во Франции после 1917 г., народы Юго-Восточной Азии в Нидерландах или Швеции, турки в современной Германии).

Тенденции к полиэтничности и многоязычию являются основными для всех современных государств.

Приведем примеры таких языковых ситуаций.

В Бельгии (население около 10 млн чел.) — нидерландский и французский официальные языки. Около 35 тыс. человек говорят на немецком языке.

В Швейцарии (население свыше 6 млн чел.) немецкий, французский, итальянский, ретороманский — официальные государственные языки. На ретороманском языке говорят около 50 тыс. человек.

В Испании (население свыше 37 млн чел.) государственный язык — испанский. Помимо этого, распространены: баскский — около 2 млн, каталонский — 7 млн, галисийский — 2 млн 400 тыс. человек, астурийский — 300 тыс. человек.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В Люксембурге свыше 360 тыс. человек говорят на официальном государственном люксембургском языке; официальная деловая литература — на французском и немецком языках.

В Нидерландах (Голландии) (население свыше 15 млн чел.) нидерландский официальный язык. На фризском языке во Фрисландии говорят около 400 тыс. человек; на фризском говорят также в Германии.

В Финляндии (население свыше 5 млн чел.) с 1919 г. официальные языки — финский и шведский; на саамском говорят 5700 человек.

Таким образом, отмеченные тенденции характерны для всех западноевропейских стран. К этому следует добавить, что во всех странах Западной Европы проживают миллионы иммигрантов из стран Азии и Африки.

В современной России насчитывается свыше 140 языков различных народов. Например, только в Дагестане сегодня имеем письменные языки: аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, табасаранский, ногайский, татский, русский и около 20 бесписьменных языков, например андийский, ботлихский, дидойский, рутульский, цахурский, будухский, хиналугский, агульский и др.

Таким образом, во всех странах, где есть разноэтничное население, мы встречаемся с ситуацией билингвизма, реже полилингвизма.

Билингвизм — это способность человека к употреблению двух языков в зависимости от ситуации, обстановки. Например, на работе, в официальной обстановке человек может пользоваться одним языком, а дома в семье, с друзьями говорить на другом. Для этнолингвистики важны именно не собственно внутриязыковые аспекты двуязычия, а те условия, обстоятельства, в которых оно протекает.

К проблеме билингвизма относится и вопрос о том, какой язык в какой ситуации преобладает — в семье, в магазинах, на работе и т. д. При этом очень часто важны темы беседы, круг участников диалога, в какой степени человек владеет вторым языком.

Следует отличать билингвизм от рождения, когда ребенок рос в смешанной семье или среде и с детства свободно владеет двумя языками. Например, если ребенок воспитывался в семье, где один из родителей является русским, а другой татарином или грузином и каждый из родителей часто говорит с ним на своем родном языке, то такой ребенок неизбежно с детства будет говорить и на языке

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

матери, и на языке отца (на языке своих бабушек и дедушек).

Другой, наиболее распространенный тип двуязычия — это территориальное двуязычие, которое возникает в результате межъязыковой интерференции у народов-соседей, проживающих рядом издавна. Например, русские, проживающие в Забайкалье, свободно говорят по-бурятски, а их соседи-буряты — по-русски.

Выделяется также социально обусловленное двуязычие, которое, скорее, можно было бы назвать прагматически обусловленным, социально вынужденным двуязычием. Таков билингвизм всех иммигрантов в разных странах мира. Без знания официального языка страны они не могут устроиться на работу, в особенности в сфере престижных или интеллектуальных профессий. Сюда же следует отнести необходимость овладения официальным языком во многих странах экс-СССР. В то же время следует сказать, что экзамен по языку для иностранцев или для лиц, не владеющих государственным языком, в качестве пропуска к должности, работе — явление достаточно широко распространенное в разных странах мира.

Особый тип социально обусловленного прагматического билингвизма представляет собой обретенное в процессе сознательного обучения и употребления языка двуязычие большей части интеллигенции (свободное владение английским, немецким и другими языками).

Совсем особое явление представляет собой научное и художественное двуязычие. Например, на белорусском, польском и латинском языках писали классики белорусской литературы XVI в. С. Будный, А. Рымша, в наши дни пишут: на украинском и русском — Б. Олейник, на белорусском и русском — В. Быков, на казахском и русском — О. Сулейменов, на аварском и русском — Э. Капиев, на азербайджанском и русском — М. Ибрагимбеков, на молдавском и русском — Й. Друце, на татарском и русском — Р. Кутуй, на нивхском и русском — В. Санги, на нанайском и русском — Г. Ходжер, на мансийском и русском — Ю. Шесталов. В Осетии на русском языке писал классик осетинской литературы Коста Хетагуров.

В ситуациях двуязычия не последнюю роль играет наличие в этой стране, на данной административной территории книг, газет, журналов, радио, телевидения, обучения в школе не только на государственном языке, но и на языках других национальных групп.

Важно знать, учитывать и изучать, какой язык используется в стране на дорожных знаках, на вывесках.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В ряде случаев билингвизм со временем приводит к бикультуре, т. е. к положению, когда человек постепенно начинает осознавать себя принадлежащим к другой культуре или и к одной культуре, и к другой. Например, носителями двух культур обычно являются дети и потомки иммигрантов. В третьем и четвертом поколениях они, как правило, переходят к монокультуре языка страны постоянного проживания. Вспомним здесь таких выдающихся деятелей русской культуры (потомков немцев), как Миллер (Мюллер) Герард Фридрих (Федор Иванович, 1705–1783) — историк и археограф, Эйлер Леонард (1707–1783) — математик, механик и физик, Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) — естествоиспытатель, химик, Рихман Георг Вильгельм (1711–1753) — физик, Паллас Петр Симон (1741– 1811) — естествоиспытатель и путешественник, Бэр Карл Эрнст (Карл Максимович) (1792–1876) — естествоиспытатель, Куник Эрнст Эдуард (Арист Аристович, 1814–1899) — историк, филолог, этнограф, нумизмат, Миддендорф Александр Теодор (Александр Федорович, 1815–1894) — зоолог, Грот Яков Карлович (1812–1893) — филолог-славист, Залеман Карл Густав Герман (Карл Германович, 1849–1916) — востоковед-иранист.

Конечно, процесс вживания, инкорпорации разных народов, индивидов и их групп в инонациональную среду не прост. Всегда во всех странах, и в особенности со второй половины XX в., он протекал и протекает весьма болезненно. Современные примеры можно привести, рассматривая любую европейскую страну.

С этнолингвистической точки зрения проблема заключается в том, что даже совершенное владение языком доминирующего или ареально-сопредельного этноса еще не решает проблемы слияния с этим этносом. По-видимому, основные этапы этого долгого пути — рост числа смешанных браков, билингвизм и бикультура, эволюция поколений.

Отмеченные выше тенденции характерны преимущественно для больших городов Америки, Азии и Европы. В целом этнолингвистическое состояние во всем мире имеет характер антиномии, в которой на одном полюсе — отмеченные выше тенденции, а на другом — большое число мест, где языки и этносы продолжают развиваться относительно изолированно, не подвергаясь межэтнической и межъязыковой интерференции.

С точки зрения системного анализа подобные процессы представляют собой примеры информационного взаимодействия систем открытого и закрытого типа. В конечном счете межэтнические и

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

межъязыковые контакты и интерференция ведут постепенно к выработке новых, каждый раз по-своему особых и неповторимых этнических и языковых черт и типов.

Язык-посредник. В каждой стране, в которой проживают сегодня два и более народа, говорящих на далеких друг от друга языках, как правило, возникает, развивается и функционирует тот или иной язык-посредник.

Язык-посредник — это обычно чужой язык (для одного из говорящих), используемый двумя или более национальными группами, индивидами в целях коммуникации.

Функцию языка-посредника могут выполнять не только живые языки, но и искусственные — типа эсперанто, и мертвые — наподобие санскрита.

Обычно народ предпочитает использовать в качестве языков-посредников уже сложившиеся, высокоразвитые языки других народов, стоящих, как правило, на более высокой ступени общественно-политического и культурного развития.

В качестве таких языков могут выступать как языки с большой литературной традицией, авторитетом, принимаемые по всеобщему согласию (английский, французский в Африке, русский в России), так и просто тот язык, который в силу исторических обстоятельств знает в той или иной степени большинство представителей разных национальностей, проживающих в этой стране (русский язык на Кавказе). Проблемы билингвизма и языка-посредника тесно переплетаются.

Например, в России по материалам, собранным в свое время на Нижнекамском нефтехимическом комбинате, на заводах в Менделеевске, в Альметьевске, Лениногорске, Казани, Нижнекамске, те из татар, кто выучил русский язык уже после школы, дома с детьми, родителями, чаще общаются на татарском языке. У тех татар, кто выучил русский язык в раннем детстве или в школе, использование татарского языка идет на убыль, весьма заметно использование русского языка и двух языков в общении с детьми, реже — с родителями.

Приведем в качестве примера данные о мере пользования русским и татарским языками в Татарстане (табл. 1, 2, 3).

Данные о выборе языка рабочими-татарами Казани, приехавшими в город и проживающими в нем разные сроки, получены путем анкетирования. При заполнении анкет обращалось внимание на зависимость выбора языка общения в разных ситуациях: на работе с

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

коллегами, в семье, при чтении художественной литературы.

Таблица 1. **Выбор языка общения с коллегами по работе (в %)**

Язык общения	Проживание в Казани				
	1–5 лет	5–10 лет	10–15 лет	15–20 лет	20 лет и выше
Русский	22,0	47,4	36,0	20,0	33,1
Татарский	17,8	7,15	10,0	6,9	3,25
Татарский и русский	59,7	45,0	54,0	73,1	63,5

Таблица 2. **Выбор языка общения в семье (в %)**

Язык общения	Проживание в Казани				
	1–5 лет	5–10 лет	10–15 лет	15–20 лет	20 лет и выше
Русский	7,2	18,5	10,0	8,6	12,4
Татарский	60,8	71,8	85,0	55,7	55,8
Татарский и русский	18,5	8,5	5,0	31,9	30,1

Таблица 3. **Выбор языка при чтении художественной литературы (в %)**

Язык общения	Проживание в Казани				
	1–5 лет	5–10 лет	10–15 лет	15–20 лет	20 лет и выше
Русский	20,9	25,1	17,25	36,7	35,1
Татарский	21,1	18,3	27,25	27,0	17,45
Татарский и русский	57,25	56,6	60,5	36,35	48,05

Каждый третий житель Казани состоит в смешанном браке или происходит от него. Еще больший процент смешанных браков в городах Татарстана: Бугульме 27,5% в 1991 г. и 28,1% в 1992 г., в Елабуге — соответственно 32,5 и 34,9, Лениногорске — 37,4 и 38,8, Набережных Челнах — 32,6 и 33,9, Казани — 26,7 и 27,8%. Даже в таких чисто татарских районах, как Арский, Атнинский, Актанышский, Балтасинский, Муслюмовский, ежегодно регистрируется от 4 до 8% смешанных браков (от общего числа).

Выборочное исследование 150 актов записей о межнациональных браках за август 1993 г. показало, что в 48 случаях женихи-татары выбрали в жены русских девушек, в 42 случаях русские женились на татарках.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В Чувашии в смешанных сельских семьях 30% чувашей говорят по-русски, 27% — и по-чувашски, и по-русски, в однонациональных производственных коллективах 86% говорят по-чувашски, в смешанных — 33 и 6% говорят и по-чувашски, и по-русски. В городах 52% чувашей в семье говорят по-русски, 26% — по-чувашски и по-русски; в целом в городах в семьях свыше 90% говорят по-русски, на производстве 40% чувашей говорят по-чувашски, 57 — по-русски.

Законодательство, судопроизводство в Чувашии осуществляется и на русском, и на чувашском языках, в сфере научно-технического производства используется преимущественно русский язык, на селе более 50% чувашей, имеющих образование 10 классов и выше, выступают на собраниях на русском языке, в однонациональных коллективах 86% чувашей выступают на чувашском, в городе, напротив, 86% чувашей выступают на русском, на производстве 40% чувашей пользуются двумя языками, 57% — преимущественно русским языком.

В Киргизии 29,4% киргизов свободно владеют русским языком. Киргизский и русский языки употребляются в ситуациях взаимообщения между представителями разных народов, на селе, в сфере обслуживания, на транспорте, на радио, телевидении, в печати, при обучении в дошкольных учреждениях, в начальной школе, в средней школе, в училищах, в высших гуманитарных учебных заведениях, в государственных учреждениях, делопроизводстве, художественной литературе, в клубах, домах культуры. Русский язык функционирует преимущественно в общении на промышленных предприятиях, заводах, фабриках, как язык обучения в учебных заведениях технического профиля, как язык науки в естественных и технических науках, в технической документации. По данным опросов, в столице Киргизии Бишкеке телевидение на киргизском смотрят свыше 18%, на русском — 10, и на киргизском, и на русском — 72%, радио — 77% слушают одинаково и по-киргизски, и по-русски. Большая часть аудитории слушателей двуязычна. В Киргизии в Таласском районе в семье, в разговорах с соседями, друзьями, на работе шире используется киргизско-русское двуязычие.

В Узбекистане в Каракалпакии интеллигенция и молодежь в городе лучше владеют русским языком, чем в аулах. Хорошо владеют каракалпакским языком, особенно в селах, потомки старых русских поселенцев (с 1878 г.) — «уральцев», а также корейцы, казахи, киргизы. Корейцы Каракалпакии трехъязычны: они владеют

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

корейским разговорным, русским и каракалпакским языками; дома чаще говорят по-русски. С русскими каракалпаки свободно говорят по-русски. Во многих республиках России и странах экс-СССР в последние годы ситуация быстро меняется в сторону все большего распространения официального национального языка.

В целом смена родного языка происходит быстрее всего в городах и у национальных групп, живущих за пределами своих республик в окружении других народов, а также у малочисленных народов.

Так, в России среди сельского населения называют родным язык своей национальности 95,4%, а среди городского — 94,3% информантов. Приведем более конкретные примеры.

Республика Калмыкия. Официальные языки калмыцкий и русский, численность калмыков 165 821 человек; считают родным языком калмыцкий — 93,1%, русский — 6,8%, свободно владеют русским 86,9% населения.

Республика Башкирия. Численность населения 1 345 273 человека, родным языком считают официальный язык 72,8%, русский — 10,1% населения. Свободно владеют русским — 72,6%.

Более стойко сохраняют свои родные языки те группы народов, которые живут в пределах своих республик, что видно из табл. 4.

Таблица 4. **Сохранность родного языка (в %)**

Народы	Сохраняют язык	
	в пределах России	в пределах республики
Калмыки	93,1	96,1
Татары	85,5	96,6
Башкиры	59,5	74,7

Из числа нерусских народов России 88,0% хорошо знают русский язык, в том числе 60,4% свободно им владеют, а 27,6 считают его родным.

Таким образом, в России в 1989 г. свободно владели русским языком 143 712 тыс. человек, или 97,7% всего населения страны, причем 127 307 тыс. (86,6% населения страны) считали его родным.

На распространение русского языка среди народов России чаще всего влияют такие факторы, как проживание в городах или сельской местности, этническая однородность или неоднородность народов-соседей, характер браков. При этом русский язык выступает прежде всего как язык межнационального общения, но вместе

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

с тем, наряду с родным языком, он как язык-посредник обычно выполняет и другие социальные функции.

При изучении многоязычия и социальной структуры современного общества именно этнический и социальный аспекты языка современного города, проблемы урбанизации требуют особого внимания этнографов и социологов.

Так, например, государственный стандартный язык, доминируя в сфере устного и делового общения, отнюдь не обязательно служит языком домашнего или неофициального обиходно-бытового общения. Ярким примером здесь является язык таких относительно молодых городов, как Мончегорск, Норильск. Все официальное производственно-деловое общение на заводах и комбинатах Норильска, где проживают и работают представители свыше 80 национальностей, осуществляется на русском языке. Неофициальное бытовое общение в смешанных семьях также по большей части протекает в формах русской разговорной речи или на втором языке (татарском, азербайджанском), в однонациональных семьях — на родном языке, в школах и институтах — на русском языке. И здесь предметом этнолингвистики является изучение распределения разных форм речи по различным этническим группам большого города.

В Сенегале в университете Дакара местные студенты общаются преимущественно на французском языке. В Заире в семьях говорят на родных языках, но на рудниках Шабы, где работают представители многих этнографических групп, сложился (на базе языка бемба) своеобразный язык-посредник — чикопабелти (от *англ.* Copper Belt «Медный пояс», т. е. район добычи меди).

В Индии три языка-посредника: английский, язык хинди (или, точнее, кхари-боли) и, наконец, санскрит — язык, который по традиции принято относить к мертвым. По переписи населения 1951 г., 555 человек в Индии назвали санскрит своим родным языком и несколько десятков тысяч — вторым языком. На санскрите выходит несколько журналов и газет. Следовательно, санскрит в современной Индии — это не только язык культа, не только источник пополнения лексики современных новоиндоарийских языков, но и язык-посредник для определенной социальной прослойки населения, а именно для индийского жречества (брахманства) и интеллигенции, получившей ортодоксально индуистское воспитание. Что касается хинди, то его разговорная форма распространена в основном среди городского населения областей, на территории которых он используется в качестве языка литературы и в сфере народно-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

го просвещения. В сфере же официального делопроизводства попрежнему монопольное положение занимает английский язык.

В Африке растет роль межэтнических языков, таких как суахили в Танзании, Кении, Уганде, Заире и других странах, хауса в Нигерии, Нигере, Бенине, Того, Гане, Камеруне.

Английский язык признан официальным языком Гамбии, Ганы, Кении, Нигерии, Папуа Новой Гвинеи; французский — Габона, Заира, Конго, Мали, Нигера, Того; португальский — Анголы, Гвинеи-Бисау, Мозамбика. В ряде стран «третьего мира» функционируют два официальных языка: например, в Танзании, Кении — английский и суахили; в Пакистане — урду и английский; в Индии — хинди и английский. Есть государства, где двум языкам-посредникам приписан разный общественный статус: один считается «национальным» языком, другой — «официальным». Например, в Мавритании статус «национального» языка принадлежит арабскому, а «официальным» языком признан французский.

В Африке английский и французский языки служат в наши дни средством приобщения к научно-техническому прогрессу, современной технологии, культуре. Отсюда и определенный престиж английского и французского языков среди африканской молодежи.

Пи́джины, креольские языки. В некоторых странах для целей межэтнического, межнационального общения используются пиджин-языки (пиджин-инглиш, лингва-франка, бичламар, «португальский пиджин» и др.). Это гибридные языки, которые складывались в странах Дальнего Востока, Океании, Западной Африки, Латинской Америки в ходе торговых контактов белого и местного населения (отсюда их общее название pidgin от искаженного *англ.* business).

Пиджин возникает при наличии контактной ситуации, в которой две разноэтничные группы, не имеющие общего языка, желают общаться. Пиджин-язык — это язык, смешанный из двух языков, язык устного общения. Есть общие черты между всеми пиджин-языками и в Африке, и в Меланезии: в их основе обычно лежат один-два европейских языка XVI–XVIII вв.

Ярким примером языка межэтнического общения в Центральной Африке является язык лингала. С XIX в. он служил в качестве средства общения между племенами, населявшими бассейн р. Конго. В настоящее время этот язык распространен на территории Заира, Конго, в Центрально-Африканской Республике.

На основе пиджинов возникают смешанные креольские язы-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ки. Они распространены более всего в Латинской Америке, Африке, Океании. Например, язык крио распространен в Сьерра-Леоне, *язык* джагвататаак — на Ямайке.

Для пиджин-языков характерна функциональная ограниченность; они используются только для целей межэтнического общения и ни для одной этнической группы не являются родным языком. Пиджин, ставший родным для молодежи определенного этноса, называется креольским языком. Примерами креолизированных пиджин-языков, выступающих в качестве официальных или этнически значимых, могут служить также возникшие на английской основе языки Папуа Новой Гвинеи хири-моту и токписин, язык крио в Сьерра-Леоне, язык сранатонга в южно-американской республике Суринам. Креольские языки на французской основе сложились на Гаити в Мартинике.

В конечном счете язык-посредник, язык межнационального общения всегда выполняет определенную интегрирующую функцию, функцию сплочения общества, народа; таков индонезийский в Индонезии, суахили — в Танзании.

Рекомендуемая литература

Вандепютте О., Братусь И. Б. Нидерландский язык — язык 20 миллионов голландцев и фламандцев. Реккем, 1995.

Герд А. С. Русский литературный язык и русская разговорная речь в городах Заполярья // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1986.

Григорьева Р. А. Этноязыковые процессы в Чувашской АССР // Расы и народы. 1984. №14.

Губогло М. Н. Социоэтнические последствия двуязычия // Советская этнография. 1972. №2.

Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.

Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.

Домашнев А. И., Смирницкая С. В. Современная политико-экономическая и языковая ситуация в Люксембурге // Языки и диалекты Люксембурга. СПб., 1993.

Дробижева Л. М. Этническое самосознание русских в современных условиях // Советская этнография. 1991. №6.

Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1984.

Закиев М. З. Основные периоды функционального развития татарского языка в условиях перестройки. Казань, 1991.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Т. 1–4. М., 1969–1978.

Исхакова З. А. Языковая компетентность в условиях татарско-русского двуязычия (на материале анкетных данных рабочих татар г. Казани) // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. Казань, 1991.

Клементьев Е. И. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: Тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1994.

Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., 1972.

Шарыпова Н. Х. Использование языков в татарской семье в условиях города // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. Казань, 1991.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 4

ЭТНОС КАК ОБЪЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

Классические традиционные методы любого научного исследования — это анализ истории проблемы, подбор источников, наблюдение, сбор (выборка) экспериментального, опытного (часто полевого) материала, анализ, выбор метода, систематизация, классификация этого материала, анализ, синтез.

Со второй половины XX в. в гуманитарных науках широкое распространение получили методы системного анализа. Распространению этих методов способствовали, в частности, успехи структурализма и функционализма конца XIX — первой половины XX в.

Структурные методы восходят в философии и социологии к трудам Огюста Конта (1798–1857), Э. Дюркгейма (1858–1917), в лингвистике — Фердинанда де Соссюра (1857–1913), в этнографии — К. Леви-Стросса (1918).

Наиболее последовательное применение различные структурные методы нашли в лингвистике, где они развивались в мировом языкознании такими школами, как Пражская школа функционального структурализма, Копенгагенский структурализм и др.

В этнографии и социологии функциональный структурализм нашел отражение в трудах Б. Малиновского (1884–1942), А. Р. Радклиф-Брауна (1881–1955).

Во всех школах структурализма главное внимание уделяется системе объектов, их структуре, не изолированному атомарному изучению отдельного предмета, явления, а его месту в системе, его функциям в этой системе. Главное — это система, которая и определяет место и значимость объекта в общей системе фактов.

В языкознании, социологии, этнографии накопился уже немалый опыт применения структурных методов анализа материала.

Современная теория общей структурной лингвистики во многом уточнила и довела до высокой степени совершенства методы системного анализа, которые сейчас в обобщенном виде вошли, в .частности, уже в вузовские курсы по лингвистике.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Этнос, как и язык, можно рассматривать в разных аспектах, с разных точек зрения — общественной, исторической, биологической, географической.

Не касаясь многочисленных дискуссий о понятиях «этнос» и «этническая общность» отметим, что ниже мы понимаем *этнос* как сложную многопризнаковую семиотическую систему ассоциативно-иерархического многоуровневого типа.

Различные науки выделяют этнос по своим признакам; взятые вместе эти признаки соответствуют факторам, формирующим этнос как целостную систему.

К таким факторам относятся:

— биосфера;

— ландшафт;

— климат;

— антропологический тип;

— язык; отношение к языку и к разным формам его существования;

— мимика, жесты;

— самоназвание;

— наличие сознания;

— осознание себя; тип этнического самосознания;

— тип традиционной материальной культуры;

— тип традиционной духовной культуры;

— тип религии;

— формы, стереотипы поведения, вежливого обращения;

— тип социальных связей;

— тип информационных связей;

— тип брака;

— тип семейных связей;

— отношение к соседям;

— отношение соседей;

— название этноса другими, соседями;

— отношение к своему этническому прошлому;

— осознание, ощущение своего родного языка, своего фольклора, музыки, литературы;

— модально-эмоциональные аспекты этноса (чувство национальной гордости и т. д.);

— степень развитости двуязычия и многоязычия;

— тип этнонимики;

— тип топонимики;

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— степень развитости культуры.

Каждый из этнических параметров может иметь и свою форму, и свое содержание. Различные признаки не исключают друг друга, а взаимодополняют и с разных позиций еще глубже очерчивают понятие «этнос».

Аналогично и понятие *язык* также можно представить с точки зрения многопризнаковой, многопараметрической классификации.

Какие основные факторы обусловливают и формируют понятия **естественный язык, тип языка?** Это:

— наличие индивида;
— тип этноса;
— общество, его социальная структура;
— среда функционирования;
— система языка;
— структура языка;
— наличие плана содержания и материального плана его выражения для большинства единиц языка;
— история языка;
— типы текстов;
— норма;
— ареал;
— история народа;
— межэтнические контакты;
— материальная и духовная культура народа.

Немало общего можно найти и в характере этнических и языковых процессов. Этнический процесс протекает в человеке и в обществе — через человека. Этнические процессы, как и языковые, трудно наблюдаемы. Языковые изменения также ненаблюдаемы, но их иногда можно уловить, заметить, почувствовать все же быстрее, чем изменения этнические. Например, мы не только замечаем, видим, но даже и по-своему реагируем на появление в языке новых слов, слов заимствованных, на неправильное употребление языковых форм *(в пальте, с пальтом)*. Изменения в этническом типе окружающих обнаружить можно только чисто научным исследовательским путем.

Во многом язык и этнос связаны непосредственно. Обычно разные языки соответствуют разным народам, и здесь соблюдается корреляция один язык — один народ (французский язык — французы, шведский — шведы). Иногда один народ может пользоваться

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

разными языками. Например, мордва использует два языка — мокшанский и эрзянский, карелы — три диалекта, находящихся практически на уровне отдельных языков, — ливвиковский, людиковский и собственно карельский.

Проблема поиска объективных признаков понятия «этнос», степени близости и различия отдельных народов по разным признакам представляет собой одну из наиболее сложных этнолингвистических проблем.

Настоящая глава имеет целью лишь наметить отдельные процедуры и последовательность этапов и шагов комплексного моделирования понятия **этнос**[1].

***Моделирование понятия* этнос.** Одна из важнейших проблем методологии любой современной науки — моделирование объектов и основных понятий каждой науки. Остановимся ниже уже только на конкретных вопросах моделирования системы понятия **этнос.** При рассмотрении природы этноса с этнолингвистических позиций целесообразно сначала обратиться к теоретической интерпретации понятия **язык** в современной лингвистике.

Система языка — это система знаков, выражающих идеи, смысл. Язык выступает как общее понятие по отношению к речи. Речь — это реализация системы языка в процессе речевой деятельности. Основным свойством системы языка является то, что язык — это система отношений элементов.

Например, в системе русского языка противопоставлены единственное и множественное число, несовершенный и совершенный вид глагола, мужской, женский и средний род имен существительных, по разным признакам противопоставлены и взаимосвязаны звуки, падежи, окончания, суффиксы. Место каждого элемента в структуре языка и определяет его роль в системе языка.

С научной точки зрения язык представляет собой систему, которая является абстракцией от актов речи и речевой деятельности. Язык — это система максимального числа дифференциальных признаков, которая реализуется в повседневной речевой деятельности в виде частных речевых подсистем. Система языка — это инвариант, по отношению к которому различные виды речи и типы языковых состояний представляют собой его варианты (см. лекцию «Типы языковых состояний»).

---

[1] В главе термины **система, подсистема, блок, параметр** (признак) используются для обозначения уровней соподчинения в системе.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В то же время языковая система функционирует как множество, включающее подмножества различных систем. Это и системы собственно языковые (фонологическая, грамматическая, лексическая), и функциональные (диалектные, профессиональные, стандартного языка, языка публицистики и т. д.). Каждую подобную систему образует множество объектов и отношений между ними. Система языка — это абстракция, конструкт, но абстракция, вобравшая в себя все многообразие явлений реальной речевой деятельности.

Почти все современные авторы также признают, что этнос — это система связей и отношений разных типов. Назовем ее условно система «Этнос».

Этнос, как и язык, с синхронической точки зрения можно интерпретировать как многопризнаковую параметрическую иерархическую систему.

Однако понять ту или иную систему, тем более такую сложную, как этнос, можно, только если эта система явно, эксплицитно представлена в той или иной форме. Таким образом, в конечном счете эта задача сводится к моделированию формы представления системы «Этнос» и к процедуре построения (моделирования) этой формы.

Каковы основные этапы этого процесса?

Во-первых, моделирование системы «Этнос» должно быть задано хронологически. Например, построение системы «Этнос» для эпохи XVII в. и для эпохи второй половины XX в. — задачи разные.

Во-вторых, такое моделирование предполагает решение вопроса о его источниках. Подбор источников моделирования зависит от избранного хронологического периода и от характера подсистемы, которая моделируется. Например, если моделируется подсистема «материальная культура как признак этноса», то в качестве основных источников, естественно, привлекаются прежде всего труды по этнографии.

В-третьих, на следующем этапе в результате обобщения всех известных ранее по разным источникам сведений об отдельных народах должен быть создан сводный максимально полный перечень признаков этноса. Общее число таких признаков, вероятно, будет достаточно большим.

Приведем ниже еще раз лишь некоторые самые общие признаки, которые уже не раз отмечались в литературе:

— биосфера, климат, ландшафт;

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— антропологический тип; биологические особенности, расовые различия, физическое сходство;

— ареал;

— численность; территориальная обособленность, государственная обособленность;

— самосознание, этническое самосознание «мы — они», «наши — ненаши», осознание тождества с другими, солидарность, осознание своего единства с другими;

— отношение соседей, направленность самосознания;

— осознание своего происхождения, национальность;

— язык;

— психический склад, эмоциональные связи;

— материальная культура;

— духовная культура;

— традиции, обычаи, память народа;

— уклад жизни, стиль жизни, семейный быт;

— формы поведения, вежливости.

Разумеется, этот перечень признаков этноса можно было бы продолжить.

В-четвертых, на следующем этапе среди этих признаков должны быть выделены основные признаки, ключевые параметры, понятия, и для них должны быть подобраны соответствующие термины и определения. Отдельно при каждом ключевом понятии необходимо собрать все термины-синонимы. Например, из разных слов и словосочетаний типа *самосознание, этническое самосознание, сознание, мы — они, наши — ненаши* должен быть выбран и определен какой-то один основной термин.

Так, прежде чем начинать моделирование системы параметров понятия **этнос**, мы должны договориться о том, что мы понимаем под такими понятиями, как *народный быт, обычаи, уклад жизни, стиль жизни.*

В этой связи нетрудно заметить, что приведенный выше сводный перечень признаков нуждается в серьезной терминологической унификации.

Система «Этнос», как и система «Язык», состоит из ряда крупных подсистем, внутри каждой из которых вычленяются свои микросистемы (блоки).

В качестве основных ключевых подсистем выделим из вышеприведенных следующие:

— биосфера;

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— антропологический тип;
— ареал;
— самосознание;
— отношение к соседям;
— отношение соседей;
— язык;
— материальная культура;
— духовная культура;
— формы поведения, этикета;
— социальная структура;
— тип брака.

В-пятых, на следующем этапе проводится внутреннее моделирование каждой такой подсистемы. На этом этапе моделирования сначала окончательно вычленяются основные признаки-параметры и лишь затем определяются их место в системе, иерархия, соподчиненность, а в идеале и горизонтальные семантические связи. Внутреннее моделирование каждой такой подсистемы представляет собой достаточно сложную узкопрофессиональную задачу и может быть проведено только специалистами в данной области знания (географом, этнографом, лингвистом, антропологом, социологом).

В то же время следует подчеркнуть, что подобное моделирование должно быть проблемно-ориентированным, направленным на понятие **этнос**. Например, построение подсистемы «Биосфера» представляет собой не главу из монографии по физической географии или климатологии, а описание, тесно увязанное с местом этноса в природной среде.

Исходя из проблем этнолингвистики, представим ниже в качестве примера структуру только подсистемы «Язык».

Внутри каждой подсистемы можно выделить отдельные иерархические блоки и их подгруппы.

Блок I. Тип и состояние системы языка (языков — в случаях билингвизма и полилингвизма):

а) на фонологическом уровне (фонология системы);
б) на морфологическом уровне (морфология системы);
в) на лексическом уровне (лексика системы);
г) на синтаксическом уровне (синтаксис системы).

Характер, состояние системы языка в ряде случаев являются важными показателями состояния этноса. Например, в языковой ситуации билингвизма (двуязычия) морфология одного из языков

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

(падежи, склонение, спряжение) может хорошо сохраняться, а лексика оказаться сильно измененной (большое число заимствований, новых слов). Например, в речи современных карел-ливиков, живущих к востоку от Ладожского озера, очень много русских слов, но нередко даже эти русские слова изменяются по морфологическим правилам (склонение, спряжение) карельского языка.

Блок II. Ономастика:

— этнонимика;

— эндонимика (самоназвание);

— экзонимика (название данной группы и соседей соседями);

— топонимика;

— осознанность мотивированности названия;

— знание географических названий за пределами мест проживания («в корелах», «в чуди»);

— антропонимика (тип и характер личных имен, прозвищ).

Наличие эндонима (самоназвания) обычно считается ярким признаком этнического выделения «мы русские; я карел». Сложность вопроса заключается в том, что и многие субэтносы также имеют самоназвания (белозеры, поморы).

Экзонимы (названия соседей) нередко четко отделяют одну группу от другой. Например, на востоке Ленинградской области места, населенные вепсами, русское население называет Вепсарией, а вепсов — чухарями. Исторически экзонимы обычно не имеют той экспрессивной окраски, которую они приобрели впоследствии. В то же время признак самоназвания не устойчив. Народы, этносы теряют, забывают, меняют свое самоназвание.

Характер топонимики (названия рек, озер, лесов, полей, деревень) также может служить косвенной характеристикой этноса. Например, сегодня в Карелии в Заонежье живут русские люди, заонежане, но почти вся микротопонимия, в мире которой они живут уже начиная с XI–XII вв., прибалтийско-финская по своему характеру. Таковы здесь названия всех озер, рек, болот (подробнее о месте топонимики в этнолингвистике см. Хрестоматию).

Нетрудно заметить, что личные имена всегда являются ярким этническим признаком (Андрей, Олег, Иван, Жан, Мари, Рахмет, Сабир, Ашот и т. д.).

Блок III. Типы речевых актов носителей языка:

— на каком языке читаются произведения художественной литературы, газеты, журналы, на каком языке прослушивается радио, просматриваются телепрограммы;

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— каков язык фольклора в разных его жанрах;

— каков язык обучения в школе, вузе, какой язык функционирует в официально-деловой сфере, в частности, в разговорах (на работе, в магазине, в общественных местах); на каком языке родители разговаривают с детьми, взрослые дети — с родителями, старшее поколение — с внуками, дети — с детьми; на каком языке ведется служба в церкви, каков язык частных писем. Через типы речевых актов проявляются типы языковых состояний.

Блок IV. Отношение:

— модальность;

— субъективное отношение к своему языку;

— отношение к языку соседей;

— отношение к алфавиту своего языка;

— отношение к личным именам;

— отношение к общению в различных ситуациях.

Это едва ли не основной блок для характеристики этноса. Так или иначе параметр «Отношение», по-видимому, пронизывает все подсистемы, блоки, все признаки.

В идеале система должна поддаваться математическим измерениям, в том числе и строго статистическим, что, в свою очередь, выдвигает дополнительные требования к отбору понятий, параметров, терминов и определений.

Такова в общем виде структура только одной подсистемы — «Язык». Нетрудно себе представить, сколь большая работа должна быть проведена по каждой подсистеме в целях воссоздания полной системы «Этнос».

Разработанная модель подсистемы «Язык» может быть представлена описательно, что и сделано выше, а может — в виде графического (сетевого) или табличного представления.

Вернемся еще раз к понятию язык. Применительно к языку различаются система и ее реализация. Система языка реализуется в речевой деятельности индивида и различных групп индивидов. В процессе речевой деятельности в речевых актах порождаются тексты. Тексты разных типов и есть основной результат речевой деятельности.

Будучи произведенными, тексты, как устные, так и письменные, образуют различные типы языковых состояний, таких как язык индивида, группы индивидов, говор семьи, деревни, профессиональные языки, диалект, наречие, региолект, разговорная речь города, литературная разговорная речь, жаргон, стандарт-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ный литературный язык, язык фольклора, язык церкви (см. лекцию 2).

В принципе реализация системы в речи в виде текстов представляет собой единый процесс. При этом реализация системы языка может быть как относительно полной, так и редуцированной, неполной. В относительно полном виде система языка реализуется в текстах на литературном языке и в устной литературной речи.

Но реализация системы языка может быть и неполной, редуцированной. Такова речь на том или ином языке многих билингвов (утрачены слова родного языка, сохраняется фонетика, морфология, появляются инновации и т. д.). В лингвистике хорошо известны случаи, когда тип речи, текстов не позволяют отнести язык этих текстов к определенной языковой системе. Такова, например, речь многих белорусских и западнорусских сел, таковы многие церковнославянские тексты XIV–XVI вв. из Болгарии, Сербии, Московской Руси, Валахии, Острога, Вильно. Церковнославянские тексты XIV–XVI вв. по языку выделяют один тип языка — древнеславянский литературный язык и не позволяют уверенно судить о национальной принадлежности этих произведений.

Реализация каждой подсистемы, в том числе и подсистемы «Язык», должна учитывать характер и тип индивида (индивидов), которые и являются, собственно говоря, основной формой физической реализации системы.

Так, все представленные выше блоки подсистемы «Язык» относительно полно могут быть описаны только с учетом глубокой параметрической характеристики каждого индивида по возрасту, полу, месту рождения, образования, профессии, кругу семейных и социальных связей, характеру брака, интересов, желаний и т. д.

Отмеченные выше признаки по-разному проявляются в зависимости от социолингвистических параметров. Иногда индивид может быть билингвом с рождения и весьма полно репрезентировать и ту, и другую языковую систему; таковы писатели, поэты, ученые, пишущие на двух языках.

Итак, примем, что этнос, как и язык, представляет собой инвариантную систему, конструкт «Этнос», который реализуется в форме этнических состояний в лице индивидов, их групп и общностей. В конечном счете различные этнические состояния и образуют этнические общности разных типов.

Однако ни в одном из видов этнических состояний система «Эт-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нос» не может быть представлена во всей полноте ее признаков; в каждой из них реализуется лишь какая-то их часть. Этнографам также хорошо известны случаи, когда определить тип этноса нелегко.

В то же время с точки зрения методологической, операционной и в аспекте полевой работы за основную исходную единицу понятия **этнос** целесообразно принять понятие индивида.

Сначала должны быть по заранее заданной методике выявлены признаки индивида, группы индивидов, а затем уж поставлен вопрос о том, с каким типом этноса он/она, эта группа индивидов соотносятся.

Каковы же пути проверки эффективности, реальности и достоверности такой системы, построенной индуктивно-дедуктивным путем?

Во-первых, хотя построенная система и является абстракцией, если в основу такой системы было положено максимальное число уже известных признаков, то можно предположить, что и сама система будет отличаться весьма значительной полнотой и большой разрешающей силой.

Во-вторых, как и в традиционном языкознании, в классической этнографии можно наметить три основных направления: а) путь массовых полевых обследований; б) путь извлечения фактов из текстов, источников на разных языках; в) данные музейных и архивных собраний. В то же время, однако, описанный подход предполагает предварительную разработку отдельных проблемно-ориентированных вопросников, программ такого обследования по каждой из подсистем, по каждому блоку, параметру. При этом в идеале сначала или параллельно должна быть построена система, а затем следует переходить к созданию программ полевого обследования.

В ходе самого полевого обследования к индивиду, представителям различных групп целесообразно подходить как к этносу неизвестному, этносу terra incognita.

Впоследствии в итоге обработки всех анкет можно будет переходить постепенно и к определению типа этноса.

Как известно, многие достижения диалектологии связаны с тем, что от Франции и Испании до Урала и от Белого моря до Черного и Средиземного лингвисты по определенным программам и географической сетке десятилетиями шаг за шагом беспристрастно фиксировали диалектную речь от пункта к пункту.

Например, первые выпуски знаменитого атласа Жильерона бы-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ли опубликованы в 1902 г., полевые обследования диалектов были начаты еще раньше, и только к 1956 г. М. А. Бородина, столь много сделавшая для воссоединения этнографии и лингвистики, сумела окончательно выявить и описать лотарингский диалект.

В идеале и в этнографии должны быть разработаны методы такого многопараметрического этнографического обследования отдельных регионов. К сожалению, учитывая этносоциальную обстановку в России и на сопредельных территориях, для некоторых районов — дело это крайне неотложное, и с этой точки зрения, может быть, надо не столько дискутировать, сколько как можно скорее «идти в поле».

Итак, если этнос — это сумма признаков, выявленных в результате проецирования системы на различные группы индивидов, то каков же в итоге предлагаемый путь описания каждого этноса? Это путь от построения системы к полевому этногеографическому обследованию и от него вновь к системе, ее уточнению и обогащению. В принципе такому же моделированию может быть подвергнуто и понятие социальной или профессиональной группы.

Рекомендуемая литература[2]

Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968.

Александренков Э. Г. Этническое самосознание или этническая идентичность // Этнографическое обозрение. 1996. №3.

Арутюнов С. А. Классификационное пространство этнической типологии // Советская этнография. 1986. №4.

Арутюнов С. А. Этичность — объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. №5.

Козлов В. И. О понятии «языковая общность» // Советская этнография. 1967. №2.

Козлов В. И. О соотношении этноса и языка в системе этнической иерархии // Расы и народы. 1988. №18.

Козлов В. И. Проблематика этичности // Этнографическое обозрение. 1995. №4.

Колпакова Е. М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. №5.

[2]В списке приводятся лишь некоторые из работ. Статьи, посвященные проблеме этноса, этничности, нации, можно найти в каждом из номеров журнала «Этнографическое обозрение» за последние годы.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Кретов А. А. «И Цезарь не выше грамматиков» // Русская речь. 1994. № 6.

Крюков М. В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. 1988. № 18.

Пименов В. В. Системный подход к этносу: (К постановке проблемы) // Расы и народы. 1986. № 16.

Поплинский Ю. К. К истории возникновения термина «этнос» // Советская этнография. 1973. № 1.

Токарев С. А. Проблема типов этнической общности: (Методологические проблемы этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11.

Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография. 1972. № 3.

Широкогоров С. М. Этнос. Шанхай, 1923.

Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1996.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 5

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема «язык — раса — культура» была центральной в американской этнолингвистике, в американской антропологии в целом. Ей посвящены основные труды классиков антропологии Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Д. Трэйджера, Г. Хойера.

Американская этнолингвистика, антропологическая лингвистика — это область языкознания, изучающая язык народов, не имеющих письменности. В их работах было доказано, что раса, язык и культура не совпадают между собою; расы не совпадают с группами и семействами языков, а культура разных народов не соотносится прямо ни с расой, ни с языком, но явления языка должны изучаться в связи с явлениями культуры.

Э. Сепиром были выделены типы понятий, которые обязательно выражаются во всех языках, и понятия, которые являются необязательными для выражения в данном языке.

Классификация языков Э. Сепира исходит из того, что корневые или конкретные понятия, связанные с предметами, действиями, свойствами, качествами, в языке обязательно выражаются самостоятельными словами.

Среди разных идей американских этнолингвистов наиболее популярна гипотеза Б. Уорфа о том, что каждый язык не только по-своему неповторимым образом воссоздает природу и социальную действительность, но и закрепляет неповторимое мировоззрение. В то же время весьма актуальной и существенной для современной этнолингвистики проблемой является моделирование картины мира, мира знания, присущего тому или иному этносу.

Картина мира, интерпретируемая нередко как концептуальная модель мира, включает в себя сумму знаний индивида, этноса, социума об объективной действительности. Концептуальная модель мира складывается из групп и классов понятий. Формой ее выражения является языковая модель мира в виде семантических полей,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

классов слов и отношений между ними. В конечном счете, будучи построенной, концептуальная модель мира и представляет тот или иной уровень народного знания о внешнем мире.

Например, у народов, живущих в зонах степей и полупустынь, совсем иной тип знания о ландшафте, климате, явлениях природы, чем у народов, обитающих в тайге и лесотундре.

Какие образы, представления, знания того или иного этноса как, каким образом выражаются в языке — это одна из наиболее серьезных проблем этнолингвистики, решить которую можно только общими усилиями этнографов, лингвистов, этнопсихологов. Например, народы, живущие охотой и собирательством, имеют развитый словарь названий животных и растений. Лексика, словарный запас разнится и в зависимости от географических и социальных условий, от типов хозяйства, форм этикета.

При изучении картины мира, отраженной в языке народа, весьма эффективными являются методы теории семантического поля и идеографических классификаций лексики, достаточно глубоко разработанные в современной лингвистике. В то же время в исследованиях этнографов накоплен солидный фонд методологических принципов, основ и приемов описания истории традиционной материальной и духовной культуры.

Лингвистику и этнографию роднит уже сам подход к народной культуре. Этнограф избирает предметом своего анализа те или иные объекты из области материальной и духовной культуры, которым в языке соответствуют отдельные слова и лексико-семантические группы слов. Например, если этнограф изучает одежду и обувь, то лингвист анализирует лексико-семантические группы названий одежды и обуви.

Задача, стоящая перед лингвистом, — построить лексическую систему определенных наименований того или иного диалекта, говора, наречия, смоделировать ее во всех звеньях.

Задача, стоящая перед этнографом, — построить систему понятий об объектах народной культуры того или иного этноса. Наиболее полное синкретическое описание и элементов народной культуры, и лексико-семантической группы слов можно дать, используя методы современного системного подхода, в частности путем построения логико-понятийных моделей объекта.

Логико-понятийная модель объекта — это концептуальная система знаний об объекте, представленная в том или ином вербальном или графическом виде. В такой системе выявлены не только

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

все понятия, но и отношения между ними. В конечном счете логико-понятийный анализ имеет целью вскрыть всю иерархию понятий, связанных с тем или иным объектом. И здесь именно сам процесс моделирования тех или иных фрагментов представлений о народной культуре наиболее ярко выявляет основные этапы и звенья такого анализа и тем самым сотрудничества этнографов и лингвистов.

На первых порах такая модель чаще всего строится индуктивным путем, который предполагает хорошо организованный эмпирический этап. Приступая к моделированию логико-понятийной системы, необходимо решить вопрос о том, какой хронологический период будет отражать эта система. Обычно такая система строится как модель определенного исторического хронологического среза.

Например, в исследовании Н. В. Ушакова воссоздана модель знания о жилище у русских, вепсов, ижор XIX–XX вв. Но могут быть и модели, ориентированные на достаточно глубокие хронологические периоды. Например, может быть построена модель мифологических представлений восточных славян эпохи Киевской Руси. При этом памятники древней письменности, их содержание, язык позволяют воссоздавать достаточно полные и хронологически точные системы понятий, характерных для определенной эпохи в истории развития этноса.

Следующий этап разработки логико-понятийной системы связан с вопросом об источниках моделирования. Каковы источники реконструкции эволюции народного мышления? Письменные источники, лингвистика, этнография, археология, история конкретных наук. Из каждого типа данных должны быть извлечены сведения, релевантные именно для моделирования структуры знания. Здесь сначала наиболее ценные факты находим в исследованиях этнографов, так как в основе этнографических работ лежит, как правило, весьма широкий круг разнообразных источников. Во-первых, это полевые материалы, собранные тем или иным автором лично, во-вторых, материалы коллекций, хранящихся в различных музеях и архивах; в-третьих, исторические, этнографические и краеведческие описания; в-четвертых, сведения, содержащиеся в литературе по фольклористике; в-пятых, собственно фольклорные записи, при этом нередко не только текстовые, но и собственно музыкальные.

Взятые вместе эти источники позволяют этнографу дать всестороннее и весьма полное описание тех или иных фрагментов народной культуры.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

При этом идеальным для построения логико-понятийных систем является, конечно, такое положение, при котором этнография уже располагает законченными исследованиями, например, по жилищу, пастушеству, пище, одежде того или иного этноса.

В таких работах обычно детально описываются реалии, их назначение, применение, обряды, с ними связанные. Так, например, наличие фундаментальной работы о жилище русских и прибалтийско-финских народов Ленинградской области позволило впоследствии смоделировать логико-понятийную систему, связанную с жилищем этих народов[1]. Приведем фрагменты этой системы.

II. Планировочное решение жилища (дом, двор, усадьба).

II.1. Связь дома и двора (основное планировочное решение жилища).

II.2. Планировочное решение дома (помещения — срубы дома, внутренняя планировка дома, мебель и ее расположение в доме).

II.2.1. Собственно планировочное решение дома (набор помещений — срубов дома).

II.2.1.1. Вертикальные уровни дома.

II.2.1.1.1. Основной уровень дома.

II.2.1.1.2. Чердачный уровень дома.

II.2.1.1.3. Подклетный уровень дома.

II.2.1.1.4. Подвальный уровень дома.

II.2.1.1.1.1. Помещения — срубы основного уровня дома.

II.2.1.1.1.1.1. Изба — основное жилое помещение.

II.2.1.1.1.1.2. Сени — основное подсобное помещение.

II.2.1.1.1.1.3. Клеть — дополнительное жилое и хозяйственное помещение (неотапливаемое).

II.2.1.1.1.1.4. Вторая изба — дополнительное жилое помещение, аналогичное основному.

II.2.1.1.1.1.5. Горница — дополнительное жилое помещение (парадное).

II.2.1.1.1.1.6. Комната и кухня — «чистая» и «грязная» половины дома, неразрывно связанные друг с другом, заменяющие избу в пятистенке с поперечной пятой стеной.

II.2.1.1.1.1.7. Коридор-пристройка.

II.2.1.1.1.1.8. Коридор-переход (дополнительные подсобные помещения).

II.2.1.1.1.1.9. Коридор-сени (заменяющие сени).

II.2.1.1.1.1.10. Лавка-кладовая — два взаимосвязанных между собой специализированных помещения в доме, где содержится лавка (магазин).

Однако в качестве источников реконструкции полной логико-понятийной системы могут привлекаться не только исторические или собственно этнографические материалы. Так, логико-понятийная система народных представлений о фауне, флоре и видах ископаемых, о явлениях природы в полном виде не может быть построена

[1]Модель создана автором совместно с Н. В. Ушаковым, А. Д. Сыщиковым.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

без учета современного уровня научных знаний в области зоологии, ботаники, геологии, географии, метеорологии.

Так, например, именно исследования по ихтиологии позволяют восстановить систему научных понятий о рыбах, встречающихся в Белом море.

Представим эту систему без ее латинских наименований по данным [Андрияшев, 1954, Линдберг, Герд 1972, Линдберг, Герд, Расе 1980][2].

Тихоокеанская минога
Беломорская сельдь
Семга
Кумжа
Нельма
Беломорская ряпушка
Пыжьян
Азиатская корюшка
Мойва
Треска
Навага
Сайда
Девятииглая колюшка
Трехиглая колюшка
Обыкновенная зубатка
Люмпенус
Люмпенус Фабрициуса
Атлантический пятнистый люмпенус
Атлантический маслюк
Бельдюга
Полярный ликод
Югорский ликод
Беломорский ликод
Многопозвонковая европейская песчанка
Остроносый триглопс
Атлантический триглопс
Атлантический ицел
Арктический шлемоносный бычок
Европейский керчак
Ледовитоморская рогатка
Пинагор
Европейский липарис
Чернобрюхий липарис
Ершоватка лиманда
Морская камбала
Полярная камбала
Беломорская камбала

Такова система современного научного знания о рыбах Беломорья, которая должна быть учтена и использована как основа при моделировании полной логико-понятийной системы народного бытового знания о беломорских рыбах.

Аналогично по данным зоологии, ботаники могут быть сконструированы понятийные системы научного знания о животных, растениях и т. д.

Однако полную логико-понятийную систему народного знания можно восстановить только путем привлечения достаточно широкого круга лингвистических источников.

Основными лингвистическими источниками моделирования являются тексты, словари, атласы, специальные исследования. В записях диалектных текстов, произведенных в диалектологических

[2]Понятия расположены по принципу зоологической систематики.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

экспедициях, содержатся описания видов пищи, утвари, одежды, земледельческих работ, строительства дома и хозяйственных построек, обрядов и т. п. в том самом виде, как об этом говорят, мыслят и рассказывают сами носители диалекта, представители этноса.

И все же для этнолингвистики наибольшую ценность имеют диалектные (областные) словари. В них представлен полный реестр слов, обозначающих различные понятия материальной и духовной культуры народа. При каждом слове приводятся его варианты, значения слова, пространные цитаты из народной речи, иллюстрирующие употребление этого слова, детальная география слова.

Идеальным источником моделирования отдельной логико-понятийной системы являются тематические терминологические словари. Они представляют понятийную группу наиболее полно и стройно. Пользуясь ими, можно представить себе весь круг понятий, которые характерны для данного народа в той или иной предметной области. Отсутствие таких словарей до некоторой степени искупают специальные исследования по отдельным лексико-семантическим группам слов, по истории слов, обозначающих пищу, одежду.

Например, только по рыболовству русских мы располагаем отдельными филологическими работами по Белому морю, Белому озеру, Онежскому озеру, Приладожью, озеру Ильмень и реке Волхов, Псковско-Чудскому озеру, озеру Селигер, нижней Волге, Дону, Оби, нижнему течению Дуная, северному Причерноморью. Во всех этих исследованиях содержится обильный материал по характеристике орудий и предметов рыболовства, по истории и географии отдельных реалий и слов.

Картотеки диалектной лексики по полноте своих данных являются едва ли не основным источником пополнения материалов в процессе моделирования.

В тех случаях, когда по тому или иному ареалу уже есть областные или специальные словари, созданные на базе таких картотек, сами картотеки могут использоваться уже как дополнительный источник. В тех случаях, когда таких словарей нет, картотеки вместе с диалектными записями являются основным лингвистическим источником.

Важным источником моделирования логико-понятийных систем народной культуры являются также лингвистические атласы, на картах которых хорошо представлена география отдельных слов и понятий.

Итак, обратимся в качестве примера вновь к моделированию

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

логико-понятийной системы о рыбах Белого моря.

По данным различных лингвистических источников, в народном сознании русских поморов реально выделяются только следующие виды рыб: *минога, сельдь, семга, кумжа, беломорская ряпушка, мойва, треска, навага, сайда, колюшка, зубатка, бельдюга, ледовитоморская рогатка (керчак), камбала.*

Приведем в качестве примера фрагмент системы народных представлений о сельди, семге и камбале.

Беломорская сельдь. Беломорка (Белое м.), Варвареньская сельдь (сельдь, промышляемая около 6–19 декабря, Веденьевская сельдь (сельдь, промышляемая в ноябре), Весенняя галия. Весенняя сельдь, Галадья (мелк.), Галей, Галлея, Галлия, Двинская сельдь, Егорьевская сельдь, Жарковская сельдь, Жарова, Залёдка, Залёдная сельдь (сельдь, появляющаяся у берегов в мае, после вскрытия льда), Ивановская сельдь (сельдь, появляющаяся у берегов в начале июня), Кандалуха (сельдь, вылавливаемая в Кандалакшском заливе), Михайловская сельдь (сельдь, появляющаяся в Сорокской губе в сентябре), Онежская сельдь (сельдь, вылавливаемая в Онежской губе), Осенняя сельдь (крупная), Покровка, Покровская сельдь (мелк.), Соловецкая сельдь (сельдь, вылавливаемая у Соловецких островов), Сорокская сельдь (сельдь, вылавливаемая в Сорокской губе), Сумская залёдка (сельдь, вылавливаемая около Сумского посада), Успенская сельдь (сельдь крупная, вылавливаемая на Успение), Устьянка (мелк.).

Семга, лосось. Вальчáг (самец после нереста), Голка (семга, появляющаяся в Печоре 10–15 августа), Закройка (средн., весом до 7 фунтов), Кола (семга, вылавливаемая на Кольском берегу), Летняя (семга, вылавливаемая на Летнем берегу), Листопадка (вылавливаемая осенью), Лох, Лоховина (самец во время нереста), Меженка, Межень (вылавливаемая летом), Озимая семга, Осенняя семга, Осень (крупн., вылавливаемая осенью), Пестрятка, Преображенская голка (вылавливаемая около 6 августа). Семга-кемь, Семга-поньгома, Семужина (крупн.), Спасовская голка (входящая в Печору к 15 августа), Тинда (молодь), Успенская голка (входящая в Печору к 15 августа).

Камбала. Весенняя камбала, Камбала, Осённа камбала, Трун (мелк.)

Сопоставляя систему современного научного знания о видах рыб Белого моря и систему современного народного знания русских о рыбах из Белого моря, восстановленную по данным ихтиологии и языкознания, нетрудно заметить, что народное знание различает далеко не все виды, выделенные современной наукой. Разумеется, народное знание отмечает и отличает рыб, значимых в хозяйственном, бытовом и торговом отношениях.

В то же время признаковая система народной семантической дифференциации таких рыб гораздо глубже и тоньше. Например, разные особи сельди и семги выделяются по возрасту, размеру, весу, цвету, времени лова, месту лова, обитания, нереста, хозяйственного и бытового использования.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Таким образом, полная логико-понятийная модель народных представлений о рыбах Белого моря должна включать особый блок семантических признаков, ориентированных на выявление описания рыб по всем этим признакам.

Сказанное относится и к названиям птиц и зверей, частично растений.

Таким образом, обращение к лингвистическим источникам привлекает наше внимание к обилию слов, обозначающих различные мелкие детали, аспекты, стороны той или иной реалии, явления, которые не укладываются в схему, разработанную ранее по нелингвистическим источникам. Лексика дает мелкую детализацию и дробление понятий, которые хорошо представляют характер мышления представителей этноса. В этой связи обилие синонимов и производных к одному слову (понятию) в одном ареале свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни и может служить дополнительным источником оценки отношения говорящих к тому или иному объекту[3].

Для некоторых областей, как, например, народная крестьянская мифология, моделирование приходится вести преимущественно по данным языка, фольклора, записям текстов.

Приведем в качестве примера фрагмент логико-понятийной модели мифологических существ Русского Севера, построенной нами по материалам книги О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера». Здесь каждая точка и отступ отражают уровень соподчинения родовому понятию и связанному с ним понятию видовому.

ПЕРСОНАЖИ-ПОВЕЛИТЕЛИ

I. Боги
II. Цари
— по месту обитания
. Водяной
.. Царь пинежский
.. Царь двинский
. Небесный
. Земной
. Дорожный
. Полевой
. Подземный
... Обдериха
.. В овине
... Волосатик
... Жареница
... Овинник
... Подовинник
.. В риге
... Заригачник
... Подригачник
.. В гумне
... Гуменник

[3]См. соответствующие статьи в Хрестоматии.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— по сфере обитания
. Огненный
. Ледяной
. Железный
III. Хозяева
— по месту обитания
.. В доме
... Голбячник
.. Гнеток
... Запечник
... Подпечник
— во дворе
... Дворовик
... Кикимора
... Мара
... Мокоша
... Рохля
— в бане
... Баенник
... Байниха
... Багник
... Лозник
... Лозатый
... Лозовик
... Нетеча
... Болотный леший
... Болото
... Болотяник
... Болотный
... Болотник
.. Болотница
.. В мельнице
... Мельничий
.. В лесу
... Леший
... Манило
.... Зыбочник
... Косматик
... Праведный
... Белый дедушка
... Скотань
... Моховик
... Боровик
... Лесная девка
... Лесной старик
... Филипики
.. Еланья
... Вещица
.. на/в болоте
... Анцибал
... Кочечный
.. Вольная старуха
.. В кустарнике
... Подкустовник
... Кустница
.. На лугу
... Луговик
.. В поле
... Полевой
.. Полевик
... Дедко-полевой
... Поляка

ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ

.. Сутки
... Полуночь
... Полудница
... Полуденник
.. Ночь
... Ночная
... Ночница
.. День
... Денник
... Полуденник
.. Святки
... Святке
... Варвара
.. Крещение
... Шуликун

Общий вопрос о форме представления логико-понятийной модели, системы — один из наиболее сложных в ходе ее разработки.

Такая модель может быть представлена в виде таблицы или рубрикатора, в котором последовательно выделены понятия вышестоящие и нижестоящие (см. примеры выше).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В современной научно-технической лексикографии широко распространен способ представления подобных данных в виде дескрипторного словаря-тезауруса. В таком словаре в явном виде заданы все отношения подчинения, соподчинения, синонимии, отношения часть — целое. Таков, например, фрагмент логико-понятийной модели мифологических существ Русского Севера.

Во многих отношениях наиболее удобным и перспективным является метод графического сетевого представления структуры понятийной области.

Классификационный ассоциативный граф является одной из интересных и перспективных форм представления данных разных наук для этнолингвистических исследований. Такой ассоциативный граф хорошо представляет иерархию и структуру народного знания о тех или иных объектах.

В узлах классификационных сетей обычно помещаются основные понятия, а дугами отражаются отношения между понятиями. Сетевое представление данных позволяет глубже проникнуть в логику самого знания. Логико-понятийная система строится как модель знания о мире в том или ином ареале для определенного исторического периода. Если мы знаем тип этноса, такая модель представляет собой логико-понятийную схему знаний о мире у данного народа. Подобная классификационная логико-понятийная схема удобна тем, что она может строиться отдельно по ареалам, векам, источникам. Например, может быть построена система, отражающая иерархию персонажей мифов по письменным источникам, диалектам, по народным поверьям и т. д.

Тот же фрагмент модели мифологических существ может быть представлен в виде графа (на материале лексики Русского Севера) (см. с. 73).

ВОДЯНЫЕ СУЩЕСТВА

I. ВЫСШИЕ (цари)[4]

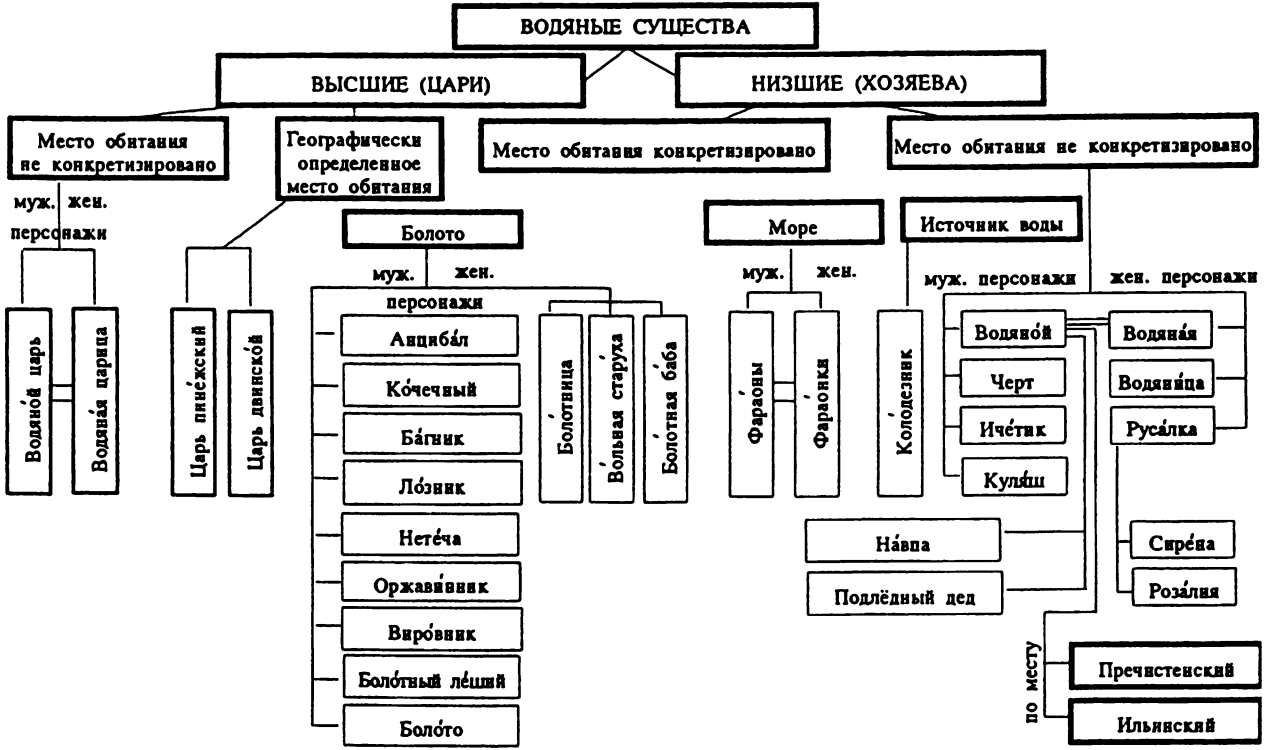
А. Место обитания не конкретизировано (вода вообще)

а. Мужские персонажи

Водяно́й царь (Олон.; он же: *царь Водяни́к* (Арх.), *Водя́н-царь* (сев.),

[4]Составлено по книге О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера» студенткой А. Бродоцкой (филологический факультет С.-Петербургского университета).

LA FILOLOGICA POR LA CAUSA



LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

царь морско́й (Арх., Волог.), *царь морско́й Токма́н Токма́нович* (Перм.), *дед морско́й — царь водяно́й* (Арх.), *царь донской* (дно) (Мез.)).

Старик с палицей, который может подниматься в черной туче. Богат. Женат, но бездетен. Может создавать новые озера и реки (Олон.). К нему обращаются за прощением, благословением, разрешением: *«Царь лесной и царь водяной, благословите водушки взять»* (Карелия, Пуд.). Иногда от них необходима защита: *«Соблюди их, красно солнышко, от лихого человека, от царя полевого, от царя водяного, от царя лесового, от его деток царенят»*.

Иногда царь — глава водяных. Персонаж заговоров (в основном) и быличек. По отношению к человеку — и защитник, и опасность.

б. Женские персонажи

Водяна́я цари́ца (Олон.; она же: *цари́ца Водяни́ца* (Арх.), *цари́ца морска́я* (Арх.)).

Супруга Водяного царя. Свойства и функции те же.

Б. Географически точное место обитания («Местные» Цари)

а) *Царь Пи́нежский.*

б) *Царь Двинско́й.*

Персонажи заговоров, по отношению к человеку — покровители, защитники (схема).

II. *НИЗШИЕ (хозяева)*

А. Место обитания конкретизировано

1. Болото

а. Мужские персонажи

а) *Анцибал (анчибил).* Функции неясны. В ряде диалектов анцибал — эвфемистическое название черта или просто бранное слово (Курск).

б) *Ко́чечный.*

в) *Ба́гник* (*багно* — багульник).

г) *Ло́зник* (*лозник* — ракита или ива).

д) *Нете́ча.* Несет ответственность за образование болот: останавливает текучую воду.

е) *Оржави́нник.*

ж) *Вирове́ник* (*вир* — омут).

з) *Боло́тный ле́ший.*

и) *Боло́то* (Пск.; он же — *боло́тник* (Волог., Пск., Смол.), *болотя́ник* (Пск., Тверь), *боло́тный* (Волог., Череп.)

б. Женские персонажи

В болотах женские персонажи даже преобладают.

а) *Боло́тница* (Арх.). Молодая женщина. Персонаж быличек.

б) *Во́льная стару́ха* (Волог.). Видимо, лесной персонаж, но связана и с болотом. Персонаж быличек.

в) *Боло́тная ба́ба* (помор.). Иногда понимается шире — как хозяйка тундры.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

2. Море

Фараоны (Эст., Новг., Сарат.; они же: *фалярóны, фараóнки, фараóнчики)*. Существа обоих полов. Полурыбы-получеловеки, иногда полностью зооморфны (похожи на кошек) (Эст.). В фараонов превратились преследовавшие евреев и утонувшие в Красном море египтяне. Персонажи быличек. Иногда *фараон* — бранное слово. Русалок иногда называют «фараоновы дети».

3. Источники воды

а) *Колóдезник* (Карелия). Характеристики неизвестны.

Б. Место обитания не конкретизировано (вода вообще)

а. Мужские персонажи

а) *Водянóй* (он же — *водя́ник, водя́льник, дéдушко водянóй, дéдко водянóй дья́вол* и пр.). Главный водный персонаж на Севере. «Волосатый да черный» старик (Карелия). Лыс. Иногда — огромного роста (Тихв.). Персонаж быличек: сидит на камне у воды и моется или чешет волосы, может сидеть на изгороди (Карелия). Опасен, может утащить под воду, особенно если купаться после захода солнца (Пин.) или в неизвестных местах, с лодки (Карелия). Его можно случайно вытянуть сетью, его задабривают, бросая в воду еду и табак (Волог.). Обладает пророческим даром. Верховодит русалками. Живет в самых разных водоемах (в реке, озере, пруду, глубоком колодце), в больших — заведует частью (водяные *Пречистенский* и *Ильинский* по названиям приходов на Водлозере (Олон.):

(1) *На́впа* (Смол.), *пáвпа* (Костр., Смол., Якут., Нижегор.). Водяной, имеющий вид рыбы, рыбы с крыльями, рыбы-получеловека. Оборотень: является в виде собаки, свиньи, черной кошки (Петерб., Волог.).

(2) *Подлéдный дед* (Эст.). Возможно, просто вариант названия водяного.

б) *Черт*. Вода — основное место его обитания. Его образ близок к образу водяного, иногда даже смыкается с ним, но чаще они существуют параллельно. Персонаж быличек.

в) *Ичéтики* (Вят.). Маленькие мохнатые существа, живут в омутах, на мельницах. Духи утопленных матерями младенцев. Персонажи быличек. Предвещают несчастье. Производят звуки бича, хлещущего по воде. По характеристикам близки к русалкам.

г) *Куля́ш* (мн. *кулиш́и)* (Вят., Волог.); они же — *шулику́ны* (Пин., Печ., Волог.). Водяной чертенок в цветной шкуре, вылезающий на поверхность на Крещение (поэтому в Крещение нельзя ходить за водой — есть риск зачерпнуть куляша).

б. Женские персонажи

а) *Водяни́я*. Супруга водяного, парный к нему персонаж с теми же функциями и свойствами (их дети — *водяня́та)*. Женами водяных становятся женщины-утопленницы (Волог.), иногда русалки (Карелия), но чаще всего водяная — независимый персонаж.

б) *Водяни́ца* (она же *водя́ва, шишúга, хúтка)*. Женский персонаж, независимый от водяного. Хозяйка воды. Персонаж заговоров и быличек.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в) *Русáлка* (она же *сестрúца* (Мурм.), *бáба в крáсном казáне* (Карелия), *лесная дéвка* (Пин.), *шестúха* (Пин.)). Женщина, обычно молодая, с зелеными (Запад) или черными (Север) длинными волосами, нагая или в белой или красной рубахе, в красном платье. Персонажи быличек. Иногда русалки — загубленные матерями младенцы, женщины-утопленницы, «обменные ребенки» (Вят.). В быличках обычно русалка сидит на камне и расчесывает волосы. Обладает пророческим даром. По отношению к человеку нейтральна или опасна (может защекотать, утянуть под воду). Смыкается с водяницей, с одной стороны, и лесными персонажами — с другой:

(1) *Сирéна* (Эст.) — русалка с рыбьим хвостом;

(2) *Розáлия (Роземýнда)* (Лат.) — женское существо, стерегущее сокровища на дне Рижского залива. Выходит на землю раз в год — на Троицу.

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Арх. — Архангельская обл., губ.
Волог.— Вологодская обл., губ.
Вят. — Вятская губ.
Костр. — Костромская обл.
Курск. — Курская обл.
Лат. — Латвия
Мез. — бассейн р.Мезени
Мурм. — Мурманская обл.
Нижегор. — Нижегородская губ.
Новг. — Новгородская обл., губ.
Олон. — Олонецкий край
Перм. — Пермская обл., губ.
Петерб. — Петербургская губ.
Пин. — бассейн р. Пинеги
Печ. — бассейн р. Печоры
Пск. — Псковская обл.
Сарат. — Саратовская обл., губ.
Смол. — Смоленская обл., губ.
Твер. — Тверская губ.
Тихв. — Тихвин
Челяб. — Челябинская обл.
Эст. — Эстония
Якут. — Якутия

При сопоставлении отдельных логико-понятийных схем, созданных на основе археологических, этнографических или лингвистических источников, очень важен анализ отдельных узлов и дуг между узлами, их совпадений и расхождений.

Разумеется, что разные типы таких моделей не изолированы друг от друга. Так, например, модель знания о рыбах не изолирована от модели знания о явлениях природы, типах ландшафта.

Построение логико-понятийных моделей знания о мире предусматривает вскрытие всех типов системных связей между понятиями. Основные типы таких связей — это род — вид, часть — целое, локализация.

Весьма существенным является вопрос о форме выражения такой модели. В целом для этнолингвистических исследований формой такой модели является естественный язык автора модели, например русский; им может быть и язык источника, например греческий. Тогда все понятия в узлах модели именуются соответственно русскими или греческими словами.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Схема

Поволховье
Приладожье

Сиги

По месту лова

Волховский с.
Ладожский с.
Низовой с.
Озерный с.

По времени лова

Весенний с.
Закорный сяголов
Закоромный с. (вылавл. весной)
Корюшник (вылавл. вместе с корюшкой)
Паровина (вылавл. летом, в жару)
Паровой с. (вылавл. летом, в жару)
Ранний с. (вылавл. в апреле–мае)

По величине

Зобатый с. (крупн.)
Кряжевой с.
Сиголов (крупн.)
Сиголовый с. (крупн.)
Ямный с.

По характеру движения

Боевой с.
Ётовый с. (идущий массой)
Оплавной с.
Проходной с.

Онежское озеро

Сиги

По месту лова

Верхосвирка (с. верховьев р. Свирь)
Низовой с.
Онежский с.
Песочник, песочный с. (вылавл. на песках)
Песчанк
Свирюг (из р. Свирь)

По времени лова

Бережной с. (вылавл. весной и летом)
Весенний с.
Закоромный с. (вылавл. весной)
Корюшник (вылавл. весной)
Круглый с. (вылавл. весной и летом)
Кряжевой с. (вылавл. 25.XI–25.XII) Липушник (идущий вслед за корюшником)
Листопадный с. (вылавл. осенью)
Новинный с. (вылавл. с авг., когда начинают жать рожь)
Паровой с., паровина (вылавл. летом)
Песочный с., песочник (вылавл. в авг.) Ранний с.

По величине

Белый с. (до 4–6 кг)
Жировой с. (крупн.)
Зобатый с.
Зобач (крупн., до 3 кг)
Килец (мелк.)
Кряжевой с. (до 1 кг)
Мордак (крупн.)
Мошкарь (мелк.)
Мугач, мугачок (мелк.)
Музака (мелк.)
Носарь (крупн.)
Пасижок (мелк.)
Сиголов (крупн.)
Филак (мелк.)
Ямный с.

По характеру движения

Речной с. (ядущий на нерест в реку)
Сборный с. (идущий к берегу на корм)
Черный с. (идущий на нерест)
Проходной с.

По окраске

Светлый с.
Темно-серый с.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Примечание. Значения слов-понятий раскрываются в скобках, если они не выводимы из внутренней формы названия. Названия понятий следуют в алфавитном порядке.

В свою очередь, такие узлы, как «по времени лова» или «по величине», могли бы быть разделены и далее на более мелкие аспекты, такие как виды сигов, вылавливаемых летом, осенью, весной; обозначение крупных особей, мелких.

Моделирование эволюции знания для каждой семантической группы требует разносторонних сведений из археологии, этнографии, истории реалий, лингвистики.

К сожалению, далеко не для всех даже основных понятийных групп мы имеем сегодня такие сведения. Чаще всего они отрывочны, фрагментарны и не дают возможности построить целостную картину эволюции мышления в данной предметной области.

Приведем фрагмент системы понятий и терминов, называющих разные виды сиговых рыб в бассейне реки Волхов (южное Приладожье) и на Онежском озере.

В такой системе хорошо видны все типы отношений. Например, понятия «низовой сиг», «ладожский сиг» относятся к понятию «сиг» как вид к своему роду. Понятие «проходной сиг» находится в отношении опосредованного соподчинения к понятию «волховский сиг». В целом вся логико-понятийная структура постепенно предстает перед нами как единство различных понятийных макро- и микрополей разного уровня. Такие модели, системы — важный источник проникновения в мир знания народа, индивида.

Будучи представленной в текстовой или графической форме, такая модель может быть впоследствии спроецирована на разные ареалы и типы источников. Сопоставление подобных понятийных моделей для разных этносов позволяет на строго объективной основе без обращения к эмоционально-экспрессивным аспектам сознания ставить и решать вопросы об этнической и национальной специфике различных картин мира у разных народов.

От модели к программе полевого обследования. Будучи построенной, логико-понятийная система снова возвращает исследователя к уточнению методов сбора материала как в полевых условиях, в экспедиции, так и по письменным источникам. Подобная система может быть преобразована в матрицу с максимально возможным числом дифференциальных признаков объекта, которая может быть впоследствии спроецирована на любой этнос и диалект в виде программы вопросника.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Постепенно после соответствующей доработки такая система приобретает новый облик семантической программы-модели по сбору материала по той или иной группе понятий. Так после синтеза этнографических и лингвистических данных была создана относительно полная программа по русскому жилищу и его лексике.

Конечно, в том или ином узком ареале некоторые позиции могут остаться незаполненными, поскольку не всякое различие может оказаться значимым, релевантным для этого этноса, но в то же время проверке должны подлежать все позиции.

И в этом отношении для этнографа, социолога большой интерес представляют уже сами программы сбора материалов для лингвистических атласов, словарей. Многие из таких программ насквозь семантичны и этнографичны. Приведем в качестве примера фрагмент Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров[5].

ЧЕРДАК И ПОДПОЛЬЕ. ПОМЕЩЕНИЯ И ПРИСТРОЙКИ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К ЖИЛОЙ ЧАСТИ ДОМА

ЛСЛ 16 178[6]. Чердак над жилой постройкой: *балехон, верех, верх, верхуша, верхушка, вершила, высь, вышка, галдерейка, галёрка, голубица, голубчик, голубница, гора, горище, изба, избеница, истепак, истобок, истовка, истовок, истопель, истопка, истопок, иступка, клеть, крыло, крыша, лохта, наверх, навышка, нагорище, надволока, подызбица, наистобок, наистопка, надмостник, накат, накатник, напод, наподволока, наподлавка, напол, напотолок, напотолоки, настил; нахатье, пелена, под, подбой, подвалка, подволовка, подволок, подловка, подлавка, подлога, поднебесье, подволока, поднебье, подоловка, подшив, подшивье, подызбица, поизбица, покот, полати, полатки, полать, помостник, понёба, понебье, потолога, потолок, потолока, потолоко, пошва, пригул, притолок, притолока, пятра, пятры, светёлка, сельница, середник, синник, синница, слань, стели, стеля, стлань, столеванье, столь, стужень, сушило, чердак...*

Л 16 179. Различают ли названиями помещения между крышей и потолком: а) над жилой частью дома; б) над сенями; в) над двором?

ЛСЛ 16 180. Жилое помещение на чердаке дома: *верхница, надызбица, надруб, надрубка, наруб, светелка, светильник, чердак.*

ЛСЛ 16 181. Место на чердаке дома для сушки белья: *бельевик, бельник.* Подполье под домом (избой) со входом из дома: *голбчик, голбица, голубица, лазня, подголбец, подголбица, подголбчик, подклет, подклеть, подпол, подполица, подполье, приполье, холодник, щиток, яма, выход...*

---

[5]Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров / Под ред. И. А. Попова. Ч. I, II. СПб., 1994. (Здесь же смотри сокращения и условные обозначения.)

[6]Ниже в примере слева — условные № кода и номера вопросов. Вопрос читается так: «Как у Вас называют ...».

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ЛСЛ 16 182. Подполье под домом: *гобец, гобчик, голбец, галечник, западня, истёбка, истёпок, подвал, подполье, подпол...*
Л 16 183. Полки в подполье: *подволок, супротивень...*
ЛСЛ 16 184. Помещение со входом с улицы (под основным жилым помещением): *истёбка, подызбица, подклет, подклеть, подвал, подполье...*
Л 16 185. Вход с улицы в многокомнатный дом: *парадный вход, парадний вход...*
Л 16 186. Вход со двора в многокомнатном доме: *черный вход...*
ЛСЛ 16 187. Холодные сени в доме: *большой мост, вонки, мост, мосты, мосток, колидор, коридор, ободенки, передызбье, перемостье, предмостье, предызбье, пристенье, рундук, сарай, сенки, сенницы, сенцы, сяни, чулан...*
Л 16 188. Пол в сенях: *мост, пол...*
Л 16 189. Отгороженная часть сеней: *приклеть, присенок, чулан, чуланик, чуланка, чуланчик...*
Л 16 190. Занимающее половину сеней обычно не отапливаемое помещение дома из двух комнат (хаты), служащее кладовой или летней комнатой: *хатёнка, хатына, чулан...*
Л 16 191. Кухня, выделенная в сенях дома с двумя жилыми комнатами: *середняя, теплушка, хатына...*
Л 16 192. Кухня или кухня-столовая в доме: *комора, куфня, летняя стряпка, теплушка, хата, чёрная комната, изба...*
Л 16 193. Столовая комната: *гостиница...*
ЛСЛ 16 194. Прихожая, передняя в многокомнатном доме: *вхожая, коридор, колидор, изба, прихожка, теплушка...*
Л 16 195. Коридор в доме: *балкон, колидор...*
Л 16 196. Тёплый коридор внутри многокомнатного крестьянского дома: *балкон, сенцы, прихожка...*
Л 16 197. Помещение типа широкого коридора, разделяющего две комнаты дома: *связь по-тёпломy, сени, мост...*
Л 16 198. Вторые сени: *белы...*
Л 16 199. Холодное хозяйственное помещение под сенями: *подмост, подсенник...*
Л 16 200. Помещение над сенями: *насенный чердак, пятры, подволока...*
Л 16 201. Крыльцо при входе в дом: *выходы, галдерейка, ганок, крылец, крыло, маленький с мост, мост, предмостье, примост, примосток, присенье, рундук...*
Л 16 202. Крыльцо открытое: *крылец открытой...*
Л 16 203. Крыльцо закрытое, обшитое досками: *глухое крыльцо...*
Л 16 204. Верхняя площадка на крыльце: *рундук, мост...*
Л 16 205. Нижняя площадка перед крыльцом: *мостик, мостки...*
Л 16 206. Ступенька крыльца: *глотень, крыленка, лестовка, мостина, планочка, порожки, приступок, спица, стопник...*
Л 16 207. Доска между ступенями крыльца: *заглушина, заглушка, подпорок...*
Л 16 208. Брус, в который врублены ступени крыльца: *тетива...*
Л 16 209. Крыльцо, площадка которого крепится на одном столбе: *крыльцо об одном столбе...*
Л 16 210. Крыльцо с основанием, срубленным в виде клети: *крыльцо на ряжах...*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Л 16 211. Крыльцо, устроенное на концах бревен, выступающих из сруба дома: *крыльцо на выпусках, крыльцо на помочах, висячее крыльцо...*
Л 16 212. Крыльцо, выходящее во двор: *дворной мост, задний мост...*
Л 16 213. Парадное крыльцо: *боярское крыльцо, парадное* (сущ.), *паратънее* (сущ.)...
Л 16 214. Навес, крыша над крыльцом: *кролька, подбой, поднавес, потолок, свес, хоромцы...*
Л 16 215. Крыльцо с навесом: *галдерейка, крылец...*
Л 16 216. Витая колонка крыльца: *балясина...*
Л 16 217. Резной или точёный столбик, доска перил крыльца, галереи, балкона: *баляса, баляска, балясина...*
Л 16 218. Перила лестницы: *баляска, боляса, грядка, держалка, задорга, надолбня, надолбок, полица, попери, порученья, стромы, ухват ...*
Л 16 219. Лестница: *леска, сходы...*
ЛСЛ 16 220. Ступеньки лестницы: *всходы, заступы, крылечки, крылец, крыльцо, порожки, сходцы, сходы...*
Л 16 221. Крытая или открытая галерея вдоль дома: *выходы, балясы, галдарейка, галдерея, гульбище, кандарея, крылец, нищевник, прируб...*
Л 16 222. Галерея, опирающаяся на концы бревен, выступающих из сруба дома: *висячая галерея...*
Л 16 223. Галерея, устроенная под крышей дома на столбах вдоль длинной или длинной и узкой сторон дома (хаты): *поддашек, поддашка...*
Л 16 224. Открытая веранда, терраса: *колидор, рундук...*
Л 16 225. Застекленная веранда: *тальянка...*
Л 16 226. Беседка, отдельно стоящая у дома, род мезонина: *гандарея, рейка...*
Л 16 227. Лёгкий навес перед входом или во дворе в виде деревянного или металлического каркаса, оплетённого виноградными ветвями или другими вьющимися растениями, под которым обедают и отдыхают: *затишек, холодок, шатёр, шатро, шпалера, шпалеры...*
ЛСЛ 16 228. Кладовая в доме: *боковушка, вышка, гарманжа, граманжа, закпеть, закута, замшеник, заряд, казёнка, камора, кладовка, кладовушка, кладушка, клеть, клетушка, клить, колдовая, колидор, комора, коридор, сельник, чуланка...*
Л 16 229. Отделение в рубленой кладовой-клети: *заклеть...*
ЛСЛ 16 230. Помещение под рубленой кладовой-клетью: *омшанник, подклет, подклеть, подчельничье...*
Л 16 231. Помещение над клетью: *наклетник, наклеть...*

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ. ПОСУДА

а) Кухонная посуда

Л 17 009. Посуда с ручкой для варки пищи, кипячения молока: *кастрюля, ляндерак, ляднича...*
СМ 17 010. Употребляется ли слово *меднича*? Обозначает оно: 1) медный таз; 2) кастрюлю...?
Л 17 011. Эмалированный (о посуде): *поливанный, побеленный...*
Л 17 012. Металлическая с загнутыми краями посуда для жарения: *пательня, сковорода, чапельня...*
Л 17 013. Глиняная миска: *блюдо, латушка, миска, черепушка...*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ЛСЛ 17 014. Глиняная посуда для молока (с узким горлом без ручки и носика): *глечик, горланчик, кринка, кувшин, кушин, горшок...*
Л 17 015. Посуда, в которой сбивают масло: *бойка, маслобойка, маслянка...*
Л 17 016. Куски глиняной разбитой посуды: *черепки...*
Л 17 017. Металлическая посуда доя хранения жидкостей, имеющая форму бидона без ручки: *бидон, кандейка, фляга...*

б) Столовая, чайная посуда

Л 17 018. Столовая посуда (о.н.): *посуд...*
Л 17 019. Столовая посуда круглой формы с плоским дном и приподнятыми краями: *талерка, хлебальница, чаплашка...*
Л 17 020. Столовая посуда в виде большой тарелки круглой формы: *блюдник, блюдо, саган, ставец...*
СМ 17 021. Употребляется ли слово *блюдо*. Обозначает оно: 1) *чайное блюдце;* 2) *глубокую тарелку...?*
Л 17 022. Столовая посуда для соли: *солоница, солъница...*
СМ 17 023. Употребляется ли слово *солянка?* Обозначает оно: 1) посуду для соли; 2) кушанье...?
Л 17 024. Металлический сосуд для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями: *самовар, самоварник, самогар, самогрей, самокипец...*
Л 17 025. Посуда с ручкой и носиком для заварки чая или для кипячения воды: *запарник, носатик, чайник...*
Л 17 026. Посуда с ручкой, из которой пьют чай: *кандейка, кумка, кумычка...*
Л 17 027. Стеклянная посуда, из которой пьют чай: *склянка, стакан, стикан...*
Л 17 028. Чайное блюдце: *блюдко, донечко, сподак...*
Л 17 029. Высокая, суживающаяся кверху посудина с ручкой и носиком: *кубган, кувшин, курбан, кухоль, ручка, туш...*
Л 17 030. Высокая посудина с узким длинным горлом: *графин, карафа, карафинка...*

в) Стеклянная посуда

Л 17 031. Маленькая посудинка, из которой пьют вино: а) без ножки: *чарка, чарочка...;* б) с ножкой: *рюмка...*
Л 27 032. Стеклянная банка: *банка, слоик...*
СМ 17 033. Употребляется ли слово *банка?* Обозначает оно: 1) глиняный сосуд для молока; 2) бидон; 3) мелкую бадью, лохань...?
Л 17 034. Стеклянный сосуд круглой формы с узким продолговатым горлом: *байня, баня, бутылка, сулейка, сулея...*
СМ 17 035. Употребляется ли слово *баня?* Обозначает оно: 1) пузатую бутыль; 2) тыкву; 3) мыльный пузырь...?
Л 17 036. Пробка, которой затыкают бутылки, бочки и т. п.: *затинка, затыска..., корак, пробка...*
СМ 17 037. Употребляется ли слово *водянка?* Обозначает оно: 1) кадку для воды; 2) водяную мельницу; 3) водяной пузырь на теле...?
Л 17 038. Куски стеклянной разбитой посуды: *склянки...*

г) Кадки, бочки

Л 17 039. Деревянная посуда (о.н.): *щепа, шабала, шабалка...*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ЛСЛ 17 040. Деревянная посудина, сделанная из разрезанной поперек бочки: *окоренка, окоренок, обрез...*
ЛСЛ 17 041. Деревянная посуда, в которой солят капусту, огурцы: *кадушка, кваска...*
ЛСЛ 17 042. Деревянная посуда, в которой солят сало: *кубел, сальница...*
ЛСЛ 17 043. Деревянная посуда, в которой хранят масло: *паска, фаска...*
ЛСЛ 17 044. Деревянная посуда, в которой хранят мед: *лабзень, липовка...*
ЛСЛ 17 045. Посуда для закваски теста: *дежа, дежня, дупелька, квашня, квасница, квашник...*
ЛСЛ 17 046. Посуда, в которой растворяют тесто для блинов: *блинница, блиновница...*
ЛСЛ 17 047. Деревянная (с двумя донцами) посуда для напитков (кваса, вина): *баул, бокура, бочка, бочонок, дежка, полубочонок...*
ЛСЛ 17 048. Маленькая бочка для напитков: *баклуша, барило, бочонок, галенок, жбанок...*
Л 17 049. Дно деревянной посуды: *днище, дно...*
Л 17 050. Вырез, паз в нижней части бочки, в который вставляют дно: *паз, уторы...*
Л 17 051. Боковые дощечки, из которых состоит бочка, кадка: *клепка, клепки...*
ЛСЛ 17 052. Обод, стягивающий стенки кадки: *каталка, катило, коло, обручень...*

д) Посуда для ношения воды

Л 17 053. Посуда с дугообразной ручкой для ношения воды: *ведро, цебарка, челек...*
ЛСЛ 17 054. Ручка ведра: а) из веревки: *перевесла, почепка...*; б) *железная; дужка, каблук, поселка, почепка, ручка...*
Л 17 055. Ненаполненный (о ведре): *порожний...*
ЛСЛ 17 056. Кадка с двумя ушами на верхнем срезе, в отверстия которых продевается шест для подъема, ношения: *извара, узвара, ушат, ушит...*
Л 17 057. Шест для ношения ушата с водой: *водонос, коромысел, хлуд, шест...*

е) Посуда для различных хозяйственных надобностей

ЛСЛ 17 058. Большой глиняный горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей: *корчага, горшок, кубан...*
СМ 17 059. Употребляется ли и в каких значениях слово *корчага:* 1) посуда для воды; 2) оплетенная прутьями бутыль...
Л 17 060. Посуда для помоев: *ведрище, помойное ведро...*
Л 17 061. Низкая деревянная кадочка для помоев: *лоханка, шаплик...*
ЛСЛ 17 062. Посуда из бересты: *берестяник...*
Л 17 063. Посуда, в которой хранят угли: *кадилка, угольница...*
Л 17 064. Посуда для сева зерновых вручную: а) из луба: *лубянка...*; б) из соломы: *севалка...*; в) из полотна, материн: *севня...*
Л 17 065. Посуда для дегтя: *дегтярка, мазница...*
Л 17 066. Цветочный горшок: *рынка...*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ж) Посуда для стирки

Л 17 067. Корыто: 1) для стирки белья:...; б) для кормления животных, птиц: *ляда...*; в) для поения животных: *жалоб...*

КУХОННАЯ УТВАРЬ

Л 17 068. Доска, на которой режут, крошат что-либо: а) большая доска: *стольница...*; б) небольшая доска: *днушка...*
Л 17 069. Корытце или блюдо, используемое для рубки мяса: *колычан, кульпан, панок...*
Л 17 070. Большой кухонный нож: *колодей ...*
Л 17 071. Нож для хлеба: *хлебник...*
ЛСЛ 17 072. Карманный ножик: *складень, складенец, складник...*
Л 17 073. Ручка ножа: *колодка, черен...*
Л 17 074. Приспособление для точки ножей: *острило, правило, шпиколка...*
Л 17 075. Орудие для рубки капусты: *тяпка...*
ЛСЛ 17 076. Металлическая пластинка с острой насечкой и дырками для измельчения пищи трением: *терка, тертуха, тертушка...*
ЛСЛ 17 077. Приспособление в виде конуса, заканчивающееся трубкой, служащее для переливания жидкостей: *воронка, лейка, цедилка...*
Л 17 078. Ситечко для процеживания молока: *цедильник, цедило...*
Л 17 079. То, чем едят суп: *ложка, лузик...*
Л 17 080. Чайная ложка.
Л 17 081. Ручка с зубьями для захватывания кусков пищи: *виделка, вилка, приёмец...*
Л 17 082. Большая разливательная металлическая ложка: *черпак...*
Л 17 083. Большая разливательная деревянная ложка: *ополовник, поваренка, поварня, полойник, полоник, чумичка...*
Л 17 084. Помазок для смазывания сковородок, противней: *квач...*
ЛСЛ 17 085. То, чем толкут, разминают пищу: *колотушка, мяло, толкач...*
Л 17 086. Ковш с небольшими отверстиями, служащий для процеживания или протирания пищи (макаронов, творога и т. п.), дуршлаг: *друшляк, дришляк...*
ЛСЛ 17 087. Широкий округлый металлический сосуд с ручкой для зачерпывания жидкостей и питья: *ковш, корец, сливальник...*
СМ 17 088. Употребляется ли слово *корец?* Обозначает оно: 1) ковш; 2) жестяную кружку для питья; 3) половник; 4) совок для насыпания зерна...?
Л 17 089. Доска, на которой месят, раскатывают тесто: *ночва...*
ЛСЛ 17 090. Деревянный валик для раскатывания теста: *качалка, скалка...*
ЛСЛ 17 091. Приспособление в виде деревянного обода с натянутой на него сеткой для просеивания муки: *брехото, грохот, грохотка, подсевалка, подситок, решетка...*
ЛСЛ 17 092. Приспособление в виде деревянного обода с натянутой на него частой сеткой для просеивания муки: *просевень, севалка, севка...*
ЛСЛ 17 093. Обод сита, решета: *обичайка, обичка...*
ЛСЛ 17 094. Корыто, посуда, в которую просеивают муку, крупу: *доска, ваганка, ночва, ночевка, сельница...*

В конечном счете именно реализация подобных программ, их неоднократная перепроверка как в полевых, так и в кабинетных

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

условиях — залог создания детальных и глубоких этнолингвистических словарей и атласов.

Рекомендуемая литература*

Андриашев А. П. Рыбы северных морей. М.; Л., 1954.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972.

Линдберг Г. У., Герд А. С., Росс Г. С. Словарь названий промысловых рыб мировой фауны. Л., 1980.

Лутовинова И. С. Слово о пище русских. СПб., 1997.

Сепир Э. Язык. М.; Л., 1934.

Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

Ушаков Н. В. Жилище русских, води, ижор и финнов Санкт-Петербургской губернии начала XX в.: Автореф. канд. дис. Л., 1991.

Хойер Г. Антропологическая лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.

Хойер Г. Лексикостатистика // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

* Обзор многочисленных трудов, посвященных языковой картине мира разных народов, вполне может быть предметом дипломных работ студентов и диссертаций магистров.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ НАРОДНОГО ЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Уже само по себе описанное выше синхронистическое моделирование логико-понятийных систем, связанных с традициями народной культуры, представляет определенный шаг вперед к реконструкции народного мышления, в особенности в том случае, если такое моделирование проводится при широком привлечении источников XVIII–XX вв.

В то же время язык вместе с археологией и этнографией позволяют восстановить относительную хронологию и ареальное перераспределение разных типов народного мышления с древнейших времен.

История мышления народа отражена в его языке. Именно в языке и через язык дано нам все богатство народных знаний, верований и представлений и только через беседы с информантом на его родном языке можно проникнуть в глубины народного сознания.

Одна из задач исторической этнографии — реконструкция хронологически разных этнических состояний как систем и микросистем. Так, например, работы по рыбному хозяйству, истории, этнографии, этимологии позволяют нам довольно полно реконструировать состояние русского рыболовства на Белом море и Каспии до XVIII–XIX вв. именно как систем, а привлечение данных лексики дает возможность восстановить эту систему у русских, у тюркских народов Поволжья и финно-угорских народов Севера до рубежа I тысячелетия н. э. Для исторической этнографии Русского Севера, например, крайне важно установить удельный вес прибалтийско-финского вклада в разных понятийных сферах, связанных с народной культурой. Весьма существенно также и то, что благодаря множественности фактов диалектные данные позволяют воссоздать ту или иную понятийно-предметную группу (виды пищи, обрядов) именно как систему в мельчайших деталях.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

И здесь наибольшую ценность имеют факты, извлеченные из истории отдельных слов, и анализ истории целостных лексико-семантических групп (ЛСГ). Именно история ЛСГ дает возможность воссоздать эволюцию народного знания в той или иной области материальной или духовной культуры с древнейших времен до наших дней.

В процессе реконструкции истории народного мышления особое значение приобретают данные этимологии и сравнительно-исторической лексикологии.

В области сравнительно-исторической лексикологии лингвист-компаративист, подобно археологу, определяет этимологию отдельных слов, форм, затем увязывает данное слово с другими однотипными в том или ином отношении, высказывает гипотезы, предположения. Этимология может многое дать для реконструкции мышления тех народов, которые сейчас уже не живут на этой территории. Данные этимологии намечают относительную хронологию как слова, так и явления. Исследования по этимологии нередко очерчивают и географию употребления слов (понятий).

Для этнографа крайне важно привлечение по возможности большего числа этимологических словарей и специальных работ по этимологии. Так, например, для восстановления истории народных представлений севернорусов о животных весьма существенно то, что именно в результате этимологических исследований мы знаем, что еще от эпохи праславянского единства севернорусы унаследовали знания о таких диких животных, как *лис (лиса), заяц, лось, медведь, крот, куница, хорь, ласка, горностай, язвец, барсук, зубр, хомяк, белка,* а также о домашних животных — *пес (собака), конь (кобыла), бык (корова), вол, боров, баран, кот, пороз* (все эти слова — праславянские по своему происхождению). Напротив, с оленеводством русские познакомились не ранее XV в. на Крайнем Севере в районах Белого моря. Вся лексика оленеводства в севернорусских диалектах — саамского или ненецкого происхождения. Таковы, например, все названия оленей по возрасту у русских на Печоре — *пендук* 'олененок двух-трех лет', *нялуку* 'олененок на втором году', *хора* 'олененок трех-четырех лет', *менурей* 'олененок шести-семи лет'.

От праславянского периода севернорусам были известны *просо, ячмень, жито, овес, пшено, рожь, боб, горох, капуста, лук, репа, редька, морковь, лен;* травы *осока, сита, осот, попороть, полынь, хвощ, дятелина* (все эти слова — праславянские по проис-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

хождению). Из ягод севернорусам со времен праславянского периода были известны *малина, смородина, брусница, жеравина, ежевика, суница, черница.* В районах Поволжья и Приильменья через посредство прибалтийско-финских народов севернорусы узнали *гоноболь, морошку, сестрениицу (сестрянку), кисёлку* (разновидность красной смородины).

Для реконструкции модели знания в области материальной культуры севернорусов крайне важны сведения по бортничеству. Такие понятия, как *пчела, бортъ, воск, улей, мед, бортник, пасека, земля бортная, пасечник,* по данным этимологии, были известны севернорусам еще до времени их появления по берегам рек Великая, Волхов, Ловать, озера Ильмень.

С древнейшей поры севернорусы ели *блины, кашу, ковриги,* делали *квас, простоквашу, уху.* Все эти слова также праславянские по происхождению. Напротив, по-видимому, большая часть понятий, связанных с собственно севернорусской пищей, сформировалась прежде всего в районах Причудья, Приильменья, Поволховья (здесь необычайно велико число общих псковско-новгородских диалектизмов) и лишь позднее многие из них были занесены уже в Заонежье, Беломорье и на Печору. Именно в эпоху Великого Новгорода XII–XV вв. произошла детализация и многих видов пищи. В этот период севернорусы освоили такие пироги, как *борканник, грибник, житник, капустник, пшенник, рыбник,* а влияние прибалтийско-финских народов здесь сказалось в том, что севернорусы освоили *хлеб-чоппан, шаньги, калитки.*

К относительно поздней эпохе XVI–XVII вв. относится формирование основных видов севернорусской обуви. Это такие виды лаптей, как *лыченицы, волосяники*; сапог — *ошетки, притачки, пришитки, уледи, упаки, коты, чарки, ступни, канги, бахилы, поршни, скрешни,* а также такие виды зимней обуви, как *пимы, яры, унты, кисы, катаники.* Все эти слова, по данным авторитетных источников, появляются в севернорусских диалектах с XVI–XVII вв.

Исторические словари хорошо вскрывают понятийную семантику эпохи. Обращение к памятникам письменности, к исследованиям по исторической лексикологии и историческим словарям позволяет увидеть многие детали социальной жизни, развития занятий, ремесел.

Так, по данным Ю. И. Чайкиной, севернорусы Белозерья в XIV–XVI вв. различали следующие понятия, связанные с подсечно-огневым земледелием:

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— пашню, поле, возникшее путем корчевания и выжигания леса *(раменье)*,

— обработанный под посев участок *(земля)*,

— участок, обработанный и под посев и под покос *(землица, страдомая земля)*,

— участок, окончательно очищенный под посев, покос *(нива, дор)*,

— сенокосное угодье *(пожня, занос)*,

— вырубка леса *(сеча, розсечь)*,

— вспаханный участок *(пашня, позем)*,

— участок пахотной земли около двора *(ободворина)*,

— участок вблизи дома, занятый овощами *(огород, капустник, рассадник)*.

Для исторической этнографии и реконструкции этнической истории определенного ареала особенно важны региональные исторические словари, которые показывают историю развития слова (понятия) в определенный исторический период на достаточно узкой конкретной территории. Словарная статья исторического словаря дает определение и описание понятий, конкретных реалий, точную хронологию употребления этих слов и существования понятий.

Приведем в качестве примера фрагмент словарной статьи на слово «Двор» из Псковского областного словаря с историческими данными.

Ниже первая часть статьи (до отступа) показывает жизнь слова «двор» в современных диалектах, а после отступа — употребление слова в памятниках псковской письменности. Если значение в исторической части совпадает с современными, определение его не повторяется.

Двор, á, м. 1. *Дом со всеми хозяйственными постройками, усадьба; отдельное хозяйство.* Абычна двор — ета свае хазяйства. *Гд.*

Как единица счета. Наша дяревня бальшая была, сто пятнадцать двароф и сто гувён. *Пск.*

2. *Холодное помещение для скота, пристроенное к дому.* Изба и двор к ызбе. *Вл.* Сначала двор, а ка двару хлеф пристроен. *Гд.* Сквозной двор. *Крытое помещение для скота, имеющее два входа.* В нас сквозной двор был, двое ворота, какой двор бальшиной, таки и ворота. *Гд.* > Черный двор. *Крытое помещение для скота, имеющее один вход.* Люди и животные ходят в анну дверь, такой двор называют чорный. *Печ.* > Белый двор (?). Если натстройка есьть, то ето белый двор называецца, а так просто — то охлеф. *Стр.* > На двор. В уборную, сойти на двор. *Гд.* Если захочешь ф класи на двор, то здымай руку. *Печ.*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

1. Месяца майя въ 6 день посѣкоша псковичи дворы у посадников: у Якова, ... и у иньших много дворов посѣкоша. *Лет. I, 1483 г., л. 645.* А потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было. *Лет. III, 1570 г., л. 193 об.* <...>

6. Усадьба, подворье и административные помещения — место пребывания высокого, официального лица. > Владычень (архиепископль, архиепископа) двор. *Резиденция архиепископа, место, где вершился церковный суд.* Того же лѣта начаша двор дѣлати владычень во Пскове ... а священники ему не пособиша ни в чем же во двор, а монастыри всѣ мшили горницы и повалушу склали. *Лет. I, 1535 г., л. 672 об.* > Государев двор. А въ важнѣ терези болшие, а другие на Ньмецкомъ дворѣ болшие жъ, а третие на Государевѣ дворѣ. *Кн. писц. 1, 13, к. XVI в.* > Княж (княжей, великого князя) двор. *Резиденция князя, место, где вершился суд князя.* > Наместничь двор. И повезоша его [колокол] на Сиетогорскои двор к Ивану Богослову, гдѣ нонма намѣстнич двор. *Лет. I, 1510 г., л. 660.* > Гостин(ый) двор. Во Пскове, в болшомъ ряду, лавки и анбары, и гостиный дворъ погорѣли. *Кн. Поганкина, 7, 1644–1678 гг.* > Немецкий двор. *Участок с постройками, где проживали и вели торговлю иноземные купцы.* Привезли нѣмцы торговые грамоту с Москвы, что ставити имъ двор немецкой во Пскове, и входити в город, и торговати им во Пскове. *Лет. III, 1632 г., л.228.* > Кружечный двор. Питейный дом, кабак. > Корчемный двор. То же, что постоялый двор. > Печерский двор. Усадьба в Пскове, где останавливались монахи Псково-Печерского монастыря. > Постоялый двор. Помещение для ночлега, с двором для лошадей и повозок. > Приезжий двор. То же, что Печерский двор. > Псковский двор. Место в Новгороде, где останавливались псковичи. Ловецкий двор. Дом для временного проживания рыбаков. <...>

9. Мастерские ремесленников. > Кожевный двор. > Солодожный двор.

По приведенным фрагментам словарной статьи «Двор» нетрудно заметить не только обилие семантических нюансов и деталей, вычленяемых в сознании псковичей, но и широкую панораму разных видов дворов в Пскове XV–XVII вв.[1]

В ходе реконструкции истории формирования знания свое особое место занимают данные археологии.

Приведем в качестве примера реконструкцию одной целостной логико-понятийной микросистемы, связанной с народными представлениями о рыбах у русских.

От различных этапов и стадий праславянского периода, включая балто-славянский и более поздний, восточнославянский, славянам Поволховья, Поильменья, бассейна Великой, Ловати были уже известны такие виды рыб, как *осетр, стерлядь, шип, белуга, сельдь, лосось, синец, лещ, подлещик* (молодь), *карась, язь, го-*

[1]Такой же локально-исторический характер имеет *Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в.*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

лавль, елец, плотва, вырезуб, гольян, линь, пескарь, синец, карп, уклея, густера, подуст, сом, окунь, сопа, судак, ерш, менъ (налим), *бычок, вьюн, щука, угорь, усач* (голец). Все эти слова праславянские по происхождению[2].

Осетр, учитывая его ареал, географию диалектных обозначений, по-видимому, играл большую роль в жизни обитателей Поволховья. Так, уже в раскопках у Старой Ладоги 1911–1913 гг. обнаружены кости большого количества осетров. Отметим также обилие названий разновидностей осетра на Волхове и отсутствие таковых в говорах в районах Пскова, по реке Великой. В раскопках археологов обнаружены останки сига, щуки, густеры, леща, сырти, судака, окуня, ерша XII–XIII вв.

Хотя такие рыбы, как *стерлядь, белуга, шип, севрюга*, были известны славянам с глубокой древности, они вряд ли входили в ядро понятийного знания об ихтиофауне у кривичей и словен, так как сами эти виды рыб распространены только на Волге, не выше Камы, откуда позднее проникли и в Белозерье. Относительно рано в районах южнее Псковщины восточные славяне узнали снетка.

В целом, по-видимому, в относительно широкой зоне, прилегающей с юга к Финскому заливу, Неве и Ладожскому озеру, а именно между Чудским озером и Наровою на западе и Волховом и Сясью на востоке, славяне от различных прибалтийско-финских племен впервые узнали таких рыб, как *кумжа, таймень, салака, килька, сиг, лудога, ряпушка, рипус, корюшка, корех, хариус*. Здесь же они научились выделять *лоха* ('отнерестившиеся особи лосося'). Все эти русские слова прибалтийско-финского происхождения. Не противоречат этому и сведения по географии распространения самих рыб.

Учитывая ареал рыб, географию слов, число и характер слов, производных от субстратных основ, вполне возможно допустить, что таких рыб, как *килька, сиг, салака, ряпус* (ряпушка), *хариус, балтийский лосось* (лох), *таймень, корюшка*, славяне впервые узнали несколько западнее, а именно в северном Причудье, на Нарове, Луге. Так, *салака, килька, таймень* водятся в Финском за-

[2]Моделирование древнейшего ихтиологического знания псковичей, новгородцев и других групп севернорусов проведено по: *Берг Л. С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. III. М.; Л., 1948–1949; *Герд А. С.* Проблемы формирования научной терминологии: (На материале русских названий рыб): Докт. дис. Л., 1968; *Линдберг Г. У., Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972. Там же см. литературу, источники, этимологию и историю форм, точнее, значение слов, ареал. Примеры здесь и ниже следуют в порядке ихтиологической систематики.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ливе и не водятся в Ладожском озере и Волхове, а низóвья Луги и Наровы — основные места лова *корюшки*. В пользу этого свидетельствует и география слов. Большинство прибалтийско-финских по происхождению слов не заходит южнее Причудья (среднее течение Луги, среднее течение Волхова).

Здесь же, в Причудье, славяне научились различать и выделять мелкого леща — *беребра*, мелкого окуня до двух лет — *борканника* (*новг.* борканник, борканчик — мелкий судак)[3]; местную разновидность густеры — *моргу*; голавля из реки Луги — *турбака* (ср. *ижор.* turbakka).

Приведенные факты свидетельствуют также и о том, что знакомство части первых славянских поселенцев с прибалтийско-финскими народами могло идти не только в порядке их продвижения с юга по Великой, Ловати, Шелони, но также и с запада по берегу Финского залива. Видимо, не случайно, что прибалтийско-финские названия рыб и сегодня известны на берегах Наровы, Луги, активны в Поволховье, но никогда, ни в XVIII, ни в XIX в., не фиксировались южнее Пскова. Даже если предположить, что знание о таких разновидностях рыб, как *сиг, корюшка, лох, ряпушка,* могло быть усвоено, как и их названия, параллельно и независимо в северном Причудье и в Поволховье, то в свете сказанного выше знакомство славян с *салакой, килькой, тайменью, борканником, беребром, турбаком, моргой* могло произойти только в бассейне Наровы и Луги.

В целом местные названия рыб к югу от Пскова отличаются от названий к северу от Пскова, даже для одних и тех же видов. Примечательно, что именно в бассейне Наровы зафиксирована большая детализация разновидностей балтийского лосося по времени лова с опорным термином «лох»: *воздвиженский лох, лох-земляничник, покровский лох, успенский лох.*

Постепенно уже позднее в Причудье, в Понаровье от прибалтийско-финских народов восточные славяне научились выделять местную разновидность мелкого леща — *вимбу*[4], такие разновидности чудского сига, как *корюшник* — ‘сиг, вылавливаемый вместе с корюшкой’, *мордак* ‘крупный сиг’[5], *паек, паечек* ‘мелкий сиг’;

[3]Таким образом, как понятия о борканнике и беребре, так и слова, их обозначающие, скорее всего, занесены на Волхов из Причудья и Принаровья.

[4]Слова *вимба* и *крымпа* не известны нигде, кроме Причудья, что говорит об относительно позднем их возникновении.

[5]Характерно, что именно в этой же форме (*мордак* — крупный сиг) это по-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

форели — *крошица, крошница* (молодь р. Нарова, Луга); трехиглой колюшки — *волчок, костянка;* мелкой плотвы — *дробуша;* сырти — *клевец;* мелкого окуня — *борзун, летник, малек, острячок, соболек, хохолок;* окуня четырех лет — *кобяшник;* крупного окуня — *головной окунь;* гольца — *крымпа.* По-видимому, именно в Причудье начали выделять крупного снетка — *толстый снет,* снетка, который быстро проходит озеро, — *ходовой снеток,* мелкого — *глупуша* (ср. то же по Ильменю и Волхову).

Итак, если предположить, что с такими видами и формами рыб, как *таймень, салака, килька, сиг, ряпушка, корюшка, хариус, лох, борканник,* славяне познакомились еще в Причудье и Понаровье, то в бассейне Волхова происходило, скорее, приспособление уже известных ранее знаний к новым подвидам, их дальнейшее обогащение и уточнение, включая сюда и дифференциацию знания, восходящего к праславянской эпохе.

В районе Поволховья, Приильменья, южного Приладожья через посредство соседних прибалтийско-финских народов в X–XII вв. славяне впервые узнали *сига-лудогу,* разновидность пальи — *нерируса.* Научились различать местную разновидность ельца — *корбуса,* пескаря — *барауса,* приняли обобщенное название для всех мелких рыб — *меева.* В Приильменье и в Поволховье славяне научились дифференцировать и выделять такие разновидности сигов, как *боевой сиг* (сиг, который пробивается через волховские пороги), *весенний сиг, ётовый сиг* (сиг, идущий в большом количестве), *закорный сиг* (весенний сиг), *волховский сиг, ладожский сиг, низовой сиг, оплавной сиг* (сиг, уходящий осенью в Ладожское озеро), *паровина* (сиг, вылавливаемый летом в жаркое время), *проходной сиг* (сиг, идущий вверх или вниз по Волхову), *ранний сиг* (сиг, идущий в Волхов в апреле-мае), *сиголов, зобатый сиг* (крупный), *кряжевой сиг, ямный сиг* (крупный); различать леща весом до 100 г — *лопырька,* до 1 фунта — *коростелька, кляпуху;* крупного — *большину;* проходного через озеро — *ходового леща;* сырти — *аннушку* (мелк.); окуня (мелкие особи) — *муля, остричка, сушь;* судака[6] менее 1/4 фунта — *гвоздаря,* до 0,5 фунта — *морковку, пикалька;* менее одного фунта — *шибачка;* до 2,5 фунтов — *въюрка;* от 1–3 фунтов — *выростка,* от 5–6 фунтов — *шибняка;* крупного — *головного судака,* выловленного летом, — *паровину,* весной — *весеннего судака;* мел-

---

нятие, по-видимому, прямо из Причудья было занесено позднее и на Онежское озеро; слово *мордак* в этом значении на Волхове не отмечено.

[6] Судак в Ильмене — одна из основных промысловых рыб.

кой ряпушки — *мошкару;* мелкой плотвы до 6–8 см длиной — *гарюгу, горькуху;* мелкой щуки — *юрлака;* двух лет — *лоншака, чуругая;* мелкой густеры — *береберу;* крупного снетка — *большуна, быстреца, водака.*

Именно в районах Причудья, Поволховья, Приильменья у предков севернорусов выработалась тонкая система дифференциации рыб по цвету и форме. Сама по себе эта дифференциация не несла нового концептуального знания о виде и образе его жизни, но в то же время она, бесспорно, свидетельствовала о важном этапе в развитии народного мышления в его прагматическом отношении к природе.

Таким образом к XII–XIII вв. ко времени начала продвижения новгородцев и кривичей на север они обладали уже достаточно дифференцированными и полными знаниями о рыбах. Древненовгородская система ихтиологического знания включала: а) знания исторически праславянские; б) знания, усвоенные от прибалтийско-финских народов на подступах к бассейну Волхова; в) знания об отдельных видах рыб, вновь приобретенные от прибалтийско-финских народов в Поволховье; г) знания, возникшие как итог дифференциации и кристаллизации старого праславянского промыслового знания о рыбах.

Именно на основе знания, сложившегося ранее у славян в Причудье и Поволховье, сформировалась впоследствии славянская система ихтиологического знания в Прионежье, Обонежье, Заонежье. Реконструируя эту систему, в нее следует включить все праславянское знание, релевантное в северных условиях и принесенное на берега Наровы, Чудского озера и Волхова, знание, добытое славянами здесь, в Причудье и Поволховье, и, наконец, то новое знание о рыбах, которое сформировалось у славян уже на берегах Онежского озера.

В районах Онежского озера и в Посвирье потомки новгородских славян и псковско-изборских кривичей научились по особенностям в образе жизни, по цвету, форме различать такие разновидности различных рыб, как *палья-гонец, белокорая палья, красная палья, лудная палья, кряжевая палья, нерестная палья, сёминская палья* (идущая на луды 10–15 сентября), *ходовая палья, ямная палья, полоскунья* (палья, выметавшая икру и идущая на луды вслед за настоящей пальей)[7]; сигов — *белый сиг* (крупный сиг до 4–6 кг),

[7]Палью они узнали именно здесь на Онеге, так как она водится только в

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

бережной сиг (сиг, подходящий к берегу весной и летом), *верхосвирка, евдушка* (молодь р. Вытегра), *ёлдуга* (мелк., Водлозеро), *зеленчак, зобатый сиг; килоне, кормовик, корюшник* (вылавливаемый весной), *кряжевой сиг* (весом до 1 кг, вылавливаемый с 25 ноября по 25 декабря), *липушник* (сиг, идущий к берегу вслед за корюшкой), *листопадный сиг* (сиг, вылавливаемый осенью), *мугач, мугачок* (мелк.), *музак* (р. Шала), *мустасика, новинный сиг* (сиг, вылавливаемый с августа, когда начинают жать рожь), *песочник* (средний сиг, вылавливаемый в августе на песках), *сборный сиг* (сиг, идущий к берегу для корма), *свирюг, фрилак* (мелк., весом не более одного фунта), *черный сиг* (идущий на нерест), *ямный сиг* (крупн.), *мойкуча* (мелк. лудога), *карлук* (лосось из р. Суна); ряпушки по времени лова — *колосовица* (ряпушка, вылавливаемая в июле, когда у ржи наливается колос), *листопадка, бегун* (отнерестившиеся особи, вылавливаемые до заморозков), *кирзовая ряпушка* (вылавливаемая в начале мая, сразу после вскрытия озера), *меженная ряпушка* (вылавливаемая в середине лета), *килец;* ряпушки по размеру — *тяпуга* (молодь длиной 7–8,5 см), *листопадница, хет;* по месту вылова — *чужмозерка, сандалака, аниска* (водлозерская ряпушка); щуки — *тростянка* (щуки до 3 фунтов, в Свири); онежского окуня-одномлетку — *годник, годовик;* окуня 2 лет — *бузун, бузунок;* бычка — *кивелик, киверучик;* покатные особи лосося — *гон* (Свирь); леща — *плотичник* (который нерестится одновременно с плотвой), *нерестовый лещ* (лещ, идущий через 2 недели после плотичника), *тарабара* (лещ, Водлозеро).

Что касается Поволжья, то тюркоязычным народам ко времени их встречи со славянами в бассейне Волги были уже хорошо известны такие названия рыб ряда видов, как *suruk* söirök; *сюрюк (казан.-татар.), сюринк* (севрюга, *казан.-татар.), тыран-балык, таран-балык* (тарань *казан.-татар., башк); жерех* (жерех, *казан.-татар.); сазан, сазан балык* (карп, *казан.-татар., башк.).*

В целом в районах Поволжья славяне узнали такие названия рыб, как *севрюга, тарань, жерех, сазан*[8]. Разумеется, как тюркоязычным народам Поволжья, так и ряду прибалтийско-финских народов и некоторым другим из упомянутых выше были известны многие другие виды рыб и их названия, которые,

северных шхерах Ладожского озера и в Онежском озере.

[8]Все отмеченные названия проникли в восточнославянские диалекты Поволжья, по-видимому, из диалектов казанско-татарского языка.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

однако, не оказали впоследствии какого-либо влияния на русских.

В целом уровень обиходного ихтиологического знания предков современных литовцев, латышей, вепсов, карел, эстов, саамов, татар Поволжья в X–XIV вв. включал в себя реестр всех основных практически значимых промысловых пресноводных и проходных видов рыб, характерных для фауны этих районов. Многоаспектное историческое моделирование народного знания еще раз показывает, что «свое», специфическое национальное можно познать только на фоне общей эволюции картины мира у разных народов. Поиск объективных методов реконструкции «своего», национального — одна из задач этнолингвистики.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 7

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Языковая политика (языковое планирование) представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся на той или иной государственной или административной территории. Языковая политика осуществляется через систему конкретных государственных мероприятий. В конечном счете языковая политика всегда есть отражение политики государства. Ошибки в языковой политике нередко приводят к осложнениям и национальных, и социальных отношений в целом. Любая языковая политика в том или ином государстве, обществе сводится в конечном счете к следующим основным направлениям: 1) выбор и определение положения официального государственного языка; 2) определение положения других языков по отношению к государственному языку; определение сфер и типов языковых состояний функционирования государственного и местных языков; 3) кодификация, нормализация и совершенствование норм официального языка; 4) разработка алфавита, ликвидация неграмотности.

Наиболее резко этническое сознание начинает проявлять себя при решении вопросов выбора государственного официального языка, его источников и определения статуса других языков на данной государственной или административной территории.

Выбор и определение положения официального государственного языка[1]. Выбор и установление стандартного государственного языка — это одна из наиболее сложных и болезненных проблем в процессе языкового строительства в любой стране.

В Англии и Франции раннее государственно-политическое объединение привело к ранней унификации национального языка одновременно и как языка формирования нации, и как языка литературного, государственного. В эпоху Великой Французской революю-

[1] Ниже термины «официальный язык», «государственный язык» употребляются как синонимы.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ции проблемы единого национального языка не раз обсуждались в Конвенте.

Исключая те страны, где единый современный государственный язык оформился в результате длительной эволюции, проблема выбора государственного языка — это всегда проблема выбора из ряда возможностей. Например, в Тропической и Южной Африке насчитывается свыше 2000 языков. Наиболее распространены из них суахили — более 50 млн человек, хауса — более 20 млн человек. Например, в то же время только в Нигерии живет свыше 200 этнических групп.

Каковы те критерии, основания, которые чаще всего учитываются при выборе того или иного языка в качестве государственного?

1. *Автохтонность населения.* Данный народ признается и утверждается в общественном мнении автохтонным, коренным, аборигенным по своему проживанию на данной территории по сравнению со всеми другими. Именно этот признак выдвигается нередко в качестве основного критерия при выборе государственного языка во многих республиках экс-СССР.

Внешне убедительная и доказательная теория автохтонности любого современного населения на той или иной территории имеет весьма зыбкий и относительный характер с научной точки зрения, с позиции теории этногенеза (см. подробнее лекцию 8). Археология, лингвистика, этнография, антропология убедительно свидетельствуют, что этническая история любой территории, любого ареала — это всегда неоднократная смена тех или иных культур, типов языка и даже антропологических типов. Ни один современный этнос, занимающий сегодня ту или иную территорию, не может претендовать на то, что он и только он является древним, коренным аборигеном этих мест.

Например, на территории Приладожья на Северо-Западе России в течение многих тысячелетий произошла смена дофинно-угорского населения — саамским, волжско-финским, прибалтийско-финским, славянским.

Любая историко-культурная зона — это итог многовековых смешений, трансформаций в области хозяйства, семейных отношений, языка, материальной и духовной культуры. Обязательные стадии таких трансформаций — билингвизм (иногда многоязычие) и бикультура.

На основании тех или иных достоверных источников можно го-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ворить только о том, что данный народ проживает здесь с более давних времен, чем другой. Выдвижение на первый план критерия автохтонности населения, коренной нации во многих случаях чревато серьезными осложнениями национальных и социальных проблем.

Таким образом, критерий автохтонности, коренного населения, коренного народа при выборе государственного языка может быть использован лишь с большой долей условности.

2. *Численность говорящих* на данной территории на этом языке как на родном, с учетом ареальной компактности проживания говорящих.

В качестве государственного языка может быть выбран язык большинства. Так, в Великобритании государственным официальным языком является родной язык подавляющего большинства населения — английский, и рядом функционируют языки национальных меньшинств — валийцев, шотландцев, иммигрантов из Азии.

Крайний случай, когда в качестве официального избран язык явного меньшинства — это ирландский язык в Ирландской республике, число исконных носителей которого не превышает 3%, а в Израиле — старый классический язык — иврит, лишенный в современности всякого реального речевого коллектива, в то время как на идиш говорило свыше 75% населения. В целом этот критерий гораздо более прост, объективен и убедителен даже в глазах других народов, проживающих рядом.

3. *Престижность, авторитет языка.* Это важный фактор выбора государственного языка, В качестве такого языка может быть выбран литературный язык социально престижной господствующей (даже малочисленной) группы населения. Таковым в Далмации долгое время был итальянский язык.

Наличие у языка глубоких историко-культурных традиций, выдающихся литературных и научных произведений на этом языке, высокий уровень стандартизации, международного авторитета — все это создает высокое поле престижности, авторитета этого языка. И все же реализовать этот критерий часто бывает нелегко. Так, например, в Индии существует более двадцати древних языков с большой историко-культурной традицией письменности, литературы. Попытка в Индии возвести хинди в статус единственного государственного языка, а другие языки — в статус официальных языков отдельных штатов не имела успеха и вызвала резкую реакцию носителей древнеиндийских языков (тамили, телугу).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В настоящее время хинди — официальный язык наряду *с* английским.

Во многих случаях на положение языков с большой или достаточной культурной традицией могут претендовать два языка; такова ситуация в Канаде с английским и французским языками.

4. *Нейтральность языка.* Многие государства многоязычны. В таких странах в качестве официального языка чаще избирается нейтральный язык, а один или два других языка объявляются официальными. В Индии английский выступает как нейтральный, ибо языки всех народов Индии находятся в отношении к нему в равном положении. Такой нейтральный язык осознается нередко как язык — представитель мировой культуры, науки и технического прогресса.

И здесь одним из путей языковой политики может быть признание одного или нескольких языков в качестве официальных.

В Камеруне, Гане, Либерии, Нигерии, Сьерра-Леоне — в каждой из этих стран немало языков разных этнических групп. В Гане свыше 40 местных языков. Отдельные языки господствуют в отдельных районах. Все эти страны пользуются английским или французским языками в качестве государственного. В Нигерии, наряду с английским (нейтральным) языком, наиболее распространены игбо, йоруба и хауса. В Камеруне два официальных нейтральных языка — французский и английский, которые используются в делопроизводстве, в высших учебных заведениях, в официальных учреждениях, в частной жизни большинство говорит на своих родных языках.

5. *Наличие достаточного слоя интеллигенции,* культурных традиций. Этот фактор при выборе и установлении государственного языка также имеет большое значение.

Создание государственного официального языка для бесписьменных языков предполагает решение сложной социальной и филологической проблемы — разработки письменности. Что касается проблем создания письменности, то именно в этой области в нашей стране в ходе разработки алфавитов и основ литературного языка для народов СССР в 20–40-е годы XX в. был накоплен уникальный и разносторонний опыт. Как известно, ликвидация неграмотности лучше проходит на родном языке. Проблемы создания письменности для языков, которые ее не имеют, включают разработку таких теоретических вопросов, как выбор диалектной базы, определение графической системы, определение принципов орфографии и эле-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ментарных терминосистем. При этом важны и численность населения, и компактность его проживания, его история, традиции.

Наконец, достаточно серьезным является и вопрос о том, способен ли тот или иной язык по уровню своего развития выступить в качестве общенационального государственного языка, может ли он выполнять самые разные коммуникативные функции, служить языком дипломатии, публицистики, радио, телевидения, делового общения, науки, техники. В частности, создание и организация программ по радио и телевидению требуют в наши дни языка с весьма развитой специальной терминологией, синтаксисом и системой стилистических средств.

Определение положения других языков по отношению к государственному языку. Независимо от того, принят ли государственный язык относительно недавно или он функционирует издавна во всех странах, имеющих в своем составе компактно проживающее и достаточно многочисленное иноязычное население, всегда остается проблема определения и разграничения сфер и типов языковых состояний и языковых ситуаций функционирования данного государственного языка и местных, региональных языков с учетом наличия или отсутствия двуязычия и многоязычия.

В любом случае при наличии в стране районов с компактным иноязычным населением всякое минимальное ущемление прав и сужение жизненно важных сфер применения языка этого населения всегда таит в себе ростки взаимонедоверия и ущемления национальных прав.

Как справедливо отмечал Л. Б. Никольский, язык может выполнять как интегрирующую, так и разъединяющую функцию[2].

В определенные моменты исторического развития язык нередко ощущается прежде всего как символ национального единения, как фактор и орудие борьбы за национальное возрождение. Так, в ходе антиколониальной борьбы язык выступает как символ борьбы, символ протеста против гнета, иностранного засилия, символ национального единства. Такую роль сыграли в свое время хинди в Индии, тагальский язык на Филиппинах, суахили в Танзании; язык выступал как символ борьбы за национальное возрождение и самоутверждение. В этот период язык служит символом, знаком, знаменем борьбы, он способствует объединению, сплочению народа (классический арабский язык выступает как символ арабского

[2] *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика. М., 1985.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

единства, как язык Корана, арабо-мусульманской культуры). Во всех таких случаях язык все более осознается как атрибут национальной гордости, как символ веры, патриотизма и одновременно как средство патриотического воспитания. Постепенно язык все более уподобляется таким знакам, как национальный флаг, гимн, народный орнамент, костюм, народная песня, контур страны на картах и символических знаках (рекламы, этикетки). Постепенно, с точки зрения семиотики, язык в целом приобретает особое значение в ряду различных знаков, связанных с национальным сознанием, культурой.

Установление государственного официального языка чаще всего сразу же порождает вопрос о правах и возможностях других языков, а косвенно и народов, на них говорящих. Так возникает тревога за судьбу родных языков, начинается борьба за их спасение, и язык снова выступает как знак, как символ и знамя борьбы за сохранение и возрождение народа, своей культуры. Большую роль здесь играет степень привязанности к родному языку, традициям, обычаям, фольклору.

Именно как символ предстает язык и во всех тех ситуациях, где любой индивид как представитель компактных иноязычных национальных групп сталкивается с каким-либо ущемлением и принижением его права пользования своим родным языком. Каковы эти ситуации? Это:

— прием на работу, когда предпочтение отдается лицам, владеющим официальным языком;

— сдача экзаменов по языку в качестве условия сохранения занимаемой должности;

— прием на учебу, особенно при приеме в вузы, когда предпочтение отдается лицам, владеющим определенным языком;

— уменьшение или отсутствие числа школ с преподаванием на том или ином языке;

— отсутствие права подать заявление в суд, в местные органы власти на родном языке;

— наличие различных бланков и форм для заполнения в учреждениях, канцеляриях только на одном языке;

— оформление выдаваемых справок, документов только на одном языке;

— отсутствие права выступать публично на родном языке;

— необходимость подавать отчеты о работе только на одном из языков;

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— уменьшение или отсутствие числа газет, журналов на одном из языков;

— низкая частота или полное отсутствие в театрах спектаклей на родном языке;

— отсутствие передач по радио, телевидению на одном из языков;

— сознательная ликвидация каналов поступления книг, газет, журналов в библиотеки, магазины на родном языке;

— наличие рекламы, объявлений на улицах, по радио, в общественных местах, в транспорте, надписей на товарах и изделиях только на одном языке;

— сознательное, официальное преувеличение достоинств одного языка, одной литературы, культуры.

Так постепенно, от случая к случаю, день ото дня в человеке растет ощущение унижения, императивного причисления к «лицам второго сорта», невозможности реализовать свое естественное право, право пользования родным языком.

Средний носитель языка, хранящий лишь смутные школьные воспоминания о суффиксах и приставках, ничего не знает ни о языке, ни о его структуре, системе, законах развития. Язык для него — только символ, символ его национальной принадлежности, порой гордости. «Раз меня так ограничивают по языку, значит, так меня унижают как человека, представителя моего народа, нации, унижают нас всех, говорящих на этом языке, весь народ» — таков приблизительно ход рассуждений любого носителя языка, когда попираются его права пользования языком.

В конечном счете именно язык чаще всего выступает как лакмусовая бумажка в экспериментах с национальной политикой.

О законах о языке. В наши дни языковая политика нередко оформляется законодательно в виде законов о языке. При этом важно, чтобы эти законы отражали реальное этническое и языковое положение дел в данной стране, республике.

Законы о языке имеют место далеко не во всех странах. Потребность в законе о языке (языках) возникает там, где рядом функционируют два и более языка, претендующих на равное положение, там, где один язык, обычно местный, подвергается давлению или находится под угрозой вытеснения со стороны другого языка.

По-видимому, законодательно могут быть и должны быть закреплены те сферы и типы языковых ситуаций, в которых предусматривалось бы:

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

а) исключительное использование государственного языка (межгосударственные договоры, официальная документация, обучение в школе и вузе; вывески, надписи на дорогах, названия городов, улиц, поселков);

б) равноправное использование как государственного, так и местного языка в разных сферах (в названиях городов, улиц, магазинов; при оформлении отдельных видов документов). Последнее относится прежде всего к территориям с достаточно многочисленным плотным и компактным инонациональным населением. Таковым является, например, шведский язык на Аландских островах в Финляндии.

Бесспорно признавая необходимость, а во многих случаях и обязательность владения тем или иным государственным языком в данной стране, следует все же отметить, что, по-видимому, в перспективе более жизнеспособными окажутся те государственные документы, которые отличаются большей гибкостью и мягкостью.

Закон о языке не должен быть чересчур детализирован. В нем никогда невозможно предусмотреть все случаи и ситуации использования языка в обществе. В принципе закон о языке только регулирует status quo, т. е. уже сложившуюся в стране языковую ситуацию.

Закон о языке не должен разделять общество и порождать социальную и межнациональную напряженность.

Закон о языке должен заключать в себе возможность пересмотра и уточнения отдельных его положений. Любые постановления по таким законам должны предусматривать период длительной проверки действенности и результативности применения этих законов в жизни.

Слова, формы языка — не серия новых марок машин или станков, предназначенных к выпуску к определенной дате. От закона о языке нельзя ждать скорых или мгновенных результатов. Язык — это неотъемлемая часть биологии, сознания, психологии, человека, и любой закон о языке должен предусматривать длительный период психологической и языковой адаптации человека к его положениям.

Язык как символ возрождения культуры. После установления языка в качестве государственного доминирующий этнос обычно заинтересован в расширении влияния своего языка. Так, в Индонезии правительство всячески стимулировало распространение индонезийского языка в прессе, науке, школе. Кенийский пре-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

зидент Джомо Кениата лично приложил много усилий, уделяя внимание введению суахили в качестве национального языка в Кении. В Корее и Китае в 20–30-е годы XX в. проводились официальные кампании по пропаганде своего национального языка. Важную роль играет и создание условий для изучения официального государственного языка (школы, курсы). Так, Общество местных языков Нигерии в свое время активно содействовало печатанию газет на трех наиболее распространенных языках страны (хауса, йоруба, игбо), обучению в школе на этих языках, предписывало вести дебаты в местных парламентах в Восточной Нигерии на игбо, в Северной — на хауса, в Западной — на йоруба, организовало курсы для изучения этих языков. В Гвинее ведется активная работа по внедрению национальных языков в школьное образование.

И здесь мы снова возвращаемся к тому, что законодательное введение одного государственного официального языка чаще всего порождает эмоциональный вопрос о правах и возможностях других языков, а в плане социальном — вопрос о правах народов, на них говорящих. Так возникает тревога за судьбу родных языков, начинается борьба за их спасение. Язык снова выступает как знак, как символ и знамя борьбы за сохранение и возрождение своего народа, своей культуры. Большую роль здесь играет степень привязанности к родному языку, традициям, обычаям, фольклору. Когда тамилы и маратхи в Индии выступили против широкого распространения хинди, для них именно язык был символом политического, общественного давления со стороны властей на их права, культуру и традиции.

Одним из вечных дискуссионных вопросов государственной этноязыковой политики остается вопрос — все ли местные языки надо развивать и в какой степени? В любом случае языковая политика тесно переплетается с экономикой, политикой внутренней, государственной и требует больших знаний, внимания, осторожности, деликатности и такта.

В последние годы немало написано и, вероятно, еще более сказано с разных трибун о необходимости возрождения культуры разных народов.

Так что же надо возрождать, что мы хотим возродить? Спросите любого молодого человека, живущего, например, в сельской местности России, *чего же он (она) хочет?* Хочет ли он (она) сегодня отказаться:

— от электричества (жить без телевизора, транзистора, маг-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нитофона, телефона, электропилы, стиральной машины, пылесоса, холодильника) и вернуться к лучине, свечам, керосиновым лампам, обязательной топке русской печи;

— от отделки дома современными синтетическими материалами, от современной мебели и вернуться к бревенчатым стенам, лавкам вдоль стен, табуреткам и столу из досок, а может быть, и к волоковому окну;

— от всех видов посуды конца XX в. и вернуться исключительно к горшкам, крынкам и деревянным ложкам;

— от современной модной одежды и вернуться к лаптям и домотканной рубахе, к домашнему ткацкому станку;

— от школ, грамотности, в частности, от изучения тех же европейских языков.

Так что же мы возрождаем?

Почему-то реже идет речь о серьезном знании своей истории, истории своего народа, судеб своей родины, знании, не изолированном, а на широком фоне истории соседних стран и народов.

Есть нечто гораздо более важное, о чем наши специалисты по неовозрождению обычно умалчивают. Это психология человека, образ мышления, его память, ролевые формы поведения в разных ситуациях, характер реакции на окружающих, на разные явления внешнего мира, отношение к языку, к миру; жесты, мимика. Взятые вместе, эти параметры как раз глубоко, изнутри выявляют и тип культуры, и этноса.

Что касается языка, то здесь не надо ничего запрещать, ущемлять, ограничивать, не надо «давить» на язык.

В целом надо не столько возрождать языки, сколько создавать все условия для свободного и равноправного функционирования живого современного языка, дать возможность ему развиваться, проявить себя, закрепиться в любых языковых состояниях и в любых ситуациях (семья, бытовые ситуации, газета, радио, телевидение, художественная литература, официально-деловая сфера, обучение в школе, в вузе); помочь ему, а в ряде случаев и типов ситуаций обеспечить преимущественное приоритетное развитие языка.

В языковой политике следует весьма осторожно ориентироваться на историю, так как, как справедливо отмечал еще Фердинанд де Соссюр, для говорящих на языке существует только одна перспектива — настоящее употребление языка, они не знают прошлого и не думают о будущем языке. В вопросах языковой политики нельзя

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

опираться на чувства, эмоции, а только на реальные факты живого функционирования языка.

В расширении сферы использования и применения того или иного языка особое место занимает фактор социальной перспективы, который выступает в качестве регулятора языкового развития. А это ответ на такие вопросы, как *куда идти после школы? кем быть? где учиться, работать? каковы перспективы получения той или иной должности, личной карьеры? каков набор профессий и специальностей, предлагаемых страной, республикой и за ее пределами?*

Уровень владения официальным языком становится знаком, символом продвижения по службе, материального благополучия, повышения авторитета, расширения личных контактов. Например, знание английского, немецкого или русского языка повышает возможность участия в широких конкурсах на международной основе, в работах, ведущихся за пределами страны, республики.

Таким образом, язык вновь выступает как знак, символ, но теперь уже как социальный фактор, как символ личного и социального благополучия, притяжения к престижным в мире областям науки, техники, культуры.

Кодификация и совершенствование норм языка. Данные направления языковой политики характерны в основном для стран с большой традицией употребления официального языка. Кодификация норм употребления языка проявляется в области: а) орфоэпии, б) употребления морфологических форм, в) борьбы за чистоту языка, культуру речи, г) реформы письменности, алфавита.

Все эти направления в конечном счете находят свое выражение в создании разных типов нормативных словарей, таких как словари орфографические, орфоэпические, толковые, иностранных слов, терминологические, трудностей словоупотребления; в школьных программах по основному языку, в правилах правописания.

Мероприятия по совершенствованию орфографии, ликвидации неграмотности, определению кодификации норм в области орфографии и словоупотребления, актуализации методики обучения языку носят не столько этнолингвистический, сколько организационно-филологический характер.

Из названных направлений более ярко выраженный этнический и социальный аспекты имеет обычно борьба за чистоту языка, культуру речи. Нередко она проявляется прежде всего в отношении к заимствованиям, а также в отношении к традиции, наследию прошлого в языке. Так, с началом японо-американской войны в 1941 г.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в Японии развернулась кампания по очищению японского языка от английских слов и замене их японскими неологизмами.

Борьба за чистоту языка чаще всего протекает в форме борьбы с нежелательными, с точки зрения данного этноса как носителя основного государственного языка, заимствованиями (пуризм) через организацию специальных комиссий по созданию новых слов на базе средств «своего» языка.

В КНДР в 60-е годы развернулось движение за упорядочение лексики, за замену иностранных терминов словами, образованными на базе средств корейского языка. В хинди, как и в большинстве языков Индии и Южной Азии, новые слова нередко конструировались на базе санскрита.

В Турции в 1932 г. было организовано Турецкое лингвистическое общество. Вся его деятельность приобрела характер пуризма, началось очищение турецкого языка от всех иностранных заимствований с тем, чтобы создать некий идеально чистый язык, освободить турецкий *язык* от иностранных, прежде всего арабо-персидских, заимствований. В 1936 г. К. Ататюрк на III Лингвистическом конгрессе выдвинул «Солнечную теорию языка», языка, чистого от всяких влияний. Свыше 60% новых слов турецкого языка составляют термины. За 40 с лишним лет было создано около 30–40 тысяч новых терминов. Турецкое лингвистическое общество контролирует язык официальных документов, прессы. Во Франции борьба с англо-американскими заимствованиями нашла отражение в специальном законе Тубона 1994 г., регулирующем их применение и употребление в прессе, научной и деловой документации.

Именно на этом этапе нередко обостряются и все проблемы, связанные с созданием и совершенствованием своей национальной терминологии. В отношении к терминам этническое сознание проявляет себя наиболее ярко. Это или резкое неприятие, отрицание или, напротив, одобрительное, порой восторженное отношение к терминам-заимствованиям и критика порой нелепых новообразований на базе своего языка. Сюда же примыкают и многочисленные эмоциональные высказывания в адрес новых терминов, и критика иноязычных терминов с прозрачной внутренней формой и т. д.

Именно в эпоху пуризма проявляется увлечение пополнением языка словами из мертвых древних языков. Так возникают искусственные малопонятные неологизмы.

В этой ситуации как антитеза нередко возникает стремление к пополнению лексики из европейских языков, тяга к заимствовани-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ям, к интернациональной лексике.

Такие параметры, как мера и степень пуризма, отношение к заимствованиям, к норме литературного языка и ее нарушениям, имеют большое значение для характеристики этноса.

В целом здесь мы встречаемся с одним из самых сложных моментов и в самом языковом развитии, и в практике языкового национального строительства. Интересы науки, научного обмена между народами требуют не отгораживаться национальными рамками, требуют стандартизации и интернационализации научных языков, настоятельно выдвигают язык-посредник. В то же время рост национального самосознания, развитие местной публицистики, газет, радио, телевидения, школы, театра, рост национальной художественной и в особенности научно-популярной литературы, создание энциклопедий не менее настоятельно требуют развития национального языка, дальнейшего усовершенствования национальной научной терминологии.

Реформа письменности характерна для разных стран, часто она сопровождается реформой правил правописания, орфографии. В истории русского языка первая реформа русского письма была предпринята при Петре I. Тогда были устранены буквы ѡ (омега), ѱ (пси), ѵ (ижица), ѫ (юс большой) и ѧ (юс малый), были введены буквы е, я и др., графика букв была упрощена.

Начиная с 1904 г. был подготовлен проект новой русской орфографии, он был утвержден в 1918 г. Из русского алфавита были изъяты буквы ѣ, і, ѳ (фита) и ъ в конце слов типа *дворъ*.

Отношение к форме письма, к алфавиту является важным показателем степени развития этнического самосознания. В истории различных народов не раз уже отмечены случаи перехода на новый алфавит, создания новых алфавитов для бесписьменных языков. Здесь достаточно вспомнить ожесточенную борьбу в 20-е годы XX в. между сторонниками арабского и латинского алфавита в Азербайджане, споры о переходе народов Дагестана на новый латинизированный алфавит, постепенный переход на кириллический алфавит чувашей, мордвы, марийцев, а затем и народов Дагестана, Средней Азии. Журналы тех лет «Революция и Восток», «Революция и письменность Востока», «Революция и горец», «Язык и письменность народов Севера», протоколы заседаний Комитета нового алфавита, съездов и конференций содержат немало ярких примеров общественного и индивидуального отношения к алфавиту, письменности.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В 1928 г. турецкий язык перешел с арабского на латинизированный алфавит, новый турецкий алфавит способствовал ликвидации неграмотности. В 1929 г. в школах Турции было отменено преподавание и изучение арабского письма и языка. В 1993 г. правительство Туркмении приняло решение о переходе на латинский алфавит[3].

При этом в этническом сознании индивида и целых групп людей может возникнуть ностальгия по прошлому, уходящему. Смена алфавита, замена знаков письма, старая орфография, орфоэпические нормы могут выступать как идеал правильного, традиционного, и язык вновь выступает как символ социальных идеалов.

Конечно, те или иные мероприятия в области языковой политики могут лишь в весьма незначительной степени повлиять на различные формы устной речи. Было бы наивно и утопично полагать, что можно законодательно как-то регламентировать, ограничить или направить общение индивидов на диалекте, наречии, жаргоне, в ситуациях обиходно-бытовой речи дома, в семье или даже устного профессионально-делового общения. В подобных ситуациях возможна только некоторая коррекция норм произношения и словоупотребления, отклоняющихся от литературной нормы.

Языковое планирование и научно-технический прогресс. Стремление так или иначе сознательно повлиять на язык, поставить его себе на службу, изобрести некий правильный общечеловеческий язык восходит к XVII в., к первым попыткам создания идеальных строгих логических языков такими крупными математиками, философами, как Р. Декарт, Г. Лейбниц. В XIX в. были созданы первые искусственные языки волапюк (создан в 1889 г. в Германии), эсперанто (создан в 1887 г. в Польше).

С начала XX в. начинают активно развиваться терминоведение (стандартизация специальной терминологии, создание новых терминов для разных наук), научно-техническая лексикография (создание терминологических словарей).

В настоящее время развилось особое научное направление — прикладная лингвистика, в сферу которой, в частности, входят и все проблемы использования фактов языка и данных языкознания как науки в тех или иных практических целях. К прикладной лингвистике относятся и все вопросы, связанные с ролью языка в эволюции этнического сознания индивида.

[3]Подобные споры о переходе на тот или иной новый алфавит ведутся и в других республиках экс-СССР.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

И здесь мы должны вновь вернуться к проблемам общения, к формам обмена информацией в современном обществе.

В наши дни в разных странах постоянно появляются новые каналы коммуникаций, растут и развиваются новые типы информационных связей. Каждый этнос, будучи составной частью этого общества, в той или иной степени пользуется такими новыми каналами передачи информации, как радио, телевидение, телефон, факс, имэйл, интернет, связь через спутники, разные типы кассет, дисков и дискет. Число таких средств растет день ото дня, и завтра, безусловно, появятся новые виды средств устно-речевого компьютерного общения, в недалеком будущем предвидится рост целых библиотек текстов на аудио- и видеосредствах. Именно они ведут к появлению новых типов текстов, к компрессии знания, влекут за собой эволюцию структуры текстов, его архитектоники, ведут к выработке более строгого языка.

Разработка и создание различных компьютерных (машинных) фондов отдельных языков, терминологических банков данных, автоматических словарей, систем машинного перевода, разных других типов диалоговых и информационных систем постоянно требуют международной стандартизации документов, интернационализации и унификации форм их языкового выражения и в конечном счете поднимают проблемы кодификации и нормализации языка на качественно новую ступень.

Как отклик, как реакция на совершенствование процесса обмена информацией, на постоянный технический прогресс в сфере развития социальных каналов связи появляются новые виды текстов, растет число интернационализмов. В язык современных специальных текстов разных отраслей знания постоянно и активно включаются формулы, символы (математика, физика, химия, логика, биология, антропология, лингвистика). С каждым днем все строже и четче становятся композиция и структура таких работ. Аналогичные процессы идут в коммуникативной среде общественной информации (реклама, газета, телевидение).

Язык — система знаков, передающих информацию. Но в наши дни обмен информацией, в особенности оперативной, все чаще осуществляется также и в форме несловесных, невербальных знаков — в виде условных символов, которые заменяют собой слова и целые выражения. Таков, например, быстро растущий семиотический парк условных знаков в различных общественных местах, предполагающих большие скопления людей (вокзалы, порты, банки, пе-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

рекрестки улиц, метро, салоны автобусов, трамваев, троллейбусов, поезда железнодорожных дорог и т. д.). Это знаки в автобусе — места для инвалидов, детей; условные знаки магазинов, кафе; на вокзалах многих больших городов. Сегодня все сказано языком условных знаков, не надо знать официальный язык страны: буква i — знак справочного бюро, рисунок — окошечко с билетом — место продажи билетов; знак IR — международные кассы, типы вагонов — заданы условно рисунком кресла, кровати и цифрой класса; особый знак — эскалатор к выходу на перрон (в проходе знак поезда), чемодан с ключом — знак автоматических, без ключа — неавтоматических камер хранения, конверт — знак почты, и добавим к этому обилие знаков для мест продажи продуктов, цветов и прочих товаров и т. д., и т. п.

— стоянка запрещена

— кафе

— автозаправка

— гостиница

— автоматическая камера хранения

— дорога в аэропорт

— почта

— выход

— лифт

— гардероб

— места для инвалидов

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Вся эта символика обильно сочетается с цифрами и стрелками, красками и разного рода подсвечиванием. Текстом является также сводная таблица знаков транспортного движения.

И здесь нельзя не заметить, как крайности сходятся: условные символы, служащие для передачи обиходного знания, общественно полезной информации, во многом сродни типовым заставкам телепередач, шапкам и рубрикам газет и журналов, языку рекламы. Не случайно условная символика обычно соседствует с языковыми средствами выражения.

Именно новые типы технических средств связи толкают общество к поиску более оперативных форм передачи информации, к ее компрессии, поискам новых типов текстов. Новые структурные типы текстов ведут к новым формам языка.

Существование и функционирование языка в новой машинной, компьютерной форме, эволюция форм и видов общения человека с ЭВМ, новые виды и формы передачи информации в обществе между разными странами могут в перспективе перевести вопросы языкового планирования, этноязыковые проблемы совсем в другую плоскость.

Рекомендуемая литература

Алпатов В. М. 150 языков и политика. М., 1997.

Закон Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі аб мовах у Беларускай ССР. Мінск, 1990.

Закон Киргизской Советской Социалистической Республики о государственном языке Киргизской ССР. Фрунзе, 1989.

Закон о языках народов Республики Татарстан. Казань, 1992.

Закон Узбекистана о государственном языке. Ташкент, 1989.

Клементьев Е. И. Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983.

Прикладное языкознание / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1996.

Принципы и методы социолингвистических исследований / Под ред. А. Н. Баскакова, В. Ю. Михальченко. М., 1989.

Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.

Социо- и этнокультурные процессы в современной Африке. М., 1992.

Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

Тишков В. Этичность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. №1/2.

Язык и народ / Под ред. А. С. Герда, М. Савиярви, Т. де Граафа. СПб., 2003.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Лекция 8

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Предмет этногенеза. Этногенез обычно определяется как «процесс сложения новой этнической общности на базе различных ранее существовавших этнических компонентов как начальный этап этнической истории»[1].

В самом термине «этногенез» следует выделить два значения: 1) происхождение и формирование этноса; 2) научное направление, изучающее происхождение и формирование этноса, этническую историю ареала.

Предмет этногенетических исследований — история формирования народа, этноса во всем многообразии его исходных типов и признаков, а также история населения ареала (отдельных и смежных ареалов) по итогам исследований различных наук о человеке.

Проблемам происхождения разных народов мира посвящена огромная литература. Труды по вопросам этногенеза принадлежат перу этнографов, археологов, лингвистов, антропологов, историко-географов, геологов.

Как научное направление теория этногенеза насчитывает уже не одно десятилетие, и в то же время это направление еще молодо.

Этногенез — сфера приложения интересов разных наук, таких как этнография, археология, антропология, лингвистика, источниковедение, этномузыковедение, фольклористика, палеозоология, палеоботаника и, конечно, история как таковая. Задача этнолингвистики — выяснить, как и каким образом факты языка, материалы лингвистических источников в комплексе с данными других наук могут быть использованы для решения проблем этногенеза и ранней этнической истории. Обилие разных наук, интересующихся проблемами этногенеза, обусловливают и многообразие видов источников, привлекаемых для решения этих проблем.

Рассмотрим характер источников разных наук.

[1] *Советская* историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1970.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Источники этногенетических исследований. *Этнография.* Может больше других наук сделать на путях выяснения содержания таких понятий, как *этнос, народ, нация, самосознание, трансформация, ассимиляция.* Данные этнографии отличаются многообразием, большой детальностью, всеохватностью, по ним почти всегда можно определить географические границы явления, реалии.

Археология. Дает исследователю знание древнейших культур, вещей, их достаточно тонкую хронологию. Как справедливо пишет В. П. Алексеев, «археология — это этнография, опрокинутая в прошлое. Но она напоминает этнографию, из которой полностью исключены любые представления о народе, этнографию, в которой нет людей, а остались только предметы быта, хозяйственные орудия, постройки... археологический источник говорит "полушепотом"»[2].

Антропология. По мнению В. П. Алексеева, представляет уникальные материалы по связи древнего и современного населения. Антропология проникает в такую глубокую древность, в которую не могут проникнуть этнография, лингвистика, археология[3].

Письменные источники. Порой содержат весьма ценную информацию по проблемам этногенеза и ранней этнической истории. Так, например, в «Повести временных лет» мы находим весьма детальную географически приуроченную картину расселения восточнославянских племен и их соседей. К сожалению, касательно многих народов вообще нет древних письменных источников.

Этномузыковедение. Исследуя мелодику и ритм народной музыки, музыкальные типы проникают порой на исключительную хронологическую глубину.

Фольклористика. Через многообразие фольклорных жанров позволяет увидеть мир древнейших занятий, образов и представлений о народе.

Палеонтология, палеозоология, палеоботаника. Обычно выступают рядом и вместе с археологией, исторической антропологией и достаточно точно хронологически определяют историческое время тех или иных находок.

Языкознание. Справедливо считается одной из основных наук, содействующих решению проблем этногенеза и выяснению происхождения разных народов.

---

[2] *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. Т. II. М., 1989. С. 150–151.

[3] Там же. С. 152.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Язык — один из важнейших признаков этноса. Во многих случаях, хотя и не всегда, язык и самосознание совпадают. Если говорить об использовании для этногенетических целей результатов собственно лингвистических исследований, то следует подчеркнуть, что здесь разные уровни языка обладают различной значимостью для этногенетических проблем.

Фонетика и акцентология нередко заключают в себе весьма ценные факты для решения этногенетических проблем. Так, например, во многом именно на результатах отдельных фонетических явлений основываются все гипотезы о том, что древнейшие славянские миграции в районы Пскова и Новгорода шли не из Поднепровья, а из районов южной Прибалтики и северной Польши. Такие явления севернорусских диалектов, как цоканье и перенос ударения на первый слог, во многом связываются с прибалтийско-финским субстратом. Грамматические и синтаксические явления дают меньше материала для этногенетических исследований, но содержат немало интересных данных для решения вопросов билингвизма и определения типов языковых состояний. В то же время лексика непосредственно отражает культуру народа и оказывается весьма ценной при решении любых проблем этнолингвистики. Лексику отличает устойчивость словарного состава на протяжении многих веков.

Анализ заимствований всегда служит важным этнолингвистическим параметром. При обращении к предметной лексике в этнолингвистических целях целесообразно исходить из допущения, что если в эпоху x было такое-то слово, обозначавшее данное понятие, то, по-видимому, существовало и само явление, реалия.

Особое место среди лингвистических источников по этногенезу занимают исследования по ономастике (этнонимика, топонимика, антропонимика). В абсолютном большинстве случаев наличие у той или иной группы населения своего особого самоназвания (этнонима) так или иначе свидетельствует о ее этническом самовыделении. Это могут быть группы разного типа (этнос, субэтнос, локальные группы этноса). Вряд ли случайно, например, что устойчивое самоназвание «скобарй» не выходит за пределы исторической зоны Псковского ядра. Жители южнее Опочки — Великих Лук называют себя уже не скобарями, а полякáми. Редко встречается как самоназвание слово «скобари» и севернее Струг Красных. Аналогично поозеры — это только жители крайнего северо-западного Приильменья, осташи — в основном жители только берегов самого озера Селигер.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Топонимия и в особенности гидронимия — бесценный материал для решения проблем этногенеза и этнической истории. В этом отношении «язык земли» во многом сродни археологическому памятнику, и не случайно из всех типов языковых данных археологи чаще всего обращаются именно к топонимии. Во многих случаях топонимы убедительно и ярко очерчивают тот или иной ареал с этноисторической точки зрения. Так, например, в юго-восточном Приладожье прослеживаются такие различные хронологические топонимические пласты, как саамский, волжско-финский, вепсский, карельский. Например, анализ истории и этимологии слова *тайбола* 'густо поросшее болотистое место' и как нарицательного слова, и как топонима, широко распространенного в районах Онежского озера, исторически приводит это слово к карельскому людиков. *taibaleh*, ливвик. *taivalah*, фин. *taipale*[4].

В то же время именно топонимы требуют большой осторожности при обращении к ним. Этимология многих древних субстратных топонимов бывает далеко не беспорна. Поспешная и поверхностная этимологизация топонимов приводит нередко к ошибкам, влекущим за собой и промахи уже собственно этногенетические.

Немало для этнической истории может дать также изучение истории фамилий. Например, среди русских фамилий многие имеют тюркскую основу (*Аксаков* — от тюркского *аксак*, *Карамзин* — от тюркского *кара-мурза*, *Тимирязев* — от тюркского *тимир* и *язи* «железный воин»).

Среди непосредственно лингвистических источников особое место занимают диалектные, этимологические, топонимические словари и атласы. Исключительно важным источником этногенетических построений являются разные типы классификации языков (генеалогическая, типологическая).

От лингвистики теория этногенеза требует, в частности, не только этимологии слова, но и точных ареалов изолекс, географии слов в их конкретной форме и в данном определенном значении. Здесь особенно важны роль производных; сведения о том, где и когда возникла эта форма, как и откуда она попала на данную территорию, в этот диалект.

Для теории этногенеза релевантна география и литературных слов. На большом ареале они дают яркие и крупные зоны. Так, русское диалектное *вир* 'водоворот' известно преимущественно в за-

[4] *Suomen* kielen etymologinen sanakirja. F. 1–6. Helsinki, 1955–1978.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

падно-русских, белорусских диалектах, а в болгарском, сербском и хорватском *вир* 'водоворот' является словом литературного языка. Литературные в одном языке такие слова нередко являются диалектными в соседнем. Для этногенеза важен и групповой анализ лексики по тематическим группам слов (лексика пищи, гончарства, рыболовства и т. д.).

Фактором, способствующим ареальным этнолингвистическим работам, является массовость лингвистического материала (множество суффиксов, слов по ареалам, бесконечное число их семантических вариаций и тонких переходов от одной локальной зоны к другой). Эта массовость дает особенно яркие результаты, когда перед нами однородно массовый материал, например десятки фиксаций слов в разных контекстах из одного и того же района, сотни фиксаций слов в разных значениях из смежных ареалов. Именно такой массовый диалектный материал мы находим в лучших картотеках и словарях славянской региональной лексики. Количество фиксаций из одного региона косвенно свидетельствует и об активности явления.

Массовость материала по смежным территориям порождает его непрерывность, возможность картографирования. Так, например, мы располагаем сегодня огромными непрерывными фондами славянских лексических материалов от Печоры, Мезени и Белого моря до Белоруссии, Полесья и Прикарпатья.

Этнолингвистика нуждается в исследованиях по субстратной лексике, по отдельным тематическим группам слов, таким как гончарство, рыболовство, строительство, охота, пища, утварь, ткачество. В качестве примера отметим редкое положение с лексикой рыболовства. Почти по всем крупным водоемам России, Белоруссии и Украины мы располагаем сегодня монографиями и словарями по рыболовецкой лексике, содержащими не только перечни специальных терминов, но и детальные описания этнографических различий в орудиях лова и способах их применения.

Каковы основные пути этнолингвистических исследований, нацеленных на проблемы этногенеза? Пути эти — география отдельных форм, слов, этимология, анализ тематических групп слов, определение междиалектных, межъязыковых связей; создание атласов и словарей.

В поисках решения этногенетических проблем одни лингвисты идут от фактов определенной эпохи, например О. Н. Трубачев в своих исследованиях исходит из предварительной реконструкции пра-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

славянского словаря; другие отталкиваются от диалектных материалов XVIII–XX вв. Так, например, зная, что севернорусы освоили район Онежского озера в XI–XII вв. и зная тип прибалтийско-финских слов в говорах Заонежья и Прионежья, мы восстанавливаем и этнолингвистический тип тех прибалтийско-финских диалектов, которые были распространены в Заонежье и Прионежье накануне прихода туда восточных славян.

Методы этногенетических исследований. Краеугольным вопросом теории этногенеза сегодня является вопрос о методах анализа материала.

В решении проблем этногенеза наметились два основных подхода. Первый наиболее очевидный и простой — это подход исключительно с позиции одной науки, без привлечения других дисциплин. Такой подход представлен преимущественно в трудах лингвистов и археологов.

Другой подход, наиболее распространенный, состоит в том, что сама реконструкция древнейшей этнической истории производится преимущественно по данным какой-либо одной науки, чаще всего археологии, этнографии или языкознания, однако автор достаточно широко привлекает материалы смежных гуманитарных наук (лингвист — археологии, этнограф или археолог — лингвистики). Этот подход представлен в абсолютном большинстве трудов, так или иначе затрагивающих проблемы этногенеза.

При всей допустимости, а порой и достаточной результативности этих подходов следует отметить, что методы этногенетических исследований — это не простая сумма подходов разных наук. Дело не в механическом привлечении данных одной науки для доказательства выводов, полученных в другой науке, а в разработке новых методов решения проблем этногенеза в едином ключе, по одной единой методике, при которой лингвист не превращается в археолога или антрополога, а археолог — в лингвиста. При таком подходе и археолог, и этнограф, и лингвист, и антрополог работают рядом, используя единые методы, и каждый специалист сам квалифицированно обрабатывает свои данные по общим принципам.

Этногенез становится самостоятельным новым направлением именно тогда, когда на основе творческого синтеза данных различных наук он получает новое знание о типе этноса.

Добротное и полное таксономическое описание своих объектов в каждой из этих наук составляет материал этногенетических работ. Для этногенеза особенно важны различные обобщающие своды, ре-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

естры, компендиумы фактов типа атласов, словарей, каталогов архивных и музейных материалов.

Однако непосредственным источником этногенетических исследований являются не столько сами труды и описания данных этих наук во всей полноте и логике их анализа, сколько результаты этих работ, отдельные итоги, релевантные для теории этногенеза.

Исследователь этногенетических проблем не занимается детальным изучением состава и структуры той или иной культуры. Он не входит, да и не может уже входить во все сугубо специальные споры о природе и характере явлений (суффиксов, корней, слов, типов обрядов, происхождения вещей, морфологической структуры человека). В целом ему уже должны быть известны все факты или большинство из них. Перед ним качественно новая задача — анализ этих фактов в свете проблем этногенеза.

Изучение типа языка, археологической или этнографической культуры — объект собственно археологических, этнографических и лингвистических исследований.

В основе современных методов изучения этногенетических проблем лежат общенаучные методы, во многом связанные с методами системного анализа фактов. Казалось бы, занимаясь этногенезом, мы сравниваем обычно разные состояния, зафиксированные в лингвистике, археологии, этнографии. На практике, однако, мы обычно сопоставляем происхождение, географию и хронологию отдельных элементов.

Переход в перспективе на уровень сравнения типов, моделей представляет собой первый шаг к сопоставлению именно разных состояний как макросистем, которые нуждаются в последующей этнической интерпретации. При этом в ряде случаев следует сравнивать не абсолютные хронологические состояния, а состояния качественно и типологически общие.

Среди разных типов состояний можно выделить типы наиболее общие, инвариантные, и типы более частные — вариантные. Отдельные из этих типов выступают как архетипы по отношению к другим.

Таким образом, объектом этногенеза являются не столько отдельные предметы материальной культуры, традиции, обряды, обычаи, виды строений или слова, сколько их обобщенные типы, абстрагируемые от конкретных вещей и явлений.

Так, объектом этногенетических сопоставлений может быть тип археологической культуры, тип языка, антропологический тип. На-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

пример, исторически в топонимике Приладожья и Обонежья доминирует вепсско-карельско-олонецкий субстратный тип.

Конечно, недооценивать значение атомарных исследований (история отдельных вещей, слов и т. п.) не следует. Такие атомарные исследования, в частности палеолингвистические, позволяют порой проникнуть на такую хронологическую глубину, от которой не сохранилось ни письменных источников, ни археологических памятников. Таковы, например, факты общих финно-угро-тунгусо-маньчжурских лексических параллелей.

Интересным и перспективным представляется типологическое сопоставление моделей отдельных изолированных локальных узлов, зон, изученных лучше других.

Так, например, если достичь одинаковой формы представления археологических, лингвистических, этнографических данных, весьма перспективно сопоставление, например, Балкан, Полесья и Русского Севера (Верхней Руси). Метод строгого сопоставления моделей, эталонов, разных состояний изолированных локальных зон особенно значим для больших территорий, когда нет сплошной выборки материала, где нельзя построить карту в ее непрерывности.

Методы математической статистики, к сожалению, требуют довольно большого объема данных. Однако эти методы позволяют ярко и объективно показать распределение объектов между собой, их взаимоотношение, корреляцию, найти явления средние, типические, сильные и слабые, отделить ядро от периферии. Форма представления данных здесь — разные виды распределительных рядов, графики. Применение статистических методов в теории этногенеза осложнено разнообразием самих данных. Разные типы фактов обладают разной повторяемостью в различных массивах. В принципе разные типы статистических распределений весьма перспективны для этногенетических разработок. Статистические параметры привлекательны тем, что позволяют сравнивать данные на инвариантном категориальном уровне. Наиболее интересными с этой точки зрения были бы такие параметры, как среднее арифметическое, дисперсия, медиана, меры концентрации, повторяемости фактов, математическое ожидание. Сложность же сравнения статистических фактов состоит в необходимости сравнивать данные, полученные на одинаковых выборках, объеме.

Определенный интерес для этногенетических целей представляет метод глоттохронологии М. Сводеша. Этот метод может привлекаться в целях уточнения хронологии расхождения отдельных эт-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нических групп. Он заключается в том, что между двумя родственными языками всегда есть определенная стабильная часть лексики, основное лексическое ядро, которое не меняется на протяжении длительного периода в течение ряда тысячелетий. Метод глоттохронологии основан на применении специального статистического аппарата, который выявляет процент одинаковых сохранившихся слов в двух разных языках и таким образом определяет время расхождения двух языков. Таким методом, например, можно определить, что прошло 2900 лет с момента разделения эскимосского и алеутского языков. В разное время метод М. Сводеша подвергался не только критике, но и многим уточнениям. Для экспериментальной проверки гипотезы в США был создан даже специальный искусственный формальный язык Loglan-1[5].

В целом лингвистические исследования этногенетической направленности базируются на сочетании сравнительно-исторического, структурно-типологического и системного методов анализа.

Формы представления данных о результатах этногенетических исследований. Специалист по этногенезу оперирует не столько непосредственными объектами археологии, лингвистики, этнографии, сколько их итоговыми описаниями. При этом он вырабатывает свою рабочую модель этногенетического анализа. И здесь крайне важным является вопрос о форме представления данных — о метаязыке научного описания в теории этногенеза. По-видимому, такой язык не должен быть ни языком археологов, ни языком лингвистов или антропологов. Это должен быть простой, неформальный язык описания новых форм представления фактов.

Романтически заманчивый и увлекательный синтез достижений лингвистики, археологии, этнографии в этногенетических целях требует осторожности и осмотрительности.

Кажется, что сегодня немногими возможными и приемлемыми для всех формами представления данных и точек сопряжения воедино общих усилий являются *таблица-матрица* и *карта*. Однако и здесь не все просто. Лингвистическая география сильна теорией, принципами, массовостью материала, который на картах образует огромные непрерывные ареалы по всей карте родственных языков. Именно массовость, непрерывность языковых данных на больших территориях позволяют применять такие методы, как определение связей и противопоставленности отдельных зон, ареалов, структур-

[5] *Brown J.C.* Loglan-1: A logical language. Florida, 1989.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

но-типологическое сопоставление локальных микроузлов, выявлять разные типы самих противопоставлений. На языковых картах хорошо выделяются пучки изоглосс, макро- и микрозоны. В принципе такими же картами могла бы обладать и этнография. В то же время весьма сложной представляется для комплексной теории этногенеза, например, интерпретация глубинных изоглосс (индоевропейских, урало-алтайских и т. п.).

В дальнейшей разработке и уточнении применительно к теории этногенеза нуждаются и такие понятия, как *этногенетическая карта, типы ареалов, типы границ на карте.* Какой должна быть этногенетическая карта ареала, региона? В идеале — это физико-географическая карта, на которой археолог нанес основные границы археологических культур, филолог — пучки лингвистических изоглосс этого ареала, этнограф — сводные границы этнографических явлений, источниковед — данные письменных источников разных авторов о народах этого ареала, историк — границы политические.

Такая сводная карта, будучи выдержанной в определенном масштабе и разбитой на квадраты или отдельные фрагменты, представляет собой не только яркую форму отражения итогов разных наук, заранее уже ориентированных на собственно этногенетический анализ, но и сама по себе является отправным, исходным материалом для подобных исследований.

Так, например, уже сейчас при соответствующем объединении усилий разных специалистов такие карты могут быть созданы по Русскому Северо-Западу, Белоруссии, Правобережной Украине, Польше, Словакии, Болгарии. Эти территории хорошо изучены археологически, по ним есть лингвистические атласы, частично атласы этнографические, подробные этнографические описания. Они хорошо отражены в античных, византийских и средневековых источниках. Подлинный творческий этногенетический анализ начинается как раз с прочтения и интерпретации таких карт. Никакое автономное самостоятельное, простое филологическое или археологическое сопоставление данных «чужих» наук со своими материалами не может заменить объективного и профессионального изучения таких сводных карт.

Разумеется, подобный анализ не может не учитывать истории ландшафта ареала и экономического развития региона. Именно здесь в конечном счете этногенетические исследования смыкаются с исторической географией.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Конечно, до определенного момента каждый исследователь подолгу работает на своем материале, но сама эта работа должна быть проблемно-ориентированной на решение именно этногенетических вопросов.

Обычно лингвисты ждут от археологов и этнографов подтверждения своих гипотез, археологи и этнографы от лингвистов — своих. Однако цель исследования — не только подтверждение результатов, полученных в смежных дисциплинах. При всей значимости и определяющей роли таких совпадений, по-своему не менее значимы и несовпадения фактов, и игнорировать их нельзя.

Разумеется, при этом остаются спорные вопросы: как долго представители каждой науки должны работать сами по себе, нужна ли вообще «стыковка» знаний, если нужна, то когда, на каком этапе? Всем — лингвистам, археологам, антропологам, этнографам, музыковедам — надо научиться понимать общий характер данных и результаты каждой из наук.

Новое, оригинальное часто рождается на стыке разных наук, но, родившись, оно должно стать предметом самостоятельного изучения. Отдельным, самостоятельным, а не побочным объектом такого изучения должен стать и этногенез.

Остановимся на том, каким же могло быть проблемно-ориентированное историческое этнолингвистическое описание? Оно должно исходить не из лингвистических задач, а из задач этногенеза и этнической истории. Так, этнолингвистическое описание слова в словаре этногенетической направленности должно с максимальной полнотой давать значение слова, его этимологию, историю, географию, описание реалий и их историю и географию. Нужны специальные тематические словари по терминологии материальной и духовной культуры.

Для теории этногенеза важны проблемно-ориентированные описания любых групп лексики. Однако предметные группы, связанные с традиционными занятиями, обрядами, такими как рыболовство, охота, земледелие, скотоводство, гончарство, строительство, пища, должны быть вовлечены в оборот в первую очередь.

В создании специальных комплексных словарей, региональных атласов, тематических описаний групп лексики с ярко выраженной этноисторической направленностью — основа дальнейшего развития и залог успехов решения проблем этногенеза.

Этногенез и хронология. Одним из наиболее сложных вопросов в теории этногенеза является понятие хронологии. Если ар-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

хеология, палеонтология или антропология оперируют достаточно определенными датами, то лингвистика пользуется методом относительной хронологии, который опирается на знание последовательности фактов и закономерностей их изменений во времени. Весьма сложен и общий вопрос о хронологических границах этногенетического процесса. Где хронологическое начало этногенетического процесса для того или иного народа и есть ли его предел?

Нижний предел, по-видимому, может быть очерчен лишь чисто условно. И здесь встает вопрос, должна ли теория этногенеза стремиться к установлению параллелизма между этнической историей отдельных групп населения и стадиями развития человека, например от неандертальца к кроманьонцу? Естественный, казалось бы, отрицательный ответ на этот вопрос, однако, не так прост, как может показаться на первый взгляд. В археологии и этнографии немало сделано по реставрации образа жизни первобытных палеолитических собирателей и охотников, в физиологии — по определению этапов эволюции головного мозга, речевого аппарата, звукообразования, в психологии — по выявлению стадий развития мышления. Антропология успешно восстанавливает древние антропологические типы. Наконец, лингвистика располагает большим числом фактов, характеризующих древние стадии развития конкретных языков и их семей. Следует ли стремиться к сопоставлению и синтезу этих данных? Думается, что в конечном счете в аспекте комплекса наук о человеке, в изучении самого человека (Homo sapiens) такие осторожные сопоставления окажутся не лишними.

В конечном счете эти романтические увлекательные проблемы хронологически ретроспективно уводят нас назад на целый период в сотню тысяч лет от начальных этапов этногенеза разных народов. Они связаны с такими понятиями, как *популяция, типы человеческих сообществ, вид, раса, глоттогенез, моногенез, полигенез*, и могут рассматриваться только вместе с достижениями современной антропологии, физиологии, генетики, палеонтологии[6]. Между любым современным даже самым архаичным по своему типу языком и «языком» первых людей лежат сотни тысяч и более лет. Вопрос в том, где и когда, на какой стадии антропогенеза и эволюции человека от австралопитеков (третичный период) и питекантропа (около 300 000 лет назад) к неандертальцу и человеку Homo sapiens

[6]См. Лингвистический энциклопедический словарь. Статьи: Глоттогенез. Происхождение языка. Моногенеза теории, а также указанные ниже труды В. П. Алексеева.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

появляются и формируются первые этнические признаки и каковы они?

Весьма примечателен и, вероятно, заслуживает особого внимания тот факт, что именно объекты наук о человеке, объекты, предстающие как результат деятельности человека, обнаруживают порой совершенно исключительное ареально-типологическое тождество в самых различных концах земного шара (сходство вещей, реалий, обрядов, корней слов, например, между Океанией и Америкой, Океанией и Евразией).

В теории этногенеза все многообразие споров вокруг этой проблемы пока сводится к двум крайним точкам зрения — моногенезису или полигенезису. Именно этот аспект еще раз свидетельствует о том, что теория этногенеза может развиваться далее только как междисциплинарная наука, неотрывная от всех наук о человеке, от истории становления культуры и цивилизации в целом.

Своеобразие собственно этнографических проблем заключается в том, что возникновение первых расовых, этнических групп, образование большинства этносов, относятся к таким глубоким хронологическим периодам, которыми собственно этнография, как правило, уже не занимается.

Не менее сложен вопрос о верхнем пределе этногенетического процесса. В некотором отношении он вообще не имеет верхнего предела. В той или иной форме этногенетический процесс протекает всегда, постоянно, незаметно, невидимо для крупных развитых этносов, более явно в случаях этнических контактов или конфликтов.

Этногенез как этнообразующий процесс не кончается никогда — это постоянный процесс, который, начавшись некогда в одном ареале, переходит на другой и продолжается там. Рассматривая этногенез как начальную стадию формирования этноса, мы чисто аналитически, исследовательски искусственно вычленяем те или иные определенные периоды, оставляя в стороне как более ранние, так и более поздние.

Например, для истории этногенеза русских в Сибири далеко не последнюю роль играют их контакты с якутами, эвенками, бурятами. Примером может служить история семейских в Забайкалье. Доказать, что история русских в Забайкалье в их связях с народами Сибири менее важна, чем этническая история русских Беломорья в их контактах с саамами в XII–XIV вв., трудно.

В целом можно говорить о разном уровне глубины этногенетического исследования. Так, например, этногенетический анализ мож-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

но ограничить историей собственно новгородских славян, начиная с момента их появления в западном Приильменье приблизительно в VIII в. н. э., но можно проследить их историю в связи с общими судьбами восточных славян, вплоть до III–IV вв. или же праславян до рубежа н. э.

История вепсов может быть ограничена историей заселения ими Ладожско-Онежского перешейка и Межозерья в начале I тыс. н. э., но она может быть прослежена и на 2000–3000 лет назад, ко времени вероятного обитания их предков в Поволжье и еще ранее в Зауралье.

Если в общетеоретическом плане спорным является вопрос, с какого времени вести исчисление истории этноса, то в этнолингвистическом отношении неясно, когда начинается история диалекта. Можно ли утверждать, что, например, история псковских диалектов начинается от эпохи балто-славянских отношений, или ставить вопрос о времени возникновения кривичей или словен? По-видимому, можно говорить только о том, что на основе разных источников и данных в такой-то период в данном ареале мы застаем впервые кривичей или словен как этническую общность, выделяемую извне ее, имеющую «свой» язык, этнонимику, а позднее иногда и письменность.

Казалось бы, легче определить время прекращения существования этноса, однако сделать это также нелегко. По-видимому, в определенный период со страниц письменных источников, из сознания рядом живущих этнических и социальных групп исчезает психологическое представление о своих соседях как о ком-то ином, отличном по языку, образу жизни, исчезает этническое осознание взаимопротивопоставленности друг другу, эволюционируют билингвизм и бикультура, выходит из употребления самоназвание (этноним). Так постепенно в итоге многовековой языковой, культурной, психологической (включая сюда и материальную, и духовную культуру) трансформации наступает этап, когда все элементы культуры, языка воспринимаются уже как свои, исконные.

Этногенез и историческая география. Этническая история ареала. Среди проблем этногенеза большое самостоятельное значение имеет и этническая история ареала. Предмет этнической истории ареала — история тех этносов, которые некогда имели место на данной территории. Например, этническая история южного Приладожья — это история и дофинского населения, и населения прибалтийско-финского, и славянского, история этнических волн

миграций, заливавших этот регион в разные исторические эпохи.

История формирования населения конкретного ареала входит как составная часть в историческую географию. Исторической географии и, в частности, исторической географии России посвящено немало крупных работ. По-разному освещается в них и предмет исторической географии.

Начиная с В. Н. Татищева, отечественная историческая география прошла длительный путь развития. В трудах М. К. Любавского, С. М. Середонина, А. А. Спицына, С. К. Кузнецова, В. К. Яцунского, М. И. Белова, Л. А. Гольденберга, В. С. Жекулина были уточнены ее задачи и ориентиры. Предмет исторической географии — комплексная история ландшафта в связи с историей человека и история человека на том или ином ландшафте.

Так, по определению Л. А. Гольденберга, историческая география — это историческая дисциплина, изучающая историко-экономическую (население, хозяйство) и историко-политическую географию прошлого человечества в ее взаимосвязи с физико-географической обстановкой.

При этом история населения и формирования разных народов уже давно является общепризнанным объектом исторической географии. Едва ли не центральное место занимают эти вопросы в трудах М. К. Любавского и С. М. Середонина. Объект исторической географии составляет синтетическая история ландшафта по данным разных наук о человеке.

Историческая география — это комплексная межотраслевая наука, в которой ключевыми понятиями и основными единицами анализа являются понятия «ареал», «ландшафт», «человек». В центре исторической географии стоит человек (группы людей, народ, этнос) в его взаимодействии с природой. Историческая география включает в себя историю рельефа данного конкретного ареала, анализ влияния ландшафта, природных условий на человека и человека на них, этническую историю ареала, историю экономической эволюции обитателей данного ареала, политическую историю территории.

Историческая география тесно смыкается с регионалистикой[7]. Целостных, комплексных работ по исторической географии единицы. Причина этого в том, что при современном уровне развития

[7] См.: *Герд А. С., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Седых В. Н.* Основания регионалистики. СПб., 1998.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

научного знания проведение серьезного исследования в области исторической географии по тому или иному ареалу требует концентрации усилий самых разных специалистов.

В то же время многие работы этногенетической направленности на практике построены именно как исследования по исторической географии. В языкознании — это труды о лексических связях диалекта, наречия, диалектной зоны. И здесь на верхнем уровне определяющими для истории этноса во многих случаях оказываются лингвистические и этнографические показатели. Так, например, этническая история севернорусов весьма ярко прослеживается по данным диалектологии и этнографии,

В свете современных знаний источником формирования диалектов севернорусов послужили говоры северо-западного Приильменья, Поволховья и южного Приладожья, новгородская миграция на север, которая в бассейне Онеги и верховьев Северной Двины столкнулась с миграцией ростово-суздальской.

Формирование севернорусов шло в условиях активного славяно-балтийского и славяно-финского взаимодействия. В свою очередь, лексические данные определенно свидетельствуют, что в истории русских Приильменья и Поволховья решающую роль сыграли восточные славяне из бассейнов Припяти и среднего Поднепровья. Таким образом, в ряде случаев этническая история живых этносов и субэтносов вполне определима через выявление лингвистических и этнографических связей между разными типами ареалов.

Определение этнической истории населения, занимающего в данный момент ту или иную территорию, позволяет увидеть как бы самый верхний, хотя иногда хронологически и очень глубокий пласт в истории этого ареала.

Однако объектом этнической истории ареала является не только живой современный этнос, но и те народы, которые обитали на данной территории ранее. Это задача уже гораздо более сложная. И здесь следует еще раз подчеркнуть, что этническая история ареала не может быть раскрыта в рамках какой-нибудь одной дисциплины. Исследования этнической истории ареала и процессов этногенеза сегодня остро нуждаются в новых подходах и решениях.

Реконструкция историко-культурных зон, антропогенез, демогенез и этногенез. В аспекте этнической истории ареала и исторической географии в качестве одного из возможных подходов могла бы быть принята и предлагаемая ниже концепция реконструкции глубинной модели историко-культурной зоны. Этно-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

графы, археологи, социологи накопили немалый опыт выделения разных типов человеческих коллективов и этнических общностей. Таковы хозяйственно-культурные типы, историко-этнографические области, типы этносов по классовой структуре, видам социальных связей, роду информационных связей, этносоциальные организмы (племена, народности, нации, этникосы, субэтносы) и др.

В то же время отдельные типы таких общностей чаще всего выделяются лишь как объекты рассмотрения какой-либо одной науки (этнографии, археологии, социологии), и при этом они нередко оторваны от конкретной географической и природной среды.

Историко-культурная зона — определенное ареальное единство, которое выделяется по данным этнографии, археологии, антропологии, языкознания, истории, геологии, палеогеографии, географии, а также ряда других наук о человеке (фольклористики, этномузыковедения). Историко-культурные зоны складываются постепенно на определенной территории в условиях конкретного климата и ландшафта и определяются, соответственно, физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими и собственно этнографическими факторами.

Таким образом, историко-культурная зона как объект рассмотрения, скорее всего, составляет предмет исторической географии, хотя традиционно работы по исторической географии, достаточно детально описывая географию населения, историю хозяйства, военных походов, крепостей, задачу реконструкции конкретных историко-культурных зон не ставят.

Историко-культурные зоны обладают высокой степенью устойчивости. Именно в рамках историко-культурной зоны протекают процессы смешения и синтеза производственных, хозяйственных, языковых, этнографических компонентов. Каждая новая этническая трансформация, каждый новый народ не отвергает существующую культуру, а как бы вписывается, вживается и постепенно врастает в нее. Разные народы приходят и уходят, меняются хозяйственные формы, исчезают археологические культуры и памятники, языки, а историко-культурные зоны остаются и от эпохи к эпохе обретают все большую стабильность и оформленность своего ареала, иногда вплоть до современных политических или административных границ. Население на данной территории, в ареале историко-культурной зоны, как правило, не исчезает.

Этническая история ареала — это история географического ландшафта, на котором в течение тысячелетий постоянно проис-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ходят интерференция и смена культур и типов состояний. Каждое новое состояние, новая стадия — лишь ступень в цепи трансформаций от одного состояния к другому. Естественные этнические процессы отличаются непрерывностью, преемственностью, стадиальностью. Одно этническое состояние, медленно эволюционируя через ряд промежуточных стадий, переходит в другое. На отдельных этапах такой эволюции могут образовываться межэтнические союзы. Таковым, например, был в XI–XII вв. союз новгородских словен, ряда прибалтийско-финских народов и скандинавов.

Исключая великие завоевания и насильственные переселения, смена одного этноса другим происходит не путем вооруженного уничтожения предшествующего населения, а путем трансформации.

Естественные миграции населения подобны рекам, впадающим в большое озеро, в котором воды разных рек смешиваются и постепенно растворяются в воде этого озера, обогащая, насыщая и изменяя ее.

Подселение, вживание, адаптация, постепенное освоение всего релевантного, значительного из субстратной культуры, смешанные браки, длительный этап билингвизма и двойной культуры, и лишь постепенная смена одного языка другим, переход на новое этническое самосознание, новую монокультуру, возникновение новой культуры — таковы основные этапы трансформации одного этнического состояния в другое.

Переход на новый язык также далеко не всегда сопровождается сменой населения. В то же время постепенный переход от двуязычия к монолингвизму всегда свидетельствует как раз о качественно новой ступени в эволюции населения той или иной историко-культурной зоны. За сменой языка нередко следует смена самосознания. Например, во многих местах Ленинградской области ижоры, знающие ижорский язык уже лишь фрагментарно, на вопрос о том, кто вы по национальности, отвечают: «А мы и сами не знаем, кто мы, то ли русские, то ли ижоры, то ли финны» (по материалам личных полевых опросов).

На протяжении многих веков историко-культурная зона выступает как основной ареальный фактор формирования и диалектов разных языков, и различных этнографических зон и групп населения.

В свете вышесказанного бессмысленными представляются различные чисто эмоциональные споры о первозданной чистоте и непо-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вторимой самобытности того или иного народа или языка. Все такие споры внеисторичны и ненаучны.

Реконструкция историко-культурной зоны связана с восстановлением некоторых отдельных состояний как синхронных хронологических пластов, срезов. Каждое такое состояние представляет собой своеобразный историко-культурный тип. *Историко-культурный тип* есть сумма различных хронологически синхронных типов, выделяемых по материалам таких наук, как археология (тип археологической культуры), языкознание (тип языкового строя), антропология (антропологический тип), этнография (тип традиционно-бытовой или духовной культуры), музыковедение, фольклористика, психология, политическая история (типы границ, походов, миграций), геология, климатология (тип климата), физическая география (тип ландшафта), экономическая география (типы хозяйственно-производственных связей), зоология (биотипы ландшафта). Например, историко-культурный тип, вскрываемый в Поволховье, юго-восточном Приладожье на рубеже I тыс. н. э., характеризуется археологической культурой длинных курганов и сопок и прибалтийско-финским языковым строем.

В диахроническом плане историко-культурная зона представляет собой совокупность отдельных историко-культурных типов разных хронологических периодов. Реконструкция таких типов является основным компонентом восстановления историко-культурной зоны в целом. Исторически каждый такой историко-культурный тип, каждое этноязыковое состояние есть переходное связующее звено между предыдущей культурой и последующей. Синхронически каждый тип — конгломерат следов различных культур и языков.

Историко-культурный тип — научная абстракция, но абстракция, вобравшая в себя отличительные черты реального состояния ареала в определенный исторический период. Историко-культурный тип — элемент сложных систем, где данные одних наук коррелируют с данными других. За словами стоят вещи, за вещами — люди с их антропологическим обликом, языком и традиционной бытовой культурой.

Историко-культурная зона представляет собой сумму историко-культурных типов, различных по своему качеству.

Если историко-культурная зона может быть интерпретирована как макромодель, то историко-культурный тип предстает как вариант модели, который характеризуется рядом признаков, на основа-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нии которых можно сказать, что этот тип в этническом отношении характеризуется как финно-угорский или восточно-славянский. В конечном счете историко-культурный тип тоже представляет собой модель — модель конкретного состояния.

В таком случае изучение этногенеза в перспективе может строиться как сравнение разных ареальных моделей, отражающих различные состояния. Сравнение различных типов позволит со временем построить типологию моделей состояния. Историко-культурный тип — синтетическое понятие, ключ к истории историко-культурной зоны. Он неразрывно связан с ареалом. Синтез разных данных возможен только там, где их можно локализовать географически и интерпретировать с демографической или этнической точки зрения.

Переход на уровень сравнения типов — первый шаг к сопоставлению разных состояний как микросистем. При этом важно сравнивать типологические состояния. Основной метод экспликации историко-культурных типов — метод внутренней реконструкции отдельных состояний.

Переход к синтезу данных должен быть подготовлен уровнем развития каждой из наук. Синтез может проводиться по разным аспектам, но каждый раз он предполагает единую общую форму представления данных. В принципе он может проводиться как сопоставление итогов анализа ареала при условии, что материалы каждой из наук подвергались обработке по единой методике.

При всей справедливости мнения, что простое наложение лингвистических, археологических, этнографических фактов друг на друга не дает представления о типе этноса, не раскрывает процесс этногенеза, нельзя не видеть в то же время, что не простое совмещение отдельных фактов этих наук, а объективное совпадение границ и ареалов, выделяемых ими, бесспорно, выявляет определенные сущности, имеющие серьезное историческое значение. Так, например, при реконструкции Восточно-новгородской историко-культурной зоны выделяется историко-культурный тип I тыс. н. э., который характеризуется археологической культурой новгородских сопок и прибалтийско-финским языковым строем. Конечно, восстановление хронологически глубоких историко-культурных типов сопряжено с немалыми трудностями, их отдельные компоненты могут оказаться невосстановимыми.

Применение описанного выше подхода к решению этногенетических задач позволило выделить на территории восточного сла-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вянства такие устойчивые историко-культурные зоны, как Восточно-новгородская, Западно-новгородская, зона Псковского ядра, ряд зон в бассейне Припяти, Западной Двины и Березины.

Именно реконструкция этнической истории ареала и эволюции историко-культурных зон в целом позволяет увидеть предшественников того или иного этноса на данной территории, определить их вклад в историко-культурные зоны.

Приведем в качестве примера опыт реконструкции историко-культурной зоны Верхней Руси.

Упорядочивая соотношение различных лингвистических и археологических данных, можно с определенной долей условности предположить следующую хронологическую дифференциацию основных границ Верхней Руси.

1. Граница по Волхову (до озера Ильмень). Удерживается до начала раннего железного века; далее на юг, по линии Волхов — Ловать; изначально входит в пределы обширного «ничейного пространства» между «восточным» и «западным» (циркумбалтийским) массивами населения. В V–IV тыс. до н. э. намечается как зона их соприкосновения и взаимного наложения и чрезвычайно четко определяется как граница массивов населения во II тыс. до н. э. (племена «боевых топоров», фатьяновская и прибалтийская культуры). В дальнейшем как будто перекрывается за счет мощных импульсов «восточного» и отчасти «южного» массивов, но вполне определенно выступает в разграничении ареалов курганно-жальничных культур древнерусской эпохи. Наиболее древняя и устойчивая граница.

2. Граница по верховьям рек Великая — Ловать — Западная Двина. В качестве южной полосы «ничейной территории», отделяющей «южный массив» населения, также проступает изначально. В V–IV тыс. до н. э. перекрывается продвижением «южного массива», в III тыс. выступает как граница его стабилизации, во II тыс. до н. э. не прослеживается (возможен сдвиг населения к югу), но с раннего железного века (в I тыс. до н. э. и далее) остается стабильной вплоть до древнерусского времени включительно.

3. Область в нижнем и среднем течении р. Великой, с трех сторон очерченная четкой границей, как «анклав» западного массива. Определяется в результате передвижек в III в. до н. э., затем длительное время оказывается пограничной «ничейной» территорией соседствующих массивов и вновь обретает культурную определенность в «эпоху длинных курганов» (V–VII вв. — середина второй

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

половины I тыс. н. э.), в древнерусское время образуя большой замкнутый курганно-жальничный ареал зоны «Псковского ядра».

4. Область Верхней Луги — Западного Приильменья. Изначально и до раннего железного века выступает как «ничейная» пограничная зона, а в «эпоху сопок» (VIII–X вв.) обретает культурную и территориальную определенность, сохраняющуюся и в древнерусское время.

5. «Белое пятно». Очень стабильное, с юга ограниченное верхнеловатско-верхнедвинским рубежом, с севера — линией Псковское озеро — озеро Ильмень — верхнее течение р. Мста, совпадает со значительной частью ареала сопок, особенно тех его областей, где нет взаимоналожения сопок и длинных курганов.

Полное совпадение лингвистических и археокультурных границ обнаруживается на хронологическом уровне древнерусского времени, когда взаимоналожением или, напротив, несовпадением курганного и жальничного компонентов определяются следующие компактные историко-культурные зоны:

а) Восточно-новгородская, с границей на западе вдоль Волхова, по нижнему течению р. Мста с выходом на верховья рек Волга и Молога, затем примерно по Тихвинско-Вепсовской гряде с границей на северо-востоке в междуречье рек Оять — Свирь (северная граница «приладожской курганной культуры IX–XII вв.»);

б) Западно-новгородская, в основном охватывающая западное Приильменье и Верхнее Полужье, со сравнительно поздним обособлением субмассива Ижорского плато;

в) «Псковское ядро», археологически ограниченное низовьями р. Великой (с вероятной тенденцией к расширению в «послекурганное время», т. е. позднее XIII в., на среднее течение, но не достигающее верховьев Великой);

г) Днепродвинская зона, со стабильной границей на севере по верхнему течению р.Великой, среднему — р. Ловати и до Верхневолжских озер, на юге в Белоруссии по линии Лепель — Дрисса — Орша, на западе — с верховьев р. Днепр к Ржеву и далее на Верхневолжские озера[8].

Несмотря на достаточную определенность в рамках своих границ, разные историко-культурные зоны имеют ареалы взаимоналожения и пересечения, отдельные историко-культурные зоны могут

[8]Примеры других зон см.: *Герд А. С., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Седых В. Н.* Основания регионалистики. СПб., 1998.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

входить в более крупные историко-культурные зоны. Например, историко-культурная зона «Псковского ядра» частично пересекается с Западно-новгородской историко-культурной зоной, а вместе они входят в зону Верхней Руси.

Каковы же основные пути комплексного этногенетического изучения ареала? Опираясь на предложенный междисциплинарный опыт, можно наметить следующую последовательность: 1) выявление всех типов границ; 2) локализация границ; 3) хронологизация границ; 4) выделение историко-культурных зон; 5) предварительная хронологизация историко-культурных зон; 6) определение признаков историко-культурных зон по материалам разных наук об этногенезе; 7) выделение общих дифференцирующих этнических маркеров историко-культурных зон.

В конечном счете именно комплексная реконструкция историко-культурных зон разных ареалов является одной из главных задач в изучении процессов этногенеза. Ее решение требует распространения принципов и средств, использованных для археологических и лингвистических данных, или методически сопоставимых с ними приемов систематизации материалов остальных наук о человеке, т. е. подробного картографического анализа и ареального совмещения фактов и явлений антропологии, этнографии, географии и т. п. Нужно различать процесс формирования историко-культурной зоны и этап ее оформления, на котором оптимальным оказывается междисциплинарное совмещение данных. Следует еще выработать критерии для оценки случайных и неслучайных факторов в феномене совпадения границ, исследовать механизм формирования таких зон. Пока что можно констатировать только необъяснимый как будто феномен, заключающийся в том, что факторы разных наук, разных эпох, народов, разного качественного уровня в целом ареально тяготеют друг к другу и приблизительно совпадают в границах одних и тех же основных и переходных зон. В конце концов, хотим мы этого или нет, но сам факт выделения и экспликации единых историко-культурных зон именно по данным разных наук о человеке остается объективным фактом, объяснение которого, по-видимому, еще впереди. При этом историко-культурные зоны оказываются тем центром, на который должны быть сориентированы все собственно этногенетические гипотезы и построения.

Планируя дальнейшие исследования в этом направлении, в качестве рабочего инструмента дедуктивно можно предложить, пока лишь в качестве модели, сводную матрицу междисциплинарных

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

данных для экспликации историко-культурных зон (табл. 5).

Систематическое заполнение, а затем дальнейшая разработка формализованных строгих приемов обработки, комплексного анализа и исследования структурных взаимосвязей данных различных дисциплин, видимо, откроют и перспективы их структурного изучения. Применяемые приемы ареального картирования, общие для археологии, лингвистики и других смежных дисциплин, уже сейчас позволяют утверждать, что образование и существование на протяжении порой многих тысячелетий устойчивых историко-культурных зон приблизительно в одних и тех же границах являются также и фактом этнической истории.

Таблица 5. **Восточно-новгородская историко-культурная зона**

Хронология	Структурные типы материалов				
	Археологические культуры	Язык населения	Антропология	Этнография	География
I тыс. н. э.	ДРК	Славянский	...	...	...
I тыс. н. э.	НС	Прибалтийско-финский	...	...	...
I тыс. н. э.	ДК	Прибалтийско-финский	...	...	...
I тыс. до н. э.	ТКК (ДК?)	Прибалтийско-финский, балтийский	...	...	...
II–I тыс. до н. э.	—	Прибалтийско-финский, балтийский	...	...	...
II тыс. до н. э.	ФК	Прибалтийско-финский	...	...	...
III–II тыс. до н. э.	ВК	Прибалтийско-финский	...	...	...
III тыс. до н. э.	—	Финно-угорский	...	...	...
IV–III тыс. до н. э.	ЯК	Финно-угорский	...	...	...
IV тыс. до н. э.	—	Саамский	...	...	...
V–IV тыс. до н. э.		Протосаамский (?)	...	...	...
...	...	...	...	...	...
...	...	...	...	...	...

Условные обозначения:

ДРК — древнерусская культура;
НС — новгородские сопки;
ДК — псковско-боровичские длинные курганы;
ТКК — культура текстильной керамики;
ДК — дьяковская культура («западный вариант»);
ФК — фатьяновская культура;
ВК — верхневолжская культура;
ЯК — культура ямочной керамики.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Каждый исследователь (лингвист, археолог, антрополог) реконструирует некоторые физические состояния, но далеко не каждое такое состояние может быть уверенно интерпретировано этнически. Само по себе выявление историко-культурных типов, зон еще не дает разгадки этнической истории того или иного периода (как известно, сходство в хозяйстве, культуре не всегда отражает этническое единство).

Насколько такое состояние может быть интерпретировано с этнической точки зрения? В целом ряде случаев реконструкция и даже хронология пластов, стадий может быть довольно успешной как в археологическом, так и в языковом, этнографическом и антропологическом аспектах, но определить типы этноса, соотносимые с теми или иными стадиями, все равно будет невозможно. Вот почему в более общем случае целесообразно говорить именно об изучении *демогенезиса* как такового. В этой связи целесообразно разграничивать демогенез и этногенез.

Демогенез — это начальная ступень этногенетического процесса. Анализ демогенеза выявляет историко-культурные типы, связанные с определенными человеческими коллективами на той или иной территории. Демогенез — это продолжение процесса *антропогенеза*. Отдельные из таких типов могут быть соотнесены с конкретным этносом, другие — далеко не всегда, а некоторые, древнейшие, может быть, — уже никогда. Это не препятствует тому, что мы можем достаточно хорошо представлять тип хозяйственных занятий этого коллектива, типы их погребений или виды украшений, климат и ландшафт, которые их окружали, но можем и не знать, каков этнос, к которому принадлежал этот коллектив. На определенной стадии анализа тот или иной историко-культурный тип удастся охарактеризовать уже и с этнической точки зрения.

Еще одно замечание. Именно учет концепции древнейших историко-культурных зон, данных других наук, включая физиологию, генетику, морфологию человека, антропологию, крайне осложняет прямолинейное решение проблем этногенеза многих народов. Если рассматривать современное население любой историко-культурной зоны в любом ареале как результат тысячелетних анатомо-морфологических, генетических, культурных, языковых и этнических смешений и трансформаций, то во многих случаях мы вряд ли сможем сегодня строго научно ответить на вопрос «К какому конкретному этносу принадлежит или восходит тот или иной народ, проживающий или проживавший ранее на данной территории

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

своего обитания?». Но, может быть, здесь и не надо стремиться к единственному и однозначному ответу?

Этногенез и современность. Во-первых, как уже было отмечено, этнический процесс «народообразования» не прекращается никогда. Такие процессы идут повсюду, постоянно и сегодня.

Во-вторых, проблемы этногенеза, уходящие своими корнями в эпоху неолита и мезолита, весьма актуальны и в наши дни.

К сожалению, именно этногенез народа нередко использовался и используется как сильный козырь в решении многих вопросов межгосударственных и межнациональных отношений. В той или иной стране на различных официальных уровнях, в печати начинают звучать, ставятся и обсуждаются, например, следующие вопросы:

«Какой народ из двух и более других народов живет на этой земле дольше другого и является на этой территории самым древним народом?»;

«Какой народ и когда занимал ранее эту территорию, где проходили границы этих земель в древности?»;

«Кто является коренной "титульной" нацией в данной стране, регионе?»;

«Язык какого народа из ряда других более древний?»;

«Кто, какой народ создал выдающиеся памятники архитектуры древней письменности на этой земле?»

Нетрудно догадаться, что стремление найти однозначные и прямые ответы на такие вопросы тут же порождает проблему положения других народов, проживающих рядом или по соседству. Даже простое обсуждение этих вопросов в печати, по телевидению приводит порой к резкому осложнению межнациональных и межгосударственных отношений.

Сложность этих проблем еще и в том, что они неизбежно и естественно затрагивают эмоциональную сторону человеческого сознания каждого жителя страны, республики (см. выше).

Примеры постановки и обсуждения таких вопросов можно легко найти в истории Германии, Польши, Чехии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Болгарии и других стран.

Все это еще раз показывает неделимость этнолингвистики на собственно этнолингвистику и социолингвистику, как трудно в этнолингвистике разделить проблемы диахронические и синхронические, чисто этноисторические и современные социолингвистические.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

И, наконец, последнее замечание. Курс лекций по этнолингвистике вновь напоминает нам, что решение как внутринациональных, так и межнациональных проблем разных народов в конечном счете может быть только комплексным, межотраслевым и требует фундаментальных знаний в области теории, методологии различных гуманитарных и естественных наук.

Рекомендуемая литература

Агеев Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.

Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.

Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. (Тр. Ин-та этнографии. Т. 16.)

Герд А. С., Лебедев Г. С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // Советская этнография. 1991. № 1.

№ 1. *Герд А. С., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Седых В. Н.* Основания регионалистики. СПб., 1998.

Гольденберг Л. А. К вопросу о дефиниции понятия историческая география // История географических знаний и историческая география и этнография. Вып. 5. М., 1971.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.

Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник // Советская этнография. 1967. № 4.

Жекулин В. С. Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982.

Климов Г. А. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка // Вопросы языкознания. 1959. № 2.

Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910.

Любавский М. К. Историческая география России в связи с ее колонизацией. М., 1909.

Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. № 5.

Мельниченко Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — нач. XIII в.: Лингвистические карты. Ярославль, 1974.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987.

Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.

Спицын А. Л. Русская историческая география. Пг., 1917.

Толстая С. М. Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю (А–Г) // Славянское и балканское языкознание. М., 1984.

Толстой Н. И. Иван-аист // Славянское и балканское языкознание. М., 1984.

Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

Шапошников В. Н. Историческая этнонимика. СПб., 1992.

Яцунский В. К. Историческая география. М., 1955.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Вместо заключения

С целью привлечь внимание преподавателей, студентов, учащихся школ, гимназий, лицеев и колледжей к перспективам развития проблем «общество и язык», «язык в обществе» ниже мы приводим список основных направлений и тем этнолингвистики, которые изучены в отечественной науке еще недостаточно. Вместе с указанной ниже дополнительной литературой приведенные темы помогут преподавателям легче сориентироваться в построении своего курса, а студентам — в выборе темы для курсовой или дипломной работы.

Этнос, этничность и язык.

Этнобиосоциологическая характеристика индивида и его речь.

Язык индивида и аспекты его поведения.

Язык, этногенез и этническая история.

Язык и реконструкция различных компонентов материальной и духовной культуры.

Билингвизм и мультилингвизм. Мена кода.

Креолизация языка.

Языковые нормы, стандарт, престиж.

Языковая ситуация, речевой акт, стратегии, намерения и цели говорящего и их реализация в языке.

Язык и речь в ситуации эмоционального напряжения.

Взаимопонимание и язык. Роль языка в межличностных и коллективных конфликтах и, напротив, в ситуациях примирения и гармонии.

Язык и проблемы урбанистики.

Детская речь. Язык школы.

Телефонные разговоры.

Язык домашних конфликтов.

Язык и политика.

Роль языка в средствах массовой информации.

Язык и власть.

Язык и права человека.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Дополнительная литература

Алексеев Б. П. География человеческих рас. М., 1974*.

Алексеева Т. Н. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Берков В. П. Спасение исчезающих языков России // Вестн. С. Петерб. ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 2.

Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

Денисова Р. Я. Этногенез латышей. Рига, 1977.

Дзуццев Х. В. Этноязыковая ситуация в Северной Осетии: Опыт социолингвистического анализа // Вопросы социологии Северной Осетии. Владикавказ, 1993.

Дубин В. В. Некоторые аспекты языковой ситуации и языковой политики в Швейцарии // Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков. М., 1992.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Земцовский И. И. Этногенез в свете музыкального фольклора // Народно стваралашство. 1969. Т. 8. Вып. 29–32.

Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975.

Гамкрелидзе Т. Е., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.

Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. СПб., 1997.

Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени: Глоттогенез славян. М., 1983.

Михальченко В. Ю. Языковые проблемы новой Российской Федерации // Язык, культура, этнос. М., 1994.

Нарумов В. П. Развитие языковой ситуации на Пиренейском полуострове // Диахроническая социолингвистика. М., 1993.

Неродная В. П. Современная этноязыковая ситуация в России // Изв. РАН. 1994. Сер. лит. и яз. Т. 53. № 2.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

* В каждой из книг читатель найдет большую дополнительную литературу.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Проблемы социолингвистики и многоязычия / Под ред. А.-К. С. Баламамедова и В. А. Татаринова. М., 1997.

Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий. Пермь, 1997.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Славяне: Этногенез и этническая история / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. Л., 1989.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.

Этническая история балтских народов / Под ред. С. Цимерманиса. Рига, 1980.

Этническая история и фольклор / Под ред. Р. С. Липец. М., 1977.

Этническая история народов Севера / Под ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Этническая топонимика / Под ред. Е. М. Поспелова. М., 1987.

Этногенез белорусов. М., 1973.

Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / Под ред. Л. А. Гиндина. М., 1984.

Серио П. О языке власти: Критический анализ // Философия языка в границах и вне границ. Харьков, 1993.

Achard P. La sociologie du langage. Paris, 1993.

Alford K.D. Naming and identity. New Haven, 1988.

Ardener E. Social anthropology and language. London, 1971.

Beals R., Hoijer H. An introduction to Anthropology. N.Y., 1965.

Bonnvillain N. Language, culture and communication. Prentice Hall, 1993.

Coates J., Cameron D. Women in their speech communities. London, 1988.

Cooper R.L Language planning and social change. Cambridge, 1989.

De Graf T., Nieuweboer R. Language and Culture of Russian Mennonites // Around Peter the Great: Three Centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen, 1997.

Dow J. R. (ed.) Language and ethnicity. Vol. 1, 2. Amsterdam, 1991.

Ethnomethodology and the human sciences. Cambridge; N.Y., 1991.

Fairclough N. Language and power. London, 1989.

Fasold R. W. Introduction to sociolinguistics. Vol. 1. Oxford, 1984.

Fasold R. The sociolinguistics of society. Oxford, 1984.

Fierman W. Language planning and national development: The Uzbek expierence. Berlin, 1991.

Fishman J. A. Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspertive. Clevedon, 1989.

Fishman J. A., Ferguson C. A. Language problems of developing nations. N.Y., 1968.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Froman C. Language and power. Books I–IV. Atlantic Highlands; N.Y., 1992–1993.

Gilbert G. G. Pidgin and Creole languages. Honolulu, 1987.

Glyn W. Sociolinguistics. London, 1992.

Gumperz J. Discourse strategies: Studies in interactional sociolinguistics. London; Cambridge; N. Y., 1982.

Haarmann H. Die Sprachwelt Europas: Geschichte und Zukunft der Sprachnationen zwischen Atlantik und Ural. Frankfurt am Main, 1993.

Haugen E. The Ecology of language. Stanford, 1972.

Herskovits M. Cultural anthropology. N.Y., 1995.

Hilbert R. The classic roots of ethnomethodology: Durkheim, Weber and Garfinkel. Univ. of North Carolina Press, 1992.

Holmes J. An introduction to sociolinguistics. London, 1992.

Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge, 1995.

Hymes D. Foundations in sociolinguistics. Philadelphia, 1974.

Jahr E. H. (ed.) Language conflict and language planning. Berlin, 1993.

Kreindler I. T. Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages. The Hague, 1985.

Kroeber A. L. Anthropology. N. Y., 1948.

Labov W. The social stratification of English in New-York-City. Washington, 1966.

Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1972.

Lainio J. Spoken english in Urban Sweden. Upsala, 1989.

Language minorities and minority languages in the changing Europe. Gdansk, 1997.

Language rights // Language sciences. 1998. Vol. 20. №1.

Macaulay R. Language social class and education. Glasgow, 1977.

Malinowski B. Practical Anthropology. N.Y., 1929.

McRae K. D. Conflict and compromise in multilingual societies. Waterloo; Ontario, 1989.

Najdid L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Stuttgart, 1997.

Norman F. Language and Power. London, 1989.

Parkin D. Semantic anthropology London, 1982.

Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford, 1992.

Popowska-Taborska H. Kaszubszczyzna. Warszawa, 1980.

Romaine S. Language in Society: An introduction to sociolinguistics. Oxford, 1994.

Selected papers from the American Anthropologists (1888–1920). N.Y., 1960.

Sellers S. Language and sexual difference. N. Y., 1991.

Sociolingustics. Oxford, 1966.

Sprachenpolitik in Grenzenregionen // Ed. R. Marti. Saarbriicken, 1996.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Stephen Murray O. Theory groups and the study of languages in North America. Amsterdam, 1994.

*Tax S.*Horizons of Anthropology. Chicago, 1964.

*Trudgill P.*Sociolinguistics: An introduction. N. Y., 1974.

Williams G. Sociolinguistics. London; N. Y., 1992.

* * *

Вопросы этнолингвистики регулярно освещаются не только в отечественных (см. литературу при главах), но и в ряде зарубежных международных журналов:

International Journal of the Sociology of Language. Berlin.

Applied Linguistics. Oxford.

Anthropological Linguistics. Indiana.

Language and Society. Cambridge.

Language Problems and Language Planning. Cambridge; Oxford.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ХРЕСТОМАТИЯ

В общепринятом значении хрестоматия — это сборник текстов или отрывков из них, используемый в качестве учебных материалов. Обычно хрестоматия представляет собой самостоятельное издание, независимое от тех или иных учебников.

Предлагаемая хрестоматия носит иной характер. В ней представлены работы, которые развивают, дополняют и углубляют основные положения *курса лекций*, составляя неотъемлемую его часть. Именно изучение этих статей и работ, помещенных в списках рекомендуемой литературы, позволит и преподавателю, и студенту составить достаточно полное представление по каждому из вопросов, затронутых в курсе лекций.

Этнолингвистика как наука находится сегодня еще на стадии достаточно раннего становления. Большая часть представленных в хрестоматии работ создавалась их авторами не как специальные исследования по этнолингвистике, однако именно эти работы наиболее полно, на сегодняшний день, развивают и представляют этнолингвистику как единую комплексную науку.

Тексты в хрестоматиях приводятся в сокращениях. Фрагменты сокращений обозначены значком <...>.

Литература в сносках и примечаниях приведена в соответствие с современными нормами.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Раздел I

Теоретические основы этнолингвистики

Н. И. Толстой

ЭТНОЛИНГВИСТИКА В КРУГУ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН*

Этнолингвистика есть раздел языкознания или — шире — направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции. Этнолингвистика не есть простой гибрид языковедения и этнологии или отдельных элементов (фактологических и методологических) того и другого. Бурно развивающиеся и оправдывающие во многом свое современное существование социолингвистика, психолингвистика, математическая лингвистика и т. п. также не оказались внутренне противоречивыми и конгломератными дисциплинами или дисциплинами, далеко выходящими за границы лингвистики, порывающими с ней связь. Они лишь четко определили аспект, в котором формулируется и функционирует язык или в котором он изучается.

Этнолингвистика изучает язык в аспекте его соотношения с этносом (язык : этнос), подобно тому как психолингвистика рассматривает язык в общем аспекте язык : человеческая психика, прикладная лингвистика — язык : практическая деятельность человека, социолингвистика — язык : человеческое общество (социум). При этом если психолингвистика и математическая лингвистика (но не прикладная!) изучают так называемую внутреннюю сторону языка и тем самым относятся к внутренней лингвистике, то этнолингвистика и социолингвистика обращены к внешней стороне языка и включаются во внешнюю лингвистику. В известном смысле этнолингвистика и социолингвистика могут расцениваться как два основных компонента (раздела) одной более обширной дисциплины, с той лишь раз-

* Печатается по кн.: *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. М., 1995.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ницей, что первая учитывает прежде всего специфические — национальные, народные, племенные — особенности этноса, в то время как вторая — особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, как правило, на поздней стадии его развития применительно к языковым процессам, явлениям и структурам.

Не столько принципиально, сколько практически этнолингвистика и социолингвистика иногда противопоставляются как дисциплины с различной хронологической направленностью: первая оперирует преимущественно исторически значимыми данными, обращаясь к «живой истории», «живой старине» и стремясь в современном материале обнаруживать и исторически истолковывать факты и процессы, доступные историческому упорядочению; вторая базируется почти исключительно на языковом материале сегодняшнего дня и рассматривает его прежде всего в коммуникативно-функциональном, структурно-описательном и нормативно-синхронном аспектах.

Нужно сказать, что сам термин «этнолингвистика» и этнолингвистический подход к языку не новы. Историки языкознания справедливо обнаруживают некоторые этнолингвистические идеи еще у И. Г. Гердера (XVIII в.) и не менее знаменитого В. Гумбольдта (нач. XIX в.), но этнолингвистика как направление и как определенный подход к языку сквозь призму его духовной культуры возникла в первой трети XX в. и была связана с именами этнографа Ф. Боаса и языковеда и этнографа Э. Сэпира, изучавших языки, лишенные письменной традиции, языки и культуру американских индейцев. Для Э. Сэпира было характерно утверждение, что «речь есть чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления. Она многообразна, как и всякая творческая деятельность, быть может, не столь осознанно, но все же не в меньшей степени, чем религия, верования, обычаи, искусства разных народов» (Сэпир 1934, с. 6).

Исходя из этого Э. Сэпир делал по меньшей мере два вывода: язык нельзя признать «чисто условной системой звуковых символов»; различия в языках и диалектах «при переходе нашем от одной социальной группы к другой никакими рамками не ограничены». Эта выводы в полной мере приложимы к верованиям, обычаям, искусству и т. п., для которых также применимо понятие диалекта и подобных феноменов, перечисляемых нами ниже.

Как известно, идеи Э. Сэпира и Ф. Боаса два десятилетия спу-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

стя продолжал и развивал их соотечественник Б. Уорф. Он добавил к ряду «язык — литература» еще звено «норма поведения» (Уорф, 1960) и ставил во многих случаях особый акцент на этом звене, в то время как для нас, как будет видно из дальнейшего изложения, по целому ряду принципиальных соображений существеннее обратить внимание на более гомогенный ряд — «язык, религия, верования, обычаи, искусство». Именно этот ряд важен для этнолингвистических разысканий в историческом, диахроническом аспекте, для реконструкции древних соотношений языка и этноса, языка и народной культуры, ибо народная культура столь же диалектна и является не менее ярким показателем этноса и этнических образований, чем язык.

Э. Сэпир и Б. Уорф придали этнолингвистике тот характер, который она в общем языкознании сохраняет по сей день. Этнолингвистические идеи и методы применяются почти исключительно к языкам и социумам с бесписьменной традицией к современным языковым процессам и социумам без оглядки на их историческое развитие. Общеязыковедческая и синхронно-лингвистическая направленность в значительной мере ограничивают возможности разработки и применения этнолингвистической методики в научных исследованиях и делают саму этнолингвистику периферийной, факультативной дисциплиной в языкознании. Обращение этнолингвистики к историческим, историко-генетическим проблемам и задачам, к диахроническому плану исследований может придать ей статус цельнооформленной, внутренне непротиворечивой и неодноплановой дисциплины, которая будет способна повлиять на развитие сравнительно-исторических штудий во многих областях, в том числе и в индоевропеистике и балто-славистике. Есть все основания полагать, что этнолингвистика может и должна, подобно компаративистике, члениться по этноязыковым признакам, что это членение вытекает из самой ее сущности, и поэтому мы считаем возможным говорить о перспективах и задачах славянской этнолингвистики как автономной дисциплины. На том же основании перспективно рассматривать проблемы романской или германской этнолингвистики, равно как и признавать целесообразность существования более частных дисциплин, таких, как польская или немецкая, шведская этнолингвистика и т. п. Все это, естественно, не исключает более обобщенного и крупномасштабного подхода к предмету и материалу этнолингвистической науки.

В XIX в. сравнительно-историческое индоевропейское языкозна-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ние возникло и начало развиваться параллельно со сравнительной мифологией. Это было плодотворно и в методологическом, и в фактологическом аспектах. В дальнейшем произошло разделение, перешедшее в разрыв, который теперь может быть преодолен лишь на принципиально новых основаниях.

Такие основы четко определились лишь к середине XX в., когда лингвогеография и ареалогия в лингвистике и этнологии зарекомендовали себя не только как дисциплины, превосходно систематизирующие факты (не говоря уже о требовании их массового и планомерного сбора), но и как научное направление, способное предоставить сравнительно-историческим и историко-генетическим исследованиям дополнительные фактологические, методологические и теоретические ресурсы. Выработалось понятие лингвистического ландшафта, и возникла возможность исторического прочтения карт, ареалов, взаимоотношения ареалов, типов ареалов, типов диалектных зон, архаических, инновационных, контактных и т. п. Это «историческое прочтение» во многих случаях дает бóльшую информацию об истории явления, системы или ареала (затем диалекта, языка и т. п.), чем факты, засвидетельствованные в исторических или языковых памятниках. В тех случаях, когда памятников письменности нет или их мало, эта информация оказывается к тому же единственной.

Столь значительная «историческая информативность» лингвистического диалектного ландшафта (равно как и ландшафта мифологического или ландшафта этнокультурного) объясняется в первую очередь фактом неравномерного развития отдельных систем, отдельных уровней системы и даже отдельных элементов системы. При этом едва ли не важнейшим моментом этого положения является следующий: неравномерность развития системы и ее отдельных звеньев наблюдается во всех системах, и прежде всего в близкородственных (они и дают основания для такого заключения), т. е. восходящих к одному праязыку или прадиалекту, к одной общей исходной системе. Эта неравномерность наблюдается, как отмечалось, не только в пределах системы (в отдельных ее уровнях, звеньях, элементах), т. е. во внутриструктурном аспекте, но и в разных ландшафтно-диалектных зонах и микрозонах, что и создает чрезвычайное богатство типов и вариантов в самых крупных языковых и этнических зонах, скажем, на территории современной Славии, Романии, Финно-Угрии и т. п.

Сохранение архаических элементов языка, в первую очередь

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

элементов лексического его уровня, происходит в разных диалектах по-разному и притом в различных звеньях языковой (у́же — лексической) системы. Консервация отдельных форм (и значений) наблюдается на разных этапах развития языка (разных и в хронологическом, и в структурном отношении). Это дает возможность для целого ряда явлений, для блоков языковой системы и даже для системы в целом устанавливать определенную динамику развития, определенную историческую последовательность или даже эволюционный процесс в пределах того или иного ареала. Другим не менее важным постулатом будет следующий. Чем большее число рефлексов одной прасистемы, одной праформы или одного проявления зафиксировано в диалектах, тем более достоверной или полной может быть реконструкция процесса изменения системы, формы, категории или явления, равно как и исторически исходной формы, категории, системы. И в первом и во втором случае крайне существенна ареальная характеристика явления, формы и т. п., представленная на лингвистической (resp. этнологической) карте или данная иным путем, учет соотношения показателей в плане корреляции центра и периферии, сплошных и разорванных ареалов и микроареалов, интерференции ареалов, их дисперсии и т. п. «Историческое прочтение» лингвистических и этнолингвистических карт и данных иного порядка — дело весьма сложное и важное, требующее выработки специальной методики или, лучше сказать, методологии. Как уже отмечалось, этому должна быть подчинена и методика сбора и первичной обработки материала (составление программы-вопросника и т. п.).

Приведенные положения не претендуют на новизну. Однако их изложение оказалось необходимым хотя бы потому, что все они применимы не только к языковому материалу, но и к материалу народной духовной культуры, который издавна принято считать этнографическим или фольклорным. Более того, для определения генезиса и истории народной культуры предложенная выше методика необходима в еще большей мере, чем для решения историко-лингвистических задач. Это прежде всего относится к такой базисной сфере древних народных культур, как мифология.

В самом деле, большинство индоевропейских языков имеет относительно давнюю историческую фиксацию, т. е. развивалось в двух формах — устной и письменной. Что касается письменной фиксации мифологии, то это «привилегия» лишь отдельных индоевропейских этносов. Такие этносы, как балтийский и славянский,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ее почти лишены. Совершенно очевидно, однако, что ранняя письменная фиксация мифологических текстов (религиозных представлений), как и в случае с языком, не является единственным историческим источником для живых этносов и языков. Более того, этот источник, как и в случае с языком, может отражать лишь одну «книжную» форму мифологии, давая мало сведений о народных мифологических представлениях. Вот почему нам кажется чрезвычайно актуальным неоднократно ставившийся нами вопрос о разработке диалектологии мифологии, конкретно славянской мифологии, и о необходимости к древнеславянской (праславянской) мифологии подходить с учетом возможного ее диалектного дробления. Учитывая в общем пантеистический характер многих славянских (и индоевропейских) мифологических представлений и современный славянский «мифологический ландшафт», такое древнее праславянское дробление нам кажется весьма вероятным, тем более что оно, по-видимому, соответствовало и языковому (диалектному) дроблению. Во всяком случае, трудно предположить, что праславянская мифология сводилась к единой, узко ограниченной схеме, тем более к одному сюжету или «основному мифу», к «семье громовержца» или к подобным построениям. Разнообразие славянской народной изустной традиции в сфере обрядов, поверий и обычаев, т. е. диалектность духовной культуры, делает ее незаменимым и почти единственным источником для истории мифологических воззрений и форм, для диахронических мифологических штудий, для определения динамики развития отдельных мифологических систем, для их этнического, территориального и хронологического приурочения в прошлом.

Этнолингвистику можно определять и воспринимать двояко: в широком плане и в плане суженном, конкретизированном или специализированном. В широком плане этнолингвистика включает в себя диалектологию, язык фольклора и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией и культурной, и этнической историей народа, наконец, почти все аспекты изучения языка как социального явления.

На первый взгляд, такое понимание конкретного предмета (состава) науки кажется достаточно расплывчатым. Однако суть его в объединении в одних границах ряда иногда необоснованно разрозненных дисциплин, в придаче новой научной отрасли комплексного, планомерно разностороннего характера. Существенно, что при таком подходе меняется характер внутреннего размежевания всей со-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вокупности лингвистических и филологических наук: межи могут проходить «внутри» или «посредине» отдельных дисциплин, перекраивая привычные для нашего узуса границы. К примеру, описательная диалектология с экспериментально-фонетическим анализом и структурным подходом в фонологии и грамматике или чисто лексикографическим подходом к лексике окажется вне этнолингвистики и будет тяготеть к описательной грамматике или фонологии литературного языка вообще, в то время как историческая и ареальная диалектология найдет общую методологическую платформу и общие научные цели с исторической и ареальной этнологией, фольклористикой и социолингвистикой.

В связи с «широким» и «узким» пониманием этнолингвистики уместно вспомнить контраверзы и дискуссии, проходившие еще полвека тому назад и ранее в среде фольклористов. Одним фольклор представлялся наукой о народе, о его прошлом, его жизни, его воззрениях, иные ставили знак равенства между фольклором (фольклористикой) и антропологией, считая его наукой о человечестве вообще (при этом и антропология понималась очень широко), некоторые почти отождествляли фольклор с этнографией, народоведением, определяя его как науку о народе и его традициях. Это сказалось и в терминологии, в названиях фольклора (фольклористики) у разных европейских народов: русск. — народное творчество, фольклор, устное народное творчество, народная словесность, народная поэзия, немецк. — Volkskunde, Volkstumskunde, Volkslehre, Folklore, французск. — traditions populaires, démologie, démopsychologie, folklore, итальянск. — tradizioni popolari, letteratura popolare, il folklore, demopsicologia, demologia, scienza demica, etnografia, испанск. — tradiciones populares, demologia, demosofia, demotecnografia, el folklore, saber popular (vulgar). Ряд ученых видел в фольклоре более специальную и целенаправленную дисциплину. Ю. М. Соколов называл фольклор «сегментом этнографии» и в то же время утверждал, что фольклористику нельзя оторвать от литературоведения так же, как нельзя оторвать от этнографии (Соколов 1926, с. 6, 7). <...>

В последнее пятидесятилетие во многих странах, в том числе и в славянских, под фольклором стало пониматься лишь такое народное творчество, которое выражено словесной формой. Это помогло фольклористике четко осознать предмет своего исследования, его границы и задачи, но вместе с тем во многих случаях принудило замкнуться в своих пределах или дать крен в сторону чисто лите-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ратуроведческого анализа. Лишь в последнее время вновь наблюдаются позитивные стремления ученых расширить рамки фольклористики, обратившись к изучению обрядовой и мифологической стороны фольклорных текстов, к выяснению их происхождения, функционирования в обрядовом и ином контекстах. <...>

Коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться как орудие культуры, даже как одна из ее ипостасей (в особенности литературный язык, сакральный язык или язык фольклора) и, как таковой, может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры. С другой стороны, язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы, во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображенные. Общность применяемых к языку и культуре понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (знаковые) системы, описываемые с помощью одного и того же логического аппарата. К таким понятиям относятся понятия системы и текста (парадигматики и синтагматики) в языке и культуре, формы и содержания (означающего и означаемого), системной функции, давления системы, открытости системы и ее уровней и т. п.

Однако помимо общих понятий, вытекающих из единства природы языка и культуры и единого семиотического подхода к ним, этнолингвистика способна выделить ряд культурно-языковых явлений, понятий и структурных констант, которые по-разному манифестируются в языке и культуре, но обладают в принципе одной сущностью (смыслом). К таковым относятся понятия нормы и нормативности, а также стилей (и жанров) в языке и культуре, различение книжных (кодифицированных) и народных (некодифицированных) элементов и систем в языке и культуре, понятие территориальных и социальных диалектов в языке и народной культуре со всеми вытекающими из существования диалектов явлениями и понятиями — такими, как культурно-диалектный ландшафт, диалектное смешение, дробление, идиолекты, наддиалектные явления, культурное койнэ и т. п. К этому следует добавить понятие двуязычия (двоекультурья) или многоязычия в сфере языка и культуры, гомогенности и гетерогенности двуязычия (двоекультурья), понятие отдельного языка и соответственно народной национальной культуры как некоей отдельной единицы-макросистемы с рядом отличительных признаков, наконец, понятия языковой семьи

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

и культурной группы (семьи), праязыка и пракулътуры, языкового союза и культурного союза, языкового и культурного субстрата, адстрата, суперстрата и т. д.

Понятия культурного субстрата и аналогичных явлений тесно связаны с культурной ареалогией, которая подобно лингвистической ареалогии не может развиваться и функционировать без разработанной и иерархически организованной системы культурологических терминов-понятий, таких, как культурная зона, микроареал, макроареал, изодокса и изопрагма (линии, разграничивающие элементы духовной и материальной культуры разного содержания или формы, но одного порядка), соответствующие тем же терминам и термину изоглосса в лингвогеографии. Понятие территориального культурного диалекта мало использовалось в славянской этнографии и тем более культурологии, в то время как оно очень существенно для диахронических исследований и является ключевым в опытах реконструкции праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка.

В этих опытах значительная роль отводится методу ретроспекции, который в 1916 г. Д. К. Зелениным был остроумно назван способом «пятиться назад в глубь истории ... от нового к старому, исчезнувшему» (Зеленин 1916, с. 16). Метод ретроспекции может строиться на постепенной смене картины современного диалектного ландшафта рядом предполагаемых и восстанавливаемых предшествующих ландшафтов — языковых (лексических, топонимических, гидронимических и др.) и культурно-этнических (в сфере духовной и материальной культуры, фольклорных и др.). Принцип изучения смены ландшафтов характерен и для археологии, для которой к тому же понятие ареала всегда остается фундаментальным, как и задача определения последовательной смены культур в конкретных зонах. И в лингвистике, и в культурологии, и в археологии существен момент непрерывности, к о н т и н у а л ь н о с т и подобной смены. Не вдаваясь в дальнейшие подробности особой, весьма значительной задачи восстановления «исходного состояния» элементов системы языка и культуры, отметим лишь, что проблема реконструкции в языкознании, этнографии, культурологии и даже археологии имеет много общих сторон и может решаться сходными, в ряде случаев едиными методами. Выработка общих методов и единого подхода к исследованиям и материалу является основной научной задачей этнолингвистики и смежных наук, в то время как выработку единой терминологии в рамках возможного следует

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

воспринимать как производную от нее. Видимо, унификацией терминологии ради самой терминологии можно было бы и пренебречь.

Связь народного менталитета и языка как будто признается всеми; во многих случаях она даже подчеркивается, но вместе с тем мало изучается из-за разного понимания слова «менталитет» и сущности этого явления. К нему нередко обращаются этимологи, без него не обходятся фольклористы, его описывают этнографы и этнопсихологи. Но подобно тому, как определение этноса вообще и конкретного этноса в особенности не может быть дано по одному параметру, а требует учета всех имеющихся параметров, во многом неравноценных и неравносильных, определение менталитета и особенно его основных компонентов невозможно без объединенных и одновременных усилий разных наук — фольклористики, этнографии (этнопсихологии), языкознания, социологии. В этом случае вновь, как и в предшествующих, важно не объединение разных наук, их временный союз или временное обращение к их предмету и к некоторым результатам их развития, а создание интердисциплинарной отрасли науки, самостоятельной по своим задачам, методу и объекту исследования. Это положение относится ко всей этнолингвистике в целом.

Несколько отличная ситуация наблюдается в случае соотношения языка и мифологии. Выше уже отмечалось, что еще в XIX в. мифология как наука считалась самостоятельной дисциплиной, которая развивалась в том же направлении и теми же методами, что и сравнительно-историческое индоевропейское языкознание. Затем ее материал привлек внимание литературоведов и фольклористов, рассматривающих мифы под своим углом зрения, в то время как языковеды-этимологи стремились преимущественно лингвистическим путем устанавливать древние или исходные мифологические системы и их фрагменты. В эпоху сознательной и во многих отношениях правомерной дифференциации наук мифология как наука была расчленена, потеряв свою внутреннюю цельность. Во многом этому способствовало и религоведение, претендовавшее на область мифологии. Тем не менее на этапе нового синтеза наук, при распределении сфер, которые должны занять отдельные дисциплины, мифология как наука не может не получить по праву ей принадлежащее отдельное место. Еще в начале нашего столетия Ф. де Соссюр писал о «науке, изучающей жизнь знаков в рамках жизни общества», о семиологии, которая «имеет право на существование и ее место определено заранее». Он видел в пределах

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

семиотики (семиологии) четко очерченный статус языкознания и полагал, что таким образом «впервые удается найти лингвистике место среди наук» (Соссюр 1977, с. 55).

Взаимно пограничные сферы языкознания и мифологии принадлежат этнолингвистике, однако последняя сможет успешно изучать отношение язык : мифология только тогда, когда за мифологией будет признан статус отдельной науки. Все три науки — культурология, народная «психология» и мифология — пользуются целым рядом методов и исходных положений, которые являются общими, принадлежат семиотике, но присущи также и языкознанию. Говорить об общих семиотических законах не ново и даже тривиально. Обилие семиотических работ на разные темы свидетельствует об этом. Однако возникает вопрос, почему выдвинутая Ф. де Соссюром три четверти века тому назад программа так медленно реализуется. Среди ряда объяснений одно нам кажется немаловажным и наиболее вероятным. Семиотика (семиология) при всей ее популярности и развитости все еще мало и редко выходит за пределы широкого и в то же время довольно замкнутого круга общих проблем и слабо проникает в отдельные и конкретные дисциплины, вычленяющиеся по этническому и языковому признаку. Семиотика, говоря образно, должна развиваться не только «сверху», но и «снизу». Такому внедрению семиотики в конкретные исследования, в славистику, русистику, сербистику, полонистику и т. д., в сферу лингвистической и этнологической географии, лексикографии и грамматики текста в широком смысле этих слов во многом должна способствовать этнолингвистика.

Этнолингвистика как дисциплина переживает свое второе рождение и еще или снова определяет свои границы, задачи, свой предмет и материал. Возможно, со временем языковеды придут к более четкому или иному ее пониманию. Безусловно, однако, что и сейчас, в наши дни, допустимо и даже плодотворно различное восприятие этнолингвистики. Предложим еще два определения. Этнолингвистика может пониматься как раздел лингвистики, объектом которого является язык в его отношении к культуре народа. Она изучает отражения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и «переживаний». Исследования такого характера давно проводила этимология, привлекающая широкий этнокультурный контекст. В этом русле велись и многочисленные работы А. А. Потебни (см.: Толстой 1981). Все они оставались в четких рамках языкознания. Но этнолингвистика также мо-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

жет пониматься как комплексная дисциплина, предметом изучения которой является «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.). Такое изучение, однако, в наше время может вестись преимущественно или исключительно лингвистическими методами, что в значительной мере оправдывает наличие второго компонента слова «этнолингвистика». В этом случае этнолингвистика — один из ярких примеров «экспансии» и проникновения лингвистической методологии в соседние дисциплины, в данном случае в этнографию, – экспансии, о которой в последнее время много говорят и пишут и которая уже приносит свои благодатные плоды. В то же время этнолингвистика не конкурирует с лингвистикой и этнографией, с фольклористикой и культурологией и тем более с социологией, не вытесняет их, а является самостоятельной отраслью знания, комплексной пограничной наукой, стоящей на грани перечисленных наук, опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как и многие другие современные научные дисциплины, комплексными методами.

С. Арутюнов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЯЗЫК*

Язык, по крайней мере на уровне обыденного сознания, на уровне автостереотипа этноса и представлений о данном этносе среди его соседей, является в огромном большинстве случаев самым важным, ранее всего называемым признаком и определителем этноса. И, несомненно, определенная языковая общность наряду с общностью территории и культуры является необходимым условием для формирования этноса. В то же время не менее очевидно, что в современном мире однозначное соответствие этноса и языка встречается не столь уж часто. Есть обширные группы этносов, говорящих на одном из широко распространенных языков — английском, испанском, французском и др. Есть отдельные этносы и этнические группы, для которых характерно массовое двух- и даже трехъязычие (парагвайцы, люксембуржцы, лужичане и др.). Есть этносы, одна часть которых говорит на одном языке, а другая — на

* Печатается по: *Расы и народы*. 1985. №15.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

другом, хотя следует тут же отметить, что в этих случаях всегда бывает и третья часть, говорящая на обоих языках (ирландцы, бретонцы, большое число малых арктических и субарктических народностей — ненцы, саамы, эскимосы и т. д.). Особо следует отметить случаи, когда разные части этноса говорят на близкородственных и сходных между собой, но все же различающихся языках, — мордва, марийцы, норвежцы и др.

Трудно найти этнос, на языке которого не говорило бы хотя бы небольшое число представителей других этносов. И наконец, весьма часто этнос, который как этносоциальный организм (ЭСО) обладает определенным этнически специфичным языком, как этникос (т. е. в лице всех своих представителей) образует малые обособленные группы, живущие в национальном окружении и перешедшие на язык этого окружения, однако стойко сохраняющие свое этническое самосознание (армяне в Грузии и на Северном Кавказе, корейцы в Японии, черкесы в Турции и многие другие).

Тем не менее каждому живому языку, в том числе и представленному среди многих этносов, практически всегда соответствует какой-то один этнос, с этногенезом которого связано первоначальное оформление данного языка как своеобразного и независимого идиома: для английского языка — англичане, для испанского — испанцы и т. д. В сравнительно редких случаях это не самостоятельный этнос, а этническая группа внутри более крупного этноса, но такая группа, которая в прошлом была особой народностью или племенем (сваны среди грузин, мокша среди мордвы и т. д.). Поэтому в целом в мире языков, очевидно, несколько меньше, чем этносов, хотя и ненамного. Скорее всего их около трех тысяч.

Среди различных принципов языковой классификации наиболее важны два — генетический и структурно-типологический. В первом случае, как правило, язык может быть однозначно отнесен к определенной семье либо сам себе образует отдельную семью, ныне никаким другим языком уже не представленную (баскский, бурятский и др.). Подавляющая часть населения Земли говорит на языках довольно ограниченного круга семей (индоевропейской, семитохамитской, дравидийской, китайско-тибетской, алтайской, уральской, австронезийской, австроазиатской, банту). С другой стороны, языки американских индейцев, аборигенов Австралии, папуасов Новой Гвинеи, насчитывающие в совокупности лишь несколько миллионов говорящих на них, принадлежат к весьма большому числу самостоятельных семей. В случае большой разветвленности

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

семьи в ее рамках выделяются отдельные ветви, а внутри последних — группы (например, язык пушту и осетинский язык относятся к восточноиранской группе иранской ветви индоевропейской семьи).

В структурно-типологическом плане обычно выделяются языки следующих типов: изолирующего (например, китайский), флективного (славянские), агглютинативного (тюркские), инкорпорирующего (языки эскимосов и многих американских индейцев). К одному типу могут относиться языки совершенно не родственных народов (например, тюркские и кечуа), но близкородственные языки обычно не принадлежат к разным типам. Однако, как правило, каждый конкретный язык относится к тому или другому типу лишь по преобладающим в нем чертам, но обычно включает в себя и отдельные черты ряда других типов; в своем развитии язык может переходить от одного типа к другому. Наиболее распространены в мире агглютинативные языки; всецело изолирующие языки относительно редки.

Проблема диалектов. Особо следует остановиться на соотношении языка и диалекта. Приходится признать, что нет достаточно четких и корректных чисто лингвистических критериев, по которым можно было бы провести однозначное разделение между этими понятиями, и при отнесении каждого конкретного идиома к числу диалектов или же самостоятельных языков приходится отталкиваться от характера его осознания массой носителей. Так, например, нижненемецкие диалекты гораздо ближе к голландскому и фризскому языкам, нежели к верхненемецким диалектам, на основе которых сложился литературный немецкий язык. Тем не менее они считаются диалектами немецкого, так как все их носители осознают себя немцами. А фризский, голландский и чрезвычайно близкие к голландскому, отделившиеся от него уже в Новое время, фламандский и африкаанс расцениваются как особые языки, так как носители каждого из них образуют особый ЭСО.

При значительной диалектной дробности обычно установлению литературного норматива предшествует образование койнэ, т. е. общего разговорного языка уличного или рыночного общения, в котором как бы сглажены и смещены отличительные черты различных диалектов. При меньшей диалектной дробности литературный норматив развивается на базе наиболее распространенного диалекта, но никогда не сводится к нему полностью, а всегда обогащается также из ряда других источников.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Диалектные различия, притом весьма сильные, могут сохраняться и у высококонсолидированных наций (японцы, англичане, немцы). Степень консолидации выражается в степени распространенности и общепризнанности общенационального литературного языка. Процесс консолидации нации выражается, в частности, в поиске основы для такого языка (например, в Эстонии конца XIX в. — соперничество между таллинским и тартуским диалектами). Относительно слабая консолидация этникоса может выражаться в наличии более чем одного литературного языка. Например, западноармянский (у армян Турции, Европы и Америки) и восточноармянский (у армян СССР и стран Азии), близкие, взаимопонимаемые, но все же разные литературные языки, оформились при наличии большого числа очень различных, часто взаимонепонимаемых местных диалектов. В то же время нередко у ассоциированных народностей, относительно слабо консолидированных, даже если и создается литературный язык, до уровня общенационального он не поднимается. Так, у чукчей, коряков, азиатских эскимосов литературные языки, отражающие лишь один из многих диалектов языков соответствующих этносов, далеко уступают русскому языку по функциональной значимости для этих этносов.

Существует определенное соответствие между идиомом или лингвистической общностью и той этнической, субэтнической, а нередко и суперэтнической общностью, к которой принадлежат носители данного идиома. Общность, как правило, осознает свое языковое своеобразие, которое воспринимается по-разному, — иногда констатируется без особой эмоциональности, часто служит предметом национальной гордости и всячески подчеркивается, изредка, наоборот, в условиях угнетаемого национального меньшинства воспринимается как своего рода клеймо, но так или иначе осознается. Наибольшей значимости осознание лингвистического аспекта этнической принадлежности достигает при уникальности идиома, как, например, у басков или венгров. Однако и в том случае, когда несколько этносов говорят на одном языке (английском, испанском, португальском, сербохорватском и т. д.), каждый этнос вносит в этот язык свою специфику. Бесспорным своеобразием, в известной мере культивируемым, отличаются аргентинско-испанский и бразильско-португальский. Англо-новозеландскому это своеобразие присуще в меньшей степени, чем американскому в США, но некоторая доля своеобразия, хотя бы в привнесении в язык отдельных элементов аборигенной лексики, всегда имеет место.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

На субэтническом уровне осознаваемое диалектное своеобразие выделяет этнические подгруппы внутри этноса, тогда как обычно неосознаваемые особенности говоров соответствуют этнографическим подразделениям. Следует отметить, что своеобразие не обязательно должно четко осознаваться всеми без исключения членами общности: мы говорим здесь об общественном сознании, выразителем которого может быть лишь определенная интеллектуально и идеологически лидирующая часть группы. Чем выше этнический уровень, тем выше роль этой части. На субэтническом, диалектном уровне она может и отсутствовать, зато наибольшее значение получает на суперэтническом уровне. Сколь сильно проявляется здесь осознание единства, зависит от ряда конкретных исторических факторов. Так, вряд ли можно говорить об осознании общегерманского единства, которое объединяло бы и англичан, и шведов, и австрийцев. Однако общероманское сознание уже имеет место, существует сознание общескандинавское, общеславянское, дравидийское и т. д.

Межэтнические эмоциональные связи такого рода в рамках языковых групп (и реже — целых семей) тесно переплетены с их политической историей. Так, осознание славянского единства неразрывно с национально-освободительной борьбой славянских народов, находившихся под гнетом Австрийской и Османской империй. Напротив, человеконенавистническая идеология гитлеровского расизма, всячески превозносившая германские «расовые ценности», как противодействие породила тот фактор, что различные германские народы не только не прокламируют своего единства, но, наоборот, ряд наций, говорящих на немецком языке (люксембуржцы, австрийцы, германо-швейцарцы), всемерно стремятся подчеркнуть свои различия, в том числе и путем культивирования своего диалектного своеобразия.

Мы видим, таким образом, что свойственный определенной этнической общности идиом является мощным средством повышения этноинтегрирующей и этнодифференцирующей активности этой общности.

Ареалы и функции языков. Одним из важнейших свойств языка, с точки зрения его роли в этнических процессах, является его функциональное и ареальное размежевание. Любой живой естественный язык в принципе способен выразить любой оттенок мысли и любое смысловое содержание. Отрицать это было бы равнозначно расистскому отрицанию принципиальной равноценности и рав-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ных способностей в любой антропологической группе человечества. Каждый язык вне зависимости от уровня развития его носителей имеет потенциальную возможность развиться в современный язык. Однако это именно потенциальная возможность, присущая языку лишь в принципе, а реализация ее зависит от множества внеязыковых факторов. Так, теоретически на язык любого племени аборигенов Австралии можно перевести любой философский или научно-технический текст, но на практике для этого необходимо соответствующим образом развить и обогатить этот язык. Передача научно-технических и философских текстов не входит в функции племенного языка, и к ним он не приспособлен. Точно так же, хотя и в меньшем объеме, возникнут трудности при попытке перевода с племенного языка на современный литературный английский или русский язык шаманского, магического, заклинательного текста: такие действия не входят в функции современных национальных литературных языков.

Как этнос, так и язык — явления ареальные, связанные с определенными территориями, на которых они распространены либо сплошь, либо спорадически, с большей или меньшей частотой встречаемости. В относительно редких случаях (и не бесспорно) можно наблюдать ситуацию, когда ареал этноса шире ареала языка. Это относится в основном к малым племенным или так называемым одноаульным языкам. Выходцы из данного этноса могут быть в довольно большом числе представлены вне своей племенной или аульной территории, но вне этой территории даже между собой обращаются чаще не на своем языке, а на языке межэтнического общения. Особый случай, когда этнос пользуется не одним, а несколькими языками. Ареал распространения, например, ирландцев, разумеется, гораздо шире ареала распространения гэльского ирландского языка. То же относится к мордовским языкам и мордве, карельскому языку и карелам и др. Однако гораздо более многочисленны случаи, когда ареал языка шире, чем ареал этноса, так как этим языком могут владеть и отдельные представители других этносов и даже ряд других этносов в целом. Ареал французского языка, например, несравненно шире, чем ареал распространения французского этноса, даже если мы учтем его самые мелкие и спорадически представленные группы. Следует учесть, что существуют и обладают определенным ареалом языки, вообще не связанные ни с каким этносом, — древние, но продолжающие функционировать языки (санскрит в Индии) или же «лингва франка», пиджи-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ны, т. е. смешанные языки межэтнического общения. Последним, правда, свойственна тенденция к креолизации, т. е. к образованию группы, а в дальнейшем и этноса, для которого данный пиджин является основным и родным языком.

Хотя ареалы языка и этноса, как мы видели, совпадают далеко не всегда, между ними существует определенная взаимозависимость. Для этнических процессов современности особо важное значение имеет то обстоятельство, что ареалы этносов и языков взаимодействуют с третьим типом ареалов — государствами. Роль государства в этнических процессах бывает особенно важна на ранних этапах этногенеза. Во времена обширных, но не очень долговечных лоскутных империй античности и в эпоху крайней раздробленности, чересполосицы и феодальных междоусобиц средневековья, как правило, роль государственных границ в формировании языковых общностей и процессов была относительно невелика. Однако в Новое время, когда основной формой ЭСО становится нация, фактор государственных границ и проводимых в этих границах определенных государственных мероприятий стал одним из важнейших в развитии этноязыковых процессов.

Границы ареалов языков и несущих их этносов обычно не совпадают не только между собой, но и с государственными границами. Многоэтнические государства в современном мире редкость. Преобладают государства либо многонациональные, либо имеющие более или менее значительные национальные меньшинства. Кроме того, даже этносы практически многонациональных государств обычно образуют национальные группы за их пределами (корейцы, японцы, итальянцы и др.). Проблемы соотношения этноса и языка, хода этноязыковых процессов тем самым неизбежно повсеместно становятся предметом заботы внутригосударственной политики.

Эта политика в зависимости от общественного устройства данного государства может иметь весьма различные направления. Но есть ряд общих закономерностей, на фоне которых складывается конкретная языковая ситуация отдельных стран. Государство, как правило, заинтересовано в том, чтобы имелся один, понятный всем гражданам данного государства язык, который мог бы служить целям массовой коммуникации, администрации, образования, судопроизводства, организации армии и т. д. В то же время не только этнические группы активно отстаивают свое языковое своеобразие, но и субэтнические группы проявляют в ряде случаев тенденцию к поддержанию диалектного своеобразия. Кроме того, существу-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ют и заново возникают отдельные социальные и профессиональные группы и прослойки, которые создают и формируют свои специфические жаргоны и сленги, являющиеся средством обособления и самоидентификации этих групп. Напротив, для массового бытового общения стихийно формируются общепонятные койнэ или «лингва франка», которые могут существенно отличаться от официально принятого и насаждаемого государством языка. Возникающая языковая ситуация принимает таким образом вид иерархически организованной пирамиды, отдельные компоненты которой находятся между собой в сложных взаимоотношениях и несут различную функциональную нагрузку.

Рисунок языковой пирамиды в каждой стране отличается своим неповторимым своеобразием, соответственно, неповторимо своеобразна и позиция каждого отдельного этноса в его конкретной языковой ситуации. Однако все эти ситуации можно, разумеется, с неизбежными при всякой схематизации потерями в конкретности, свести к ряду наиболее распространенных типовых схем.

Этносы и языки в индустриально развитых странах. Одна из таких схем относится к подавляющему большинству развитых капиталистических государств Европы и Северной Америки. Сюда же примыкают Япония и некоторые страны Латинской Америки, в основном ее южной части, Австралия, Новая Зеландия и др. Для этого типа ситуации характерно наличие в стране основного этноса, численно резко преобладающего над другими, с национальным языком, достаточно высоко развитым для того, чтобы быть способным обслужить любые нужды науки, техники, образования, администрации, искусства и т. д. Другие этносы выступают главным образом в виде небольших национальных групп и общин, меньшинств, иногда в виде ассоциированных народностей. Их языки могут быть бесписьменными или малописьменными (цыгане, аромуны в Южной Европе, ряд индейских народов в странах Америки, айны в Японии и др.) либо иметь развитую и древнюю письменную традицию (уэльсцы в Англии, провансальцы во Франции и др.). Однако подавляющее большинство нужд этих этносов обслуживается основным государственным языком, собственный язык или приходит в полный упадок и забывается (как у айнов), или культивируется в значительной мере искусственно как символ этнического самоутверждения и в художественно-литературных целях (как у уэльсцев). В целом преобладают тенденции к языковой ассимиляции, нередко приводящие и к

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

практически полной ассимиляции этнической (как у провансальцев).

Надо сказать, что языковая ассимиляция какой-либо группы населения не обязательно ведет к ее этнической ассимиляции, но создает для нее весьма благоприятные предпосылки. Если они не реализуются, то это — следствие наличия мощных сегрегирующих факторов: религиозной розни, как у ирландцев в Англии, глубокого чувства различия исторических судеб, как у шотландцев, расовой дискриминации, как у негров и перешедших на английский язык индейцев в США, территориальной, социальной, культурной, хозяйственной обособленности, как у значительного числа племенных групп и целых небольших народов Индии и Шри Ланки. В то же время такая «задержка ассимиляции» имеет обратное влияние на языковой процесс, формируя и поддерживая диалектное своеобразие группы, которое, в свою очередь, становится дифференцирующим фактором. В многочисленных группах этого обычно не происходит, в крупных же, как правило, имеет место.

Следует отметить, что сохранение этнической и языковой самобытности зависит в немалой степени и от количественного фактора, т. е. от численности носителей этнического самосознания и языка. Несомненно, что полностью включившийся в урбанистическую цивилизацию этнос-меньшинство для своего языкового самосохранения должен обладать, подобно эльзасцам или маори, численностью порядка десятков или даже сотен тысяч.

Большое значение имеет также фактор наличия территории компактного расселения у этносов или групп, затронутых процессами языковой ассимиляции. На примере мордвы, мегрелов, сванов, украинцев в СССР, бербероязычных групп в арабских странах Африки, санталов в Индии можно видеть, что, как правило, уровень языковой ассимиляции, т. е. интенсивность процесса отхода от пользования родным языком, находится в прямо пропорциональной зависимости от степени дисперсности, чересполосности расселения той или иной части данного этноса. В развитых же капиталистических странах в силу ряда факторов, порождаемых обостренными классово-антагонистическими отношениями, дисперсность расселения ведет к языковой ассимиляции еще более быстрыми темпами (бретонцы вне Бретани во Франции, индейские группы в США, фризы в ФРГ и Нидерландах и т. д.).

Близкую картину представляют собой языки меньшинств типа инонациональных групп и общин, хотя здесь имеются и некоторые

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

отличия. Национальные группы, такие как армяне во Франции и США, украинцы в Канаде, японцы в Бразилии, если они достаточно многочисленны, имеют то преимущество перед аборигенными меньшинствами, что могут в своей культурной и языковой деятельности опереться на основное ядро своего этноса, использовать тот культурный и литературный потенциал, который им накоплен и приумножается. У них, соответственно, больше возможностей сделать язык своей общины в какой-то мере и языком образования, организовать систему национальных школ, клубов, обществ и т. д. Иными словами, функциональный спектр их языков несколько шире, чем у аборигенных меньшинств. Однако и в этом случае тенденции языковой ассимиляции обычно проявляются достаточно сильно.

В капиталистическом мире редка такая ситуация, когда в стране было бы два и более подлинно равноправных языка. Близка к такому положению дел Швейцария. Ведется борьба за равноправие фламандского с французским в Бельгии, французского с английским в Канаде. Борьба за язык является выражением возросшего национального самосознания, защиты социальных и экономических интересов фактически не вполне равноправного этноса. Провозглашение юридического равноправия языков не решает проблемы, так как борьба ведется за обретение данным языком оптимальной полноты функционального спектра, а это не может быть достигнуто законодательным путем. Однако систематическая борьба иноязычного меньшинства за повышение статуса своего языка может заставить в определенных случаях правящие круги страны более или менее последовательно проводить мероприятия, способствующие укреплению позиций соответствующего языка. В частности, в Канаде в последнее время проводится направленная языковая политика, имеющая целью сгладить противоречия между англоканадцами и франкоканадцами путем расширения функций французского языка.

<...>

Соотношение между языковой и этнической консолидацией. Между наличием или отсутствием диалектной дробности и уровнем этнической консолидации не может быть постулирована однозначная связь. Иначе пришлось бы признать, что, к примеру, гаитяне стоят на более высоком уровне этнической консолидации, нежели германо-швейцарцы, не говоря уже о швейцарцах

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в целом. Вряд ли стоит доказывать абсурдность такого вывода. Степень консолидации этноса непосредственно связана со степенью плотности, насыщенности, информационно-коммуникативных связей внутри него, с уровнем его культурно-социального развития, с уровнем глубины осознания этносом своего культурно-исторического единства. Поэтому сохранение в этносе субэтнических диалектов или даже, как у грузин, особых местных языков никоим образом не противоречит высокой консолидированности этноса при условии, что система образования, средств массовой коммуникации, связи и других коммуникативных механизмов обеспечивает его целостность на базе использования общенационального литературного языка и общенационального культурно-исторического достояния.

Иначе обстоит дело с социальными диалектами. По-видимому, на вопрос, нужно ли при оценке консолидированности этноса учитывать его социальную расслоенность и разобщенность, следует ответить положительно. Это, разумеется, не значит, что раннеклассовые этнические общности менее консолидированы, чем доклассовые, так как определенное разобщение этноса, связанное с классообразованием, с лихвой компенсируется развитием и усложнением многообразных социальных, экономических и культурных связей. И тем не менее показательно, что в феодальном обществе господствующий класс в значительной степени деэтнизируется, не говоря уже о том, что в связи с большой ролью завоеваний в истории средневековья он часто и по происхождению был иноэтничен. Последующее развитие общества вплоть до уровня буржуазной нации наряду с появлением новых рубежей классового размежевания ведет к отмиранию сословно-кастовых делений. Все это отражается и в языке. Более того, язык оказывает на процессы социального размежевания и обратное воздействие, являясь одним из инструментов оформления сословных различий, что особенно заметно в феодальном обществе (французский язык русских помещиков или английских феодалов, яванские и японские социальные диалекты и т. д.).

<...> Разобщение общества находит свое выражение, в частности, в появлении различных субкультур со своей идеологией, своими формами внешнего выражения (например, в костюме, в формах поведения), со своими религиозными особенностями и специфическими жаргонами и слэнгами. Конечно, появление субкультур не может сопоставляться с наличием субэтнических делений или внут-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

риэтнической дифференциации, но показателем тенденций, препятствующих этнической консолидации, оно, по-видимому, может считаться.

И здесь мы можем вновь вернуться к сопоставлению гаитян и швейцарцев. Государственный язык Гаити — французский. За вычетом сравнительно небольшой группы прогрессивной интеллигенции литературным французским владеет лишь эксплуататорская верхушка общества. Массы говорят на креольском диалекте французского, практически особом языке. Средства массовой информации, школьное образование, связь функционируют не для этих сплошь неграмотных масс. Отсутствие существенных локальных диалектных делений не означает этнической консолидации — ей препятствует социальное языковое разобщение.

В Швейцарии, напротив, не только средства массовой коммуникации на двух важнейших литературных языках доносят информацию общенационального значения до всех слоев общества, но даже и спорадическое употребление в целом взаимопонятных всем германо-швейцарцам диалектов в радиовещании, рекламе, театральных постановках, малых формах литературы позволяет довести черты локального (кантонального) своеобразия до уровня их осознания всем этносом.

В принципе любой этнический процесс реализуется помимо всего прочего и даже прежде всего через общение, стало быть, и через язык. Язык поэтому есть универсальный посредник этнических процессов. В то же время мы видим, что в экономически и социально высокоразвитых обществах некоторый язык, его использование, переход на него совершенно не обязательно связаны с наличием или обретением соответствующего этому языку этнического самосознания. Даже этническое и культурное сближение не всегда сопутствует языковому сближению: в классово-антагонистических обществах с их резко выраженными социальными противоречиями различные неязыковые факторы, такие как расовые или конфессиональные (за которыми, по существу, всегда стоят факты социально-экономические), препятствуют этнокультурному сближению и делают его невозможным. Наиболее яркие примеры этого мы можем наблюдать в Ольстере или в ЮАР. В то же время в других, более благоприятных для ассимиляции ситуациях языковое сближение может вести, и очень часто ведет, к параллельно с ним протекающим этноассимиляционным процессам, причем в классово-антагонистическом обществе они протекают, как правило, довольно бо-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

лезненно, нередко с образованием групп, имеющих маргинальную психологию.

<...>

Этносы и языки в развивающихся странах. Специфический характер имеют формы языковой ситуации и связанные с ними этнические процессы в развивающихся странах Латинской Америки, Африки, Азии и Океании.

В большинстве стран Латинской Америки главное содержание этнических взаимоотношений — это отношения между испаноязычным (в Бразилии — португалоязычным) основным этносом данной страны и ее коренным индейским населением. Кроме них существуют еще более или менее обособленные иммигрантские национальные группы — китайские, японские, ливанские, немецкие и др. Особняком стоят такие страны, как Гайяна, Суринам и островные государства и территории Карибского моря с их либо очень сложным, либо почти однородным, но очень малочисленным и всецело сложившимся из пришлого населения этническим составом.

В целом для развивающихся стран Латинской Америки характерна ситуация, когда в стране имеется численно доминирующий этнос, родной язык которого европейский. Он обслуживает данный этнос во всех функциях — начиная от функции языка художественной литературы и начального образования, что обычно является минимумом функций письменного родного языка, и вплоть до функций языка точных наук и технической документации.

Что касается индейского населения, то его доля и место в общей этнической мозаике существенно разнятся по различным странам Латинской Америки. Однако решительно преобладает ситуация, когда языки местного населения очень дробны. Даже в рамках одного выделяемого лингвистикой языка заметны диалектные различия между отдельными деревнями или другими территориальными подразделениями. Большинство индейских языков не имеет литературной нормы, письменности, литературы или имеет их в зачаточной, крайне малоразвитой форме.

Несомненно, во всех странах Латинской Америки идет ассимиляция индейского населения основными этносами, его так называемая «ладинизация» (от «ладино» — названия представителей основного этноса в ряде стран). Она идет обычно в той мере, в какой индейское население попадает в урбанистический контекст. Однако

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

темпы ладинизации относительно невысоки, и языковая ситуация скорее тормозит ее, нежели способствует ей. Процент двуязычных может быть разным, но сплошного двуязычия нет практически нигде. Указанная дробность и литературная неразвитость индейских языков способствуют консервации этнического самосознания на низовом, племенном или даже субплеменном, общинном уровне. Общеиндейское самосознание существует в ряде стран, но скорее как социально-классовое, нежели этническое. Ни общеиндейской интеграции, ни даже консолидации в рамках языковой общности здесь, как правило, не происходит. Исключение из этого правила представляет обширная кечуаязычная область, охватывающая несколько государств.

Особую сложность приобретает переплетение этнических и языковых процессов в странах Азии и Африки. Здесь можно выделить несколько типичных ситуаций. В ряде стран Азии (Бирма, Таиланд, Иран и др.), в меньшей степени в Африке (например, Эфиопия) имеются численно, культурно и политически доминирующие этносы, обладающие развитыми литературными языками. В то же время эти языки еще не настолько развиты, чтобы выполнять весь комплекс функций национального языка, хотя значительную их часть они выполняют. Языковое развитие самих этих крупнейших этносов идет по пути их дальнейшей национальной консолидации, сопровождающейся тенденцией к определенному, хотя и медленному, вытеснению диалектно-просторечных форм формами, близкими к литературным, а также неуклонным расширением функционального спектра национальных языков. Индия в целом в силу наличия в ней не одного, а ряда высокоразвитых языков и этносов не может быть отнесена к этому типу стран, но в ее отдельных штатах (Бенгале, Тамилнаде) и во всем хиндиязычном ареале идут сходные процессы. Этносоциальная суть их ясна: это процессы, связанные с упрочением, консолидацией рождающейся или недавно родившейся нации.

Наряду с лидирующим этносом в странах указанного типа обычно имеется один или несколько достаточно крупных этносов «второго уровня» со своими письменными, хотя обычно и не столь развитыми языками. Таковы азербайджанцы, курды и некоторые другие народы в Иране, шаны, кая и карены в Бирме, лао в Таиланде. Их этноязыковое положение сильно зависит от конкретной политической ситуации в данной стране, но в целом может быть определено балансом двух противоположных тенденций. Одна — это развитие

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

и расширение функций родного языка, которое, однако, почти всегда наталкивается на различные препятствия и естественного, и нередко искусственного характера, вплоть до административного запрещения публикаций на локальных языках (например, в Танзании), как якобы подрывающих национальное единство. В любом даже самом благоприятном случае, как правило, спектр функций таких языков не может быть шире обычного спектра функций языка ассоциированной народности. Другая тенденция — постепенный переход через стадию двуязычия на язык лидирующего этноса, что в конечном счете обычно ведет и к смене этнического самосознания, т. е. к ассимиляции.

Этносы «второго уровня» имеются не во всех развивающихся странах. Зато в подавляющем большинстве их имеются этносы «третьего уровня», т. е. мелкие племена и культурно-экономически отстающие народности, чья языковая и культурная самобытность, как правило, сохраняется лишь до тех пор, пока сохраняется их относительная изолированность. С вовлечением же в общее экономическое и социальное развитие страны у них возникают опять-таки две перспективы. Одна — это поднятие до «второго уровня», необходимым условием чего является создание своего письменного языка, практически у этносов «третьего уровня» отсутствующего. (На этом пути, по-видимому, находятся крупнейшие нилотские народности Судана.) Другая перспектива, гораздо более распространенная, — это языковая и быстро за ней следующая этническая ассимиляция, которая на «третьем уровне» обычно проходит менее болезненно, чем на «втором», в силу неразвитости идеологического осознания этнической самобытности. Подобная ассимиляция, разумеется, не всегда означает полное стирание реликтов трибалистской лояльности, но последняя переходит уже с этнического на субэтнический, местнический уровень. (Такой процесс наблюдается, например, у нубийцев в Египте.)

Во многих развивающихся странах наличествуют инонациональные группы. Их языковое положение существенно отличается от положения таких же групп в развитых странах. Хотя для всех них, как правило, характерно развитое двух- и даже трехъязычие, смены родного языка на местный и тем более сближения и ассимиляции с доминирующим этносом страны у этих групп в развивающихся странах почти никогда не происходит. Если у них и происходит смена родного языка на некий новый язык, то в роли последнего выступает обычно язык бывших колонизаторов (в даль-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нейшем будем называть его просто европейским языком). Следует отметить, что роль его существенна не только для бывших колоний, но и для стран, формально колониями не бывших (Турция, Иран), но фактически являвшихся полуколониями или поделенных на сферы влияния.

В условиях борьбы за упрочение политической, экономической и культурной независимости, которую в той или иной форме ведут практически все развивающиеся страны, язык становится своего рода знаменем. Развитию языка доминирующего этноса придается огромное значение. Однако даже страны с самыми развитыми древнеписьменными языками (Иран, Бирма и др.) не могут в своих внутренних потребностях обойтись без европейских языков. Они нужны как минимум в качестве источника и проверяющего эталона для создания своей научно-технической и политико-юридической терминологии. Как правило, чем тверже «встал на ноги» национальный язык, тем бесстрашнее позволяет он себе обогащаться за счет заимствований. И наоборот, чем уязвимее позиции национального языка, тем сильнее в нем тенденции лексического пуризма. Европа в свое время была ареной действия тех же закономерностей.

Во многих языках азиатских стран (турецком, фарси, хинди) заметны тенденции к раннему пуризму, стремлению «изгнать» даже укоренившиеся заимствования не только европейского, но и арабского и (или) персидского происхождения. Новая лексика создается весьма неупорядоченным калькированием и словотворчеством, что сильно затрудняет научно-техническое использование языка. Некоторые языки (например, арабский) по природе своей мало приспособлены к заимствованию терминов. Искусственное насыщение хинди санскритскими словами делает его малопонятным для широких масс. Эти примеры можно было бы умножить, но общий вывод из них достаточно ясен: национальные языки развивающихся стран еще не приобрели окончательно устоявшейся формы, и чем в большей степени функция языка требует смысловой точности, тем сложнее им выполнять эту функцию. Поэтому, даже тогда, когда широкое использование европейского языка претит этническому патриотическому самосознанию, в ряде сфер жизни еще невозможно обойтись без использования этого языка.

Особая ситуация сложилась в странах арабского языка. Различные арабские этносы — марокканцы, тунисцы, алжирцы, палестинцы и др. — остро ощущают как свою этническую специфичность,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

так и свое общеарабское единство. При единстве письменного литературного языка общей орфоэпической нормы для него практически не существует, что же касается реальных разговорных языков, то расхождение между ними не меньше, пожалуй, чем между различными славянскими языками (ситуация примерно такая, как если бы литературным языком всех славянских стран до сих пор был церковнославянский). Кроме того, имеются еще социальная многослойность различных языковых норм — от речи интеллигентного жителя столицы через улично-рыночное койнэ до говора жителя отдаленных деревень — и диалектная дробность внутри почти каждой страны. Выход из дилеммы, порождаемой необходимостью приблизить язык литературы и прессы к народному и не допустить разрыв взаимопонимания между арабами разных стран, пока не найден, но несомненно, что и этническая дифференциация, и суперэтническая интеграция неразрывно связаны здесь с процессами и проблемами языка.

Рассматривая языковую ситуацию развивающихся стран, надо отметить, что в значительной части стран Азии и особенно Африки, а отчасти и Океании вообще нет лидирующих или доминирующих этносов. Господствующие классы и правящие круги этих стран весьма полиэтничны по своему составу, и те «национальные», т. е. на деле локальные и региональные историко-политические и культурные ценности, которые используются в качестве знамени доминирующей в той или иной стране «национальной» идеологии, являются по своему существу межэтническими, отражая совокупное достояние целого ряда этносов или своего рода смесь отдельных элементов их обособленных достояний. С внеязыковой частью культуры в силу ее большой диффузности такое обобщение происходит во многих случаях достаточно естественно и легко, но язык, будучи феноменом в высокой степени дискретным, такому обобщению обычно не поддается. Попытки его произвести малоудачны. Так, например, на Филиппинах стремятся создать общефилиппинский язык «пилипино» путем насыщения тагальского языка элементами, взятыми из других языков страны. Однако в результате остается все тот же тагальский язык, только он становится менее общепонятным от этого насыщения, так же как понимаемости хинди вредит его насыщение санскритизмами, а урду — арабо-персизмами.

Провозглашение языкового плюрализма — явление само по себе весьма прогрессивное — также одно лишь не может решить всех проблем, так как для нормального государственного функциониро-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вания, как правило, и в этом случае необходимо наличие какого-либо одного более или менее всем знакомого языка, могущего служить средством межэтнического общения.

Во многих случаях, особенно в Африке, таким средством может служить пока только европейский язык, и тогда беспрепятственное общение неизбежно возможно только в верхних частях этнических пирамид, а их основание, т. е. основная часть крестьянского населения, остается в значительной мере языково и этнически разобщенной. Европейский язык мало годится на роль фактора этнической консолидации не только потому, что он воспринимается как чуждое, а нередко просто как часть ненавистного колонизаторского наследия, но и потому, что добиться повсеместного, сверху донизу, овладения им — задача, в нынешних условиях практически нигде не реализуемая.

Показательно, что с наибольшим успехом задача создания общегосударственного языка не только как просто средства межэтнического общения, но и как орудия межэтнической интеграции и в конечном счете национальной консолидации решается там, где основой такого языка предстает язык сравнительно малочисленного, политически и экономически не доминирующего этноса, ставший тем не менее в силу ряда обстоятельств «лингва франка» на обширной территории. Таков малайский как основа индонезийского языка, суахили в Танзании и некоторых других африканских странах. Такие же позиции легко завоевывают креолизирующие пиджины в многоязычных странах Океании.

Особая языковая ситуация складывается в странах (как Суринам или Сингапур) с пестрым этническим составом почти всецело иммигрантского происхождения. Отдельные группы населения говорят на собственных языках и диалектах, а официальный административный язык — европейский, не ставший родным ни для одной из этих групп. Ситуация близка к ситуации полиэтнических африканских стран с европейскими государственными языками, но характеризуется тем, что языки отдельных иммигрантских групп (хинди, малийский, китайский, тамильский и др.) в отличие от африканских племенных языков более литературно развиты, богаче по функциональному спектру, сохраняют связь с теми же языками на прародине иммигрантов и, соответственно, функциональный спектр официального административного языка здесь более узок.

Всего, таким образом, можно выделить три основных типа воздействия языковой ситуации на этнические процессы в развиваю-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

щихся странах, причем каждый из этих типов имеет свои варианты. Первый — это ситуация с наличием языка доминирующего этноса. Второй — полиэтническое общество, обслуживаемое европейским языком, без доминирующего этноса. Третий случай — это полиэтническое общество, где языком межэтнического общения становится язык одного из этносов данного общества.

* * *

Подытоживая рассмотрение взаимоотношений между этническими и языковыми процессами, мы должны прежде всего отметить, что, во-первых, они отличаются очень большим разнообразием, а во-вторых, как уже говорилось, отсутствием однозначной и прямой корреляции. Хотя язык и является как бы лежащим на поверхности, самоочевидным признаком и фактором формирования и функционирования этноса, на поверку оказывается, что в большинстве случаев не язык делает этнос, а этнос делает язык. Иными словами, факт пользования единым языком не делает разные группы людей автоматически принадлежащими к одному этносу. Только в том случае, когда для этнического слияния разных групп имеются весомые исторические, экономические, территориальные, социальные и культурные предпосылки, наличие единого языка может существенно облегчить такое слияние. «Священная Римская империя германской нации» объединила в своих границах отнюдь не нацию в нашем понимании, а большое число мелких феодальных в основном германоязычных, но также и других народностей и локальных субэтнических групп, из которых впоследствии сложился не один, а несколько современных крупных этносов. Бразильцы сложились в единый этнос, но рядом с ними в рамках бывших административных единиц, вице-королевств, в конечном счете образовалось по нескольку испаноязычных этносов.

С другой стороны, если указанные предпосылки сильны, а единый язык отсутствует, то он, как правило, довольно легко и быстро создается. Примером тому могут служить различные креольские языки, созданные в процессе формирования ряда негритянских этносов Америки на основе общения выходцев из разноплеменных, разноязычных негро-африканских групп.

Современная языково-этническая ситуация имеет свою специфику. Если в прошлом этноязыковые процессы протекали стихийно и попытки управлять ими обычно не выходили за рамки относи-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

тельно скромных попыток научить ту или иную группу населения в целях удобства администрирования новому языку, то для современной эпохи характерно стремление отдельных правительств или общественно-идеологических течений и организаций направленно воздействовать на процессы не только языкового, но и этнического развития. Успех или неуспех такого воздействия зависит, разумеется, прежде всего от того, насколько оно соответствует объективно сложившимся предпосылкам и тенденциям социально-экономического характера. Но и чисто языковые аспекты, такие как правильный выбор алфавитной, орфографической, терминотворческой и иной языковой политики, также нередко играют заметную роль. На международную арену в наши дни выходят все новые и новые этносы, в прошлом никому, кроме своих ближайших соседей, неизвестные. Новые языки создаются редко, и можно с уверенностью сказать, что хотя с научной точки зрения это несомненная потеря, общее число идиомов, на которых говорит население Земли, как и общее число существующих этносов, постепенно сокращается, главным образом за счет выхода из обихода ряда языков мелких, социально отсталых, быстро ассимилирующихся племен и народностей. Чем меньше, у́же функциональный спектр языка, тем больше для него опасность исчезновения. С другой стороны, большое число языков проявляет тенденцию к расширению своего функционального спектра, и можно считать, что число́ высокофункциональных языков, т. е. языков, выполняющих не только бытовые, но и сложные административно-культурные функции, постепенно увеличивается, что отражает растущую консолидацию говорящих на них этносов.

К. В. Чистов

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ*

Для современного этапа развития этнографии и фольклористики характерно стремление четче определить свой предмет, свои границы и взаимоотношения со смежными или родственными науками. <...>

Проблема «фольклор и этнография» чрезвычайно обширна. Она может рассматриваться на разных теоретических и хроноло-

* Печатается по кн.: *Фольклор* и этнография / Коллектив авторов. Л., 1970.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

гических уровнях. Известно, что этнография интересуется определенными проблемами истории народов земного шара, начиная с первобытности и кончая современностью. Таков же и исторический возраст фольклора. Он возникал впервые в процессе формирования человеческой речи. Для многих народов земного шара (а если брать этот вопрос в количественном аспекте, то даже для большинства из них) фольклор — явление живое и актуальное или по крайней мере связанное с самым недавним прошлым.

<...>

В. Е. Гусев, подчеркивая специфику фольклора как искусства, с одной стороны, коллективного, а с другой стороны, синкретического по своему характеру, т. е. использующего в качестве своего материала не только слово, но и мимику, жест, мелодию, элементы хореографии и т. д., ратовал за фольклористику как самостоятельную науку, которая в своем движении должна избежать как Сциллы литературоведения, так и Харибды этнографии.

Мы не думаем подвергать сомнению право фольклористики на самостоятельность. Она имеет достаточно обширный и четкий предмет, однако это не меняет ее принципиального отношения к ближайшим «соседям» и «родственникам» — этнографии и филологии. Тем более мы не думаем подвергать сомнению специфику фольклора как явления искусства. Однако и это должно не поколебать, а утвердить нас в том мнении, что основная особенность фольклористики — быть и оставаться одновременно наукой и филологической, и этнографической, поскольку каждое фольклорное явление есть одновременно и неизбежно и факт народного быта, и факт словесного искусства. Иными словами говоря, каждое фольклорное явление есть бытовое и эстетическое явление.

Фольклор (особенно если обратиться к прошлому) — не просто одно из многих явлений народного быта; фольклором был пронизан, буквально пропитан весь народный быт во всех его проявлениях. В фольклорные формы отливался народный опыт и народные знания, народные представления о прошлом родов, племен (позже — народов) и прошлом земли, на которой они обитали или обитают. Фольклор был, как справедливо писал В. Я. Пропп, «интегрирующей частью обрядов»[1], причем обрядов самых раз-

[1] *Пропп В. Я.* Специфика фольклора // Ленинградский государственный ордена Ленина университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. Л., 1946. С. 138 и сл.

личных — и производственных (охотничьих, рыбачьих, скотоводческих, земледельческих), и семейно-родовых (родильных, инициационных, свадебных, похоронных). В древнейших синкретических формах фольклора исследователи справедливо видят зачатки того, что позже в системе развитых и дифференцированных культур становится наукой, литературой, религией. В более позднее время фольклор был важнейшей формой народной идеологии и народных развлечений, важнейшим средством воспитания детей и важнейшей сферой художественной деятельности человечества, весьма существенной частью национальной культуры[2].

Фольклор — не только существенный элемент народного быта, в нем подчас сохраняются драгоценные свидетельства о социальном строе, общественных институтах, верованиях, социальной психологии и материальной культуре прошлых эпох, не зафиксированные в источниках иного рода — письменных документах или археологических памятниках.

Фольклор, бесспорно, — один из важнейших исторических и этнографических источников. Однако этой формулой иной раз злоупотребляют или она понимается таким образом, что затемняется другая сторона проблемы. Утверждаем, что фольклор важен этнографии не сам по себе, не как таковой, не как неотъемлемая часть народного быта и народной культуры, а лишь как источник для изучения других сторон и других элементов быта — социальных отношений и пережитков, одежды, жилища, пищи и т. д.

Это явная аберрация, свидетельство суженности взглядов, издержки чрезмерной специализации, которая характерна для нашего времени, потеря представления об этнографии как о комплексной науке, изучающей народный быт и его историю как целостное явление, органической частью которого является и фольклор.

Русская этнография вправе гордиться тем, что фольклорные исследования и фольклорные проблемы всегда занимали видное место в системе этнографических знаний. В специальном издании можно не перечислять всем известных имен и книг. Напомним только, что в деятельности таких замечательных этнографов, как Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Д. К. Зеленин, К. Г. Кагаров, фольклор всегда был на первом плане. Фольклорная комиссия Института этнографии в начале 30-х годов возглавлялась

[2]Подробнее о роли фольклора в процессе развития современной культуры и о задачах фольклористики в наши дни см.: *Чистов К. В.* Фольклористика и современность // Советская этнография. 1962. №3.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

выдающимся советским фольклористом М. К. Азадовским, еще в студенческие годы учившимся этнографии у Л. Я. Штернберга и впоследствии много сделавшим для изучения русского населения Сибири. В 20–30-е годы музей Центрально-Промышленной области в Москве возглавлял известный фольклорист Б. М. Соколов. Эти замечательные традиционные связи фольклористики и этнографии в наши дни получили свое продолжение в деятельности этнографов сибироведов, африканистов, американистов и востоковедов различных специализаций[3].

Заметным явлением в истории советской и международной фольклористики стали фольклорные разделы томов серии «Народы мира». <...>

Отметим еще одно характерное заблуждение, отчасти связанное с упоминавшейся формулой «фольклор — этнографический источник». Оно заключается в том, что филологические и этнографические аспекты фольклористических изучений могут будто бы существовать и развиваться раздельно и независимо друг от друга. Это, безусловно, не так.

<...>

Уже говорилось о том, что фольклор — это широкая область, которая удовлетворяла (или удовлетворяет) самые различные потребности, т. е. фольклор полифункционален. Родовое сказание и заговор при свежевании убитого зверя, историческая песня и похоронное причитание, календарно-обрядовая песенка и социально-утопическая легенда, загадка и лирическая баллада отличаются не только тематически и даже не просто как художественные структуры разного характера, но именно своим бытовым назначением, функцией. Последняя определяет и материал (т. е. тип сочетания слова с элементами других искусств), при помощи которого та или иная потребность удовлетворяется, и тип сочетания элементов практического и эстетического характера, поэтику жанра, т. е. характер его отношения к действительности, особенности бытования текстов и, наконец, границы социально-психологической общности, которая считает тот или иной текст своим коллективным достоянием. Таким образом, эта кардинальная проблема фольклористики может быть

[3] См.: *Соколова В. К.* Советская фольклористика к 50-летию Октября // Советская этнография. 1967. № 5; *Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н.* Полвека советской этнографии // Там же.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

решена только при условии сочетания филологического и культурно-бытового, т. е. этнографического, аспекта.

То же самое можно было бы сказать и о таком, казалось бы, специфическом филологическом аспекте фольклористики, как текстология, тоже особенно развивавшемся в последние годы[4]. Фольклористическая текстология исходит в понимании своих задач прежде всего из основного различия между фольклором и литературой (равно письменной или печатной). Она заключается в следующем. Литературный текст — материализованный посредник между писателем и читателем. Вместе с тем он обычно разъединяет их хронологически и локально. В фольклоре же устный текст объединяет в едином одновременном акте творчество (исполнение) и восприятие, исполнителя и слушателя, а каждое новое звучание текста есть не просто прочтение однажды зафиксированного, а воспроизведение, восстановление текста в его звуковых, мимических, музыкальных, хореографических и других формах в соответствующих условиях общения исполнителя и слушателя, т. е. в конечном счете в определенных бытовых условиях. Следовательно, и эта филологическая проблема в конечном счете оказывается проблемой и филологической, и этнографической одновременно.

С другой стороны, этнограф, занимающийся фольклором или даже просто соприкасающийся с ним, не может каждый раз не учитывать филологической (или, точнее, теоретико-эстетической) стороны дела, и прежде всего специфики фольклорного жанра, к которому он обращается. Проблема усложняется еще тем, что в фольклоре, так же как во многих других видах искусства, отражается, как правило, не историческая действительность в прямом и точном смысле этого слова, а народное отношение к ней, определенный тип и способ ее понимания и художественной обработки.

Классический пример ошибки, связанной с непониманием этой особенности народной поэзии, — статья С. К. Шамбинаго «Древнерусское жилище по былинам»[5]. Шамбинаго считал: все, что мы находим в былинах, было именно в таком же виде и в действительности. По былинам можно будто бы восстановить не только весьма ценное для нас представление крестьян о старинном жилище, но

[4] См.: *Чистов К. В.* Современные проблемы текстологии русского фольклора. М., 1963; *Текстологические* принципы изучения фольклора. М.; Л., 1965, и др.

[5] *Шамбинаго С. К.* Древнерусское жилище по былинам: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

и само это жилище. Характерно, что при этом он пришел к выводу, что в былинах «описано» древнерусское жилище не киевского, а московского периода. Это не смутило исследователя. Он считал, что былина при своем возникновении отражает действительность прямо и непосредственно, и поэтому счел возможным и само возникновение былин отнести к московскому периоду.

С. К. Шамбинаго был приверженцем так называемой «исторической школы» в русской фольклористике, полагавшей, что историческая действительность отражается в фольклоре и в деловой письменности (летописи) примерно одинаково. Эта характерная ошибка передалась даже такому крупному ученому, как академик Б. Д. Греков. Она сказалась в его известной и чрезмерно прямолинейной формуле: «Былины — летопись, написанная самим народом». Впрочем, подобным ошибкам подвержены и фольклористы. Почему бы и не считать былину не только историческим документом, но и своеобразным этнографическим очерком? Так, например, В. Е. Евсеев видит в «больших полях», которые упоминаются в карельских рунах, не идеализированное представление карельского крестьянина, теснившегося на каменных полосках, а прямое отражение некогда существовавших общинных запашек (существовали ли таковые в действительности, тоже еще нужно доказать!)[6].

Итак, смысл и достоверность любого факта, который можно отыскать в фольклорном тексте, могут быть установлены только при условии ясного понимания художественной системы, в которую он включен, его назначения в системе жанра. Степень достоверности или деформации факта, его реальность или идеализированность, историчность или фантастичность (все эти случаи можно встретить в фольклоре) зависят и от жанра, и от конкретного соотношения вещей в конкретном произведении.

Эта тема — методика определения достоверности данных, извлекаемых из фольклорного текста, — заслуживает специального и систематического рассмотрения. Приведем только один пример, который представляется выразительным. В традиционном севернорусском свадебном обряде важное место занимает баня. Ей придавалось не только гигиеническое, но и магическое, обрядовое значение. Вопрос этот рассматривался в свое время Д. К. Зелениным и Е. Г. Кагаровым, а в недавнее время заново и очень обстоятельно

[6] *Евсеев В. Я.* Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 1. М.; Л., 1957. С. 151–154 и сл.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

исследован в книге финляндского слависта Игоря Вахроса[7].

Как же и чем топилась предсвадебная баня? Кроме свидетельств наблюдателей, сохранились так называемые «баенные» причитания, в которых изображаются обрядовые действия, совершавшиеся в процессе топки бани. Однако при внимательном чтении «баенных» причитаний можно обнаружить, и при этом не только в разных, но даже в одних и тех же текстах (пример именно этим и интересен), весьма противоречивые данные. Так, например, в причитании, записанном Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, изображается, как невесту ведут в баню. Ей говорят, что баня топилась наилучшими дровами, какие только можно измыслить, и здесь вступает в силу закон идеализации:

И одно деревче ... сахарное,
И другое деревче ... виноградное,
И третье деревче ... дубовое[8].

Известно, что в севернорусских областях дуб не растет, виноград — тем более, а «сахарны» деревья неизвестны вовсе (если не иметь в виду сахарный тростник, который тоже растет только в южных районах).

Невеста не верит тетке, топившей баню; она попрекает ее за то, что баню топили не наилучшими, а, наоборот, наихудшими дровами:

Она дровцами топила все осинныма.
И лучиной разжигали все сосновой[9].

Это также неправдоподобно — осиной никто не стал бы на севере топить баню — тем более свадебную.

Когда девушка, наконец, попадает в баню, рисуется третий и наиболее близкий к действительности вариант:

Дровцами ... сосновыма,
Лучиной ... еловой ...[10]

---

[7] *Zelenin Dm.* Russische (Ostslavische) Volvskunde. Berlin; Leipzig, 1927. S. 313–314; *Кагоров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1929. Т. 8. С. 152–195; *Vahros J.* Zur Geschichte und Folklore der grobrussischen Sauna. Helsinki, 1966.

[8] *Причитанья* Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. III // Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Вып. III–IV. М., 1885. С. 101.

[9] Там же. С. 121.

[10] Там же. С. 106. Ср.: *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Пример этот показывает, как может меняться изображение в зависимости от эмоциональной и, следовательно, эстетической задачи, возникающей в ходе повествования. Он показывает вместе с тем, что свадебные причитания с равной легкостью допускают и приукрашенное, и ухудшенное, и правдоподобное изображение действительности. Если три подобных случая встретятся рядом в одном и том же тексте, разобраться в них не составляет труда. Сложнее, когда перед нами только одно изображение и нам предстоит решить, в какой мере оно достоверно.

Совершенно то же самое мы находим и при изображении фольклором других сторон быта. Так, например, в тех же свадебных причитаниях дом жениха, в котором предстоит жить невесте, изображается тем или иным способом, в зависимости от того, кто произносит причитание и к кому оно обращено. В одном случае рисуются невиданно красивые хоромы с точеными балясинками и резными наличниками, в другом случае — это мрачная курная полуземлянка, в которую «решетом свету наношено». В похоронных причитаниях по девушке-невесте обычно изображается приготовленный для нее подвенечный наряд, который остался неиспользованным. Эти строки причитаний представляют большую ценность, и, к сожалению, на них до сих пор еще не обратили достаточного внимания специалисты по одежде. Однако надо иметь в виду, что в причитаниях рисуется некий идеал, который весьма редко удавалось реализовать в быту. При этом хочется подчеркнуть, что идеализированность описаний вовсе не обесценивает их — выяснить крестьянское представление об идеальной одежде, в данном случае свадебной, этнографу не менее важно, чем знать, в какой мере оно могло реализоваться. Однако для этого надо ясно представлять себе, в каких случаях мы встречаемся именно с подобными представлениями, а в каких — с изображением реально бытовавших вещей. Сходные примеры можно было бы привести из любого жанра русского фольклора или фольклора какого-либо другого народа. Сказанное касается не только материальной культуры, но и исторических фактов, отражения социальной организации и т. д. Сошлюсь на весьма интересные в этом смысле и вышедшие в последние годы книги Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки» и «Происхождение эпоса» и посмертно изданную книгу А. М. Золотарева

украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. Раздел «Топливо». С. 267–268.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

«Родовой строй и первобытная мифология»[11]. В этих книгах так же, как и в более ранней книге В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»[12], содержатся весьма поучительные образцы тактичного использования фольклорного материала при обсуждении этнографических проблем.

Итак, фольклор — явление одновременно и бытовое, и художественное, поэтому и фольклористика, оставаясь самостоятельной, вместе с тем должна быть одновременно наукой и филологической, и этнографической, а каждый фольклорный факт, который используется историком или этнографом, должен быть верно оценен в его эстетическом качестве, как элемент определенной художественной структуры. С другой стороны, каждый факт, найденный в записанном фольклорном тексте и заинтересовавший этнографа, должен быть оценен с его текстологической стороны, т. е. надо всегда иметь в виду закон вибрации, варьирования фольклорного текста. Сопоставление вариантов одной и той же сказки, эпической песни или баллады показывает, что в традиции было устойчивым и обязательным и что варьировалось и было более или менее случайным. Это не значит, что неустойчивое всегда неинтересно — в вариантах может всплыть весьма архаическая лексика, содержащая драгоценные историко-этнографические свидетельства, очень интересное представление, забытое историческое имя, этноним и т. д. Однако все это требует внимательного и осторожного рассмотрения. Дискуссия об историзме русских былин еще раз показала, что исторические реалии, содержащиеся в былинных текстах, очень различны по своему характеру и степени достоверности. Она показала также, какие опасности подстерегают исследователя, когда он неосмотрительно пользуется фольклорными фактами.

<...> Фольклор может стать органическим элементом этнографического описания только в том случае, когда выработано представление об его историческом типе, уровне и своеобразии, о характерной структуре его жанрового репертуара, об его этнических связях и т. д., одним словом, когда существует так же, как в других аспектах культуры этого народа, отработанная историческая и этническая типология. Только в этом случае фольклорный материал может активно использоваться при разработке проблем этногенеза,

[11] *Мелетинский Е. М.* 1) Герой волшебной сказки. М., 1958; 2) Происхождение эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

[12] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

этнической и культурной истории. Фольклорный материал раскроет содержащиеся в нем этнические проблемы только тогда, когда потребуется объяснить эту типологию и эти связи.

Так, например, фольклор палеазиатских народов интересен не только сам по себе, но и в его связях с фольклором североамериканских индейцев и, с другой стороны, в свете проблемы так называемого «чукотского клина», рассекающего эти связи. Фольклор карпатских этнических групп представляет собой удивительную картину. При значительном единстве географических условий (о которых недавно с таким непомерным преувеличением писал Л. Н. Гумилев в своих статьях об «этносе»)[13], хозяйства и соответственно близости материальной культуры фольклор этнических групп, населяющих Карпаты, сохраняет заметные различия (например, наличие у прикарпатских румын эпоса, которого нет ни у венгров, ни у словаков). Или другой пример: наличие эпических песен у карел и русских на Севере, живших столетия в весьма близких исторических и социально-экономических условиях, и типологически совершенно разный характер карельского севернорусского эпоса. Сказания о нартах интересны не только своими великолепными художественными качествами и уникальной архаичностью многих сюжетов, но и связью со специфической проблемой матриархата на Северном Кавказе и своим продолжением у абхазов, в этногенезе которых принимали участие этнические группы, родственные севернокавказским. Вне этнической истории белорусов не может быть объяснено, почему в белорусском фольклоре сочетаются весьма архаические предания об «асилках» и «волотах» и очень поздняя и очень развитая социально-бытовая сказка.

Подобных примеров можно было бы привести множество. Некоторые из упомянутых проблем в той или иной степени затрагивались исследователями, другие только поставлены. Решению многих из них могло бы помочь активное участие фольклористов в разработке проблем этногенеза и этнической истории. Эти проблемы будут решены особенно успешно, если наши исследования будут развиваться в историко-сравнительном направлении. Известное утверждение Л. Я. Штернберга: «Знать один народ — это значит не знать ни одного», не потеряло своего значения и в наши дни. Между тем в силу целого ряда причин, действовавших в недавние годы, фольк-

[13] *Гумилев Л. Н.* 1) О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967; 2) Этнос как явление // Там же.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

лористы и этнографы часто замыкаются в рамках изучения одного народа или группы очень тесно родственных народов, либо обращаются к сравнительному материалу только ради обнаружения сходства. При этом теряются представления об этнических отличиях, о специфическом развитии сходных процессов в разных исторических условиях и разных этнических средах.

<...>

Фольклористы должны принять участие и в других формах этнографического картографирования, тем более, что именно фольклористикой еще со второй половины XIX в. накоплен весьма значительный, но очень односторонний опыт. Предстоит заново продумать методику фольклористического картографирования таким образом, чтобы оно служило основной этнографической задаче — этнической истории народов. Есть все основания предполагать, что фольклористическое картографирование, как и картографирование обрядов и обрядового фольклора, значительно менее (или менее непосредственно) связанных с социально-экономическими и географическими условиями, могло бы дать не меньший, а больший этнологический результат, чем картографирование сельскохозяйственных орудий, жилища и одежды. Действительно, в каком реальном взаимоотношении находятся границы ряда фольклорных явлений и этнических границ малых народов Сибири или ираноязычных и тюркоязычных народов Средней Азии? В каком взаимоотношении находится, если обращаться к русским примерам, ареалы распространения русских былин или тех или иных видов свадебного обряда, ладовые особенности народной мелодики и диалектологические зоны, зоны распространения типов жилища и женской одежды и т. д.? Как здесь сказались историческая миграция, взаимоотношения с соседями и история отдельных этнических группировок русского народа? Все это предстоит еще выяснить.

<...>

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Раздел II

Общие проблемы этнолингвистики

Бенджамен Л. Уорф

ОТНОШЕНИЕ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И МЫШЛЕНИЯ К ЯЗЫКУ*

> «Люди живут не только а объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочно полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле "реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы ... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».
>
> *Эдуард Сепир*

Вероятно, большинство людей согласится с утверждением, что принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения; однако это предположение обычно не идет дальше признания гипнотической силы философского и научного языка, с одной стороны, и модных словечек и лозунгов — с другой.

Ограничиться только этим — значит не понимать сути одной из важнейших форм связи, которую Сепир усматривал между языком, культурой и психологией и которая кратко сформулирована в приведенной выше цитате.

---

* Печатается по кн.: *Новое* в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

См. также: *Whorf B.* The relation of habitual thought and behaviour to language. N.Y., 1939; *Whorf B.L.* Language, thought, and reality. N.Y., 1956.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений.

Обозначение явления и его влияние на действия людей

Я столкнулся с одной из сторон этой проблемы еще до того, как начал изучать Сепира, в области, обычно считающейся очень отдаленной от лингвистики. Это произошло во время моей работы в обществе страхования от огня. В мои задачи входил анализ сотен докладов об обстоятельствах, приведших к возникновению пожара или взрыва. Я фиксировал чисто физические причины, такие, как неисправная проводка, наличие или отсутствие воздушного пространства между дымоходами и деревянными частями зданий и т. п., а результаты обследования описывал в соответствующих терминах. При этом я не ставил перед собой никакой другой задачи. Но с течением времени стало ясно, что не только сами по себе эти причины, но и обозначение их было иногда тем фактором, который через поведение людей являлся причиной пожара. Фактор обозначения проявлялся яснее всего тогда, когда мы имели дело с языковым обозначением, исходящим из названия, или с обычным описанием подобных обстоятельств средствами языка.

Так, например, около склада так называемых gasoline drums «бензиновых цистерн» люди ведут себя соответствующим образом, т. е. с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием empty gasoline drums «пустые бензиновые цистерны» люди ведут себя иначе: недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти empty «пустые» цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения. При наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово «пустой», предполагающее отсутствие всякого риска. Возможны два различных случая употребления слова empty: в первом случае оно употребляется как точный синоним слов null, void, negative, inert (порожний, бессодержательный, бессмысленный, ничтожный, вялый), а во втором — в применении к обозначению физической ситуации, не принимая во внимание наличие паров, капель жидкости или любых других остатков в цистерне или в другом вместилище. Обстоятельства описываются с помощью вто-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

рого случая, а люди ведут себя в этих обстоятельствах, имея в виду первый случай. Это становится общей формулой неосторожного поведения людей, обусловленного чисто лингвистическими факторами.

<...>

Можно привести бесконечное множество подобных примеров. Они показывают достаточно убедительно, как рассмотрение лингвистических формул, обозначающих данную ситуацию, может явиться ключом к объяснению тех или иных поступков людей и каким образом эти формулы могут анализироваться, классифицироваться и соотноситься в том мире, который «в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы» (Э. Сепир). Мы ведь всегда исходим из того, что язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность.

Грамматические модели в качестве истолкователей действительности

Лингвистический материал приведенных выше примеров ограничивается отдельными словами, фразеологическими оборотами и словосочетаниями определенного типа. Изучая влияние этого материала на поведение людей, нельзя упускать из виду, что несравненно более сильное влияние на их поведение могут оказывать разнообразные типы грамматических категорий, таких, как категория числа, рода, классификация по одушевленности, неодушевленности и т. п., а также времена, залога и другие формы глагола, классификация по частям речи и вопрос о том, чем обозначена данная ситуация – одной ли морфемой, формой ли слова или синтаксическим словосочетанием. Такая категория, как категория числа (единственное в противоположность множественному), является попыткой обозначить целый класс явлений действительности. В ней содержится указание на то, каким образом нужно классифицировать различные явления и какие случаи можно назвать «единственными», а какие — «множественными». Однако обнаружить такое косвенное влияние чрезвычайно сложно, во-первых, ввиду его неясности, а во-вторых, ввиду того, что весьма трудно взглянуть со стороны и изучить объективно родной язык, который является привычным средством общения и своего рода неотъемлемой частью нашей

культуры. Если же мы приступим к изучению языка, совершенно не похожего на наш родной, мы будем изучать его так, как изучаем природу. При анализе чужого, непривычного языка мы осмысливаем его средствами своего родного языка или же обнаруживаем, что задача разъяснения чисто морфологических трудностей настолько сложна, что, кажется, поглощает все остальное. Однако, несмотря на сложность задачи, состоящей в выяснении того косвенного влияния грамматических категорий языка на поведение людей, о котором говорилось выше, она все же выполнима и разрешить ее легче всего при рассмотрении какого-нибудь экзотического языка, так как, изучая его, мы волей-неволей бываем выбиты из привычной колеи. И, кроме того, в дальнейшем обнаруживается, что такой экзотический язык является зеркалом по отношению к родному языку.

Мысль о возможности работы над данной проблемой впервые пришла мне в голову во время изучения мною языка хопи, даже раньше, чем я осознал сущность самой этой проблемы. Казавшееся бесконечным описание морфологии языка было наконец закончено. Но было совершенно очевидно, особенно в свете лекций Сепира о языке навахо, что описание языка в целом являлось далеко не полным. Я знал, например, правила образования множественного числа, но не знал, как последнее употребляется. Было ясно, что категория множественного числа в языке хопи значительно отличается от категории множественного числа в английском, французском и немецком языках. Некоторые понятия, выраженные в этих языках множественным числом, в языке хопи обозначаются единственным. Стадия исследования, начавшаяся с того момента, заняла еще два года.

Прежде всего надо было определить способ сравнения языка хопи с западноевропейскими языками. Сразу же стало очевидным, что даже грамматика хопи отражала в какой-то степени культуру хопи так же, как грамматика европейских языков отражает «западную», или «европейскую», культуру. Оказалось, что эта взаимосвязь дает возможность выделить при помощи языка классы представлений, подобные «европейским», — «время», «пространство», «субстанция», «материя». Поскольку те категории, которые будут подвергаться сравнению в английском, немецком и французском, а также и в других европейских языках, за исключением, пожалуй (да и это весьма сомнительно), балто-славянских и неиндоевропейских языков, имеют лишь незначительные различия, я

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

собрал все эти языки в одну группу, названную SAE, или «Standard Average European» «среднеевропейский стандарт».

Ту часть исследования, которая представлена здесь, можно кратко сформулировать в двух вопросах: 1) являются ли наши представления «времени», «пространства» и «материи» в действительности одинаковыми для всех людей или они до некоторой степени обусловлены структурой данного языка и 2) существуют ли видимые связи между а) нормами культуры и поведения и б) основными лингвистическими категориями? Я отнюдь не утверждаю, что существует прямая «корреляция» между культурой и языком и тем более между этнологическими рубриками, как, например, «сельское хозяйство», «охота» и т. д., и такими лингвистическими рубриками, как «флективный», «синтетический» или «изолирующий»[1].

Когда я начал изучение данной проблемы, она вовсе не была так ясно сформулирована и у меня не было никакого представления о том, каковы будут ответы на поставленные вопросы.

Множественное число и счет в SAE и в хопи

В наших языках, т. е. в SAE, множественное число и количественные числительные применяются в двух случаях: 1) когда они обозначают действительно множественное число и 2) при обозначении воображаемой множественности, или, более точно, хотя менее выразительно: при обозначении воспринимаемой нами пространственной совокупности и совокупности с переносным значением. Мы говорим ten men «десять человек» и ten days «десять дней». Десять человек мы или реально представляем, или, во всяком случае, можем себе представить эти десять как целую группу[2], например, десять человек на углу улицы. Но ten days «десять дней» мы не можем представить себе реально. Мы представляем реально только один день, сегодня, остальные девять (или даже все десять) —

[1] Мы располагаем множеством доказательств в подтверждение того, что это не так. Достаточно только сравнить хопи и юте с языками, обладающими таким сходством в области лексики и морфологии, как, скажем, английский и немецкий. Идея взаимосвязи между языком и культурой в общепринятом смысле этого слова, несомненно, ошибочна.

[2] Так, говоря «десять одновременно», мы показываем этим, что в нашем языке и мышлении мы воспроизводим факт восприятия множественного числа в терминах понятия времени, о языковом выражении которого будет сказано ниже.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

только по памяти или мысленно. Если ten days «десять дней» и рассматриваются как некая группа, то это «воображаемая», созданная мысленно группа.

Каким образом создается в уме такое представление? Таким же, как и в случаях с ошибочным представлением, послужившим причиной пожара, ввиду того что наш язык часто смешивает две различные ситуации, поскольку для обеих имеется один и тот же способ выражения. Когда мы говорим о ten steps forward «десять шагов вперед», ten strokes on a bell «десять ударов колокола» и о какой-либо подобной циклической последовательности, имея в виду несколько times «раз», у нас возникает такое же представление, как и в случае ten days «десять дней». **Цикличность** вызывает представление о воображаемой множественности. Но сходство цикличности с совокупностью не обязательно возникает в восприятии раньше, чем это выражается в языке, иначе это сходство наблюдалось бы во всех языках, чего на самом деле нет. В нашем **восприятии** времени и цикличности содержится что-то непосредственное и субъективное: в основном мы ощущаем время как что-то «становящееся все более и более поздним». Но в нашем привычном мышлении, т. е. в мышлении людей, говорящих на SAE, это отражается совсем иным путем, который не может быть назван субъективным, хотя и осуществляется в мыслительной сфере. Я бы назвал его **«объективизированным»**, или воображаемым, поскольку оно построено по моделям **внешнего** мира. В нем отражаются особенности нашей языковой системы. Наш язык не проводит различия между числами, составленными из реально существующих предметов, и числами «самоисчисляемыми». Сама форма мышления обусловливает то, что в последнем случае так же, как и в первом, числа составляются из каких-то предметов. Это и есть объективизация. Понятия времени утрачивают связь с субъективным восприятием «становящегося более поздним» и объективизируются как исчисляемые **количества**, т. е. отрезки, состоящие из отдельных величин, в частности длины, так как длина может быть реально разделена на дюймы. «Длина», «отрезок» времени мыслится в виде одинаковых единиц, подобно, скажем, ряду бутылок.

В языке хопи положение совершенно иное. Множественное число и количественные числительные употребляются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовывать реальную группу. Там не существует воображаемых множествен-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ных чисел, вместо них употребляются порядковые числительные в единственном числе. Такое выражение, как ten days «десять дней», не употребляется. Эквивалентом его служит выражение, указывающее на процесс счета. Таким образом, they stayed ten days «они пробыли десять дней» превращается в «они прожили до одиннадцатого дня» или «они уехали после десятого дня». Ten days is greater than nine days «десять дней больше, чем девять дней» превращается в «десятый день позже девятого». Наше понятие «продолжительность времени» рассматривается не как фактическая продолжительность или протяженность, а как соотношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого. Вместо нашей лингвистически осмысленной объективизации той области сознания, которую мы называем «время», язык хопи не дал никакого способа, содержащего идею «становиться позднее», являющуюся сущностью понятия времени.

Существительные, обозначающие материальное количество в SAE и хопи

Имеются два вида существительных, обозначающих материальные предметы: существительные, обозначающие отдельные предметы, и существительные, обозначающие вещества: water «вода», milk «молоко», wood «дерево», granite «гранит», sand «песок», flour «мука», meat «мясо». Существительные первой группы относятся к предметам, имеющим определенную форму: a tree «дерево», a stick «палка», a man «человек», a hill «холм». Существительные второй группы обозначают однородную массу, не имеющую четких границ. Между этими двумя группами существует и лингвистическое различие: у существительных, обозначающих вещества, нет множественного числа[3]; в английском языке перед ними опускается артикль, во французском ставится партитивный артикль du, de,

[3]Не является исключением из этого правила (отсутствия множественного числа) и тот случай, когда лексема существительного, обозначающего вещество, совпадает с лексемой «отдельного» существительного, которое, конечно, имеет форму множественного числа. Так, например, stone (не имеет множественного числа) совпадает с a stone (мн. ч. — stones). Множественное число, обозначающее различные сорта, например, wines, представляет собой нечто отличное от настоящего множественного числа; такие существительные надо считать своеобразными ответвлениями от «материальных» существительных в SAE. Они образуют особую группу, изучение которой не входит в задачу данной работы.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

la, des. Это различие более четко выступает в языке, чем в действительности. Очень немногое можно представить себе не имеющим границ: ak «воздух», иногда water «вода», rain «дождь», snow «снег», sand «песок», rock «горная порода», dirt «грязь», grass «трава», но butter «масло», meat «мясо», cloth «ткань», iron «железо», glass «стекло», как и большинство подобных им веществ, встречаются не в «безграничном» количестве, а в виде больших или малых тел определенной формы. Различие это в какой-то степени навязано нам потому, что оно существует в языке. В большинстве случаев это оказывается так неудобно, что приходится применять новые лингвистические способы, чтобы конкретизировать существительные второй группы. Отчасти это делается с помощью названий, обозначающих ту или иную форму: stick of wood «брусок дерева», piece of cloth «лоскут материала», pane of glass «кусок стекла», cake of soap «брусок мыла», — но гораздо чаще — с помощью названий сосудов, в которых находятся вещества, хотя в данных случаях мы имеем в виду сами вещества: glass of water «стакан воды», cup of coffee «чашка кофе», dish of food «тарелка пищи», bad of flour «мешок муки», bottle of beer «бутылка пива». Эти обычные формулы, в которых of имеет явное значение «содержащий», способствовали появлению менее явных случаев употребления той же самой конструкции: stick of wood «обрубок дерева», lump of dough «ком теста» и т. д. В обоих случаях формулы одинаковы: существительное первой группы плюс один и тот же связывающий компонент (в английском языке — предлог of). Обычно этот компонент обозначает содержание. В более сложных случаях он только «предлагает» содержание. Таким образом, предполагается, что limps «комья», chunks «ломти», blocks «колоды», pieces «куски» содержат какие-то stuff «вещество», substance «субстанцию», matter «материю», которые соответствуют water «воде», coffee «кофе», flour «муке» в соответствующих формулах. Для людей, говорящих на SAE, философские понятия «субстанция» и «материя» несут в себе простейшую идею; они воспринимаются непосредственно, они общеприняты. Этим мы обязаны языку. Законы наших языков часто заставляют нас обозначать материальный предмет словосочетанием, которое делит представление на бесформенное вещество плюс та или иная его конкретизация («форма»).

В хопи опять-таки все происходит иначе. Там имеется строго ограниченный класс существительных. Но в нем нет особого подкласса — «материальных» существительных. Все существительные

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

обозначают отдельные предметы и имеют и единственное и множественное число. Существительные, являющиеся эквивалентами наших «материальных» существительных, тоже относятся к телам с неопределенными, не имеющими четких границ формами. Однако под последним следует понимать неопределенность, а не отсутствие формы и размеров. В каждом конкретном случае water «вода» обозначает определенное количество воды, а не то, что мы называем «субстанцией воды». Абстрактность передается глаголом или предикативной формой, а не существительным. Так как все существительные относятся к отдельным предметам, нет необходимости уточнять их смысл названиями сосудов или различных форм, если, конечно, форма или сосуд не имеют особого значения в данном случае. Само существительное указывает на соответствующую форму или сосуд. Говорят не a glass of water «стакан воды», а kə·yi «вода», не a pool of water «лужа воды», а pa·hə[4], не a dish of cornflour «миска муки», а ŋəmni «количество муки», не a piece of meat «кусок мяса», а sik^{w}i «мясо». В языке хопи нет ни необходимости, ни моделей для построения понятия существования как соединения бесформенного и формы. Отсутствие определенной формы обозначается не существительными, а другими лингвистическими символами.

Периодизация времени в SAE и хопи

Такие термины, как summer «лето», winter «зима», September «сентябрь», morning «утро», noon «полдень», sunset «заход солнца», которые у нас являются существительными и мало чем отличаются по форме от других существительных, могут быть подлежащими или дополнениями; мы говорим at sunset «на заходе солнца» или in winter «зимой» так же, как at a comer «на углу», in an orchard «в саду»[5]. Они образуют множественное число и исчисляются подобно тем существительным, которые обозначают предметы материаль-

[4]В хопи существует два слова для обозначения количества воды: kə·yi и pa·hə. Разница между ними примерно та же, что и между stone и rock в английском языке: pa·hə обозначает больший размер и wildness «природность, естественность»; текущая вода независимо от того, в помещении она или в природе, будет pa·hə, так же как и moisture «влага». Но в отличие от stone и rock разница здесь существенная, не зависящая от контекста, и одним словом нельзя заменить другое.

[5]Конечно, в английском языке существуют некоторые незначительные отличия от других существительных, например, в употреблении артиклей.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ного мира, о чем говорилось выше. Наше представление о явлениях, обозначаемых этими словами, таким образом объективизируется. Без объективизации оно было бы субъективным переживанием реального времени, т. е. сознания becoming later and later «становления более поздним», проще говоря, — повторяющимся периодом, подобным предыдущему периоду в становлении все более поздней протяженности. Только в воображении можно представить себе подобный период рядом с другим таким же, создавая, таким образом, пространственную (мысленно представляемую) конфигурацию. Но сила языковой аналогии такова, что мы устанавливаем упомянутую объективизацию циклической периодизации. Это происходит даже в случае, когда мы говорим a phase «период» и phases «периоды» вместо, например, phasing «периодизация». Модель, охватывающая как существительные, обозначающие отдельные предметы, так и существительные, обозначающие вещества, результатом которой является двучленное словосочетание «бесформенное вещество плюс форма», настолько распространена, что подходит для всех существительных. Следовательно, такие общие понятия, как substance «субстанция», matter «материя», могут заменить в данном словосочетании почти любое существительное. Но даже и они недостаточно обобщены, так как не могут включить в себя существительные, выражающие протяженность во времени. Для последних и появился термин time «время». Мы говорим a time, т. е. какой-то период времени, событие, исходя из модели a mass noun (существительных, обозначающих вещества), подобно тому как a summer «некое лето» мы превращаем в summer «лето» (как общее понятие) по той же модели. Так, используя наше двучленное словосочетание, мы можем говорить или представлять себе a moment of time «момент времени», a second of time «секунда времени», a year of time «год времени». Я считаю долгом еще раз подчеркнуть, что здесь точно сохраняется модель a bottle of milk «бутылка молока» или a piece of cheese «кусок сыра». И это помогает нам представить, что a summer реально содержит такое-то количество «time».

В хопи, однако, все «временны́е» термины, подобные summer, morning и др., представляют собой не существительные, а особые формы наречий, если употреблять терминологию SAE. Это — особая часть речи, отличающаяся от существительных, глаголов и даже от других наречий в хопи. Они не являются формой местного или другого падежа, как des Abends «вечером» или in the morning

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

«утром». Они не содержат морфем, подобных тем, которые есть в in the house «в доме» и at the tree «на дереве»[6]. Такое наречие имеет значение when it's morning «когда утро» или while morning-phase is occuring «когда период утра происходит». Эти «temporals» «временны́е наречия» не употребляются ни как подлежащие, ни как дополнения, ни в какой-либо другой функции существительного. Нельзя сказать it's a hot summer «жаркое лето» или summer is hot «лето жаркое»; лето не может быть жарким, лето — это период, когда погода теплая, когда наступает жара. Нельзя сказать this summer «это лето». Следует сказать summer now «теперь лето» или summer recently «недавно лето». Здесь нет никакой объективизации (например, указания на период, длительность, количество) субъективного чувства протяженности во времени. Ничто не указывает на время, кроме постоянного представления о getting later «становление более поздним». Поэтому в языке хопи нет основания для создания абстрактного термина, подобного нашему time.

Временны́е формы глагола в SAE и хопи

Трехвременная система глагола в SAE оказывает влияние на все наши представления о времени. Эта система объединяется с той более широкой схемой объективизации субъективного восприятия длительности, которая уже отмечалась в других случаях двучленной формулой, применяемой к существительным вообще, во «временны́х» (обозначающих время) существительных, во множественности и исчисляемости. Эта объективизация помогает нам мысленно «выстроить отрезки времени в ряд». Осмысление времени как ряда гармонирует с системой трех времен, однако система двух времен — раннего и позднего — более точно соответствовала бы ощущению длительности в его реальном восприятии. Если мы сделаем попытку проанализировать сознание, мы найдем не прошедшее, настоящее и будущее, а сложный комплекс, включающий в себя все эти понятия. Все есть в сознании, и все в сознании существует и существует нераздельно. В нашем сознании соединены чувственная и нечувственная стороны восприятия. Чувственную сто-

[6]Year «год» и некоторые словосочетания year с названиями времен года, а иногда и сами названия времен года могут встречаться с «местной» морфемой at, но это является исключением. Такие случаи могут быть или историческими напластованиями ранее действовавших законов языка, или вызываются аналогией с английским языком.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

рону — то, что мы видим, слышим, осязаем, — мы можем назвать the present (настоящее), другую сторону — обширную, воображаемую область памяти — обозначить the past (прошедшее), а область веры, интуиции и неопределенности — the future (будущее). Но и чувственное восприятие, и память, и предвидение — все это существует в нашем сознании вместе; мы не можем обозначить одно как yet to be «еще не существующее», а другое как once but no more «существовало, но уже нет». В действительности реальное время отражается в нашем сознании как getting later «становиться позднее», как необратимый процесс изменения определенных отношений. В этом latering «опозднении» или durating «протяженности во времени» и есть основное противоречие между самым недавним, позднейшим моментом, находящимся в центре нашего внимания, и остальными, предшествовавшими ему. Многие языки прекрасно обходятся двумя временны́ми формами, соответствующими этому противоречивому отношению между later «позже» и earlier «раньше». Мы можем, конечно, создать и мысленно представить себе систему прошедшего, настоящего и будущего времени в объективизированной форме точек на линии. Именно к этому ведет нас наша общая тенденция к объективизации, что подтверждается системой времен в наших языках.

В английском языке настоящее время находится в наиболее резком противоречии с основным временны́м отношением. Оно как бы выполняет различные и не всегда вполне совпадающие друг с другом функции. Одна из них заключается в том, чтобы обозначать нечто среднее между объективизированным прошедшим и объективизированным будущим в повествовании, аргументации, обсуждении, логике и философии. Вторая его функция состоит в обозначении чувственного восприятия: I see him «я вижу его». Третья включает в себя констатацию общеизвестных истин: we see with our eyes «мы видим глазами». Эти различные случаи употребления вносят некоторую путаницу в наше мышление, чего мы в большинстве случаев не осознаем.

В языке хопи, как и можно было предполагать, это происходит иначе. Глаголы здесь не имеют времен, подобных нашим: вместо них употребляются формы утверждения (assertions), видовые формы и формы, связывающие предложения (наклонения), — все это придает речи гораздо большую точность. Формы утверждения обозначают, что говорящий (не субъект) сообщает о событии (это соответствует нашему настоящему и прошедшему), или что он

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

предполагает, что событие произойдет (это соответствует нашему будущему)[7], или что он утверждает объективную истину (что соответствует нашему «объективному» настоящему). Виды определяют различную степень длительности и различные направления «в течение длительности». До сих пор мы не сталкивались с указаниями на последовательность двух событий, о которых говорится. Необходимость такого указания возникает, правда, только тогда, когда у нас есть два глагола, т. е. два предложения. В этом случае наклонения определяют отношения между предложениями, включая предшествование, последовательность и одновременность. Кроме того, существует много отдельных слов, которые выражают подобные же отношения, дополняя отклонения и виды: функции нашей системы грамматических времен с ее линейным, трехчленным объективизированным временем распределены среди других глагольных форм, коренным образом отличающихся от наших грамматических времен; таким образом, в глаголах языка хопи нет (так же, как и в других категориях) основы для объективизации понятия времени; но это ни в коей мере не значит, что глагольные формы и другие категории не могут выражать реальное отношение совершающихся событий.

Длительность, интенсивность и направленность в SAE и хопи

Для описания всего многообразия действительности любой язык нуждается в выражении длительности, интенсивности и направленности. Для SAE и для многих других языковых систем характерно описание этих понятий метафорически. Метафоры, применяемые при этом, — это метафоры пространственной протяженности, т. е. размера, числа (множественность), положения, формы и движения. Мы выражаем длительность словами: long «длинный»,

[7] «Предполагающие» и «утверждающие» суждения сопоставляются друг с другом согласно «основному временному отношению». «Предполагающие» выражают ожидание, существующее раньше, чем произошло само событие, и совпадают с этим событием позже, чем об этом заявляет говорящий, положение которого во времени включает в себя весь итог прошедшего, выраженного в данном сообщении. Наше понятие «будущее», оказывается, выражает одновременно то, что было раньше, и то, что будет позже, как видно из сравнения с языком хопи. Из этого порядка видно, насколько трудна для понимания тайна реального времени и каким искусственным является ее изображение в виде линейного отношения: прошедшее — настоящее — будущее.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

short «короткий», great «большой», much «многое», quick «быстрый», slow «медленный» и т. д.; интенсивность — словами: large «большой», much «много», heavy «тяжело», light «легко», high «высоко», low «низко», sharp «острый», faint «слабый» и т. д.; направленность — словами: more «более», increase «увеличиваться», grow «расти», turn «превращаться», get «становиться», approach «приближаться», go «идти», come «приходить», rise «подниматься», fall «падать», stop «останавливаться», smooth «гладкий», even «ровный», rapid «быстрый», slow «медленный» и т. д. Можно составить почти бесконечный список метафор, которые мы едва ли осознаем как таковые, так как они практически являются единственно доступными лингвистическими средствами. Неметафорические средства выражения данных понятий, так же как early «рано», late «поздно», soon «скоро», lasting «длительный», intense «напряженный», very «очень», настолько малочисленны, что ни в коей мере не могут быть достаточными.

Ясно, каким образом создавалось такое положение. Оно является частью всей нашей системы — **объективизации** — мысленного представления качеств и потенций как пространственных, хотя они не являются на самом деле пространственными (насколько это ощущается нашими чувствами). Значение существительных (в SAE), отталкиваясь от названий физических тел, ведет к обозначениям совершенно иного характера. А поскольку физические тела и их форма в **видимом пространстве** обозначаются терминами, относящимися к форме и размеру, и исчисляются разного рода числительными, то такие способы обозначения и исчисления переходят в символы, лишенные пространственного значения и предполагающие воображаемое **пространство.** Физические явления: move «двигаться», stop «останавливаться», rise «подниматься», sink «опускаться», approach «приближаться» и т. д. — в видимом пространстве вполне соответствуют, по нашему мнению, их обозначениям в мыслимом пространстве. Это зашло так далеко, что мы постоянно обращаемся к метафорам, даже когда говорим о простейших непространственных ситуациях. Я «схватываю» «нить» рассуждений моего собеседника, но если их «уровень» слишком «высок», мое внимание может «рассеяться» и «потерять связь» с их «течением», так что, когда он «подходит» к конечному «пункту», мы расходимся уже «широко» и наши «взгляды» так «отстоят» друг от друга, что «вещи», о которых он говорит, «представляются» «очень» условными или даже «нагромождением» чепухи.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Поражает полное отсутствие такого рода метафор в хопи. Употребление слов, выражающих пространственные отношения, когда таких отношений на самом деле нет, просто невозможно в хопи, на них в этом случае как бы наложен абсолютный запрет. Это становится понятным, если принять во внимание, что в языке хопи существуют многочисленные грамматические и лексические средства для описания длительности, интенсивности и направления как таковых, а грамматические законы в нем не приспособлены для проведения аналогий с мыслимым пространством. Многочисленные виды глаголов выражают длительность и направленность тех или иных действий, в то время как некоторые формы залогов выражают интенсивность, направленность и длительность причин и факторов, вызывающих эти действия. Далее, особая часть речи — интенсификатор (the tensors) — многочисленнейший класс слов — выражает только интенсивность, направленность, длительность и последовательность. Основная функция этой части речи — выражать степень интенсивности, «силу», а также и то, в каком состоянии они находятся и как видоизменяются; таким образом, общее понятие интенсивности, рассматриваемое с точки зрения постоянного изменения, с одной стороны, и непрерывности — с другой, включает в себя также и понятия направленности и длительности. Эти особые временны́е формы — интенсификаторы — указывают на различия в степени, скорости, непрерывности, повторяемости, увеличении и уменьшении интенсивности, прямой последовательности, последовательности, прерванной некоторым интервалом времени, и т. д., а также на качества напряженности, что мы выразили бы метафорически посредством таких слов, как smooth «гладкий», even «ровный», hard «твердый», rough «грубый». Поражает полное отсутствие в этих формах сходства со словами, выражающими реальные отношения пространства и движения, которые для нас значат одно и то же. В них почти нет следов непосредственной деривации от пространственных терминов[8].

[8] Вот пример одного из таких следов: tensor, обозначающий long in duration «длинный по протяженности», хотя и не имеет общего корня с пространственным прилагательным long «длинный», зато имеет общий корень с пространственным прилагательным large «широкий». Другим примером может служить то, что somewhere «где-то» в пространстве, употребленное с этой особой частью речи (т. е. с tensor), может означать at some indefinite time «в какое-то неопределенное время». Возможно, правда, что только присутствие tensor придает данному случаю значение времени, так что somewhere «где-то» относится к пространству; при данных условиях неопределенное пространство означает

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Таким образом, хотя хопи при рассмотрении форм его существительных кажется предельно конкретным языком, в формах интенсификаторов он достигает такой абстрактности, что она почти превышает наше понимание.

Нормы мышления в SAE и хопи

Сравнение, проводимое между нормами мышления людей, говорящих на языках SAE, и нормами мышления людей, говорящих на языке холи, не может быть, конечно, исчерпывающим. Оно может лишь коснуться некоторых отчетливо появляющихся особенностей, которые, по-видимому, возникают в результате языковых различий, уже отмечавшихся выше. Под нормами мышления, или «мыслительным миром», разумеются более широкие понятия, чем просто язык или лингвистические категории. Сюда включаются и все связанные с этими категориями аналогии, все, что они с собой вносят (например, наше «мыслимое пространство» или то, что под этим может подразумеваться), взаимодействие между языком и культурой в целом, в результате которого многие факторы, хотя они и не относятся к языку, указывают на его формирующее влияние. Иначе говоря, «мыслительный мир» является тем микрокосмом, который каждый человек несет в себе и с помощью которого он пытается измерить и понять макрокосм.

Микрокосм SAE, анализируя действительность, использует главным образом слова, обозначающие предметы (тела и им подобные) и те виды протяженного, но бесформенного существования, которые называются «субстанцией», или «материей». Он воспринимает бытие посредством двучленной формулы, которая выражает все сущее как пространственную форму плюс бесформенная пространственная непрерывность, соотносящаяся с формой, так же как содержимое соотносится с формой содержащего. Явления, не обладающие пространственными признаками, мыслятся как пространственные, несущие в себе те же понятия форм и непрерывностей.

Микрокосм хопи, анализируя действительность, использует

просто общую отнесенность, независимо от времени и пространства. Следующим примером может служить временная форма наречия afternoon; здесь элемент, означающий after «после», происходит от глагола to separate «разделять». Есть и другие примеры этой деривации, но они очень малочисленны и являются исключениями, очень мало похожими на нашу пространственную объективность.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

главным образом слова, обозначающие явления (events, или точнее eventing), которые рассматриваются двумя способами: объективно и субъективно. Объективно — и это только в отношении к непосредственному физическому восприятию — явления рассматриваются главным образом с точки зрения формы, цвета, движения и других непосредственно воспринимаемых признаков. Субъективно как физические, так и нефизические явления рассматриваются как выражение невидимых факторов силы, от которой зависит их незыблемость и постоянство или их непрочность и изменчивость. Это значит, что не все явления действительности одинаково становятся «все более и более поздними». Одни развиваются, вырастая как растения, вторые рассеиваются и исчезают, третьи подвергаются процессу превращения, четвертые сохраняют ту же форму, пока на них не воздействуют мощные силы. В природе каждого явления, способного выступать как единое целое, заключена сила присущего ему способа существования: его рост, упадок, стабильность, повторяемость или продуктивность. Таким образом, все уже подготовлено ранними стадиями к тому, как явление проявится в данный момент, а чем оно станет позже — частично уже подготовлено, а частично еще находится в процессе «подготовки». В этом взгляде на мир как на нечто, находящееся в процессе какой-то подготовки, заключается для хопи особый смысл и значение, соответствующее, возможно, тому «свойству действительности», которое «материя», или «вещество», имеет для нас.

Нормы поведения в культуре хопи

Поведение людей, говорящих на SAE, как и поведение людей, говорящих на хопи, очевидно, многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом. Как можно было наблюдать при регистрации случаев пожара, в той или иной ситуации люди ведут себя соответственно тому, как они об этом говорят. Для поведения хопи характерно то, что они придают особое значение подготовке. О событиях объявляется и к нему начинается подготовка задолго до того, как оно должно произойти; разрабатываются соответствующие меры предосторожности, обеспечивающие желаемые условия, и особое значение придается доброй воле как силе, способной подготовить нужные результаты. Возьмем способы исчисления времени. Время исчисляется главным образом «днями» (talk, -tala) или «ночами» (tok), причем эти слова являются

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

не существительными, а особой частью речи (tensors); первое слово образовано от корня со значением «свет», «день», второе — от корня со значением «спать». Счет ведется посредством **порядковых числительных**. Этот способ счета не может применяться к группе различных людей или предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо даже и в таком случае они **могут** объединяться в группу. Однако он применяется по отношению к последовательному появлению **одного и того же** человека или предмета, не способных объединиться в группу. «Несколько дней» воспринимается не так, как «несколько людей», к чему как раз склонны наши языки, а как последовательное появление **одного и того же человека**. Мы не можем изменить сразу несколько человек, воздействуя на одного, но мы можем подготовить и таким образом изменить последующие появления **одного и того же человека**, воздействуя на его появление в данный момент. Так хопи рассматривают будущее: они действуют в данной ситуации так или иначе, полагая, что это окажет влияние как очевидное, так и скрытое на предстоящее событие, которое их интересует. Можно было бы сказать, что хопи понимают такую нашу пословицу, как: «Well begun is half done» «Хорошее начало — это уже половина дела», но не понимают другой нашей пословицы: «Tomorrow is another day» «Завтра — это уже новый день». Это объясняет многое в характере хопи.

Что-то, подготавливающее поведение хопи, всегда можно грубо разделить на объяснение, внешнюю подготовку, внутреннюю подготовку, скрытое участие и настойчивое проведение в жизнь. Объявление или предварительное обнародование является важной обязанностью особого официального лица — Главного Глашатая. Внешняя подготовка охватывает широкую, открытую для всех деятельность, в которой не все, с нашей точки зрения, является непосредственно полезным. Сюда входят обычная деятельность, репетиция, подготовка, предварительные формальности, приготовление особой пищи и т. п. (все это делается с такой тщательностью, которая может показаться чрезмерной), интенсивно поддерживаемая физическая деятельность, например бег, состязания, танцы, которые якобы способствуют интенсивности развития событий (скажем, росту посевов), мимикрическая и прочая магия, действия, основанные на таинствах с применением особых атрибутов (например, священных палочек, перьев, пищи), и, наконец, танцы и церемонии, якобы подготовляющие дождь и урожай. От одного из глаголов, означающих «подготовить», образовано существительное «жатва»

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

или «урожай»: na 'twani «то, что подготовлено», или, «то, что подготавливается»[9].

Внутренней подготовкой являются молитва и размышление и в меньшей степени — добрая воля и пожелания хороших результатов. Хопи придают особое значение силе желания и силе мысли. Это вполне естественно для их микрокосма. Желание и мысль являются самой первой и потому важнейшей, решающей стадией подготовки. Более того, с точки зрения хопи, наши желания и мысли влияют не только на наши поступки, но и на всю природу. Это также понятно. Мы сами осознаем, ощущаем усилие и энергию, которые вкладываются в желание и мысль. Опыт более широкий, чем опыт языка, говорит о том, что, если расходуется энергия, достигаются результаты. Мы склонны думать, что в состоянии остановить действие этой энергии, помешать ей воздействовать на окружающее, пока мы не приступили к физическим действиям. Но мы думаем так только потому, что у нас есть лингвистическое основание для теории, согласно которой элементы окружающего мира, лишенные формы, как, например, «материя», являются вещами в себе, воспринимаемыми только посредством подобных же элементов и благодаря этому отделимыми от жизненных и духовных сил. Считать, что мысль связывает все, охватывает всю вселенную, не менее естественно, чем думать, как все мы это делаем, так о свете, зажженном на улице. И естественно предположить, что мысль, как и всякая другая сила, всегда оставляет следы своего воздействия. Так, например, когда мы думаем о каком-то кусте роз, мы не предполагаем, что наша мысль направляется к этому кусту и освещает его, подобно направленному на него прожектору. С чем же тогда имеет дело наше сознание, когда мы думаем о кусте роз? Может быть, мы полагаем, что оно имеет дело с «мысленным представлением», которое является не кустом роз, а лишь его мысленным заменителем? Но почему представляется естественным думать, что наша мысль имеет дело с суррогатом, а не с подлинным розовым кустом? Возможно, потому, что в нашем сознании всегда присутствует некое воображаемое пространство, наполненное мысленными суррогатами. Мысленные суррогаты — знакомое нам средство. Данный, реально существующий розовый куст мы воспринимаем как воображаемый наряду с образами мыслимого пространства, возможно, именно потому, что

[9]Глаголы хопи, означающие «подготовить», не соответствуют точно нашему «подготовить»; таким образом, na twani может быть передано как «то, ради чего старались» или что-либо подобное.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

для него у нас есть удобное «место». «Мыслительный мир» хопи не знает воображаемого пространства. Отсюда следует, что они не могут связать мысль о реальном пространстве с чем-либо иным, кроме реального пространства, или отделить реальное пространство от воздействия мысли. Человек, говорящий на языке хопи, стал бы, естественно, предполагать, что его мысль (или он сам) путешествует вместе с розовым кустом или скорее с ростком маиса, о котором он думает. Мысль эта в таком случае должна оставить какой-то след и на растении в поле. Если это хорошая мысль, мысль о здоровье или росте, — это хорошо для растения, если плохая — плохо.

Хопи подчеркивает интенсифицирующее значение мысли. Для того чтобы мысль была наиболее действенной, она должна быть живой в сознании, определенной, постоянной, доказанной, полной ясно ощущаемых добрых намерений. По-английски это может быть выражено как concentrating, holding it in your heart, putting your mind on it, earnestly hoping «сосредоточиваться, сохранять в своем сердце, направлять свой разум, горячо надеяться». Сила мысли — это та сила, которая стоит за церемониями со священными палочками, обрядовыми курениями и т. п. Священная трубка рассматривается как средство, помогающее «сосредоточиться» (так сообщил мне информант). Ее название na 'twanpi означает «средство подготовки».

Скрытое участие у хопи есть мысленное соучастие людей, которые фактически не действуют в данной операции, в чем бы она ни заключалась: в работе, охоте, состязании или церемонии; эти люди направляют свою мысль и добрую волю к достижению успеха предпринятого. Объявление часто дается для того, чтобы обеспечить поддержку подобных мысленных помощников, так же как и действительных участников; объявление призывает людей помочь своей доброй волей[10]. Это напоминает сочувствующую аудиторию или подбадривающих болельщиков на футбольном матче; причем здесь нет противоречия, так как от скрытых соучастников ожидает-

[10] См. пример, приведенный у *Ernest Beaglehole* (Notes on Hopi economic life // Anthropology. 1937. № 15), особенно ссылку на объявление о заячьей охоте и на с. 30 описание деятельности в связи с ощущением Источника Торева: выпуск объявления, организацию различных подготовительных мероприятий и, наконец, описание мер, предпринятых для обеспечения того, чтобы достигнутые положительные результаты сохранились и чтобы источник продолжал действовать.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ся прежде всего сила направленной мысли, а не просто сочувствие или поддержка. В самом деле, ведь основная работа скрытых соучастников начинается до игры, а не во время игры. Отсюда и сила злого умысла, т. е. мысли, несущей зло; отсюда одна из целей скрытого соучастия — добиться массовых усилий многих доброжелателей, чтобы противостоять губительной мысли недоброжелателей. Подобные действия способствуют развитию чувства сотрудничества и солидарности. Это не значит, что в обществе хопи нет соперничества или столкновения интересов. Противодействие тенденции к общественной разобщенности в такой небольшой изолированной группе, как хопи, оказывает теория «подготовки» силой мысли, логически ведущая к усилению объединенной, интенсивированной и организованной мысли всего общества. Эта теория должна действовать в значительной степени как сила сплачивающая, несмотря на частные столкновения, которые наблюдаются в селениях хопи во всех основных областях их культурной деятельности.

«Подготавливающая» деятельность хопи еще раз иллюстрирует действие лингвистической мыслительной среды, где особенно проявляется роль упорства и постоянного неустанного повторения. Ощущение силы всей совокупности бесчисленных единичных энергий притупляется нашим объективизированным пространственным восприятием времени, которое усиливается мышлением, близким к субъективному восприятию времени как непрестанному потоку событий, расположенных на «временно́й линии». Нам, для которых время есть движение в пространстве, кажется, что неизменное повторение теряет свою силу на отдельных отрезках этого пространства. С точки зрения хопи, для которых время есть не движение, а «становление более поздним» всего, что когда-либо было сделано, неизменное повторение не растрачивает свою силу, а накапливает ее. В этом процессе нарастает невидимое изменение, которое передается более поздним событиям[11]. Например, возвращение дня вос-

[11] Это представление о нарастающей силе, которая вытекает из поведения хопи, имеет свою аналогию в физике: ускорение. Можно сказать, что лингвистические основы мышления хопи дают возможность признать, что сила проявляется не как движение или быстрота, а как накопление или ускорение. Лингвистические основы нашего мышления мешают подобному истолкованию, ибо, признав силу как нечто вызывающее изменение, мы воспринимаем это изменение посредством нашей языковой метафорической аналогии — движения, — вместо того, чтобы воспринимать его как нечто абсолютно неподвижное и неизменное, т. е. накопление и ускорение. Поэтому мы бываем так наивно поражены, когда узнаем из физических опытов, что невозможно определить силу движе-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

принимается здесь так же, как возвращение какого-то лица, ставшего немного старше, но несущего все признаки прошедшего дня. Мы воспринимаем это лицо не как «другой день», т. е. не как совсем другое «лицо». Этот принцип, соединенный с принципом силы мысли и общим характером культуры пуэбло, выражен как в передаче смысла церемониального танца хопи, призванного вызывать дождь и урожай, так и в его коротком дробном ритме, повторяемом тысячи раз в течение нескольких часов.

Некоторые следы влияния языковых норм в западной цивилизации

Обрисовать в нескольких словах лингвистическую обусловленность некоторых черт нашей собственной культуры труднее, чем культуры хопи, поскольку трудно быть объективным, когда анализируются знакомые, глубоко укоренившиеся в сознании явления. Я бы хотел только дать приблизительный набросок того, что свойственно нашей лингвистической двучленной формуле форма + лишенное формы вещество или «субстанция», нашей метафоричности, нашему мыслительному пространству и нашему объективизированному времени. Все это, как мы уже видели, имеет отношение к языку.

Философские взгляды, наиболее традиционные и характерные для «западного мира», во многом основываются на двучленной формуле — форма + содержание. Сюда относятся материализм, психофизический параллелизм, физика, по крайней мере в ее традиционной — ньютоновской — форме, и дуалистические взгляды на вселенную в целом. По существу, сюда относится почти все, что можно назвать «твердым, практическим здравым смыслом». Монизм, холизм и релятивизм во взглядах на действительность близки философам и некоторым ученым, но они с трудом укладываются в рамки «здравого смысла» среднего западного человека не потому, что их опровергает сама природа (если бы это было так, философы бы открыли это), а потому, что для того, чтобы о них говорить, требуется какой-то новый язык. «Здравый смысл» (как показывает само название) и «практичность» (это название ни о чем не говорит) составляет содержание такой речи, в которой все легко понимается. Иногда утверждают, что ньютоновские пространства,

ния, что движение и скорость, так же как и состояние покоя, — понятия относительные и что сила может измеряться только ускорением.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

время и материя ощущаются всеми интуитивно, тогда как относительность проводится для доказательства того, что математический анализ опровергает интуицию. Данное суждение, не говоря уже о его несправедливом отношении к интуиции, является непродуманным ответом на первый вопрос, который был поставлен в начале этой работы и ради которого было предпринято настоящее исследование. Изложение соображений и наблюдений почти исчерпано, и ответ, я думаю, ясен. Импровизированный же ответ, возлагающий всю вину за нашу медлительность в постижении таких тайн космоса, как, например, относительность, на интуицию, является ошибочным. Правильно ответить на этот вопрос следует так: ньютоновские понятия пространства, времени и материи не есть данные интуиции. Они даны культурой и языком. Именно из этих источников и взял их Ньютон.

Наше объективизированное представление о времени соответствует историчности и всему, что связано с регистрацией фактов, тогда как представление хопи о времени противоречит этому. Представление хопи о времени слишком тонко, сложно и постоянно развивается, оно не дает готового ответа на вопрос о том, когда «одно» событие кончается, а «другое» начинается. Если считать, что все, что когда-либо произошло, продолжается и теперь, но обязательно в форме, отличной от той, которую дает память или запись, то станет ослабевать стремление к изучению прошлого. Настоящее же не записывается, а рассматривается как «подготовка». Наше же объективизированное время вызывает в представлении что-то вроде ленты или свитка, разделенного на равные отрезки, которые должны быть заполнены записями. Письменность, несомненно, способствовала нашей языковой трактовке времени, даже если эта языковая трактовка направляла использование письменности. Благодаря взаимообмену между языком и всей культурой мы получаем, например:

1) запись, дневники, бухгалтерию, счетоводство, математику, стимулированную счетом;

2) интерес к точной последовательности — датировку, календари, хронологию, часы, исчисление зарплаты по затраченному времени, измерение самого времени, время, как оно применяется в физике;

3) летописи, хроники — историчность, интерес к прошлому, археологию, проникновение в прошлые эпохи, выраженные классицизмом и романтизмом.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Подобно тому как мы представляем себе наше объективизированное время простирающимся в будущем так же, как оно простирается в прошлом, подобно этому и наше представление о будущем складывается на основании свидетельств прошлого и по этому образцу мы вырабатываем программы, расписания, бюджеты. Формальное равенство якобы пространственных единиц, с помощью которых мы измеряем и воспринимаем время, ведет к тому, что мы рассматриваем «бесформенное явление» или «субстанцию» времени как нечто однородное и пропорциональное по отношению к какому-то числу единиц. Так, стоимость мы исчисляем пропорционально затраченному времени, что приводит к сознанию целой экономической системы, основанной на стоимости, соотнесенной со временем: заработная плата (количество затраченного времени постоянно вытесняет количество вложенного труда), квартирная плата, кредит, проценты, издержки по амортизации и страховые премии. Конечно, эта некогда созданная обширная система могла бы существовать при любом лингвистическом понимании времени, но сам факт ее создания, многообразие и особая форма, присущая ей в западном мире, находятся в полном соответствии с категориями европейских языков. Трудно сказать, возможна была бы или нет цивилизация, подобная нашей, с иным лингвистическим понятием времени; во всяком случае, нашей цивилизации присущи определенные лингвистические категории и нормы поведения, складывающиеся на основании данного понимания времени, и они полностью соответствуют друг другу. Конечно, мы употребляем календари и различные часовые механизмы, мы пытаемся все более и более точно измерять время, — это помогает науке, а наука в свою очередь, следуя этим хорошо разработанным путям, возвращает культуре непрерывно растущий арсенал приспособлений, навыков и ценностей, с помощью которых культура снова направляет науку. Но что находится за пределами такой спирали? Наука начинает находить во вселенной нечто не соответствующее представлениям, которые мы выработали в пределах данной спирали. Она пытается создать **новый язык**, чтобы с его помощью установить связь с расширившимся миром.

Ясно, что особое значение, которое придается «экономии времени», вполне понятное на основании всего сказанного и представляющее очевидное выражение объективизации времени, приводит к тому, что «скорость» приобретает высокую ценность, и это отчетливо проявляется в нашем поведении.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Влияние такого понимания времени на наше поведение проявляется еще и в том, что однообразие и регулярность, присущие нашему представлению о времени (как о ровно вымеренной безграничной ленте), заставляют нас вести себя так, как будто это однообразие присуще и событиям. Это еще более усиливает нашу косность. Мы склонны отбирать и предпочитать все то, что соответствует данному взгляду, мы как будто приспосабливаемся к этой установившейся точке зрения на существующий мир. Это проявляется, например, в том, что в своем поведении мы исходим из ложного чувства уверенности, верим, например, в то, что все должно идти гладко, и не способны предвидеть опасности и предотвращать их. Наше стремление подчинить себе энергию вполне соответствует этому установившемуся взгляду, и, развивая технику, мы идем все теми же привычными путями. Так, например, мы как будто совсем не заинтересованы в том, чтобы помешать действию энергии, которая вызывает несчастные случаи, пожары и взрывы, происходящие постоянно и в широких масштабах. Такое равнодушие к непредвиденному было бы катастрофическим в обществе, столь малочисленном, изолированном и постоянно подвергающемся опасностям, каким является, или вернее являлось, общество хопи.

Таким образом, наш лингвистический детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но вовлекает даже наши собственно подсознательные действия в сферу своего влияния и придает им некоторые типические черты. Это проявляется, как мы видели, в небрежности, с какой мы, например, обычно водим машины, или в том, что мы бросаем окурки в корзину для бумаги. Типичным проявлением этого влияния, но уже в несколько ином плане, является наша жестикуляция во время речи. Очень многие жесты, характерные по крайней мере для людей, говорящих по-английски, а возможно, и для всей группы SAE, служат для иллюстрации движения в пространстве, но, по существу, не пространственных понятий, а каких-то внепространственных представлений, которые наш язык трактует с помощью метафор мыслимого пространства: мы скорее склонны сделать жест, передающий понятие «схватить», когда мы говорим о желании поймать ускользающую мысль, чем когда говорим о том, чтобы взять за дверную ручку. Жест стремится передать метафору, сделать более ясным туманное высказывание. Но если язык, имея дело с непространственными понятиями, обходится без пространственной аналогии, жест не сделает непространствен-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ное понятие более ясным. Хопи очень мало жестикулируют, а в том смысле, как понимаем жест мы, они не жестикулируют совсем.

Казалось бы, кинестезия, или ощущение физического движения тела, хотя она и возникла до языка, должна сделаться значительно более осознанной через лингвистическое употребление воображаемого пространства и метафорическое изображение движения. Кинестезия характеризует две области европейской культуры — искусство и спорт. Скульптура, в которой Европа достигла такого мастерства (так же как и живопись), является видом искусства в высшей степени кинестетическим, четко передающим ощущение движения тела. Танец в нашей культуре выражает скорее наслаждение движением, чем символику или церемонию, а наша музыка находится под сильным влиянием формы танца. Этот элемент «поэзии движения» в большой степени проникает и в наш спорт. В состязаниях и спортивных играх хопи на первый план ставятся, пожалуй, выносливость и сила выдержки. Танцы хопи в высшей степени символичны и исполняются с большой напряженностью и серьезностью, но в них мало движения и ритма.

Синестезия, или возможность восприятия с помощью органов какого-то одного чувства явлений, относящихся к области другого чувства, например восприятие цвета или света через звуки, и наоборот, должна была бы сделаться более осознанной благодаря лингвистической метафорической системе, которая передает непространственное представление с помощью пространственных терминов, хотя, вне всяких сомнений, она возникает из более глубокого источника. Возможно, первоначально метафора возникает из синестезии, а не наоборот, но, как показывает язык хопи, метафора не обязательно должна быть тесно связана с лингвистическими категориями. Непространственному восприятию присуще одно хорошо организованное чувство — слух, обоняние же и вкус менее организованны. Непространственное восприятие — это главным образом сфера мысли, чувства и звука. Пространственное восприятие — это сфера света, цвета, зрения и осязания; оно дает нам формы и измерения. Наша метафорическая система, называя непространственные восприятия по образу пространственных, приписывает звукам, запахам и звуковым ощущениям, чувствам и мыслям такие качества, как цвет, свет, форма, контуры, структура и движение, свойственные пространственному восприятию. Этот процесс в какой-то степени обратим, ибо, если мы говорим: высокий, низкий, резкий, глухой, тяжелый, чистый, медленный звук — нам уже нетруд-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

но представлять пространственные явления как явления звуковые. Так, мы говорим о «тонах» цвета, об «однотонном» сером цвете, о «кричащем» галстуке, о «вкусе» в одежде — все это составляет обратную сторону пространственных метафор. Для европейского искусства характерно нарочитое обыгрывание синестезии. Музыка пытается вызвать в воображении целые сцены, цвета, движения, геометрические узоры; живопись и скульптура часто сознательно руководствуются музыкально-ритмическими аналогиями; цвета ассоциируются по аналогии с ощущениями созвучия и диссонанса. Европейский театр и опера стремятся к синтезу многих видов искусства. Возможно, именно таким способом наш метафорический язык, который неизбежно несколько искажает мысль, достигает с помощью искусства важного результата — создания более глубокого эстетического чувства, ведущего к более непространственному восприятию единства, лежащего в основе явлений, которые в разнообразных и разрозненных формах даются нам через наши органы чувств.

Исторические связи

Как исторически создается такое сплетение между языком, культурой и нормами поведения? Что было первичным — норма языка или норма культуры?

В основном они развивались вместе, постоянно влияя друг на друга. Но в этом содружестве природа языка является тем фактором, который ограничивает его свободу и гибкость и направляет его развитие по строго определенному пути. Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения это происходит моментально.

Возникновение комплекса язык — культура SAE относится к древним временам. Многое из его метафорической трактовки непространственного посредством пространственного утвердилось в древних языках, в частности, в латыни. Эту черту можно даже назвать отличительной особенностью латинского языка. Сравнивая латынь, скажем, с древнееврейским языком, мы обнаруживаем,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

что если для древнееврейского языка характерна лишь некоторая трактовка непространственного через посредство пространственного, то для латыни это характерно в большей степени. Латинские термины для непространственных понятий, например educo, religio, principia, comprehendo, — это обычно метафоризованные физические понятия: вывести, связывать и т. д. Сказанное относится не ко всем языкам, этого совсем не наблюдается в хопи. Тот факт, что в латыни направление развития шло от пространственного к непространственному (отчасти вследствие столкновения интеллектуально неразвитых римлян с греческой культурой, давшего новый стимул к абстрактному мышлению) и что более поздние языки стремились подражать латинскому, явилось, вероятно, причиной для того убеждения, что это — естественное направление семантического изменения во всех языках (этого убеждения придерживаются некоторые лингвисты еще и теперь) и что объективные восприятия первичны по отношению к субъективным (такого мнения твердо придерживаются в западных научных кругах, но оно не разделяется учеными Востока). Некоторые философские доктрины представляют убедительные доказательства в пользу противоположного взгляда, и, конечно, иногда процесс идет в обратном направлении. Так, можно, например, доказать, что в хопи слово, обозначающее «сердце», является поздним образованием, созданным от корня, означающего «думать» или «помнить». То же происходит со словом radio «радио», если мы сравним значение слова radio «радио» в предложении he bought a new radio «он купил новое радио» с его первичным значением science of wireless telephony «наука о беспроволочной телефонии».

В средние века языковые модели, уже выработанные в латыни, стали приспосабливаться ко все увеличивающимся изобретениям в механике, промышленности, торговле, к схоластической и научной мысли. Потребность в измерениях в промышленности и торговле, склады и грузы материалов в различных контейнерах, помещения для разных товаров, стандартизация единиц измерения, изобретение часового механизма и измерение «времени», введение записей, счетов, составление хроник, летописей, развитие математики и соединение прикладной математики с наукой — все это, вместе взятое, привело наше мышление и язык к их современному состоянию.

В истории хопи, если бы мы могли прочитать ее, мы нашли бы иной тип языка и иной характер взаимовлияния культуры и окружающей среды. Здесь мы встречаем мирное земледельческое обще-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ство, изолированное географически и врагами-кочевниками, общество, обитающее на земле, бедной осадками, возделывающее культуры на сухой почве, способной принести плоды только в результате чрезвычайного упорства (отсюда то значение, которое придается настойчивости и повторению), общество, ощущающее необходимость сотрудничества (отсюда и та роль, которую играют психология коллектива и психологические факторы вообще), принимающее зерно и дождь за исходные критерии ценности, означающее необходимость усиленной подготовки и мер предосторожности для обеспечения урожая на скудной почве при неустойчивом климате, сознающее зависимость от угодной природе молитвы и проявляющее религиозное отношение к силам природы через молитву и религию, направленным к вечно необходимому благу – дождю. Все эти условия, присущие данному обществу, взаимодействуя с языковыми нормами хопи, формируют их характер и мало-помалу создают определенное мировоззрение.

Чтобы подвести итог всему вышесказанному и ответить на первый вопрос, поставленный вначале, можно сказать так: понятие «времени» и «материи» не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развивались. Они зависят не столько от какой-либо одной системы (как-то: категории времени или существительного) в пределах грамматической структуры языка, сколько от способов анализа и обозначения восприятия, которые закрепляются в языке как отдельные «манеры речи» и накладываются на типические грамматические категории так, что подобная «манера» может включать в себя лексические, морфологические, синтаксические и тому подобные, в других случаях совершенно несовместимые средства языка, соотносящиеся друг с другом в определенной последовательности.

Наше собственное «время» существенно отличается от «длительности» у хопи. Оно воспринимается нами как строго ограниченное пространство или иногда — как движение в таком пространстве и соответственно используется как категория мышления. «Длительность» у хопи не может быть выражена терминами пространства и движения, ибо именно в этом понятии заключается отличие формы от содержания и сознания в целом от отдельных пространственных элементов сознания. Некоторые понятия, явившиеся результатом нашего восприятия времени, как, например, понятие абсолютной одновременности, было бы или очень трудно, или невозможно вы-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

разить в языке хопи или они были бы бессмысленны в их восприятии и заменены какими-то иными, более приемлемыми для них понятиями. Наше понятие «материи» является физическим подтипом «субстанции», или «вещества», которое мыслится как что-то бесформенное и протяженное, что должно принять какую-то определенную форму, прежде чем стать формой действительного существования. В хопи, кажется, нет ничего, что бы соответствовало этому понятию; там нет бесформенных протяженных элементов; существующее может иметь, а может и не иметь формы, но зато ему должны быть свойственны интенсивность и длительность — понятия, не связанные с пространством и в своей основе однородные.

Как же все-таки следует рассматривать наше понятие «пространства», которое также включалось в первый вопрос? В понимании пространства у народов хопи и SAE нет такого отчетливого различия, как в понимании времени, и, возможно, понимание пространства дается в основном в той же форме через опыт, не зависимый от языка. Эксперименты, проведенные структурной психологической школой (Gestaltpsychologie) над зрительными восприятиями, как будто уже установили это, но **понятие пространства** несколько варьируется в языке, ибо, как категория мышления[12], оно очень тесно связано с параллельным использованием других категорий мышления, таких, например, как «время» и «материя», которые обусловлены лингвистически. Наш глаз видит предметы в тех же пространственных формах, как видит их и хопи, но для нашего представления о пространстве характерно еще и то, что оно используется для обозначения таких непространственных отношений, как время, интенсивность, направленность, и для обозначения вакуума, наполняемого воображаемыми бесформенными элементами, один из которых может быть назван «пространство». Пространство в восприятии хопи не связано психологически с подобными обозначениями, оно относительно «чисто», т. е. никак не связано с непространственными понятиями.

Обратимся к нашему второму вопросу. Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия. Хотя было бы невозможно объяснить существование Главного Глашатая отсутствием категории времени в языке хопи, вместе с тем, несомненно, наличествует связь меж-

[12]Сюда относятся «ньютоновское» и «эвклидово» понятия пространства и т. п.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ду языком и остальной частью культуры общества, которое этим языком пользуется. В некоторых случаях «манеры речи» составляют неотъемлемую часть всей культуры, хотя это и нельзя считать общим законом, и существуют связи между применяемыми лингвистическими категориями, их отражением в поведении людей и теми разнообразными формами, которые принимает развитие культуры. Так, например, значение Главного Глашатая, несомненно, связано если не с отсутствием грамматической категории времени, то с той системой мышления, для которой характерны категории, отличающиеся от наших времен. Эти связи обнаруживаются не столько тогда, когда мы концентрируем внимание на чисто лингвистических, этнографических или социолингвистических данных, сколько тогда, когда мы изучаем культуру и язык (при этом только в тех случаях, когда культура и язык сосуществуют исторически в течение значительного времени) как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями, и если эта взаимозависимость действительно существует, она должна быть обнаружена в результате такого изучения.

М. Сводеш

ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПЛЕМЕН ЭСКИМОСОВ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ)*

Предыстория представляет собой длительный период существования человеческого общества на ранних ступенях его развития и продолжается до того времени, когда была изобретена письменность, сделавшая возможной регистрацию происходящих событий. В некоторых странах этот период уступает место современной эпохе зафиксированной истории уже шесть — восемь тысячелетий тому назад, в других — лишь несколько последних столетий. Повсеместно предыстория представляет собой некую огромную, темную без-

* Печатается по кн.: *Новое* в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

См. также: *Swadesh M.* Lexico-statistic dating of prehistoric echnic contacts // Proceedings of the American philosophical society. 1952. Vol. 96. P. 452–463.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

дну, в которую стремится проникнуть наука. Наукой были изысканы действительно эффективные средства для освещения незафиксированного прошлого, куда входят показания археологических находок, а также другие свидетельства о географическом распространении факторов материальной культуры в наиболее ранние из известных периодов.

Очень многое зависит от тщательного анализа и сопоставления научных данных, от правильного истолкования сущности этих данных. В научном исследовании важно сочетать свидетельства лингвистики и этнографии, а также археологии, биологии и геологии. Наравне с этим необходимы поиски новых средств к расширению наших знаний и более точной передаче наших выводов относительно предыстории. В последнее время одной из наиболее замечательных тенденций в области изучения предыстории было развитие объективных методов, при помощи которых измеряется количество истекшего времени. Там, где раньше использовались предположения и субъективные суждения, сегодня мы уже можем относительно точно устанавливать определенные даты в предыстории. Развитие упомянутых методов тем более существенно, что их применение значительно увеличивает возможность сопоставления отдельных реконструируемых форм.

Несомненно, колоссальную ценность имело развитие радиоуглеродного датирования[1]. Этот метод основывается на открытии, сделанном У. Ф. Либби; оно заключается в том, что во всяком животном и растительном организме содержится определенный процент радиоактивного углерода — нестойкого изотопа, который в результате радиоактивного распада превращается в азот. В течение жизни растения или животного радиоуглерод постоянно поступает в организм из воздуха, причем процентное соотношение между радиоактивным и стабильным изотопами углерода сохраняется постоянным. После смерти организма радиоуглерод постепенно распадается с постоянной скоростью. Поскольку скорость распада постоянна, появляется возможность установить путем измерения все еще происходящего процесса распада радиоактивного изотопа углерода, содержащегося в образце органического происхождения, сколько времени прошло после смерти организма. Следовательно, представляется возможным до известной степени точно установить возраст любого участка археологических раскопок, содержащего остатки

[1] См.: *Johnson F.* Radiocarbon dating // Mem. Soc. Amer. Archaeol. 1951. №8.

кости, дерева, травы или любого другого вещества органического происхождения.

Лексикостатистическое датирование в отличие от углеродного использует совершенно иной материал, но его теоретический принцип одинаков. Исследования, проведенные в течение последних нескольких лет автором настоящей статьи и некоторыми другими учеными, показали, что во всех языках та часть лексического запаса, которая обозначает коренные, фундаментальные и вместе с тем обыденные понятия, в противовес специальной, или так называемой «культурной», части словаря изменяется с относительно постоянной скоростью. Благодаря этому на основе процента сохранившихся элементов в соответствующим образом отобранном опытном словаре можно установить количество истекшего времени. Где бы ни происходило разделение языкового единства на две или несколько частей таким образом, что в дальнейшем языковые изменения идут различными путями в каждом из вновь образованных языков, процент одинаковых слов, сохранившихся в обоих языках, показывает то количество времени, которое прошло с момента их разделения. Следовательно, где бы нам ни встретились два языка, которые, как свидетельствует сравнительный лингвистический анализ, являются конечным результатом дробления единого языка в доисторическом прошлом, мы сможем определить, когда произошло их разделение.

Прежде чем продолжить детальное описание данного метода, рассмотрим в качестве иллюстрации один конкретный пример.

Языки эскимосский и алеутский ни в коем случае не представляют собой один и тот же язык. Эскимос не понимает алеута, если он не выучил его язык, как и любой другой иностранный язык, хотя, возможно, некоторые сходства в структуре и случайные словарные совпадения несколько облегчают ему изучение алеутского языка. Приблизительно в том же положении оказывается и англичанин, изучающий гаэльский или литовский язык. Ранее было уже доказано, что эскимосский и алеутский языки являются современными дивергентными формами прежде единого языка[2]. Иными словами, сходство между алеутским и эскимосским языками не является

[2] Два недавно опубликованных независимо друг от друга исследования представляют конкретные доказательства этого родства: *Bergslund K.* Kleinschraidt Centennial. IV: Aleut demonstratives and the Aleut-Eskimo relationship // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1951. №17. P. 167–179; *Marsh G.* and *Swadesh M.* Kleinschmidt Centennial. V: Eskimo-Aleut correspondences // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1951. № 17. P. 209–216.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ни случайным, ни полностью обусловленным диффузным влиянием одного языка на другой. Характер совпадений между этими двумя языками подтверждает вывод о том, что мы имеем ярко выраженные черты ранее единого языка. Для того чтобы определить, в какой момент древности языковое единство распалось, мы применяем лексикостатистическое вычисление. Оно основывается на вычислении процентного отношения сходных элементов в опытных словарях эскимосского и алеутского языков, при этом обнаруживается, что прошло 2900 лет с момента разделения этих в настоящее время различных языков[3]. Подобное же изучение эскимосского языка показывает, что его диалекты, начиная от полуострова Сьюард на Аляске и до самой Гренландии, отпочковались один от другого в течение сравнительно недавнего периода времени. Этот период точно до сих пор не определен, но, очевидно, это произошло на протяжении нескольких последних столетий. Однако разница между данной группой диалектов и диалектами, расположенными вокруг Юкона и около восточного мыса в Сибири, свидетельствует о разных путях развития рассматриваемых языков в течение тысячи лет[4].

Используя эти и некоторые другие даты, которые могут быть определены при сравнении других близкородственных диалектов, можно многое узнать об основных путях миграции и культурных влияний эскалеутов[5] в доисторические времена.

Лексикостатистические данные должны сопоставляться со свидетельствами других наук, включая сюда данные археологии, сравнительной этнологии и лингвистической палеонтологии. Различные отрасли науки уточняют и подтверждают друг друга и помогают вписывать недостающие детали в общую картину истории.

Такого соотносительного изучения истории эскалеутов пока еще не было предпринято, однако данные о возрасте эскалеутов, установленные при помощи лексикостатистического вычисления, были частично соотнесены с данными археологии. Образчики углерода,

[3] *Marsh G., Swadesh M.* Op. cit. Время, которое указывалось в этой статье (4000 лет), было неточно вычислено на основе коэффициента сохраняемости, равного 85 процентам. Исправление, основанное на точном вычислении, при 81 проценте + 2 процента, дает 2900 ± 400 лет. Каким путем была установлена исправленная константа сохраняемости, объясняется ниже в настоящей статье.

[4] Вычислено на основании процента совпадений, который приводится в статье Сводеша: Kleinschmidt Centennial, III: Unaaliq and Proto-Eskimo // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1951. №17. P. 66–70.

[5] «Эскалеуты» — условное название для реконструируемого единства эскимосов и алеутов: еск[имосы] + алеуты. *Прим. ред.*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

добытые для пробы Лафлином и Маршем в древнейших стойбищах алеутов и подвергнутые лабораторному исследованию с точки зрения их радиоактивности, показали, что их возраст равен 3000 лет[6], и практически совпадает с полученными независимо от этого данными лексикостатистики. Данные лексикостатистики показывают, что предки эскимосов и алеутов принадлежали к единому племени вплоть до начала заселения островов.

Сведения о возрасте эскалеутов нужно сопоставить с другими имеющимися сведениями, для того чтобы сформулировать некоторые выводы о возможных путях доисторических миграций эскимосов в Новый свет. Для этого необходимо датирование некоторых лингвистических факторов, относящихся к языкам, носители которых располагались по обеим сторонам Берингова пролива, для этого необходимо и соотнесение лингвистических фактов с фактами географического распространения. Поскольку в данной области сделано пока еще мало, значение получаемых фактов не может быть всесторонне обсуждено.

Мы можем заметить, однако, что племя надин как будто показывает период расхождения более краткий, чем у эскалеутов[7]. Отсюда можно заключить, что эскалеуты вступили на территорию Америки последними. Оба племени сравнительно недавно появились в Новом свете, поэтому логично искать племена, близкородственные им по языку, скорее в Евразии, чем в Америке. Время миграции — всего 3000 лет назад — оставляет надежду обнаружить упомянутые родственные племена. Это подтвердило бы мысль о родстве племен эскалеутов с урало-алтайскими и индоевропейскими племенами, а племени надин — с китайско-тибетскими[8]. Тщательное изучение ве-

[6] *Laughlin W.* and *Marsh G.* A new view of the history of the Aleutians // Arctic. 1951. №4. P. 75–88. Точная углеродная дата — 3.018 + 230 лет.

[7] *Swadesh M.* Diffusionai cumulation and archaic residue as historic explanations // Southwestern Journ. Anthropol. 1951. N 7. P. 1–21. Процент соответствий в языке атабасков и тлингит указывает на 2000 лет после разделения. Общий период для языков надин, очевидно, несколько более продолжителен.

[8] «*Hammerich L. L.* Can Eskimo be related to Indo-European? // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1951. №17. P. 217–223; *Shafer R.* Athapaskan and Sino-Tibetan // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1952. №18. P. 12–19. Обе эти статьи обладают тем недостатком, что в них рассматривается по одной ветви каждого племени, а не все племя в целом. Несмотря на то, что получаемые результаты все же удовлетворительны, было бы лучше рассматривать племя надин в целом, включая тлингит и хейда, так же как и племя атабасков и племя эскалеутов, а не просто эскимосов. В последнем случае есть все основания предполагать, что будут обнаружены даже более тесные связи с урало-алтайскими племенами, как это

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

роятности этих предположений с помощью лексикостатистического метода, а также с учетом данных, полученных другими отраслями науки, в значительной мере разъяснило бы вопрос о доисторическом расселении народов Западного полушария.

Определение константы

Тот факт, что основная часть словаря изменяется с постоянной скоростью, был открыт случайно, причем углеродное датирование было особым стимулом, обусловившим это открытие. Достижения в области радиоуглеродного датирования четыре года назад навели автора на мысль заняться изучением скорости изменения словаря. Начиная свои исследования, автор надеялся определить только приблизительный максимум скорости изменения. На вечерней конференции антропологов фонда Викинга 12 марта 1948 г. автор выступил с докладом на тему «Значение времени в языковом расхождении», доказывая важность приблизительного подсчета языковых изменений. Некоторые пункты тезисов к этому докладу, размноженные на мимеографе фонда Викинга, гласят следующее: «Если компаративисты не занимались систематической разработкой при изучении предыстории, то это объясняется, очевидно, тем, что они в основном удовлетворялись неточными, относительными хронологиями, пригодными лишь для их личных целей и не имеющими отношения к другим аспектам истории культуры. Однако существует базис для абсолютной хронологии, безусловно приблизительной, но очень ценной в совокупности с другими данными».

«Чем больше степень языковых дифференциаций внутри семьи, тем продолжительнее период времени, необходимый для подобной дифференциации» (Сепир. Временна́я перспектива, с. 76). Хотя скорость изменения и не постоянна, но для нее, безусловно, должен существовать определенный максимум. К тому же, очевидно, может быть установлена средняя скорость, которая останется в силе в применении и к продолжительным отрезкам времени. Все эти вопросы могут быть изучены с помощью контрольного материала, имеющегося в таких языковых семьях, как индоевропейская, семитская, китайско-тибетская, которые располагают большим количеством исторических памятников, насчитывающих до 6 тысяч

уже очень давно предполагал Расмус Расл: The Aleut language compared with Greenlandic // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1921– 1923. №2. P. 40–57 (особенно p. 40).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

лет. Таблицы зависимости между мерой и датой расхождения, составленные таким путем, могут применяться во многих случаях, где ощущается недостаток исторического материала, но где, однако, общее происхождение двух или нескольких языков было доказано сравнительным языкознанием.

Индекс, показывающий меру расхождения в лексике двух языков, должен основываться на списках слов (или морфем), которые являются сравнительно нейтральными в смысле их отношения к предметам материальной культуры и могут избегнуть влияния, оказываемого на язык быстрыми культурными сдвигами. Каждый такой индекс обозначает две различные ближайшие временные точки, более отдаленная из них будет более правильной.

Хотя автор предполагал, что «скорость изменения непостоянна», однако он считал, что у нее, бесспорно, существует максимум. Это убеждение базировалось на том хорошо известном факте, что языковые изменения происходят крайне медленно даже тогда, когда мы полагаем, что они произошли сравнительно быстро. С другой стороны, распространенным мнением в лингвистике было то мнение, что некоторые языки изменяются гораздо медленнее, чем другие, якобы остающиеся без изменений в течение тысячелетий. И лишь впоследствии, только после того как были проведены фактические подсчеты скорости изменения в предполагаемых медленно изменяющихся языках, автор обнаружил ошибочность этого представления. Производя свой первый опыт по изучению скорости изменений в основной части словаря, автор рассчитывал найти какую угодно меру изменения, но не представляющую собой константу. При этих условиях первый небольшой эксперимент, доложенный на конференции фонда Викинга, состоял в том, что сравнивался процент совпадения в лексике языков нутка и квакиутль с процентом словарных совпадений в английском и немецком языках. В первой паре, которая представляет собой языки американских индейцев, входящих в племя вакашэн на Северо-Западном побережье, было обнаружено 30 процентов родственных элементов в опытных словарях, тогда как количество общих элементов в английском и немецком языках достигает 59 процентов словаря[9]. Это доказывает, что языки, входившие в группу вакашэн, имели больший период расхождения, чем языки английский и немецкий. Поскольку

[9]В докладе на конференции автор приводил 31 и 65 процентов, так как он базировался на опытных словарях и технике подсчета, несколько отличающихся от теперешних.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

мы знаем, что период расхождения в последних языках равен более чем 1100 г., мы можем получить приблизительное представление о том, чему равен этот период в вакашэн. Полученные таким путем сведения способствуют освещению предыстории.

В течение 1949 г. автор с помощью фонда Филипса американского философского общества, используя превосходную коллекцию рукописей на языке сэлиш из собрания Франца Боаса, предпринял объективную классификацию языков этого разветвленного племени, основанную на лексическом сходстве. Он пользовался опытным списком, составленным из лексических единиц, обозначающих коренные понятия, в основном продолжая уже начатую им работу.

Автор с целью составить таблицу соответствий и расхождений избрал в качестве единицы измерения процент сохранившихся слов в современном английском языке в сравнении с древнеанглийским, который существовал 1000 лет назад. Первоначально этот процент автор считал всего лишь такой конкретной единицей измерения, которая будет просто удобной при статистических вычислениях. Однако по мере того как изучение продвигалось вперед, оказалось, что результаты обнаруживают замечательную внутреннюю связь. Например, бела-кула, один из языков сэлиш, дальше других ушедший в своем развитии от первоначального состояния, показывает очень низкий процент совпадения с двадцатью пятью другими языками этой группы, именно от 11 до 23 процентов. Во всех тех случаях, где был установлен высокий процент лексических соответствий, языки обнаруживали очень большое сходство также и по структуре, а территориально оказывались расположенными таким образом, что можно с вероятностью предположить, что они разошлись сравнительно недавно. Ни в одном из языков этого разветвленного племени не было найдено соответствий, которые подтвердили бы мысль о существовании неизменяющихся или почти неизменяющихся языков. Напротив, все говорит за то, что рассмотренные языки изменили свой словарный запас приблизительно с одинаковой скоростью.

Успех в изучении языков сэлишей подчеркнул необходимость изучения языков, история которых известна. После того как была опубликована работа «Внутренние взаимоотношения сэлишей»[10], автор данной статьи (хотя и не сразу) наряду с некоторыми из его коллег предпринял ряд аналогичных исследований. Постепенно,

[10]Intern. Jurn. of Amer. Ling. 1950. №16. P. 157–167.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

с накоплением материала, выяснилось, что общеупотребительный, повседневный словарный запас (слова того типа, которые включены в опытный список) изменяется с приблизительно постоянной скоростью. Были обнаружены некоторые недостатки этого списка, но самое главное — была подтверждена несомненная истинность константы скорости, которая может быть установлена, несмотря на недостатки списка. Исследователям пришлось столкнуться с некоторыми проблемами методологического порядка, однако из них не осталось ни одной нерешенной. Описанию этих проблем посвящены последующие разделы настоящей статьи.

Чрезвычайно ценной для применения статистического анализа в лексическом датировании является работа, проделанная Робертом Б. Лизом (Чикагский университет)[11]. Его исследования на математической основе подтвердили, что константа скорости реально существует и что для исключения возможности чисто случайных совпадений количества исторически засвидетельствованных примеров вполне достаточно. В настоящее время он работает над проблемами вычисления систематической ошибки данного метода. В то же время были проведены новые исследования по вопросам предыстории, включая упомянутые работы по эскалеутам: Джозефу Х. Гринбергу и автору данной статьи благодаря субсидии от Колумбийского университета удалось применить настоящий метод к изучению различных языковых семей Африки, Австралии и Америки, и они добились блестящих результатов[12]. В ходе этих исследований были установлены новые возможности применения лексикостатистики. Сюда относится способ установления различий между архаичными формами и диффузными накоплениями[13] и метод выявления отдельных генетических связей[14].

---

[11] См.: *Lees Robert R. B.* A method of dating with lexicon statistics. P. 3 (мимеографическое издание доклада, сделанного в Мичиганском институте языкознания, 1951).

[12] Законченная в настоящее время работа Джозефа Х. Гринберга «Генетическая классификация языков Австралии» была зачитана на ежегодном заседании Лингвистического общества Америки. См.: *Greenberg Joseph H.* The genetic classification of Australia languages.

[13] *Swadesh M.* Diffusional cumulation and archaic residue as historical explanations // Southwestern Journ. Anthropol. 1951. №7. P. 1–21.

[14] Доложен в 1951 г. на заседании Лингвистического общества Америки как «эксперимент в ранней компаративистике»; будет опубликован в связи со статьей, посвященной племени Мозан, которая готовится к изданию.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Коэффициент сохраняемости

Из трех основных аспектов языка — звуков, морфологической структуры и словаря — последний более всего отвечает требованиям, которые предъявляет метод статистического датирования. Слова легко заимствуются, однако давно известно, что заимствование имеет место преимущественно в «культурной» части словаря, в то время как «внутренний» словарь оказывает сопротивление факторам, способствующим его изменению. Не представляет трудности составить список, состоящий приблизительно из 200 относительно стабильных лексических элементов, обозначающих части тела, числительные, определенные явления природы, элементарные, свойственные всем людям действия. Можно дать простое, четко очерченное определение того, что представляет собой языковое изменение: оно представляет собой введение всякого нового элемента, взятого из любого источника для того, чтобы этот элемент служил обычным, повседневным выражением данного понятия. Сравнивая два периода развития данного языка или два языка, развивавшихся из одного и того же языка древности, мы могли бы установить их родство, вычислив процент родственных элементов от общего числа сравниваемых лексических единиц. Коэффициент сохраняемости можно вычислять в его отношении к определенному периоду времени, например к тысячелетиям или к столетиям, для того чтобы было легко сравнивать различные случаи друг с другом. Первые два опыта подобного вычисления были проведены автором на материале современного английского языка в сравнении с древнеанглийским и современного испанского в сравнении с латынью. Метод сравнения проиллюстрирован здесь на ряде элементов списка.

Элемент	Древне-англ.	Совр. англ.	Родств. элем.	Латынь	Испанский	Родств. элем.
«все»	call	all	+	omnēs	todos	–
«и»	and	and	+	et (que)	У	+
«животное»	dēor	animal	–	animal	animal	+
«зола»	æsc	ashes	+	cinis	cenizos	+
«в»	æt	at	+	in	a	–
«спина»	bæc	back	+	dorsum	espaldo	–
«плохой»	ful	bad	–	malus	malo	+
«кора»	rind	bark	–	cortex	corteza	+
«живот»	belg	belly	+	venter	vientre	+

Здесь строго соблюдается семантический принцип. Хотя слово deer все еще употребляется в английском языке, оно более не

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

является общим словом, обозначающим «животное», а относится только к определенной категории животных; новое же слово романского происхождения приняло на себя его прежние функции. Точно так же совр. rind уже более не обозначает «кору дерева», а bad скорее, чем foul, является теперь общепринятым выражением, соответствующим древнеанглийскому fill. Следовательно, эти случаи надо отнести к области несоответствий. С другой стороны, естественные фонетические изменения, например belg > belly, и структурные модификации (употребление нового суффикса, как в cenizos) не принимаются в расчет. После того как подобный анализ был применен ко всему опытному списку, обнаружилось, что совпадение между древнеанглийским и новоанглийским составило 85 процентов, а между испанским языком и латынью оно равно 70 процентам. Истекшее время в первом случае составляет 1000 лет, во втором — 2000 лет. Так, если после тысячи лет 85 процентов первоначального словаря все еще функционирует, как и прежде, то в течение второго тысячелетия тот же коэффициент сохраняемости дал бы 85 процентов от оставшихся 85 процентов, которые все еще сохранялись в начале этого второго периода. Иными словами, 2000 лет при коэффициенте сохраняемости, характерном для английского языка, составили бы 72 процента т. е. немногим более того, что сохранилось в испанском языке по истечении такого же периода времени. Коэффициент сохраняемости в испанском языке равен менее чем 84 процентам за 1000 лет. Следовательно, он практически одинаков в обоих рассмотренных нами случаях.

Чтобы установить, всегда ли постоянен этот коэффициент, необходимо рассмотреть ряд примеров, зная, что словарный состав двух периодов одного и того же языка, а также время, разделяющее эти два периода, известны. Целый ряд языков пригоден для подобного анализа. Поскольку интервалы во времени обычно не являются кратными друг другу, для удобства, чтобы свести все случаи к стандартному периоду времени, например в тысячу лет, можно пользоваться логарифмами; математически это можно выразить следующей формулой:

$$\log r = \log c : t,$$

т. е. логарифм коэффициента сохраняемости за 1000 лет в процентах равен логарифму процента совпадений между словарями, деленному на количество периодов времени.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Пробные подсчеты коэффициента сохраняемости были произведены различными учеными со следующими результатами:

	Проценты на 1000 лет
Среднеегипетский (2100–1700 до н. э.) по сравнению с коптским (300–500 н. э.) (Баер; вычислено как 23 столетия)	76
Классич. латынь по сравнению с совр. румынским (Е. Кросс)	77
Древневерхненемецкий (850 н. э.) по сравнению с совр. немецким (Г. Дж. Меткальф и Р. Д. Лиз)	78
Классический китайский (950 н. э.) по сравнению с совр. северокитайским (Фанг)	79
Латынь Плавта (200 до н. э.) по сравнению с французским Мольера (1650 н. э.) (Д. А. Гриффин)	79
Доминика кариб (1650) по сравнению с совр. (Д. Тейлор и М. Сводеш)	80
Классическая латынь (50 до н. э.) по сравнению с португальским (Е. Кросс)	82
Койнэ по сравнению с совр. кипрским (Э. Хэмп)	83
Койнэ по сравнению с совр. языком Афин (Э. Хэмп)	84
Классическая латынь (50 до н. э.) по сравнению с итальянским (Е. Кросс)	85
Древнеанглийский (950 н. э.) по сравнению с совр. английским (М. Сводеш)	85
Латынь Плавта (200 до н. э.) по сравнению с испанским (1600 н. э.) (Д. А. Гриффин)	85

Необходимо детально исследовать, почему в различных языках коэффициент сохраняемости неодинаков, хотя колебание от 76 до 85 процентов и относительно невелико. В целях изучения причин подобного колебания было бы желательно произвести подсчет для значительно большего числа случаев, но количество примеров, приведенных выше, вполне достаточно для того, чтобы исключить возможность чисто случайного совпадения коэффициентов.

Опытный словарь

Опытный список, примененный для изучения скорости изменения, состоял из 215 единиц значения, выраженных ради удобства словами английского языка. Если английское слово звучало несколько двусмысленно или же его значение было слишком широким, что затруднило подбор соответствующих ему слов в других языках, уточнялось, какое из значений имеется в виду; уточнение

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

приводится в скобках рядом с соответствующим элементом списка. Особо сложные пояснения вряд ли потребуются, поскольку в список включаются преимущественно общеизвестные, общеупотребительные, а не образные или узкоспециальные значения.

Список без 15 элементов, которые пока что рекомендуется опустить, и еще без одного дополнительно опущенного элемента выглядит следующим образом:

1. all — все (о количестве)
2. and — и (союз)
3. animal — животное
4. ashes — зола
5. at — в (предлог)
6. back — спина (человека)
7. bad — плохой (вредный или оскорбительный)
8. bark — кора
9. because — потому что
10. belly — живот
11. berry — ягода
12. big — большой
13. bird — птица
14. to bite — кусать
15. black — черный
16. blood — кровь
17. to blow — дуть
18. bone — кость
19. breathe — дыхание
20. to burn — гореть
21. child — ребенок (о возрасте)
22. cloud — облако
23. cold — холодный
24. to come — приходить
25. to count — считать
26. to cut — резать
27. day — день (а не ночь)
28. to die — умирать
29. to dig — копать
30. dirty — грязный
31. dog — собака
32. to drink — пить
33. dry — сухой (вещество)
34. dull — тупой (нож)
35. dust — пыль
36. ear — ухо
37. earth — земля (почва)
38. to eat — есть (принимать пищу)
39. egg — яйцо
40. eye — глаз
41. to fall — падать
42. far — далеко
43. fat — жир (органич. вещ-во)
44. father — отец
45. to fear — бояться
46. feather — перо
47. few — мало
48. to fight — сражаться
49. fire — огонь
50. fish — рыбы
51. five — пять
52. to float — плыть
53. to flow — течь
54. flower — цветок
55. to fly — летать
56. fog — туман
57. foot — ступня
58. four — четыре
59. to freeze — замерзать
60. to give — давать
61. good — хороший
62. grass — трава
63. green — зеленый
64. guts — кишки
65. hair — волосы
66. hand — рука
67. he — он
68. head — голова
69. to hear — слышать
70. heart — сердце
71. heavy — тяжелый (по весу)
72. here — здесь
73. to hit — ударить

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

74. to hold — держать (в руке)
75. how — как
76. to hunt — охотиться
77. husband — муж (супруг)
78. I — я (местоимение)
79. ice — лед
80. if — если
81. in — в (предлог)
82. to kill — убивать
83. to know — знать (факты)
84. lake — озеро
85. to laugh — смеяться
86. leaf — лист (дерева)
87. left — левый
88. leg — нога
89. to lie — лежать
90. to live — жить
91. liver — печень
92. long — длинный
93. louse — вошь
94. man — мужчина
95. many — много
96. maat — мясо
97. mother — мать
98. mountain — гора
99. mouth — рот
100. name — имя
101. narrow — узкий
102. near — близкий
103. neck — шея
104. new — новый
105. night — ночь
106. nose — нос
107. not — не
108. old — старый
109. one — один
110. other — другой
111. person — лицо (человека)
112. to play — играть
113. to pull — тянуть
114. to push — толкать
115. to rain — идти (о дожде)
116. red — красный
117. right — верный (точный)
118. right — правый
119. river — река
120. road — дорога
121. root — корень
122. rope — веревка
123. rotten — гнилой
124. to rub — тереть
125. salt — соль
126. sand — песок
127. to say — сказать
128. to scratch — чесать (кожу при зуде)
129. sea — море
130. to see — видеть
131. seed — семя (зерно)
132. to sew — шить
133. sharp — острый (как нож)
134. short — короткий
135. to sing — петь
136. to sit — сидеть
137. skin — кожа (человека)
138. sky — небо
139. to sleep — спать
140. small — небольшой
141. to smell — нюхать
142. smoke — дым
143. smooth — гладкий
144. snake — змея
145. snow — снег
146. some — несколько
147. to spit — плевать
148. to split — расщеплять
149. to squeeze — сжать (сдавить)
150. to stub — вонзать
151. to stand — стоять
152. star — звезда
153. stick — палка
154. stone — камень
155. straight — прямой
156. to suck — сосать
157. sun — солнце
158. to swell — распухать
159. to swim — плавать
160. tail — хвост
161. that — тот
162. there — там
163. they — они
164. thick — толстый
165. thin — тонкий
166. to think — думать
167. this — этот
168. thou — ты
169. three — три
170. to throw — бросать
171. to tie — завязывать
172. tongue — язык

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

173. tooth	— зуб	187. white	— белый
174. tree	— дерево	188. who?	— кто?
175. to turn	— поворачивать (менять направление)	189. wide	— широкий
		190. wife	— жена (супруга)
176. two	— два	191. wind	— ветер
177. to vomit	— рвать (тошнить)	192. wing	— крыло
178. to walk	— ходить (пешком)	193. to wipe	— вытирать
179. warm	— теплый (погода)	194. with	— с
180. to wash	— мыть	195. woman	— женщина
181. water	— вода	196. woods	— леса
182. we	— мы	197. worm	— червяк
183. wet	— мокрый	198. ye	— вы
184. what?	— что?	199. year	— год
185. when?	— когда?	200. yellow	— желтый
186. where?	— где?		

Шестнадцать элементов, которые встречаются в исследованиях, но не подходят для анализа ряда языковых групп, таковы: brother — брат, sister — сестра, six – шесть, seven — семь, eight — восемь, nine — девять, ten — десять, twenty — двадцать, hundred — сто, clothing — одежда, to cook — варить, to dance — танцевать, to shoot — стрелять, to speak — разговаривать, to work — работать, to cry — кричать. Элемент to speak был заменен близким синонимом или более устойчивым элементом to say «сказать»; слово heavy «тяжелый» было добавлено для ровного счета, чтобы получить 200.

Возможно, что и некоторые другие элементы списка могут вызвать сомнения, но наиболее серьезные недостатки, вероятно, все-таки заключены в тех 17 элементах, которые здесь рекомендуется заменить или совсем исключить из списка.

В настоящее время мы советуем продолжать исследования, либо используя первоначальный список, либо слегка его видоизменяя таким образом, чтобы новые результаты можно было бы сравнивать с полученными прежде. Сказанное в равной мере относится и к возможным добавлениям, поскольку удлинение опытного списка потребовало бы нового вычисления константы скорости.

Элементы, пригодные для опытного списка, должны быть универсальными и не относиться к каким бы то ни было областям «культуры», т. е. они должны обозначать предметы, которые встречаются повсеместно и известны каждому члену общества, а не только специалистам и ученым. Более того, они должны обозначать легко распознаваемые общие понятия, к которым нетрудно найти соответствия среди простых слов в большинстве языков.

Конечно, было бы невозможно составить такой список, который

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

подходил бы ко всем без исключения языкам, и поэтому можно ожидать, что иногда будут возникать большие трудности. Однако их можно будет легко преодолеть, в случае необходимости опуская элемент списка, вызывающий сомнения. Правила, в соответствии с которыми должен заполняться список в каждом языке, могут быть сформулированы следующим образом.

а) Постарайтесь найти один простой эквивалент для каждого элемента списка, игнорируя специальные и связанные формы и опуская наименее употребительный из двух эквивалентов.

б) Следует предпочесть одно слово словосочетанию, если даже его значение шире, чем значение анализируемого элемента.

в) Там, где невозможно подобрать эквивалент, соответствующую форму лучше опустить.

Несомненно, можно было бы составить гораздо лучший опытный список, чем приведенный выше, но, судя по опыту автора в данной области, это сделать не так-то легко.

На первый взгляд некоторые понятия кажутся подходящими, но из-за их структурных особенностей к ним оказывается трудно подобрать соответствия; к таким понятиям относятся, например, слова, обозначающие локальные отношения: сзади, снизу, сверху и т. д. Многие из элементов, которые, казалось бы, должны войти в список, в итоге оказываются имеющими очень разветвленную систему значений, например to work «работать». Поэтому надо полагать, что только с помощью объективного метода проблема может быть решена. Длинный список возможных элементов необходимо испытать на многих языках, отобранных по принципу их несходства, и для каждого элемента списка должно быть выяснено, насколько легко к нему можно подобрать соответствия в других языках. Годными следует считать только те из них, к которым могут быть найдены четкие эквиваленты в большинстве языков. Стабильность, или устойчивость, элементов нуждается в объективной проверке: необходимо отмечать, как часто встречаются данные элементы и как долго сохраняются они в исторически засвидетельствованных языках. Можно было бы составить таблицу, фиксирующую устойчивость отдельных элементов списка, и в дальнейшем использовать ее данные при составлении нового, исправленного списка. Вероятно, колебания в значениях коэффициента сохраняемости были бы уменьшены при лучшем опытном списке, но мы не знаем, до какой степени эти колебания могут быть уменьшены, если такие исправления будут внесены.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Несомненно, одним из путей исправления опытного списка является его удлинение, насколько это возможно. Однако даже тогда, когда список состоит из двухсот элементов, приходится оперировать еще несколькими сотнями, чтобы выяснить статистическую пригодность слова в соответствии со всеми предъявленными требованиями. Учитывая все трудности при поисках слов, подходящих по всем признакам для опытного словаря, вряд ли можно надеяться, что возможен список более чем в триста элементов. Однако такое его расширение могло бы много дать для изучения далекого прошлого. Например, в случае, где имеется только 5 процентов сохранившихся слов, лучше иметь 15 действительных примеров, чем 5.

Определение интервала времени

При вычислении коэффициента сохраняемости необходимо иметь точно датированные примеры и быть уверенным в том, что оба примера находятся на одной и той же линии языковой традиции. В одном из приведенных нами примеров сравниваются языки коптский и древнеегипетский. Древнеегипетский датируется от 2100 до 1700 г. до н. э., коптский — от 300 до 500 г. н. э. Интервал времени между двумя этими примерами несколько расплывчатый, колеблющийся в пределах от 20 до 26 столетия, коэффициент сохраняемости соответственно должен колебаться от 73 до 78 процентов за 1000 лет. Отмечаемая разница не превышает этих величин, поскольку мы имеем дело с продолжительным периодом времени. Если бы вопрос касался периода в 400–500 лет, то изменение величины этого периода лишь на одно столетие обусловило бы 4 процента разницы в значении коэффициента для 1000 лет. Таким образом, мы видим, что некоторые колебания в коэффициенте сохраняемости вызываются не различиями в самом процессе языкового изменения, но ошибками в определении промежутка времени между сравниваемыми примерами. Примечательно, как преодолевает эти трудности при рассмотрении французского языка Гриффин: для обоих примеров, раннего и позднего, он берет язык отдельных авторов, что дает ему возможность датировать лексику двух-трех поколений. Пользуясь этим методом, необходимо соблюдать осторожность, как и поступает Гриффин в выборе авторов, которые обязательно должны писать на современном им языке. Если бы авторы рассматриваемых текстов следовали какой-либо старинной традиции, отдающей предпочтение словам, употребляющимся несколько

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

столетий назад, анализ не дал бы правильных результатов. То же можно сказать и относительно изучения современного языка — надо анализировать живую народную речь, а не речь, характерную для официального или литературного стиля, либо имитирующую язык давно прошедших времен.

При вычислении скорости изменения должно соблюдаться и другое требование, а именно: нужно добиться того, чтобы обе сравниваемые модели находились на одной линии языкового развития. Если более ранняя модель не является действительным предшественником второй, а представляет собой только близкородственный ему язык, то различие, наблюдавшееся между ними в более древний период, явится добавлением к тому расхождению, которое возникло по истечении рассматриваемого периода времени. Возможно, что отношение, замеченное в рассмотренных выше случаях, возникает именно по этой причине.

Как уже отмечалось, влияние ошибки в вычислении интервала времени наиболее заметно в случае короткого периода. Поэтому разумнее использовать как можно более продолжительные периоды времени. Однако это исключает возможность рассмотрения явлений, характерных для языков тех районов, где не существует древних записей, например в Новом свете. Один такой пример мы включили в рассматриваемый нами материал, именно доминика кариб, где время исчисляется всего 300 годами. Можно и должно рассмотреть и другие случаи, но для коротких периодов времени при прочих равных условиях результаты следует считать менее точными, чем результаты, получаемые для длительных периодов времени. Таким образом, наиболее продолжительные из рассматриваемых нами исторических периодов равны приблизительно 2000 лет. Чтобы всесторонне испытать предлагаемый метод, желательно было бы найти примеры, охватывающие более продолжительные периоды времени. Язык ассиро-вавилонян представляет собой по крайней мере один такой случай. Полезным было бы также проследить один язык на протяжении коротких следующих друг за другом периодов, чтобы затем провести сравнение с общим изменением на протяжении всей жизни языка, что дало бы нам возможность выяснить, как варьируется скорость изменения в рамках одной линии развития[15].

[15]Профессор Гельб из Чикагского университета составил проект такого изучения различных периодов ассирийского языка.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Колебания

Следует ожидать, что некоторые колебания в вычисленном коэффициенте сохраняемости останутся даже после того, как специфические источники ошибки будут устранены. По крайней мере частично эти колебания являются тем «разбросом», который обычно обнаруживается во всех статистических данных. Настоящая статья не делает попыток подробно излагать данный вопрос; автор ограничивается тем, что приводит цитату из работы Р. Д. Лиза, который на основе имеющихся данных выводит «среднюю константу скорости», равную приблизительно 81 проценту ± 2 процента за 1000 лет, где предел ошибки составляет 0,9 ошибки при подсчете методом малых промежутков времени.

Лиз продолжает свою работу и намеревается опубликовать полный анализ математического аспекта лексикостатистики.

Вполне возможно, что в добавление к статистическому расхождению константа испытывает влияние культурно-исторических факторов. Безусловно, всякий культурный сдвиг оказывает влияние на весь словарный язык в целом, обогащая его новыми словами и видоизменяя старые. Международные контакты часто ведут к заимствованию новых понятий и новых слов. Одной из лучших иллюстраций этого положения служит английский язык, который воспринял так много слов (особенно из латыни и французского), что почти половина всего словарного запаса этого языка может быть определена как заимствование. Однако внутри основного словарного запаса заимствований гораздо меньше, в нашем опытном словаре — только 6 процентов. Между тем дело не столько в том, что процент заимствованных слов невысок, сколько в том, что они не оказывают никакого влияния на коэффициент сохраняемости в английском языке. Шесть процентов заимствований, накопившихся в течение 2000 лет под воздействием культурно-исторических явлений, чрезвычайно способствующих заимствованию новых слов, значительно превосходят процент заимствований во всех других рассмотренных нами языках. При этом надо заметить, что коэффициент сохраняемости в английском языке не уменьшается. Таким образом, язык, который заимствует некоторые слова из чужого языка, не изменяет свой основной словарный запас быстрее, чем другой язык, где единственным видом языкового изменения является замена одной исконной формы другой.

Существуют ли еще какие-либо особые факторы? То, что мы об-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

наружили в отношении заимствованных слов в английском языке, показывает, что мы не можем принять за аксиому воздействие любого культурно-исторического влияния на скорость изменения основного словарного запаса. Вместо этого необходимо подвергнуть тщательному исследованию каждую из выдвигаемых гипотез. Например, Эльмендорф высказывает предположение, что слова-табу, связанные с погребением, фактически могут иметь тот же коэффициент сохраняемости, который свойствен словам определенных языков группы сэлиш[16]. Это может быть проверено следующим образом: расхождение в языке твана, который, как известно, имел табу, и в языке колумбия, который не имел табу, должно быть сопоставлено с языком, состоящим с ними обоими в дальнем родстве, например с языком бела-кула. Сейчас твана имеет 15 процентов совпадений с бела-кула, колумбия — только 12 процентов. Квинолт, который является соседом твана и, возможно, тоже имел обычаи табу, имеет 12 процентов совпадений с бела-кула, точно так же, как и колумбия. Эти цифры показывают, что языки, имевшие табу, изменялись нисколько не быстрее, чем языки, в которых табу отсутствует.

До тех пор пока не предпринято специальное исследование с целью определения причин колебаний коэффициента сохраняемости, надо попытаться выявить сходные явления в опубликованных до сих пор исследованиях. Однако пока что такие явления обнаружить не удалось. Например, каким историческим фактом можно объяснить, что испанский язык имеет более высокий коэффициент, чем французский или румынский? Если предположить, что это происходит потому, что французский и румынский находятся на границе романской территории, тогда не ясно, почему среди языков западногерманской группы у английского языка оказывается более высокий коэффициент сохраняемости, чем у немецкого. Поиски объяснений этим явлениям в настоящее время осложняются некоторой неопределенностью в вопросах датирования образцов и некоторыми сомнениями в непогрешимости самого опытного словаря. Когда неясности будут устранены, появится возможность вновь рассмотреть эту проблему с надеждой доказать наличие или отсутствие факторов, влияющих на коэффициент сохраняемости.

[16] *Elmendorf William W.* Word taboo and lexical change in Coast Salish // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1951. № 17. P. 205–208.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Причина константы скорости

Почему основной словарный запас изменяется с постоянной скоростью? Не ради простого любопытства, а для полноты научного исследования мы вынуждены искать объяснение этому явлению. Если мы будем знать, почему данное явление встречается в природе, мы легче сумеем определить правильное направление для последующих исследований, целью которых является дальнейшее расширение наших знаний. В настоящее время мы можем пользоваться константой скорости для датирования явлений предыстории, даже если мы не знаем, что ее обусловливает. Однако если мы поймем сущность константы, нам будет легче ориентироваться в нашей работе, что в свою очередь сделает ее более плодотворной и точной. Ответ надо искать прежде всего в природе самого языка.

Язык является чрезвычайно сложной системой символов, выполняющих жизненно важную коммуникативную функцию в обществе. Эти символы подвержены изменениям благодаря влиянию многих обстоятельств, однако они не могут изменяться слишком быстро, не нарушая общепонятности языка. Если факторы, ведущие к изменению, достаточно сильны, то скорость изменения будет сохраняться на максимальном уровне, допускаемом коммуникативной функцией языка. Таким образом, мы имеем как бы мощный мотор, управляемый механизмом, регулирующим скорость.

Причины, обусловливающие языковые изменения, без сомнения, разнообразны. Словесные табу, характерные для различных местных обычаев, приводят к упразднению некоторых слов или к ограничению их употребления. С другой стороны, люди самых различных групп вынуждены создавать и употреблять новые единицы речи. Очень важно влияние новых моделей, свойственных языкам и диалектам соседних народов; оно особенно сильно в пограничных районах, где по крайней мере часть пограничного населения почти наверняка двуязычна. Браки, торговля, войны являются характерными формами контактов. Влияние языка в этих случаях бывает прямым и косвенным, поскольку соседние народы заимствуют друг у друга не только звуки, структурные модели и слова, но перенимают, и даже более охотно, понятия, разные установления и изобретения. Иными словами, имеет место культурный обмен, что в свою очередь вызывает развитие новых коммуникативных символов. Даже изолированные общества, поскольку таковые существуют, испытывают культурные сдвиги на основе внутренних реакций на свой

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

собственный опыт, ведущих к возникновению новых слов. В то время как язык подвержен разнородным импульсам, побуждающим его к изменению, он должен все же сохранять значительное единообразие. Его должны понимать все члены общества; необходимо, чтобы существовала определенная согласованность в делах среди индивидуумов, составляющих общество. У старшего и младшего поколений часто наблюдаются различия в лексике и в употреблении размеров, которые явились бы причиной для нарушения взаимной понимаемости языка. Это обстоятельство максимально ограничивает скорость изменения языка.

Расширение словаря за счет пополнения его новыми словами может происходить быстрее, чем замена старых слов. Замена слов в культурно-историческом словаре обусловливается обычно появлением новых факторов в области культуры, приходящих на смену устаревшим, — процесс, который может происходить на протяжении нескольких поколений. Замена слов в основном словаре должна идти медленнее, так как понятия (например, части тела) коренным образом не меняются. Здесь изменение может произойти посредством введения частичных синонимов, область применения которых расширяется в очень редких случаях и то большей частью постепенно, а частота употребления увеличивается настолько, что один синоним заменяется другим.

Существует одно несомненное исключение из правила медленного изменения словарных норм; оно состоит в полной замене одного языка другим. В частных случаях, касающихся отдельных индивидуумов и отдельных семей, переселившихся в другой коллектив, потомок может разговаривать только на новом языке. Когда небольшой языковой коллектив окружен большим, то при известных обстоятельствах меньший коллектив становится двуязычным и в итоге может утратить свой родной язык.

Процесс усвоения нового языка не является подобным процессу замены отдельных словарных элементов и не составляет подлинного исключения из того правила, что скорость изменения словаря ограниченна. В прошлом лингвисты оперировали понятием смешения языков, где предполагалось, что новый язык может возникнуть путем простого слияния двух самостоятельных языков. Лексикостатистические исследования, а также некоторые другие данные показывают, что подобного явления не существует. Язык может изменяться под влиянием другого языка или может быть заменен им, при этом новый язык иногда изменяется под влиянием старого,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

прежде чем последний исчезнет, но никогда не происходит механического смешения эквивалентных частей двух языков.

Хотя материал для установления константы черпается из различных исторически известных источников, а также и незасвидетельствованных реконструированных примеров, он относится в основном к последним тысячелетиям истории человечества и почерпнут у людей, обладающих определенным минимальным опытом общественного развития. Вследствие этого мы должны быть осторожны в своих заключениях относительно скорости изменения словаря в древности, скажем 100 000 или 500 000 лет назад, когда человеческое общество, возможно, было значительно менее сложным, чем даже наиболее примитивные исторически известные общества людей. Все это, однако, является моментом чисто теоретическим, поскольку лингвистическая реконструкция не может даже сколько-нибудь приблизиться к этим отдаленным временам.

Дивергенция (расхождения)

Датирование доисторических событий с помощью словарной статистики возможно благодаря языковой дивергенции. Самым простым случаем дивергенции является такой, когда имеет место миграция или внезапное завоевание, которое раскалывает общество на две части и когда условия препятствуют населению обеих частей поддерживать эффективную связь друг с другом после разделения. Изменения, которые происходят вследствие этого в словаре обоих языковых коллективов, проходят, таким образом, независимо друг от друга; слова основного словаря, которые заменяются другими в одном коллективе, могут утрачиваться, но могут и сохраняться в другом. Спустя, скажем, 1000 лет образуются два различных языка, каждый из которых сохранил определенную часть прежде свойственного им обоим основного словаря. Количество сохранившихся общих элементов, подсчитанное с помощью нашего опытного списка, составило бы приблизительно 81 процент.

Поскольку изменения в обоих языках происходили независимо друг от друга, то можно ожидать, что словари языков совпадают друг с другом на 81 процент от 81 процента случаев, короче — на 66 процентов. Через 2000 лет, если каждый язык будет иметь только 66 процентов от ранее общего словаря, оба будут совпадать уже только на 43 процента. Отношение времени к проценту совпадения в языках, стоящих на одном уровне развития, должно быть выра-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

жено через удвоенное время, прошедшее с момента их разделения, поскольку дивергенция идет одновременно по двум линиям. Математическая формула для вычисления времени, в течение которого протекло дивергентное развитие, следовательно, такова:

$$d = \log C : 2 \log r,$$

т. е. время дивергенции равно логарифму от процента совпадающей лексики, деленному на удвоенный логарифм коэффициента сохраняемости. Чтобы избавить себя от затруднения рыться в таблицах логарифмов и затем производить деление, можно пользоваться готовой таблицей, подобно приводимой ниже, основанной на $r = 81\%$ ($r^2 = 66\%$). Время дивергенции выражается в столетиях, минимальным подразделением служат полстолетия:

95	1	70	8	45	19	20	38	10	54
90	2,5	65	10	40	21,5	18	40	9	57
85	4	60	12	35	25	16	43	8	59,5
80	5	55	14,5	30	28,5	14	46,5	7	63
75	6,5	50	17	25	33,5	12	50	6	66,5
								5	70,5

Первый столбец выражает столбец совпадающей лексики, второй — время дивергенции, выраженное в столетиях.

Различные даты, которые автор вычислял в некоторых ранних исследованиях, основывались на $r = 85\%$, что при вычислении дает несколько более продолжительные периоды времени.

В следующей таблице приводится сравнение для периодов в десятки столетий, чтобы показать разницу в результатах вычисления.

Столетия	10	20	30	40	50	60	70	80	90
$r = 81\%$	66	43	29	18	12	8	5	3	2
$r = 85\%$	72	52	37	27	19	14	10	7	5

Иногда сравниваемые языки принадлежат к различным эпохам. Допустим, что язык A — современный, а язык B существовал 2000 лет назад. Вычисление не представляет трудностей. Надо к половине времени существования B прибавить время дивергенции, обозначаемое общим процентом совпадения A и B. Формула, где dB обозначает время существования B, такова:

$$d = (\log C : 2 \log f) + (dB : 2).$$

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Медленная дивергенция

Часто дробление одного языка на несколько происходит не как простое разделение прежнего языкового коллектива на две части, а как результат неполных контактов в течение продолжительного периода времени. Допустим, что на определенном языке говорят на довольно большой территории, где, возможно, расположены поселения *A, B, C, D*. Допустим, что жители каждой пары соседних селений все еще широко обращаются друг с другом. Если подобная ситуация сохранится, то по прошествии какого-то времени может оказаться, что люди поселений *A* и *B* легко понимают друг друга; то же будет наблюдаться и в отношении жителей *B* — *C* и *C* — *D*, но жители *A* с трудом поймут жителей *C*, а живущие в *B* — жителей *D*. Что касается людей, живущих в *A* и *D*, то они, возможно, совсем не поймут друг друга. Данное положение, называемое диалектной цепью или сетью, если она является двухмерной, находит свое отражение в лексической статистике диалектов. В такой ситуации время дивергенции, вычисляемое для *A* и *D*, по-видимому, соответствует времени, прошедшему с момента первоначального заселения данной территории или с того момента, когда существовавшие ранее близкие общественные отношения между данными поселениями нарушались. Подобная ситуация может быть проиллюстрирована на примере многих, действительно имевших место случаев. Обстоятельства, обусловливающие возникновение подобной ситуации, — неполнота взаимоотношений удаленных друг от друга языковых коллективов. Если такие взаимоотношения продолжаются очень долго, дивергенция даже между соседними диалектами может достигнуть такой степени, что понимание будет затруднено. Однако прежние взаимоотношения будут отражены в лексических соответствиях этих диалектов. По-видимому, такие языковые цепи можно наблюдать в различных пунктах лингвистической карты племен сэлиш, например в следующих языках внутренней группы, которые приводятся здесь вместе с указанием на процент совпадающих лексических единиц:

	Л.	Ш.	Ок.	Кол.
Лилуит	—	48	33	25
Шусвап	48	—	50	34
Окэнагон	33	50	—	54
Колумбия	25	34	54	—

Любая пара соседних языков в этой последовательности имеет

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

приблизительно 50 процентов их общего словарного запаса, *A* с *C* и *C* с *D* — треть словаря, а *A* и *D* — только четверть его. Из этих чисел мы заключаем, что ряд данных языков развился из одного недифференцированного языка приблизительно за 34 столетия — время, на которое указывает минимальное совпадение в 25 процентов. Диалекты, явившиеся родоначальниками современных языков, очевидно, с самого начала составляли цепь, звенья которой территориально были расположены именно в таком порядке.

Напротив, расположенные по соседству языки, которые не обнаруживают подобного лексического сродства, издавна состоят в тесном контакте. В качестве противоположного примера приведем данные о проценте совпадения в языках сэлиш, территориально расположенных друг за другом:

	Ш.	Л.	Фр.	Нт.
Шусвап	—	48	19	19
Лилуит	48	—	28	26
Лоуер френзер	19	28	—	58
Нутсак	19	26	58	—

В этой последовательности *A* довольно близко связано с *B*, а *C* — с *D*, но между *B* и *C* наблюдается определенный разрыв. Более того, *B* не ближе к *C*, чем к *D*. Это означает, что дивергенция между *C* и *D* должна была иметь место, когда прежний общий язык данной группы уже не состоял в диалектной цепи с *B*. Тот факт, что *C* и *D* ближе к *B*, чем к *A*, говорит о том, что очень давно, когда *C* и *D* были еще не дифференцированы, существовала старая диалектная цепь. Другими словами, приблизительно 39 столетий назад (на основании 19 процентов минимального совпадения в цепи) существовала цепь *ABX*. Не более как 32 столетия назад (на основании 26–28 процентов совпадения между *B* и *C* или *D*) цепь распалась на две части *(A, B, X)* в результате какого-то внезапного происшествия вроде миграции, нападения или вследствие языковых изменений, постепенно приведших язык к тому, что свободное влияние диалектов друг на друга стало невозможным. Единый язык *X* распался на диалектную цепь *CD* только после того, как *B* перестало оказывать на него влияние. Дальнейшее освещение доисторических взаимоотношений между этими языками может быть получено путем изучения взаимоотношений их носителей с соседями, территории которых расположены в других направлениях.

Предыдущие примеры показывают, какого рода выводы могут

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

быть сделаны при помощи лексикостатистики о доисторических взаимоотношениях между отдельными коллективами людей.

Количество фактов предыстории, которые могут быть освещены таким путем, безусловно, не беспредельно, однако по сравнению с прежними возможностями предлагаемый метод представляет значительный прогресс.

Свидетельства диффузии

Свидетельства лексической статистики часто могут быть согласованы с другими лингвистическими данными, в частности с данными о диффузии языков. Интересным случаем в семье языков сэлиш является близкое сходство определенных фонетических моментов в целом ряде языков, находящихся в отдаленном родстве. Группа следующих языков: тиламук, кер д'алейн, комокс и паджет саунд — показывает, что они однажды проделали сдвиг звука w, присущего языкам группы сэлиш, в g^w; они также едины в переходе k в ch и частично в своем отношении к y, свойственному языкам сэлиш. Общие черты, объединяющие эту группу языков, частично противостоят типичным чертам, объединяющим их с более родственными им языками. Хотя комокс и кер д'алейн разделены расстоянием в тысячу километров, они более сходны друг с другом, чем их непосредственные соседи, и являются, так сказать, языками-«братьями». Эти факты могли бы быть легко объяснены, если бы оба упомянутых языка были географически связаны друг с другом, поскольку известно, что фонологические изменения могут переходить благодаря явлениям диффузии через языковые границы. Но так как в настоящее время они территориально не соприкасаются, напрашивается вывод, что когда-то они были расположены рядом в течение продолжительного времени, которого было достаточно, чтобы перенять благодаря явлению диффузии целый ряд звуковых изменений. Вероятнее всего, территория, на которой в качестве соседей жили соответствующие языковые коллективы, должна была быть расположена где-то около залива Паджет или острова Ванкувер. Отсюда следует, что тиламук и кер д'алейн мигрировали на место их теперешнего нахождения сравнительно недавно.

Существует ли какой-нибудь способ датировать эти события? Да, до известных пределов. Явление диффузии имело место, когда комокс отпочковался от близкородственных ему языков сешельт и пентлач, потому что ни один из этих языков не имеет общих черт

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

с тиламук и кер д'алейн. Комокс — сешельт — пентлач, составлявшие некогда одну диалектную цепь, имеют 45 процентов совпадения в словарях тех языков, которые представляют собой крайние звенья в цепи. Это число соответствует 19 столетиям дивергентного развития. Связь комокс с паджет саунд, тиламук и кер д'алейн осуществлялась поэтому на протяжении последних 19 веков, а миграция тиламук и кер д'алейн должна была иметь место после этого времени. В настоящее время наши выводы не могут быть более точными, но вполне возможно, что дальнейшие исследования позволят сузить период, в течение которого описанные события могли иметь место.

Заимствованные слова как элементы диффузии представляют особый интерес, потому что они свидетельствуют не только о контактах в древности, но также и о том, какие предметы материальной культуры переходят от одной группы к другой. Можно привести здесь пример, иллюстрирующий также и фонологическую диффузию, описанную выше. В языке квилеут (п-ов Олимпия), который не относится к группе сэлиш, и в языке нутка, который также не относится к ней, мы находим слово qaawats «картофель». Соотносительные формы мы обнаруживаем в тиламук — qakts «картофель» и в кер д'алейн — sqigwts «дикий картофель». При этом в тиламук каждое современное k представляет собой старое лабиализованное k^w, которое в свою очередь является либо исконным k^w, либо происходит из $g^w < w$. Таким образом, в языке тиламук «картофель» должен был иметь форму qawts, которая в точности соответствует форме языков нутка и квилеут, кроме различия в огласовке, отражающей не что иное, как количественную схему гласных в языках сэлиш по контрасту с нутка и квилеут. Нейтральный гласный между w и ts и долгота в произношении первого гласного делают произношение qawts в сэлиш практически аналогичным qaawats в нутка. Это же слово в кер д'алейн имеет префикс существительного и изменяет гласный в первом слоге, а в остальном происходит из более ранней формы, что и в тиламук, гласный же может быть объяснен как результат вторичного изменения, которое имело место в связи со звуковым символизмом в сэлиш[17]. Таким образом, слова сэлиш совпадают со словами квилеут и нутка, т. е. подтверждают тот факт, что имело место заимствование. Сейчас пока

[17] См.: *Reichard Gladys A.* Sound symbolism in Coeur d'Alene // Intern. Journ. of Amer. Ling. 1945. № 11. P. 78–91.

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

трудно определить направление, по которому шла диффузия, — из сэлиш в нутка или квилеут, или одного из этих языков, или из какого-либо совсем другого языка во все три. Ясно только одно, что рассматриваемое слово относится к той области, в которой имел место переход звука w в g^w, и что оно уже употреблялось около 2000 лет назад. Ясно также, что это слово обозначает корнеплод, очень важный в рационе местного населения, и что родиной этого корнеплода является данный район.

Датированная лингвистическая палеонтология

Рассмотренный выше пример доисторического заимствования показывает, как реконструкция древних слов и их значений освещает доисторическую культуру и даже некоторые мелкие подробности. Этот метод, известный под названием лингвистической палеонтологии, может быть применен к заимствованиям и к исконным словам различных языковых коллективов и представляет собой важное средство проникновения в предысторию[18]. Лексикостатистика в значительной мере увеличивает возможности лингвистической палеонтологии, добавляя приблизительные даты к детально разрабатываемым культурно-историческим свидетельствам. Систематическое использование ее преимуществ должно принести ценные результаты, особенно при сопоставлении лингвистических реконструкций со свидетельствами археологии.

[18] Классический пример лингвистической палеонтологии представляет собой работа: *Schroder O., Nehring A.* Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Berlin; Leipzig, 1917–1928.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Раздел III
Этнолингвистика в кругу гуманитарных наук

Б. А. Ларин

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА*
(с сокращениями)

<...>

Известно, какое громадное действие оказало на историческое и генетическое языковедение обращение к деревенским диалектам. За последние десятилетия диалектология дала толчок к перестроению и теоретической лингвистики во многих отношениях.

Едва ли не так же плодотворно отразится в лингвистике и разработка языка города, настоятельная необходимость этого нового расширения базы источников сравнительного языковедения теперь должна уже быть всеми осознана.

Если картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, то самыми поразительными пробелами на ней оказались бы не отдаленные и неприступные уголки, а именно большие города. Из всего языкового богатства этих сложных конгломератов изучались только литературные языки. Но, развиваясь на языковой почве города, они давно стали экстерриториальными и, в своей теперешней функции, как бы «не помнящими родства». Оттого и их изучение как-то обходилось без обращения к их непосредственному лингвистическому окружению.

Но именно оттого, что изучение «языка города» не сложилось до сих пор, так шатки и неполны у нас и исторические, и стилистические объяснения литературных языков. Городской фольклор, неканонизованные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения — оказывают непосредственное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на «высокие» его формы.

* Печатается по кн.: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Всюду, а не только в Союзе, отмечается в последнем полустолетии усилившееся просачивание в разговорную (и художественно-литературную) речь элементов воровского жаргона. Разве только близорукий наблюдатель может удовлетвориться объяснением этого явления как частного, обусловленного, например, революцией. Отчего же тогда это имеет место и во Франции, и в Англии, и в Америке[1]? На самом деле в этом случае мы имеем только более яркий пример общего и постоянного языкового взаимодействия всех слоев городского коллектива, обычное использование «иной» речи социальных соседей и антиподов, например непрестанного искания новых экспрессивных средств в ближайших источниках (оно всегда успешно, когда обращаются к богатому «языковому дну» города). Историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», варваризаций, но лучше сказать — как ряд концентрических развертываний.

<...>

Помощь диалектологии (крестьянской), конечно, была и останется важной, но она уступит свое первенство в этом деле, когда достаточно разработан будет городской языковой быт.

3

<...>

Разговорные и письменные городские арго должны рассматриваться как третий основной круг языковых явлений, так как: 1) они в своей цельности не совпадают ни с литературным языком, ни с деревенскими диалектами (как в этом едва ли кто сомневался даже a priori), 2) они своеобразны и по социальной основе и по чисто лингвистическим признакам, а потому никак не сводимы целиком к двум первым языковым сферам, 3) изучение их выделяется и специфической чертой теоретического порядка, что ведет к выработке и особых научных методов. Эта черта — теснейшая взаимная обусловленность двух или нескольких языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы (соответственно индивида) в

[1] Внелингвистическое объяснение этого явления в том, что с ростом городов сильно возрастает группа деклассированных и происходит некоторая «легализация» их.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

силу того, что она (или индивид) сопринадлежит одновременно нескольким и разным по охвату коллективам.

4

Какие особенности социального состава городского населения должны быть приняты во внимание как существенные условия особого языкового быта?

Извлекаю ряд положений из работ социологов.

«Дифференциация между городом и селом служит важным фактом экономической истории, ибо им обозначается отделение промышленности от земледелия»[2].

«Город представляет общественный спектроскоп, он анализирует и фильтрует население, отделяя и классифицируя различные его элементы. Весь прогресс цивилизации представляет собою процесс дифференциации, и город является самым важным дифференциатором»[3].

<...>

Пока нет большого достоверного материала о языковом быте города, на этот вопрос научного ответа дать нельзя. Можно высказать только несколько априорных суждений, основанных главным образом на разработке соответствующих материалов на Западе.

5

Тесная бытовая спайка обусловливает языковую ассимиляцию, сложение своеобразных у данного коллектива разговорных (и письменных) типов речи. Следовательно, мы могли бы предполагать некоторую языковую спецификацию, например, у студенчества, солдат и моряков, у рабочих одной фабрики и в несколько меньшей мере у лиц, принадлежащих к одной профессии — у служащих одного учреждения и у служащих вообще, — в меру постоянства, прочности контингента этих групп.

Никакого языкового разнообразия нельзя предположить у лиц свободных профессий, или «хозяев», или кустарей. У торговцев

[2] *Вебер А.* Рост городов в 19-м столетии. СПб., 1903. С. 170.

[3] Там же. С. 433 сл.

должны быть отличительные «профессиональные» языковые элементы, особенно ввиду большой устойчивости этой группы[4].

<...>

Трудно сейчас обсуждать вопрос о том, насколько замкнуты и разобщены были профессионально-групповые арго до начала XIX в. Мы располагаем слишком недостаточным и неопределенным материалом. Сближение и даже как бы «слияние» ряда арго в новейшее время обусловлено не только «развитием средств сообщения» (Сэнэан), сколько превращением бродячих разбойных банд, бродячих ремесленных артелей в оседлые, в качестве постоянных групп городского населения. Именно рост больших городов поглотил и продолжает поглощать все «не крепкое на земле» население страны. Иные условия общения здесь, конечно, отразились на составе арго и характере их взаимоотношений. Если раньше малоизвестные иностранные языки (как древнееврейский, новогреческий или цыганский) и крестьянские диалекты были основными источниками для их пополнения, то теперь к этому прибавилось влияние литературного языка. Особенно обширный вклад его — техническая терминология, использованная вне собственного и прямого применения, т. е. за рамками профессии, — в смысле времени и места пользования этой терминологией и в смысле социальной базы такого словоупотребления.

Заимствования из крестьянских диалектов (словарные и др.) тоже не прекращаются в новых условиях развития арго — в больших городах, так как все увеличивается приток пролетаризуемых крестьян, пополняющих и армию, и рабочий класс, и немалую группу деклассированных. Однако теперь деревенские диалекты отражаются в арго совсем иначе, чем в древности. Тогда они служили знаковым материалом для «свободного словопроизводства» (термин Esnault'a) в целях создать тайную речь; теперь они просачиваются вполне непроизвольно, как незамещенный пережиток первичных языковых

[4]Отмечу поразительную живучесть, например, рыночного зазыва. На одном из ленинградских рынков мой ученик записал зимой 1927 г.: «Ай да мясо... Сам бы ел, да деньги надо». Ср. у Достоевского, «Записки из Мертвого дома», с. 332 (изд. ГИЗ, 1927): «Калачи, калачи, — кричал он, входя в кухню, — московские, горячие. Сам бы ел, да деньги надо». Еще раньше это выражение, как «торговое», задокументировано Далем (Пословицы русского народа. М., 1862. С. 580. Составление сборника было закончено в 1853 г. — см. «Напутное», с. 1).

навыков — материнского языка некоторых групп городского населения.

Изменилось и взаимоотношение арго с литературным языком (и ближайшим к нему типом разговорной речи «образованных»). Прежде арго были запрещенными диалектами, и литературные языки были ограждены от их воздействия предубеждением — «стыдливостью» или презрением к ним высших классов. Новое положение вещей удачно охарактеризовано Марселем Коэном[5]: «Уничтожение каст, упадок тайных обществ, вполне открытая организация даже революционных объединений, стремление классов через схватки и потрясения к слиянию — вот современные условия, вполне объясняющие проникновение арготического материала в общий (французский) язык».

От изоляции языковой (как и всякой другой) мы уже далеки, но и от единства еще тоже далеки. Усилившийся взаимный обмен, большая однородность источников пополнения при растущей солидарности городского населения неизбежно приведут, конечно, к образованию однотипного разговорного языка города, параллельного, но не совпадающего с книжно-литературным. Однако пока еще отчетливо различимы системы разговорной речи у городской «верхушки» (более устойчивой) и городских «низов» (прежде всего чернорабочих, группы наиболее текучей). Да и кроме этих полярных речевых типов, намечаются даже сейчас (при совершенно ничтожном еще материале по городскому языковому быту) несколько обособленных арго (воровской, морской) как у нас, так и в больших городах Запада. Работа Сэнэана, из которой выше приведено оспариваемое сейчас положение[6], убеждает в этом в полной мере.

6

<...>

Мне кажется более правильным представление об арго как о двуязычии, при котором арготический ряд принимается за основное и исходный; а второй языковой ряд надо пока считать искомым (а не утверждать, что им может быть только литературный язык) и во всяком случае второстепенным.

[5] *Cohen Morsel.* Notes sur l'argot // Bulletin de la Société de Linguistigue de Paris. 1919. T. 21. Fasc. 2. P. 141.

[6] *Sainéan L.* Le langage parisien au XIX-e siècle. Paris, 1920.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

<...>

Арго принадлежат к смешанным языкам, особенно ввиду двуязычия их носителей. Они имеют свою фонетику и морфологию, хотя и не «особую», не оригинальную. Но принципиального отличия от литературных языков (всегда тоже смешанных) тут нет, есть лишь относительное, количественное различие.

<...>

Арго не совпадает со «специальным профессиональным языком» не потому, что в нем слова оказываются потенциальными синонимами к другим каким-нибудь и не единственными незаменимыми наименованиями, а потому, что никаких «специальных профессиональных языков» нет — есть лишь специальная профессиональная терминология в литературных и других языках[7], тогда как арго является равноправным со всяким другим смешанным языком более или менее обособленного коллектива, притом всегда двуязычного. Социальная (а не индивидуальная) природа арго, его системность и устойчивость (наличие особой «нормы арго») являются его важными признаками.

<...>

Мы видим специфический признак арготехнического двуязычия в неотчетливом разграничении, вернее, неполном выделении второго языкового ряда. С одной стороны, в арго постоянно включаются элементы второго ряда (обычно такого, который имеет большее социальное значение, приобщает к более широкому кругу), с другой — ряд элементов его непереводим, т. е. носители арго не знают эквивалента из другого ряда. Пример. Обследуя в лингвистических целях фабрику «Печатный Двор», я нашел в книге личного состава пометку «уволен за балду». Все, к кому я обращался за объяснением, смущались и не совсем охотно, с большими затруднениями объясняли фразу, явно неточно и неудачно.

[7] Необходимо критическое отношение к этой повторяемой антитезе арго и специальных языков, так как они теснейшим образом связаны в языковом быту города, и теоретическое разграничение, не бесполезное, конечно, имеет вполне абстрактный характер; ведь мы еще очень далеки от такого совершенного сознания арго, при котором можно бы было утверждать, что у данного профессионального термина нет синонима или что он употребляется только в своем «точном» значении.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Один: «Значит, трепался, с мастером что ли ругался»; другой: «Лодырничал или на работу пьяным выходил». Еще пример. На улице подростку попало от другого, постарше; уходя, он кричал: «Заимел свиную кожу и задается, паразит». Если бы я предложил как перевод на литературный язык: «Ишь, раздобыл кожаную куртку и важничает, подлец», то, может быть, я и приблизился бы к значению этой фразы, но не больше, чем сами носители арго при истолковании предыдущего примера.

Точных эквивалентов тут нет уже хотя бы потому, что арготические словечки и конструкции часто имеют такой эмоциональный и волевой заряд, какого литературные языки не имеют ни для кого, а уж менее всего для говорящих на арго. Совпадения с литературным языком в некоторых элементах лексического состава (*свиной, кожа, паразит*) в то же время оттеняют обособленность арго совершенно нетождественным значением этих элементов.

Когда мы будем располагать большим соответствующим материалом, то вторым языковым рядом городских арго, может быть, и окажется некий «низкий» общий разговорный язык (я бы назвал его «городским просторечием»), который довольно безуспешно (путем «критики текстов») пытался определить для Парижа Сэнэан. Одно ясно, этим искомым не окажется литературный язык в собственном смысле термина.

<...>

Итак, мы стоим перед большими трудностями в изучении городских арго. Ряд словесных знаков и формальных категорий повторяется в нескольких языковых типах, но, одни и те же для поверхностного взгляда, эти языковые элементы каждый раз являются в иной функции в силу принадлежности к разным системам речи; они осложнены специфическими семантическими и стилистическими признаками, уследимыми только в полноте контекста, а иногда даже только во всей бытовой ситуации данного лингвистического факта (как в приведенном выше примере).

Таким образом, центр тяжести исследования в силу этих особенностей материала должен переместиться. Интерес и полезность сравнительно-исторических разысканий о словарном, формальном и звуковом составе городских арго нельзя отрицать. Они необходимы как подготовительная стадия изучения. Но на них нельзя остановиться. Меж тем даже для старейших литературных языков

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

системные сочетания и соотношения элементов, их функциональное осложнение очень мало разработаны, исследования в этом направлении требуют методической изощренности и отменного знания материала.

Одна из трудностей при изучении языковой с и с т е м ы арго, как было указано, — в чередовании арготизмов с элементами другого, более общего языкового ряда. Еще большую трудность порождает постоянное «отталкивание» от этого ряда, т. е. подразумевание его. Вот две реплики из записанного мной разговора двух рабочих в трамвае:

1) «Ты где теперь работаешь?»

2) «На Марсовом Поле... нанялся потолки красить». Оба хохочут.

Для постороннего — тут нет никакого арго, слова на месте и смысл какой-то есть. Условное значение 'я безработный' дано тут осложненным несколькими семантическими «обертонами», возникающими именно из сопоставления арготического значения фразы с «общим» (или «прямым»): *Марсово Поле* — когда-то арена деятельности и убежище стоящих вне закона, *потолки красить* — специальность, с которой не разживешься, наконец, *потолки Марсова Поля* — небо. Отнимите значение 'безработный', и осмысление этой фразы пойдет совсем иными путями (потенций остается много). Отнимите обычные значения использованных слов с их побочными возможностями, и весь «букет» арготического юмора исчезнет[8].

Так мы обнаруживаем здесь еще и элементы речевой эстетики. Этим примером я закончу статью.

<...>

1928 г.

[8] Можно видеть в этом каламбуре рабочее проявление индивидуального вкуса. Известны шаблоны других иронических эвфемизмов слова *безработный:* «служу у графа Ветрова», «в рукопротяжной работаю».

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

Б. А. Ларин

К ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОРОДА

(НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОСЫЛОК)*

1

Разработка «социологической лингвистики» (или «лингвистической социологии») с недавних только пор ведется во Франции и Германии и почти не начиналась еще у нас. Больше всего «научных заготовок» для нее сделано в этнологической диалектологии последнего полустолетия. Литературные языки с этой точки зрения не разрабатывались, хотя в науке о них накоплено попутно много ценных данных именно социологического порядка (например, в работах акад. Шахматова по русскому языку). Мало материалов и почти нет исследований по всем — кроме литературного — «говорам города». Этот последний пробел, мне кажется, более всего и задерживает развертывание стоящих на очереди работ по социологической лингвистике.

Применительно к современным явлениям (оставляя пока в стороне генетические проблемы) центральной темой этого нового направления в языкознании будет состав и структура языкового быта города.

Только вслед за ней может быть широко и достоверно трактована вторая тема — о языковом взаимодействии города и деревни.

Может показаться, что последний вопрос давно уже поднят был лингвистами, но от рассмотрения «отношений литературного языка и народных диалектов» до нашей второй темы — большая дистанция, еще не пройденная.

Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже «выросли» из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменять или представлять собою языковую культуру города. Издавна и до сих пор они остаются еще достоянием одной только «верхушки» городского коллектива. С другой стороны, они не

---

* Печатается по кн.: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977.

См. очень сжатый и не совсем полный обзор литературы вопроса у М. Петерсона «Язык как социальное явление» (Учен. зап. Ин-та языка и литературы. 1927. Т. I. [М., Л.] С. 5–22).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

замкнуты пределами одного города или только городов, с тех пор как сделались государственными, а некоторые, в дальнейшей экспансии, «культурными», т. е. надгосударственными, международными. Но и в этих фазах «обобществления» литературные языки неотвратимо связаны с первоосновой своего развития и распространения — со сложным и богатым языковым бытом большого города или нескольких больших городов родины[1].

<...>

2

Богатство и разнообразие во всех сферах жизни присущи большому городу. Массовость и напряженность борьбы на разных путях человеческой деятельности — второе свойство города.

От этих кардинальных признаков можно отправляться и к лингвистической характеристике города. Языков здесь всегда много, сожительство их едва ли когда-нибудь можно было назвать мирным. Содержание лингвистической истории большого города — в борьбе языков, отражающее непрестанное столкновение и скрещение в нем разнородных культур.

Всякая устойчивая социальная группа — помимо всех других условий своего образования — объединяется общностью языка, наличием, кроме других (индивидуально разных), одного общего языка. Тесная и длительная солидарность не может осуществляться без этого. А с другой стороны — только при противопоставлении или столкновении с иной группировкой обнаруживается сплоченность коллектива. Язык, таким образом, оказывается всегда фактором социальной дифференциации не в меньшей мере, чем социальной интеграции. Мы сильнее даже ощущаем его организационную роль — поскольку он бывает средством обособления общественных групп. Именно против остальных каждая языковая «партия» в городе (как в фокусе государства) отстаивает «свой» язык, т. е. тот, какой наиболее привычен ее членам. Одним единственным диалектом располагают разве дикари. Два диалекта (или больше) в условиях современной государственности навязываются с той или иной необходимостью каждому.

[1]Показательны в этой связи жалобы писателя-эмигранта на омертвение русского литературного языка в зарубежных русских колониях *(Тэффи.* Танго Смерти. М., 1927).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В силу этого языковое разнообразие города двояко: 1) оно не только во встрече разноязычных коллективов (будем называть это многоязычием города), но еще и 2) в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т. е. в двудиалектности и многодиалектности, — в зачаточном или совершенном полиглотизме горожан.

3

<...>

В городе же однодиалектных и вовсе не приходится учитывать, поскольку речь идет не об индивидах, а о социальных единицах, о коллективах. Здесь такие индивиды составляют не убывающую категорию, как в деревне, а вовсе исчезают. В каждом слое городского населения, кроме первичного «своего» наречия, необходимо располагают еще каким-нибудь универсальным языковым типом, приобщающим к большой социальной среде. Для «верхушки» — это так называемые мировые языки. Для «малокультурных» классов — книжный язык[2].

Вернемся к положению о двудиалектности горожан. Из двух или нескольких диалектов, знакомых какой-нибудь группе городского населения, один всегда будет предпочтительным для нее, и потому естественно, что, примыкая к некой языковой «партии», все стремятся этому одному диалекту обеспечить наибольшее распространение. Понятно, что предпосылкой языковой борьбы является относительная численность приверженцев у разных диалектов. А исход борьбы определяется — кроме других моментов — культурным весом диалекта.

---

[2]Объективным показателем двудиалектности в указанном мною смысле может служить распространение грамотности. Так, в Ленинграде грамотных в 1869 г. было: м. 66,3%, ж. 50,7%; в 1910 г.: м. 85,2%, ж. 64,4%; в 1920 г.: м. 89,3%, ж. 79,7%; в 1926 г.: из 1 590 770 чел. грамотных 1 225 122, т. е. около 80% в среднем (все эти данные — за вычетом военнослужащих). См.: Материалы по статистике Петрограда. Вып. 4. Пг., 1921. Цифры за 1926 г. из публикации в «Вечерней красной газете». Некоторое понижение последних лет объясняется наплывом чернорабочих. По предварительным данным переписи 1926 г., в городах РСФСР (без Урала, Крыма и 5 губерний) средний процент грамотных: м. 75,81%, ж. 62, 68% (в селах: м. 52,44%, ж. 27,47%). В Белоруссии города: м. 73,25%, ж. 59,36%, села: м. 50,14%, ж. 21,52%. См.: Культурное строительство СССР. 1927. Октябрь. Диаграммы 32 и 33.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

4

<...>

Языки в культурном и социальном отношении невесомые обречены исчезнуть, какие бы меры для их сохранения ни принимались, так как они тормозят хозяйственное и культурное развитие своих носителей, ведут к их изолированности и отсталости. Но это выключение из обихода какого-нибудь диалекта возможно только после переходного периода двудиалектности (так происходит «вымирание» бретонских диалектов во Франции, баскских в Пиренеях, лужицких в Германии, кельтских в Англии, в нашем Союзе йидиш'а (еврейского жаргона) и др.).

5

Как ясно из предыдущего, тремя основными факторами определяется судьба языка: культурным весом, характером социальной базы и вмешательством политических сил. Когда все они действуют в пользу одного языка, то он быстро и прочно выдвигается как постоянный при переменных вторых (и третьих). Таково положение французского литературного языка в многоязычном Париже и во Франции (многодиалектной и многоязычной), нововерхненемецкого в Берлине и Германии, русского литературного в Москве, Ленинграде и т. д.

Почти такова же лингвистическая ситуация в тех городах, где правительственный и наиболее культурный язык получил преобладание над массовыми местными («низовыми») диалектами; в составе населения таких городов большинство принадлежит к ассимилированным (прошедшим уже через стадию двуязычности). Такова история латинизации или романизации городов (и гораздо позже деревень) Западной Европы и рассмотрения испанского языка в городах Мексики и Южной Америки, английского (через города) в Северной Америке. Этим же положением объясняется стойкость французского языка в Бресте и Биаррице, русского в Одессе и Уфе (даже и теперь еще, когда переменился язык правительства для последних двух городов).

Если же указанные основные факторы действуют перекрестно или друг против друга — языковая история города оказывается сложной, преобладание или переходит от одного диалекта к другому, или вовсе не достает никому, наблюдается неустойчивое равно-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

весие нескольких языков. Примеры — Вильно, где почти тысячелетие борются с переменным успехом литовский, русский, польский; Страсбург — с немецким и французским; Константинополь — с греческим и турецким; Самарканд и Ташкент — с узбекским и русским.

Будущее принадлежит именно языковой ситуации этого последнего типа, только с четким размежеванием языков и полным прекращением языковой борьбы, т. е. уравновешенному и всеобщему полиглотизму.

Исторические перемены языка в стране, т. е. распространение нового как второго языка в ряде коллективов, начинались всегда с городов. Однако только большие города бывали и будут базой всяких широких культурных объединений, а села и «деревенские города» остаются главным оплотом культурной и языковой косности и разобщенности. Пока еще не совершенная и не всеобщая многоязычность горожан рано или поздно послужит к освобождению от языковой «партийности» (сущности национализма) ради культурной свободы и широкой солидарности. Ослабить и целесообразно использовать дробящие и разрушительные силы языковой борьбы можно будет только тогда, когда, отказавшись от «догмы одноязычности» (как отказались от языковой «великодержавности»), будут пропагандировать полиглотизм[3] и доводить до конца существующее давно в языковом быту города двуязычие — через реформу школьного преподавания[4].

Вражда из-за языка — как религиозные войны — скоро станет тяжелым историческим воспоминанием, а национализм (как религиозный фанатизм уже теперь) потеряет свою силу в культуре будущего.

6

Наивно представление о будущем солидарном человечестве с одним «мировым» языком (если даже речь идет не об одном из «идо»). Это пережиток деревенского, захолустного языкового кругозора. Наследие и тяга к своему сельскому, феодальному прошло-

[3] Теперь я могу указать на появившийся газетный призыв к изучению иностранных языков акад. Карпинского, Луначарского и др., а также статьи проф. Щербы и проф. Шишмарева на эту тему в «Вечерней красной газете».

[4] Прекрасные связи языковых коллективов через немногих «толмачей», как это ведется со времен берендеев и доныне, достаточны только при очень слабой интеграции их, при поддержке «перегородок» отчужденности.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

му очень еще велики во всех сферах культуры горожан[5]. Они неотвратимо изживаются в некоторой очередности. Сейчас, например, для больших городов Союза пришла пора выйти из однозначности во всех смыслах — ради назревающей необычайно широкой солидарности разнокультурных коллективов.

Ведь мы не можем рисовать будущее в формах феодальной или мелкобуржуазной областнической культуры. Как же допускать и предположение об единственном языке! Это две грани одной культурной стадии. Для распространения одного «мирового» языка необходимо было бы и совершенно невероятное исчезновение многих мощных по социальной и культурной базе языков, и настолько же невероятное одноязычно высококультурных и космополитических коллективов.

На пути к общечеловеческой солидарности (в некоторых областях культурной жизни уже осуществляемой) мы должны пристально и широко изучать быт больших городов, где она выковывается, и активно поддерживать все ведущие к ней тенденции. Одна из важнейших — распространение многоязычности.

Лингвистическое изучение больших городов — в самых начатках. Однако и теперь уже видны основные процессы: таяние мелких и небогатых культурой языковых групп, расширение билингвизма, увеличение категории полиглотов. Выживают, как претенденты на универсальное употребление, только немногие, но число таких языков увеличивается. Сперва только испанский, французский, английский, потом немецкий, итальянский, русский, а в будущем, вероятно, еще один из турецких, индийских и китайских (графически общих) — каждый со своей сферой преимущественно употребления, но без линейных рубежей, с полосами уравновешенного сосуществования[6].

<...>

Относительное увеличение случаев языкового смещения объясняется частными условиями нашей современной жизни: новизной употребления некоторых языков (еще неполным овладением ими), культурной разнородностью состава общественных группировок (смешанный язык иногда является приемом приспособления к

[5] И не только русских (в этом я расхожусь с Н. Анцифировым. Ср. его: Пути изучения города как социального организма. Л., 1952. С. 14–19 сл.).

[6] Испанский и французский заметно теряют свой вес, английский, возможно, сохранит его в своей американской формации.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

своей среде), наконец, отсутствием пропаганды полиглотизма. Если всякого рода авторитеты дружно прививают убеждение в необходимости одного только языка, то неизбежно и целесообразно обогащать его всяческими примесями; только таким путем можно сделать его универсально применимым. Надо думать, что и теоретические догмы влияют на языковой быт (и прежде всего в больших городах).

В итоге сделаем несколько обобщений из наблюдений над городским билингвизмом.

В процессе речевой деятельности при билингвизме два языковых ряда во многих элементах встречаются, так что термин или форма одного ряда не имеет эквивалента в другом и употребляется в обоих как нормально общих им. Это затемнение границы диалектов может оказаться устойчивым только в среде лингвистически недифференцированной и малокультурной, где чутье языковой нормы не поддерживается никакими социальными мерами (что чаще имеет место в деревне и редко в городе).

Дальнейшим результатом двуязычия в такой обстановке являются гибридные неологизмы, т. е. такие образования из элементов двух языковых рядов, которые противоречат в каком-либо отношении норме и того и другого языка (говорящий этого не может осознать, конечно, если его среда не дает никакого отпора таким неологизмам).

При произвольном стремлении разграничить два языковых ряда получается на данной стадии билингвизма все же не чистая речь в отношении фонетики и лексики.

Прежде всего достигается формальная грамматическая выдержанность. Школа и постоянное общение с носителями нормализованного типа данных языков — ведут к этому. Лучшие условия для этого опять-таки дает город.

При параллельном распространении двух литературных языков в коллективе большого города надо ожидать не усиливающегося смешения их, а все большей дифференциации. Подъем культурности ведет к упорядочению языкового быта, от языковой бедности — к накоплению и все более целесообразному употреблению языковых средств, через скрещения и неотчетливое перемежание языков — к совершенному полиглотизму.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Е. А. Земская

ГОРОДСКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ И ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ*

Введение

Внимание к языку города было характерно для языкознания 20-х годов. Достаточно напомнить (ставшие классическими) труды Б. А. Ларина[1], Л. П. Якубинского[2], Л. В. Щербы[3].

В наше время тема «язык города» переживает второе рождение. Забытая на протяжении нескольких десятилетий, она возрождается в 60-е годы[4], включившись в новый научный контекст. Если в начале XX в. язык города привлекает лингвистов преимущественно как материал для социолингвистических исследований (городское койне, социальные, профессиональные и другие групповые жаргоны), то для второй половины XX в. характерна не только социолингвистическая, но и иная проблематика: структура развитых литературных языков и место в ней живой неподготовленной устной речи, находящейся в пределах литературного языка[5]; устная форма как определяющий признак речи; неподготовленная речь; лингвистическая прагматика; языковое существование; язык как деятельность; теория коммуникации и структура коммуникативного акта; теория речевых актов; вербальные и невербальные средства коммуникации. Каждый из этих аспектов составляет особое направление в исследовании живой речи.

Очевидно, что объект нашего изучения неоднороден, т. е. устная городская речь существует в нескольких разновидностях. На дифференциацию устной речи влияют многочисленные факторы. Постараемся охарактеризовать их. Для этого нам надо обратиться

---

* Печатается по кн.: *Разновидности* городской устной речи. М., 1988.

[1] *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь: Новая серия. III. Л., 1928. С. 61–74.

[2] См.: *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Русская речь. Пг., 1923. Вып. I.

[3] См.: *Щерба Л. В.* Восточно-лужское наречие. Пг., 1915. Т. 1.

[4] Возрождению интереса к этой проблематике способствовали в особенности две статьи: *Конрад Н. И.* О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М., 1959. С. 5—16; *Холодович А. А.* О типологии речи // Историко-философские исследования. М., 1967. С. 202–208.

[5] В советском языкознании для обозначения этого объекта принят термин «разговорная речь»; ср. Umganssprache, francais parle.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

к сфере прагматики[6] и рассмотреть типические виды коммуникативных актов (КА), в которых используется устная речь.

Признаки, влияющие на характер языковых средств, используемых в КА, назовем компонентами КА. Среди этих компонентов прежде всего выделяются: 1) признаки, связанные с партнерами коммуникации[7], 2) признаки, связанные с конситуацией. Подобное разграничение под названием «внутренняя и внешняя прагматика» используется разными учеными[8].

Прежде чем перейти к рассмотрению факторов, влияющих на дифференциацию устной речи, охарактеризуем главнейший признак устной речи, объединяющий все ее виды и противопоставляющий речь устной речи письменной.

Неподготовленность как важнейший признак устной речи

Какой признак настолько тесно спаян с устной формой речи, что без него она невозможна? Устная речь (если это чтение вслух или наизусть[9]) — это обязательно импровизация. Она создается на ходу, в процессе акта коммуникации. Поэтому устная речь тесно спаяна с таким параметром, который принято называть «неподго-

[6] О содержании прагматики до сих пор еще идут споры. См., например: *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. №4; *Гак В. Г.* Прагматика, узус и грамматика речи // Иностр. языки в школе. 1982. №5. С. 11–17; *Ружичка Р.* Пограничные проблемы семантической и прагматической компетенции // Проблемы коммуникативной лингвистики: Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 186. М., 1982. Исследований, посвященных лингвистической прагматике, становится все больше. См. сборник обзоров: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. ИНИОН. М., 1984. Из работ последнего времени см.: Text and the pragmatic aspects of language / Ed. by J. Hoffmanová. Linguistica X. Praha, 1984.

[7] См.: *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики: (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. №4.

[8] См.: *Pala K., Svoboda A., Materná P.* Externi a interni pragmatika // Материалы симпозиума: Актуализационные (прагматические) компоненты высказывания в славянских языках. Brno, 1976. Ср. взгляды Дж. Р. Ферса, который различает следующие категории: «А. Релевантные признаки партнеров коммуникации (person, personalities): (i) вербальные действия партнеров коммуникации; (ii) невербальные действия партнеров коммуникации. В. Релевантные предметы (objects). С. Эффект вербального действия» (*Firth J. R.* Personality and Language in Society // *Firth J. R.* Papers in Linguistics. London, 1957. P. 182).

[9] Иногда термином «устная речь» называют всякую произносимую речь, даже чтение вслух или наизусть. Мы считаем, что такие виды речи лучше называть термином «звучащая речь», и оставляем их за пределами нашей работы.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

товленность». Неподготовленная речь не готовится заранее, но порождается одновременно с ее произнесением. Это не значит, однако, что неподготовленная речь хуже подготовленной, что это речь-полуфабрикат, речь-заготовка, из которой путем обработки производится речь более высокого качества[10]. Неподготовленная устная речь — это особый вид речи. Как и речь подготовленная, она строится по законам того языка, которым пользуется говорящий, но применяет их специфически[11].

Признак «неподготовленность» не имеет абсолютного характера. Он может изменяться по шкале от полной неподготовленности (речь на неизвестную заранее тему, осуществляемая как импровизация) до некоторой степени подготовленности (речь обдумана, возможно, даже частично записана, но не читаема, а произносима). Двумя полюсами шкалы неподготовленность/подготовленность мы считаем речь-импровизацию, создаваемую в процессе ее осуществления, и речь полностью подготовленную (она не производится в момент «выхода в свет», но воспроизводится: записана и читается или выучена наизусть). Между этими двумя полюсами существует много промежуточных ступеней. Так, речь может быть запланирована в самом общем виде, например, тема или тема и ее развитие. Может быть обдумано оформление каких-то наиболее важных частей, например, начало и конец. Могут быть заготовлены трафаретные обороты (клише), которые говорящий использует, вводя новую информацию, при ответе на вопрос и т. п. В публичных выступлениях, в разговорах со знакомыми и незнакомыми широко используются готовые клише разного рода, вставляемые в речь-импровизацию. Например, в выступлениях при защите диссертаций часто употребляют такие клише, как: *Диссертант обнаруживает хорошее знание...; умение анализировать...; ... осведомленность в спе-*

[10] Ср.: *Бельтенева Т. П.* К вопросу *о* разграничении параметров «неподготовленность» и «спонтанность»: (на материале сопоставления разговорной речи и языка черновиков) // Вопросы стилистики. Саратов, 1984. С. 104–105.

[11] В этом отношении показателен сб. статей (Impromptu Speech: A Symposium / Ed. Nils E. Enkvjst Åbo, 1982), опубликованный по материалам международного симпозиума «Impromptu Speech», проводимого в Шведской академии г. Турку в Финляндии в ноябре 1981 г., и включающий работы, посвященные изучению шведского, английского, финского, русского и французского языков. См. интересную рецензию на указанный сборник: *Daneš Fr., Müllerová O.* O výzkumu nepřipravených mluvenych projevů // Slovo a slovesnost. 1984. N 4. C. 321–327. См.: также: *Ochs E.* Planned and unplanned discours // Syntax and Semantics: Discourse and Syntax / Ed. T. Givon. N. Y.; San Francisco; London, 1979. Vol. 12. P. 51–80.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

циальной литературе...; диссертация отвечает требованиям...; Высказанные замечания не снижают / не влияют, на общую положительную оценку работы... и т. п.

Таким образом, повторяемость ситуации, будь то ситуация бытовая или специальная (профессиональная), способствует использованию готовых речевых формул, ослабляя импровизационный характер речи, усиливая ее стандартность, клишированность.

Признак «неподготовленность» и его ступенчатую дифференциацию изучают применительно к разным языкам как существеннейшую черту естественной устной речи. При этом идут споры о том, каким термином лучше называть указанное свойство устной речи: неподготовленность, спонтанность, незапланированность, импровизация[12]. Мы считаем наиболее соответствующим сути этого явления термин «неподготовленность» (ср. чешск, nepřipravenost'). Как синоним мы употребляем термин «импровизация».

Термины «неподготовленность» и «спонтанность», с нашей точки зрения, целесообразно разграничивать и называть спонтанной речь, возникающую без воздействия извне, без внешних импульсов[13]. При таком понимании неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, речь может быть неподготовленной, но и не спонтанной, если человека кто-либо вынудил говорить. Ср. бытовые ситуации: «Отвечай немедленно, кто разбил вазу?», «Кто пролил молоко?». Не является спонтанной речь ученика при ответе на уроке или на экзамене и многие другие виды «вынужденной речи». Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной.

Факторы, влияющие на дифференциацию устной речи

Характер и вид коммуникации

Важнейший признак, влияющий на дифференциацию устной речи — характер коммуникации: официальная/неофициальная.

[12] См.: Impromptu Speech. Во вступительной статье редактор этого сборника, известный лингвист Н. Энквист, сравнивает достоинства и недостатки перечисленных терминов и отдает предпочтение термину «impromptu speech». Мы полагаем, что нет оснований вводить этот термин в русский язык.

[13] Ср. аналогичное понимание спонтанности: *Daneš Fr., Müllerová O.* Op. cit. С. 321; Impromptu Speech. С. 11. Иное понимание спонтанности: *Бельтенева Т. П.* Указ. соч. С. 101.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Этот признак тесно связан с видом коммуникации. Официальная коммуникация может быть личной и публичной; неофициальная — только личной, ибо любой вид неофициальной коммуникации осуществляется как непосредственное личное общение, будь то диалог или непринужденный рассказ (монолог). Слушатели непринужденного рассказа — полноправные участники акта коммуникации, они могут перебить рассказчика, задать ему вопрос, что не свойственно адресату публичной официальной коммуникации (см. раздел «Адресат»)[14].

Публичная коммуникация делится на два подвида: массовая (радио, телевидение и т. п.) и коллективная (лекция, доклад, выступление на собрании и т. п., см. далее). Основное различие между ними в следующем: при массовой коммуникации отсутствует обратная связь между говорящим и слушателями, что исключает для говорящего возможность узнать (услышать, увидеть, почувствовать) реакцию слушающих и отреагировать на нее. Отметим, что хотя высказанное положение имеет общий характер, возможны исключения. Так, в последние годы на телевидении проводят передачи, при которых в публичное выступление включается обратная связь: выступающие по телевидению отвечают телезрителям, задающим им вопросы по телефону.

Другая важная особенность массовой коммуникации — использование технических средств (радио, телевидение и т. п.). Технические средства, но иного рода (телефон, микрофон) используют и в других видах коммуникации. Эти средства, однако, не лишают адресата возможности принять участие в общении. Адресат коллективной коммуникации может выразить говорящему свою реакцию (см. раздел «Адресат»).

Учитывая, что русский литературный язык в зависимости от характера общения существует в двух разновидностях — кодифицированный литературный язык (КЛЯ) и разговорный язык (РЯ), для которого в силу традиции принят условный термин разговорная речь (РР)[15], в пределах литературного языка можно выделить

[14]Существует особая разновидность неофициальной речи, рассчитанная на слушателей, — «ерничество на миру» (выражение А. Ф. Журавлева); ср. выражение «говорить на публику». С нашей точки зрения, этот вид речи, хотя и предназначен для слушателей, не приобретает свойств публичной официальной речи и составляет разновидность неофициального монолога (жанр непринужденного рассказа), в котором адресат может принимать непосредственное участие в акте речи.

[15]См.: Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 23, 25; *Земская Е. А.*,

несколько разновидностей устной речи (табл. 1).

Несомненно, что в общем массиве устной речи доля непринужденного неофициального общения наиболее велика: человек больше всего говорит дома, в разных бытовых ситуациях.

Таблица 1

Характер общения:		официальное			неофициальное
Вид коммуникации:		публичная		личная	личная
Подвид коммуникации:		массовая	коллективная		
Говорящий — носитель литературного языка	РР	–	–	–	+
	КЛЯ	+	+	+	–

Примечание: Здесь и далее плюс — данный вид речи имеется, минус — отсутствует.

Об этом свидетельствуют наблюдения над речевым поведением людей разных стран. Однако в современном обществе устная публичная речь приобретает все большее значение. Радио, телевидение входят в быт. Всевозможного рода конференции, собрания, совещания, съезды, встречи, слеты, симпозиумы, дискуссии, обсуждения составляют важную часть жизни современного человека, и обслуживаются они устной публичной речью (коллективная коммуникация). Существенную роль в развитии науки и в обучении играет публичная научная речь[16].

Всем видам публичной речи противопоставлено личное общение, осуществляемое на РР и КЛЯ. Эти разновидности речи характеризуются неподготовленностью и непосредственностью общения; различает их признак неофициальность-официальность отношений между партнерами коммуникации. Как мы писали (1973 г.), играют

Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Указ. соч. С. 5.

[16]См.: *Барнет В., Лаптева О. А.* Устная публичная речь: проблемы изучения и обучения // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы (МАПРЯЛ). М., 1982.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

роль не только фактические отношения между партнерами коммуникации (ПК), но и наличие установки на официальное общение или ее отсутствие. Если между говорящими отношения неофициальные, но имеется установка на официальное общение, они пользуются КЛЯ. Факты такого рода мы неоднократно наблюдали. Собеседники (даже если это близкие друзья) при наличии установки на официальное (чаще всего специальное) общение меняют вид речи. Меняется не только лексический состав, что обусловлено тематикой речи, но и интонация, синтаксис, мелодика речи.

Возникает вопрос: существует ли обратное явление? Иными словами: при наличии официальных отношений может ли быть установка на неофициальное общение? Факты такого рода свидетельствуют о недостаточной воспитанности одного из собеседников, что может привести к отпору со стороны партнера (ср. встречу Чичикова с Ноздревым в «Мертвых душах» Гоголя). Фамильярность со стороны одного партнера, не поддерживаемая другим, может быть лишь подтверждением неправомерности (антиэтикетности) использования средств непринужденного общения при отсутствии близких отношений.

Требует рассмотрения вопрос о том, как проявляется параметр неподготовленность в личной официальной речи, т. е. в устной речи, осуществляемой на КЛЯ. Говорящие при этом лишены той свободы и раскованности, той непринужденности общения, которая свойственна личным неофициальным отношениям и связана с РР. Более того, некоторых говорящих затрудняет пользование лексико-грамматической системой КЛЯ, им может быть необходим особый контроль над собой. Превращает ли это обстоятельство подобную речь в подготовленную? Очевидно, что нет. Такая речь осуществляется как неподготовленная, хотя ее порождение иногда затрудняет говорящего. Личная официальная речь может быть подготовленной лишь при условии, что это разговор на фиксированную заранее тему, выученный наизусть, даже записанный на бумагу, но главное — произносимый как монолог, потому что иначе неожиданные встречные реплики собеседника будут «сбивать» говорящего.

Говорящий субъект

Иного типа дифференциация городской устной речи связана с оппозицией, создаваемой различием характеристик говорящих субъектов.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Прагматическое оформление речи в структуре КА создается треугольником «говорящий — адресат — конситуация». Все вершины этого треугольника выполняют роль важных факторов в дифференциации устной речи. При этом говорящий субъект и адресат (слушающий или слушающие), являясь партнерами коммуникации (ПК), имеют целый ряд признаков, для которых существенна их симметричность или асимметричность. К таким признакам относятся возраст, пол, профессия, социальное положение, образование, ролевая функция и некоторые другие.

Важнейшая дифференциация современной городской устной речи, связанная с различием говорящих субъектов, состоит в следующем. Речь современного русского города в основном представлена двумя формациями — литературным языком и просторечием. Использование той или другой формации зависит прежде всего от образования говорящего, степени его культурности, характера его профессии. Как правило, лица, имеющие высшее образование, являются носителями литературного языка. Если их родители (или воспитатели) не владели литературным языком, в их речи могут быть реликты просторечия или диалектов. У родителей (или воспитателей), владеющих литературным языком, дети — независимо от их образования — также обычно пользуются литературным языком. Как говорят горожане, не имеющие высшего, а иной раз и среднего образования, родители (и воспитатели) которых не являются носителями литературного языка? В этом случае ответ может быть различен. Большую роль в том, остается ли младшее поколение в ряду просторечноговорящих или овладевает литературным языком, играют такие черты, как языковое чутье, восприимчивость, вкус, наблюдательность, любовь к радио, телевидению и чтению. Мы наблюдали, что некоторые лица, обладающие указанными чертами, избавляются от просторечия и, не имея высшего или среднего образования, переходят в разряд носителей литературного языка[17].

Нуждается в изучении вопрос, какими разновидностями устной речи и как пользуется носитель просторечия. Как говорит носитель просторечия в условиях официального общения? В официальном личном общении он пользуется просторечием. Выступая публично — на собраниях, митингах, совещаниях, — он участвует в коллективной коммуникации. В массовой коммуникации он участвует

[17] См.: Городское просторечие...

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ограниченно, лишь в таких жанрах, как радио- или телеинтервью. При официальном общении, как показывают предварительные наблюдения, сохраняется фонетика и грамматика просторечия, типичное произношение отдельных слов *(транвай, паска, телевизир* и под.), однако речь может уснащаться не всегда правильно освоенными литературно-книжной лексикой и фразеологией, книжными синтаксическими построениями. Типическая особенность лиц, говорящих на просторечии, — невладение способностью переключения с одного речевого регистра на другой, что их отличает от носителей литературного языка[18]. Именно поэтому просторечно говорящие обычно используют и в официальной ситуации просторечие, лишь уснащая его отдельными наиболее «броскими» особенностями литературного языка. Речь просторечно говорящих в официальном общении нуждается в дальнейшем изучении...

В соответствии со сказанным мы можем дополнить табл. 1 графой — носитель просторечия (табл. 2).

На дифференциацию устной речи оказывают влияние не только социальные, но и личностные признаки говорящих[19]. Рассмотрим некоторые из них.

Место рождения обусловливает такие явления, как наличие локальных черт в фонетике, грамматике и лексике[20]. Профессия, возраст, знание иностранных языков связаны с употреблением профессионализмов, с использованием молодежного жаргона или слов устарелых, с применением иностранных слов и выражений.

---

[18]Такое же мнение выражено в работе: *Винокур Т. Г.* Стилевой состав высказывания в отношении к говорящему и слушающему // Русский язык. Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М., 1984. С. 143–144.

[19]См. разработанную М. В. Пановым таблицу признаков говорящего, существенных для его речи, в кн.: Вопросник по современному русскому произношению. М., 1960. О влиянии некоторых этих признаков на речь говорящих см.: *Земская Е. А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание: Материалы к VIII Международному съезду славистов. М., 1978.

[20]См., например: *Ерофеева Т. Н.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979; *Собинникова В. И.* Наблюдения над городским просторечием: (по записям разговорной речи населения г. Воронежа) // Учен. зап. Орлов. пед. ин-та. 1962. Т. XXI. Вып. 6; *Санджи-Гаряева З. С.* Просторечные элементы в устной речи жителей г. Элисты // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984; *Ерофеева Т. Н.* О социальной дифференциации речи горожан: (к вопросу о взаимодействии разговорной литературной и диалектной речи) // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1984.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Таблица 2

Характер общения:			официальное			неофициальное
Вид коммуникации:			публичная		личная	личная
Подвид коммуникации:			массовая	коллективная		
Говорящий	Носитель литературного языка	РР	–	–	–	+
		КЛЯ	–	–	+	–
	Носитель просторечия	Просторечие	– +	+	+	–

Сложный комплекс вопросов, связанный с тем, как именно различные признаки говорящего влияют на дифференциацию устной речи, изучен далеко не полностью. Почти не обследовано ролевое поведение говорящих[21]. Установлено, что в повседневной жизни каждый человек имеет свой набор ролей. Есть роли, присущие лишь данному коммуникативному акту (клиент, пассажир, покупатель), роли постоянные (водитель такси, учитель, врач, столяр, балерина, юрист и т. п.) и роли, варьирующиеся в зависимости от партнера коммуникации (так, один и тот же человек может иметь роли мужа, отца, сына, внука и зятя: муж — ср. жена; отец — ср. дети; сын — ср. отец и мать; внук — ср. бабушка; зять — ср. теща и т. п.). Для изучения варьирования речи в зависимости от ролевого поведения современного горожанина много дает теория языкового существования, столь активно разрабатываемая в японском языкознании[22].

[21] См., например: *Camutaliová I.* Obsahová výstavba a jazykové prostředky informativniho dialogù // Acta Universitatis Carolinae: Philologica. 1971. Vol. 2–3. P. 111–130; *Красин Л. П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976: *Винокур Т. Г.* Указ. соч. С. 143–144.

[22] См.: *Токиэда Мотоки.* Современный язык и современное языковое существование // Языкознание в Японии. М., 1983. С. 111–122; *Сибата Такэси.* Исследования языкового существования в течение 24 часов // Там же. С. 134–141. Об этой теории см.: *Конрад Н. И.* О «языковом существовании» // Японский

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В последнее время в мировой лингвистике возрастает интерес к особенностям языка, связанным с полом лица[23]. По отношению к русскому языку эта проблематика только начинает изучаться[24]. Различия в употреблении русского языка, связанные с дифференциацией людей по полу, по всей вероятности, кроются в их разной склонности к употреблению тех или иных эмоционально окрашенных единиц, в первую очередь междометий (как представляется, начальное *Ой!* чисто женская черта: *Ой! Кого я сейчас встретила!; Ой! Что я тебе расскажу!);* женщины больше пристрастны к уменьшительным образованиям, к определенным формам обращения. Существуют наблюдения, касающиеся различия между просторечно говорящими мужчинами и женщинами в употреблении обращений, Так, использование обращений *мужчина и женщина,* по-видимому, свойственно в первую очередь женщинам, и лишь изредка их допускают мужчины, тогда как последним присущи обращения типа *Старик! Шеф! Браток!* и под.

Адресат

Общее разделение устной речи на типы в значительной мере определяется характером адресата и его ролью в акте коммуникации.

Сфера устного официального общения допускает различные виды адресата: личного и безличного, единичного и множественного. Официальное личное общение (разговор в суде, в милиции, в учреждении) имеет и личного адресата. Публичное общение имеет множественного адресата, при этом разные подвиды публичной речи (массовая и коллективная) различаются и характером адресата.

Очевидно, что вся сфера массовой коммуникации не имеет персонифицированного личного адресата, но ее адресат безличный, массовый. Этим сфера массовой коммуникации резко отделяется от других видов общения. Коллективная коммуникация (лекция,

---

лингвистический сборник. М., 1959; *Неверов С. В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982; *Алпатов В. М.* // ВЯ. 1984. №3.

[23]См., например: *Eakins B.W., Eakins R.G.* Sex differences in human communication. Boston, 1978; *Philip M. Smith.* Language, the sexes and society. Oxford, 1985; *Maliz D.N., Barker R.A.* A cultural approach to male-female miscommunication // Language and social identity / Ed. J.J. Gumperz. Cambridge, 1982.

[24]См.: *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proceedings XIth IcPhS. Vol. I. Tallinn, 1987; *Ермакова О. П.* Номинация в просторечии // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

доклад, выступление на собрании, совещании и т. п.) имеет и адресата коллективного.

Неофициальное общение, напротив, всегда ведется при обращенности к личному адресату, независимо от числа партнеров коммуникации (2 или более), т. е. и в диалоге, и в полилоге[25], и при рассказе, когда слушающих может быть один, и несколько, и даже много. Таким образом, разделение всего массива устной речи на КЛЯ и РР тесно связано с характером адресата.

Большое значение имеет роль адресата в акте коммуникации, т. е. его возможность (или невозможность) принять на себя функцию говорящего. Для массовой коммуникации мена ролей говорящий/слушающий невозможна; в коллективной устной речи такую мену позволяют лишь определенные ее разновидности, например, дискуссия, интервью. В личном официальном общении мена ролей допустима, а иногда и естественна; в неофициальном общении она обязательна. И если не во всех жанрах часта, то происходит хотя бы в минимальной степени, ибо в неофициальных условиях монолог (непринужденный рассказ) всегда диалогизирован (поддерживается хотя бы минимальной реакцией слушателей).

Следовательно, различие между коллективным и массовым адресатом не чисто коллективное. Массовый адресат (т. е. слушатель средств массовой коммуникации — радио, телевидения) полностью лишен возможности принять участие в речи говорящего — он не может ни возразить, ни согласиться, ни прервать речь говорящего. Коллективный адресат имеет связь с говорящим, хотя он не участвует в речи, ибо мены ролей говорящий/слушающий не происходит. Однако, что очень важно, он может каким-то образом выразить свою реакцию говорящему, и говорящий при желании учитывает подобные реакции. Напомним обычные случаи, когда из зала раздаются голоса — *Не слышно! Помедленнее! К делу! Регламент!* или невербальные выражения отношения в виде улыбок, смеха, кивков, аплодисментов или свиста.

Кроме названных видов адресата (единичный—коллективный—массовый; личный—безличный), существуют иные подразделения адресатов, более редкие, но играющие немаловажную роль в повседневном непринужденном общении. Эти виды адресата, которые

[25]Во многих современных работах, вопреки происхождению слова *диалог*, включающего греч. приставку dia- 'через-', этот термин переосмыслен и противопоставлен термину «полилог» (*диалог* — разговор двух; *полилог* — разговор многих). Мы следуем этому терминоупотреблению.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

могли бы быть названы квазиадресат[26], аутоадресат, реализуются в специфических жанрах непринужденного общения, таких как разговоры с грудными детьми, с домашними животными, с вещами и с самим собой.

Из сказанного видно, что наиболее значительны функции адресата в сфере личного неофициального общения (табл. 3). Именно поэтому охарактеризуем их подробнее.

Таблица 3

Характер общения		Вид коммуникации	Подвид коммуникации	Мена ролей говорящий/слушающий	
				возможная	частая
официальное		публичная	массовая	–	–
			коллективная	–+	–
		личная		+	+
неофициальное				+	+

Типическая особенность неофициального устного общения, отмеченная еще Л. П. Якубинским и Л. В. Щербой, его диалогичность. Между тем диалогичность как раз и состоит в мене ролей говорящий/слушающий (Г/С), которая может быть реализована во всех видах РР и просторечия. Совершенно очевидно, что такая мена составляет отличительную черту диалога и полилога, но она обнаруживается и в разговорном монологе — рассказе[27]. Эта черта получает воплощение в тех словечках или звуках, которые время от времени произносят люди, когда они продолжительное время слушают кого-нибудь в неофициальной обстановке. Такие словечки долгое время было принято считать речевыми помехами, своего

[26] Актуальность изучения этих дополнительных видов адресатов подтверждается, на наш взгляд, тем фактом, что одновременно и независимо друг от друга к аналогичным наблюдениям приходят разные исследователи. Так, Г. Г. Почепцов, выступивший с докладом «Типология адресата» на семинаре «Модели общения» (Таллин, апр. 1984 г.), выделял понятие квазиадресата.

[27] Исследователи русской РР писали об этом в кн.: Русская разговорная речь. Тексты. С. 13. Знаменательно, что эта особенность присуща РР и других языков. См.: *Oreström B.* When is my turn to speek? // Impromptu Speech. 1982. P. 267–276; *Амзаракова И. П.* «Монолог» в немецкой разговорной речи: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1985. С. 5–6.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

рода засорением речи, неумением вести разговор и т. п.[28] Это всякого рода *угу, ага, мм, а-а, эмм...*, *нда-, мда, ну-у (ну); да, да-да, нет, нет-нет* и многие другие виды реакций слушающего на речь говорящего. Подобные единицы в современной лингвистике получили название сигналы членения или сигналы речи.

Наблюдения за любой непринужденной речью показывают, что сигналы речи составляют ее типическую черту[29]. Мы подсчитали, что в одном разговоре двух старых знакомых, в котором более активен был один человек, но который все же не имел характера специального рассказа, было произнесено 18 *угу* и это не производило впечатления нарочитости, нескладности. Столь же частотны *ну, да, а-а.*

Сигналы речи свойственны разным языкам. Ср., например, английские: *a-a, mm...*, *e, I see, I know, Yes, no, well, fine, OK;* немецкие: *Jo, na ja, doch, ferstehst daß nicht wahr, gut, nein, nein-nein;* финские: *jo, jo-jo, no oj, niin;* чешские: *jo, no jo, tak, dobře, fain, hm, jasně, klidně.*

Функции многих сигналов в значительной мере не семантические, но строевые. Они выполняют текстообразующую роль, сигналя собеседнику что-то вроде: 'я тебя слышу', 'я тебя слушаю', 'продолжай', 'мне интересно'[30]. Очевидно, что речевые сигналы могли попасть в поле зрения лингвистов лишь тогда, когда они стали изучать подлинную устную речь и обратились к проблемам лингвистической прагматики[31]. Эти сигналы не только передают реакцию (иногда минимальную) слушающего, но и служат для проверки работы канала связи. Как правило, такие сигналы действуют совместно с паралингвистическими средствами — жесты и мимика. Отсутствие сигналов речи обычно вызывает беспокойство и неудовольствие говорящего. Он начинает спрашивать: *Ты слышишь?* и даже: *Тебе (вам) интересно? Мне продолжать?* и т. п.

---

[28] См.: *Николаева Т. М.* Новое направление в изучении спонтанной речи // ВЯ. 1970. № 3.

[29] Высказывалось мнение, что частицы речи, играющие роль особых сигналов, являются основной отличительной особенностью неподготовленной речи. См.: *Ostman Lan-Ola.* The symbolic relationship between pragmatic particles and impromptu speech // Impromptu Speech. 1982. С. 147–177.

[30] См. об этом: *Ширяев Е. Н.* Структура разговорного повествования // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982. С. 119.

[31] См., например: *Wackernagel-Jolles B.* Zur Funktion der Gliederungssignal in der gesprochenen Sprache // Aspekte der gesprochenen Sprache. Goppingen, 1973. S. 159–182.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Особую важность сигналы приобретают при телефонных разговорах, когда собеседник не виден и не может реагировать взглядом или жестом. Длительное молчание собеседника всегда вызывает реакцию говорящего: *Ты меня слышишь? Тебе хорошо слышно?* и т. п., т. е. реализацию фактической функции[32].

Сигналы речи подробно описаны в литературе[33]. Обычно различают сигналы адресата (слушающего) и сигналы говорящего. Сигналы слушающего, кроме показа того, что он слушает и понимает речь, могут выражать разную степень его заинтересованности от минимальной или нейтральной *(ага, а-а, да-а)* до высокой *(Правда? Неужели? Да ну! Вот так-так! Ну-и ну!)*, служить средством изменения хода разговора, направляя речь говорящего, и показывать, что сам слушающий готов вести разговор *(А вот я тоже слыхал/знаю/видел/помню...)*.

Сигналы говорящего могут: 1) относиться к членению текста, помогая собеседнику понять ход разговора, — *вот* (кончающее, итоговое), *да вот еще* (начинающее новую линию), *кстати* (вводящее новую информацию) и др., 2) иметь контактную функцию: *Слышишь? Согласен? Не так ли? Ведь так? Правда?* и др.

Особую проблему составляет вопрос о том, как, в какие моменты речи происходит мена ролей Г/С[34]. Существуют два полярных типа ситуаций, когда мена ролей Г/С открыто стимулирована одним из партнеров коммуникации: 1) говорящий сам уступает поле, даже побуждая слушающего к речи: *Ну а ты/вы что скажешь(ете)? Как твое/ваше мнение? Как по-твоему/по-вашему? Что это я все говорю. Расскажи о себе!; Как у тебя/вас дела?* и т. п.; 2) слушающий рвется к речи, говоря что-нибудь вроде: *Дай мне сказать... А вот я знаю интересный/похожий... случай... Со мной была такая же история...*

Эти два типа ситуаций репрезентируют выраженное место мены. Мена стимулирована говорящими или «вырвана» слушающим. Помимо этих двух крайних случаев, есть масса таких, когда явных показателей мены нет[35].

---

[32] См.: Русская разговорная речь. Тексты.

[33] Подробный обзор функций сигналов речи, а также библиографию см.: *Герасимов В. И., Ромашка С. Л.* Прагматика устного общения // Звучащий текст: Сб. обзоров. ИНИОН. М., 1983. С. 205–210.

[34] См.: *Oreström Bengt.* When is my turn to speek? // Impromptu Speech.

[35] О функции адресата в различных речевых актах см.: *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. №4. С. 360–362.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Существенна функция адресата в типологии речевых актов и жанров речи, ибо разные речевые акты и жанры требуют различных адресатов. (Ср. различия адресатов в таких, например, жанрах, как требование, приказ и просьба, похвала и комплимент.)

Каждый партнер коммуникации, кроме того или иного, более или менее активного вклада в беседу, оказывает влияние на речевое поведение собеседника, выбор им языковых средств и жанра речи. Люди не говорят в пространство, в пустоту, но говорят, применяясь к личности адресата, желая быть ему понятными, близкими, или, наоборот, желая показать свое отличие от него, превосходство, образованность, начитанность и т. п. Эта проблема (влияние личности, характера, психологического поведения, речи адресата на говорящего) заслуживает специального изучения. Ведь очевидно, что с детьми мы говорим иначе, чем со взрослыми; мужчины говорят иначе с мужчинами, чем с женщинами, с молодой хорошенькой женщиной иначе, чем с пожилой. На нас влияет возраст, пол, социальное положение, внешность, ролевая функция собеседника. Как пишет Е. Н. Ширяев, «говорящий должен постоянно моделировать в себе слушающего и реагировать на этого внутреннего слушателя[36].

На построение диалога может влиять профессиональное различие между говорящими, разница в их образовании, что обусловливает различие в их апперцепционной базе и асимметрию их речевого поведения. При этом может возникать конфликтный тип речевого взаимодействия[37]: один из собеседников не вполне понимает другого, не одобряет его манеры речи или же подстраивается под него. Вот несколько примеров: (разговор врача (В), пришедшего навестить больного, с пациентом (П). В и П давно знакомы) П. (показывая на небольшой ящичек) Что это у вас за *штука!* В. (назидательно, не принимая шутки) Это не штука/а *аппаратура//* П. (принимая его словоупотребление) И что эта аппаратура делает? В. Измеряет электропроводимость точек// (Через некоторое время) П: Ну. Что вы намерили? В: *Точки сбалансированы/ но тонус очень низкий//* П. (подавлено молчит, не понимая смысла сказанного); (на приеме у иглотерапевта) П: А куда вы меня колоть будете? И: Иголки не колят/ *а ставят//;* (разговор двух незнакомых женщин в Москве на рынке о том, как они удобряют клубнику) А: Вы *хи-*

[36] *Ширяев Е. Н.* Указ. соч. С. 118. См. там же наблюдения иад тем, как влияет «модель адресата» на построение устного текста.

[37] См.: *Винокур Т. Г.* Указ. соч. С. 147–151.

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

мией удобряете? Б: Нет/ мы *органикой*// А: А мы *навозом*// Б: Да это и есть органика! А: Что вы? Вот не знала! Б: Конечно// Так называется//

Итак, на построение речи, на выбор языковых средств, на все речевое поведение человека влияет целый ряд признаков говорящего и адресата, а также различное соотношение этих признаков. Представим эти компоненты КА, связанные с партнерами коммуникации (ПК):

Место рождения и места длительного пребывания	Город (какой именно), сельская местность (какая именно)...
Образование	Высшее/среднее/начальное/нет
Возраст	Молодой/средний/старший
Пол	Мужской/женский
Роли ПК	Роль в данном КА (пассажир — ср. водитель; покупатель — ср. продавец...); роли постоянные в социуме (профессия, соц. положение) роли постоянные в семье (муж—жена, дети—родители...)
Симметричность[38] ПК	
по полу	да/нет
по возрасту	да/нет
по профессии	да/нет
по образованию	да/нет
ПК знакомы	да/нет
Отношения между знакомыми ПК	Близкие/нейтральные/официальные
Общность апперцепционной базы	Высокая/средняя/малая
Одинаковая осведомленность ПК в теме речи	Да/нет
Тема фиксирована	Да/нет
Число ПК	Два/более двух/коллектив/масса
Адресат	Личный/безличный Единичный/коллективный/массовый
Мена ролей говорящий — слушающий	Частая/редкая/нет
Взаиморасположение ПК	Визуальное/невизуальное

[38] Ср.: «Симметричны такие ситуации, взаимодействующие участники которых имеют одинаковые социальные признаки: равное социальное положение, примерно одинаковый возраст... Напротив, асимметричны ситуации, участники которых различаются хотя бы одним из этих признаков» (*Крысин Л. П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социальные лингвистические исследования. М., 1976. С. 49).

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

1. Для получения адекватного представления о реальном речевом общении, протекающем в рамках устной речи, необходимо изучение устной речи не только самой по себе, но и в связи с иными компонентами, которые формируют коммуникативный акт — в связи с невербальными компонентами[39]. В первую очередь здесь должны учитываться такие значимые средства общения, как жесты, мимика, взгляд, действия партнеров коммуникации[40]. С точки зрения использования жестов и мимики, устная речь далеко не однородна. Неофициальная устная речь имеет гораздо больше возможностей для использования жестовых и мимических средств, чем речь официальная, в особенности публичная. По наблюдениям исследователей, устная публичная речь содержит преимущественно два вида жестов — указательные (на карту, рисунок, диаграмму) и подчеркивающие, выделяющие[41].

Следовательно, характер и степень использования паралингвистических средств служат одним из показателей дифференциации устной речи, подтверждая выделение таких ее разновидностей, как официальная/неофициальная, личная/публичная[42].

---

[39]См.: *Barnet V.* Komunikativní akt a výpoved' // Slovo a slovesnost. 1973. N I; *Barnet V.* К принципам строения высказываний в разговорной речи // Bulletin ruskéno jazyka a literatury. XVIII. Praha, 1974; Problemy běžně mluveného jazyka, zvlaště v ruštině // Slavia. 1973. N 1; *Земская Е. А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978; *Kafková O.* Vztazení semantického komponentú výpovědi ke komunikativni situaci v běžně mluvenych projevech (k tzv. situačni zakotvenosti vypovědi) // Otázky slovanské syntaxe IV. 2. Brno, 1980.

[40]Роль жеста в русской РР рассматривалась в книгах: Русская разговорная речь. М., 1973. Гл.: Жест (авторы: Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова); Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. Гл.: Жест и структура высказывания в разговорной речи (автор Е. В. Красильникова). В более широком аспекте эта проблематика освещается в ряде работ. См., например: *Николаева Т. М., Успенский Б. А.* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966; *Колшанский Г. В.* Паралингвистика. М., 1974; *Горелов И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; *Obudho C. E.* (ed.) Humain Nonverbal Behaviour. An annotated bibliography. London; Gleenwood, 1979; *Key M. R.* (ed.) The Relationship of Verbal and Nonverbal Communication. The Hague-Mouton, 1980.

[41]См.: *Николаева Т. М.* Жест и мимика в лекции. М., 1972.

[42]Ср.: *Lehtonen J.* Nonverbal aspects of impromptu Speech // Impromptu Speech. P. 43.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В неофициальной устной речи жест имеет принципиально иное значение, чем в речи публичной. Происходит сложное взаимодействие двух (или более) каналов связи: вербального и жестового, с которым обычно тесно связан и мимический. Как справедливо пишет Е. В. Красильникова, «отношение между вербальными и невербальными элементами есть не однонаправленная зависимость, а взаимодействие... Подобный подход не обозначает принижения роли речи... Однако содержание ищет себе средства выражения и в языковой, и в неязыковой системах»[43]. Особенностью непринужденного общения является возможность использования жеста, взгляда и т. п. не как сопроводителя, иллюстратора или усилителя речи, но как полноценного носителя информации — заменителя вербального компонента[44]. Приведем типичный пример: (жаркий день; разговор двух родственниц; одна идет в магазин, вторая дает ей напутствие) Не покупай ничего/ ни голубцов/ ничего что в жару [имеет в виду 'портится']// Но если купишь/ обязательно как следует [жест — рукой к носу = 'нюхай']//

В общении играют роль не только жесты, но и взгляд, действия участников коммуникативного акта. При этом существуют КА, в которых общение осуществляется без слов или почти без слов: (А. сидит за письменным столом в своей комнате. В комнату входит и подходит к ней ее сын Б. А. молча вопросительно смотрит. Б. машет рукой 'не отрывайся', подходит к шкафу, достает книгу с полки и выходит.) Очевидно, что интеракция ПК могла быть осуществлена и вербально, например, так: А: Ты зачем пришел? (или: Тебе что-нибудь нужно? Ты что?) Б: Не отрывайся (или: Не хочу тебе мешать). Я за книгой.

Жест и мимика могут не только дополнять, но и изменять сказанное, иногда меняя смысл вербальной части на противоположный: (А. и Б. в рабочей комнате. Входит В.) В. (к А.) Я вам не помешала? А. Нет/ что вы — что вы! Снимайте пальто! (пока В. снимает пальто, А. кисло улыбается Б. и показывает на толстую рукопись, которую он читал. Разводит руками — жест 'что поделаешь'). (К В., которая сняла пальто) Садитесь пожалуйста//

Невербальные компоненты коммуникации (подобно вербальным) далеко не всегда бывают поняты однозначно. Возможны непонимания, которые обычно тут же поправляются с помощью вер-

[43] Русская разговорная речь. М., 1983. С. 224–225.

[44] Факты такого рода широко представлены в названных работах Л. А. Капанадзе и Е. В. Красильниковой.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

бальных средств: (Трое гуляют в лесу, куда приехали на машине. Наступило время отъезда. Двое находятся далеко от машины и, направляясь к ней, видят, что третий (он ведет машину), стоя около машины, сигналит им руками (жест: вытянутые вверх руки скрещиваются). Они понимают это как знак 'идите сюда' и идут к машине. Он, подъезжая к ним, с упреком): Зачем же вы шли? Я же вам махал/ чтобы вы меня ждали//; (Две женщины в кухне. А. — говорит по телефону и жестом показывает что-то, что Б., которая держит в руке пакет, понимает как 'дай мне'. Б. передает А. пакет. А. отрицательно качает головой, продолжая разговор по телефону. Кончает телефонный разговор и произносит): Я пепельницу просила//. Таким образом, жест был понят частично. Компонент 'дай' был понят верно, но объект не был идентифицирован, так как условия коммуникации (невозможность отойти от телефона или прервать разговор) мешали А. сделать точное указание на предмет.

Функции жеста и мимики многообразны. Как показывают исследователи, паралингвистические средства могут выполнять все те функции, которые свойственны естественному языку[45]. Возникает вопрос: когда говорящий предпочитает невербальные средства вербальным? Использование жестов и мимики предпочитается в таких случаях: 1) для выражения межличностных отношений типа превосходства, теплоты или холодности, симпатии или антипатии. В подобных случаях невербальные средства удобнее словесных, они более гибки, менее отчетливы и прямы. Легче выразить мимикой или жестом известную отчужденность, чем сказать: «Вы мне немного несимпатичны»; 2) невербальный канал используется для выражения эмоций (страх, беспокойство, радость, удивление и т. п.). Подобные сигналы могут быть как истинными, так и ложными, неискренними; 3) невербальная коммуникация вступает в дело, когда канал вербальной связи занят или не может быть использован; 4) невербальная коммуникация формирует часть обычного ритуала в общественных ситуациях (приветствия, прощания и т. п. — всем известны соответствующие жесты); 5) невербальное поведение используется для регулирования акта коммуникации, например, механизм смены ролей говорящий/слушающий; 6) невербальное поведение используется для самопредставления; так, говорящий может дать информацию о себе слушающим; 7) невербальные средства

[45] См.: *Горелов И. Н.* Указ. соч. С. 9–11.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

используются для дополнения, уточнения, тщательной разработки вербального сообщения[46].

В общем виде можно сказать, что невербальные компоненты коммуникации выполняют четыре вида функций по отношению к вербальной: усиливают ее; модифицируют ее; ей противоречат; замещают ее[47].

Важно подчеркнуть еще один момент, особенно интересный для показа взаимодействия двух рассматриваемых каналов связи. Роль паралингвистических средств состоит не только в том, что заменяют и дополняют вербальные средства коммуникации, но и в том, что они оказывают влияние на строение последних, усиливая аналитизм в структуре языка у тех разновидностей устной речи, которым свойственна непринужденность, раскованность и которые особенно тесно спаяны с жестами и мимикой[48].

2. Обратимся к другому важному невербальному компоненту коммуникативного акта — конситуации. Опора на конситуацию (конситуативность) также наиболее характерна для личного неофициального общения. При этом такую же роль, как опора на конситуацию, играет наличие общей апперцепционной базы ПК[49]. Оче-

[46] *Argule M.* New Developments in the Analysis of Social Skills // Nonverbal Behaviour / Ed. A. Wolfgang. Applications and Cultural Implications. N.Y. P. 139–158.

[47] См.: *Weiss D.* Konversationanalyse: Materialen zu einer sprachlichen Interaktionsgrammatik // Slavistische Linguistik 1980. Slavistische Baiträge. Bd 147. München, 1981.

[48] См. наблюдения Е. В. Красильниковой: Русская разговорная речь. М., 1983.

[49] Влияние конситуации и общей апперцепционной базы ПК на строение речи рассматривалось многократно. См. примеры: (На даче, где бумажный мусор принято сжигать. Разговаривают родственницы А. и Б. А. берет в руки мокрую бумагу и собирается ее положить в пакет, где лежит сухая, предназначенная для сжигания. Б. видит это) Б: Ой! Мокрую не надо! Сухая не будет гореть // (не названо ни слово *бумага*, ни глагол *класть*, ничего, что дано конситуацией и общностью апперцепционной базы; участникам КА ясно, что бумагу будут жечь и что из-за мокрой бумаги не будет гореть и сухая).

(Обычный бытовой диалог между женой (Т) и мужем (К), при котором присутствует их знакомая (А). Муж готовит омлет, а женщины дают советы) Т: Коля! Ну как у тебя там? К: Ничего// Т: Перевернул? К: Нет// А: Как? Т: Ну сейчас я... (неохотно отрывается от своих занятий) А: Мне кажется он сочнее когда не переворачивать// Сейчас многие так делают// А то он суше //. Во всем разговоре предмет речи (омлет) не упоминается так же, как слова *жарить*, *готовить*, *плита* и т. п.

Ср. замечание И. Н. Горелова: «Сам механизм учета в акте коммуникации совместно с партнером ситуативных условий — это один из видов совместной деятельности, делающий ненужным номинацию того или иного элемента реаль-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

видно, что роль для публичной речи — опора на конситуацию не характерна, она свойственна лишь некоторым ее жанрам (например, спортивный комментарий). В публичном общении, как правило, вербальный компонент выступает как самодостаточный, он должен быть понятен без всяких обращений к иным каналам и средствам коммуникации.

Для строения КА большую роль играет наличие/отсутствие связи между содержанием речи и ситуацией ее протекания. Эта связь обнаруживается как важный фактор, влияющий на соотношение вербального компонента с невербальным в акте коммуникации. А именно: если тема речи не связана с конситуацией, то вербальный компонент, естественно, не имеет опоры в конситуации (кроме, возможно, вставных реплик, обращенных к обстановке); если тема связана с конситуацией, то речь оказывается в высокой степени конситуативной, сплавленной с ситуацией, что оказывает большое влияние на ее строение. Выделяются два подвида такой конситуативно обусловленной речи: речь-сопроводитель и речь-комментарий. Подобные акты коммуникации протекают не только как вербальные или невербальные, но и как смешанные. При этом вербальный компонент может выступать лишь как дополнительный компонент деятельности партнеров коммуникации, тогда как именно невербальные действия и составляют цель взаимообщения, интеракции.

Если рассматривать речь в связи с тем, какую роль она играет в акте общения, то получим континуум такого вида:

Речь — основное средство общения	Речь — одно из средств общения	Речь — комментарий событий, данных в конситуации	Речь — сопроводитель действий партнеров коммуникации

И речь-сопроводитель, и речь-комментарий обладают высокой степенью эллиптичности, повышенным употреблением местоимений и других дейктических слов. Оба этих вида широко распространены в личном неофициальном общении: (Два брата собирают разборный шкаф) А: Сюда—сюда/ сильнее// Б: (двигает доску, стремясь попасть в отверстие) Левей—левей// Не лезет// (Б. отодвигает дверцу, переворачивает ее) А: Нет/ не верти// Давай снова! Еще чуть-чуть/ жми—жми// не сломай! осторожно//

ности (рождение конситуативного эллипсиса)» *(Горелов И. Н.* Указ. соч. С. 83).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

(А. и Б. — две женщины. А. собирается мыть голову. Запись ведет В., которая находится рядом) А: Полей мне на голову/ а то из душа холодная [вода]// Б: Ладно/ позови меня тогда// (уходит) А: (кричит) Приходи через пять минут// Б: (приходит) Ну/ куда лить? А: Вот/ я смешала// [холодную и горячую воду] Б. (льет) А: Помедленнее/ еще медленнее// Так хорошо// Теперь сюда/ на затылок// Б: (льет) У тебя мыло за ушами// (льет) А: Там еще много? [воды осталось] Б: Да// А: Ну лей еще// Б: (льет) Хватит//

Речь-комментарий текущих событий наблюдается и в официальном общении (ср. такие жанры радио, телевидения, как спортивный комментарий футбола, хоккея и под.) и в неофициальном (люди наблюдают что-либо, смотрят в окно, разглядывают и обмениваются репликами).

Речь-сопроводитель и речь-комментарий широко употребляются при разных играх, которые и составляют цель интеракции (шахматы, теннис, футбол, лото, домино и под.) как в официальных, так и в неофициальных условиях.

Влияние конситуации на общение сказывается и в других случаях. Если тема речи не связана с конситуацией, конситуативная тематика может вклиниваться в речь. Нередко при этом разговор проходит по двум (или более) тематически не связанным линиям. Например, готовят обед, собирают ягоды, шьют, гуляют, одновременно разговаривают о жизни, кинофильме, спорте, общих знакомых, детях, книгах и т. п., например: (Трое — две женщины — Б. и В. и мужчина А. гуляют по берегу озера. Разговор идет о шахматных соревнованиях — матче между сборной СССР и сборной мира). А: Очень интересно/ как этот матч пройдет// Б.: А кто с той стороны играет? А: Да виднейшие гроссмейстеры// (перечисляет фамилии) В: *Ой! смотрите какие утки!* (показывает на озеро). А: *Они здесь недавно// Привезли, наверное!!* (продолжает о шахматах) Они Каспарова высоко ценят// А ему всего двадцать лет// Ср. другой случай, когда роль конситуации играет предмет (газета), попадающий в поле внимания собеседников: (В Крыму на пляже мужчина — завсегдатай этих мест (А.) рассказывает своим знакомым (Б. — женщина, В. — мужчина) о погоде и проч. В этот разговор вклинивается тема шахматного матча Карпов—Каспаров) А: Если западный ветер/ теплую воду угонит// На несколько градусов похолодает// В: Сколько же бывает? А: Двенадцать// А потом снова/ в один день может назад пригнать// [теплую воду] Б: (видит в руках у А. газету) *Сергей Иванович! У тебя газета// Не*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

знаешь/ как матч идет? А: *Карпов выиграл!!* Б: *Один— ноль?* А: *Да-а// Пока так!!* Если дождь пройдет/ грибы пойдут// По склонам// Б: Какие же? А: Белые такие// В: Шампиньоны? А: Нет// Крепкие// Их жарить можно/

3. Важными компонентами конситуации являются технические средства передачи информации, например, микрофон и телефон. Речь в микрофон обычно используется при коллективной официальной коммуникации. По нашим предварительным наблюдениям, наличие микрофона влияет определенным образом на говорящего. Он оформляет свою речь более тщательно. Это касается прежде всего фонетики (для речи в микрофон характерно «дикторское» произношение), а также синтаксиса (меньше перестроек на ходу, самоперебивов, поправок, колебаний и проч.). Вот как характеризуют действие микрофона на актеров-чтецов по радио: «Для театрального актера мхатовской школы микрофон, становясь объектом внимания, по привычке превращался в «четвертую стену». Радиокритика 30-х годов писала, что эта «четвертая стена» действовала в студии гипнотически, вызывая боязнь перемен позы, расстояния от микрофона... Внутренняя свобода, обусловливающая необходимое рабочее состояние, даже с опытом возникала крайне редко» (*Шерель А.* У микрофона — Качалов).

Речь по телефону также отличается от визуального общения. Жесты и мимика не могут использоваться как полноправные средства коммуникации: возрастает роль контактоустанавливающих средств (проверка каналов связи и проч.), уменьшается эллиптичность.

4. Своеобразным компонентом конситуации являются люди, не участвующие в речи, но присутствующие при общении (третьи лица). Это могут быть как чужие, так и свои люди, случайно или не случайно оказавшиеся «частью обстановки». Наличие третьих лиц по-разному влияет на говорящих. В общем виде можно выделить следующие случаи. Присутствие посторонних ослабляет степень непринужденности разговора. Некоторые виды третьих лиц специфически влияют на собеседников, меняя и тематику, и форму выражения. Так, взрослые при детях, мужчины при женщинах говорят иначе, чем без них. Ср. обычные предостережения типа: «Разве можно при детях?», «Здесь же дети/женщины» и т. п. Существуют случаи, когда разговор фактически бывает направлен присутствующему третьему липу (третьим лицам), хотя формаль-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

но собеседником является другой человек[50] или даже животное[51].

5. Рассмотрим, как связан важнейший признак устной речи — неподготовленность, о котором говорилось, с разными видами устной речи. Неофициальное общение, которое осуществляется на РР или просторечии, протекает как полностью неподготовленное. Даже если участники разговора обдумали заранее предмет речи, беседа идет как импровизация, ибо непринужденность общения, неожиданность реакции собеседников не дают осуществляться запланированному. Что касается КЛЯ, т. е. речи, связанной с официальным общением, то одни виды устной КЛЯ (такие, как лекция, доклад, публичное выступление, ответ на экзамене и т. п.) предполагают известную степень подготовки, тогда как другие могут быть полностью неподготовленными (выступление в публичной дискуссии, например, иногда протекает как полная импровизация). Однако и обдуманная публичная устная речь, если оратор говорит, а не читает, реализуется как импровизация, так как ее оформление средствами языка происходит в момент ее произнесения[52]. Устная форма не дает говорящему возможности «зачеркнуть» сказанное, изъять его, заменив другим, что мы делаем постоянно при порождении письменного текста. Итак, с нашей точки зрения, хотя признак неподготовленность по-разному обнаруживается в разных видах устной речи, он присущ всем ее видам. Особую роль в шкалировании признака «неподготовленность» играет фиксированность темы. Очевидно, что фиксированная заранее тема увеличивает степень подготовленности речи и соответственно ослабляет ее импровизационный характер. Существует определенная связь и между фиксированностью темы и официальностью сообщения. Тема бывает фиксирована обычно в официальных условиях общения, тогда как общение неофициальное протекает, как правило, по произвольной тематике. Фиксированность темы при непринужденном раскованном общении, по нашим наблюдениям, очень часто нарушается. Дело в том, что в неофициальном общении, даже если планируется, назнача-

[50] Вот обычные примеры: (Обращаясь к ребенку) «А *папа наш очень любит телевизор смотреть*», жена упрекает мужа, что он не помогает по хозяйству; желая завязать знакомство с молодой женщиной, незнакомый заговаривает с ее ребенком.

[51] Речи, обращенные к собаке или кошке, нередко могут быть адресованы ее хозяевам.

[52] Аналогичного мнения придерживаются В. Барнет и О. А. Лаптева, которые пишут об устной публичной речи, что она представляет «собой продукт сиюминутного речетворчества» (*Барнет В., Лаптева О. А.* Указ. соч. С. 46).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ется обсуждение чего-то (поговорим о покупке автомобиля, дачи, летнем отдыхе и т. п.) или рассказ о чем-то, то внутри этой заданной темы возможны и часто возникают отходы, отступления. Отступления от основной темы, конечно, имеются и в официальных выступлениях по заданной (заявленной) теме, но там они имеют нередко планируемый характер, хотя в отдельных случаях могут возникать и спонтанно.

Фиксированность темы противопоставлена свободному тематическому развитию текста, которое наиболее органично связано с неподготовленной непринужденной речью. Непринужденная неделовая речь допускает прихотливые и многообразные возможности тематического развития. Часто речь движется по признаку ассоциативного присоединения, используя словечки типа *кстати*, обороты *А вот еще я знаю случай, Со мной тоже была история, У меня еще лучше/ интереснее/смешнее/забавнее... было* и т. п. Вопрос о характере тематического развития свободного разговора нуждается в изучении. Очевидно, что одна из основных движущих сил сцепления тем в таком разговоре — закон ассоциативного присоединения. Это ассоциативное присоединение может быть для говорящих и очевидным, и подспудным. В подобном случае могут возникать вопросы как у слушающего, так и у говорящего, относящиеся к логике развития разговора, особой сфере метакоммуникации: А *почему ты об этом заговорил(а)? Почему ты это вспомнил(а)? Что это тебе пришло на ум?* Или же говорящий задает само-вопросы и дает объяснения: *Почему я вдруг об этом вспомнил? Ага/ это мне вот что напомнило.* Импульсом для возникновения ассоциаций могут быть контекст (I) и конситуация (II). (I) А: Где вы летом будете? Б: На Рижском взморье// А: А как Катя поживает/ Верина? Довольна факультетом? Б: Да// *Что это ты Катю вспомнила?* А: Да-а мы ведь с ней там на взморье познакомились// (II) (двое идут по улице под дождем) А: Ну и льет сегодня! Б: Да/ как прорвало! А: Ты видел фильм «Шербурские зонтики»? Б: *Что это ты вдруг?* А: Да там дождь все время// И зонты//; (разговор в метро; двое едут на работу) А: У нас сегодня собрание// Я задержусь// Б: А я сразу домой// А: Какой чемодан нам лучше в Крым взять? Б: *Что ты о чемодане вспомнила?* А: Да вон сидит с чемоданом/ я и подумала/ пора уж собираться//

Ср. диалог из пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», в котором Елена спрашивает Шервинского, почему он неожиданно вспоминает о ее муже:

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

«Елена. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Шервинский. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Елена. Кто?

Шервинский. Ваш муж.

Елена. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Шервинский. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Елена. Слышала. И все вы сочиняете.

Шервинский. Ей-богу, я вас люблю.

Елена. Ну и любите про себя.

Шервинский. Не хочу, мне надоело.

Елена. Постойте, постойте. *Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?* (курсив наш. — *Е. З.*).

Шервинский. Потому что он на крысу похож».

Импульсом для изменения темы, включения новой темы могут быть также ассоциации, порождаемые словесными образами текста, каким-нибудь словесным оборотом, в частности, сравнением. Например, разговор о ленинградском театре юного зрителя переходит на разговор о вокзалах из-за сравнения здания театра с вокзалом: А: А театр противный// Внутри// *На вокзал/ знаете/ похож//* (курсив наш. — *Е. З.*) Холодный... В: Я никогда не была в нем внутри// А: А? Витебский вокзал! В: Витебский вокзал тоже для меня тайна// А: Стоит в поле/ этот... коробчатый... такой... дом/ ведь... бетон! [рассказывает о здании театра] В: *Мы вообще в ваших вокзалах, честно говоря, запутались//* Вот... Павловск с какого вокзала?»[53].

6. Чтобы установить, как именно влияют разные признаки ситуации на речь, необходимо разработать типологию ситуаций. Для этого следует изучить корреляции между отдельными признаками конситуации, ее структурой, между признаками партнеров коммуникации и вербальной частью. Это важнейшая задача изучения живой устной речи.

[53] Русская разговорная речь: Тексты. С. 119.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Перечислим признаки коммуникативного акта (КА), связанные с конситуацией и оказывающие влияние на построение речи:

Характер коммуникации	Официальная/неофициальная
Вид коммуникации	Личная/публичная
Подвид публичной коммуникации	Коллективная/массовая
Связь КА с конситуацией	Есть/нет
Речь-сопроводитель действий КА	Да/нет
Речь-комментарий текущих событий	Да/нет
Место КА	Дом, улица, магазин, театр, вокзал, ...
Повторяемость ситуации[54]	Высокая/средняя/нет

Как видно, названные признаки могут получать значения разного рода: 1) взаимоисключающие (типа да/нет), 2) варьирующие по шкале больше — меньше, 3) реализующие разные признаки (место: дом, улица, кинотеатр, магазин и т. п.).

Подведем итог, перечислив охарактеризованные разновидности городской устной речи. Выделение разновидностей устной речи производится по ряду противопоставленных признаков. Каждый признак дает разбиение на два вида, т. е. действует дихотомически. Выделенные разновидности речи далее получают характеристику по другим признакам, что приводит к дальнейшему более дробному разделению, при котором каждой выделенной разновидности приписывается некоторая совокупность одного из противопоставленных признаков:

Характер коммуникации	Неофициальная/официальная
Вид общения	Публичное/личное
Неофициальное	Личное
Официальное	Личное/публичное
Наличие обратной связи между говорящими и адресатом и использование технических средств (радио, телевидение)	Публичная: массовая/коллективная
Социально-образовательная характеристика говорящего субъекта	Литературный язык (ЛЯ); Просторечие (Пр.)
Литературный язык в зависимости от характера коммуникации[55]	Кодифицированный литературный язык (КЛЯ); Разговорный литературный язык (РЯ)

[54] Частотная, повторяющаяся ситуация порождает стереотипические (шаблонные) формулы выражения. См.: Русская разговорная речь: Тексты. С. 269–305.

[55] Просторечие не имеет подобного подразделения.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Следовательно, названные разновидности устной речи осуществляются на следующих формациях: литературный язык (КЛЯ или РЯ), просторечие (Пр.). Соответственно выделяется пять основных разновидностей устной городской речи (в скобках указан способ реализации данной разновидности): неофициальная личная речь (РЯ), неофициальная личная речь (Пр.), официальная личная речь (КЛЯ), массовая публичная речь (КЛЯ), коллективная публичная речь (КЛЯ).

Реже коллективная публичная речь и отдельные виды массовой коммуникации (например, интервью) могут осуществляться на просторечии или на просторечии с вкраплением элементов книжного литературного языка.

Учет действия других рассмотренных факторов позволяет выделить иные, менее крупные, разновидности устной речи. Назовем некоторые из них.

С точки зрения соотношения речи и конситуации (функции вербального компонента в структуре коммуникативного акта) выделяются коммуникативные акты, вербальная часть которых играет основную роль в общении (обмен информацией, мнениями, переживания, остроты, словесные шутки и т. п.), вербальная часть которых периферийна (речь-сопроводитель, речь-комментарий).

Эти подразделения существенны для речи официальной и неофициальной, личной и публичной, массовой и коллективной.

С точки зрения сопряженности КА с частотной/нечастотной конситуацией выделяется речь стреотипическая/свободная (и та, и другая может быть официальной и неофициальной). В зависимости от характера частотной конситуации речь стреотипическая подразделяется на городские стреотипы/формулы речевого этикета.

Рассматривая роль тех или иных факторов в дифференциации устной речи, мы не касались важнейшего признака устной речи — неподготовленности. Как говорилось выше, этот признак имеет шкалированный характер, поэтому реальная речь предстает перед нами не только в виде полностью неподготовленной/полностью подготовленной, но и нередко в виде подготовленной в известной степени. Можно предложить такое подразделение: речь полностью неподготовленная (весь массив неофициальной личной речи и некоторые виды официальной личной и публичной речи); речь на известную заранее тему; речь по обдуманному плану; речь по теме, по которой имеется письменный текст; речь, отдельные части которой обдуманы и/или подготовлены.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Кроме того, при изучении степени подготовленности речи следует учитывать такой фактор, как повторяемость/неповторяемость ситуации (см. подразделение: речь свободная/речь стереотипическая). Речь в повторяющихся ситуациях, т. е. стереотипическая, даже в том случае, если данная ситуация для говорящего возникла неожиданно, характеризуется большей подготовленностью, так как допускает использование готовых, уже известных говорящему речевых формул, применение которых облегчает говорение.

Изучение видов речи, обладающих разной степенью неподготовленности, покажет, какие именно элементы признака неподготовленность и как именно влияет на построение речи. Очевидно, что не все факторы из названных имеют одинаковый вес и не все они могут быть учтены в равной мере при современном состоянии изучения городской речи. Варьирование многих признаков не дает четкого разбиения устной речи на резко противопоставленные группы. Например, как влияют возрастные характеристики говорящего? Достаточно ли разбиения на три группы (молодежь, средний возраст, старики), или надо делить на более дробные группы? Требует изучения характер корреляции многих прагматических признаков с лингвистическими особенностями речи. Например, сказываются ли профессиональные и возрастные различия только в лексике, номинациях, ударении или и в явлениях другого рода? Сколь существенно для русского языка противопоставление мужская/женская речь? Эти и многие другие вопросы ждут изучения.

Примечание. Дифференциацию устной речи на типы в связи с различным соотношением признаков коммуникативного акта ведут исследователи разных языков.

Представляют интерес схемы разновидностей речи, построенных как многомерные модели, варьирующиеся по шкале больше—меньше. Так, например, Фред Карлссон строит схему финской речи, характеризуя различные виды устной и письменной речи как изменение ряда параметров по шкале больше—меньше. Он использует такие параметры: канал (устный—письменный); социальный статус (выше—ниже), возраст (выше—ниже), формальная (официальная) ситуация (более—менее), выделяя следующие черты формации: книжный (литературный) язык (kirjakieli), общая разговорная речь (yleispuhekieli), просторечная (будничная) разговорная речь (arkipuhekieli), диалекты[56]. Каждая из этих формаций предстает как меняющаяся в зависимости от изменения формирующих ее параметров. В результате создается не дискретное разбиение на языковые формации, но «скользящее» разбиение всего массива языка на такие формации, каждая из которых включает множество составляющих (в зави-

[56] См.: *Karlsson Fred.* Suomen Kielen. Porvoo; Helsinki; Juwa, 1983. S. 49.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

симости от изменения возраста говорящих, их социального статуса и степени официальности ситуации).

Приведем для сравнения типологию, разработанную одним из научных центров ФРГ. Лингвисты Фрейбургского исследовательского центра разрабатывают теорию «Redekonstellationen» (совокупность факторов, определяющих разбиение речи на типы). Они изучают влияние общественной ситуации на языковое поведение внутри однородной группы говорящих. Среди экстралингвистических признаков, влияющих на дифференциацию устной речи, в качестве основных выделяются: 1) число говорящих (один/более одного); 2) отнесенность КА ко времени; 3) спаянность КА с ситуацией; 4) равноправие партнеров в акте коммуникации; 5) степень подготовленности речи; 6) мена говорящих (нулевая/относительно малая/относительно большая); 7) фиксированность темы (тема задана заранее/не задана заранее); 8) степень публичности речи (публичная/полупубличная/непубличная/частная)[57].

Совокупность тех или иных реализаций каждого признака создает разбиение всего континуума устной речи на семь видов: интервью; дискуссия, тематический разговор; разговор; доклад; репортаж; рассказ.

Коммуникативные намерения говорящего

Под иным утлом зрения предстает проблема дифференциации устной речи, если рассматривать ее, принимая во внимание коммуникативные намерения говорящего: что движет говорящим при построении того или иного акта речи? От коммуникативных намерений говорящего во многом зависит и собственно языковая структура акта общения, воплощение его в той или иной языковой форме. Для изучения этой проблематики большую роль играет теория речевых актов, которая интенсивно и плодотворно — вслед за классическими работами Дж. Остина[58] и Дж. Серла[59] — разрабатывается в современной лингвистике. Дж. Серл, останавливаясь на ряде признаков, прежде всего таких, как цель речевого акта, направленность речевого акта (от слова к действительности или наоборот), психическое состояние говорящего, выделяет пять основных типов речевых

[57] Признаки такого рода используются при описании живой разговорной немецкой речи в книге: Texte gesprochener deutschen Standardspache, III. Alltagsgespräche. München, 1975; Texte gesprochener deutschen Standardsprache, I. München, 1971. S. 23–27. См. также матрицу признаков, влияющих на разбиение речи: Lehrgang Sprache. Einführung in die moderne Linguistik. Lieferung 4. Tübingen, 1974. S. 1027–1029.

[58] *Austin J. L.* How to do things with words // Cambridge (Mass.). Harvard Univ. Press. 1962. Vol. IX.

[59] *Searle J.K.* Speech acts. Cambridge, 1969; *Searle J. R.* A classification of illocutionary acts // Language in Society. London, 1979. Vol. 1. P. 1–23; *Он же.* Indirect speech acts // Syntax and Semantics. N. Y.; San-Fr.; London, 1975. Vol. 3.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

актов: репрезентативы, директивы (приказания, просьбы), комиссивы (обещания, клятвы, заверения), экспрессивы (благодарности, извинения, поздравления, соболезнования), декларативы (увольнения, отречения). Речевые акты делятся на прямые и косвенные (непрямые), так как нередко — в силу определенной условности (социального договора) — подлинное назначение речевого акта не совпадает с его прямым буквальным значением[60]. Хорошо известно, что многие высказывания, имеющие буквальное значение вопроса, функционируют как вежливые просьбы[61]. Фраза *Не могли бы вы передать мне соль* не есть вопрос о силах или умении передавать соль, но просьба сделать это. Ср. также обычно просьбы типа: *Не скажете, как пройти к...? У вас сигареты не найдется? У вас есть спички?* и т. п.

В теории речевых актов важнейшее значение имеет понятие, названное Остиным иллокутивная сила. Иллокутивная сила воплощает коммуникативное намерение говорящего. Остин предлагает различать три явления: локутивный акт (или: локуцию) — это «та сторона речевого поведения, при которой важно сообщение о чем-либо, пропозициональный или референционный акт»[62]; иллокутивная сила (иллокуция), т. е. цель речевого акта, воплощающая речевое намерение говорящего, значимость речевого акта для данного говорящего, в данном коммуникативном акте, в данной конситуации, например, просьба, вопрос, угроза, сообщение и т. п.[63]; пер-

[60] Ярким примером такого несоответствия намерения говорящего и грамматического оформления высказывания дает Ч. Диккенс: «Он (Джонас) написал записку насчет чемодана и послал с ней посыльного, который вскоре вернулся с вещами и запиской от другой его движимости — жены, выразившей желание, чтобы ей позволили повидаться с ним на минуту. На эту просьбу он ответил: «Пусть попробует!» и поскольку это лаконическое утверждение *выражало отрицание, хотя и вопреки всем правилам грамматики,* — она не посмела прийти (курсив наш. — *Е. З.*)» (*Диккенс Ч.* Жизнь и приключения Мартина Чезлвита / Перевод Н. Дарузес).

[61] Между вопросительными высказываниями и категорией вежливости наблюдается тесная связь в языках разных типов у народов разных континентов. Использование вопросительных конструкций в разнообразных «ситуациях вежливости» рассматривается как языковая универсалия. См. интересное исследование: Questions and politness. Strategies in Social interaction / Ed. E. N. Goody. Cambridge: Univ. Press, 1978. См.: *Brown P.* and *Levinson S.* Universals in language in language usage: Politeness phenomena. P. 56–310.

[62] *Николаева Т. М,* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 469.

[63] Разъяснение понятия «иллокутивная сила» см.: *Дейк Т. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 292 и

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

локуция — неречевые результаты речевого акта (на просьбу может последовать реакция ее выполнения, угроза может остановить дурной поступок и т. п.).

Выделение понятия иллокутивная сила (акт) имело большое значение для лингвистической прагматики и теории коммуникации, так как оно показало сложные отношения между коммуникативными намерениями говорящих и их воплощением в языковых структурах. Эта теория породила целое направление в языкознании, принесшее значительные результаты[64]. В настоящее время она вступила в такую фазу, когда дальнейшее продвижение теории требует дополнения и проверки более широким материалом, а именно фактами естественной речи, ибо до сих пор эта теория разрабатывалась на несколько искусственном материале отдельных специально сконструированных высказываний[65]. Между тем устная речь — это первичный, основной вид общения. Поэтому изучение устной речи во всем ее многообразии, и прежде всего тех ее разновидностей, которые предназначены для естественного непринужденного общения, особенно важно.

Необходимо отметить следующее. Теория речевых актов разрабатывалась на материале только английского языка. При этом молчаливо предполагалось, что выявленные закономерности имеют универсальный характер, распространяются на все языки. Однако структура речевых актов в разных языках отличается своеобразием. Национальная и культурно-историческая специфика накладывает отпечаток на строение речевых актов[66]. Именно поэтому изу-

---

след. См. также специальный выпуск: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Теория речевых актов. М., 1986.

[64] Обзор идей и критическую оценку этого направления см.: *Герасимов В. И., Ромашко С. А.* Прагматика устного общения // Звучащий текст: Сб. обзоров. ИНИОН. М., 1983. С. 173–217; *Безменова Н. А., Герасимов В. И.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984. С. 146–196.

[65] См.: *Roulet Eddy.* Echanges, interventions et actes de langage dans la structure de la conversation // Impromptu Speech. 1982. P. 47–70; *Он же.* L'analyse de conversations authentiques // Etudes de linguistique appliqueé. [Paris, Didier.) 1981. N 44. Лишь в немногих работах исследование коммуникативно-прагматической структуры текста ведется на материале записей живой речи: *Müllerová O.* Komunikativní slozky výstavby dialogického textu. Praha, 1979; *Weiss D.* Konversationsanalyse: Materialen zu einer sprachlichen Interactionsgrammatik // Slavistische Beiträge. Bd 147. Slavistische Linguistik 1980. München, 1981. S. 202–242.

[66] См.: *Wierzbicka A.* Different cultures, different languages, different speech actes. English vs. Polish // Journal of Pragmatics. 1985.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

чение соответствующей проблематики на материале разных языков имеет большое теоретическое и практическое значение.

Обращение к материалу живой речи сразу показывает, что в теории речевых актов многое требует дальнейшего исследования.

Образует ли каждое высказывание отдельный речевой акт? Является ли число типов речевых актов замкнутым? Существует ли полное соответствие между набором глаголов, называющих разные виды говорения, и типами речевых актов? Эти и многие другие вопросы ждут ответа.

Изучение естественного общения показывает, что иллокутивная сила очень многих высказываний не совпадает с их формой. Таковы не только вопросительные высказывания, выражающие просьбу, но и многие повествовательные высказывания, констатирующие какой-либо элемент ситуации, которые, по существу, являются просьбами. Ср. например: *Звонят!!* (= открой дверь); Дует// (= закрой окно, дверь); *Дети спят//; Папа занимается//* (= не шумите) и т. п.

Приведем пример обычного разговора, показывающий, что многие высказывания несут в себе разные иллокутивные силы, так как содержат сложные, часто нерасчлененные и не вполне осознанные самим говорящим намерения: (Жаркий летний день, на даче. Взрослая дочь (А. говорит матери — Б.) А: Пойду твою красную майку надену// А то мне очень жарко// Б: Хорошо// А я пойду прилягу// А то меня очень в сон клонит//

Первое высказывание, информативное по форме (репрезентатив), содержит, кроме сообщения о предлагаемом действии, элемент вопроса или просьбы (= разреши надеть твою майку; можно я надену твою майку?), или извинения, которое может быть понято только из знания предситуации и предконтекста, ибо до этого был разговор, что майка плохо сидит (= прости, что я, зная твое мнение, что майка мне велика, пренебрегаю им), и которому дается обоснование (*А то мне очень жарко).* Реплика Б. — это и сообщение (репрезентатив) и просьба не входить в комнату, не мешать спать (директив), и обоснование своих действий (*А то меня очень в сон клонит).*

Понять полный смысл многих речевых актов можно только, учитывая строение не отдельных высказываний, но всего акта коммуникации, зная контекст и конситуацию, отношения между партнерами коммуникации, принимая во внимание роль невербального компонента. Необходимо учитывать, что наряду с речевыми акта-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ми, которые служат для выражения иллокутивной силы, имеются такие, которые лишь сопровождают целенаправленные действия партнеров коммуникации.

Особое внимание должно быть направлено на изучение способов выражения метакоммуникативной функции, т. е. средств, обращенных на выявление иллокутивной силы высказывания, ибо она не всегда очевидна. Для русского языка типичны вопросы: *Что ты хочешь сказать? Что ты имеешь в виду?*

В этом отношении показательны диалоги, в которых вторая реплика содержит прямой вопрос о коммуникативном намерении говорящего. Вот несколько диалогов мужа (А) и жены (Б): А: Я завтра приду очень поздно// Б: *Это что? Угроза?!!* А: — Ты что-то слишком нарядилась? Б: *На что ты намекаешь?;* А: — Петька опять двойку получил// Б: *Ты меня упрекаешь?*

В реальной речи возможно нарушение условий применения косвенных речевых актов, когда слушающий не понимает или делает вид, что не понимает речевого намерения говорящего, а реагирует на буквальный смысл фразы. В первом случае нарушение конвенции употребления объясняется плохим знанием законов употребления данного языка. Так, в ответ на слова француженки-преподавателя французского языка «Voules-vous lire?» ее взрослый русский ученик отвечал неоднократно «Non, je ne veux pas», пока не понял, что это совсем не вопрос, а вежливое побуждение. Конвенциального смысла речи часто не понимают дети. Вот разговор бабушки и внучки, наглядно иллюстрирующий это: А: Леночка! Будь здоровая! Л: Буду! (сама добавляет) И еще счастливая// И еще храбрая// А: И еще умная! Л: Буду// А: И еще какая? Л: (возмущенно) Хватит//

Сознательное нарушение правил общения может расцениваться как шутка или грубость, наглость[67]:

— Можно вам предложить чашечку кофе? — Можно/ но не нужно// я кофе не пью//; (в семье за завтраком, младший брат обращается к старшему) Мишарик! Перебрось мне молочничек! (тот бросает, молоко проливается на стол) М. с улыбкой: Но ты же сам меня просил перебросить//

[67] Примеры нарушений подобного рода из естественной речи приводит Т. В. Булыгина. См.: *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 4. С. 338; см. также характеристику коммуникативно-экспрессивных «игр» современных носителей литературного языка: *Винокур Т. Г.* Указ. соч. С. 144– 145.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Говоря о необходимости выявления иллокутивной силы каждого высказывания, необходимо учитывать, что имеются речевые акты, наделенные специфической целью. Если принять за истину, что все иллокутивные силы получают выражение в глаголах естественного языка (ср. *просить, приказывать, угрожать, обещать, назначать и т. п.)*, то глаголы *(острить, шутить, болтать, трепаться)* также обозначают специфические речевые акты. Болтовня, шутка как будто бы не посвящены никакой прагматической цели, никакой определенной теме, ни получению информации, ни выяснению каких-то вопросов. Это просто балагурство, «треп для трепа», для убивания времени, из желания понравиться, произвести впечатление или острословие, порождаемое желанием пошутить, для реализации хорошего настроения и эстетического намерения говорящего[68]. В последнем случае получает осуществление поэтическая функция языка.

Изучение реального функционирования устной речи предполагает исследование стратегии и тактики партнеров коммуникации в процессе общения. Определенный интерес в этом отношении имеют идеи Грайса, разработавшего так называемые постулаты общения[69]. Исходя из основного принципа общения, который он называет принципом сотрудничества, Грайс выделяет четыре категории постулатов (максим): постулат количества или информативности («говори так, чтобы твой вклад в беседу был достаточно информативным», «не говори лишнего»); постулат качества или истинности («говори правду»); постулат релевантности («говори то, что относится к делу»); постулат способа выражения («говори ясно», «говори коротко», «избегай двусмысленностей»), которые регулируют речевое поведение людей[70]. Кроме этих постулатов Грайс выдвигает понятие импликатуры — той части информации, которая может быть извлечена из данного высказывания собеседником. Для нас особый интерес имеют импликатуры общения (импликатуры дискурса). Они дают возможность говорящему не называть словами

[68] См. гл. «Языковая игра» в кн.: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

[69] См.: *Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and Semantik. N.Y., 1975. Vol. 3. P. 41–48.

[70] Обсуждение постулатов Грайса см. в ряде работ: *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. №4. С. 353; *Булыгина Т. В.* Указ. соч. С. 338; *Герасимов В. И., Ромашка С. А.* Указ. соч. С. 175–181; *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. С. 42–47.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

то, что может быть выведено слушающим из речи, т. е. понять коммуникативное намерение говорящего, «вычислить», что он имеет в виду, когда говорит что-либо.

С такого рода импликаторами мы постоянно имеем дело, «разгадывание» их обычно не составляет труда для говорящих. Так, если вы пригласили приятеля в кино, а он вам ответил, что у него завтра экзамен, вы без труда понимаете, что он отказался идти с вами в кино, что он дал вам отрицательный ответ. Однако, с точки зрения постулатов Грайса, этот диалог выглядит как бессмысленный, ибо в ответ на приглашение в кино следует сообщение об экзамене, а по поводу приглашения никакой реакции нет. Таким образом, здесь внешне нарушается постулат релевантности. Однако на самом деле в этом и многих других случаях остается не выраженным то, что ясно, а именно: у меня экзамен, ergo: я должен готовиться, ergo: у меня нет времени, ergo: я в кино не пойду, т. е. говорящий пропускает несколько объяснительных звеньев, давая лишь мотивировку[71].

Отметим, что кроме словесного наполнения реплики играет роль и интонация, тон, взгляд и т. п. Если приятель отвечает неуверенным тоном: *Вообще-то у меня завтра экзамен...*, его ответ может расцениваться как согласие, хотя и даваемое с оговоркой.

Сопоставляя постулаты Грайса с тем, как реально идет неподготовленное непринужденное общение, важно подчеркнуть следующее. Реальная живая речь сложнее, чем те закономерности, которые описывают лингвисты и философы. Люди не всегда говорят с вполне определенной и единственной целью, чтобы достичь какого-то определенного результата; не всегда бывают краткими, ясными, непротиворечивыми, правдивыми, т. е. они нарушают максимы Грайса на каждом шагу[72]. Отсюда можно сделать выводы: постулаты Грайса скорее характеризуют то, как должно вести разговор, чем то, как происходит реальное естественное общение; законы построения реального естественного разговора еще требуют изучения.

Покажем, как происходит нарушение постулатов Грайса в обычной естественной речи.

Очень часто нарушается постулат количества. Свидетельством

[71] Подробный анализ того, как идет понимание обычной «свернутой» речи, составляет содержание ряда специальных работ: *Morgan J. L.* Two types of convention in indirect speech acts // Syntax and Semantics. N.Y., 1978. Vol. 9. P. 261–280.

[72] Аналогичного мнения придерживаются Ф. Данеш и О. Мюллерова. См.: *Daneš Fr., Müllerová O.* Op. cit. C. 326–327.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

этого служат такие привычные замечания: *Не тяни! Не тяни резину! Ближе к делу! Короче! Да покороче ты!* и т. п.

Постулат релевантности также нередко нарушается говорящими.

Особенно это заметно в некоторых типичных ситуациях, например, при указании дороги: (разговор двух прохожих на улице) А: К «Детскому миру» как пройти? Б: (задумчиво повторяет) К «Детскому миру»// *Как бы вам получше объяснить*// Идите прямо// Налево не сворачивайте// Там будет «Металлоремонт»// И направо не надо// Там на углу цветочный магазин// *Я там всегда цветы покупаю!! У них часто бывают гвоздики хорошие!!* Идите все прямо-прямо// А потом/ третий переулок направо/ вот он вас и выведет// Сами увидите//

Этот текст показывает, как обычно люди дают объяснения.

Все выделенное совсем не нужно спрашивающему. Собеседники, как правило, легко отсеивают лишнее, только иногда раздражаясь, когда им сообщают не то. В таких случаях возможны реплики: *Зачем вы мне это говорите? Я про гвоздики не спрашивал.* Однако появление подобных реакций сдерживают правила вежливости.

От случаев нарушения постулата релевантности, когда лишнее играет роль баласта, упаковочного средства, но не несет никакой нужной информации, следует отличать прямое и резкое нарушение постулата релевантности, используемое как средство уклониться от ответа, от выражения своего мнения. Последнее прочитывается как отрицательный ответ, являясь «импликатурой общения» — средством дать понять что-то без слов, намеком. Примеры подобного рода не редки[73].

Ты считаешь ее красивой? — *Она хорошо одевается//;* (за обедом к салату подано два вида масла — горчичное и подсолнечное. Идет спор, какое вкуснее) — Коля! Ты лю́бишь горчичное масло? — (улыбаясь) *Я его е́м*// ('вынужден', 'не хочет обидеть жену, которая его любит').

Оба ответа могут быть поняты как сознательное нежелание выразить отрицательное мнение. Ср. также: — Вы довольны своей аспиранткой? — *У нее маленький ребенок/и она все время болеет*//

В естественном общении нередко нарушают постулат информативности, что может приводить к коммуникативным неудачам.

[73] См.: *Кулагина Т. В.* Указ. соч. С. 339.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Вот типичный диалог: А: Пойдешь в кино? В: (не отвечая, задает встречный вопрос) *А на что?*

В подобных случаях могут возникать конфликты: А: Будешь есть салат? Б: *Когда?* А: На ужин// Б: А *когда?* А: *Какая тебе разница, когда*// Скажи/ будешь или не будешь// Мне важно/ сколько готовить//

Постулат способа выражения (или манеры), т. е. требование говорить ясно и недвусмысленно, также нарушается в обычной речи весьма часто. Непринужденная речь, опирающаяся на ситуацию и общность апперцепционной базы собеседников, в высшей степени эллиптична. Она совмещает длинноты, «разжевывание» ясного с недообъяснением многого необходимого. Нередко говорящий даже не дает себе труда задуматься над тем, что может быть не понятно: (Разговор между двумя женщинами-сослуживицами. Каждая сидит за своим рабочим местом) А: Вот если будет не 75 а 77/ то я умру совсем// Б: Чего 75? Лет? А: Да нет/ это я о страницах/ вот в статье// (перелистывает статью); А: (подходит к окну и смотрит на термометр) Так/сейчас десять// (имеет в виду: градусов) Б: Что ты, Машенька! Сейчас двенадцать (глядит на свои часы)//

Приведем пример, в котором причиной непонимания того, о чем спрашивается, служит разнообразие предситуации[74], эллиптичность вопроса и многозначность русского *как*. Отвечающий понимает вопрос, опираясь на одну предситуацию, спрашивающий имеет в виду другую: (Разговор в санатории между мужчиной-химиком (А) и женщиной-англистом (Б) А: Как хрен? Б: A horseradish// А: Нет/ я спрашиваю/ вкусный? (А. перед этим угостил Б. хреном) Б: А-а! А я думала/ вы хотите знать/ как по-англий-

[74] Интересный случай коммуникативной неудачи, объясняемой тем, что один партнер коммуникации имеет в виду ближайшую предситуацию, а другой — отдаленную, приводит Н. М. Карамзин: «Г. Профессор Брейтингер, с которым я еще не видался по возвращении своем из Шафгаузена, встретился мне в толпе народа, когда уже кончилось ученье Цюрихской милиции, и после первого приветствия спросил, каково показалось мне в и д е н н о е [выделено автором. — *Е. З.*] мною? Я думал, что он говорит о падении Рейна ... и с жаром сказал ему: ах! Кто может описать великолепие такого явления? Надобно только видеть и удивляться. «Это были наши волонтеры» — отвечал мне Господин Профессор и с поклоном ушел от меня. Тут я понял, что он спрашивал меня не о падении Рейна, а об ученьи Цюрихских солдат; каковым же ему показался ответ мой? Признаться, я досадовал и на себя, и на него, и хотел было бежать за ним, чтобы вывести его из заблуждения, столь оскорбительного для моего самолюбия» *(Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 116–117).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ски// (обращаясь к В., поясняет) Мы говорили о разных названиях и я давала переводы// (к А.) Очень!

Особенно характерно для неподготовленной непринужденной речи использование личных и указательных местоимений *(он, она, оно, они; этот, эта, это, эти) без* антецедента.

Здесь обычно выделяются два случая: то, о чем говорится, присутствие в конситуации; то, о чем говорится, дано в общности апперцепционной базы говорящих[75].

Отметим, что в непринужденной речи, стоящей за пределами литературного языка, употребление местоимений без опоры на текст и конситуацию распространено еще больше. Так, оно широко свойственно русскому просторечию[76]. В просторечии говорящий часто не учитывает, знает ли слушающий, о чем/ком идет речь, имеет ли он не только общую апперцепционную базу, но хотя бы какие-нибудь представления, о ком или о чем говорится[77]. Поэтому часто возникают недопонимания, переспросы: Он пришел и говорит// — *Кто он-то?; Я* ему дала пять рублей/ а она мене выговаривает// — *Кто она?*

Итак, естественная неподготовленная непринужденная речь, движимая законами линейного развертывания и семантического синкретизма, часто не следует постулатам Грайса. Сознательное нарушение постулатов Грайса может использоваться как средство комизма[78].

Роль постулатов Грайса, как можно думать, значительнее в речи подготовленной, тщательно организованной, продуманной, т. е. в речи письменной, построенной по правилам кодифицированного литературного языка. Из разновидностей устной речи им больше подчиняется речь публичная, чем личная. Но наиболее ярко посту-

[75] Это явление типично для разговорной речи разных языков. См. анализ так называемого экзофорического употребления местоимений третьего лица (he, she, it) и that в английской РР: *Thavenius C.* Exophora in English conversation: A study of third person pronominal reference // Impromptu Speech. P. 291–305.

[76] См.: *Земская Е. А., Китайгородская М. В.* Наблюдения над просторечной морфологией. Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.

[77] См. статью М. В. Китайгородской в этом сборнике.

[78] Именно поэтому нарушение постулатов Грайса — как резкое противоречие нормам книжного построения языка — используется в языке художественной литературы в качестве приема, создающего эффект абсурда, гротеска, резкого комизма. Один из ярчайших примеров — сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Интересный анализ этих явлений см.: *Падучева Е. В.* Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла // Tekst i zdanie. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1983.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

латы Грайса обнаруживаются в языке массовой коммуникации. О тех высоких требованиях простоты, ясности, доступности, которые должны составлять неотъемлемую часть языка массовой коммуникации, писал Г. В. Степанов: «Использование средств массовой информации (печать, радио, телевидение, звуковое кино), не изменяя общей стратегии речевого акта (сообщить что-то и убедить в чем-то), значительно усложняет задачу "говорящего", ведь "адресат" у него теперь не один человек, а миллионы читателей, слушателей, зрителей. Не вдаваясь в подробности структуры такого вида общения, отмечу только, что выбор языковых средств выражения и убеждения осуществляется здесь с большой строгостью и ответственностью, поскольку требования доступности, понятности и ясности повышаются. Чем больше людей вовлекается в акт коммуникации, тем более универсальной, общей должна быть форма сообщения. Только единый литературный язык может возвыситься над десятками диалектов и наречий, сотнями говоров и объединить миллионы читателей и слушателей единым пониманием и восприятием сказанного»[79].

Необходимо отметить, что наряду с принципом сотрудничества, провозглашенным Грайсом, в общении большую роль играет и принцип соперничества, который ведет к спорам, полемике, конфликтам и проч. Например, А. К. Соловьева выделяет кроме диалогического унисона и такие разновидности диалога: спор, конфиденциальное объяснение, эмоциональный конфликт (ссора)[80].

Конфликты в диалоге могут возникать не только из-за столкновения мнений, взглядов, чувств, тем. Особый вид конфликтов составляют такие, причиной которых является непонимание говорящими коммуникативного намерения собеседника. Эти кофликты представляют особый интерес для изучения теории общения, ибо их суть не разногласия по поводу содержания разговора; они имеют м е т а к о м м у н и к а т и в н ы й характер. Вот типичный для русского языка пример — неразличение вопроса, не содержащего вопросительного слова и выражаемого лишь интонационно, и сообщения, что вызывает непонимание, т. е. создает коммуникативную неудачу: (А. входит в квартиру и обращается к Б., который был дома) А:

[79] *Степанов Г. В.* Стихия языка в стихии споров // Лит. газ. 1984. 27 июня. С. 2.

[80] См.: *Соловьева А. К.* О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ. 1965. № 6. С. 103–110.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Катя пришла уже? Б: Разве? А я не заметил// А: Да нет/ *я тебя спрашиваю!!* Б: А *я думал ты мне говоришь!!*

Изучая реальное общение, следует учитывать, что в языке существует особый механизм, который нередко вступает в противоречие с постулатами Грайса. Этот механизм, получивший название принципа вежливости (или тактичности), нередко накладывается на Грайсовские постулаты.

Формы вежливости в некоторых языках имеют специализированные средства выражения[81]. Но и в тех языках, в которых (подобно русскому) нет в строгом смысле категории вежливости, имеются специализированные средства выражения вежливости, требование быть вежливым накладывает существенные ограничения на функционирование языковых единиц и конструкций. В русском языке этому подчинено прежде всего употребление местоимений *ты* и *вы*, форм ед. и мн. числа глагола в отношении к одному лицу, форм обращений. В русском языке существует возможность обращения к знакомым по имени, имени и отчеству и по фамилии, отражающая тонкую дифференциацию социально-личностных отношений между говорящими. Однако в обращении к незнакомым мы терпим неудобства, так как в русском языке нет универсальных обращений, подобных французским madame, monsieur. Именующие человека существительные *мужчина* и *женщина* непригодны для обращений[82]. Непригодны для обращений и употребительные в разговорной речи номинации лиц типа *в очках, с ребенком, с чемоданом, в синем плаще* и под., которые свободно функционируют при назывании третьих лиц. Однако применять их при обращении

[81] См.: например: *Алпатов В. М.* Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.

[82] Взволнованные размышления Н. Ильиной верно передают отношение чуткого к языку человека к современной проблеме русских обращений — тут и гордость русским обычаем называть человека по имени-отчеству, и сетования по поводу «мужчин» и «женщин»: «Она [тетя Эдме — француженка] обращается ко мне так: «Мадам Наташа». Я к ней: «мадам». Как не хватает здесь нашего доброго русского обычая имен-отчеств. И уважительность в этой манере обращения, и тепло, и дружелюбие. Лишь у нас в России... А, впрочем, что я расхвасталась? Это-то у нас есть, а другого, тоже необходимого, другого нет. Я имею в виду французского «месье—мадам», польского «пан—пани». А вот мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым! «Улица корчилась безъязыкая» и, помучившись, выход нашла. «Женщина! У вас чулок порвался!» «Мужчина! Сдачу забыли!» Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны, но чем заменить их, чем?» *(Ильина Нат.* Дороги. Урок географии. М.: Сов. писатель, 1983. С. 306).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

недопустимо, они звучат грубо. Именно по требованиям вежливости по-разному строятся просьбы. Ср.: *Принеси стул! Принесите, пожалуйста, стул! Не могли бы Вы принести стул?* Вежливую просьбу часто облекают в форму вопроса (нарушая постулат способа выражения — ясности, о чем мы упоминали)[83].

Таким образом, принцип вежливости (versus: грубости) предстает перед нами как своеобразная категория, накладывающая ограничения прагматического характера на действие многих элементов языка. Действие категории вежливости в русском языке специально не исследовалось. Лишь в связи с рассмотрением явлений речевого этикета описывались некоторые относящиеся сюда факты[84].

Жанры речи

В литературе неоднократно отмечалось, что процесс неподготовленного речевого общения регулируется двумя противонаправленными тенденциями — тенденцией к свободному построению речи и тенденцией к использованию готовых образцов, следованием шаблону. Выявление этих образцов, шаблонов — одна из важнейших задач лингвистики. Поиски в этом направлении ведут разные ученые. Остановимся на взглядах трех исследователей, работы которых представляют для нас наибольший интерес (М. М. Бахтин, А. Вежбицка, М. В. Панов).

Мысль о том, что язык обнаруживается не в хаотических, свободных от действия какого-либо канона проявлениях, но опреде-

---

[83]В результате этого, привыкнув к тому, что вопрос часто содержит просьбу, говорящие нередко и реагируют на вопрос как на просьбу, что может привести к непониманию и ссоре. Вот пример, когда один из ПК «прочитывает» вопрос как просьбу и дает соответствующую реакцию: (разговор за завтраком двух сестер А. — младшая, Б. — старшая) А: Надо купить продукты// Все запасы кончились// Б: Я вчера купила масло/ рыбу/ кефир// Будешь готовить рыбу? А: Мне некогда/ (раздраженно) мне заниматься надо// Б: Как хочешь// Не готовь// А рыба неплохая// Морской окунь без головы// А: Я же тебе говорю/ у меня все время уходит зря// Б: А я тебя и не прошу готовить// (сердито) Я только спросила «Будешь готовить рыбу?»// Ты *различаешь вопрос и просьбу?*

[84]См., например: *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М., 1982; ср. также: *Rulfová M.* Zur Problematik der sprachlchen Etikette im Tschechischen// Text and the Pragmatic Aspects of Language. Praha, 1984. S. 79–100; *Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю. А.* Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения. М., 1977; *Девкин В. Д.* Хонoратив и гумилиатив // Прагматика слова. М., 1985.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ленным образом оформленных построениях, одним из первых высказал М. М. Бахтин. Он писал: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т. е. все наши высказывания обладают определенными относительно устойчивыми типическими *формами построения целого*. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. *Практически мы уверенно и умело пользуемся ими, но теоретически* мы можем и вовсе не знать об их существовании. Подобно мольеровскому Журдену, который, говоря прозой, не подозревал об этом, мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании. Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным *жанровым формам* (курсив наш. — *Е. З.*), иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). (Эти речевые жанры даны нам кстати так же, как нам дан родной язык, которым мы владеем и до теоретического изучения грамматики...) Формы языка мы усваиваем только в формах высказываний и вместе с этими формами. Формы языка и типические формы высказываний, т. е. речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. Научиться говорить — значит научиться строить высказывания (потому что говорим мы высказываниями, а не отдельными предложениями и, уже конечно, не отдельными словами). Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)[85]. И далее: «Жанровые формы, в которые мы отливаем речь, конечно, существенно отличаются от форм языка в смысле их устойчивости и принудительности (нормативности) для говорящих. Они в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее форм языка. И в этом отношении разнообразие речевых жанров очень велико. Целый ряд распространеннейших в быту жанров настолько стандартен, что индивидуальная речевая воля говорящего проявляется только в выборе определенного жанра, да еще в экспрессивном интонировании его»[86].

М. М. Бахтин предлагал различать первичные (свойственные естественному языку) и вторичные жанры речи, понимая под последними те жанры, которые вырабатывает литература, публицистика, наука (ср. жанры художественной литературы — роман, но-

[85] *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Литературная учеба. 1978. № 1. С. 211; см.: *Он же.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 257.

[86] *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. С. 211–212.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

велла, повесть...; науки — лекция, доклад, выступление в дискуссии и т. п.).

Важность понятия «жанры речи» для построения общей теории общения необычайно велика. Если теория актов явилась основой для создания целого направления в языкознании, то теория жанров речи должна служить ее непосредственным продолжением и развитием.

Об этом пишет А. Вежбицка[87], развивая идеи М. М. Бахтиина в наши дни. Она разработала интересный опыт описания жанров речи (применительно к польскому языку). Пользуясь в качестве метаязыка описания фразами упрощенного естественного языка, автор строит формулы, характеризующие целый ряд речевых жанров (предостережение, просьба прощения, угроза, разрешение, шутка, флирт, соболезнование, хвастовство, жалоба и т. п.). Каждая формула включает несколько фраз, вводимых словами, эксплицитно выражающими намерение говорящего в данной фразе: *Хочу...*, *Говорю...*, *Знаю, что... / Не знаю, что...*, *Полагаю...*

Приведем несколько формул:

Просьба прощения. Знаю, что сделал нечто плохое для тебя; Полагаю, что ты можешь чувствовать по отношению ко мне что-то плохое; Говорю: я жалею, что это сделал; Говорю потому, чтобы ты не чувствовал ко мне ничего плохого.

Угроза. Говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если сделаешь X, то я сделаю тебе что-то плохое; Думаю, что ты не хочешь, чтобы я тебе это сделал; Говорю потому, что я хочу, чтобы ты не сделал X.

Изучение жанров речи представляет первостепенный интерес для анализа разновидностей речевого общения (общение официальное — неофициальное, публичное — личное, непосредственное — опосредованное техническими средствами, неподготовленное — подготовленное и т. п.), ибо за разными типами общения закреплен специфический набор жанров речи. Об этом писал более четверти века назад М. В. Панов. Рассматривая проблему разбиения речи на

[87] См.: *Wierzbicka Anna.* Genry mowy// Text i zdanie/ Ed. T. Dobrynskiej, E. Janus. Warszawa, 1983. Для понимания того, как происходит формирование жанровой структуры, большое значение имеют многие идеи, высказываемые при изучении лингвистики текста. См.: Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. (Вступительная статья Т. М. Николаевой). В связи с рассматриваемой проблематикой см. опубликованную в упомянутом сборнике статью: *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. С. 402–421.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

типы, он указывал, что за разными типами устной и письменной речи закреплены разные жанры. М. В. Панов пишет: «Для изучения "внешних" и внутренних закономерностей в развитии русского языка нашей эпохи особенно важно историческое описание таких речевых жанров:

I. передовая статья в газете;
официальная речь на внешнеполитическую тему;
выступление на митинге;
прокламация;
судебная речь;
газетный фельетон;

II. статья в научно-популярном журнале;
вводная лекция по определенной дисциплине;
начальные разделы учебника по общеобразовательной дисциплине;
газетный отчет о научном совещании;

III. законодательный акт;
воинский устав;
деловое соглашение;

IV. лирическое стихотворение;

V. бытовой диалог,
дружеское письмо»[88].

Уже из этого списка видно, какого рода явления понимает М. В. Панов под речевыми жанрами.

Изучение жанров устной речи еще только начинается[89]. Понятие жанры речи применялось при рассмотрении разновидностей литературной русской РР. На первоначальном этапе изучения жанры речи выделялись на основе таких простейших и вместе с тем основных признаков, как: число партнеров акта коммуникации (два/более двух); мена ролей говорящий/слушающий — от-

[88] Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 97–98.

[89] В качестве примера работ, посвященных этой проблематике, назовем: *Рейманкова Л.* К вопросу о языке интервью // Ruský jazyk. 1977–1978. S. 444–450; *Архипов А. Ф.* Синтаксические особенности речевого жанра радиоинтервью (на материале радиовещания ГДР): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1974; *Wieliczko K.* Живая речь в условиях массовой коммуникации. Спортивный комментарий на русском и польском языках. Poznan, 1982; *Machačkova Evá.* Characteristics of the Interview as a special Genre// Text and the Pragmatic Aspects of Language. Praha, 1984. P. 65–78; *Storkan K.* Publicistické zanry. Praha, 1980; *Амзаракова И. П.* «Монолог» в немецкой разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

сутствие такой мены[90]. Соответственно выделялись жанры: диалог (два партнера коммуникации, мена ролей обычна), полилог (более двух партнеров коммуникации, мена ролей обычна), рассказ (число партнеров коммуникации два и более, мена ролей отсутствует); подчеркивалось, что рассказ в непринужденной обстановке всегда диалогизирован, рассказчику необходима реакция слушателей, без нее он теряет желание говорить, «вянет».

В этой же книге были написаны некоторые наиболее клишированные жанры речи, к числу которых относятся типические для городской устной речи, привязанные к высокочастотным ситуациям[91] так называемые городские стереотипы (В магазине. В кассе кинотеатра. У газетного киоска. Телефонные стереотипы и т. п.), а также формулы речевого этикета[92]. Особую область стереотипов составляет информационный диалог (Сколько времени? Как пройти? и т. п.). Для построения типологии жанров речи особо важное значение имеют признаки отграниченности, смысловой замкнутости и законченности текста, которые выделяет чешская исследовательница Квета Кожевникова[93]. Она предлагает различать группы текстов, типизированных с жанрово-коммуникативной точки зрения.

1. Тексты, содержание которых строится по более или менее жестким, но всегда облигаторным информативным моделям (инструкция, рецепт, театральная афиша).

2. Тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям (например, газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение).

3. Тексты не регламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанрово-коммуникативной (например, частная переписка)[94].

Примечание. Жанр личного письма, с нашей точки зрения, имеет свои

[90] См.: Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978.

[91] Ср.: «Жанры соответствуют *типическим ситуациям речевого общения* (курсив наш. — *Е. З.*), типическим темам...» (*Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 216).

[92] См. описание названных жанров: Русская разговорная речь. Тексты. См. описание формул речевого этикета: *Акишина А. А., Формановская Н. И.* Русский речевой этикет. М., 1975.

[93] См.: *Кожевникова Кв.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979.

[94] Там же. С. 53–54. Ср. разграничение текстов, строящихся по «жесткому» и по «гибкому» заданию, у С. И. Гиндина (*Гиндин С. И.* Внутренняя организация текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. С. 9).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

принципы организации и обязательные (облигаторные) элементы, которые различаются по параметрам официальность/неофициальность (и соответственно степени официальности/неофициальности) и литературность/нелитературность.

Итак, жанры речи — более крупные единицы, чем речевые акты. Они характеризуются более сложным строением, могут включать несколько иллокутивных сил. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение. Вот некоторые из существенных признаков, влияющих на жанровую дифференциацию:

характер коммуникации (официальная/неофициальная)

вид коммуникации (личная/публичная, которая имеет два подвида: массовая — коллективная)

наличие, как и у речевого акта, определенной цели (иллокутивная сила)

число участников

вид адресата (личный/коллективный/массовый)

типическая концепция адресата (равный/подчиненный, женщина/мужчина, ребенок/старик, коллега/неспециалист и т. п.)

обращенность к адресату/отсутствие обращенности

адресат пассивен/адресат участник

Разработать полный список существенных признаков жанра и их иерархическую организацию — важная задача.

Проблема жанровых разграничений имеет большое социальное и практическое значение[95] для адекватного осуществления естественной коммуникации, ибо и говорить, и писать следует в соответствии с особенностями ситуаций, целями речевого акта и характером отношений между партнерами коммуникации.

Проблематика жанров речи разрабатывается в ряде статей этого сборника. Обследуются такие жанры РР, как домашняя беседа и ее разновидности непринужденного диалога, такой неизученный жанр, как разговоры с домашними животными, и др.

Можно предположительно сказать, что наблюдаются определенные различия в построении жанров в зависимости от признаков говорящего субъекта. Так, носитель литературного языка и носитель просторечия по-разному строят рассказ, объяснение чего-либо, по-разному оформляют письмо к близким. Накопление фактиче-

[95] Показательно, что проблематика несоответствия жанра речи ситуации и цели общения, неумения избирать нужный речевой жанр находит отражение на страницах печати. См., например: *Ильина Н.* Поговорим о жанрах // Лит. газ. 1984. 26 сент.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ского материала поможет разработать типологию жанров устной речи. Для создания такой типологии необходимо установить полный набор признаков, по которому осуществляется разбиение речи на жанры. Другой необходимый этап — разработка приемов описания жанров речи и метаязыка описания. Выявление жанров речи позволит глубже понять, по каким формальным и семантическим законам строится естественная устная речь, каковы ее текстообразующие закономерности.

<...>

Л. А. Капанадзе

СОВРЕМЕННОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК*

Понятие просторечия в современной лингвистике неоднозначно. В этой статье предполагается коснуться следующих тем:

1. Просторечие как историческая категория; национальное своеобразие русского просторечия.
2. Просторечие как социальная категория; носители просторечия.
3. Язык современного города и просторечие.
4. Локальность просторечия.
5. Характерные черты современного городского просторечия.
6. Просторечие и язык художественной литературы.
7. Просторечие и словари.

I

Традиционно употребляемый в русистике термин «городское просторечие» последовательно употребляется в двух значениях: а) общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся за пределами литературного языка; б) сниженные, грубоватые элементы в составе самого литературного языка.

Внелитературное просторечие представлено на всех языковых уровнях, тогда как «просторечный слой» литературного языка являет собой прежде всего лексические единицы, т. е. касается в основном словаря. Ср. *одёжа, пёкло, туфель, пущай, сёдни, вчерась, таперича, мотри* (повелит. наклонение), с одной стороны, и —

* Печатается по кн.: *Городское* просторечие: Проблемы изучения / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М., 1984.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

небось, сызмала, задарма, срамота, промеж, богатей и под.[1] — с другой.

В настоящей статье мы будем говорить о просторечии лишь в одном значении: городское просторечие — это ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка.

Естественно, что «простая речь» может противостоять речи нормированной только в эпоху кодификации, — тогда, когда обществом осознается единство разговорно-литературных форм национальной речи. Как известно, понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка (В. В. Виноградов). В разных языках по-разному шло объединение диалектов, интердиалектов, разговорного койне, и различным было регулирующее влияние национального книжного языка.

Как известно, в Германии, Польше, Чехии речь донациональной эпохи не носила узкодиалектного характера, это были разного рода интердиалекты, и поэтому во время становления и формирования общенациональной разговорной формы литературного языка они вступили с последней в сложное взаимодействие. Характерно противостояние в Чехии региональной формы нелитературного языка, называемого obecná čeština, новому разговорному чешскому литературному языку (обе формы речи употребляются высокообразованными носителями языка). В различных регионах Германии интердиалект широко употребляется в речи публицистической, на радио в телепередачах и т. д. Социально-исторические условия развития русского литературного языка вели к постепенному, но неуклонному размежеванию его с просторечием.

Происхождение и формирование русского просторечия прослеживается в трудах классиков нашего языкознания в связи с изучением развития русского литературного языка (АА. Шахматов, А. И. Соболевский, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Б. А Ларин, Г. О. Винокур). Достаточно подробно исследован вопрос о народных основах литературного языка, о формировании разных его стилей, связанных с живыми народными говорами. С другой стороны, известен интерес лингвистов «старшего поколения» к проблемам исследования социальных диалектов и арго, к лингвистическому изучению города[2]. Все эти работы позволяют

[1] См. указание на подобное употребление термина просторечие в энциклопедии «Русский язык» (М., 1979. С. 239).

[2] В. В. Виноградов ссылается на работы К. П. Зеленецкого, Д. К. Зеленина,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нам представить себе непростую картину возникновения и жизни просторечия в русском языке.

Конец XVI — начало XVII в. — время, когда закладывались основы русского национального языка. В эту эпоху происходит резкое изменение общеязыковой ситуации — разговорный язык получает доступ в письменность. Возникает целый ряд новых литературных жанров, мало связанных со старым церковно-книжным языком. Изменяется социальная среда — появляется город новой формации: это уже не укрепленный замок удельного князя, и центр городской жизни теперь — посад. «Посадские люди» — это торговцы, ремесленники. Все они подчиняются законодательным порядкам царя. Посадская письменность XVII в. и была первой фиксацией русского национального языка[3]. До XVIII в. устная речь даже образованных людей еще не была нормированной. Вопрос о литературности вставал только тогда, когда дело касалось книга, литературы, вообще всякой письменности. Г. О. Винокур справедливо писал о языке того времени: «От исследователей художественных свойств языка в произведениях низких жанров во всяком случае требуется очень большой такт для того, чтобы не принять общеупотребительное за сознательно отобранное»[4]. В XVIII в. русское общество заметно пестреет. Появляется разнообразие культурных слоев, типов и одновременно с этим — тяготение к литературно-нормализованным формам устного бытового общения (напомним, что 30–40-е годы XVIII в. — это годы деятельности В. К. Тредиаковского, появление новых образов разговорной речи — «языка изрядной компании»). Во второй половине XVIII в. разговорный язык приспособляется к светскому обиходу столицы, происходит дальнейшее углубление различий между двумя типами устной речи — разговорно-простонародной и разговором «изрядной компании» — светским обиходом[5]. Важнейшее культурно-историческое событие той эпохи — возникновение системы трех стилей, а затем и развитие М. В. Ломоносовым учения о трех стилях. В 70–80-е годы начинается процесс смешения и взаимопроникновения стилей, который за-

---

В. И. Чернышева, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, Б. А. Ларина (*Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 3. С. 223).

[3] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 259.

[4] *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 97.

[5] *Виноградов В. В.* Вопросы образования русского национального литературного языка // ВЯ. 1956. № 1. С. 20–23.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вершается в XIX в. демократизацией норм русского литературного языка. Здесь лежит характернейшая особенность русской устно-речевой традиции: именно гармоническое соответствие всех «стихий» русского языка — книжно-славянского наследия и живой народной речи в устных формах литературного языка сделало его притягательным для всех образованных русских людей и вытолкнуло «однотонное» просторечие за пределы литературных норм. Городское просторечие в современном понимании этого слова возникло в середине XIX в. и окончательно «уложилось» к началу XX в.

Устная речь Москвы начала XX в. включала в себя две струи — а) литературно-нормативные формы устного общения и б) фамильярно-бытовые просторечные формы.

II

На наших глазах, на протяжении жизни всего лишь одного поколения людей, происходит изменение жизни города: так, Москва с населением в 2 млн человек начала века превращается в современный супергород с населением в 10 млн человек. Существенно изменяется социальный и образовательный статус жителей города, меняется демографическая картина. Столица уже давно не живет за счет «внутренних» ресурсов развития, она втягивает в свою орбиту население разных краев и областей нашей страны.

Еще в начале XX в. московское просторечие питалось соками окружавших Москву диалектов. Важное наблюдение находим в книге Вл. Гиляровского «Москва и москвичи»: «Москвичи... — не только те, которые родились в Москве, а и те, которых дают Москве области. Так, Ярославская давала Москве половых, Владимирская — плотников, Калужская — булочников. Банщиков давали три губернии, но в каждой — по одному-двум уездам, и не подряд, а гнездами. Испокон веку Москву насыщали банщиками уезды: Зарайский (Рязанский), Тульский — Каширский и Веневский. Так из поколения в поколение шли в Москву мужчины и женщины»[6].

Уже с 20-х годов XX в. резко меняется социальный состав жителей Москвы. Городское московское просторечие теряет свои привычные корни, разрушаются и внутрисемейные языковые традиции. Образованные «дети» не повторяют просторечия «отцов», у них появляются новые авторитеты и образцы для подражания. Если раньше просторечие было живо «семейными преданиями», то

[6] *Гиляровский В. Г.* Москва и москвичи: В 4 т. Т. 4. М., 1968. С. 297.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

теперь школа, радио, телевидение оттесняют его на задний план в хоре «голосов города».

Современное просторечие — это язык необразованных слоев города, а значит, — прежде всего язык старшего поколения. Старое московское просторечие уходит из жизни вместе с его носителями, на наших глазах оно становится реликтовым явлением языка. Но одновременно возникает новое городское просторечие — феномен, еще совершенно не изученный лингвистами именно из-за своей новизны.

III

Современный город — это не единый организм. Его характеризует нестабильность жизни и прежде всего нестабильность населения. Одна из характерных демографических черт века – миграция населения. Огромный котел города с трудом перемешивает и перемалывает разные традиции словоупотребления, разное отношение к традиционным формам устного общения. Сейчас в устной речи все большее значение приобретают профессионализмы, жаргоны, арго — с одной стороны, и, с другой, — укрепляется литературная разговорная речь. Разговорно-просторечная стихия становится конгломератом, включающим общеупотребительные диалектизмы, украинизмы, профессиональные жаргоны, молодежное арго, «мещанизмы» и некоторые наиболее устойчивые формы старого просторечия.

IV

Особого внимания заслуживает вопрос о локальности просторечия. Априори можно сказать, что современное столичное просторечие должно отличаться от городского просторечия небольших русских городов, — таких, например, как Кострома или Калуга. В небольших городах население, как правило, более стабильно, там сильнее традиции языкового словоупотребления, «преданья старины глубокой». Кроме того, не прерываются связи города с окружающими его диалектами.

V

Каковы же определяющие особенности современного городского просторечия?

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

1. Прежде всего просторечие характеризует ненормативность речи, полное отсутствие кодификации на всех уровнях языка. В литературном языке бывают и трехступенчатые нормы (М. В. Панов) «рекомендуется», «допускается», «запрещено». Но при этом нет и не может быть безразличного равенства вариантов. В просторечии все варианты равнозначны и однофункциональны.

(Ср.: *Кажный день дождь; Кто это полóжил газету здесь? — Маруська нижняя* (= с 1-го этажа); *Яблок кислый? — Маленько не поняла, давеча бабы спробовали.*)

2. Если литературный язык характеризуется сложной стилистической организацией и дифференциацией средств, то просторечие представляет собой в этом отношении недифференцированное языковое явление.

3. Для просторечия характерна факультативность употребления, необязательность его для членов данного социума.

4. Просторечие бесписьменно. Книжный эквивалент просторечия — безграмотное письмо человека, не знакомого с эпистолярными жанрами литературного языка. Однако здесь мы не можем говорить о каком-то новом виде просторечия, так как на письме не появляются ни новые синтаксические конструкции, ни специфические формы речи, неизвестные устной традиции.

5. Если для литературного языка характерно функциональное разнообразие единиц[7], то просторечие отличается функциональной «монотонностью». Здесь распространены полные синонимы (и лексические, и грамматические). Дублетность языковых единиц — один из признаков диалекта, и в этом городское просторечие смыкается с говорами.

Отражение фактов современного просторечия в словарях выглядит очень противоречивым. В основе этого противоречия лежит неоднородность самой природы этой языковой категории[8].

---

[7] *Панов М. В.* О литературном языке // Русский язык в национальной школе. 1972. №1. С. 9–19.

[8] См. об этом: *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1952. С. 14, 63; *Митрофанов Г. Ф.* К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке // Труды Томского гос. ун-та. 1960. Т. 138; *Рахманова Л. И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка // Вопросы стилистики. М., 1966; *Скляревская Г. Н.* О соотнесении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное»: Автореф. канд. дис. Л., 1973; *Виноградов С. И.* Просторечие как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова // Литературная норма и просторечие. М., 1977.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Замечено, что в основе большинства определений просторечия в современных словарях лежит представление о его экспрессивном характере. Лексическое просторечие рассматривается как совокупность языковых элементов, «имеющих экспрессивную окраску грубости»[9], как непринужденные и несколько грубоватые слова и формы языка (Ю. С. Сорокин). В словарях отмечаются как просторечные следующие слова: *брюхо, пузо, дрейфить, балбес, обалдуй, трепач, хапуга, брехать, околпачить, налимониться, садануть, укокошить, звездануть, нализаться, лаяться, втюриться, улепетывать, барахлить, обалдеть, лапать, спереть* и т. п.

Наиболее существенный признак, свойственный словам всей этой группы, — пейоративность. Характерно, что составители всех современных русских словарей не удовлетворяются одной пометой «прост.» и комбинируют сложные пометы, оперируя понятиями «вульгарное», «областное», «бранное», «неодобрительное», «презрительное». Эти варианты помет подчеркивают экспрессивный характер слова и закрепляют в толковании сниженную «тональность» слова и оценочный характер его значения (по отношению к помете «просторечное» это часто является тавтологией). Не надо повторять, что варьирование этих экспрессивно-оценочных помет в словарях весьма субъективно.

Отметим некоторые характерные черты современного московского просторечия[10].

Ударение. 1. Перенос ударения в книжных словарях на другой слог *при́говор, мага́зин, по́ртфель, доку́мент, кило́метр, санти́метр, шо́фер, Фору́м* (название кинотеатра) и т. п. 2. Сохранение вышедших из употребления архаических ударений: *злоба́, уменьши́ть, де́ятельный*. 3. В категории причастий прош. вр. страдательного залога ударение последовательно переносится с флексии на основу: *принесено́, приведено́, привезено́, свезено́*. 4. В формах глаголов прош. вр. женского и среднего рода ед. ч. и во множ. ч. ударение также перемещается на основу: *гнала́, отдала́*. 5. Сохранение диалектного ударения: *случа́й, мо́лодежь*.

Морфологические особенности. 1. Неограниченное распространение категории им. пад. множ. числа существительных муж. рода на -а *(шофера, слесаря* и под.). 2. Смешение типов скло-

[9] *Гвоздев А. Н.* Указ. соч. С. 14. См. об этом: *Виноградов С. И.* Указ. соч. С. 239.

[10] См. об этом: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938. С. 437.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нений, которое создает несоответствие литературному языку в формах отдельных падежей: *блюдечков* (род. пад. мн. ч.), *местов, делов*. 3. Замена возвратных форм глагола невозвратными (особенно часто в причастиях): *загоревший дом, не дождавший, сидел задумавши*. 4. Формы причастий страдательного залога на -тый (литературное *-нный): вырватый, порватый*. 5. Формы императива: *едь! едьте! ехай! ехайте!* 6. Смешение классов глаголов: *махать — махаю — махают*.

Синтаксические особенности. 1. Своеобразие в управлении глаголов — с предлогами и без предлогов: *беспокоиться про кого-нибудь, радоваться о чем-нибудь. 1.* Широкая сфера употребления отдельных значений предлогов: *через* 'по причине', 'из-за': *через него в кино опоздавши*[11].

Лексико-фразеологические особенности. На этом уровне языка отличия просторечия от литературного языка наиболее разительны. Каждая социальная группа несла в просторечие свой словарь (диалект, профессиональное арго, жаргон). Современный просторечный лексикон вобрал в себя элементы разнообразных «низовых языков», а многие языковые пласты, бывшие прежде локально ограниченными, вошли в общее употребление после революции, особенно активно шел этот процесс в 20-х годах.

Литературному языку свойственны широкая дифференциация средств выражения и жанровое многообразие речи. Жанрово разнообразна и разговорная речь. Просторечие же монотонно и не знает жанровых подразделений. Здесь нет никаких стилистических градаций и оценок. Таким образом, употребление терминов «разностильные элементы», «чужеродные вкрапления», «чужестильное» — теряет по отношению к просторечию свое лингвистическое содержание. Носитель просторечия никогда не задумывается о норме речи, уместности и сообразности своего словоупотребления, и именно поэтому, как кажется, усилия нормализаторов речи не находят здесь отклика. Эти представления противоречат взгляду на просторечие как нарочито небрежную и «фривольную» речь[12].

[11] Характерно замечание В. В. Виноградова о том, что многие черты современного просторечия приводятся в словарях неправильностей с половины XIX в. в одних и тех же списках (К. Зеленецкий, В. Долопчев) (Там же. С. 440).

[12] *Орлов Г. А.* К проблеме границ обиходно-бытовой и современной литературной разговорной речи // ВЯ. 1981. №5. С. 125. — Ср. многочисленные примеры «нарочито небрежной» речи в работе Т. Г. Винокур, где говорится, в частности, о пропорциях «литературного» и «нелитературного» в языке современ-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Особого внимания заслуживает вопрос о живучих чертах просторечия, о доли просторечия в речи людей образованных. Это могут быть отдельные явления из области морфологии, морфонологии, синтаксиса, ударения, фонетики. Врач говорит: – Надо его *лóжить* в больницу. Инженер: *Шóфера* у меня нет...

Чаще всего мы сталкиваемся в подобных случаях с нарушениями литературных произносительных норм. Эти и подобные явления следует интерпретировать как случаи неполного овладения нормами кодифицированного языка, — таким образом, это область деятельности специалистов по культуре речи.

Просторечие и разговорная речь. Просторечие противостоит не только литературному языку в целом, но и разговорной речи как сфере непринужденного общения литературно говорящих людей. Как известно, исследователи РР при определении объекта своего изучения опираются на экстралингвистические характеристики этой речи (неподготовленность, непринужденность речи носителей литературного языка при установке на неофициальность общения). Если взять соответствующие критерии для определения просторечия, то отличие последней от РР будет лишь в составе носителей: просторечие — это неподготовленная, непринужденная речь лиц, не владеющих литературным языком. Часто говорят и пишут о взаимопроникновении этих двух сфер речи в современном русском языке, об активном их взаимодействии. По-видимому, такие утверждения слишком категоричны. Просторечие так или иначе может проникать в РР (обычно через жаргоны), но между двумя этими сферами речи лежит пропасть. Чересчур велики отличия — лексико-семантические, морфологические, суперсегментные — чтобы можно было ставить вопрос о «взаимопроникновении».

Просторечие и язык художественной литературы — это круг вопросов, который связан с использованием просторечия как стилистического средства литературного языка[13]. В современном употреблении «в качестве стилистически значимых языковых единиц... выступают элементы просторечия, социально-профессиональных диалектов и жаргонов» (Т. Г. Винокур)[14]. Справедливо

ной прозы, см.: *Винокур Т. Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1972. С. 12–100.

[13] См.: об этом: *Петрищева Е. Ф.* Внелитературная лексика в современной художественной прозе // Стилистика художественной литературы. М., 1982.

[14] *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

указывается, что «просторечная обиходность» в последние годы широко представлена на газетной полосе, в публицистической речи (что было невозможно в XIX в.). В отличие от нейтрального употребления нелитературно говорящих, просторечные элементы в сфере литературной речи используются в экспрессивных целях. Характерологическая же роль просторечных элементов в художественной литературе — это традиционный и уже освященный веками литературный прием. Ср. в современной прозе:

— Маруська нижняя давесь на машине постирала — мы обхохотались. Все вместе склала, и давай крутить. А что вышло? Псивое белье и псивое (И. Грекова. Летом в городе, 1966).

Напомним о роли просторечия в создании современной сказовой речи, непревзойденным мастером которой был Мих. Зощенко. Таким образом, для художественной литературы внелитературный материал — всегда некоторое отступление от норм, вызванное к жизни соответствующей этической и характерологической задачей, и без определенной и достаточно убедительной мотивировки просторечию нет входа в книжную речь.

* * *

В заключение поставим вопрос о системности современного просторечия. Как кажется, приведенные выше характеристики современного просторечия ведут к необходимому выводу: современное просторечие не представляет собой единой системы[15]. Это речь, противопоставленная как говорам, так и литературной разговорной речи[16], но противопоставленная им не как система единиц, а как некий общественно-исторический феномен с весьма невысокой степенью структурной организованности. Три сферы современной устной речи — диалект, просторечие, литературная разговорная речь — различны между собой прежде всего по составу носителей языка. Элементы языка, маркированные как просторечные, не составляют полных парадигм ни на одном из уровней языка.

Современное городское просторечие — явление неоднородное. В последнее время происходит «смена вех» в русском просторечии:

единиц. М., 1980. С. 25.

[15] См. об этом также в ст. Е. А. Земской и М. В. Китайгородской, публикуемой в настоящем сборнике.

[16] См.: *Баранникова Л. И.* Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Саратов, 1974. С. 4–21.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

изменяется социальный состав его носителей, изменяется и лингвистическая «материя», сам набор языковых единиц, составляющих просторечный слой современного городского разговорно-обиходного языка. Если в XIX — начале XX в. городское просторечие формировали диалектное словоупотребление и городское койне, то к 60-м годам XX в. такими языковыми доминантами становятся жаргоны и «мещанизмы» разного рода. Различия этих двух просторечных стихий очевидны. Плюрализм самого объекта исследования усложняет работу лингвиста, однако исследования последнего десятилетия не оставляют сомнений в том, что современное городское просторечие будет записано и изучено.

В. Д. Девкин

О ВИДАХ НЕЛИТЕРАТУРНОСТИ РЕЧИ*

Литературность — понятие, которое соответствует культурному языковому стандарту, пользующемуся престижем[1]. Это эталонность, образцовость языка[2]. Ей противостоит нелитературность как

---

* Печатается по кн.: *Городское* просторечие: Проблемы изучения / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М., 1984.

[1] В последнее время в зарубежной лингвистике все чаще стал употребляться для литературного языка термин «стандартный язык» (*Garvin P.* The standard language problem — concepts and methods // *Hymes D.* (ed.) Language in cilture and society. New York, 1964; *Glinz H.* Deutche Standardsprache der Gegenwart // Lexikon der germanistischen Linguistik. Tübingen, 1973; Diktionnaire de linguistique / Par J. Dubois, M. Giacomo, L. Guespin, et J.-B. Chr. Marcellesi, J.-P. Mével. Paris, 1973; *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // ВЯ. 1967. № 1). О понятии Standardsprache З. Егерь сказал, что оно немногим лучше прежнего Hochsprache (Lexikon der germanistischen Linguistik / Hrsg. P. Althaus, H. Henne, R. Wiegad 2. Aufl. Tübingen, 1980. S. 375). Для русского языка название «стандартный язык» неприемлемо по разным причинам, одной из которых служит семантика данного прилагательного, выражающего «шаблонность, штамп, нетворческое начало». Подобная негативность несовместима с той передовой ролью в обществе, которую призван играть литературный язык.

[2] Полезно вспомнить, что говорил о литературности 60 лет назад А. М. Пешковский: «Существование языкового идеала у говорящих — вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования. С точки зрения естественного процесса речи, с точки зрения, так сказать, физиологии и биологии языка, эта черта совершенно неестественна. Если сравнить речь с другими при-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нарушение правильности языка с точки зрения образованного человека[3]. Чистота языка не менее важна, чем охрана окружающей среды, забота об исторических памятниках, уважение к национальному достоинству и внимание к прошлому народа как часть политики, регулирующей духовную жизнь общества[4].

Чтобы активно воздействовать на соблюдение языковой культуры, следовало бы уточнить некоторые положения лингвистической теории и прежде всего отношение к отдельным сторонам естественной живой речи. Здесь отсутствует единство взглядов и предстоит немалая работа по выяснению многих связанных с этим вопросов. Достаточно ознакомиться с языковедческой литературой в данной области, чтобы увидеть, насколько различно в нормативно-стилистическом плане расцениваются одинаковые факты языка. Еще большее разнообразие наблюдается среди неспециалистов, далеких от языкознания самих носителей языка. Однако было бы непростительной крайностью переоценивать эту пестроту при квалификации регистровой отнесенности языкового материала. Все же есть нечто среднее, устоявшееся, что закреплено в узусе и нормативной традиции и доступно фиксации и описанию.

Условно объединяемое понятие нелитературности представлено несколькими разновидностями, из которых особо выделяются следующие пять. Во-первых, это территориальные диалекты, носителями которых является деревенское население преимущественно старшего поколения. Диалект оказывается таким образом и особым социолектом, связанным с определенной социальной

вычными процессами нашего организма, например с ходьбой или дыханием, то «говорение» интеллигента будет так же отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта-то неестественность и оказывается как раз условием существования литературного наречия» (*Пешковский А. М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960. С. 236).

[3] То и дело возникающие протесты в писательской среде против якобы насильственного сковывания свободы действия языка за счет установления его литературности и нелитературности, разумеется, не могут быть приняты ни в языкознании, ни в практическом преподавании. В этой связи показателен «анархистский» взгляд А. Югова, полагающего, что «весь язык лнтературен»: то, что не успело стать нормой, когда-то будет ею (ср.: *Югов А.* Думы о русском слове. М., 1972). В том-то и дело, что норма избирательна и невозможна без отбора, без фильтрования.

[4] *Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М., 1980; *Розенталь Д. Э.* Культура речи. 3-е изд. М., 1964; *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

средой и соответствующим уровнем образования. При современном всеобуче, возросшей роли школы и средств массовой коммуникации (радио, телевидение, кино) диалектные черты сильно потеснены литературным языком и все заметнее сдают свои позиции[5].

Вторым видом нелитературного языка следует считать речь малообразованных, недостаточно грамотных людей, которым по тем или иным причинам не удалось в должной мере овладеть нормами литературного языка. Это горожане — выходцы из сельской местности.

Третьей разновидностью нелитературности можно считать нарушение «этических конвенций», происходящее как по незнанию их, так и намеренно, с определенными установками.

Четвертый вид проявления нелитературности встречается в качестве вкраплений всевозможных отступлений от строго кодифицированной литературной нормы в речи, которую в целом следует без колебаний квалифицировать как вполне литературную.

В той или иной форме нелитературность упомянутых четырех типов в лингвистической литературе затрагивалась и описывалась. Представляется целесообразным причислить к нелитературным явлениям также и пятый случай, когда в речи происходит неоправданное, противоречащее правилам культурного языка различное «завышение», употребление средств официально-торжественного стиля, редких терминов, нарушение правил единообразия и однородности текста. Это встречается у лиц, не в полной мере чувствующих тонкости стилистических требований и не владеющих разговорными нормами, несмотря на достаточность общего культурного уровня.

Понятие нелитературности связывается с характеристикой как целостного текста речи, так и его отдельных особо маркированных средств. Чтобы считать чью-то речь нелитературной, исходя не столько из удельного веса использованных явлений, отмеченных как нарушения культивированного языка, сколько из качеств и характера отступлений от литературной нормы[6]. Названные виды

[5] См.: Русская диалектология / Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964; Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.

[6] С иных идеологических позиций рассматривается речь малообразованных в таких работах, как: *Badura B.* Sprachbarrieren. Zur Soziologie der Kommunikation. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1971; *Bausinger H.* Deutsch für Deutsche. Dialekte, Sprachbarrieren, Sondersprachen. Frankfurt/M., 1979; *Bernstein B.* Studien zur sprachlichen Sozialisation. Düsseldorf, 1972.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нелитературности прослеживаются на предлагаемом далее материале. Нелитературность обнаруживается на всех уровнях.

Малограмотная речь не состоит сплошь из неправильностей... Ее основу составляет общенародный язык с его грамматическим строем и основным словарем. Правильное, совпадающее с литературным явно преобладает, хотя на всех уровнях имеется немалое количество вариантов, отличающихся от литературных[7]. Нелитературное в языке необразованных обычно преимущественно диалектного происхождения[8].

В фонетике это особая мелодика, свои ударения, свое чередование звуков, свои редукции и звуковые вставки, гаперкорректные формы. Например: *свекла́, искра́, жгёт, стюдень, тута, тама, куды, суды, сгинать, кажный, бисиком, слободно, бухвет, страм.* Многие звуковые варианты оказываются не чисто фонетическими, а фоно-морфологическими: *улыбиться, не пущають, уплочено, он пекёт, посо́дит, хошь, крыжечка, крантик, он могёт, они хочуть, куда котисся?, я напужалася.* Для придания нелитературной окраски бывает достаточно какой-либо характерной черты произношения, например оканья, яканья, фрикативного *г*.

Местоимения, употребительные наречия, служебные слова в неграмотной речи имеют свою специфику (*ихний, евонный, тутошний, здеся, тамотки, опосля, али, кабы, окромя*)[9]. Нелитературные расхождения с литературной нормой в морфологии очень значительны и затрагивают все основные категории большинства частей речи: род существительных (женский р. *мясо, молоко, тигра;* мужской р. *яблок, полотенец*), формы падежа (*на гвоздю, в дому, у корове, курей, делов, шевелить рукам, ногам, у Зое Васильевной, с ручкими*), формы числа (*цыпляты, теленки, офицера́, клапана́, выбора́*), степени сравнения (*хужее, красивше*), спряжение (*голодую, ездию, брехает, ходють, лягем, хочете*), особенно характерно неразличение пассивного и активного значения и выражающей его формы (*моющая сумка, вьющие волосы, учащие* вместо *учащиеся, млекопитающиеся*) и неправильные повелительные

[7] Подробно просторечные явления в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, в заимствованных словах разбираются в соответствующих статьях этого сборника.

[8] См.: *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979; *Оссовецкий И. А.* Исследования в области лексикологии русских народных говоров: Докт. дис. М., 1971.

[9] *Рогожникова Р. П.* Варианты служебных слов в современном русском языке // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

формы (*бежи, не боись, подь, ляжь, седай, не трожь*), причастия (*между нами все порвато, мы уже пужатые*), инфинитивы (*снесть, привесть, ростъ, иттить, бечь*)[10].

Ошибки неграмотных возникают при несоблюдении многочисленных правил узуса, отклоняющихся от типовых явлений разных уровней литературного языка: при выравнивании парадигм, при заполнении лакун.

Неправильные нелитературные формы бывают разной степени контрастности. Одни из них ярки и сразу выдают низкий уровень культуры. Это в первую очередь морфология *(скидавай, на боке, побегем, ложи, у мене, ездию)* и лексика, связанная с понятиями, которые сравнительно редко встречаются в официальном языке и которые соответственно не приходится встречать в написанном виде за пределами беллетристики (ты *моесся, сымай, покеда, до завтрего)*. Другие неправильности «невиннее» и просачиваются даже в речь владеющих литературной нормой. Они не всегда и не каждому режут слух: *одеть пальто, сколько время?, кухóнный, ходатáйствовать, хозяевá, езжай*, родит. пад. мн. ч. *чулков, носок; он звóнит, я пóняла*. Но культурный человек (без особого задания воспроизведения чужих слов) никогда не употребит: *ндравится, кожный, много кин, они сплять, ономнясь* и т. п.

Печать неграмотности в лексике лежит на словах одинакового с литературным языком корневого состава, представляющих собой, однако, своеобразные дубли — словообразовательные и фонетические варианты: *папка (папа), мамка (мама), поздоровкаться (поздороваться), до свиданьица (до свиданья), спасибочки (спасибо), склизко (скользко), нонешний (нынешний), вострый (острый), тверёзый (трезвый), сызнова (снова), завидки (зависть), вертаться (возвращаться), он татар, а не армян (татарин, а не армянин), пущать (пускать), здря (зря), заместо (вместо), задарма (даром)*.

Среди «неграмотных слов» немало омонимов нейтральных: *обратно (снова, опять), приказывать (велеть), наказывать (просить), признать (узнать), через (из-за), больно (очень), схоронить (спрятать)*.

Встречаются словоупотребления, отличающиеся от литератур-

[10] См.: *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978; *Градина Л. К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и вариантность. М., 1980; *Она же.* Разговорные и просторечные формы в грамматике // Литературная норма и просторечие. М., 1977.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ных некоторым смещением денотативной отнесенности типа: *булка* (любой вид белого хлеба)[11], *больница* (поликлиника), *отбить* (послать) *телеграмму, мясо* (говядина в противопоставлении свинине, баранине и др.), *железный* (металлический), *сахар* (только кусковой, а не песок), *квадратный* (даже о сильно вытянутой прямоугольной форме), *позвонок* (позвоночник), *электричка* в метро (вместо поезда). Среди них немало индивидуальных явлений, не нарушающих понимания благодаря прозрачности ситуативно обусловленной внутренней формы: *обоюдный* (обходительный) *человек, скоропостижные* (вёрткие) *рыбки.*

В речи необразованных нередко отсутствуют принятые в литературном языке эвфемизмы для названий понятий, считающихся неэстетичными, грубыми, неприличными.

Типично для некультурной речи применение сильно сниженных ярко экспрессивных (с позиции литературной нормы) слов без особой функциональной и эстетической оправданности: *дохать* (кашлять), *кокнуть* (разбить), *чесать* (идти), *брехать* (врать), *городить* (говорить ерунду), *перекобылить* (переменить), *ржать* (смеяться), *лаяться* (ругаться), *чокнутый* (сумасшедший), *попухнуть* (попасться, пострадать на чем-то). Одно и то же лексическое явление в официальной обстановке может быть экспрессивным, а в простой бытовой беседе не выделяться никакой выразительностью[12]. «Неграмотная» лексика содержит некоторый фонд слов, по форме непосредственно не соотнесенных с нейтральными (соотнесенность может быть затемнена): *пацан* (мальчик), *трошки* (немного), *сидор* (вещевой мешок), *дрын* (палка), *кореш* (приятель), *небось* (вероятно), *намедни* (недавно), *шибко* (сильно).

Многие иностранные заимствования ассимилируются в речи необразованных людей, получающих данную лексику главным образом устно, отличающимся от литературного языка образом... Это в первую очередь фонетические отклонения с заменой звуков, с изменением ударения: *струмент, капитализьм, пóртфель, колидор, дилектор, фатера, ложия, константировать, гардероп, битон, паска, шóфер;* с уничтожением йотации: *раион, троллебус, Нью-Орк.* Грамматические и семантические модификации заимствованных единиц также нередки: *фамилие, на бюллетне, на метрé, моя тюль, у табла.* Типичны паронимические преобразова-

[11] Не ощущаемое ленинградцами в отличие от москвичей как просторечное.

[12] *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка // ВЯ. 1973. №2. С. 9.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ния[13] (народная этимология): *крылос* (клирос), *штрафовка* (страховой сбор), *полувер* (пуловер), *Авдеевы* (авгиевы) *конюшни, ни грамма* (ни грана), *бурдовый* (бордовый).

Нелитературна, разумеется, и нецензурная (табуированная) лексика. Ее применение сильно зависит от социальной среды и действующих в ней правил, норм и традиций.

Лексику крестьянского быта *(слега, прясло, чело, недоуздок, чересседельник* и т. п.) или ремесла по причине номенклатурности ее характера не следует включать в просторечные средства.

Синтаксис малограмотной речи отличается еще большей «лоскутностью», рыхлостью, чем в литературной разговорной речи, еще бóльшим количеством обрывов, вставок, подхватов, иным управлением и согласованием (*Очень вами благодарна; Директор ушли; Вы болен; Это от Елены Алексеевной; у папе, у маме был я; Не скучай за мной! Он на нас игнорирует; Это вам касается!*).

В русистике неграмотную речь часто называют просторечием[14]. Термин этот небезупречен прежде всего из-за многозначности. Известно, как нежелательна полисемия специальных слов в одной и той же области. Кроме упомянутого значения, просторечие еще понимают как речь сниженную, грубую. Если неграмотная речь существует как единственная имеющаяся в распоряжении малокультурных людей возможность языкового общения, то вульгарная речь — плод свободного выбора, производимого любым членом языкового коллектива, независимо от уровня образования[15]. И, наконец, третье значение термина просторечие — это обиходная разговорная речь, в основном не нарушающая литературности. Последнее толкование применяется главным образом к прошлым эпохам развития русского языка[16].

Несмотря на то, что усилиями многих лингвистов противоречи-

---

[13]См.: *Девкин В. Д.* Возникновение слов и фразеологизмов на базе частичного звукового подобия // Вопросы лексикологии немецкого и французского языков. М., 1980.

[14]Иногда различается внелитературное и литературное просторечие, см.: *Филин Ф. П.* Просторечие. [Статья в энциклопедии «Русский язык».] М., 1979; Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[15]О различии неосознанной, «наивной» грубости речи и ее намеренной вульгаризации см.: *Девкин В. Д.* Этическая и персонологнческая характеристики разговорной речи // Вопросы строя немецкой речи. Владимир, 1973.

[16]См.: *Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974; *Марканова Ф. А.* Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И. С. Тургенева. Ташкент, 1968.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вость и нечеткость термина «просторечие» фактически достаточно убедительно доказана, вывода из этого не сделано — он продолжает сохраняться, видимо, в силу традиции[17]. Было бы разумно закрепить за ним первое значение, однако просто зачеркнуть второе и третье невозможно. Именно это и приводит к большим осложнениям, особенно для иностранцев, изучающих русский язык и не имеющих в своей лингвистике равноценного термина.

Просторечие — проблема социолингвистическая, а в социолингвистике действует, как правило, многомерный подход с учетом личностной и социальной характеристики собеседников, их установок, намерений, общего опыта, предыстории и условий протекания разговора. Совершенно одинаковые по составу высказывания могут восприниматься по-разному в зависимости, например, от того, говорит ли образованный или малограмотный, взрослый или ребенок. Стилистическая сниженность в словах иностранца, например, заметнее, эффектнее, чем у говорящего на родном языке. Окраска создается не одними собственно языковыми средствами, а комплексом факторов, в том числе и экстралингвистических. Считать ли высказывание просторечным определяет не столько удельный вес просторечных элементов, сколько личность говорящего, его возможность выбирать из разных кодов, его собственное отношение к избранным средствам выражения. Необразованный человек не замечает своей неграмотности. Доступные ему языковые средства (особенно в грамматике) применяются потому, что он не располагает иными возможностями, тогда как культурный человек сознательно решает, как ему лучше выразиться. Есть синонимия и у носителя просторечия, только она заметно ограничена, по крайней мере рамками узуса его среды.

Обычно выделяют просторечие городов, крупных центров[18]. В

[17]Не случайно нет понятия «просторечие», например, в германистике и романистике. Симптоматичны поиски его эквивалентов при переводе, например, на немецкий язык как: *Volkssprache (Böhme U.* Wort und Wortschatz. Studie zu Fragen der allge meinen Lexikologie am Material des Russischen // Linguistische Studien. Leipzig, 1979. S. 137), *lässige Umganssprache* (Die russische Sprache der Gegenwart. Bd 4 // Lexikologie. Verßabt von einem Autorenkollektiv u.L. v. Wilske L. Leipzig, 1978. S. 122), *niedere Umganssprache* (Allgemeine Sprachwissenschaft. Bd 1 // Existenzformen, Funktionen und Geschichte der Sprache. Von einem Autorenkollektiv u.L. v. Serebrennikow B. A. Berlin, 1973. S. 408), *Substandartismen* (*Eleischmann E.* Übersetzung lexikalischer Substandartismen // Beiheft III/IV z. Zeitschrift «Fremdsprachen». Leipzig, 1971).

[18]Параллельно с просторечием существует понятие койне как формы обиходно-бытовой речи необразованной, не владеющей литературными нормами

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

отличие от диалекта, единого для определенной территории, просторечие большого современного города пестро. Оно складывается из разных диалектных заимствований. Одни выходцы привносят в язык что-то из своей области, другие — из своей. Поэтому невозможна единая грамматика просторечия, возникает некоторый «винегрет» из разных диалектных особенностей.

Просторечие (в суженном смысле как малограмотная речь) — явление уходящее. С ростом культуры оно должно сойти на нет. Пока же оно живо, хотя все больше уступает свои позиции литературной норме. Даже в речи одного и того же лица (представителя просторечия) встречается то правильная, то неправильная форма *(два пальта́/пальто, мой яблок/мое яблоко, пять этапов/этажей)*. Несмотря на укоренившиеся автоматизмы речи, многие малообразованные люди доучиваются на ходу, сами поправляют себя, ориентируясь на окружение. Правда, это не всем удается.

Речь интеллигентного человека в идеале должна была бы быть совершенно свободна от просторечных элементов. Однако не является исключением то, что они в ней все же встречаются. Это вызывается разными причинами. В одних случаях своеобразным маскарадом, когда говорящий сознательно переключается на чужой социолект, заимствуя, цитируя не свойственные его обычной речи черты с целью подчеркивания, иронизации, подтрунивая, паясничанья, шутовства, или передразнивания дистанцированности, непричастности к воспроизводимым образцам отстраненной, очужденной речи, для создания речевого портрета. У образованного человека богаче регистры, и переключение с одного на другой происходит свободнее, чем у того, кто, обладая невысокой речевой культурой, может многие сниженные явления применять наивно, безотчетно, не придавая им функциональной нагрузки[19]. Напри-

---

части городского населения (см. об этом: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. Раздел «Литературный язык» — автор М. М. Гухман). Круг его носителей сужается, «причем это сужение имеет отчетливо выраженную социальную окраску... Сужение социальной базы общего койне, превращение его в обиходно-бытовую речь низов, во-первых, в значительной степени лишает койне свойственной ему ранее престижности (известная престижность остается лишь по отношению к диалектной речи, как противопоставление городской речи сельской), во-вторых, делает общее койне социально-ограниченным типом речи» *(Баранникова Л. Г.* К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981. С. 118).

[19] Не только в книжной, но и в разговорной речи интеллигенцию отличает умение вживаться в любой языковой «образ», растворяться в нем, приспосаб-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

мер, подшучивающий над влюбленным внуком-девятиклассником старый инженер говорит: *Небось на свиданку, к залетке? Милка с глазками заждалася.* Руководитель аспиранту: *Это непонятно изложено, трудящие вас не поймут;* Корректор коллеге: *Ну посмотрела я этот отдыхающий фильм. Никак не отплююсь.* В других случаях, очень редких, все же возможны функционально не обусловленные нелитературные элементы в литературной речи. Один скажет *жамки* (пряники), другой — *насупротив* (напротив), третий — *напрочь*, четвертый — *гомозиться* (возиться, суетиться) и т. п. От этих единичных вкраплений речь не становится просторечной. Иногда цитация образцов неграмотной речи связана с фразеологизированными построениями, крылатыми выражениями: *кина не будет, каждинный раз на том же самом месте; ни туды и ни суды; не пимши не емши; опять поддамши; знает собака, чью мясу съела; не хотится, как хотится, я один могу пройтиться.*

Нелитературная вульгарная речь, показатели которой — гробианизмы, вульгаризмы, жаргонизмы. Назначение их разнообразно, и употребление в самых различных условиях разными по социальной принадлежности, уровню образования, духовному складу, отношению к речевой эстетике людьми преследует многие цели. Например, считают, что молодежь жаргонизмами выражает своеобразный протест обычному наскучившему, вечно одинаковому языку. Небольшая иллюстрация: Одна студентка другой: *Ну, мать, ты даешь!; За гроб автомат, по зарубежке пять; Я третий день шевелю лексикологию и не секу* (= Ну, дорогая, ты меня восхищаешь! За гражданскую оборону получила зачет автоматически, по зарубежной литературе пятерку; Я третий день готовлю лексикологию и пока в ней не разбираюсь). Спортсмен: *Соловей его сделает* (= Соловьев его обгонит, победит). Жаргоном называют речь, содержащую жаргонизмы, т. е. он маркируется главным образом лексически. Специфика его остальных уровней едва заметна. Применяют жаргонизмы совершенно сознательно, отдавая себе отчет в синонимичности с нейтральным, в то время как необразованный человек

ливать его к выразительным задачам речевого общения, т. е. делать «чужое» «своим», а значит, относиться к разным типам своей деятельности «рефлективно», принося даже в разговорную речь момент специального отбора, выражающегося в том, что стилистические столкновения используются в интеллигентской речи гораздо чаще с экспрессивным подтекстом, чем прямолинейно (см.: *Винокур Т. Г.* Функциональная и социальная характеристика стилистических свойств высказывания в современном русском языке // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977. С. 317–318).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нередко применяет сниженную лексику как единственное средство выражения нужного содержания.

Отступает от литературности речь маленьких детей, не владеющих языком, а также речь представителей других национальностей, иностранцев. В их ломаной речи не исключены и бесконтрольно подхваченные просторечные элементы, и узуальные речевые погрешности, однако она противостоит нормированному языку по иным показателям, чем некультурная речь носителей родного языка.

Литературность связывается не только со строевой (грамматической, лексической, фонетической) правильностью, но и с принятой эстетико-стилистической упорядоченностью высказываний. Уже как нарушение должной чистоты речи следует рассматривать неоправданный повтор одного и того же слова, неумение синонимизировать, неточные словоупотребления, непропорциональное применение отделочных средств (например, «перерасход экспрессем»), злоупотребление иностранными словами, казенно-бюрократическими выражениями, терминами, профессионализмами[20], модными словами, штампами, словами-паразитами, нарушение этических правил (неуместная невежливость, фамильярность, панибратство, неумелая самоподача, нечувствительность к подтексту). Обычно нелитературность отмечается в связи со всевозможным снижением. Есть, однако, все основания рассматривать как несоблюдение литературных норм случаи не вполне оправданных «завышений», когда высокостильное не только не нужно, но ошибочно, когда высокопарность неуместна, когда официальность излишня, когда деланная красивость становится фальшивой[21]. Важничание, щеголяние образованностью, манерность, сюсюканье, расфуфыривание обыденного — все это противоречит (часто не писаным, еще не сформулированным, но уже действующим и исполняемым) правилам простоты и красоты культивированного языка. С этой точки зрения нельзя следующие фразы счесть литературными: *Я лично прибуду на именины вашего кинотеатра с супругой*[22] (Я приду на

[20] См.: *Винокур Т. Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.

[21] *Девкин В. Д.* Языковая манерность как стилистическое явление // Вопросы немецкой филологии. М., 1970.

[22] Пример не лишен нарочитости, поскольку пять стилистических ошибок сразу в одной фразе едва ли реальны.

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

юбилей вашего кино с женой); *Я яичек не кушаю. После приема пищи отдыхаю, перед сном купаюсь* (в ванне) (Я яиц не ем. После еды сплю, перед сном моюсь).

Почему не считать нелитературным (по причине ненормативности) произношение некоторых иностранных слов в речи небольшой части интеллигенции: *фанэра, пионэр, конкрэтно; кӧкурс, тӑк* (назализация вместо -нк-); суффикса *-ция* как *-циа* вместо *-ция* и *-цио* как *цьо* и т. п., а также сохранение фонетической близости к оригиналу в случаях реализовавшейся русификации заимствований: *джаз, джем* [ʤ], *интерьер, шофёр?*[23]

Оценочные характеристики «соответствующий» и «противоречащий литературной норме» возникают нередко лишь по традиции, без особого логического основания. Так, метонимическое выражение *Вы здесь встаете?* (адресованное к стоящему) считается нелитературным соответствием правильной фразы *Вы здесь выходите?*, тогда как построенная по аналогичному метонимическому переносу *Сели!* (об успевших лишь войти, а не сесть в вагон) признается вполне обычной. Осуждаемое литературной орфоэпической нормой смещение ударения в некоторых сложных словах со вторым компонентом *-метр* на предпоследний гласный (*килóметр, сантúметр*) связано, как ни странно, с закономерностью, которая обнаруживается при количественном анализе. В словарях регистрируется не менее 110 слов на *-метр*. Из них только 20 имеют (по литературной норме) ударение на последнем слоге. Следовательно, ошибка имеет свое «оправдание» в языковой системе.

Несмотря на активизацию воздействия на язык разных «рычагов культуры», все же он продолжает развиваться стихийно[24]. Никакими усилиями ученых невозможно запретить или приостановить то, что реально получило всеобщее распространение и таким образом стало претендовать на то, чтобы быть принятым в литера-

[23] Ср.: *Поливанов Е. Д.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию, М., 1978; *Он же.* Фонетика интеллигентного языка // *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

[24] Важную роль играют, например, словари правильности речи, борющиеся с распространенными ошибками: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник / Ред. К. С. Горбачевич. Л., 1973; Правильность русской речи: Словарь-справочник / Сост. Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов. 2-е изд. М., 1965; *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частично-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

турную норму. Немало ошибок было ведь узаконено литературной нормой в прошлом: *тарелка, кафель, одинарный, каперсы.*

В литературе неоднократно отмечалась (А. А. Шахматов, Ш. Балли) несправедливость рассмотрения диалекта и простонародной речи как литературной порчи. Из конкурирующих форм победила одна, а могло оказаться иначе. Нормы подвижны, и то, что в настоящее время расценивается как нелитературное, может стать литературным впоследствии. Поэтому понятия «неправильный», «ошибочный» весьма относительны, но тем не менее говорить о неграмотности речи, исходя из современного положения вещей, вполне допустимо. Боязнь привесить ярлык малограмотности тому, что действительно сегодня ощущается как явное несоответствие литературной норме, уже привела к серьезным упущениям в нашей практике борьбы за культуру речи в разных областях и особенно в лексикографии[25]. Если в конкретной теоретической работе можно пояснить, в каком смысле понимается просторечие, то в словаре просторечная принадлежность (особенно в виде пометы) может ввести в заблуждение[26]. Ведь обращающийся к словарю интересуется не в последнюю очередь коннотациями нужного ему слова — кем, в какой среде, с какой целью оно обычно употребляется[27]. Когда, например, в семнадцатитомном академическом словаре современного русского литературного языка одинаковой пометой *«просторечное»* снабжены, с одной стороны, совершенно очевидно неграмотные формы *(пужать, напрямки, надсмехаться, склизкий),* а с другой стороны, слова, вполне допустимые в лингвистической речи *(гармошка, головомойка, галдеть, долговязый, доконать, допоздна, деляга, дылда),* со всей остротой становится заметной несуразность объединения данной словарной характеристикой таких свойств, которые должны были бы строго разграничиваться. Всякий нерусский или недостаточно знающий язык остается при наведении подобной справки сбитым с толку.

---

[25] См.: *Филин Ф. П.* О структуре современного литературного языка // ВЯ. 1973. № 2. С. 7.

[26] См.: *Виноградов С. И.* «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского литературного языка» Д. Н. Ушакова // Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[27] См.: *Рахманова Л. И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка // Вопросы стилистики. М., 1966; *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1949.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Для современного русского языка характерен процесс ускорения превращения нелитературного в литературное (или хотя бы в литературно-разговорное) и исчезновения нелитературных слов и форм. Словарные пометы, уточняющие сферу употребления лексических единиц, нередко показывают не столько ограничение их применения в современном языке, сколько их происхождение — источник, откуда они появились[28]. Вышедшее из просторечия может подвергнуться мелиорации (завышению, облагораживанию).

Из высказанных соображений следует, что нарушение литературности имеет многие разновидности, среди которых особенно важно различать некультурную, неграмотную окраску речи людей, не осознающих ее неправильность, и намеренное сознательное снижение речи, ее экспрессивную вульгаризацию. Нелитературность — понятие градуируемое, и степень и тип ее надо устанавливать в каждом конкретном случае с учетом совокупности необходимых факторов, при неослабном внимании к экстралингвистическим моментам.

«Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык»[29]. Следовательно, литературность, а тем более отклонения от нее и многочисленные факты реальной жизни языка, не укладывающиеся в ее законы, очень далеки от однозначного понимания[30]. Субъективизм интерпретации, историческая подвижность норм, зависимость оценки чистоты языка от многих обстоятельств обусловливают зыбкость границ литературности. Повышение внимания к этой проблематике — неотложная задача лингвистики.

---

[28] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для современного языкознания // ВЯ. 1966. №6; *Бабкин А.М.* Новый академический словарь русского языка: Проект. Л., 1971.

[29] *Виноградов В. В.* Литературный язык // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

[30] Ср.: *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Избр. работы по русскому языку. М., 1957; *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967; Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960; Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969; *Едличка А.* О пражской теории литературного языка: Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М., 1967; *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Там же; *Он же.* О функциональном расслоении литературного языка // Там же; *Матезиус В.* О необходимости стабильности литературного языка // Там же.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Ю. Карпенчук

ЭТИКЕТ И РЕЧЬ*

Этикет, культура поведения. Этикет — философское и этическое понятие. Словарь по этике определяет его следующим образом: «Этикет (*франц.* etiquette «ярлык») — совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к окружающим людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)»[1]. То есть это свод правил, регулирующих поведение в обществе. Корнями этикет уходит в древнейшие времена, когда регламентация поведения была связана с различными верованиями, ритуалами и обрядами. Постепенно происходило закрепление определенных действий за конкретными ситуациями, складывались традиционные нормы поведения. «Обычаи, к которым примыкают этикетные правила, являются наиболее древними формами хранения и передачи общественно-исторического опыта человечества»[2]. Очень важно отметить, что в культурах разных народов этикетные правила имеют свои, национальные особенности, которые наиболее ярко проявляются в сфере общения.

Естественно, что поведение человека в обществе теснейшим образом связано с коммуникацией, общением, из чего вытекает связь языка и культуры. Можно выделить два типа культур — вербальную и невербальную.

Ко второму типу относятся обычаи, обряды, традиционные нормы поведения, а также повседневное поведение. Символичная знаковость пронизывает все уровни обрядов. Так, например, при сватовстве в Албании жених и невеста обменивались (через посредников) специальными знаками — подарками. Это было знаком обоюдного согласия на свадьбу. Вообще архаичный дар предполагает отдаривание. Обмен подарками — это установление дружбы и даже побратимства. Так, у якутов понятие «друг» выражается словом

---

* Мы уже отмечали, что названное учебное пособие выросло из лекций и занятий автора со студентами в Петербургском университете. Данный очерк студентки Юлии Карпенчук удачно показывает один из конкретных и менее известных аспектов этнолингвистики.

[1] Словарь по этике. М., 1975.

[2] *Аржевская Е. А.* Речевой этикет современных американцев США // Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. М., 1977.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

атас «обменявшийся», а у нивхов побратимство выражалось в периодическом обмене подарками[3].

Говоря об обычаях, нужно упомянуть и о символе внешнего вида. Например, в России традиционно принято белое платье для невесты, а цвет траура — черный, в то же время в Китае цвет траура — белый. Входя в церковь, христиане-мужчины снимают головные уборы, женщины же, наоборот, не должны входить в храм с непокрытой головой.

Можно говорить о существовании этикетных признаков или, как их определяет Н. И. Формановская, «социальных знаков»[4]. В качестве примера она приводит различные формы одежды (ученика, военного и т. п.), а также четкое знание того, когда и по какому случаю следует одеть определенный тип одежды.

В этикете существует множество средств выражения. Т. В. Цивьян делит их на универсальные (естественный язык и движения) и неуниверсальные, т. е. предназначенные для определенной ситуации. Все правила этикета Т. В. Цивьян разбивает на две группы: положительные и запрещающие[5]. Так, например, в Японии нельзя войти в дом, не сняв обуви; в Китае к чашке сухого риса, подаваемой в конце обеда, никто не притрагивается, нужно показать, что ты сыт. Кроме того, везде существуют запретные темы для разговора, запрещенные вопросы.

Говоря о культуре, общении, этикете, нельзя обойти стороной и такую разновидность обычаев, как повседневное поведение («рутинное», по определению Э. Берн)[6]. Это один из важнейших подразделов этикетных норм, так как с «рутинным» поведением мы сталкиваемся каждый день, и оно является практически «автоматическим». Если какая-либо форма повседневного поведения не выполнена, это является грубейшим нарушением и вызывает отрицательную оценку второго участника общения, так как этот разряд повседневного поведения является символически значимым: с его помощью можно выразить отношение ко второму лицу, принимающему участие в коммуникативном акте. Именно с повсе-

[3] *Байбурин А. К., Топорков А. А.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990.

[4] *Формановская Н. И.* Вы сказали: «Здравствуйте!». М., 1982.

[5] *Цивьян Т. В.* К описанию этикета как семиотической системы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.

[6] *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

дневными обычаями и связана большая часть формул речевого этикета.

Этикет речи. В повседневной деятельности человека существует множество привычек, стандартных действий, которые выполняются механически. Естественно, что стандартное поведение неизменно влечет за собой и возникновение стандартных речевых формул, прикрепленных к данной ситуации. Об этом пишет Л. П. Якубинский: «В общей сумме наших взаимодействий с другими людьми весьма изрядная часть принадлежит шаблонным взаимодействиям, но наши взаимодействия, каковы бы они ни были, вообще всегда сопровождаются речевыми взаимодействиями, речевым обменом, и, соответственно этому, шаблонные взаимодействия обрастают речевыми взаимодействиями; между теми и другими устанавливается теснейшая ассоциативная связь, которая обнаруживается даже во временном отношении: известным периодам дня соответствуют известные речевые факты. Говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора»[7].

Поскольку каждый народ имеет свои особенные традиции, ритуалы, наделен некими специфичными чертами в поведении, то можно говорить и о том, что в устойчивых шаблонных фразах также проявляются национальные специфические черты. С другой стороны, если этикет поведения регулирует действия человека, прикрепляя их к определенной ситуации, то речевой этикет регулирует правила речевого поведения, точно так же соотнося определенные высказывания с определенной ситуацией. Таким образом, «под речевым этикетом понимается микросистема национально специфических устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности»[8]. С помощью речевого этикета выражается доброжелательное отношение, выбирается наиболее подходящая форма для общения с конкретным человеком.

Поэтому, с одной стороны, — это устойчивые единицы языка, которые не создаются каждый раз заново, а употребляются в готовом виде, в каком они содержатся в нашем сознании, с другой — в них

[7] *Якубинский Л. П.* О диалектной речи // Язык и его функционирование: Избранные работы. М., 1986.

[8] *Формановская Н. И.* Речевой этикет: Лингвистический и методологический аспекты. М., 1982.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

присутствует некое творческое начало, когда в каждом конкретном случае осуществляется выбор той или иной формы.

Речевой этикет разных народов. Когда два человека вступают в контакт, на начальном этапе проходит ориентация собеседников относительно друг друга, и основная причина ориентировки — узнать, что общего «у меня с ним». Причем у каждого народа на выбор определенных форм речевого этикета (обращения, приветствия и т. д.) влияет ряд определенных факторов. Так, русские ориентируются по двузначной формуле: вышестоящий — равный или нижестоящий, и результатом является выбор формы ТЫ или ВЫ. Этот же фактор социального статуса является решающим и в речевом этикете современных венгров. Для корейцев же ориентация имеет 3-плановый характер: высший — равный — низший, причем здесь же учитывается и социальный статус и возраст. При этом каждый партнер осознает свое «я» через одно из местоимений 1-го лица, ед. ч.: ЧО — я (уничижительное), НА — я (нейтральное)[9].

В японском языке существует около 50 форм обращений в разных стилях, из них около 50 форм приветствий, более 40 форм прощаний. О собеседнике говорится: Ваше почтенное имя (соммэй), Ваше благоухающее имя (гохомэй), Ваша достопочтенная супруга (рэйфундзин). О себе говорится: Моя неумелая работа (сэссаку); Моя глупая сестра (гумай); Мое жалкое жилище (сэттаку) и т. д.[10]

После ориентации происходит отбор семантико-экспрессивных стилистических синонимов, что создает тональность общения. «Тональность общения — это такое социальное качество ситуации общения, которое можно определить как степень соблюдения этических норм взаимодействия коммуникантов»[11].

Как правило, речевой контакт начинается с обращения к собеседнику. Поэтому очень важно выбрать нужную форму в данной ситуации. Так, в русском языке существует тенденция к употреблению на всех уровнях «интимных обращений»: по имени-отчеству или просто по имени. Во французском языке, как и в большинстве

[9] *Скортатюк И. Д.* Некоторые аспекты выражения форм вежливости в корейском языке // Национально культурная специфика речевого поведения.

[10] *Неверов С. В.* Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев // Национально-культурная специфика речевого поведения.

[11] *Лендел Ж.* Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров // Национально-культурная специфика речевого поведения.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

европейских языков, основной выбор делается среди социально дистантных вокативов: madame, mademoiselle, monsieur[12]; в английском языке — mister, mistress, miss, в итальянском — signore, signora, signorina.

Сейчас в европейской традиции знаки абсолютного ранга — типа граф, барон и т. п. — практически не употребляются (это проявление общей тенденции к размыванию социально-групповых перегородок).

В семейном общении в Америке и в Европе обращаются друг к другу по имени (сейчас даже дети обращаются так к родителям). А вот для корейцев это признак нездоровой атмосферы в семье, поскольку в обращениях они используют категории, указывающие на родственные отношения[13]. Вьетнамский язык также имеет сложную и богатую систему вокативных терминов родства[14].

Установлению контакта с собеседником служат приветствия. В речевом этикете практически всех народов таких выражений несколько (это связано с отражением времени, характером приветствия — официальный/неофициальный). Так, в венгерском языке существуют приветствия, которые могут быть адресованы только мужчине мужчиной, только мужчиной женщине, только к женщине-сверстнице. Интересно, что у некоторых народов формы приветствия, связанные с определенным временем дня, отражают и явления природы, связанные с моментом встречи коммуникантов. Так, в албанском языке есть приветствие, которое произносится утром: Si u gdhive? — и дословно может быть переведено «Как тебе рассветалось?». И приветствие такого же типа, но уже вечернее: «Si u ngryse?» «Как тебе стемнело?».

В американском этикете тоже существует несколько приветствий: How do you do? Hello, Hi и др. Два последних приветствия имеют достаточно неофициальный характер. Приветствие же How do you do? связано с ситуацией знакомства: это выражение употребляется после того, как два знакомящихся были представлены друг другу третьим лицом[15]. В некоторых языках формы привет-

[12] *Пименов А. В.* Социальный символизм во французской речи // Национально-культурная специфика речевого поведения.

[13] *Тханг Ли Тоан.* Система вокативных терминов родства в современном вьетнамском языке // Национально-культурная специфика речевого поведения.

[14] *Аржавская Е. А.* Речевой этикет современных американцев США: На материале приветствий // Национально-культурная специфика речевого поведения.

[15] *Sifianu M.* Politeness phenomena in England and Greece: A crossculture perspective. Oxford, 1992.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ствий используются и при прощании. Например, английское Good afternoon.

В целом формулы прощания также сильно зависят от тональности общения и статуса коммуникантов. Так, в венгерском языке при «вы»-отношениях используются следующие формы прощания:

kezesókom	—	целую руку
kezetcsókom	—	целую Вашу руку
csókolom a kezeit	—	целую Ваши руки

Многообразие вариантов вербальных и невербальных приветствий и прощаний у разных народов объясняется тем, что приветствие и прощание (являясь началом и концом взаимодействия коммуникантов) — универсальный элемент любого акта общения. Следовательно, употребляясь в коммуникативных актах с разными правилами, он должен отвечать разным требованиям, релевантным для данного народа в данной ситуации.

Этикет и невербальное общение. Ясно, что каждый этнос имеет отличительные черты, которые отражаются и в этикете. Это связано с тем, что отчетливее всего национальная специфика проявляется в деятельности, поскольку у разных народов для выполнения идентичных форм деятельности существуют разные операции.

В целом система моральных установок, определяющих характер общения разных народов, включает набор общечеловеческих ценностей: гостеприимство, понятие чести, скромность, почтительное отношение к старшим. Однако для каждого народа специфична своя иерархия ценностей. Так, почитание родителей занимает первое место в мусульманской системе моральных ценностей, а у европейских народов выражено слабо. Причем следует отметить, что у разных народов одна и та же этикетная ситуация (связанная с системой ценностей) имеет разные формы выражения. Так, у народов Севера сохранились наиболее простые формы гостеприимства, а у народов Кавказа и Балканского полуострова (особенно горцев) оно приобрело характер высокоразвитого института. Причем соблюдение законов гостеприимства считалось одной из наиболее важных обязанностей человека. В Осетии за нарушение этих законов сбрасывали со связанными руками и ногами в реку с высокого обрыва. Когда же происходило столкновение обязанностей гостеприимства и кровной мести, то преимущество отдавали первым. Зачастую единственным спасением для преследуемого был приход

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в дом кровника, ибо нарушение законов гостеприимства считалось большим грехом, чем неисполнение кровной мести (Кавказ, Албания).

Говоря же о национальных особенностях невербального мышления, следует отметить, что каждый человек имеет личную пространственную территорию, т. е. пространство, которое он считает своим, словно оно является продолжением его физического тела. Это пространство делится на четыре зоны:

1 — зона интимности (от 15 до 46 см),
2 — личная зона (46 см–1,2 м),
3 — социальная зона (1,2–3,6 м),
4 — публичная зона (3,6 м)[16].

Уже из названий видно, при общении с какой группой людей (имеется в виду по близости и степени знакомства) допускается проникновение в ту или иную зону, не вызывающее отрицательной реакции. Так вот, у разных наций эти законы различны. В основном, конечно, речь идет об интимной зоне. Так, Мария Сифьяну пишет, что люди из высококонтактных культур, такие как арабы, греки, представители Латинской Америки, чувствуют себя уютнее при более короткой дистанции с собеседником, нежели люди из низкоконтактных культур, такие как США и Северная Европа[17]. Именно поэтому американцы часто жалуются, что иностранцы (например, арабы) подходят к ним слишком близко при разговоре, а англичане, в свою очередь, находят, что американцы стоят слишком близко от собеседника, говорят слишком громко и не смотрят собеседнику в глаза. Интересно, что и японцы предпочитают не смотреть в глаза собеседнику, причем в этом им помогает «икэбана»: они беседуют, любуясь искусно сделанным букетом. Японский лингвист Тада, исследовавший язык повседневного поведения в разных странах, пришел к заключению, что там, где представлена единая культура (а именно такова и культура Японии, которая длительное время развивалась изолированно), этот язык играет большую роль, помогая людям понимать друг друга с полуслова.

Но если люди являются носителями разных культур, то это очень осложняет общение, а иногда приводит к полному непонима-

[16] *Пиз Аллан.* Язык телодвижений. М., 1995.

[17] *Садур В. Г.* Из наблюдений над некоторыми особенностями невербального поведения индонезийцев // Национально-культурная специфика речевого поведения.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нию друг друга. Основное — это различие жестов разных народов в разных ситуациях.

Так, при встрече египтяне и немцы приветствуют друг друга жестом, напоминающим отдание чести российскими военнослужащими, с той разницей, что ладонь прикладывается ко лбу и поворачивается к тому, кого приветствуют. В Индии знакомые приветствуют друг друга, складывая руки на груди и слегка наклоняя вперед голову. Японцы во время приветствий не пожимают друг другу руки, не целуют друг друга в щеку и не совершают никаких подобных действий. В то же время европейцы здороваются за руку и часто целуются при встрече. В Китае же при встрече не целуются даже родственники, лишь мать может поцеловать ребенка. Кстати, обмен рукопожатиями — реликт первобытной эры. Когда древние люди встречались, они протягивали друг другу руки раскрытыми ладонями вперед для того, чтобы показать свою безоружность. Выражая вежливое согласие, индонезиец на мгновение застывает в поклоне. А несогласие выражается энергичным покачиванием головы из стороны в сторону. Болгары и албанцы, выражая согласие, мотают головой, как европейские народы при выражении несогласия. Чтобы просто сказать «нет» арабы поднимают голову (турки при этом прищелкивают языком; часто так делают албанцы и греки). Чтобы выразить абсолютное отрицание, арабы кусают ноготь на большом пальце правой руки, а затем быстро выбрасывают руку вперед.

Жест «о'кей» (кружок образован большим и указательным пальцами) был популярен в Америке в начале XIX в. Значение этого жеста — «все в порядке» — известно во всех англоязычных странах, в Европе и Азии. Но во Франции он означает «ноль» или «ничего»; в Японии он значит «деньги», а в странах Средиземноморского бассейна этот жест используется для обозначения гомосексуальности мужчины.

Поднятый вверх большой палец в Америке, Англии, Австралии, и Новой Зеландии имеет три значения:

1) «остановитесь» при «голосовании» на дорогах;

2) «все в порядке»;

3) при резком выкидывании большого пальца вверх это становится оскорбительным знаком. А в некоторых странах, например в Греции, этот жест означает «заткнись».

Таких примеров можно приводить множество. В целом же они еще раз подтверждают тот факт, что деятельность разных народов

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

отличается, испытывая на себе влияние целого комплекса факторов, таких как климатические и природные условия, традиционная культура, этнопсихология, специфика языка.

Таким образом, национальная специфика общения проявляется как в социальном взаимодействии коммуникантов, так и в речи. И речевое и неречевое общение регулируется социальными нормами, а речевое также еще и спецификой системы данного языка.

А. А. Жуков

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В БАНТУИСТИКЕ*

В середине XIX в. В. Блик, занимаясь языками Южной Африки, сумел установить некоторые фонетические закономерности и разглядел общие черты в их морфологическом строе. Появилась возможность говорить об особой семье языков, получившей название банту. Известный лингвист К. Мейнхоф, продолжая работу своего предшественника, поставил вопрос о построении предполагаемого предка этих языков — *Ur-bantu*. Со времен Мейнхофа необходимость реконструкции праязыка банту стала центральной проблемой в бантуистике. Решению этой задачи были подчинены как основополагающие работы самого Мейнхофа, так и частные исследования его учеников и последователей. В настоящее время мы имеем достаточно полное представление о контурах языка-основы банту.

Что касается происхождения, истории развития этих языков, то существует немало гипотез и предположений на этот счет, отраженных в литературе (Торренд, Вангер, Мейнхоф, Вестерман, Омбюрже, Джонстон, Ван дер Керкен, Ван Бульк, Гатри, Гринберг и др.). В последнее десятилетие языковеды, занимающиеся этой проблемой, ввели в обиход методы картографирования и ста-

* Печатается по: *Africana*. Африканский этнографический сборник. VI: Культура и языки народов Африки. М.: Наука, 1966. (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1966. Новая серия. Т. XC.)

[За время, прошедшее с момента публикации этой статьи, в африканском языкознании сложилось отдельное направление, занимающееся лексико-статистической обработкой языков банту, связанное прежде всего с именами учеников и последователей бельгийского ученого А. Е. Меюссена (в тексте статьи — А. Е. Мейсена) (в особенности Ивонн Бастен). — *А. Ж.*]

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

тистики. В первую очередь здесь следует назвать Л. Б. де Бука[1], чья работа построена на материале первого тома фундаментального труда Г. Джонстона[2], где приведены сравнительные словари 226 языков банту и 48 бантоидных языков. Метод де Бука состоит в следующем. Автор отбирает некоторые реконструированные морфологические единицы (основы, префиксы) как нечто заданное и установленное. Затем обращается к реальному языковому материалу, соотнеся эту гипотетическую форму с ее проявлениями в различных языках. Так, например, реконструированная глагольная основа со значением 'умирать' в *Ur-bantu* имеет форму *-kua*. Эта основа с начальным *k* встречается в ряде языков банту. Район, где распространены эти языки, наносится на карту и окрашивается в один цвет. В некоторых языках эта основа имеет начальное *f*. Район распространения этих языков также наносится на карту и окрашивается в другой цвет. Чередование *k/f* подтверждается примерами *(mafuta/makuta, -fumu/-kumu* и т. д.). Таким же образом наносятся на карту чередования других согласных *(l/r, t/r* и т. д.) и гласные фонем. Всего в книге приведено 76 карт (или схем), отражающих районы распространения отдельных фонем и их переходов. Лингвистические (фонетические) факты как бы выстраиваются в их географическом отношении друг к другу.

Языки банту с точки зрения их фонетического развития делятся де Буком на две большие группы. Первая объединяет языки, распространенные в районах, обозначенных автором A, B, C, D, или, как говорит де Бук, в четырех углах занимаемой народами банту территории. Другая группа — центральная (E)[3]. Противопоставление этих групп проводится де Буком по следующим признакам: в центре (область E) согласные перед $*i$ становятся свистящими, перед $*\hat{u}$ — лабиализируются; в районах A, B, C и D согласные перед $*i$ и $*\hat{u}$ соответствуют реконструированным формам. $*o$ и $*e$ в языках A, B, C и D соответствуют $*u$ и $*e$ в языках E. Делается вывод: языки ареала ABCD обладают примитивными формами звуков, языки ареала E — более развитыми. Не разделяет ли здесь автор теорию Ван Булька о «старо-банту» и «младо-банту»? Хотя далее он как раз возражает этой теории, говоря, что «факт выде-

[1] *Boeck de L. B.* Premières applications de la géographie linguistique aux langues bantoues. Bruxelles, 1942.

[2] *Johnston H.* A comparative study of Bantu and Semi-bantu languages. In 2 vols. Oxford, 1919–1922.

[3] *Boeck de L.B.* Premières applications... P. 32, фиг. 10.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ления различных районов на основе различных лингвистических явлений отрицает жесткое деление языков банту на древние и новые»[4].

Установив, что фонетические инновации имели место в центральной зоне (E) и не достигли периферийных районов (A, B, C и D), де Бук пытается наметить центр и направления, по которым шло распространение инноваций. Центр *(centre d'expansion)* автор склонен видеть в районе озера Ньяса, хотя достаточно убедительных доводов не приводит. Что касается направлений, по которым распространялись инновации, то де Бук намечает их четыре (*quatre grandes routes*)[5]. Первое — из центра на запад, второе — из центра по юго-восточному побережью на юг. Относительно третьего и четвертого путей автор испытывает некоторую неуверенность, но затем определяет их как север-центр. Точнее, в центр из района севернее озера Виктория (третье) и восточного побережья (четвертое). Именно этими путями, согласно де Буку, проходили миграции народов в этой части Африки, которые и привели к возникновению новых фонетических явлений. Подтверждения правильности предлагаемой точки зрения автор ищет у этнографов и историков, ссылаясь на работы С. Шапера, Г. Зелигман, М. Бауман.

Гипотеза де Бука направлена против известной теории Ж. Торренда[6]. Если Торренд связывал историю языков банту с миграцией древней восточной расы, которую аборигенное население Южной Африки называло *makua,* то де Бук, как нам кажется, стоит на точке зрения внутренних миграций. По крайней мере книга де Бука не содержит прямых высказываний о каком-либо внешнем влиянии, хотя некоторые его положения могут быть истолкованы именно таким образом.

При всех непоследовательностях, известном упрощении проблемы, несколько поспешных выводах (привлеченный материал явно недостаточен для широких обобщений, на которые претендует де Бук) книга де Бука показала приемы применения картографического метода к языкам банту.

Позднее де Бук не раз возвращался к пропагандированию метода картографии. Известна его статья «Лингвистическая география

[4] Там же. P. 200.

[5] Там же. P. 36, фиг. 11.

[6] *Torrend J.* A comparative grammar of the South African Bantu languages. London, 1891. Introduction.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в Бельгийском Конго»[7], где выявляются ареалы форм для слова 'бровь' в языках так называемого *Ngiri basin*. Статья «Лингвистическая география и языки банту»[8] в основном излагает выводы автора, сделанные им в первой книге. В какой-то мере она является ответом на замечания Ван Булька[9] и М. Гатри[10], которые главным образом направлены на некритическое осмысление де Буком материалов Г. Джонстона. Перу де Бука принадлежат также работы «Языкознание и языковые проблемы в Бельгийском Конго»[11], «Дополнение к лингвистическому атласу Бельгийского Конго»[12], где автор так или иначе касается вопросов применения методов геолингвистики к языкам банту. Последняя из упомянутых работ состоит из пяти отдельных частей (*fascicule*). Каждая часть представляет собой описание ареалов отдельных слов в языках района Конго — Убанга: 'женщина' (1-й раздел), 'левый' (2-й)[13], 'курица' (4-й) и 'крылья' (5-й). В 3-м разделе рассматривается поведение фонемы *l* в четырех словах: *mbula* 'дождь', *makila* 'кровь', *loletu* 'язык', *nzala* 'голод'. Отмечается, в каких языках интервокальное *l* в этих словах исчезает и в каких языках сохраняется. На карту наносится область распространения этого явления. К работе приложено шесть тщательно выполненных карт. Они представляют большой практический интерес.

Названные работы де Бука вызвали появление ряда статей по вопросам геолингвистики. Прежде всего это статья А. Е. Мейсена, одного из ведущих бельгийских бантуистов[14]. Автор отмечает, что недоверие бантуистов к методам геолингвистики имеет достаточно

[7] *Boeck L.B. de.* La geographic linguistique au Congo Belge // Leuvense Bijdragen. 1949. Т. 39. №1/2. P. 1–9.

[8] *Boeck L.B. de.* La géographic linguistique et les langues bantoues // Zaire. 1950. Т. 4. №5. P. 501–513.

[9] *Bulck G. van.* Recherchers linguistiques au Congo Belge. Bruxelles, 1948. P. 131–132.

[10] *Guthrie M.* // Africa. 1945. Vol. XV. C. 220–221. Резкий ответ см.: *Crootaers M. L.* La methode géographique appliquée aux langues africaines // Bull. des Sciences. 1945. XVI. №3. P. 606–611.

[11] *Boeck L.B. de.* Taalkunde en de talenkwestie in Belgish Kongo // Instilut Royal Colonial Belge. 1949. Т. XVII. Fasc. 1.

[12] *Boeck L. B. de.* Contribution a l'Atlas linguistique du Congo Belge // Institut Royal Colonial Belge. 1953. Т. XXIX. Fasc. 3. P. 3–82.

[13] Де Бук обращает внимание на тот факт, что в некоторых языках банту понятие 'левый' связано с понятием 'женщина'. Это очень интересное замечание. Ср., например, в суахили: *upande wa kume* 'правая сторона' (букв, 'сторона мужская').

[14] *Meeussen A. E.* Taalgeografie in Kongo // Zaire. 1954. Bd 8. №2. S. 163–170.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

веские основания, в числе которых он называет опасность утонуть в бесчисленных сравнениях слов, тогда как усилия ученых должны быть направлены на структурное и функциональное изучение грамматики и синтаксиса языков банту. Однако Мейсен подчеркивает, что метод картографирования должен занять достойное место среди других методов описания языка, считает, что он может быть полезным и необходимым в последней стадии лингвистического исследования. Среди работ, в которых методы геолингвистики нашли практическое применение, можно назвать статьи Я. Вансина «Геолингвистические исследования в районе Куба»[15], Карла Гоффмана о географической дистрибуции основ числительных[16] и некоторые другие. Бельгийским ученым Ван Бульку и Г. Хюльстарту принадлежит заслуга в составлении лингвистических карт бывш. Бельгийского Конго[17] (иначе, классификация языков Конго по географическому принципу).

Метод картографирования, а также статистику широко использует известный английский бантуист М. Гатри. Интересы этого ученого лежат в области классификации языков банту и восстановления их общего прототипа *(Proto-Bantu)*. Последнему вопросу Гатри посвятил большое число статей, из которых здесь нас будут интересовать лишь две — «Некоторые выводы о доистории языков банту»[18] и «Двуступенчатый метод сравнительного изучения языков банту»[19]. Эти работы тесно связаны между собой, дополняют одна другую. В самых общих чертах идеи, заключенные в них, сводятся к следующему: автор заявляет, что хотя работы Мейнхофа в области сравнительного изучения языков банту являются заме-

[15] *Vansina J.* Taalgeographische Toestand in net Kuba-gebied // Aequatoria. 1958. Bd 21. №1. S. 1–4.

[16] *Hoffmann C.* Zur Verbreitung der Zahlwortstämme in den Bantusprachen // Afrika und Übersee. 1953. Bd 37. №2. S. 65–80.

[17] *Bulck G.* van. 1) Les deux cartes linguistiques du Congo Belge // Institut Royal Colonial Belge. 1952. T. XXV. Fasc.; 2) Atlas général du Congo (Carte linguistique) // Institut Royal Colonial Belge. 1954; *Hulstaert* G. 1) Carte linguistique du Congo Belge // Institut Royal Colonoal Belge. 1950. T. XIX. Fasc. 5; 2) Au sujet de deux cartes linguistiques du Congo Belge // Institut Royal Colonial Belge. 1954. T. XXXVIII. Fasc. 1.

[18] *Guthrie M.* Some developments in the prehistory of the bantu languages // Journ. of African History. 1962. Vol. III. №2. P. 273–282 (в основу статьи положен доклад, прочитанный на Третьей конференции по вопросам истории и археологии Африки в Лондоне в 1961 г.).

[19] *Guthrie M.* A two-stage method of comparative Bantu studies // African language Studies. 1962. Vol. III. P. 1–24.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

чательными, однако результаты их не могут быть приняты за основу для изучения доистории этих языков. Выводы Мейнхофа об *Ur-bantu* должны быть пересмотрены и дополнены. Прежде всего Гатри устраняет мейнхофское понятие *Ur-bantu,* вводя два других: *Common-Bantu* и *Proto-Bantu.* На первом этапе (ступени) предлагаемой Гатри теории решается задача построения контуров *Common-Bantu.* Здесь вводятся две операции: а) корни распределяются в так называемые «компаративные серии» (*comparatives series*); б) чтобы выразить регулярные соответствия, проявляющиеся в различных компаративных сериях, строится система форм под звездочкой (*starred forms*), т. е. предполагаемая система звуков *Common-Bantu.* Примером компаративной серии может служить ряд:

тсого	*tato*	'три'
хай	*ʁaʁu*	
гирьяма	*hahu*	
ланги	*tato*	
макуа	*raru*	
мбунду	*tatu*	

Подобных серий в двухстах языках банту Гатри обнаружил 2300.

Можно заключить, что все члены в каждой такой серии, с исторической точки зрения, тождественны и восходят к некой общей основе языка-предка. Такую основу Гатри называет корнем *(root),* а члены компаративной серии — «отражениями» *(reflexes)* этого корня. Теперь Гатри переходит ко второй ступени исследования, касающейся истории развития языков банту. Здесь на вооружение берутся методы топологии, картографии и статистика. С точки зрения топологии компаративные серии могут быть сведены в строго определенные типы. Это достигается следующим образом. Отбираются корни, «отражения» которых обнаружены в большинстве языков банту (т. е. на большей части территории, заселенной бантуязычными народами). Эти корни, число которых равняется пятистам, составляют основную группу корней — «общие корни» *(general roots).* Сюда входят некоторые названия животных, птиц, насекомых, названия частей тела, предметов обихода и т. д. Вторую группу составляют корни, обнаруженные в языках западной части территории, заселенной народами, говорящими на языках банту (*western roots*). И, наконец, третья группа — восточная (*eastern*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

roots). Смешанная группа оказывается столь малочисленной, что Гатри исключает ее из дальнейшего исследования. Теперь автор отбирает 28 языков (*(test-languages)*[20] и определяет в них количество «отражений» «общих корней». Число «отражений» в каждом обследованном языке наносится на карту в процентном отношении к общему числу «общих корней». Подобная операция проводится с «западной» и «восточной» группами. Географическое распределение корней и их статистический учет позволяет Гатри сделать следующие основные выводы относительно доистории языков банту.

Во-первых, факт существования в современных языках банту группы так называемых «общих корней» дает возможность предположить, что они имелись и в общем языке-предке, который может быть назван *Proto-Bantu X*. Наличие двух четко очерченных групп с точными звуковыми чередованиями может означать, что внутри *Proto-Bantu X* развились диалектные варианты: западный диалект (*Proto-Bantu A*) и восточный диалект (*Proto-Bantu B*). Статистические данные показывают, что западный диалект отделился от языка-основы прежде, чем восточный.

Во-вторых, географическое распределение «отражений» «общих корней» приводит к заключению, что на *Proto-Bantu X* говорили народы, жившие в кустарниковой стране к югу от экваториальных лесов. Языки, обладающие высшей насыщенностью «отражений» «общих корней», составляют зону ядра *(nucleus)* и образуют центр тяжести *Proto-Bantu X*. В ядерную зону вошли языки луба-Катанга и бемба с индексом 50[21], луба-Касаи — 47, лвена — 46, конго, рунди и суахили — 44, ила — 43. Уменьшение показателей идет в южном и северном направлениях. Это дает основание Гатри полагать, что расщепление ядра шло двумя путями — к югу и северу. Данные, касающиеся дистрибуции «западных» и «восточных» корней, помогают Гатри уточнить эти направления, в результате чего появляется схема развития языков банту — родословное древо этих языков[22].

Предлагаемый Гатри очерк развития языков банту во многом

[20] Языки дуала, булу, банги, бали, тетела, конго, луба-Катанга, луба-Касан, ила, бемба, рунди, ньоро, ньянкоре, ганда, гикуйю, камба, сукума, суахили, ньянджа, яо, зезуру, венда, сото, коса, зулу, лвена, мбунду, гереро.

[21] Цифры показывают процентное содержание «отражений» «общих корней» в каждом языке, т. е. 50% — в языке луба-Катанга, 44% — в суахили и т. д.

[22] *Guthrie M.* Some developments... P. 278.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

основан на результатах картографирования и статистики. Он является попыткой объяснить происхождение и развитие этих языков с точки зрения постепенной дифференциации языка-основы, начавшейся в процессе образования двух крупных диалектов.

Не могла не привлечь внимания лингвистов, занимающихся языками банту, глоттохронология, или лексикостатистический метод датировки языковых дивергенций[23]. Языки банту являются довольно удобным объектом лексикостатистического исследования: они обладают большим сходством грамматической структуры и словарного состава, в синхронном плане почти все они находятся на одной линии развития, а сравнительное изучение этих языков представило в наше распоряжение точные схемы звуковых соответствий.

Одна из первых попыток применить метод глоттохронологии к языкам банту принадлежит А. Е. Мейсену[24]. Он определяет, согласно лексикостатистической теории, время расхождения языков банги, зулу, ганда. Переведя «опытный список» М. Сводеша (стословник) на языки зулу и банги, Мейсен, сопоставив их, получил 24 совпадающих элемента, т. е. практически 24% от общего числа сопоставленных пар. Такая цифра приводит, согласно М. Сводешу, к глубокой древности — около 4700 лет тому назад началось обособление языков банги и зулу. Сопоставление «опытных словарей» зулу и ганда, ганда и банги привело к следующим результатам — 27 и 29% соответственно.

В статье «Применение лексикостатистики к монго и руанда» А. Купэ[25] приводит результаты сопоставления «опытных словарей» двадцати языков группы монго-нкунду и группы ньяруанда, определяя время дивергенции этих двух групп. Купэ обнаружил в язы-

[23] Глоттохронология, или лексикостатистический метод, занимает видное место среди разнообразных попыток применения статистических методов в области языкознания. Глоттохронологии посвящаются специальные теоретические работы; она является предметом многочисленных рецензий, критических статей, дискуссий. Лексикостатистический метод нашел довольно широкое применение в практике лингвистического исследования. Библиографию, порожденную глоттохронологией, см.: *Климов Г. А.* О лексикостатистической теории М. Сводеша // Теория языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1960. С. 239–253; *Hymes D. H.* Lexicostatistic so far // Current Anthropology. I960. Vol. I. № 1. P. 3– 44.

[24] *Meeussen A. E.* Lexicostatistiek van het Bantoe: bobangi en zulu // Kongooverzee. 1956. Bd 22. № 1. S. 86–89.

[25] *Coupez A.* Application de la lexicostatistique au mongo et au rwanda // Aequatoria. 1956.Vol. 19. № 3. P. 85–87.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ках монго-нкунду и ньяруанда 37,9% «общего словаря». Отсюда следует, что момент распада двух языковых групп относится к началу II тысячелетия до н. э.

На широком материале ведет лексикостатистические исследования Д. Олмстед[26], сопоставляя «основные словари» десяти языков банту: бира, монго, конго, джарава, бубе, гереро, ганда, суахили, сото, манганджа. Настораживает произвольность выбора материала: вышеперечисленные языки действительно принадлежат к общей семье языков — банту (правда, включение сюда языка джарава представляется спорным; обычно его относят к восточнобантоидным языкам), однако представляют различные языковые группы этой семьи. Языки объединяются в группы с учетом грамматических особенностей и географического положения, механическое смешение языковых групп представляется, на наш взгляд, неправомерным, а выбор указанных языков в качестве *test-languages* ничем не обоснованным. Уже это ставит под сомнение систему построений Олмстеда. Надо сказать, что статья эта более заинтересует теоретиков глоттохронологии, нежели бантуистов. Дело в том, что Олмстед предлагает ввести дополнительный прием подсчета совпавших элементов; результаты заносятся в две колонки: в первой отмечается число совпавших элементов, если «двусмысленности»[27] считать за минус; во второй — если «двусмысленности» считать за плюс. Затем определяется средняя величина, которая учитывается при математических операциях.

Обращают на себя внимание материалы Третьей конференции по вопросам истории и археологии Африки, на которой был зачитан ряд докладов, рассматривающих вопросы применения лексикостатистического метода при изучении истории, археологии и языков Африки[28].

---

[26] *Olmsted D. L.* Three tests of glottochronological theory // American Anthropologist. 1957. Vol. 59. P. 839–842.

[27] Под «двусмысленностью» Олмстед понимает наличие вариантности, т. е. такое положение вещей, когда элементу из «опытного списка» Сводеша трудно подобрать единственно точный эквивалент.

[28] Third conference on African History and Archeology held at School of Oriental and African Studies, University of London, 3–7 July 1961: *Armstrong R. G.* Glottochronology and African Linguistics (см.: Journal of African History. 1962. Vol. III. № 2. P. 283–290); *Fage J. O.* A brief guide to lexicostatistics or glottochronology; *Wescott R. W.* Glottochronology and African history; *Wilks J.* An early twi wordlist: A lexicostatistical analysis; *Wrigley Ch.* Linguistics clues to African history (см.: Journal of African History. 1962. Vol. III.2. P. 269–272). Отчет о конференции см.: Journal of African History. 1962. Vol. III.2. P. 175–191.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Здесь нет надобности говорить о достоинствах и недостатках глоттохронологии[29]. В связи с применением этого метода к языкам банту хотелось бы лишь отметить следующие обстоятельства. Первое связано с выделением единиц, подлежащих счету, т. е. с проблемой структуры слова в языках банту. Принято считать, что смысловым стержнем имени существительного в языках банту является так называемая основа. Другому непременному структурному элементу имени существительного — так называемому префиксу — отводится роль чисто грамматического форманта. Если встать на эту точку зрения, то при сопоставлении «опытных списков» следует оперировать только основами. Именно так поступает, например, Мейсен. Можно принять другую точку зрения, согласно которой понятие в языках банту отражается не только в основе, а в комплексе, который она образует вместе с префиксом, т. е. в слове, а не в отдельной его морфологической части. С этой позиции при сопоставлении лексических единиц языков банту (в частности, существительных и глаголов) представляется более правильным рассматривать их как таковые, не проводя строгого деления на основы и префиксы, в то же время учитывая своеобразие их морфологической модели. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с отнюдь еще не разрешенной проблемой соотнесения лексического и грамматического в слове языков банту.

Первые попытки применения метода глоттохронологии к языкам банту показали, что список Сводеша, предлагаемый им в качестве универсального для всех без исключения языков, «не работает» на материале языков банту. Действительно, при переводе его на язык зулу автором этих строк оказалось, что в ряде случаев довольно трудно подобрать единственный, простой, точный эквивалент, как этого требует лексикостатистическая теория. Это касается прежде всего слов, обозначающих основные цвета спектра, указательных местоимений, некоторых имен существительных (например, 'волосы', 'корень', 'лист' и др.), глаголов (например, 'убивать', 'лежать' и др.). На некоторые затруднения подобного рода

[29] Существует большая литература, посвященная глоттохронологии. Из недавних работ наиболее интересна статья: *Bergsland K.* and *Vogt H.* On the validity of glottochronology // Current Anthropology. 1962. April. Vol. III. № 2. P. 115–129. См. комментарии к ней О. Ахмановой, Н. Андреева, Г. Хойера, Д. Хаймеса, М. Сводеша и др.; см. также: *Cowan H. K. J.* Statistical determination of linguistic relationship // Studia linguistica. 1962. Annee XVI. P. 57–96; *Teleter K. V.* Lexicostatistics and genetic relationship // Language. 1963. Vol. 39. № 4. P. 638–648.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

указывает Мейсен[30]. Указанное обстоятельство связано, вероятно, с несовпадением объемов понятий: ср. англ. *hair* и зулу *izinwele, uboya, uluza, iziputupu.*

Кроме того, при переводе выявилось определенное количество элементов, обнаруживающих семантическую связь в рамках переведенного списка: *inhlanzi* 'рыба' и *ukuhlamba* 'плавать', *uluphapha* 'перо' и *ukuphapha* 'летать', *umlomo* 'рот' и *ukuluma* 'кусать', *isihlabati* 'песок' и *inhlabati* 'почва'. Согласно тем принципам, которыми руководствовался Сводеш, составляя «опытный список», такие семантические связи внутри списка исключены.

После сказанного особого доверия не могут вызвать цифры, полученные в результате лексикостатистических опытов. Результаты Мейсена, Купэ приводят к мысли о чрезвычайно древнем расслоении языков банту, в то время как данные антропологии, истории, лингвистики говорят обратное.

В заключение надо сказать, что хотя опыты применения геолингвистических и статистических методов в бантуистике пока немногочисленны и результаты их небесспорны, эти методы могут явиться дополнительным инструментом для изучения истории и современного состояния языков банту. Составление подробных лингвистических карт, отражающее те или иные языковые явления, поможет в какой-то степени вскрыть взаимоотношения между языками семьи банту. Однако совершенно ошибочно упрощать проблему, считая языки этой семьи всего лишь диалектами предполагаемого предка. Так получилось в книге де Бука. Полезнее бы обратиться к такому языку, как луба, имеющему ряд диалектов, установить взаимоотношения между диалектами, выяснить их особенности и очертить районы их распространения. Речь идет, таким образом, о более узком использовании картографии (по крайней мере при современной степени изученности языков банту). Что касается отражения на карте лингвистических явлений, свойственных всем языкам банту или во всяком случае крупным группам этих языков, то речь может идти только о самых общих надежно установленных закономерностях. Весьма интересно было бы представить картографически явление диссимиляции назализованных согласных. Недавняя статья Мейсена[31] содержит обширный материал для подобной попытки.

[30] *Meeussen A. E.* Lexicostatistiek van het Bantoe: Bobangi en zulu. S. 86–89.

[31] *Meeussen A. E.* Meinhof's rule in Bantu // African language Studies. 1962. Vol. III. C. 25–29.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

О. А. Черепанова

СОСТАВ И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ*

Мифологическая лексика в материалах XVII–XIX вв. многослойна как в генетическом, так и в хронологическом плане. Она включает элементы иноязычного происхождения, возникающие в результате непосредственных контактов с соседними народами, а также содержит вкрапления книжного происхождения. Книжные элементы проникли в массу лексики сугубо народного характера или непосредственно из официально-церковных, апокрифических и даже беллетристических текстов, или из устных пересказов таких текстов, имевших хождение в тех слоях общества, где уровень грамотности был невысок. Но такого рода мифологемы являются в известной мере периферийными элементами в составе мифологической лексики. Ее основной фонд образует традиционная мифологическая лексика, исключительно древняя по происхождению, бытующая в славянских языках на протяжении многих эпох. При анализе такого рода мифологем приходится оперировать данными широкого исторического и территориального диапазона; нередко встает также вопрос о типологических связях корней в пределах более широких, чем языковая семья, так как приуроченность самого мифологического понятия к определенному этническому ареалу остается проблематичной, если о ней вообще может идти речь.

Заимствования из финно-угорских и тюркских языков

Мифологическая лексика Русского Севера содержит довольно значительный пласт лексем, заимствованных русскими говорами из финно-угорских и тюркских языков. Особенно многочисленны мифологемы финно-угорского происхождения. Их наличие в лексике Севера отражает русско-финно-угорские контакты как в плане собственно языковом, так и в сфере мифологических представлений. Это относительно поздние и более ранние заимствования, субстратные явления различной степени давности, следы древнейшей интерференции индоевропейских и финно-угорских языков.

---

* Печатается по кн.: *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В словарях и ряде работ, касающихся лексического взаимодействия русского и финно-угорских языков, содержится некоторое, весьма ограниченное число учтенных и исследованных мифологем финно-угорского происхождения (см.: Шёгрен 1854, Веске 1890, Лесков 1892, Зеленин 1901, Погодин 1904, Мансикка 1916, Кальман 1951, Матвеев 1959, Попов 1972, Itkonen 1931, Pólak 1977). Это главным образом табуированные наименования черта, лешего, нечистой силы, вообще колдунов и колдовских действий, которые в настоящее время употребляются бранно и преимущественно в экспрессивной речи.

Слова *лéмбóй* (с вариантами заударного вокализма: *лéмбай, лéмбей, лéмбуй*), *лáмбой, лéмба* (Арх., Мурм., КАССР, Лен. — сев.-вост.; Волог. — зап.): «А ну тя к задáву, ну тя к лéмбою, ну тя к лéшему, скáжешь» (Лен. Тихв.); «Ох лéмбей, совсéм про ры́бник забы́ла» (КАССР Пуд.) Калима (Kalima 1915, 38) и вслед за ним Фасмер (II, 480) считают заимствованием из людиковского диалекта карельского языка: *lemboi* 'злой дух, черт, нечистый', вариант *лембей* из вепсского языка, *лемба* — из карельского *tempo* с тем же значением (Ringvall, 315). Мало распространенные в русских говорах слова *леман, ламан* (Олон., а также Калуж.) и, возможно, генетически близкое *лехман* (Орл.). Д. К. Зеленин также возводит к фин. *lembo,* род. пад. lemmon (1930, 100). Однако А. Кастрен упоминает персонаж финской мифологии *Lemmes* 'лесное божество, отец земли, лесной черт' (Castren 1853, 105, 117), связь с которым не исключается для слов *леман, ламан.*

Не вызывает сомнений связь слов *мардýс* 'колдун' (Эст.), *мардóситъ* 'казаться' (Олон. — Кулик.), *мардýй* 'черт, дурная примета, загробный голос' (Смол. — Добров.) с эст. *mardus* 'привидение, страшилище, голос покойника' (Kalima 1915, 38; Фасмер II, 573), 'леший' (Tamm, 292). *Вéргой* 'черт' — «Пой в вéргой» (КАССР) — отчетливо связывается с фин. *verkanen* — то же (Kalima 1915, 85; Фасмер, I, 295); *верги* 'заклинание, чары, колдовство' (Олон.) — с фин. *verha* 'жертва' (Kalima 1915, 85; Фасмер, I, 294). Узколокализированное *арбýй,* известное в новгородских и псковских памятниках с середины XVI в. (ПОС, 1, 68; Срезн. Ш. Дополнения, 6) в значении 'отправитель языкового культа у местных неславянских народов', в современном состоянии отмеченное только на Псковщине в бранном употреблении, в финно-угорских языках входит в обширное семантическое и словообразовательное гнездо: фин. *arpoja* 'прорицатель, предсказатель' (Kalima 1915, 79;

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Фасмер, I, 84), мар. *arbuj* 'жрец, колдун', эст. диал. *arbuja* — то же (СРНГ, 1, 270), фин. *агра* 'доля, участь, судьба, жребий', вепс. *arbnik* 'предсказатель' (Kalima 1915, 79), карел. *арбайлла* 'гадать' (Рус.-кар. сл.), алт. **агра* 'колдовать, ворожить', урал. *агра* 'палочка колдуна' (Иллич-Свитыч, 344) и др.

Источник вологодского *куляш* 'чертенок, водяной' Фасмер видит в коми *kul* 'злой дух' (II, 413). В финно-угорском ареале *kul* — весьма распространенный персонаж, мифологическая семантика и названия которого лишь незначительно варьируются у различных народов: ср. перм. *Кулъ-Одъер* 'властитель подземного царства' (Теплоухов 1893, 42–43), *саис-кульпиян* 'водяной' (Янович 1903, 55), мансийск. *Куль-Отыр* 'черт, злой дух', *вор-кульъ* 'лесной черт' (Баландин 1939, 32), хантыйск. *kol, kul* 'злой дух' (Karjalainen 1948, 397). Из последнего источника заимствовано, как полагают, тобольск. *кульъ* 'черт, злой дух' (Зеленин 1930, 99). В прибалтийско-финских языках этот корень находит вероятное соответствие в эст. *koll* 'призрак, бука' (Мансикка 1916, 202).

Финно-угорское происхождение приведенных слов не вызывает сомнений. Оно подтверждается авторитетными исследованиями XIX– XX вв., словарями. Слова, о которых пойдет речь далее, или не описывались с точки зрения генезиса, или считались неясными. Однако удалось собрать данные, которые достаточно отчетливо указывают на финно-угорские источники этих слов.

Ваймучень — 'тень умершего, привидение' (Эст.), а также *бранно* 'скаред, стень, кашей' (Арх. — Даль, I, 160). Слово следует считать заимствованием из прибалтийско-финских языков, в частности из эстонского: ср. эст. *vaim* 'дух, приведение', эст. диал. *vaimuk* — то же, эст. *vaimlane, vana vaim, perevaim* 'черт', *metsavaim* 'леший' (Tamm), *kuri vaim,* 'черт, нечистый' (Toivonen, V, 1600). В русских говорах на территории Эстонии, особенно в среде двуязычного населения, бытовали слова того же гнезда и той же семантики. «Гаварили, что вайм дамой хадил» (Эст. — МК, I, 677/21); «Ва́ймут — это которые дамой хадили» (там же, 701/7/). Бранное *кур* — «Кой кур (идет)?» (Арх.), *кура́нко* 'леший' (Мез. – СРНГ, 16, 107, 111) отчетливо сопоставимы с эст. *kurat* 'черт', эст. *kuri* 'злой'. *Конде́й* 'бормотун, колдун' (Мурм. Терск. — СРНГ, 14, 246) соотносимо с эст. *kõnetama* 'заговаривать', *kõne* 'речь' (Tamm, 218). *Тёмбуй* 'черт', бранно: «На тя тёмбуй, ле́мбуй на тебя́, мы так лешака́емся» (Мурм. Терск.) — имеет, очевидно, своим источником фин. *tympea* 'отвратительный, омерзительный, противный' (Ring-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

vall, 837), карел. *tümble* 'некрасивый, дурной, плохой, уродливый' (Toivonen, V, 1451). Хотя не удалось обнаружить непосредственного применения этого слова в финском или карельском языках для обозначения черта, перенос 'дурной, плохой' → 'черт' характерен как для этих языков, так и для русского: ср. эст. *kuri* 'злой', *kuri silm* 'дурной глаз', *kurat* 'черт'; рус. *плохой, дурной, проклятики* как табуистические наименования черта. Слова *ёлс* 'леший, черт, нечитый' (Костр. — Даль, I, 518; Костр. Солигал., Углич. — СРНГ, 8, 348), *елсóвка* 'чертовка' (Костр.). Д. К. Зеленин, а вслед за ним М. Фасмер, рассматривают как преобразование имени славянского божества Велес (Зеленин 1930, 99; Фасмер, II, 17). Никаких этнографических или лингвистических оснований для такого заключения нет. Более вероятный источник этих слов — эст. *õelus* — наименование черта (МК, II, 2, 883), *vanaõelus* 'черт' (там же) из эст. *õel* 'злобный, коварный, жестокий'. Наименование духов утопленных матерями младенцев, маленьких водяных существ *ичетики* (Вят. — АМЭ Тен. № 410) возникло в результате заимствования из коми слова *ичӧтик* 'маленький' (Сл. коми-зыр., 139).

Старое, ныне забытое *черандак* (Волог. Белоз.) 'злой дух', который ежегодно, проходя от устья Ковжи кругом озера (Белого. — *О. Ч.*) до истока Шексны, оставляет большую щель во льду (Головин 1853, 871), есть, вероятно, наименование персонажа — персонификации весеннего разлома льда вдоль береговой линии. Этот узколокализованный диалектизм представляет собой отглагольное образование на основе заимствованных глаголов с широким спектром фонетического и семантического варьирования в русских говорах: *чóрандать, чýрандать* 'журчать' (Олон. — Алатырев, 70), 'слегка шуметь' (Лен. Лод. — КСРНГ), *чáрандать* 'плевать' (Олон. — Кулик.), *чóрайдать* 'шипеть, хрустеть, скрипеть, трещать' (Алатырев, 70), *чы́райдать* 'течь, трещать, журчать' (там же, 71), *кóрайдать* 'холодать, замерзать, издавать хриплый звук' (там же, 29), *чúрандать* 'течь помаленьку' (Олон. — Кулик.). Эти глаголы могут быть сопоставлены с вепс. **čiranda,* возводимым к карел, *čirize,* фин. *siristä* 'сочиться, течь помаленьку', и с карел. *чуориста* 'журчать', *куриста* 'кипеть, бить ключом, булькать' (Лесков 1892, 100; Погодин 1904, 67; Кулик). К этому же гнезду принадлежит, очевидно, название озера и деревни *Чаронда* в Архангельской обл.

К мифологемам финно-угорского происхождения в русских говорах Севера должны быть причислены и узколокальные, употреб-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ляемые в русско-эстонской двуязычной среде: *а́льдияс* 'лесной дух, лесная женщина' (МК, 4, 65/1) из эст. *haldjas* 'дух-хранитель, фея' (Tamm, 79), *вэа́льдъяс* 'водяной дух, водяная женщина' (МК, 4, 66/1/), *мецальяк* 'лесной дух, леший' (МК, 1, 673/7/) из эст. *mebshaldjas* — то же (МК, 4, 65/1/), *пайньяк, паньяк.* 'домовой, который давит, наваливается ночью' (МК, 1, 703/10/) из эст. *painaja* 'мучитель, кошмар'. Это также группа родственных между собой слов, употребляемых на северо-западе как названия ряженых: *хухля́к* (КАССР, Арх.), *ху́хлик, хухоля́тка, ху́холъ* (Арх.) или как названия ряженых и черта, водяного: *ху́хольник* — «Баба Маня, где была?» — «Да в кино, хухольников видела, с хвостами-то» (КАССР Пуд.), имеющих источник в карел. *huhlakka* 'чудить', ~ *tus* 'привидение, призрак', 'одетый странно'.

В ряде случаев обнаруживается наложение финно-угорского материала на исконно славянский, «вклинивание» финно-угорской семантики в семантику исконного слова, как это, очевидно, произошло у ряда образований с корнем *куд:* ср. слав, корень *куд — чуд* и мар. *кудо* 'злой дух' (Иллич-Свитыч, сл. *kud);* рус. диал. *ура́з* 'ушиб, повреждение в результате сглаза, порчи' (Арх., Волог.) и коми *урӧс* 'беда, несчастье, неприятный случай', *ures* 'порча' (Лыткин ЭС, 498) также обнаруживают перекрещивание семантики.

Такое же совмещение славянской и неславянской семантики можно отметить в словосочетании *ерша́ спусти́ть* 'наслать болезнь' и в слове *ёрш* 'болезнь, насланная колдовскими чарами', 'мифическое существо, вызывающее болезнь': «Если ерша́ спу́стят, то челове́ка нет. Это тра́вля есь, ёрш»; «Привезли́ э́ту больну́, ёрш э́тот она́ родила́, роди́лся ёрш, ба́ба-то зна́ла, в ба́йны ей леци́ла» (Печ. — КПС).

Приведенные мифологемы отражают представление о том, что причиной болезни может быть злой дух в виде бабочки, жучка, червячка, ниточки, волосинки, узелка и т. п., случайно попавший в человека или «насланный», «посаженный», «спущенный» по чьей-либо злой воле. Однако рыба ёрш как мифологическая причина болезней в материалах Севера (а также и других) не фигурирует. Поэтому в данном случае можно видеть вызванное созвучием слов влияние мифологического представления о *йереже, ирихе* (чуваш.), *йоре* (якут.) — духе болезни, бытовавшем у тюркских народов (Денисов 1959, 34–38) и не чуждом, вероятно, соседним финно-угорским народам. Возможно также, что в результате сходства звучания произошло наложение семантики коми слова *йорыш, йорш*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

(тор), обозначающего небольшое утолщение, сустав, узелочек, кусочек, лоскуток, обломок (Сл. коми-зыр. 143, 322, 372), т. е. как раз те предметы, которые могут пониматься как мифологическая причина болезни, на русское слово *ёрш*, что и вызвало мифологизацию последнего.

Многовековые контакты славян и тюрок, оставившие след в жизни и деятельности славян: в их этногенезе и культуре, архитектуре и орнаменте, в употреблении ими некоторых предметов домашнего обихода и одежды, в деталях быта и обычаев, в терминологии ряда отраслей хозяйства, в фамилиях и прозвищах, в топонимах и гидронимах и т. п. (Менгес 1979, 3), — лишь относительно проявились в мифологии и в мифологической лексике. Если не говорить о глубинных пластах мифологических представлений, где многое объединяет славян и народы Востока, мифологическая лексика тюркского происхождения в общерусских и особенно севернорусских материалах занимает несравненно меньшее место, чем лексика финно-угорского происхождения.

<...>

Традиционная мифологическая лексика

<...>

Удельница, кудельница

В семик-день веника не рядят,
Не парятся в парной паруше,
Нечистого духа не смывают,
Опосля Удилену не кличут:
«Матушка ржаная Удилена,
Расчеши солому — золото волос,
Сдобри бражкой, патокою колос...

(Н. Клюев 1919, 251)

Достоверность мифологемы Н. Клюева подтверждают данные о том, что при «зажине», т. е. начале жатвы, произносили заклинательную формулу: «Матушка ржаная Уделина, господи благослови» (Волог. Череп., запись 1980 г.).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Несомненно, что все приведенные слова — *удельница, кудельница, кадильница, удилена, уделина* — являются наименованиями одного персонажа. Несмотря на бедность этнографических описаний, в материалах стабильно присутствует связь с ржаным полем, нередко — вредоносность по отношению к детям. Эти черты указывают на идентичность *удельницы* и *кудельницы* с достаточно известным персонажем, представленным преимущественно на Севере, — *полудницей*, и включают *удельницу* в широкий круг персонажей солярного цикла, сохраняющих свою древнейшую функцию обеспечения плодородия, связанных с деторождением, с урожаем и с полдневным жаром.

Этимологизация слова *удельница* затруднительна в связи с изолированностью слова в диалекте и общенародном языке. Источник узколокального *удельница* следует видеть в локально ограниченном глаголе *у́дить* 'зреть (о зерне), наливаться' (Олон. — Фасмер, IV, 149); «Жито открасовалось, удит теперь», *удное зерно* 'полное, крупное' (Даль, IV, 473). Семантическая связь очевидна — *удельница*, как *полудница, ржица*, связана с поспевающими хлебами, хотя этот мотив сейчас в отношении удельницы ослаблен. Слово *у́де́льни́ца*, потеряв связь с исходным глаголом, изменило свое ударение, но более старую акцентуацию (ударение на первом слоге, как и у слова *у́дить*) сохранило сущ. *у́дельник*. Глагол *удить* сближают с названием вымени в и.-е. языках: греч. ὄ́νδαρ, род. ατος; 'вымя'; др.-инд. ū́dhar, ūdhnas, лат. ūber. д.- в.-н. ûtar — то же из и.-е. *ūdhmen (Фасмер, I, 369; Zubaty 1894, 418). Ср. также лит. ūdnúoti, -úoju 'носить (плод во чреве)' (не исключено, что и эта сема присутствует в наименовании удельницы: ср. мотив связи с беременными, роженицами). В корнях слов *удить, удельница* и *вымя* отражено чередование u//y<oų, aų//ū. Слово *удельник* следует рассматривать как перенос от наименования вредоносного мифологического персонажа[1]. Этим объясняются его общая отрицательная семантика и употребление в качестве бранного.

Бука

Центральный персонаж в группе мифологических страшилищ, пугал — это, несомненно, бука. В настоящее время этногра-

[1]Ввиду узкой локализации слов *удельник, удельница* на северо-западе, преимущественно в Заонежье, маловероятна связь с с.-х. *удити* 'вредить' (С. х. рус. сл. 6 979).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

фические характеристики предельно лаконичны: образ создается словом.

Слово *бу́ка* известно повсеместно и является принадлежностью сниженных стилей литературного языка. В САР *бука* — 'страшилище, которым детей пугали'. БАС дает это слово с пометой *в просторечии:* 1) 'угрюмый человек, нелюдим'. *Смотреть, глядеть букой.* 2) устар. 'Сказочное страшилище, которым прежде пугали маленьких детей'. *Бука возьмет, съест* и т. п. (БАС, 1, 675). В литературном языке слово изолировано, в народных говорах входит в обширное гнездо словообразовательных дериватов, имеет развернутую семантическую структуру.

Основное мифологическое значение слова *бука* — 'страшилище, фантастическое существо, которым пугают детей'. Распространено на севере и северо-востоке: «Дете́й пуга́ли бу́кой. Што за бу́ка, мы не зна́ем» (Лен. Тихв.); «Робёнку, бу́де не слу́хатце, говори́шь, спи, спи, бу́ка идёт. А спро́сишь, како́й бу́ка — а в шу́бы, ше́рсью повёрнут» (КАССР Медв.); «Робятам почну́т стра́шны ска́зки говори́ть, говоря́т бу́ка да бу́ка, а что пой знай» (Там же); «Бу́кой дете́й пуга́ли, э́то медве́дь зна́чит» (Волог. Вашк.).

Образ страшилища-буки весьма расплывчат. Это и ряженый в шубе навыворот, и медведь, и нечто страшное, не имеющее четкого образа. Ассоциации с образом буки вызывают растрепанные, спускающиеся на лоб волосы: «А йи́нны во́лосы на лоб кладу́т, бу́дто бу́ка» (КАССР Медв.). В словаре Брокгауза и Ефрона *бука* — это ночное страшилище с большим открытым ртом и длинным высунутым языком, которое пожирает детей (Брокгауз, 8, 864–865). На связь персонажа с ночью указывает то, что детей пугают букой к ночи, когда они не засыпают. Остальные признаки, указанные в этом словаре, в других источниках не упоминаются. Помимо этого, в говорах *бука* — 'неизвестное, страшное и таинственное существо, обитающее преимущественно в темных и безлюдных местах» (ЭССЯ, 3, 87): «Ра́ньше ребя́та куде́льницев, бу́ков, водяніко́в боя́лись» (КАССР Медв.). Известно выражение *бу́ка лесова́я:* «Хо́дишь бу́кой лесово́й, волосе́ником» (КАССР Медв.) (волосеник — 'черт').

В отдельных материалах *бука* — демонический персонаж, совмещающийся с мифологическими обитателями леса, строений: «В монастыре́ ка́к-то ночева́л, в пусто́м. Кры́сы шум по́дняли, а я ду́мал бу́ка греми́т. Всю ночь дрожа́л» (Арх. В.-Тоемск.); «Оте́ц боле́л, сон ви́дел. Пошел он в лес. Вдруг как закричи́т по ле́су:

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

“Ягод-то надо? Кра́сненькие, бе́ленькие”. Бу́ка и был» (Волог. Череп.).

Бука фигурирует в колыбельных. И здесь ему стереотипно приписываются признаки и функции, характеризующие обычно дворового: место его обитания — в сарае или под сараем, функция — уход за скотом.

Баю, баю, баю, бай, да
Поди, бука, под сарай, да
Коням сена надавай, да
У нас Колю не пугай.
(Арх. Мез. — АПД, кол. 266 п. 1, № 127)

Из основного значения слова *бука* развилось значение ‘черт’ (Волог. Череп., Новг. — СРНГ, 3, 262) и несколько переносных: 1) об угрюмом, неприветливом человеке, нелюдиме (чаще в сравнении: *как бука):* «Се́нька ма́ленький ла́сковый был, а тепе́рь как бу́ка хо́дит» (Лен. Подп.); «Вну́чка у меня́, как бу́ка, ти́хая бо́льно» (Волог. Шексн.); 2) о том, кто производит впечатление темного, неразвитого человека: «Бу́ка — темный челове́к. У, как бу́ка сиди́т» (Лен. Лод.); 3) о некрасивом, не вызывающем симпатии своим внешним видом (чаще в сравнении): «Воло́сья-то вы́красили, што бу́ки стоя́т. Некраси́вой, неразгово́рчивой челове́к тако́й, зна́чит» (Лен. Кириш.); 4) ‘толстый человек’ (Пск. Холм.); 5) о начальнике: «Чу, буки наехали» (Олон. — Кулик.); 6) ‘один из персонажей рождественского ряжения’ (Мошков 1914, 71).

Слово *бука* употребляется бранно: «Она́ на сестру́: “Опя́ть ты, бу́ка, пришла́ своди́ть нас”» (Волог. Череп.)[2].

Как омоним следует рассматривать *бука 2* ‘насекомое, вошь’ (КАССР Медв., Пск.).

В говорах есть ряд образований, которые можно рассматривать как однокоренные с *бука* ‘страшилище’: *бу́ка́н* ‘пугало, то, чего надо бояться’; ‘малыш, карапуз’ (КАССР); *бу́кач* ‘пугало’: «Ты тепе́рь на бу́кача похо́дишь» (КАССР Прион.); *бу́корь* ‘застенчивый’ — прозвище (Новг. Череп. — Герасимов, 25); *бука́чка* — 1) ‘мифологический персонаж’: «И ве́тер подня́лся, ду́мала кры́шу ухва́тит, то ли водяни́к подня́лся, то ли руса́лки, а́ли бука́чки» (Лен. Лод.); 2) о нелюдимом пугливом человеке: «Ты бука́чка, Мари́нка» (Лен. Подп.); а также 3) ‘мешок с золой’ (КАССР Медв.); *бука́рка* —

[2]За пределами Севера есть значение ‘грозный, свирепый человек’ (Симб. — СРНГ, 3, 262).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

бранно: «Когда́ руга́ются, брани́ться начну́т, то ска́жут, ну ты, бука́рка ты» (Арх. Кем.). Ареал распространения слов этого гнезда весьма широк и охватывает помимо Севера ряд областей Европейской части РСФСР, Урала и Сибири. Бо́льшая часть этих образований обозначает домового или персонаж, приближающийся к нему по некоторым характеристикам, а также пугало, устрашителя для детей. Так, отмечено: *бука́нко(а)* 'домовой' (Перм., Калуж. — СРНГ, 3, 263), 'неаккуратная женщина' (Калуж. — там же); *бука́нушко* 'домовой' (Перм., Свердл. — там же); *букари́ца* 'фантастическое существо, живущее в подполье' (Тобол., Курган. — там же), 'сказочное страшилище, которым пугали детей' (Арх., Волог. — там же); *букусетка* (без ударения) 'сказочное существо, обитающее в подполье' (Забайк. — СРНГ, 3, 267); *буканáй, буканáйко, бука́шко* 'существо вроде домового, обитающего в конюшне, на сеновале или в подполье, в бане' (Урал — СРНГ, 3, 262, 264); *бука́ница* 'чучело, пугало на огороде' (Сл. гов. Урала, 1, 60). *Букары-козбры* — 'слова, которые говорят при игре с ребенком' (Яросл. — СРНГ, 14, 73). *Бу́кин порог* — название порожистого места на ручье (КАССР Медв.). *Буковики́* — 'нищие?' (Лен. Тихв.).

Общая схема значений дериватов от слова *бука* принципиально такова: мифологический персонаж → наименование человека или предмета в результате переноса по какому-либо признаку (карапуз, огородное пугало, неаккуратный человек, мешок с золой и пр.) → бранно.

В этимологическом плане слово *бука* считается прозрачным, и большая часть исследователей полагает, что в основе его лежит звукоподражание. Фасмер (I, 236), Шанский (I в., 2, 218) со ссылкой на Зеленина считают, что *бука* — это образование детской речи от междометия *бу*, которое видят также и в слове *бука́шка*. Исходным значением Шанский считает 'жужжащее насекомое', значение 'страшилище, нелюдим' — вторичным.

Неверно утверждение в словаре Шанского, что слово *бука* — собственно русское. В украинском языке *бука* — 'привидение, пугалище, которое пожирает детей' (Білецький-Носенко, 64). В других славянских языках *бука* в значении 'пугало, страшилище', как кажется, не отмечено.

В словаре Фасмера учтены только 2 значения: 'страшилище, пугало' и 'начальник'. Для Фасмера остается неясным, имеют ли эти значения разные источники, или второе следует из первого. Miklosich (24), Berneker (I, 98–99), ЭССЯ (3, 87) считают *бука* произ-

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

водным от общеславянского *bukati* 'реветь, плакать и вообще издавать различные звуки: мычать, реветь, жужжать, бурчать, урчать (в животе)' и под.

Преображенский (Преображ., I, 51) и Горяев (с. 15) идут по другому пути, связывая слово *бука* с др.-норв. *bokka* 'привидение'. Фасмер и Шанский отвергают возможность такой связи, в ЭССЯ не упоминается об этом.

Однако все перечисленные этимологии являются сомнительными по ряду причин.

Прежде всего в семантической структуре слова *бука* нет никакого указания на звук (за исключением одного примера, где бука – лесной персонаж и кричит, как леший. См. с. 116). С другой стороны, в семантике образований от *букать* 'издавать звук' нет элементов устрашения. Слово *букашка* также связывают с *букати* 'издавать звук'. Но реально понятие «букашка» со звуком, жужжанием и пр. не связано. «Звучащие» насекомые — мухи, пчелы, шмели и т. п. — это не букашки. Букашки молчаливы.

Признак толщины присутствует и в семантической структуре современного диалектного *бука* (ср. Пск. *бука* 'толстый человек' — ПОС, 2, 200). Показательно также и то, что у слова *букашка* в южнорусских говорах имеется семантический компонент 'толстый': «Он как слепленный из теста, толстый, раздулся, как букашка» (Сл. Донск. гов., 3). В единственном у Срезневского древнерусском примере с этим словом достаточно отчетлив этот же признак: «Налився аки мѣхъ до гортани, надошся аки боука, хотя расѣстис» (Сбор. Троиц., 153, XIII в. — Срезн. I, 192). Поэтому более убедительным представляется возведение слова *бука* к обширному и.-е. гнезду с корнем *b(e)u-, bh(e)ū- 'надувать, отекать, пухнуть, вздуваться, набухать (о почках), наполняться' (Pokorny, 2, 98). Среди многочисленных семантических ответвлений этого корня обращает на себя внимание цепь образований, где семантический стержень — идея вздутости, изогнутости, выпуклости формы, толщины. Например: англ.-сакс. *būc,* др.-исл. *būkr,* др.-в.-нем. *pûh,* ср.-в.-нем. *Būch,* нем. *Bauch,* швед, *buk,* дат. *bug* 'пузо, брюхо'; норв. *bugge* 'сильный человек', лат. *bucca* 'надутые щеки' (Pokorny, 2, 100; Grimm, 1, 1163), рум. *buca* 'щека', мн. 'ягодицы'; рум. *bucátă,* молд. *букатa* 'кусок' (Десницкая 1978, 42); нем. *Buckel* (Grimm, 2, 485), дат. *pukkel* 'гроб', *puklet* 'горбатый', *buge* 'гнуться, изгибаться', *bugne* 'вздуваться, надуваться' (Дат.-рус. сл.), норв. *bukk* 'поклон' (Норв.-рус. сл.), швед, *bock* 'поклон', *bócka* 'гнуть, кланяться', *búkig* 'пузатый,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

выпуклый' (Швед.-рус. сл.), лит. *búože* 'горб, голова, дубина', лтш. *bauze* 'палка'. В это же этимологическое гнездо включаются англ. *buck* 'бочонок для стирки', нем. *Bücki* 'бочка', ср.-англ. *bugge* 'жук, страшилище', лит. *būžỹs* 'клоп, вошь', *bužỹs* 'пугало, страшилище' (Pokorny, 2, 100).

Славянский материал не противоречит приведенным фактам: пол. *puca* 'пухлые щеки, толстощекий ребенок, пузан', *pyzy* мн. 'галушки из тертого картофеля', *pyza* 'толстощекий ребенок' (Sl. pol. -ros.), болг. *буза* 'щека', *бузест* 'толстощекий' (Болг.-рус. сл.), чеш. *buclatý* 'кругленький, пухленький', *buclatěti* 'круглеть, толстеть', *puchyř* 'пузырь, волдырь' (Češ.-rus. sl.), укр. *пу́ка* 'внутренняя часть конца пальца', *пу́чка* — то же, *пу́хтий* 'жирный, неповоротливый', *пухай* 'чучело, пугало' (Гринченко, Ш, 502–503).

Сюда же слав. *buchnuti, puchnuti,* словен. *buchiti* 'набухать', *bucha* 'высокомерие' (Pokorny, 2, 102); др.-рус. *бука: надошся аки боука...; бука* 'толстый' (Пск.); *бука́та* 1) *'булка'*, 2) 'круглая, полная'; *бука́тый* 'толстый, чреватый' (Смол. — Добров.), *бука́шка* и производные; *бу́кан* 'малыш, карапуз' (КАССР Медв.); *букарки, букарочки* 'четвереньки', *на букарочках* 'на четвереньках': «Когда дети, играючи, ходят на руках и ногах» (Герасимов, 22).

К этому же гнезду Покорный относит целый ряд слов, означающих мифологические персонажи: древнескандинавское *pūki* 'черт'; англ.-сакс. *pūca, pūcel,* англ, *puck* 'кобольд', ирл. *pūca* 'дух, привидение', норв. *pauk* 'маленький страшный человечек', лтш. *pūk'is* 'летающий змей, приносящий в дом добро' (Pokorny, 2, 100).

Обобщение материала из разных словарей показывает, что мифологический персонаж, который наименованиями своими может быть связан с корнем *b(e)u-, bh(e)ū- известен в разных видах многим европейским народам: ирл. *phuka,* англ. *puck,* н.-нем. *pook,* др.-швед. *puke,* др.-норв. *puki* 'домовой', 'черт' (Grimm 1835, 284, Webster 1732), современное швед, *pócker* 'черт' (Швед.-рус. сл., 743), норв. *puckje* (Haussig, 7, 436), др.-исл. *bokka* 'лицо, привидение' (Преображ. I, 51), дат. *pokker* 'черт, дьявол, бес' (Дат.-рус. сл., 515), *bøhmand* 'бука, пугало' (Рус.-дат. сл., 48), н.-нем. *Puk* (Pück, Puks) (Haussig, 7, 436), нем. *Puks* 'домашний пенат, связанный с хозяйством, скотиной', *Pok, Puk* 'злой дух, приносящий деньги' (Jahn 1886, 107, 109, 111), лтш. *pūķis* 'домовой, который приносит добро» (Haussig, 7, 436, Велюс 1968, 11), лтш. *būzis, būža* 1) 'фантастическое существо, пугало, страшилище, бука'; 2) 'угрюмый человек' (Kr.-lat. I, 105). Возможно, эст. *pusa* 'страшилище, угрюмый человек, бука'

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

(Mittel) является заимствованием из соседних балтийских языков[3].

Мифологические персонажи европейских народов, о которых идет речь, известны по фольклору и литературе и нередко имеют довольно развернутую характеристику.

Puck (Пэк) — один из героев комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» — «дух-увалень... веселый дух, ночной бродяга шалый... | Тот, что пугает сельских рукодельниц, | Ломает им и портит ручки мельниц, | Мешает масло сбить исподтишка. | То сливки снимет с молока, | То забродить дрожжам мешает в браге, | То ночью водит путников в овраге...» и пр. (Шекспир 1958, 3, 147).

Пэк — это также фольклорно-мифологический персонаж книги Р. Киплинга «Старая Англия», которая по-английски так и называется «Puck of Pook's Hill». Этот персонаж совместился в известной мере с чертом и фигурирует в некоторых из многочисленных средневековых клерикальных трактов и в фантастических историях о черте. Так, демон Пук, он же черт, несколько лет служил доминиканцам в Мекленбург-Шверине под видом обезьяны, работая на кухне, метя пол, поворачивая вертел, разливая вина. Святые отцы уже тогда догадались, кто служил у них под именем Пука, и один из них написал книгу «Правдивая история демона Пука» (Зотов 1884, 167).

Иная модификация этого образа — добрый и лукавый медвежонок Винни-пух — герой английской сказки для детей (ср. *бука* 'медведь' — Волог. Вашк.).

На основе приведенного материала можно заключить, что основные черты, характеризующие этот суммарный персонаж, сводятся к следующему: 1) связан с детьми, шутит, играет с ними или служит для устрашения; 2) веселых дух — шутник в доме, на дворе, в лесу; 3) домовой, который помогает хозяину, 4) гротескный образ — коротышка, увалень, уродец; 5) живет в темноте, под землей; 6) имеет какую-то пока неясную связь с медведем.

Бóльшая часть признаков объединяет русского буку с западноевропейскими персонажами: связь с детьми, устрашение, обитание

[3] Фин. *peiko, peikko* 'привидение, бес' *pekko* 'полевой дух', эст. *Peko Jamala* — бог Пеко едва ли находится в связи с рассматриваемыми мифологическими персонажами. В отношении балт. *Patols — Pekols — Pokols* 'бог подземных сфер', *pikũls* 'черт' с известной долей вероятности можно говорить о связи с античным богом Пиком — божеством полей и лесов, предсказывающим людям будущее, сыном Сатурна, отцом Фавна, мужем Помоны. О связи наименования *Patols — Pekols — Pokols* см.: Топоров 1972, 293–300.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в укромных темных местах, патронаж в доме, гротескный страшный вид.

Что касается наименования *бука,* то это, очевидно, общее для ряда индоевропейских языков название мифологического персонажа по признаку толщины, уродливости формы, что отражено и в немифологических значениях слова *бука* и его производных: 'малыш, карапуз', 'мешок с золой' и под. Отсюда же и образование *бука* 'насекомое, вошь, букашка'. Вместе с тем зона распространения мифологем, производных от *b(e)u-, bh(e)ŭ-, родственных славянскому *бука,* ограничена северной частью Европы, что заставляет думать о возможности проникновения этого корня в славянские языки из германских.

Как представляется, идея уродливости, «толстоты», изогнутости прочно связана с образом буки. Едва ли случайно содержание былички, повествующей о том, как девушкам, собравшимся в крещенский вечер в нежилую избу ворожить, загородил выход отвратительного вида урод — бука. Он загадал им загадку: «Что есть три дуги?» Пятилетний мальчик, бывший с девушками, сказал: «У котла дуга, у бороны дуга, упряжная дуга!» Загадка была разгадана, и урод исчез (Вят. Глаз. — АМЭ Тен. №407, 77–78). Мотив дуга в сочетании с упоминанием уродливости буки косвенным образом вскрывает, вероятно, стертое представление о персонаже и указывает также на забытую мотивацию его наименования. Уродливость, неправильность очертаний являются ведущим признаком буки — персонажа святочного ряжения: у него толстые и кривые ноги, тело обвито чем-нибудь косматым (Мошков 1914, 71).

В финно-угорских языках есть слова, фонетически и семантически очень близкие индоевропейским образованиям, входящим в одно гнездо с русским *бука.* Некоторые из них следует считать заимствованными из русского в исторически обозримый период, такие, например, как вепс, *bukač* 'бука, фантастическое существо, нечистый дух', *buko* — то же; возможно, *bukeid* 'ряженый' (Зайцева). Другие не представляется возможным рассматривать как относительно поздние заимствования: коми *бука* 'выпуклый, нависший, утолщенный', *бука ныр* 'крутой, толстый нос', *бука кымӧс* 'выпуклый, нависший лоб'; *бука чужӧл* 'толстое лицо' (Сорвачева 1978, 64); удм. *буко* 'дуга', *букос* 'сугробы, занос (на дороге)' (Удм.-рус. сл.). Ср. также алт. **poka* (тунг, poka, fuka), драв. **pokk / pokл* 'пузырь' (Иллич-Свитыч 358). Возможно, подробные образования являются результатом очень древних контактов индоевропейских

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

и финно-угорских языков. В «Материалах к сравнительному словарю ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча имеются данные, указывающие на связи слов с этим корнем в индоевропейских, финно-угорских, алтайских языках (см. Иллич-Свитыч, 333, 336).

Что касается значения 'начальник' у слова *бука* (см. с. 116), то Фасмер считает его тюркским по происхождению. В пользу этого говорят и следующие материалы: тур. *bükä* 'атлет', в тур. диалектах *böka, bükä* — то же; 'сильный, вождь, командир, человек, который любит командовать, диктатор, задира'. Также др.-уйг. *bökä* 'сильный', кирг. *bökö* 'сильный'; алт., леб., шор. *pökö* 'сильный', кашг. *bükä* 'большая змея', монг. *bükä, bükü* — то же (Менгес 1979, 127–128). Однако узкая локализация значения 'начальник' на севере делает сомнительным заимствование слова из тюркских, тем более, что семантический сдвиг 'страшилище, пугало, то, чего следует бояться' → 'начальник' вполне допустим в говорах[4].

<...>

[4] Есть и другие попытки связать слово *бука* с тюркскими источниками. Даль предположительно сопоставляет *бука* с татарскими именами *Бу́ка, Букей* (Даль, I, 138). П. Я. Петрова и Т. Н. Березин возводят рус. *букан*, очевидно, однокоренное с *бука*, к монг. *бук* 'черт, упырь' (Петров 1854, 84, Березин 1854, 190).

Н. И. Толстой

ОТКУДА ДЬЯВОЛЫ РАЗНЫЕ?*

В одном из последних номеров журнала «Этнографическое обозрение» (кн. 109–110, 1916 г.) крестьянин Саратовского Поволжья Г. К. Заварицкий опубликовал записанный им по памяти рассказ-легенду своего отца «Дьяволы разные». Эта легенда, увы, до сих пор не привлекла внимания фольклористов и этнографов, хотя ее содержание крайне любопытно. Начинается она со слов самого Г. К. Заварицкого: «Когда я уже ходил в школу <...> один раз я спросил отца: 'Тятьк! што это такое — дьявол, шут, чорт, леший, домовой, окаянный? какое различие между ними?' — 'Различия почти

* Печатается по кн.: *Толстой Н. И.* Заметки по славянской демонологии. 1. Откуда дьяволы разные? // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1(5). Тарту, 1974.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

меж ними нет никакого, а только названия разны', — сказал отец». Далее на вопрос сына, как это получилось, отец рассказал довольно длинную сказку о том, как жил давно, «когда еще Христос Бог ходил по земле», в одной пещере праведный старец, которому удалось заманить всех чертей в кувшин, заманить их и похоронить под крестом. И только один хромой шутенок не влез в кувшин, а спрятался под камнем и видел, где заключены его товарищи. Он побрел в кабак, нашел там горького пьянчугу, «который ни креста, ни поста, ни молитвы не боится», и предложил ему отрыть чертей, сказав, что там сокрыт клад. Пьяница согласился, черт нанял лошадей, и они мигом оказались на месте, где был зарыт кувшин. Пропойца легко откопал его, и дьяволы вихрем, с писком и визгом взвились на небо, оставив на земле своего избавителя, тут же умершего от страха. Затем действие происходило на небе в ту пору, когда «Бог ходил по земле в лике Христа», и там без него оставался Михаил Архангел, который не мог противостоять дьявольской рати. Дьявол взобрался на седьмое небо и устроил там свой престол. Тогда Христос Бог дал Михаилу шесть крыльев и огненный меч. Архангел взлетел на небо, «как мысль», и прогнал оттуда дьявольскую рать. Окончание легенды привожу точно по записи (к сожалению, литературно несколько обработанной) Г. К. Заварицкого. «Вот тутто было смешно, как оне оттоль летели вверх тормашками — как попало и кто куда. Который упал в воду, стал называться окаянный, который — на лес, называться лешим; кой на дом, стал зваться домовым; кой упал на черту меж загонов и в борозду, стал зваться чертом; кто упал на шум (вероятно, 'мусор'. — *Н. Т.*), стал шут. Вот почему их зовут по-разному, а все оне бесы одинаковы. А чертилу ихняго главного Михаил Архангел взял в плен и сковал цепями, отвел в ад, приковал его к стене ада. Тот от досады и злости застонал. Его зовут все теперь «Сатана». Вот и нам: как бы тебе трудно ни было или больно, никогда не стони — грех» [Заварицкий 1916].

Легенда эта не отмечена в указателе сюжетов Аарне-Андреева. В ней, однако, довольно ярко выделяются разные пласты представлений дохристианских и христианских. Притом небесный сатанинский престол и дьявольская небесная рать выражают богомильские (манихейские) дуалистические представления о борьбе добра и зла, известные по южно-славянским и русским отреченным книгам и другим источникам. Фигура старца близка к житийным и сказочным персонажам (ср. сюжеты: «человек обманывает черта» [Ан-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

дреев 1929, №1060–1114], фигура пьянчуги второстепенная и связана с поздней традицией кабацких анекдотов[1]. Остается, наконец, финал, который и отвечает на вопрос: «Откуда дьяволы разные?» Эта часть, как нам кажется, отражает достаточно древние представления, во-первых, о некоторых принципах номинации «нечистой силы» и, во-вторых, о иерархии этой «силы». Отметим прежде всего известный факт, что эта «сила» (т. е. духи) стала восприниматься нечистой лишь под влиянием христианского мироощущения. Этот момент важен для понимания принципов номинации — прямого и табуирующего. Одним из распространенных принципов номинации славянских демонов был принцип называния их по месту жительства («который упал в лес — леший» — по легенде). Он был один из ведущих в средневековой славянской (и не только славянской) антропонимии (ср. псевдофамилии — *св. Климент Охридский, св. Прохор Пиньский, Кирилл Туровский, Козьма Пражский, Матвей Меховский, или Меховит, или из Мехова, Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский* и т. п.) и этнонимии. Так, объяснения Нестора-летописца во многом напоминают доводы Заварицкого-отца. Привожу отрывки из хорошо известного пассуса: «по мъногѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣне по Дунаеви... И оть тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли и прозъвашася имены своими къде сѣдъше на которомъ мѣстѣ. Якоже пришьдъше, сѣдоша на рѣцѣ именьмъ Морава, и прозъвашася Морава... Такоже и ти Словѣне, прешьдъше, сѣдоша по Дънѣпру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетию и Двиною и нарекошася Дрьгъвичи» (ср. совр. полесск. *дрегва́* ‘болото’). Этот же принцип можно наблюдать в современных (по своему происхождению достаточно древних) полесских этнонимах: *багнюки* (ср. *багно* ‘болото’), загородцы (ср. историч.

[1]До недавнего времени фольклористы, как и диалектологи, предпочитали обращаться к более «чистым» текстам, избегая пользоваться текстами смешанного характера (таковые нередко считалась дефектными). «Чистые» тексты представлялись более древними, хотя всегда существовало сознание, что совершенно «чистых» (древних) текстов нет. Отсюда обращение к проблеме бродячих сюжетов, национальной адаптации текста и т. п. В последние годы активизировался и даже в известных центрах возобладал интерес к интерференции, к языковым системам и уровням смешанного типа. С этой же точки зрения интересны и фольклорные тексты, демонстрирующие разные типы и характеры наслоений, которые отнюдь не произвольны и во многих отношениях не случайны. Например, интересен вопрос синтагматики — сочетаемости отдельных сюжетов и их частей и элементов, структуры таких сочетаний и т. д.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

область *Загородье* за городами Туров, Небль, Городно и др., см. подробнее: [Obręski 1936]).

Список демонологических терминов Г. К. Заварицкого, естественно, очень неполон. При этом *окаянный* сближено с *водой*, а *шут* — с *шумом* и *черт* — с *чертой* по принципу народной этимологии (равно как и греческ. Σατανᾶς со *стонать*). Но в словарном составе славянских диалектов немало примеров, подтверждающих отмеченный принцип номинации.

У восточных славян помимо общеизвестных *леший* (от *лес*), *водяной* (от *вода*), *домовой* (от *дом*) имеются *боровóй* 'черт, леший' (сев.-в.-русск. пинежск., псковск. от *бор* 'сосновый лес', 'возвышенное место в лесу' и т. п. — *Боровой-то* и есь лешой — псковск.), *зы́бочник* 'то же, что леший «боровой»' (сев.-в.-русск. пинежск., олонецк., связано с *зыбу́н*, *зыбе́ль* — 'болото'; народно-этимологически позже сближено с *зыбать* 'качаться', чем мотивировано и название зыбкого болота и чем вызвано и позднейшее объяснение *зы́бочник* 'леший, который, по мнению народа, живет в лесах и качается на деревьях'), *веретни́к* 'сказочное существо, вампир' (сибирск. томск. от *верети́к*, *вере́тье* 'возвышенность, покрытая лесом'), *осинавец*, *осина* 'черт' (гуцульск. — здесь возможны и особые дендродемонологические представления), *лес* 'черт' (украинск. сев.-волынск., а также сев.-в.-русск. череповецк. поговорка *На лес сказано!* при упоминании о нечистой силе, ср. также *лес* 'дьявол' — псковск. быв. Пороховский у.), *лоза́тый* 'черт' (белор., ср. зап.-полесск. *лихи́j в лозі сиди́т*, т. е. в зарослях ивняка («лоза́») на болоте), *ляд* 'черт' *(во, ляд противной!* арханг., вологодск., саратовск., тамбовск., тульск., ср. *ляд* 'низменная поляна в лесу', ярославск.; ср. также *ляда*, *лядо* — разное значение см.: [Толстой 1969, с. 143]), *нете́ча* 'черт' (украинск. *нете́ча*, *нете́ч* 'стоячая вода, болото', также польск. и полесск.), *ме́рек* 'злой дух' (в.-русск. вятск.; ср. белорусск. *мере́ча* 'непролазное болото, топь'), *болото* 'черт' (псковск.), *боло́тник* (псковск., белорусск.). Вероятно, того же происхождения *па́мха* 'черт' (тверск., новгородск.[2]; ср. новгородск. *па́мха* 'глухое место на болоте, болото' и *мох* 'болото', и уже, вероятно, из *па́мха* 'черт' и т. п., воронежск. *по́мох* 'сухой горячий южный ветер'; ср. многочисленные славянские верования, что черт появляется в вихре, ветер и т. п.). Наконец, следует вспом-

[2] Любопытно, что современный ареал слова *пахма* очень близок к ареалу слова *мо́кош* 'женоподобный дух, забирающийся по ночам в избу и путающий пряжу' [Строгова 1967].

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нить богатую белорусскую (сев.-белорусск.) коллекцию названий чертей-«нячистиков» Н. Я. Никифоровского: *полевики́, лешуки́ (лесовики́), пущевики́, кладники́ (кладовики́*, т. е. вероятно, живущие под кладками, и переосмысление как 'хранители кладов'), *водяники́, боло́тники, ба́гники, ло́зники, оржа́веники* [Никифоровский 1907]. В одном случае Н. Я. Никифоровский поясняет, «когда речь идет о ранговом соотношении *нячисциков, вирóвник* (ср. *вир* 'глубокое место в реке, болоте'. — *Н. Т.*) стоит ниже *боло́тника*, а этот последний — ниже *оржави́ника*, и образование кого-нибудь первостатейным чертом выражается такими словами: "ня з ви́ру и ни з боло́та, а з са́мый оржа́вини!"» [Никифоровский 1895]. Чем хуже качество воды, чем загрязненнее место, тем более злой черт сидит в ней, так что в чертовской болотной иерархии не столь существен признак глубины, сколь признак загрязнения.

Близкую картину обнаружила Л. Г. Невская в балтийских языках, где также довольно ярко проявляется связь географической и демонологической терминологии *(balà, líekna, pelkė, plynė, tiũla*, соответственно 'болото', 'болотистый лес, луг, болото', 'болото, лужа, прорубь', 'болото, поляна в лесу', 'тина, осевшая муть' и во всех случаях 'черт' [Невская 1973]). Чрезвычайно интересны также наблюдения В. Н. Топорова над восточнославянским балтизмом *анчутка* 'черт, бес, нечистая сила', генетически связанным с понятиями 'утка' и 'болото' [Топоров 1973].

Из нового южнославянского материала, не отмеченного ни одним из словарей, приведу лишь сербск. *андрак.;* шумадийск. таковск. *андрак* 'земля, густо поросшая сорняком, папоротником, колючками и т. п.' — *раскрчили андрак. био;* банатск. херск. *андрак* 'дьявол'; то же южносербск., пчиньск. *андра, андриште* 'невидимый дух, существо женского пола, живущее в вихре' [Филиповић, Томић 1955, с. 105; Филиповић 1972, с. 209]. (Об этимологии этого слова выскажемся особо.)

Изложенный выше материал никак нельзя считать исчерпывающим. Однако и он достаточно красноречиво говорит о том, что для древнейших и более поздних дохристианских мифологических представлений славян было характерно ощущение населенности всей окружающей природы духами, основными дифференциальными признаками которых были не столько различия функциональные (они нам относительно плохо известны), сколько различия по месту обитания. Если подумать о том, что для древнего (и почти для современного нам) славянина небо было также населено

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

духами, то можно предположить, что различие между так называемыми низшими мифологическими существами («низшей мифологией») и высшими («высшей мифологией», по Е. Кагарову) следует искать прежде всего в различных местах их обитания (и тогда Мокошь не будет отнесена к «высшим») и в различиях их функции и только в последнюю очередь можно смотреть на славянские мифические существа сквозь призму других (неславянских) мифологических систем. Различия среди духов земных, взятых отдельно, и духов небесных, в общем, были нерезкими, а их иерархия очень слабой, и потому трудно установимой. Впоследствии духи небесные были почти полностью вытеснены христианскими представлениями, а духи земные на основании тех же представлений перешли в разряд нечистых, но не стерлись из памяти народной. Об исчезавших духах небесных мы можем судить по оставшимся духам земным. Самым нужным путем дальнейшего исследования славянской демонологии в наши дни является путь диалектного лингво- и этногеографического анализа обрядов, поверий и связанных с ними демонологических персонажей и терминов.

Е. А. Рябинин

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА (ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ И СЛАВЯНЕ)*

В летописных известиях содержится только одно упоминание о дорусском населении Заволочья, включенного в этнографическое введение «Повести временных лет» при перечислении «всех языцей» «Афетова части»: « ... меря, мурома, весь, моръдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра... ». Эта вставка была сделана около 1113 г. при составлении первой редакции свода, причем сведения историко-этнографического характера восходят, предположительно, к более раннему источнику.

Рассматриваемая «чюдь» локализована летописью «за Волоком», в землях, располагавшихся на путях славянского освоения Русского Севера (рис. 1). Историко-географическое понятие этого термина трактуется по-разному. Н. П. Барсов относил к Заволочью бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры. По мнению В. О. Ключевского, волость Заволочье «находилась за волоком,

* Печатается по кн.: *Русский* Север. СПб., 1995.

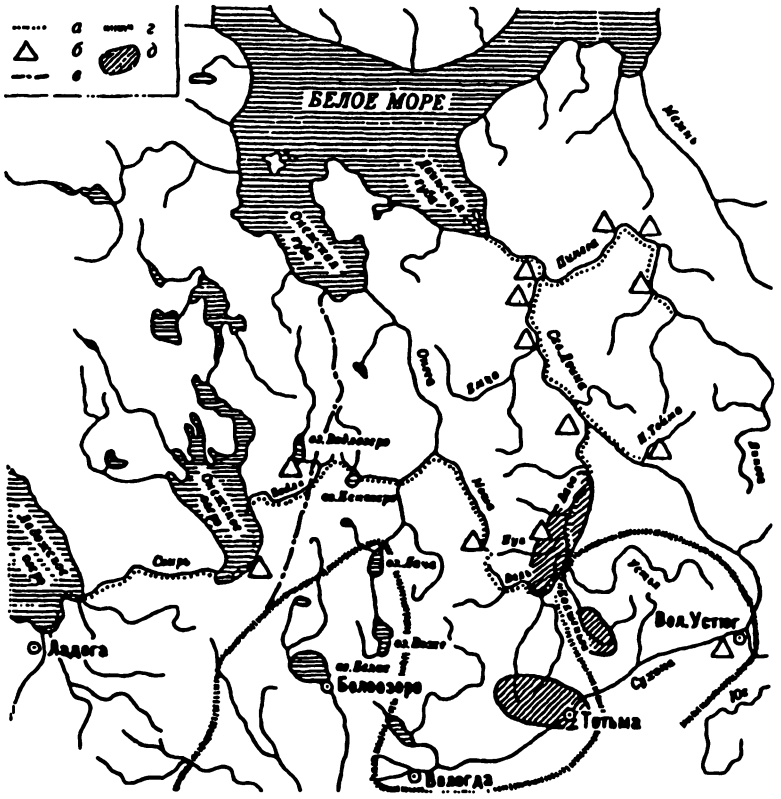


Рис. 1. Древнерусское освоение Заволочья в X–XIII вв.
а — основные пути северозападной колонизации Заволочья; *б* — новгородские становища Уставной грамоты 1137 г. (локализация по А. Н. Насонову); *в* — восточная граница Обонежского ряда; *г* — граница Новгородской и Ростово-Суздальской земель во второй половине XII — первой половине XIII в.; *д* — локальные группы чуди заволочской.

обширным водоразделом, отделяющим бассейн Онеги и Северной Двины от бассейна Волги». В историко-географическом исследовании А. Н. Насонова под Заволочьем подразумевается только территория, включающая бассейн Северной Двины; при этом не исключается возможность ее отождествления с известной по более поздним источникам Важской областью.

В последнее время этот вопрос специально рассматривался Ю. С. Васильевым, предпринявшим попытку проследить динами-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ку изменения понятия «Заволочье» во времени. По его наблюдению, в XI–XIII вв. этим термином обозначалась только Новгородская волость, охватывающая бассейн р. Ваги. В последующий период (XIII–XIV вв.) понятие «Заволочье» приобрело расширительное значение, распространившись на Нижнее Подвинье — собственно Двину или Двинскую землю. В XIV–XV вв. термины «Заволочье» и «Двина» нередко заменяют друг друга, обозначая Двинскую и Важскую земли вместе. Наконец, после присоединения Новгорода к Москве понятие «Заволочье» становится еще более обширным, охватывая Прионежье, Двину и территории к востоку от Двины до р. Печоры.

Таким образом, историко-географические разработки позволяют локализовать древнерусское «Заволочье» прежде всего в западной части бассейна Северной Двины, причем для XI–XIII вв. вероятна его взаимосвязь с областью по течению Ваги и ее притоков, для XIV–XV вв. — с Поважьем и Нижним Подвиньем. Реконструируемая по этим данным зона обитания чуди заволочской, разумеется, не исключает возможности того, что это население проживало и на прилегающих территориях.

Вопрос об этническом характере заволочской чуди затрагивался во многих исследованиях. По мнению ряда авторов, это наименование имеет исключительно собирательное значение географического происхождения. Вместе с тем еще в середине XIX в. наметилась тенденция к более определенной этнической атрибуции загадочной чуди. Так, М. А. Кастрен, исходя из характера финских заимствований в северных (поморских) диалектах русского языка и особенностей местной топонимики, высказал предположение о прибалтийско-финской принадлежности аборигенов края. При этом он по-разному оценивал ее племенное происхождение, то отождествляя с летописной весью, то отделяя ее от последней или же связывая с древней корелой. Родственную связь рассматриваемой чуди с финно-угорским населением Прионежья и «чухарями» Тихвинского и западной части Белозерского уездов (т. е. с вепсами) признавал в ранних работах Д. П. Европеус. Позднее, правда, этот основоположник «угорской теории» включил Заволочье в зону расселения древних угров.

По мнению Д. К. Зеленина, заволочской чудью чаще всего в древности называли карелов, однако вследствие полугеографического значения термина под ним могли скрываться и предки коми-зырян, и некоторые угорские народы. В развернутом виде обосно-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вание прибалтийско-финской принадлежности населения Заволочья приведено в работе Д. В. Бубриха, считавшего, что в языковом отношении это была весь, заселившая Двинскую землю еще до русской (новгородской) колонизации; только низовье Северной Двины осваивалось карелами, но и то в значительно более поздний период.

Положение о прибалтийско-финском (весском или карело-весском) характере дославянских обитателей Заволочья получило признание и в последующих лингвистических исследованиях, основанных на материалах субстратной топонимики. «Сейчас мы уже не сомневаемся в том, — констатировал, в частности, А. И. Туркин, — что населявшая бассейн Северной Двины и Мезени заволоцкая чудь состояла в основном из племен вепсов и отчасти карел». С весью (или вепсами и карелами) связывает прибалтийско-финский компонент в составе чуди заволочской Б. А. Серебренников. Сходное мнение высказывал и А. И. Попов, считая, однако, что исчезнувший «чудский» язык вряд ли можно прямолинейно отождествлять с ныне существующими западнофинскими диалектами. «Топонимика, — подчеркивал он, — свидетельствует о принадлежности заволоцкой чуди к прибалтийско-финской группе с языковыми отличиями от карел, а отчасти и от вепсов».

В пользу того, что по крайней мере часть обитателей Заволочья имела прибалтийско-финское происхождение, свидетельствует и сам термин «чудь». «Этим именем, — отмечал А. И. Попов, — новгородцы и вообще восточные славяне называли по преимуществу эстов, но часто и многие прибалтийско-финские племена, близкие к эстам по языку... Нередко такое словоупотребление имело действительное обоснование, так как в Заволочье и далее к востоку имелось немало следов деятельности финно-угорских племен, в том числе и прибалтийско-финских, т. е. «чуди» в собственном смысле слова».

Иной круг источников для доказательства весской принадлежности населения Заволочья был использован В. В. Пименовым, проанализировавшим фольклорный пласт преданий о чуди, распространенных на Русском Севере. Основные аргументы в пользу родства этих группировок сводятся к следующему.

1. Ареал преданий о чуди, отражающих контакты финно-угорского населения с русскими и лопарями, охватывает как бассейн Северной Двины, так и Ладожско-Онежское межозерье, занятое в древности весью; такие предания зафиксированы и в современной вепсской среде. «Есть только один народ, который в целом считает

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

себя идентичным чуди, отождествляя себя с чудью, говорит о чуди как о своих собственных предках. Это — вепсы».

2. Вепсские параллели прослеживаются и по тем немногочисленным бытовым подробностям, которые можно извлечь из преданий. Так, представления о чуди, будто бы жившей в ямах, «несомненно нужно поставить в связь» с тем, что у вепсов и южных карел-ливвиков широко бытовала промысловая избушка в виде полуземлянки.

3. Хозяйство легендарной чуди вполне сопоставимо с экономическим укладом, выявляемым на материалах вепсских курганов Приладожья.

4. Рисуемый в преданиях антропологический тип «чуди белоглазой» сходен с вепсами и карелами. К тому же этот фольклорный эпитет употребляется русским населением применительно к вепсам и некоторым близким им группам южных карел.

5. Хотя язык чуди и не сохранился, но данные топонимики свидетельствуют о прибалтийско-финской (древневепсской) принадлежности его носителей.

Указанные черты сходства при ареальных совпадениях источников преданий с зонами расселения чуди и веси являются, по В. В. Пименову, свидетельством происхождения заволочской чуди от одного этнического корня — древних вепсов. Их начальное продвижение в некоторые районы Заволочья автор предположительно относит ко времени не позднее рубежа VIII–IX вв. В средневековую эпоху «чудь не представляла собой единого этнического массива, а жила небольшими гнездами, тяготевшими к водным путям сообщений». При этом подразумевается, что до появления новопоселенцев территория была пустынной и здесь могли проживать лишь редкие группы кочующих саамов.

Разработки В. В. Пименова, показавшие источниковедческую значимость фольклорных источников для реконструкции картины расселения чуди и ее взаимодействия с русскими и саами, для воссоздания некоторых сторон быта и хозяйственной деятельности этого населения и даже его физического облика, в значительно меньшей степени, на наш взгляд, доказательны в решении этнокультурных вопросов. Большинство приведенных им свидетельств весскочудского родства носят слишком общий характер или базируются на далеко не бесспорных параллелях.

Оригинальная этнолингвистическая концепция развития и смены языковых общностей создана на материалах субстратной то-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

понимики Русского Севера А. К. Матвеевым. Им выделен мощный пласт гидронимов с формантом *-ньга (-еньга)*, характеризующийся очень компактным ареалом, массовостью топонимического типа (несколько сот названий) и фонетической близостью топонимов, находящихся в пределах основного ареала. Гидронимы на *-ньга* сосредоточены «в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоной, хотя встречаются и далее на востоке вплоть до пределов Коми АССР, а также на западе — в бассейне Онеги, за которой исчезают» (рис. 2). Очерчиваемая зона плотного распространения данного топонимического пласта включает, таким образом, историческую область Заволочья с прилегающими территориями и, согласно А. К. Матвееву, документирует былое проживание в этом регионе чуди заволочской. Формант на *-ньга (-еньга)* лучше всего интерпретируется на прибалтийско-финской почве, где он увязывается с генетивной конструкцией *(n+jogi, jegi)*. Его связь с прибалтийско-финскими языками доказывается также анализом топооснов, находящих многочисленные соответствия в языках прибалтийских финнов. Вместе с тем ряд топонимов на *-ньга* расшифровывается из марийского языка. Все это, по мнению А. К. Матвеева, свидетельствуют о том, что «язык чуди заволочской по своему словарному запасу значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков. Возможно, что он занимал как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками». Его носители, включенные автором наряду с другими ныне не существующими финно-угорскими обитателями Русского Севера в особую севернофинскую группу, были не непосредственными предшественниками карелов и вепсов, хотя и находились с ними в определенном родстве.

Вырисовывающаяся на материалах топонимики картина осложнена наличием в некоторых районах еще одного топонимического пласта, перекрывающего севернофинский, и предшествующего распространению здесь русских названий. Об этом свидетельствуют материалы микротопонимики (преимущественно наименования населенных пунктов и урочищ), образующие локальные, но плотные ареалы топонимов прибалтийско-финского происхождения. Последние близки языку названий на *-ньга*, но не тождественны ему. А. К. Матвеев связывает появление такой микротопонимики с последующим проникновением в Заволочье карело-финских племен, среди которых, возможно, были и племена, говорившие на языках, промежуточных между карельским и вепсским или вооб-

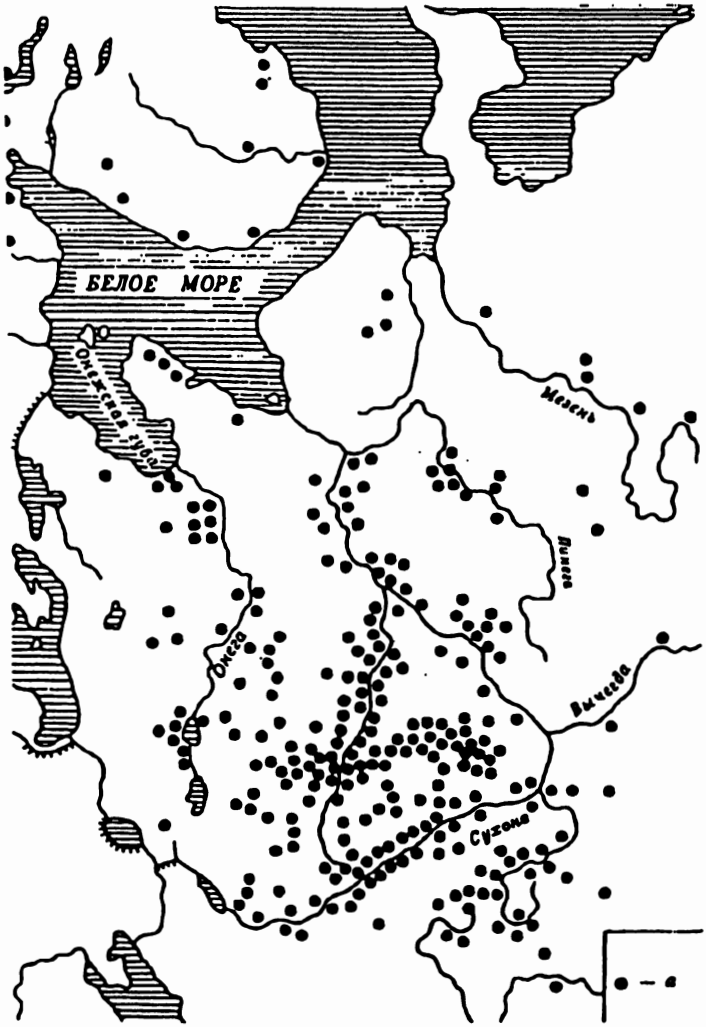


Рис. 2. Ареал топонимики на *-ньга* (по А. К. Матвееву).
а — гидронимы с формантом *-ньга*.

ще неизвестных ныне прибалтийско-финских языках. Сгустки прибалтийско-финских названий различных топонимических типов зафиксированы в Белозерье, Приозерном крае на юге Архангельской

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

обл. (Кенозеро, Удозеро), на побережье и островах Белого моря, Онежском полуострове и низовьях рек Онеги и Северной Двины, на нижней и средней Пинеге. Сходные наименования выделяются и в среднем течении Двины, включая бассейн Ваги (в частности, топонимы на *-ла* типа Корбала, Ракула и т. д.), а также на средней Сухоне. Предполагается, что расселение разных этнических групп прибалтийских финнов в Заволочье происходило незадолго до русской колонизации, хотя новопоселенцы и успели создать на Севере свою специфическую топонимию. Очевидно, эти группы осваивали относительно небольшие участки территории, оседая отдельными гнездами.

Несмотря на значительные различия в оценке языковой и этнической принадлежности дорусского населения Заволочья, основной вывод о его родстве или по крайней мере близости к прибалтийским финнам разделяется почти всеми современными исследователями. Последнее не исключает присутствия в том же регионе иных этнических групп — саамов, волжских финнов и древних пермян.

Особую сложность представляет вопрос о соотнесении летописной чуди с пермскими племенами и присутствии пермского этнического элемента в западной (левобережной) части Подвинья. Лингвистические данные показывают, что в северо-юго-западных диалектах коми языка (удорском, вымском, лузско-летском, нижневычегодском) имеется более 70 прибалтийско-финских слов, рассматривающихся в качестве древних заимствований из языка чуди заволочской. Почти полное отсутствие таких заимствований в языке комипермяков свидетельствует об их усвоении западными группами пермян уже после дифференциации былой общности. А. И. Туркин относит время этих контактов к X–XI вв. и связывает их с взаимодействием предков коми-зырян и заволочской чуди в правобережной части Двинского бассейна (Вычегда, Вымь, Сысола, Луза), т. е. в землях, расположенных к востоку от исторической области Заволочье. А. К. Матвеев, первоначально высказывавший довольно оптимистические заключения о наличии древнепермского топонимического пласта в Заволочье, позднее склонился к иному мнению. Согласно его последующим наблюдениям, в период русской колонизации предки коми-зырян обитали только в восточной части Подвинья, и прежде всего на Пинеге, но, очевидно, не сплошной массой, а отдельными поселениями — волостями. «Вопрос о существовании пермских элементов в левобережье Северной Двины, — отмечал он, — остается открытым. Явных доказательств этого нет». Раз-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

работки И. В. Власовой, основанные, правда, на довольно позднем актовом материале, также показывают, что зона расселения пермян на западе достигла только верховьев Двины и бассейна р. Юг. В связи с этим представляются интересными данные о расселении «тоймы» («тоймичей»), связываемой исследователями с пермским языковым массивом или же рассматриваемой в качестве пермской по основному компоненту группировки, но сложившейся на местной (допермской) основе и впитавшей большую примесь прибалтийско-финского этнического элемента. О ее локализации свидетельствует содержащийся в «Слове о погибели Русской земли» XIII в. перечень языческих земель («поганские земли»), подвластных христианам и достигавшим на востоке «Устьюга, где бяхо тамо тоймици погании». Племенной этноним имеет прямое соответствие в наименовании рек Верхней и Нижней Тоймы, впадающих с востока в Северную Двину. Судя по этим данным, тойма «была достаточно значительным по размерам племенем, сидевшим недалеко от Устюга, т. е. на Северной Двине», в нижнем и, возможно, среднем ее течении. Признание пермской принадлежности «тоймичей» позволяет предполагать расселение древних пермян до восточного побережья Двины и их проживание на пограничье с Заволочьем.

В некоторых работах отстаивается мнение о еще более значительном продвижении пермских племен в IX–XIV вв. на запад. Так, Л. Н. Жеребцов включает в их ареал обширные пространства левобережья Двинского бассейна. Очерчиваемая им западная граница проходит по среднему течению Сухоны (выше г. Тотьмы), левобережью нижней и средней Ваги (примерно до гор. Шенкурска) и далее поворачивает на восток. В результате в пермский ареал оказывается включенной часть Важской области, к которой и применялся в XI–XIII вв. сам термин «Заволочье» и с которой следует прежде всего связывать летописную чудь заволочскую.

На наш взгляд, вывод о широком распространении древних пермян в левобережье Двинского бассейна нуждается в дополнительном обосновании. Л. Н. Жеребцов в своих построениях придерживается ретроспективного метода, используя для реконструкции западных реальных границ предков коми IX–XIV вв. источники значительно более позднего времени (в основном писцовые и переписные книга XVII–XVIII вв.), а также этнографические материалы, коррелируя их с данными субстратной топонимики, вопрос о пермской принадлежности которых, как отмечалось выше, остается открытым. Что касается поздних исторических документов, то да-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

леко не всегда в них зафиксирован собственно пермский «адрес» обитателей западной части Подвинья. К тому же самим автором на богатом письменном материале XVII–XVIII вв. убедительно показано продолжавшееся в это время переселение различных этнических коллективов (например, коми-зырян, хантов и манси — на верхнюю Печору). Нельзя исключать того, что такие относительно поздние миграции осуществлялись коми-зырянами и в западном направлении. Вместе с тем вполне вероятно, что на левобережье Двины действительно проникли отдельные группы древних пермян. В пользу такого предположения свидетельствует как их намечающееся расселение вплоть до течения самой реки, так и общая этноисторическая ситуация конца I — начала II тысячелетия н. э. на восточноевропейском Севере, характеризующаяся активными миграциями различных племенных групп.

Сложность изучения проблемы чуди заволочской обусловлена слабой изученностью археологических памятников Подвинья. При этом древности I тысячелетия н. э., относящиеся к эпохе, предшествующей включению региона в систему связей с русскими землями, остаются по существу неизвестными. Последнее обстоятельство объясняется как крайней разреженностью заселения и малочисленностью популяции, рассеянных на обширных пространствах, так и вполне вероятной невыразительностью бедных металлом комплексов раннего средневековья, не позволяющих отделить их от более ранних древностей эпохи железа. Лишь с XI в. здесь выявляются немногочисленные «чудские» памятники, в сложной по составу культуре которых отразилась история населения Заволочья, постепенно втягивающегося в многообразные связи с Русью. В связи с этим и этнокультурная интерпретация известных к настоящему времени материалов XI–XIV вв. возможна лишь в общем контексте с процессом древнерусского освоения восточноевропейского Севера.

Вопросу о характере, путях и времени колонизационного процесса северорусских территорий посвящено большое число исторических и историко-географических исследований. Установлено, что активная роль в освоении внутренних районов Русского Севера принадлежала потокам, шедшим через Новгородскую землю и Ростово-Суздальское (позднее Владимирское) княжество и известным под названием «новгородской» и «низовской» колонизации.

Скудность письменных известий о ранних этапах колонизации определила многозначность трактовок этого явления, среди которых намечаются две основные тенденции. Согласно одной из них,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

восходящей к работам В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и разделяемой многими современными исследователями, в X–XIII вв. имело место взрывообразное освоение северных районов древнерусским населением. По мнению других авторов (П. С. Ефименко, А. А. Кизиветте и др.), колонизационное движение в это время ограничивалось серией военных походов, целью которых являлись покорение и обложение данью местных племен. Эта точка зрения во многом созвучна положениям, развитым в историко-географической работе А. Н. Насонова, согласно которым древнерусское освоение края сводилось прежде всего к распространению дани среди старожильческого населения. В большинстве же работ, как правило, признается сочетание обеих моделей колонизации при различной оценке их соотношения.

По широко представленному в литературе мнению, древнейшей зоной западного освоения являлись низовья Северной Двины. Оно основано, прежде всего, на отождествлении этого района с Бьярмией скандинавских источников, упоминаемой с конца IX в.; приведенное в нескольких сагах название бьярмийской реки «Вина» и производные от данного гидронима наименования сопоставляются с Северной Двиной, «Двинским лесом» и устьем Двины. В задачи данной статьи не входит специальное рассмотрение традиционной в отечественной и зарубежной историографии проблемы локализации Бьярмии, сведения о которой нередко носят легендарный характер. В суммарном своем виде простирающийся до северного океана Бьярманландсаг «составляет, по существу, продолжение... зоны географической неопределенности, словно гигантским кольцом охватывающей <Гарды>, Русь». Неясной остается и этническая принадлежность самих бьярмийцев — народ, по-видимому, финноязычного происхождения, в котором разные исследователи, исходя из общеисторических построений, усматривают карелов, вепсов или чудь заволочскую.

В разработках последнего времени приведены доказательства в пользу того, что Бьярмия в узком понимании этого термина соответствует западной половине Беломорья, заключенной между реками Онегой и Варзугой (на юге Кольского полуострова) и нижним течением Двины. Наличие традиционных связей между областью «Тре» на юге Кольского полуострова и Двинской землей подтверждаются письменными источниками XIII–XVI вв. и материалами могильников XII–XIII вв. в бассейне Варзуги, которые обнаруживают заметную культурную близость с синхронными древностями

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Поважья в среднем течении Двины. К сожалению, в археологическом отношении Нижнее Подвинье остается пока по существу «белым пятном», вследствие чего вполне вероятное предположение о проникновении сюда западных данщиков и купцов еще в конце I — начале II тыс. н. э. сохраняет свою гипотетичность.

Древнейшим историческим документом, фиксирующим распространение новгородского влияния на Заволочье, является грамота Святослава Олеговича 1137 г. об отчислении в пользу церкви св. Софии в Новгороде дани, собираемой на территории от Ладожского озера до устьев Онеги и Двины. При этом грамота отражает традицию, установленную еще «при дедах и прадедах» и восходящую по меньшей мере ко времени основателя св. Софии — Владимира Ярославича. Очевидно, на раннем этапе наиболее активная роль принадлежала Ладоге — крупнейшему торгово-ремесленному поселению, занимавшему с VIII–IX вв. исключительно важное положение на перекрестке водных путей того времени. Это в свою очередь позволяет говорить об общерусском характере начальной колонизации Севера (еще в XI в. Ладога находилась в непосредственном подчинении Киеву).

Направление, по которому шло распространение ладожско-новгородской дани, восстанавливается по погостам, отмеченным в грамоте Святослава. Последние «вытянуты длинной лентой вдоль пути от Онежского озера к р. Онеге в сторону пути в Вельско-Важский край». Первый, по-видимому основной, путь от Онежского озера лежит по р. Водле и через волок и систему озер Волошево (или Волоцкое) и Кенозеро выходил на р. Онегу. Еще один путь по р. Вытегре, впадающей в Онежское озеро, затем волоком на оз. Лача и оттуда к Каргополью на Онегу. С Онеги по притоку р. Моше, верховья которой сближаются с р. Велью, через волок можно было попасть в бассейн р. Ваги. Именно здесь располагалось становище, упомянутое в грамоте 1147 г.: «на Волоци в Моши».

Второе ответвление начиналось ниже по течению Онеги, где использовался волок к р. Емце, впадающей в Северную Двину; этот путь фиксирован пунктом в устье Емцы. Наконец, следуя к устью Онеги, осуществляли выход к побережью Белого моря.

В перечне становищ XII в. наиболее легко локализуются пункты, топографически привязанные к течениям рек: на устье Ваги, Пуи («Пуйте»), Вели, Пинеги и Тоймы. Ряд местностей расшифровывается по сохранившимся топонимам; это Ракула в нижнем течении Двины, Кегрола и, возможно, «у Вихтуя» на средней Пинеге. В це-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

лом если исходить из списка местностей с четкой географической привязкой, северо-восточные пределы новгородского освоения того времени ограничивались с востока Двиной с ее правыми притоками Пинегой и Тоймой, а с юго-востока — Сухоной.

Из текста источника остается неясным сам характер пунктов, с которых собиралась дань. Это могли быть и общины, названные по именам своих старейшин, и территориальные единицы, и населенные пункты, куда являлись данщики, и, наконец, в отдельных случаях места остановок, пристани, где традиционно происходили контакты новгородцев с местным населением. Тот факт, что некоторые из них явно носят нерусские названия, свидетельствует о формировании древнейших податных единиц территорий — «землевладений», по определению О. В. Овсянникова, на базе территориально-административного деления местного финно-угорского населения.

С середины XII в. в летописях появляются первые упоминания о действиях ростовских князей, связанные с Заволочьем. В 1178 г. в низовьях Сухоны при впадении в нее р. Юг был заложен форпост «низовской» колонизации Великий Устюг. По-видимому, во второй половине XII в. происходит раздел Заволочья на две зоны освоения: западную — новгородскую и восточную — верхневолжскую. Граница между ними проходила приблизительно с северо-запада на юго-восток, пересекая Северную Двину при впадении в нее Пинеги.

Археологические материалы, документирующие начальный процесс древнерусского освоения рассматриваемой территории, незначительны. В бассейне Двины и Ваги собственно славянских поселений и могильников XI–XIII вв. пока не выявлено, а довольно многочисленные городища этого региона относятся уже к последующему периоду (XIV–XV вв.), представляя сельские укрепленные центры феодальных вотчин.

Существенную информацию о путях освоения Заволочья содержат находки монетных и денежно-вещевых кладов, этническая принадлежность которых, правда, как правило, не поддается определению. Более всего обеспечена такого рода материалами западная часть водных магистралей, по которым осуществлялись связи ладожан и новгородцев с Подвиньем — на отрезке от р. Свири до Водлозера (см. рис. 1). Серия кладов, обнаруженных на Свири, принадлежит к XI — началу XII в., древнейший из них (Свирьстрой-II) датируется по младшим монетам 1015–1020 гг. В XI–XII вв. денежные клады оседают в Северном Прионежье. К периоду после 1068 г.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

относится клад на озере Куштозеро (водораздел бассейнов Онежского и Белого озер).

Материалы могильников и последних, тяготеющих к западной части пути, позволяют предполагать его освоение в еще более раннее время. Так, на Свири известны пять курганных групп, древнейшие из которых датируются X веком. Их особенностью является обилие в инвентаре атрибутов военно-купеческого сословия. Отдельные могильники X–XI вв., связанные в культурном отношении с Юго-Восточным Приладожьем, зафиксированы в Северном Прионежье. В верхнем слое селища Суна VI (Северо-Западное Обонежье) представлены керамика и вещевые находки, имеющие аналогии в курганных древностях Приладожья X — начала XI в. Проникновение характерных типов приладожских изделий и керамических форм X–XI вв. фиксируется и на селищах, расположенных в юго-восточном Прионежье. Наконец, показательно наличие средневековой лепной посуды, напоминающей керамику из приладожских курганов, на селищах Водлозера. Последний факт дополняется открытием на стоянке Илекса III (Водлозеро) вещевого клада X–XI вв. с типично приладожскими изделиями. Таким образом, археологически подтверждается реконструируемое по историческим данным раннее проникновение обитателей Приладожья, традиционно связанных с древней Ладогой, в Заонежье и бассейн р. Водлы.

Между Заонежьем и Подвиньем нумизматические находки неизвестны. Однако показательно их наличие в бассейне самой Двины — у с. Благовещенское на р. Устья при впадении в нее р. Кокшеньги (дата зарытия около 1030 г.), в Стрелецкой слободе (междуречье Ваги и Сухоны) — серия монет Этельреда II (979–1016 гг.) и в окрестностях Великого Устюга. Несмотря на малочисленность этих находок, они позволяют предполагать, что западная часть Подвинья не позднее первой половины XI в. уже входила в сферу западной торговли с Пермью, осуществлявшейся по Сухоно—Вычегодскому пути с его вероятными ответвлениями на север. Несомненна прямая или косвенная связь этого явления с начальным новгородским освоением Заволочья.

К более позднему времени относится вещевой клад у дер. Алферовской в верхнем течении р. Устьи. Состав находок, датированных А. А. Спицыным XIII–XIV вв., свидетельствует о принадлежности клада торговцу — выходцу из Северо-Восточной Руси. Последний факт согласуется с тем обстоятельством, что бассейн р. Устьи вхо-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

дил в зону верхневолжского освоения, а в XIV–XV вв. верховья реки традиционно считались «Ростовщиной».

Рассмотренные данные лишь косвенно отражают включение Заволочья в орбиту древнерусского влияния. В значительно большей степени этот процесс выявляется на материалах финно-угорских могильников, кладах вещей и отдельных находках финского характера, анализ которых позволяет осветить и своеобразие культурных традиций местного населения.

Археологические данные об этнокультурной ситуации в Заволочье

Первые находки средневековых древностей в Онежско-Двинском междуречье и западной части Подвинья были сделаны еще в конце XIX — начале XX в., но они, по существу, не учитывались. Не привлекли должного внимания и материалы первых раскопок «чудских» могильников, осуществленных в 1920-е гг. Н. А. Черницыным в междуречье Ваги и Сухоны и на Кокшеньге. Лишь с возобновлением археологических работ в западной части Двинского бассейна в 1970–1980-х гг. этот важнейший и качественно новый вид источников начал использоваться для разработок историко-культурных и этнических вопросов.

Полоса к востоку от течения Онеги и в настоящее время почти лишена археологических находок. На территории, ограниченной течением Двины, Ваги и Сухоны и составляющей искомую зону загадочной чуди заволочской, выделяются три скопления памятников финно-угорских древностей: в среднем течении Ваги, в междуречье верхней Ваги и средней Сухоны, в среднем течении Кокшеньги — правого притока Ваги (рис. 3). Кроме того, единичные археологические объекты выявлены в прилегающих районах — верховья Моши, притока Онеги, сближающейся своими верховьями с левыми притоками Ваги, и на Пинеге. Исходя из территориальной разобщенности известных памятников и их культурной разновидности, правомерно их рассмотрение по намечающимся отдельным регионам.

1. Среднее течение Ваги. Происходящие отсюда древности представлены отдельными находками и кладами «чудских» вещей, из которых наиболее известна богатая коллекция украшений XI–XIII вв., обнаруженная у с. Воскресенского, близ впадения в Вагу ее правого притока р. Устьи. Характер последнего объекта остается неясным, по мнению А. А. Спицына, обнаруженные в нем вещи

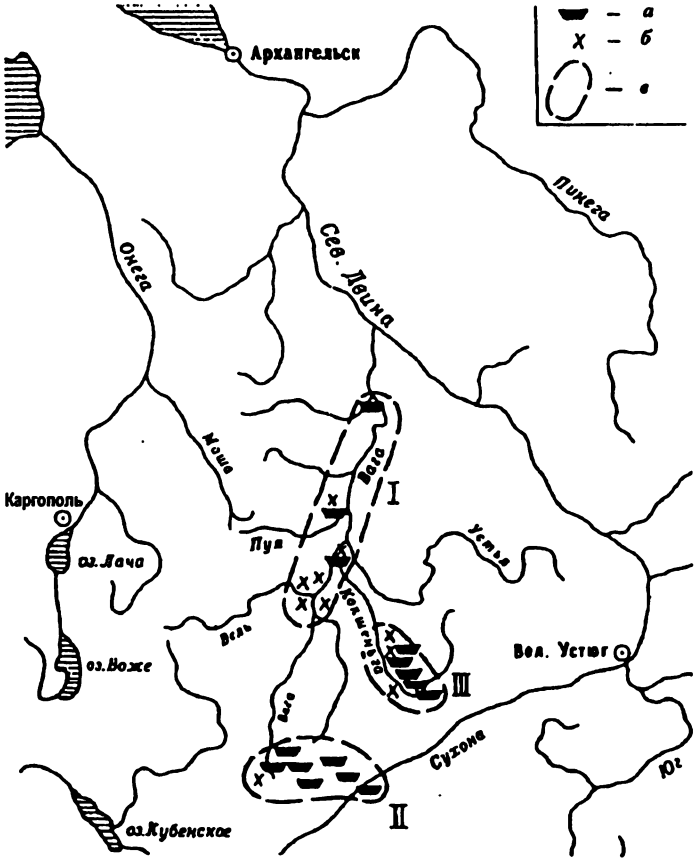


Рис. 3. Археологические памятники Заволочья XI–XIII вв.
а — грунтовые могильники; *б* — монетно-вещевые клады и отдельные находки; *в* — локальные группы чуди заволочской (I — среднее течение р. Ваги; II — междуречье средней Сухоны и верхней Ваги; III — бассейн р. Кокшеньги).

«происходят, скорее всего, из могильника, если только это был не клад».

В последние десятилетия О. В. Овсянниковым и В. А. Назаренко осуществлены стационарные раскопки могильников среднего Поважья — у д. Корбала, в устье р. Пуи и у с. Благовещенского, на стрелке рек Ваги и Устьи. Основные результаты этих работ уже получили освещение в археологической литературе.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Погребальный обряд региона характеризуется распространением захоронений в срубных конструкциях, впущенных в могильные ямы прямоугольной формы. На раннем этапе (XI — начало XII в.) фиксируется практика обрядов трупосожжения и трупоположения, в XII–XIII вв. происходит полный переход к ингумациям. Ориентировка умерших южная и юго-восточная, не ранее конца XII в. появляются захоронения, обращенные головой на запад.

Срубные конструкции, столь типичные для Важского бассейна, обнаруживают известное сходство с деревянными сооружениями в могильниках прибалтийско-финского населения Северо-Западного и Восточного Приладожья. Одновенчатые срубы зафиксированы и в могильниках Перми вычегодской, где они составляют свыше 7% исследованных комплексов. Их появление на древнепермской территории объясняется участием прибалтийско-финского компонента в формировании вымской культуры, причем могильники Ваги рассматриваются в качестве важного археологического звена, документирующего проникновение данной традиции в восточную часть Северодвинского бассейна.

Прибалтийско-финское происхождение срубных конструкций более чем вероятно. Вместе с тем нельзя не отметить своеобразие важских деревянных камер, сохранивших высоту до пяти венцов и перекрытых дерево-земляной кровлей. Очевидно, у некоторых групп чудского населения Заволочья в наиболее законченном виде была реализована общая для финно-угорских племен идея воспроизведения во внутримогильных «домиках мертвых» реальных жилых построек.

Совокупность вещевого материала XI–XIV вв. характеризует прежде всего положение Поважья в системе широтных этнокультурных контактов, осуществляющихся в полосе от Приладожья до районов древнепермского расселения. Вместе с тем показательна локализация здесь целого ряда металлических изделий, пользовавшихся особой популярностью у прибалтийско-финских племен Приладожья и Белозерья, но отсутствующих или представленных лишь единичными экземплярами в памятниках вымской и родановской культур. Сходство с лепной посудой более западных «чудских» областей фиксируется и в керамическом материале, имеющем местное происхождение. Прибалтийско-финский компонент дополняется находками, не характерными для Ладожско-Онежского межозерья, но известными в Юго-Восточной Прибалтике, Финноскандии и Северо-Западном Приладожье. Несомненно, прав был

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

А. А. Спицын, который, основываясь на коллекции древностей из с. Воскресенского, писал, что средневековое население Ваги в культурном отношении было связано не столько с Камою, сколько с Западом.

В зону этнокультурного взаимодействия чуди Важского бассейна входили и некоторые волжско-финские группировки, обитавшие в основном к северу от Волги — в Ярославско-Костромском Поволжье и Ветлужско-Вятском междуречье. Это документировано ареальными границами бытования металлических изделий, характерных для древних марийцев и северо-восточной (костромской) группы мери, но одновременно наложившими заметное своеобразие на культуру рассматриваемого региона.

Бытование многих финно-угорских категорий инвентаря за пределами Поважья не исключает их органичного включения в состав местного убора. В многокомпонентной по составу культуре удается выделить элементы, отражающие локальные традиции дорусских обитателей средней Ваги (использование умбоновидных бляшек для украшения женской обуви; распространение подковообразных пряжек со слитыми головами; появление в конце XII–XIII в. своеобразного головного убора из кожи или ткани с металлическими элементами орнаментации; использование выработанного типа височных украшений — лунничных серег и др.).

2. Междуречье средней Сухоны и верхней Ваги. Известные к настоящему времени грунтовые кладбища локализованы на довольно ограниченном участке к северу от г. Тотьмы, в бассейне мелких рек — Единьги, притока Сухоны (Ставропольская Пустошь), Вожбалы, притока Царевы, впадающей в Сухону (Кудринская), и Сондуги, правого притока Ваги в ее верховьях (Марьинская, Семеновская); два могильника выявлены на Сухоне в окрестностях Тотьмы (Старототменский, Крутицкий). Начало их изучения положено в 1924–1929 гг. Н. А. Черницыным, в 1978–1979 гг. продолжено Н. В. Гуслистовым.

Памятники расположены на прибрежных высоких холмах или же занимают склоны моренных гряд на некотором удалении от речных водоемов. Отмечено наличие трупоположений, однако большинство исследованных погребений представлено трупосожжениями XII–XIV вв., совершенными в ямах различной глубины и формы; имеются могилы чашевидных очертаний. Местной особенностью является покрытие ям каменными вымостками или забутовка валунами. Наряду с господствующей западной ориентировкой на-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

блюдается спорадическое проявление юго-восточной ориентировки умерших. Многие погребения совершены в колодах, наблюдаются случаи покрытия костяков берестой, прослежены также подстилки из бересты, мха и хвои.

Каменные вымостки над могилами, отсутствующие в памятниках пермских племен, обнаруживают параллели с конструкциями древнекарельских кладбищ Северо-Западного Приладожья, а также в территориально близком к Двинскому бассейну могильнике Воезеро I на р. Моши. Использование камней для покрытия поверхности земляных могильных насыпей отмечено также на р. Шексне, в Волго-Клязьменском междуречье, Ярославском и Костромском Поволжье — в памятниках с ярко выраженным мерянским (иногда мерянско-весским) культурным компонентом.

В материальной культуре ощущается сильное древнерусское влияние. С прибалтийско-финскими традициями можно сопоставить лишь проявление здесь единичных категорий древностей. Наиболее отчетливо прослеживается культурная близость региона с Костромским Поволжьем и марийским Ветлужско-Вятским междуречьем. При этом далеко не все сходные элементы могут объясняться проникновением волжско-финских форм на север. Такие характерные для междуречья Ваги и Сухоны украшения, как ложновитые и витые височные кольца, лунничные серьги, модификации зооморфных полых подвесок, относятся к местному этноопределяющему убору. Сюда же следует причислить и представленные в захоронениях фибулы со слитыми головками.

3. Бассейн р. Кокшеньги. Древности региона представлены отдельными находками и кладами «чудских» вещей, а также серией грунтовых могильников XII–XIV вв., исследовавшихся М. Б. Едемским, Н. А. Черницыным и Н. В. Гуслистовым.

В XII–XIV вв. здесь фиксируется сосуществование обряда кремации на стороне и захоронений несожженных трупов. Кремированные останки с углем и золой погребального костра ссыпались в небольшие круглые ямки, имевшие незначительную глубину. Трупосожжения совершались в довольно глубоких могилах, не имевших внешних признаков и погребальных конструкций. Неоднократно отмечались погребения в колодах, наряду с западной представлена юго-восточная ориентировка умерших.

Длительное бытование обряда кремации на соседних территориях наблюдается лишь у перми вычегодской, где на позднем этапе вымской культуры (XII–XIV вв.) трупосожжения даже доминиру-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ют над обычным положением. Однако местный обряд существенно отличается от вымско-вычегодского. В памятниках Перми вычегодской кремированные останки помещались в могилы, по форме и размерам в целом аналогичные ямам, содержащим трупоположения. Небольшие круглые ямки с сожжениями на р. Кокшеньге, очевидно, отражают древнюю ритуальную традицию, свойственную некоторым прибалтийско-финским и волжско-финским племенам второй половины I тысячелетия н. э., обитавшим к северу от Волги.

В материальной культуре региона наиболее отчетливо выражено влияние, шедшее из Новгородской земли. С северо-западным импульсом связаны такие популярные у населения бассейна Кокшеньги финно-угорские изделия, как полые коньковые подвески, превратившиеся в излюбленную разновидность местных украшений, бронзовые цилиндрические пронизки с рельефным узором и др. К локальным этнокультурным элементам относятся витые височные кольца и фибулы с сомкнутыми головками.

Финно-угорские традиции в памятниках западного Подвинья значительно ослаблены древнерусским культурным воздействием. Многие «чудские» находки содержат информацию о направлении связей с соседними регионами и лишь в слабой степени могут быть использованы для этнических заключений. Тем не менее в сложной по составным компонентам культуре трех региональных группировок запечатлены следы исторических реалий, заметно отличающихся друг от друга, но одновременно обладающих и чертами сходства.

Присутствие в материальной культуре некоторых изделий, бытовавших у древних пермян, все же не дает оснований для вывода о присутствии на рассматриваемой территории заметного пермского этнического элемента: все такие древности хорошо известны и в более западных регионах вплоть до Приладожья. Более показательно полное отсутствие в Заволочье округлодонной керамики, столь характерной для средневековых культур бассейна Камы и Вычегды. Существенные различия намечаются и при сопоставлении элементов погребального обряда.

Прибалтийско-финский компонент представлен в памятниках всех трех территориальных скоплений памятников, но лишь в Важском бассейне он был явно преобладающим. Волжско-финские параллели связывают западное Подвинье с Костромским Поволжьем и Ветлужско-Вятским междуречьем — с северо-восточной группой мери и древними марийцами. При этом некоторые черты сходства имеют глубокие корни. Так, единое функциональное использова-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ние умбоновидных бляшек у чуди Заволочья и предков мари, не зарегистрированное у соседних прибалтийско-финских и пермских народов, вряд ли может быть объяснено лишь импортом самих изделий из Среднего Поволжья и их последующим изготовлением по привозным образцам.

Территориальные подразделения западного Подвинья сближаются по распространению в материальной культуре ряда этнически значимых элементов, ареал которых охватывает в основном Восточное Прионежье (Каргопольский край), Ярославско-Костромское и Марийское Поволжье. В отдельных случаях их появление обусловлено торговыми контактами, однако сам факт сложения местных этнографических черт дорусского населения Заволочья в условиях традиционного прибалтийско-волжского взаимодействия сомнений не вызывает.

Дополнительную информацию о культурном сходстве локальных подразделений Подвинья содержат некоторые безличные в этническом отношении разновидности древностей. Во всех территориальных группах памятников широко представлены шейные гривны. Вместе с тем в междуречье Сухоны и Ваги и на р. Кокшеньге полностью отсутствуют браслеты; на средней Ваге такие находки единичны, причем отмечены они лишь в наиболее ранних комплексах и имеют приносной характер. Первый признак резко отличает культуру Заволочья от культуры камско-вычегодских племен, в которой шейные гривны вообще не представлены. И наоборот, нераспространенность браслетов, достаточно характерных для более западных прибалтийско-финских (весских) группировок, сближает местный убор с одежным комплексом Перми вычегодской.

Историко-культурная информация, полученная при анализе всей совокупности археологических источников, в целом согласуется с этнолингвистической концепцией, разработанной А. К. Матвеевым.

Их сопоставление позволяет объяснить сложный конгломерат сходных и отличительных признаков, прослеживаемых в культуре территориальных подразделений Заволочья.

Основу дорусского населения западной части Подвинья составляла группа древних племен (севернофинская этноязыковая группа по А. К. Матвееву), занимавшая промежуточное положение между прибалтийско-финским и волжско-финским этническими массивами при большей близости к первому. Севернофинское наследие проявилось в формировании у обитателей Заволочья элементов убора,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

известных также у восточных подразделений прибалтийских финнов и в среде обитателей Заволжья; оно же наложило определенный отпечаток на своеобразие местных погребальных традиций. Вместе с тем археологические данные не дают основания предполагать существование здесь сколько-нибудь консолидированной северной «чудской» общности. Речь может идти лишь об отдельных и существенно отличающихся друг от друга группах родственного по происхождению автохтонного населения.

Еще до начала древнерусского освоения края этническая ситуация претерпела существенные изменения, вызванные продвижением в Заволочье прибалтийско-финских групп. По наблюдениям А. К. Матвеева, микротопонимика, фиксирующая их появление, образует мозаичную картину и свидетельствует об оседании новопоселенцев отдельными «гнездами». В бассейне средней Ваги прибалтийско-финский суперстрат оказался в конечном итоге преобладающим; здесь прослеживаются лишь ослабленные черты поглощенного пришельцами севернофинского компонента. Обитатели Поважья были несомненно родственны более западным весско-карельским группировкам, хотя вследствие сложных ассимиляционных процессов и не могут отождествляться с последними*.

Инфильтрация прибалтийских финнов на среднюю Сухону и в бассейн Кокшеньги была менее значительной. Здесь еще в XII–XIV вв. сохранялись самобытные островки севернофинского населения. Этим объясняется своеобразие местных традиций, отличающих обитателей обоих регионов от пермских, прибалтийско-финских и волжско-финских культурных групп.

Положение об особой, севернофинской, принадлежности южных подразделений чуди Подвинья позволяет, на наш взгляд, прояснить характер средневековых памятников, выявленных в долине р. Лузы (приток Сухоны в ее нижнем течении) и связываемых с предка-

*Предположительно именно в условиях смещения севернофинского и прибалтийско-финского населения при преобладающем «удельном весе» последнего и произошло оформление достаточно своеобразных погребальных сооружений — многовенчатых «домиков мертвых», впущенных в могильные ямы. Именно с ними мы склонны связывать устойчивую фольклорную деталь в преданиях о побежденной чуди, жившей в ямах и ушедшей под землю. Не случайно современное население Русского Севера легко отождествляет западины на древних могильниках с «чудскими ямами». Это в свою очередь позволяет прогнозировать наличие сходных внутримогильных сооружений и, соответственно, преобладание прибалтийско-финского этнического компонента в других районах ареала преданий о чуди — в полосе от р. Онеги до Северной Двины.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ми упоминаемой с XV в. лузской пермцы. Н. В. Гуслистов, интерпретируя раскопанный им Марьинский могильник в междуречье Сухоны и верхней Ваги как памятник чуди заволочской, впервые обратил внимание на его заметную близость к культуре Лоемского могильника XII–XIV вв. на р. Лузе. Такое заключение породило в литературе мнение о пермской принадлежности и самих «чудских» древностей указанного региона. Так, Л. Н. Жеребцов усматривает в Марьинском могильнике свидетельство сохранения в верховьях Ваги очагов пермянского населения, к концу XIV в. в основном уже сдвинутого с этой территории новыми колонизационными потоками или смешавшегося с соседями.

Действительно, памятники междуречья Сухоны и Ваги имеют определенное (хотя и не полное) сходство с древностями бассейна р. Лузы. Однако материалы погребений Лоемского могильника настолько отличны от пермских, что исследовавшая их Э. А. Савельева пришла к выводу: «В сложении лузской пермцы приняли участие определенные группы волжских или прибалтийских финнов, сохранившие в XII–XIV вв. свои традиции в изготовлении посуды, бронзовых украшений и в обряде погребения». Очерченный Савельевой круг аналогий находит соответствие в древностях марийцев, мери, муромы и мордвы, с одной стороны, и в материалах веси — с другой, но при этом и местный погребальный обряд, и вещевой комплекс настолько своеобразны, что не позволяют идентифицировать обитателей Полузья с какой-либо из указанных группировок. Наиболее вероятно, что средневековое население региона составляло одно из локальных подразделений севернофинских племен, вошедшее позднее в качестве субстрата в состав лузской пермцы (с XVII в. известной уже под названием зырян).

Таким образом, можно заключить, что ко времени включения западной части Подвинья в орбиту древнерусского влияния здесь проживало неоднородное по составу население, сближающееся по наличию в нем единого севернофинского компонента, который, однако, у некоторых групп являлся ведущим, у других же был в основном поглощен прибалтийско-финским суперстратом. Чудь заволочская, не составлявшая этнокультурного единства, не была родственна древнепермским племенам, не может она прямолинейно сопоставляться и с весью, даже при признании значительного весского (или близкого к весскому) компонента в культуре западных групп чуди.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

* * *

Связи Заволочья с Русью археологически засвидетельствованы уже на материалах наиболее ранних чудских памятников XI — начала XII в. На первом этапе они выражались в проникновении в Подвинье славяно-русских изделий: украшений, орудий труда, бытового инвентаря, использовавшихся в качестве эквивалента в меховой торговле. Позднее здесь начинают прослеживаться явления, не сводимые только к торговым связям. В чудских погребениях конца XII–XIII в. на средней Ваге отмечена кружальная керамика древнерусских или близко напоминающих их форм, бытующая наряду с местными сосудами ручной лепки. В XII–XIV вв. гончарная посуда получила распространение и в остальных районах западной части Подвинья. Установлено, что с конца XII в. славянская керамика появляется в землях перми вычегодской. По мнению Э. А. Савельевой, такие находки наряду с попаданием на памятники замков, ключей, предметов христианского культа и многочисленных украшений древнерусского происхождения «свидетельствуют не только о торговых связях со славянами, но и о проникновении и оседании славян на Выми и Вычегде». Производилась ли такая керамика пришлыми мастерами, или же изготовлялась чудью, воспринявшей качественно новую технику гончарного производства и славянские формы посуды, в любом случае этот факт свидетельствует о непосредственных контактах финно-угров с первыми славянскими поселенцами, оседавшими в иноязычной среде или в ближайшем соседстве с аборигенами.

Не менее существенными представляются изменения в погребальной обрядности, обнаруживающей тенденцию к распространению однотипной ориентировки умерших и постепенному обеднению инвентаря. На материалах Усть-Пуйского могильника конца XII–XIII в. устанавливается корреляция между появлением трупоположений с западной направленностью и увеличением вещей новгородского происхождения. Для определенного этапа (XIII–XIV вв.) можно предполагать и внедрение в чудскую среду некоторых элементов христианства. В этом отношении показательно наличие в бассейне Кокшеньги захоронений с нагрудными крестами, вряд ли использовавшимися только в качестве украшений.

Судя по письменным источникам и данным археологического обследования, в Заволочье до XIV в. укрепленные поселения — опорные пункты колонизации — отсутствовали. По-видимому, на

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

раннем этапе межэтнические контакты протекали в местностях, где происходил ежегодный сбор дани и осуществлялся торговый обмен с аборигенами. Здесь же могли оседать на постоянное житье и русские поселенцы.

Погосты в значении определенных территориальных единиц фиксируются в актовых документах с XIV в., причем для некоторых из них устанавливается преобладание чудского населения. В этом отношении заслуживает упоминания хорошо известный в исторической литературе факт покупки в 1316–1318 гг. новгородским боярином Василием Матфеевичем Шенкурского погоста с «тянущими» к нему территориями у старост погоста с явно финноязычной антропонимикой («Азика, и Хараганец, и Ровда, и Игнатец, приехав от своеи братьи»). Отметим, что в пределах реконструируемого Шенкурского погоста локализуются Аксеновский и синхронный грамоте Усть-Пуйский чудские могильники.

Обращение к указанному документу в сочетании с другими историческими источниками наводит на мысль о сохранении у чуди в XIV в. черт патриархального быта. В мировой грамоте с новгородским боярином староста Азика и остальные поименованные лица выступают от лица своей «братьи». Как полагает Л. В. Данилова, это «представители отдельных семейных общин и других родственных коллективов, из которых состоял Шенкурский погост».

Проблема ассимиляции чуди, протекавшей в эпоху интенсивной колонизации Заволочья и слабо обеспеченной археологической информацией, решается в основном на ретроспективном использовании материалов этнографии, лингвистики, антропологии и фольклора с привлечением скудных исторических данных. Темпы самого процесса во многом определялись характером освоения территорий. М. В. Витов выделяет два типа колонизации Русского Севера: 1) колонизация, осуществлявшаяся в ходе массового переселения крестьян и сопровождавшаяся относительно быстрым изменением этнического состава (процесс главным образом этнический); 2) феодальный захват земель при монастырской или боярской колонизации, далеко не всегда сочетавшийся с широким продвижением русского крестьянства и вследствие этого определявший замедленные темпы ассимиляции финно-угров (процесс социально-экономический). Предложенная автором дифференциация не абсолютна, так как на Севере имело место частое переплетение этих процессов, но все же она позволяет наметить преимущественные зоны колонизации обоих типов: для первого из них — Нижняя Двина, Беломор-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ское побережье, водораздел Ваги и Сухоны, Кокшеньга, верхняя Вага, Среднее Подвинье и участки Верхнедвинского бассейна; для второго — окраинные районы на водоразделах по Онеге, в Прионежье, по Пинеге, Тойме и верхней Сухоне.

Вероятным выражением славяно-финно-угорского симбиоза являлись сложившиеся в конце XII–XIII в. группы довольно независимого и относительно самостоятельного населения (упоминаемые в летописях «двиняне», «важане», «пинегжане», «вычегжане» и др.), изначально тяготевшие к Ростову. Их формирование определялось синтезом аборигенных групп с пришельцами из верхневолжских земель, в составе которых были как славяне, так и неславянские элементы.

По наблюдениям В. Я. Дерягина и Л. П. Комягиной, основанных на изучении исторической лексики северных диалектов, по крайней мере с XV в. может быть прослежена отчетливая диалектная граница, проходящая по водоразделу Онеги и Двины. В то время как диалекты бассейна Онеги тесно связаны с Северо-Западом, двинские и важские изоглоссы находят продолжение в южных и юго-восточных районах. «В конечном счете это объясняется, видимо, тем, что русские пришли на Вагу и Двину в основном из района Верхнего Поволжья». Отмеченная граница совпадает с зонами распространения ильменско-беломорского антропологического типа, сложившегося в ходе массовой новгородской колонизации, и верхневолжского, связанного с «низовским» направлением колонизации.

Таким образом, к XV в. на значительной территории Заволочья преобладал верхневолжский (владимиро-московский) массив населения, новгородские же следы малозаметны. Начало этого явления связано с последствиями монголо-татарского вторжения в верхневолжские княжества, вызвавшего отток на север широких крестьянских масс и передвижку туда мелких княжеских родов. Результатом «низовского» движения явилось оформление во второй половине — конце XIII в. области Ростовщины на Среднем и частично Нижнем Подвинье, дополненной в XIV–XV вв. вновь возникающими «ростовщинами». Направление колонизации способствовало ускоренным темпам ассимиляционного процесса. На такую мысль наталкиваются некоторые данные антропологии. М. В. Витовым выделен онежский антропологический тип, связываемый им с финно-угорским субстратом и отмеченный в обширной полосе от Онежского озера до Мезени. Этот финно-угорский

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

по происхождению тип топографически не коррелируется с ильменско-белозерским, но зато образует отчетливую взаимосвязь с носителями верхневолжского антропологического типа.

Рассмотренная выше грамота о покупке Шенкурского погоста фиксирует проживание чуди в среднем Поважье в начале XIV в. О чуди того же района повествует и Житие Варлаама Важского (умер в 1467 г.), составленное в конце XVI в. В беломорских грамотах XVI в. содержатся данные об особом поборе — «чудском постое», который взимался властями с местного населения на пути проезда из охотничьих угодий чуди в Новые Холмогоры (Архангельск). В рукописи Ричарда Джемса 1618–1620 гг. упоминается народ «чуди» около Холмогор, «издревле так называемый, который говорил на языке, отличном от самоедов и лопарей; теперь там больше не находится».

Известия о чуди содержатся и в ряде житийных списков, повествующих о событиях конца XIII–XIV в., которые приурочены к местностям между Онежским озером и р. Онегой. К району Водлозера (по А. И. Попову) или, возможно, нижнему течению Двины (по Н. А. Мещерскому) относится «запись о мехах» новгородской берестяной грамоты № 2, датируемой рубежом XIV–XV вв., с перечнем местных прибалтийско-финских имен; в последних Попов усматривает отражение какого-то исчезнувшего чудского диалекта. Являлось ли это более западное население ответвлением древней веси, как это доказывает В. В. Пименов, или же здесь могли проживать иные, впоследствии ассимилированные финские группировки — судить, не имея об этом достаточных свидетельств, не беремся.

Процесс межэтнических контактов, начавшийся еще в домонгольский период, активизировался в Заволочье во второй половине XIII–XIV в., когда Важская область и прилегающие земли стали объектом крестьянской колонизации. Вместе с тем разреженность местного населения, рассеянность на больших пространствах и особенности его экономического уклада способствовали длительному сохранению финно-угорских общин, Заволочская чудь, по заключению М. В. Витова, была в значительной степени ассимилирована к XVI–XVII вв., «хотя отдельные островки этой загадочной этнической группы (которая, скорее всего, не была единой) сохранились до XIX в. Это подразумевает включение определенного местного компонента в состав как средневековой русской народности, так и северных великорусов.

<...>

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ЭТИМОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИИ ГРУППОВЫХ ЭТНОНИМОВ*

(с сокращениями)

К о к ш а р а — К о к ш е н ь г а. ... Слово «кокшара» не есть производное от гидронима Кокшеньга, иначе бы этноним был образован с помощью обычных для северных антропонимов суффиксов «к» — *вельски* или «ян/ан» — *пучужана*. Между тем этот этноним, по письменным источникам достаточно древний, приведен в грамоте XV в. (1453 г.) в написании, не производимом от топонима Кокшеньга: «Князь Иван... город К о к ш е н ь г с к и й взял и к о к ш а р о в секл множество» (разрядка моя. — *Т. Б.*). Е. К. Огородников отождествлял Кокшенский город с Ракуло-Кокшеньгским погостом, из чего как бы явствует, что кокшарами названы его жители. Я принимаю мнение ученого в качестве отправного пункта рассуждений, ибо «городом» в то время мог быть назван только погост, которого вниз по реке до устья не было, и поселения начинались от него вверх по течению. Следовательно, речь идет, видимо, о населении определенного участка нижней Кокшеньги.

Термины «кокшара» и «Кокшеньга» — несомненно нерусского происхождения[1], но поскольку впервые они появляются в русской письменной традиции, т. е. достаточно давно вошли в русскую языковую систему, я произвожу анализ с позиции возможных путей их русского освоения.

К о к ш а р а. В «Словаре русских народных говоров» слова «кокша» нет, но есть родственные образования с корнем «кок/кук»: *кокýй* — «трава/растение (упоминаемая в знахарских рукописях без указ. места)» и *кýкша*, со ссылкой на Подвысоцкого, где слово означает «ятрышник широколистный» (и хищную птицу неизвестного вида). Этнограф Т. А. Воронина, несколько лет назад собирав-

---

* Печатается по кн.: *Бернштам Т. А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. СПб., 1995.

[1] Слово *кóкша* широко распространено на юге Карелии (*Евсеев В. Я.* Проблема летописной мери в свете фольклора прибалтийско-финских народов // Происхождение марийского народа: Материалы науч. сес., проведен. Мар. НИИ яз., лит. и истории 23–25/XII 1965 г. Йошкар-Ола, 1967. С. 152).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

шая на Вологодчине материал по народной пище, записала в Тотемском районе название *кокша* в значении «головки клевера» (см. ее статью в сборнике: Русский Север. СПб., 1992). В. И. Даль под собирательным понятием «клевер» приводит несколько разновидностей, среди которых названы: *кашка* — дикий/черный хмель и *кашкáра* — заросли черногрива, именуемого в народе «пьяной травой».

Общая этимология слов «кокша—кашка» (растение одного вида — клевер) говорит об их параллелизме — одновременном функционировании разных номинаций одного объекта; при этом вторая форма выглядит разговорной (практической) транскрипцией первой, с некоторым изменением ее фонетического облика (переогласовкой). Если «кокша» — исконно нерусское слово (карельское?), то о древности включения субстрата в русский язык свидетельствует его длительная жизнь в нем: от времени новгородских берестяных грамот, в одной из которых есть запись «а в кокше», до современной севернорусской растительной номенклатуры.

Единая этимология и собирательность морфем «кокша-кашка-кашкара» позволяет присоединить к ним и слово «кокшара», по образцу которого, возможно, и возникло русское суффиксное образование «кашкара». Лексемы «кокша» в древнерусской письменности употребляются как топогидронимы: новгородское понятие в кокше означает указание местности, а топоним Кошкара (=Коскара) — одно из владений (земля или река) Ивана Владимировича Ростовского на нижней Ваге... Допустим, что оба древнерусских топонима этимологизируются как «растительные», говорящие о характерном признаке местности — зарослях дикого хмеля (черногрива). Тогда этимологию нижневажского топонима Кошкара можно приложить и к нижнекокшеньгскому владению того же князя, чему в свою очередь есть природные основания: между Ракуло-Кокшеньгским погостом и правобережным притоком Кулоя Сельменгой на карте начала XX в. отмечена озерно-болотистая местность с двумя гидронимами, явно отражающими ее растительную специфику, в частности — хмелевые заросли: озеро-болото Черное и р. Хмелева, вытекающая или впадающая в него... Несомненно, что эти русские гидронимы — калька каких-то субстратных форм. Название «Хмелева» может быть прямым переводом лексемы типа «кокшара-кошкара», ее, таким образом, здесь перекрывшим, в отличие от нижневажского топонима — некалькированного, а потому сохранившегося в более архаической передаче. Следуя логике рас-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

суждений, я предполагаю, что и насельники обеих сходных в природном отношении локальных вотчин ростовского князя именовались одинаковыми топоэтнонимами, что отчасти подтверждается и поздними этнографическими данными: нижневажский экзоним *ко(а)скаряна* — суффиксное производное от «ко(а)шкара»..., а следовательно, по нашей версии, — от «кокшара».

Невозможно доказать, какую функцию исполнял этноним «кокшара» применительно к жителям Ракульско-Кокшеньгского погоста XV в. — эндонима или экзонима. Полевое обследование скорее говорит в пользу первого: напомню, что жители нижнего-среднего течения Кокшеньга сами себя никак не выделяли, слобожана объединяли их с населением нижней-средней Устьи в «усьян». Более или менее выраженная функция этнонима как самоназвания появлялась в поселениях верхнего бассейна реки, примерно со Спасских волостей..., и, судя по мнению местной интеллигенции XIX в. (Едемский и др.), восходила к древнему «новгородско-чудскому» прошлому. Возникает предположение: не зародился ли автоэтноним «кокшара» в Верхнекокшеньгском бассейне и впоследствии как бы «спустился» вниз по реке в виде экзонима? Положительное решение вопроса допустило бы идентичность «хмельной» этимологии этнонима в его обеих функциях на одном речном пространстве — эндонима (Верх) и экзонима (Низ). Обратимся к историко-этнографическим данным.

К XVI в. хмелеводство в верхококшеньгских волостях не просто представляло развитую земледельческую отрасль, но являлось специфической чертой местного хозяйствования, на ранних этапах «русского» заселения несомненно отличавшей пришлых жителей от ближайших соседей. Этот хозяйственный признак имел в социально-культурной жизни населения не только профанное — практическое, но и сакральное значение, на что указывает такой важный факт, как наличие «мотива хмеля» в легенде об атаманах-первопоселенцах края...: к одному из них — Силе возводится род хмелеводов Силиных, фигурирующих в хозяйственных актах XVI–XVII вв. Легендарная связь первопоселения с главным хозяйственным занятием говорит о придании локусу высшего смысла: реализация связи его природного назначения с культурным освоением. Сакральное значение хмеля в более «чистом» виде проявлялось в изготовлении из него пива для праздников, которые, напомню, носили название «пивные (= хмельные)». По мере социализации этнонима основной мотив его номинации, как это обычно

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

происходит, был переосмыслен соседями в нравственном аспекте и способствовал появлению сторонней негативной оценки его носителей. Так, в XIX в. население ближнего Посухонья приписывало кокшарам буйный, дерзкий и грубый нрав, что в сочетании с их атаманским прошлым этимологизировало этноним как «разбойник во хмелю».

Таким образом, содержание и эволюция этнонима «кокшара» в русском восприятии термина позволяет перевести его первичное значение понятием х м е л е в о д ы.

Этот вывод, естественно, не снимает проблемы исходно иноэтничной мотивации социосакрального происхождения и содержания этнонима, а также переходных межэтнических модификаций и этимологизаций. Предпринятые мною попытки выявлять родственные лексемы «кокшара» формы в языках этносов, предки которых до русских и вместе с ними заселяли Двинско-Важский бассейн, привели меня к убеждению, что процессы развития «живого» языка, а тем более его архаические мировоззренческие стадии, невозможно интерпретировать без учета психологического фактора. Строгий языковедческий анализ дает нам материал для выяснения процесса происхождения природно-социальных номинаций, но не решает проблему их символической духовной мотивации. Поэтому я ограничусь некоторыми соображениями о возможных нерусских аспектах протоэтнонима «кокшара» и его гидронимического «антипода» Кокшеньга.

О самом «темном» этапе, с которым археологи связывают этнически неидентифицирующийся местный пласт, говорить не приходится. За древний иноэтнический приоритет в севернорусской топогидронимии, отражающий так называемый «чудской» период заселения, главная борьба развернулась между сторонниками пермского и прибалтийско-финского языковых субстратов. На этом фоне недостаточное внимание уделяется компонентам поволжской языковой системы в объеме не только финно-угорских, но и тюркских языков, которые могли появиться на Севере до областных переселений из древнерусских центров Верхней Волги.

Лексикологические изыскания в марийском и чувашском языках показывают несомненное участие их носителей в формировании севернорусской топонимики, а следовательно, и топоэтнонимии, что нельзя с определенностью отнести только ко времени послевепсской колонизации... В упомянутых языках я обнаружила ряд родственных русским форм. Во-первых, — *кокша/кукшо/кӱкшӧ*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

(мар.), *кукша* (чув.), отсутствующие, к примеру, в прибалтийско-финских языках; во-вторых, — практически тождественную гидрониму Кокшеньга марийскую лексему *кокшанаш* и близкую звуковую аналогию севернорусскому гидрониму Кокшарка (речка в Тотемском крае) в чувашском слове *кукрашк/а*. При этом семантика марийско-чувашских слов кокша/кукша и марийского производного кокшанаш та же, что и первой основы составного гидронима Кокшеньга *(kok/kyk.* — фин., кар.; *kukkaz* — вепс.) — «возвышенность/высокий». Этимологию чувашского слова кукрашк/а («извив», «изогнутый») допустимо привлечь для реконструкции одного из природных мотивов, заложенных в гидрониме, — «извилистая река», чему характер верхнего течения Кокшеньги дает самые непосредственные основания. И наконец, следует учесть влияние гидронимов Большая и Малая К о к ш а г а в Ветлужском бассейне, которые, так же как и Кокшарка (Кукрашка?), вполне могли быть перенесены на север финнами (мари, мордва) или тюрками (чуваши) (ср. старое название г. Котельнич — К о к ш а р о в). Не исключено, что каждый из гидронимов появился в разных концах (частях) реки и один был вначале названием В е р х а — К о к ш а р (к) а, а другой Н и з а — К о к ш а г а. Ведь не случайно много веков спустя верховые кокшара все еще воспринимали «край Кокшеньгу» (Низ) как чужой...

Не менее трудно исследовать прибалтийско-финский этап в этимологии гидронима Кокшеньга. В этом случае необходимо учитывать самостоятельность двух основ лексемы: обе они встречаются в исследуемом ареале в качестве гидронимов.

Есть некоторые основания предполагать, что слово «кок» возникло вначале как обозначение низовой части р. Устьи, точнее ее микроландшафт в месте впадения Кокшеньги — возвышенности. Эти основания видятся мне в современном представлении приустинских слобожан о проживании «настоящих усьян»: «Там, за К о к ш е н ь г у»... Не подразумевается ли в понятии «за Кокшеньгу» местность под названием Каменная гора, а не р. Кокшеньга? Возникнув как топоним, название могло распространиться на реку, протекающую вдоль возвышенности, но до известного рубежа; возможным его реликтом является гидроним в правобережном бассейне Средней Кокшеньги — р. Кокуй...

Лексема «шень» ни в каком топонимическом виде в поздних картах по Кокшеньге не прослеживается. Есть одна зацепка, с помощью которой я осмеливаюсь предложить гипотезу об уча-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

стии антропонима в номинации реки (такой процесс языковедам известен)... Слово «черная», судя по одноименному названию притока р. Шенъги, является русским переводом термина «шень» *(га* — река, фин.). Вспомним, что современные ваганы под названием «шень» подразумевают потомков чуди; с точки зрения «культурных» людей, антропоним «шень» этимологизируется как «дикие, лесные=черные» жители. Этимология имеет древние обоснования, так как местности с названиями Шеньга или Едма (Едома, Емца) уже в XIV–XV вв. обозначали отдельные лесные угодья, пустоши, выгоны для скота, т. е. дикие, глухие, лесные и часто — возвышенные места. Впоследствии многие из них переводились в русский топоним «пастбище», от которого получили названия типа Пасьва русские поселения в Шеньге или Едоме. Таким образом, можно предположить, что верхний бассейн Кокшеньги как единая местность обозначался низовыми носителями гидронима Кок по племени, ее населяющему, — Шеньга с этимологией «Черная река» или «чудской край» (вар.: дикий, лесной = черный). Слияние двух названий произошло в результате «воссоединения» Низа и Верха, что, по всей вероятности, совершилось в ходе равномерного заселения реки, но достаточно поздно, ибо этнонима типа «кокшенгски» так и не образовалось (или он до нас не дошел).

Совокупность «Кокшеньга» можно этимологизировать как «возвышенность и лесистая речная местность». Но поскольку в природном отношении отдельные речные участки сильно различаются, включая и рельеф берегов, то наверняка существовали какие-то их локальные характеристики, отмечающие особенности данной местности. В этом отношении хотелось бы вернуться к названиям *кок-кокша(н)га(ш),* в прямых и переносных значениях которых заложена природно-сакральная оценка низовой части реки: «каменистое, голое место, негодное для поселения» или «Лысая гора», если использовать одно из значений слова *кокшанаш* — «лысеть, лысый». Поэтому этнонима «кокшенгски» не могло возникнуть и в этом случае, поскольку данная местность и с к л ю ч а л а с ь из сферы человеческого житья и хозяйствования.

У с ь я н а / у с ь я к и. Этот этноним более непосредственно связывается с гидронимом, тем более что последний в письменных и картографических памятниках прошлого приводился в двух лексических формах — Устиа (Устья) и Усья. Поэтому есть смысл начать с возможной истории происхождения гидронима.

Поскольку Средне-Верхнеустинский бассейн был областью осво-

ения верхневолжских князей, то имеются основания предполагать перенос на северную реку гидронима Ростовской земли — Устье... Однако независимо от того, произошел ли гидроним вследствие переноса его с земли исхода или самостоятельно, чрезвычайно любопытен факт редкого в верхневолжской и севернорусской гидронимии появления русской лексемы в качестве наименования большой реки (русские микрогидронимы — не редкость). При этом русская номинация предстает древним явлением как в Верхневолжском, так и в Подвинском бассейнах, к чему должны были существовать какие-то особые мотивы. Попробуем к ним «пробиться», благо русское слово позволяет начать анализ с его семантики.

В понятии «река» слово «устье» имеет два значения: одно, наиболее нами употребляемое, но вторичное по происхождению — «место впадения» (от устия-уста), другое — более «народное» (первичное?) — «исток» (*Даль*, IV, с. 514). Судя по всему, северный гидроним содержал второе значение, так как освоение Устьинского бассейна началось с его верховий-истоков: клад у д. Алферовская, ростовщина Феодора Андреевича, включавшая верховья Кодимы, Юмижа и участки Устьи, находящиеся в Двинско-Важском водоразделе. В последнем начинались многие истоки, видимо, названные словом «устье», если судить по именованию самой Устьи, а также по рудименту названия верхнего течения р. Юмиж, представленного на картах XVIII–XX вв. в вариантах названий — Сюми(а)ж (Молчанов), Устимеж и т. п.; в форме Устимиш оно бытует у современного среднедвинского населения (№ 1665, л. 57).

В народной этимологии понятия «исток» для переселенцев самым актуальным было значение начала/пути-движения. С этой точки зрения русский гидроним Устья(е) включается в разряд водно-волоковых гидронимов, преимущественно финно-угорского происхождения, но имеющих и славянские параллели. В финно-угорской гидронимии наиболее часты термины в форме *-ук(т)-*, *-ух(т)-*, *-уф(т)-*, *-ох(т)-* и т. п.; самым распространенным образованием подобного типа является Уфтюга, этимология которой как «путь-направление» можно интерпретировать, исходя из финского *johtu-johto* с семантикой «ведущая, направляющая (переводящая). В районе верхнеустинского бассейна я нашла три гидронима, совокупность которых можно рассматривать как пример последовательной русификации финской лексемы «Уфтюга» с сохранением ее этимологии. Первый гидроним — Уфтюга — приток Сухоны, соединяющийся с Устьей волоком у д. Алферовская; второй — пра-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

вый приток Устьи — Утюкса (большой Утюкс), впадающая в нее несколько ниже Алферовской, и третий — сама Устья...

По мере заселения Двинско-Важского бассейна этимология Устьи, я полагаю, «насытилась» и за счет ее функции «дороги» в масштабе всего ареала (и значительно шире), и в силу «сакральности» Устьинского Верха (Бестужево — источник Прокопия). Однако главным оставалось первичное значение Устьи как «начала пути»; первичность доказывается и привязкой экзонима «усьяна» к Верху до сих пор. По причине большой протяженности реки и разобщенности ее населения этноним, как мы видели, по-разному понимался разными локальными сообществами. С позиции Низа (слобожана) Устьинский Верх считался «диким», хотя и богатым краем, а усьяна были более известны под соответствующими прозвищами «лапотники», «нищие», «колдуны». На Верху же существовала своя микро-топоэтнонимия, по которой Бестужево называли *русь*, а его жителей — *русяна*, противопоставляя их окрестному населению — *нерусянам*[2].

Это противопоставление выводит на характерную для таежного Севера природно-культурную оппозицию чудь — русь, не потерявшую актуальность до настоящего времени. Приведу два примера. В начале XX в. И. Калинин записал в Шелексе (Обонежье) разъяснение жителей относительно своей «просвещенности»: «Раньше у нас была чуть — дикость, а теперь стала русь» (разрядка моя. — *Т. Б.*); «Вырусеть, — пишет Калинин, — по-местному означает просветиться, получить кое-какое образование: Шелекса, например, вырусела после того, как ее соединили хорошей грунтовой дорогой с железнодорожной станцией» В книге Ф. А. Абрамова «Братья и сестры» между Варварой и Лукашиным в лесной пожне (сенокосный участок) происходит такой диалог «Что, комарики кусают? (спрашивает Варвара. — *Т. Б.*) ... Известное дело, здесь не на руси. — Не на Руси? (Лукашин. — *Т. Б.*). — Варвара удивилась: чего тут непонятного? — У нас русью-то домашнее называют. А здесь, в сузёме[3], какая уж русь...» (разрядка моя. — *Т. Б.*).

В формировании понятия «Русь» на Устьинском Верху и его «культурного» содержания, я полагаю, первостепенную роль сыг-

[2]В современной записи *Мильчика, Ушакова*... зафиксировано, по-видимому, фонетическое изменение онима — Усь(я) на Русь с последующей сменой мотивировки и этимологии понятия.

[3]Сузём (сев.) — глухой, сплошной, дремучий лес; дорог и езды в сузёме нет (*Даль*. IV. С. 357).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

рал религиозный фактор, благодаря которому Бестужево развилось в христианский центр со своим покровителем (Прокопий Устьянский) и в место паломничества локально-регионального значения. Однако эта роль как бы не получила полного признания в «городском» Низу, ибо местное население акцентировало внимание на «дикости» Верха.

Ваганы. В средневековых письменных источниках XV в. неоднократно встречается этноним *важаны,* который, скорее всего, относился к населению Верховажского бассейна. По-видимому, в верхнем течении река имела прежде название Важе(га) или Воже(га) по своему истоку и озеру Важе/Воже, из которого она брала начало. В среднерусских говорах слово *вага,* явно производное от «важе-га», заимствовало и ряд его значений природного порядка: русло реки, ива по берегам реки. Поэтому первичную этимологию этнонимов «важаны/ваганы» можно предположительно раскрыть так: «жители реки с зарослями ивы». Когда и как возник гидроним Вага и произошло его распространение на всю реку, нам опять-таки неизвестно, но, по аналогии с различиями в обозначении Верха и Низа одной реки, обычно после впадения (слияния) крупных притоков[4], думаю, что вначале гидроним Вага относился к среднему-нижнему течению, вниз от рр. Вель или Устья, а затем, вследствие развития хозяйственного значения нижней Ваги как судоходной и сплавной реки, ее название стало общим.

О бытовании этнонима *ваган/ы* и его этимологии в локально-региональном масштабе..., его широкого значения следует напомнить, что в отдельных районах Севера, к примеру в Поморье, термином «ваган» называли выходца из Архангельской губ. (а не только Шенкурского у.). В севернорусской этимологии понятие «ваган» употреблялось помимо этнонима в древнерусском смысле «лентяй», обозначая в быту человека нерасторопного, занятого бесполезным делом; в Кольском диалекте слово *ваганить* означало «неумело делать что-либо». Эта негативная нравственная оценка наложилась на этноним и способствовала его отождествлению со словом *арáушко,* означавшим, как и ваган, члена артели сплавщиков, но с эпитетами «неопрятный», «ленивый», «глуповатый».

Старый этноним «важаны» в позднее время практически не употреблялся, разве только в литературе... Жители Верховажья, как говорилось, называли себя и именовались со стороны микротопо-

[4]Разные названия имели, например, Верх и Низ Волги и Сухоны...

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

нимами или прозвищами.

Итак, возникновение и эволюцию групповых локальных номинаций (терминов) можно обобщить следующим образом.

В основе возникновения и функционирования локальных общностей любого этнического состава и масштаба лежат представления о сакрально-природном предназначении пространства для жизнедеятельности социума. Поэтому все номинации начинались с микротопоэтнонимов, маркирующих сообщества по конкретным местам их расселения, прежде всего, как выяснилось, в понятиях Верха и Низа. В природно-географическом названии, становившемся автоэтнонимом, была заложена качественная — нравственная оценка местности, отмечавшая ее пользу для человека. Топоэтноним объединял локус и группу в профанно-сакрализованную природно-культурную единицу — «свой мир». Поскольку космоприродные свойства земной поверхности далеко не равнозначны, постольку их сакральная/духовная «стоимость» выражалась в дифференцированной ценностной системе, на локальном уровне формирующей сложную структуру связей внутри «своего мира» и между ним и «чужими».

Социально-экономическое развитие, расширяя мирские и хозяйственные связи, расширяло и сферу действия того этнонима, который мог служить природно-хозяйственным ориентиром крупного масштаба: либо имевшегося в наличии («кокшара»), либо созданного заново («ваганы»). Природно-космические локальные функции этнонима при этом обычно нарушались, он терял свой сокровенный смысл экзонима для первичных носителей и приобретал более социальный сторонний характер эндонима («кокшара», «усьяна»). В последнем же на первый план выходила нравственная этимология, развивавшая негативный признак в оппозиции свой—чужой или мы—они: обе группы оппозиции всегда оценивали друг друга отрицательно. В социально(природно)-мировоззренческой оппозиции Верх—Низ побеждает более «профанизированный» Низ[5].

Локальные групповые оценки и критерии самовыделения — противопоставления в основном совпадают с этническими/национальными. Так, проведенный в середине 70-х годов XX в. опрос

[5]В эволюции взаимоотношений Верх—Низ возникла уравновешивающая их середина в обозначении местности, расположенной между ними, — Серетье, Срединное и т. п. Я полагаю, что в «середине» происходило и формирование объединительных тенденций в групповом сознании, и зарождение групповых номинаций. Но этот вопрос требует дополнительного исследования.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

среди карел и вепсов об оценке своей этнической принадлежности и отличия от других показал следующую картину. В числе факторов этнической идентификации представители обоих народов назвали язык, родную землю, происхождение, чувство близости и общие обычаи; в качестве отличительных признаков — язык, внешний вид, черты характера (о своих говорили исключительно положительно: трудолюбивы, гостеприимны, скромны, честны), вепсы добавили особенности поведения и элементы материальной культуры.

В традиционном обществе локальная отчужденность, характерная для повседневного бытия, снималась культовыми признаками, имевшими межлокальное значение. Христианство способствовало сильным положительным сдвигам в преодолении «локальной проблемы», но выполнить свою духовную объединительную миссию на том историческом этапе не успело.

И. И. Муллонен

«СВЯТЫЕ» ГИДРОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ВЕПССКО-РУССКОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ*

Карелия и смежные с ней районы Российского Северо-Запада — благодатный регион для исследования взаимодействия топосистем разных языков, поскольку прибалтийско-финско-русское этноязыковое контактирование, с одной стороны, имеет здесь древние исторические корни, с другой — представляет собой живой процесс в ареалах современного расселения вепсов и карел. Ниже на примере усвоения русской топонимией прибалтийско-финских — вепсских и карельских гидронимов с основой pühä- 'святой' мы попытаемся показать, что механизм контактирования прибалтийско-финской и русской топосистем, особенности адаптации моделей обусловлены целым рядом и языковых (в том числе ономастических), и внелингвистических факторов. Выбор гидронимов с основой pühä- вызван еще и тем, что эта топооснова обладает большим этноисторическим потенциалом.

Вначале приведем список географических названий, послуживших материалом для анализа. Он составлен на основе полевых данных, картографических источников, справочной литературы (см. карту):

* Печатается по кн.: *Ономастика* Карелии. Петрозаводск, 1995.

1 — гидронимы с основой pühä-, свят-, пиг-/пих-
2 — границы древних новгородских погостов и пятин

— р. *Пюхяёки* и оз. *Пюхялрви* (бассейн р. Шуя);
— оз. *Pühäd'ärvi* — рус. *Святозеро;* р. *Pühäd'ogi* — рус. *Святрека* (бассейн р. Шуя);
— оз. *Pühäd'ärvi* — рус. *Пигозеро* (бассейн р. Олонки);
— р. *Pühäd'ogi* — рус. *Святуха,* на картах начала XIX в. р. Пида (бассейн р. Важинки);

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

— р. *Святуха,* в материалах XVI в. Святая речка; оз. *Святозеро* (бассейн р. Свири);

— оз. *Святуха,* представляющее собой залив Онежского озера (Заонежский полуостров);

— оз. *Светозеро* (бассейн р. Выг);

— оз. *Святозеро* в истоках р. Кумбасы (бассейн р. Водла);

— оз. *Святое* или *Святозеро* в истоках р. Пизьмы (бассейн р. Водла);

— оз. *Пихозеро* и руч. *Пихручей* на р. Поршта (бассейн р. Водла);

— оз. *Pühär'* или *Pühälaht* — рус. *Постное* или *Пигозеро,* представляющее собой восточную часть (залив) (ср. вепс, **laht** 'залив') оз. *Шимозера* (Онежско-Белозерский водораздел);

— оз. *Pihar'* — рус. *Пигозеро* или оз. *Святозеро,* на картах XVIII в. оз. Пюх; р. *Святозерка* (бассейн р. Лидь);

— оз. Pühäjärv — рус. *Святозеро* (бассейн р. Суды);

— оз. *Святозеро* (бассейн р. Киуйка в Белозерье);

— оз. *Святозеро* (бассейн р. Шолы в Белозерье).

Есть основания предполагать, что наш список может быть дополнен данными территории Архангельской области, где в бассейнах рек Онеги и Двины известен целый ряд озер с названиями *Святозеро* и *Святое* (см., к примеру, материал И. А. Летовой — Летова 1988). Наряду с русскими истоками для некоторых из них не исключены и прибалтийско-финские. На это указывает косвенным образом хотя бы двуосновная модель (Свят/озеро), спровоцированная прибалтийско-финским оригиналом. К сожалению, отсутствие в нашем распоряжении данных по точной локализации гидронимов с основой **свят-** в бассейнах Онеги и Двины не дает возможности нанести их на нашу карту. Тем не менее отмеченный на ней ареал прибалтийско-финских гидронимов с основой **pühä-** и их русских эквивалентов, очевидно, продолжается на восток, в Заволочье.

Из приведенного списка явствует, что прибалтийско-финская гидрооснова **pühä-** передается на русский язык по-разному. С одной стороны, происходит ее фонетическое усвоение (ср. *Пигозеро, Пихозеро*), а с другой — перевод. При этом в переводах превалирует семантика 'святой' *(Святозеро,* р. *Святуха),* хотя отмечен по крайней мере один случай, когда в переводе присутствует основа **пост-** (оз. *Постное).* Чем же вызвано наличие разных русских вариантов? Видимо, за ним стоят непростые этноязыковые процессы,

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

которые, к тому же, должны рассматриваться в контексте ономастических закономерностей.

Начнем с того, что в восточных прибалтийско-финских языках — карельском, вепсском, ижорском — семантика 'святой', присущая прибалтийско-финскому слову pühä, под воздействием православной традиции (в которой святое, или праздничное, время сопряжено с постом) отошла на задний план, а вперед выдвинулось значение 'пост', оно и воплотилось в шимозерском гидрониме Постное. Местные жители связывают происхождение данного названия с отсутствием рыбы в восточной части Шимозера. Реальные основы топонима, видимо, в другом. Он входит в обширный вепсско-карельский ареал гидронимов с основой **pühä-**, причем в русских переводах превалирует не семантика 'пост', а семантика 'святой': оз. *Pühäjärv* > *Святозеро*, р. *Pühäd'ogi* > *Святуха* и др. Предпочтение, отдаваемое семантике 'святой', связано, возможно, со временем русского усвоения большинства прибалтийско-финских гидронимов с основой **pühä-**: оно произошло еще в период господства именно этого значения у слова **pühä** в восточных прибалтийско-финских языках. Кроме того, факт передачи прибалтийско-финской модели *Pühäjärv* через *Святозеро* или *Святое озеро* дает основание реконструировать прибалтийско-финский оригинал и для некоторых из тех «святых» гидронимов на Русском Севере, прибалтийско-финский оригинал которых не сохранился. Дополнительным критерием в пользу их переводного характера является упоминавшаяся уже выше двуосновная модель: *Свят/озеро, Свят/река,* а также то, что они бытуют в окружении субстратной гидронимии.

Имеется и еще одно весьма существенное обоснование прибалтийско-финских истоков по крайней мере тех русскоязычных «святых» (т. е. с основой **свят-** в названии) озер, рек и ручьев, которые приведены в нашем списке. Всем им присуща географическая особенность, отмеченная у финских и эстонских гидронимов с основой **pühä-**. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними (замыкающими) в цепи озер, ручьев и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. Можно добавить, что на берегах «святых» озер и рек чаще всего отсутствуют, а судя по историческим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные «святые» гидронимы отмечены к тому же обычно в стороне от важных водно-волоковых путей. Чем обусловлены такие особенности? Видимо, причина заключа-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ется в древней семантике прибалтийско-финской лексемы **pühä**. Предполагают, что ее религиозно-магическое значение «святой» не изначально, а развивалось из более ранней семантики 'изгородь, ограда, граница' через значение 'выделенное для религиозных целей место' (Хакулинен 1955: 87). Аналогичного мнения придерживается В. Анттонен (Anttonen 1994: 27), который подчеркивает, что древнее германское заимствование **pühä** бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании). Кроме того, этимологический словарь финского языка (SKES) приводит финские диалектные и старописьменные примеры производных от основы **pyhä-**[1], в них сохранилось древнее значение 'огородить, отлепить, выделить'. Географическая характеристика упомянутых здесь гидронимов с основой **pühä-** свидетельствует, как нам представляется, о реальном существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексемы. Возможность именно такой интерпретации гидронимной основы **pyhä-** в эстонской топонимии не отрицал в свое время Л. Кеттунен (1955: 249), а финский историк С. Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой **pyhä-** привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам (Suvanto 1972: 54). Очевидно, сходная ситуация была и на Российском Северо-Западе. И здесь «святые» гидронимы могли отмечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками. Помимо географического положения «святых» озер и рек, это подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов.

Погосты представляли собой административные округа в составе Новгородской земли. Их начальная история в Юго-Восточном Приладожье и Обонежье не ясна, так как письменные сведения об этой территории появляются лишь с конца XII–XIII в., а первые подробные описания территории погостов относятся к XV в. По этим материалам в свое время была составлена карта погостов..., которая оказалась достаточно убедительной в плане географической характеристики «святых» гидрообъектов. Наложение карты погостов на карту размещения «святых» гидронимов свидетельствует о том, что многие из последних привязаны как раз к границам по-

[1] Разное написание лексемы (pühä/pühä) отражает традиции орфографии, принятые, с одной стороны, в карельском и вепсском (puhä), с другой — в финском и эстонском (pyhä) языках.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

гостов. В качестве примера можно привести Важенский погост, в границах которого встречаются три «святых» озера и одна река: на севере оз. *Pühäd'ärvi* — рус. *Святозеро,* входящее в бассейн р. Шуи; на юго-западе граница, разделяющая Важенский и Олонецкий погосты, проходит в месте расположения оз. *Pühädärvi* — рус. *Пигозеро,* составной части бассейна р. Олонки; на южной границе, между Важенским и Веницким погостами, расположено оз. *Святозеро,* из него вытекает р. Святуха, впадающая в Свирь; наконец, на восточной границе Важенского погоста, отделяющего его от территории Остречинского погоста, находятся верховья р. *Pühäd'ogi* — рус. *Святуха,* впадающей в р. Важенку. На Заонежском полуострове оз. *Святуха* — залив Онежского озера — разделяет Шунгский и Толвуйский погосты. В Пудожье оз. *Святозеро,* входящее в бассейн р. Кумбасы, располагается на границе Обонежской пятины и Заволочья, двух крупных административных единиц Новгородской земли.

На основе приведенного историко-географического факта (целый ряд «святых» гидронимов Российского Северо-Запада привязан к границам средневековых погостов) можно сделать два вывода. Первый — ономастический, постулирующий переводной характер русских гидронимов *Святозеро, Святуха* и т. д. в этом регионе. Расположение рек и озер на древних границах показывает, что в основе их названий лежит прибалтийско-финское слово **pühä**, обозначающее ограду, границу. Второй вывод — исторический.

Подтверждается реальность предположения археологов о том, что границы погостов восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства. Каким временем можно датировать эти местные границы? Судя по письменным источникам, погосты, особенно на востоке территории — в восточном Обонежье, Подвинье, — существовали уже в XII в. Исходя из этого предполагается, что территориальные подразделения местного населения, которые послужили основанием для новгородских погостов, сложились не позднее XI в. (Кочкуркина 1973: 74). XI в. — это, очевидно, наиболее поздняя, верхняя граница. В принципе нет препятствий возводить ее и к более раннему времени, к рубежу тысячелетий и даже к концу I тыс. н. э., как и на территории Эстонии и Финляндии, где гидронимы с основой **pyhä-** 'святой' привязаны к родовым границам железного века.

Русские соответствия типа *Святое озеро, Святуха* отрази-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ли тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского *pühä,* когда первоначальное значение 'ограда, граница' было уже не актуальным, а возобладала семантика 'святой'. Именно она отражена в многочисленных переводных *Святозерах, Святухах* и т. д.

В связи с этим встает один из принципиальных вопросов взаимодействия топосистем — проблема перевода топонимов. В ареале распространения гидронимов с основой **pühä-/свят-** есть сотни местных наименований водных объектов, стабильно передающих по-русски путем фонетического усвоения основы: *Kaidjärv — Кайдозеро* (вепс. kaid 'узкий'); *Ladvjärv — Ладвозеро* (вепс. ladv 'вершина, исток'); *Habjärv — Табозеро* (вепс. hab 'осина'). Почему же основа **pühä-** чаще переводится *(Святозеро),* чем сохраняется *(Пигозеро)?* Проблема в данном случае не в этимологической ясности: речь идет, как показывают примеры, об этимологически прозрачных основах.

Наши исследования гидронимии зоны вепсско-русского контактирования свидетельствуют о том, что, наряду с безусловными случайностями в переводах топооснов, имеются и определенные закономерности. Оказалось, что достаточно последовательно переводятся на русский язык топоосновы с квалитативной семантикой (характеризующие форму, цвет, размер и т. д. объектов), причем и из них лишь некоторые совершенно определенные основы: *Pit'kjärv — Долгозеро, Mustoja — Черный ручей, Värazjärv — Кривозеро* и т. д. Другие семантические типы представлены только единичными примерами: *Haugjarv — Щукозеро* или *Щучье озеро, Heinoja — Сенной ручей.* Видимо, одно из важных условий переводимости прибалтийско-финских атрибутивных топооснов заключается в наличии соответствующей модели в воспринимающейся русской топосистеме данной или смежной территории. Если таковая имеется, то усваиваемый топоним подстраивается под нее, занимает место в готовой ячейке. Если же такой модели наготове нет, то, несмотря на ясную семантику, возможности перевода ограничены.

Основа **свят-** входила, очевидно, в разряд продуктивных русских топонимных элементов. Она отмечена, к примеру, Н. В. Подольской в числе типовых славянских топооснов — прилагательных (Подольская 1983: 152). В. Н. Топоров, анализируя глубинные индоевропейские корни славянского **свят-**, указывает на использование этой основы в балтийских и славянских гидронимах (Топоров 1988: 36). Будучи естественным типовым — русским гидронимным элементом, основа **свят-**, видимо, легко замещала прибалтийско-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

финскую семантически равнозначную основу.

С появлением у лексики **pühä** позднего значения 'пост, постный', оттеснившего на задний план семантику 'святой', связка *Pühäjärv — Святозеро* перестает работать. Что же касается топоосновы «пост(ный)», воплотившейся в единственном известном нам переводе *Pühär' — Постное озеро,* то она явно не входила в число продуктивных русских топонимных элементов. Не с этим ли сопряжено бытование рядом с переводным вариантом Постное озеро и фонетического — Пигозеро и вообще фонетической адаптации топоосновы **pühä- > пиг-**? Примечательно, что все озера с названием *Пигозеро,* за исключением одного, расположенного в Пудожье *Пихозера,* находятся в глуби вепсской территории, вдали от основных путей русской колонизации, т. е. в местах, поздно ощутивших русское воздействие. Пудожские *Пихозеро* и *Пихручей* в действительности могут иметь и другие этимологические истоки, а именно: восходить к *Pihkjärv* (ср. вепс. **pihk** 'густое мелколесье; молодой хвойный лес'), где на стыке двух основ произошло упрощение фонетического состава: *Pihkjärv > Pihjärv > Пихозеро.*

В заключение рассмотрим подробнее ареал распространения гидронимной модели с основой **pühä-** и соответствующими русскими эквивалентами. Он охватывает территорию южной Карелии (перешеек между Ладожским и Онежским озерами), восточную часть Онежско-Ладожско-Белозерского межозерья, восточное Обонежье, распространяясь на восток вплоть до Двины. Такая ареальная характеристика данной гидронимной модели помогает уточнить конкретные этноязыковые истоки и время ее появления на территории Российского Северо-Запада. В самом деле, гидронимный ареал в основном повторяет предлагаемый ареал распространения вепсов на Российском Северо-Западе. Это современная территория расселения вепсов в Межозерье, между Онежским, Ладожским и Белым озерами, это Онежско-Ладожский (Олонецкий) перешеек — территория современного проживания карел-ливвиков и карел-людиков, сформировавшихся в результате продвижения карел в места, занятые до них вепсами. Онежско-Ладожский перешеек, следовательно, бесспорно бывшая вепсская территория. Вся восточная часть ареала — это современные русские районы, однако здесь в языке, культуре, истории сохранилось множество следов, свидетельствующих о прибалтийско-финском — прежде всего вепсском — прошлом. В то же время гидронимной модели нет, по нашим данным, на территории центральной и северной Карелии, освоенной собственно

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

карелами и не испытавшей вепсского воздействия. Отсутствие модели в «карельской» Карелии показательно в плане ее хронологии: гидронимы с основой **pÿhä-** широко известны в северо-западном Приладожье, т. е. там, где формировалась историческая корела, где проходили начальные этапы ее истории (Nissilä 1975: 91). Однако они не были принесены карелами на восток и северо-восток региона карельского освоения. Очевидно, к тому времени, когда начинается экспансия карел на территорию современной Карелии (а это происходит, видимо, с XI–XII вв.), модель *Pyhä/järvi, -joki* уже утрачивает свою продуктивность. Понятно, почему так происходит: к этому времени основная семантика слова **pÿhä** 'граница, ограда', воплотившаяся в гидронимной основе, вытесняется значением 'святой', вероятно, не свойственной прибалтийско-финской гидронимии. Указанные хронологические факты стыкуются со стадиями развития семантики 'святой', свойственной русским переводам (Pühäjärv — Святозеро). Данная модель представлена на территории, испытавшей древнерусское воздействие с XI–XII вв.

Итак, гидронимная модель с основой **pühä-**, видимо, не была характерна для карельской топосистемы периода восточной экспансии. А поэтому ее следы в топонимии Российского Северо-Запада должны быть связаны с более ранней волной прибалтийско-финского расселения — очевидно, с вепсской. Этапы семантического развития слова pühä, закрепившегося в качестве гндронимной основы, свидетельствуют о том, что продвижение вепсской волны на восток должно было произойти не позднее конца I тыс. н. э., т. е. в период изначальной семантики. Древнерусское освоение этой территории застало уже следующий этап в семантическом развитии **pühä** и отразило его в многочисленных переводных Святозерах, Святухах. С дальнейшим изменением семантики слова **pühä** эта гидронимная модель теряет продуктивность.

Заметим, что в прибалтийско-финской ономастике имеется и другой взгляд на истоки происхождения «святых» топонимов, согласно которому последние привязывались к культовым местам населения (ср., например, Мамонтова 1991). Очевидно, нет оснований отвергать такую интерпретацию применительно к наименованиям возвышенностей *(Pühämägi, Pühäselgü)*, мысов *(Pühäniemi)*, островов *(Pühäsuari)*, ручьев *(Pühäoja)* и т. д., где основа **pühä-** достаточно продуктивна и связана чаще всего с тем, что вблизи перечисленных мест располагались церкви, часовни, кресты. Однако гидронимы — названия озер, рек, иногда ручьев (главным образом вы-

текающих из «святых» озер) — отражают, видимо, иной этап, иной уровень номинации. Это подтверждают приведенные выше этноязыковые факты.

<...>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акты	— Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. Л., 1988.
Гейман	— Материалы по истории Карелии XII–XVII вв. Петрозаводск, 1941.
Дозорн. кн.	— Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XV–XVIII вв.: Сб. документов. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.
Мюллер	— Мюллер. Карелия в XVII веке. Петрозаводск, 1948.
Отказ. кн.	— Отказная книга Шуерецкой волости, 1614 г. Рукопись / Сост. В. И. Иванов. Хранится в ЦТАДА. Ф. 281. Грамота Коллегии Экономии, д. 5521.
ПКВП	— Писцовые книги Водской пятины 1539 г., 1568 г. // История Карелии XV–XVII вв.: Сб. документов. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.
ПКОП	— Писцовые книги Обоженской пятины 1496 г., 1563 г. Л., 1930.
СРЯ	— Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–18. М., 1975–1992.
СНЖ 1964	— Словарь названий жителей РСФСР. М., 1967.
СНЖ 1975	— Словарь названий жителей СССР. М., 1975.
СНМ 1873	— Списки населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1873 г. СПб., 1879.
СНМ 1905	— Списки населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907.
СНМ 1926	— Списки населенных мест КАССР по материалам переписи за 1926 г. Петрозаводск, 1928.
СНМ 1933	— Списки населенных мест КАССР (по материалам переписи 1933 г.). Петрозаводск, 1935.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Е. Л. Березович

ФИННО-УГОРСКИЕ МОТИВЫ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ БЕЛОЗЕРЬЯ*

Активные контакты русского и финно-угорского населения на территории Белозерья отразились во многих сферах материальной и духовной культуры, в том числе в фольклоре и ономастике[1]. В настоящих заметках на материале полевых картотек Севернорусской топонимической экспедиции Уральского государственного университета рассматриваются некоторые топонимические предания Белозерья, основанные на финно-угорских фольклорных мотивах.

Объектом анализа стали такие предания, которые мотивируют в сознании информантов[2] соответствующие топонимы (русские по происхождению). Для этих преданий указываются финно-угорские (прибалтийско-финские или саамские) аналоги, являющиеся предлагаемыми источниками заимствования. Не представляется возможным точно определить, какая именно фольклорная традиция (вепсская, карельская, саамская и т. п.) могла быть источником данного предания: во-первых, фольклорные традиции сами по себе очень диффузны; во-вторых, предание трансформируется в ходе адаптации в русской фольклорной среде. Нельзя отрицать также вероятности типологически независимого появления сходных мотивов в устном народном творчестве русского и финно-угорских народов. Однако устойчивость того или иного мотива в финно-угорской традиции (особенно прибалтийско-финской и саамской), отсутствие его в русских фольклорных текстах, зафиксированных на территории, где не было контактов с финно-уграми, позволяют предполагать, что данный мотив является финно-угорским фольклорным заимствованием[3].

---

* Печатается по кн.: *Ономастика* Карелии. Петрозаводск, 1995.

[1] Как показывают труды А. К. Матвеева, Л. А. Субботиной и других исследователей, заимствованная и субстратная топонимия Белозерья интерпретируется из прибалтийско-финских, саамского или близких к ним субстратных языков.

[2] Отметим, что информантам прибалтийско-финские языки незнакомы; в деревнях, где записаны топонимы, в настоящее время носители карельского или вепсского языка не проживают.

[3] Факты заимствования русскими финно-угорских фольклорных мотивов (равно как и заимствования в обратном направлении) отмечались исследователями: ср., напр., статьи Н. А. Криничной, где говорится, в частности, о заимствовании мотива окаменения врагов (Криничная 1979 а, б).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

На границе Каргопольского района Архангельской области и Кирилловского района Вологодской области, в устье р. Свидь, соединяющей оз. Воже и Лача, расположено урочище *Лешева Ноша*. Происхождение этого названия информанты объясняют так: «Леший ладил завалить камнями Свидское устье, да лямки его пестеря оборвались, камни высыпались. Вот там камни и лежат грудой» (Кир., Рыбацкая); «Середи болота груда камней большущая. Леший шел с рюкзаком берестяным, лямки порвались, камни высыпались, потому урочище *Лешевой Ношей* назвали» (Кир., Мережино); «Там место опасное, змей пропасть, каменья — не пройдешь. Леший думал завалить Свидское устье, а лямки у его котомки оборвались, каменье-то насыпалось» (Карг., Кречетово). Ср. аналогичный мотив, объясняющий возникновение курганов, рифов, холмов и т. п., в финских мифологических рассказах: великан (сын Калевы, тролль, хийси, черт и т. п.) носит песок, камни в мешке, фартуке — песок высыпается из мешка, фартук рвется — возникает мель, холм, пригорок (Симонсуури 1991: 163–164).

Интерес представляет название поля *Зычное*, зафиксированное в Вашкинском районе Вологодской области. Его можно соотнести с аппелятивом *зык* 'крик, шум', однако семантически обосновать эту связь весьма трудно: такая номинативная модель нетипична для русских названий земельных угодий. Мотивировку названия дает предание: «Стали поле измерять — оно такой длины, до какого места зык у одного мужика слышен был» (Вашк., Подгорная). Мотив «измерения расстояния с помощью звука» широко распространен в карело-финском фольклоре, напр., сын Калевы (великан, хийси, черт, человек, работник) косит луг — трава ложится до того места, до которого доносится звон косы; сын Калевы валит деревья на пожогу — деревья падают до того места, до которого слышен голос, и т. п. (Симонсуури 1991: 165). Ср. реализацию этого мотива в тексте «Калевалы»:

Он [богатырь Куллерво. — *Е. Б.*] *воткнул топор в колоду*,
Поднял шум большой по лесу,
Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
«Пусть дотуда лес валится,
Лягут стройные березы, —
Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздается!»

(«Калевала», руна 31)

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Вашкинское топонимическое предание, в отличие от карело-финских аналогов, лишено сверхъестественного, волшебного начала, однако сама идея «звукового освоения пространства» весьма специфична, что позволяет видеть в этом предании отражение прибалтийско-финских мотивов.

На территории Каргопольского района Архангельской области, недалеко от границы с Карелией, находится озеро *Поганое*. Его название информанты объясняют так: «Баба какая-то грязные пеленки полоскала, воду опоганила. А вода там сейчас чистая»; «Говорили, что баба там пеленки стирала грязные, воду опоганила» (Карг., Поржало). Показательно отмеченное одним из информантов несоответствие свойств объекта топониму; в топонимии Русского Севера других озер с названием Поганое не встречалось, это наименование характерно для болот с застойной водой, запахом гниения и т. п., ср. оппозитивную пару оз. *Чистое* — бол. *Поганое* (Арх.: Прим., Пушлахта). Возможно, мотивировка каргопольского топонима связана с бытующим у саамов и марийцев мифом о том, что олень-человек Мяндаш (саамы) или сын бога Юмо (марийцы) покидает свою жену из-за того, что она полоскала грязные пеленки ребенка в озере, осквернив тем самым чистую воду (Акоцорин 1990: 539).

Почти на середине Белого озера, в пятнадцати километрах от его северного берега, есть омут *Коровья Яма*. Этот топоним вызывает удивление, потому что, обозначая находящийся далеко от суши объект, он не может отражать реальную связь последнего с животными (другие Коровьи Ямы, весьма часто встречающиеся в севернорусской топонимии, получали свои названия, как правило, из-за того, что в них тонули коровы). Информанты комментируют название так: «Перед штормом из этой ямы коровы выплывали» (Вашк., Тарасьево). Рассказы о поднимающихся со дна озер коровах были записаны и в других районах Белозерья. Ср. легенду, объясняющую название озера *Святое* в Кирилловском районе Вологодской области: «С глубины поднималось стадо коров, очень хороших. Мужики старались словить хоть теленочка, но не могли. Как станут на лодках подъезжать — коровы уходят под воду. Знахарь посоветовал: "Прежде чем коров ловить, поймайте среди стада чашечку деревянну". Они спрятались. Мужик один только коснулся чашки — и теленок остался. С тех пор по всем деревням хорошее стадо стало. Озеро это *Святым* назвали» (Кир., Чарозеро); «Старики говорили, что там раньше монастырь был да провалился, а потом выплывали коровы оттуда да подойники всплывали» (Кир., Макарово); «Мо-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

настырь потонул, коровы потонули, а подойники всплыли» (Кир., Ольховица). Последний контекст содержит характерную для преданий трансформацию волшебного мотива в бытовой: коровы не выплывают, а тонут (очевидно, подразумевается, что эти коровы принадлежали затонувшему монастырю). Интересно, что еще одно озеро на территории Белозерья, откуда, по преданию, выплывают коровы, также носит название *Святое* (Коношский район Архангельской области): «На озере выперло круглую горку такую, поднялась над водой, как пуп, востряк такой стоит. Поэтому Пупышем назвали. Из него выходило стадо огромное коров, в озере они жили, вот озеро *Святым* и назвали» (Кон., Заважерец); «Видно, под водой дом стоит, засыпало его землей, там озерной живет. А из озера коровы выплывали» (Кон., Малышкино); «Ценная гора есть в озере *Святом*, стадо коров оттуда выходило» (Кон., Каменцово). Отметим, что легенда о выплывающих коровах поддерживается названием острова *Пупыш* (обычно образные топонимы типа *Пуп, Пупыш, Пупец* и т. п. обозначают небольшие горы округлой формы); здесь, кроме мотивировки по форме, присутствует своего рода «функциональная» мотивировка (образ пупка ассоциативно связан с рождением, появлением нового). Неслучайность «святых» названий для таких озер подтверждается еще одним примером, записанным вне территории Белозерья, но в пределах Русского Севера (Виноградовский район Архангельской области): по преданию, из оз. *Святик* раньше выходили комолые коровы. После того, как озеро ходили святить с иконами, из него сразу перестали выходить коровы и стала водиться рыба (Вин., Верхняя Ваеньга).

Данный мотив встречается в распространенных в финском фольклоре преданиях о водяных коровах, структура их такова: водяные коровы, скот духа воды — жирные, красивые коровы, которые выходят на берег, чтобы попастись — дают много молока — как заполучить водяную корову — дух воды зовет своих коров (Симонсуури 1991: 153–154). Севернорусские предания воссоздают характерные детали финского источника: коровы принадлежат «озерному» — это хорошие коровы — люди придумывают особые способы, чтобы их поймать.

Интересно совмещение «святых» названий трех севернорусских озер, где живут водяные коровы, с представлением о том, что это коровы одного из персонажей демонологии — озерного духа. Данный факт, вероятно, свидетельствует о том, что семантика «святых» топонимов в некоторых случаях может быть реконструирова-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

на как «обладающий сверхъестественными свойствами, чудесный» (причем допускается «нечистый» источник этих сверхъестественных свойств). Таким образом, может наблюдаться определенное расхождение с христианским понятием «святого места»[4].

Название узкой и длинной каменистой отмели *Борозда*, находящейся в северной части оз. Воже, по мнению информантов, связано с тем, что «мужик один хотел щуку поймать, грабли матерущи изладил, шарил-шарил в озере, да ничего не поймал, от грабель борозда в озере осталась» (Кон., Скопинская); «Там какой-то чудак граблями греб, чего-то искал. Борозда и осталась» (Кон., Васильевская)[5]. Аналогичный мотив находим в «Калевале» при описании того, как Вяйнемейнен при помощи огромных грабель искал кантеле в море:

Старый верный Вяйнемейнен
На конце уселся лодки,
И пошел он чистить море,
Подметать его теченье.
Смел цветочки водяные,
Смел весь мусор у прибрежья.
Тростника кусочки даже,
Водяных растений крохи.
Он сучок сгибает каждый,
Рифы граблями цепляет,
Но нигде найти не может
Кантеле из щучьей кости...

(«Калевала», руна 44)

Ср. также описание пахоты с помощью огромного плуга в эстонском эпосе «Калевипоэг»: из борозд, проложенных Калевипоэгом при вспашке, возникают овраги и горные хребты («Калевипоэг», песня 8; 25–37). Эти дополняющие друг друга мотивы, вероятно, отразились в русском топонимическом предании.

Итак, для приведенных выше белозерских топонимических преданий можно найти устойчивые соответствия в финно-угорском

[4]Может быть, упоминание того факта, что виноградовское озеро Святик было освящено с иконами, после чего коровы исчезли, появилось вследствие «выравнивания» по христианскому канону.

[5]Характерно появление образа чудака: в результате аттракции лексем *чудь* и *чудаки* последняя на Русском Севере нередко наделяется значением 'древнее население здешних мест' (безразлично, дорусское или русское), при этом может происходить мифологизация образа чудаков (чуди), ставящая их в один ряд с великанами, «панами» и другими мифическими персонажами (Северные предания: Предания Русского Севера).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

фольклоре, поэтому, при учете других факторов (единичность фиксации данного фольклорного мотива в русской фольклорной традиции, локализации таких преданий в зоне активных контактов, длительного совместного проживания русского населения с прибалтийско-финскими народами), допустимо предположить заимствование русскими фольклорных мотивов у финноязычных народов.

Интересно, что все рассмотренные нами предания имеют непосредственный «выход» в топонимию, мотивируя соответствующие географические названия. Такая мотивация может быть первичной для данного топонима (например, *Лешева Ноша),* а может носить вторичный характер, возникая как попытка переосмысления происхождения топонима в связи с известной фольклорной ситуацией (это можно предположить, например, для топонима *Борозда).* В первом случае соответствующие названия могли возникнуть непосредственно на русской почве, отражая заимствованный фольклорный мотив, или же появиться в результате калькирования прибалтийско-финского или саамского топонимического аналога. Однако последнее предложение доказать невозможно, так как исходные финно-угорские топонимы не зафиксированы.

Каким бы ни было происхождение топонимов, приведенные примеры говорят о тесной связи и взаимопроникновении двух сфер духовной культуры народов — топонимии и фольклора, о способности топонима быть свернутой «формулой» фольклорного текста, «редуцированным» преданием, в случае необходимости разворачивающимся в произведение устного народного творчества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. — Архангельская область
Вашк. — Вашкинский район Вологодской области
Вин. — Виноградовский район Архангельской области
Карг. — Каргопольскай район Архангельской области
Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Кон. — Коношский район Архангельской области
Прим. — Приморский район Архангельской области

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

А. И. Попов

ПРИТОКИ ОЗ. ИЛЬМЕНЬ*

О названии этого озера (Ильмень с XVI в., в древности всегда Илмерь) мы уже говорили, как и о его важнейших притоках (Шелонь, Ловать, Мста, Пола). Добавим еще несколько речных названий этого бассейна; подавляющее большинство их имеет славянское происхождение, но некоторые явно иноязычные, например Веренда.

Привлекает внимание также название одного ручья — Виглинский. Если принять во внимание, что в Псковских и отчасти Новгородских землях сочетание *-гл-* часто стоит вместо *-л-* (и в говорах, и в топонимике), то можно выделить основу *Ви(г)л — (Вил-)*, а это напоминает эст. vilu («прохлада»), финск. vilu («холод, озноб»). Рядом с Виглинским ручьем впадает в Ильмень другой ручей, носящий русское название Холодная вода, что представляет подтверждение приведенному толкованию.

Из других названий бесспорный интерес представляет имя довольно значительной по размерам р. Веряжи (38 км); это название означает просто «Варяжская» и притом в древнейшей форме, указывая на места первоначальных поселений наемных варягов в земле новгородских словен.

Озеро Селигер

Обратимся теперь к уже упоминавшемуся названию другого крупного озера, северный берег которого принадлежит Новгородской обл. Это — Селигер.

В летописных источниках мы встречаем это имя в различных формах: СелегѢрь, Селгерь, СерьгѢрь, СерегѢрь, Селгирь, Силигиръ, Селегеръ, Серегеръ, Серегиръ, СѢлегѢрь и т. п.

Наиболее древние из упоминаний относятся к концу XII — началу XIII в. и чаще всего звучит как Серегерь, но иногда и как Селегерь, тогда как в более поздних памятниках (писцовые книги XV в.) указывается только форма с *-л-*: Селигер.

Судя по большей частоте первой из этих форм в древнейших сообщениях XII–XIII вв., обычно предполагают, что Серегерь является первичным видом названия, тогда как Селегерь образовалось

* Печатается по кн.: *Попов А. И.* Следы времен минувших. Л., 1981.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

позже в силу диссимиляции (расподобления). Подобного рода фонетические факты действительно наблюдаются довольно часто, но возможно и обратное явление — ассимиляция (уподобление) *-л-* и *-р-*; так что не исключено, что раньше засвидетельствованная форма Серегерь возникла из Селегерь, которая могла существовать на месте — в окрестностях Селигера — еще ранее.

Мы не думаем утверждать, что именно так и было, считая это лишь одной из возможностей, которую не следует сбрасывать со счетов. Дело в том, что сохранившиеся летописи дошли до нас самое раннее в списках конца XIV–XV в., тогда как писцовая книга Деревенской пятницы, содержащая описание Селигера, относится почти к тому же времени, к 1495 г., и нигде не содержит формы Серегерь, хотя можно было бы ждать ее сохранности тут, так как писцовая книга составлялась здесь же — на месте, а не в Новгороде или Суздале, где писались летописи. Как бы то ни было, мы воздержимся пока от решения вопроса, какая из двух форм более древняя: Серегерь или Селегерь (Селигерь). Необходимо только сказать, что от этого решения существенным образом зависит толкование смысла этого озерного имени в рамках «чудских» (т. е. прибалтийско-финских) данных.

Действительно, Серегерь соответствует эст. Särg-järv («Плотично озеро»)[1], тогда как Селегерь, если это первоначальная древнейшая местная форма, должно иметь совершенно иной смысл, так как тогда первая часть — *Селег* — должна отражать эст. selg, финск. selkä и т. п., имеющее основное значение «спина», но вместе с тем выражающее такие понятия, как «горный хребет» и, что важно для нас, «озерное плёсо»[2] (финск. selkä в этом смысле широко употребляется в топонимике, например на оз. Сайма в Финляндии). Поэтому дославянское «чудское» Selg-järv должно обозначать «Плесово озеро», т. е. состоящее из отдельных плесов, что чрезвычайно точно характеризует оз. Селигер, действительно представляющее целый комплекс из 23 водоемов (плесов и озер), соединенных узкими проливами (так называемые межтоки)[3].

[1] Финск. *Särki-järvi* (финск. särki, эст. särg — «плотица», «сорога»). Само собой разумеется, что речь идет не о финнах-суоми и не об эстах, а о каком-то «чудском» племени, которое было близко по языку к финнам и эстам, но впоследствии обрусело.

[2] А также «открытое море».

[3] Такое объяснение, исходя из формы *Селигер*, предложил более 100 лет тому назад известный финно-угровед М. А. Кастрен (1813–1852).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Итак, казалось бы, найдено несомненное объяснение смысла названия Селигер, исходящее именно из этой формы данного озерного имени. Однако имеются сильные доводы и в пользу иного решения, разумеется, в рамках все тех же «чудских» данных, так как конечное *-ерь,* (ныне *-ер)* есть несомненное отражение таких данных, как эст. järv, финск. järvi («озеро»).

Дело в том, что в Селигер впадает речка Сорога (здесь же и одноименный поселок). Русское слово «сорога» означает то же, что «плотва», и является несомненным заимствованием как раз из таких прибалтийско-финских данных, как эст. sarg («плотица»)[4].

Одним словом, можно думать, что *сорога* есть то же, что и начальное Серег[5] в Серегерь; если считать эту форму действительно древнейшей, как принимают многие исследователи, то приходится, следовательно, истолковать название как «Плотичное озеро», о чем говорилось выше.

Для этого толкования наличие речки Сороги является несомненно подкрепляющим аргументом, хотя, вообще говоря, плотва (сорога) не представляет основного рыбного населения оз. Селигер, в котором водятся и сом, и судак, и щука, а также лещ, налим, окунь и многие другие рыбы.

Может быть предложено и компромиссное решение: название Серегерь относилось первоначально только к тому плесу, в которое впадает речка Сорога, тогда как все озеро в целом называлось именем, прямым наследием которого оказалось современное нам Селигер, хорошо отражающее общий характер озера, действительно состоящего из ряда отдельных плесов.

Окончательному выбору решения не помогает и привлечение аналогий, имеющихся в изобилии, например, среди озерного богатства Карелии и Финляндии; действительно, там имеются в значительном числе и названия типа Сельгозеро, Сергозеро, *Selkäjärvi* и *Särkijärvi.*

В существующей научной литературе большая часть исследователей примыкает к истолкованию: Селигер — «Плотично (Сорожье) озеро» — из более древнего Серегерь.

Мы, однако, предпочли бы воздержаться от окончательного ре-

[4]В русском языке вообще очень много заимствованных (из разных «чудских» языков и диалектов) названий рыб: сиг, сорога, хариус, лох, корюшка, салака, килька, таймень, ряпушка, камбала, кумжа, палья и т. д.

[5]Это часто встречаемое в русском языке явление: ср. областное *веренок* из *воронок* (стриж), *нерето* при *норот* и многие другие примеры.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

шения; достаточно знать, что это озерное название является несомненно дославянским; уточнение этимологии может быть достигнуто в дальнейшем. Заметим, что в некоторых позднейших источниках оз. Селигер носит несколько иное имя; так, в памятнике начала XVII в. «Книге Большому чертежу» оно названо «озеро Селижарово».

Напомним, что и река, являющаяся стоком Селигера в Волгу, носит название Селижаровка. Смягчение (*-ж-* вместо *-г-*) является здесь, по-видимому, поздним явлением; самое озеро Селигер никогда — ни в одном письменном памятнике — не именуется Селижар. Последняя форма была искусственно введена акад. А. И. Соболевским без достаточных к тому оснований, так как в действительности засвидетельствованы только производные обозначения, известные с XVI–XVII вв. (Селижарово и т. п.). Первое такое упоминание находим в Псковской I летописи под 1555 г., где говорится, что архиепископ Гурий, назначенный в то время Иваном Грозным в Казань, был ранее игуменом в Селижарове; здесь разумеется Троицкий Селижаров монастырь, существовавший в одноименном посаде с конца XV в.

Подробности споров и суждений относительно названия оз. Селигер можно прочесть в работах А. И. Соболевского, А. Л. Погодина, А. М. Селищева и др. (см. раздел «Литература»). Здесь необходимо подчеркнуть лишь два обстоятельства:

1) неславянское («чудское») происхождение названия оз. Селигер ни у одного автора сомнений не вызывает;

2) тем не менее в своих суждениях все указанные авторы допускают просчеты и промахи — вплоть до неверной передачи отдельных языковых фактов и даже неправильных написаний и переводов иноязычных данных.

Поэтому указанные работы надо читать осмотрительно, проверяя их содержание на каждом шагу, иначе можно незаметно для самого себя воспринять содержащиеся в них ошибки. Например, в вышеупомянутой капитальной и ценной работе А. М. Селищева допущено неправильное написание финских данных, не соответствующее истине убеждение в существовании «названия озера Селижар» (параллельно с Селигер) и даже поистине удивительный перевод этого названия на русский язык: «Красноглазое озеро»; последнее обстоятельство объясняется тем, что данные были взяты из написанной по-немецки книги финского ученого Яло Калимы, где смысл названия Селигер — Серегерь передается как Rotaugensee — «Пло-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

тичное озеро», и Rotauge — «плотица» (буквально: «красноглазка») было понято в прямом смысле (!). Надо полагать, эти недоразумения объясняются тем, что издание было посмертным — почти через 10 лет после кончины автора.

В указанной статье А. Л. Погодина также имеется серьезная погрешность, заставившая его толковать смысл названия Селигер как «высоко расположенное озеро»; в основе ошибки лежит неверный перевод нем. hohe See на русский как «высокое озеро (или море)», тогда как в действительности это означает «открытое море»; эта ошибка уничтожает все объяснение А. Л. Погодина. Добавим, что латыш. selga, заимствованное из ливского языка, тоже означает «открытое море». Это вполне равнозначно по смыслу тому, что понимается под широким водным пространством, плесом.

В заключение заметим, что фактический материал источников, говорящих о Селигере — Серегере, Серегерьском пути и т. п., очень велик; из него мы взяли лишь малую часть. Иногда в нем попадаются весьма любопытные данные, вроде, например, упоминаний про «канун и паремьи Нилу преподобному, иже на Селиге озере». Подобная форма встретилась нам только раз и является, быть может, случайной. Однако такие разновидности, оставшиеся от различных времен, необходимо собирать, и только на основании всей их совокупности, возможно, будет допустимо высказать окончательное суждение в споре о сравнительной древности форм Селегерь и Серегерь. При этом надо тщательно отделять материалы, составленные на месте, от тех, которые были записаны в отдалении от Селигера, отдавая предпочтение именно местным данным, а не новгородским или еще более далеким. Что касается озерных названий, аналогичных имени Селигер — Серегерь, то кроме указанных выше примеров любопытно вепсское озеро Сярьгярь (*сяръг* — «плотица»), которое живущие рядом русские называют Сяргозеро.

При этом надо заметить, что в озерных вепсских названиях окончание *-ярвъ* («озеро») обычно упрощается в *-ярь*, *-арь*, *-гярь* или *-дярь* (последнее из слова *дярвъ* — «озеро», свойственного некоторым вепсским говорам).

Таким образом, подобное упрощение может существовать не только при передаче озерных названий в русский язык, но и в языке оригинала (в данном случае — вепсском)[6].

[6]Указанный пример сообщен нам знатоком и исследователем вепсского языка Н. И. Богдановым.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В. А. Агапитов

КИЖИ: ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

(О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ КИЖИ И НЕ ТОЛЬКО...)*

Кижи — название всемирно известного острова на Онежском озере. Первые достоверные письменные упоминания о Кижах относятся к XV в. Уже тогда о. Кижи являлся центром значительной по площади территории в северном Обонежье, от Суйсари на юге до Шайдомы на севере и от Лижмозера на западе до Линдомы на востоке. Население 130 деревень Спасского Кижского погоста составляли русские и карелы[1].

Предпринимались неоднократные попытки объяснить название острова. По одной из самых первых версий, его производили от карельского или вепсского слова kezä 'лето'. Ранее в прибалтийско-финских языках оно могло одновременно означать и 'юг'. Далее, согласно этой версии, следовало, что, по так называемому закону ряда, упомянутому выше топониму селения якобы соответствует название на севере Заонежского полуострова **Толвуя**, в переводе 'зимний ручей' из карельского (вепсского) talvi + oja. Уязвимость этой гипотезы признается всеми современными исследователями. Известные карельские топонимисты Г. М. Керт и Н. Н. Мамонтова (Керт, Мамонтова, 1976; Мамонтова, 1982) считают, что свое имя остров получил от карельского слова kižat 'игрища'. Таким образом, исходной формой могло быть **Кижа-саари** или **Кижасуари** — 'остров игрищ'. Нам же кажется, что название остров получил задолго до того, как он стал местом проведения праздников. К тому же Кижи были не единственным языческим центром в округе — достаточно припомнить хотя бы **Радколье**, где языческая традиция просуществовала вплоть до 30-х годов нынешнего столетия в виде летнего праздника — Радкольское воскресенье.

---

* Печатается по кн.: *Родные* сердцу имена. Петрозаводск, 1993.

[1] Карелы с некоторой оговоркой. До XVII в. в западной и северной частях Спасского Кижского погоста проживали, очевидно, вепсы. Карельское население в этом районе увеличилось после Столбовского мира 1617 г., когда карелы Приладожья и Карельского перешейка вынуждены были покинуть родные места. К началу девятнадцатого столетия происходит смена национального самосознания в пользу карельского.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Значительная часть островов в **Кижских шхерах** имеет названия растительного или животного происхождения. Особенно это относится к дославянским названиям островов. Первые люди, обжившие этот район, были охотниками и рыбаками и называли географические объекты по какому-то характерному природному признаку. Соседний с Кижами **Керкостров** опоясан мощными тростниковыми зарослями. В некоторых прибалтийско-финских языках слово kerkko означало в прошлом 'тростник (камыш, рогоз)'. Карельское наименование рогоза ruoho, возможно, содержится в названии **о. Рогачев.**

Остров Кижи отличается от ближайших островов наличием особой разновидности водного мха под названием Дрепанокладус крючковидный. Этот мох издавна известен жителям Карелии. В карельских говорах он представлен словоформами kiidži, kiidžin, kiitšin. Финляндский исследователь карельской топонимии В. Ниссиля в одной из работ приводит название залива Kiidšillahti — Кийджиллахти в районе Суоярви, лаконично поясняя: kiidži — 'мох, растущий на дне озера' (Nissilä 1975, s. 59). В говорах Импилахти этим словом уже обозначают сухой белый мох на борах. Иногда оно используется для обозначения мха-медвежника. Карелы-людики называют словом kiidži только озерный мох. В говорах жителей (ливвиков) сямозерского куста деревень существует глагол со значением 'заболачиваться', производный от слова kiidži. Известный финский языковед А. Турунен в книге по исторической фонетике людиковских говоров приводит в качестве примера сообщение информанта-карела об этом мхе: «kiidžin — 'озерный мох, который использовали для мшения построек' (Turunen 1946, s. 201).

В Кижах издавна мшили водным мхом. Старожилы еще помнят, что заготовка мха со дна **Мош-губы** (центральная часть о. Кижи) была ежегодным занятием кижан. Особыми крюками или граблями этот мох доставали с полуметровой или метровой глубины, в лодках привозили на берег и расстилали там сушиться. Просохший мох собирали в небольшие стога. В дождливую, пасмурную погоду мох сушили в ригах (ригачах). Существовал еще один способ сушки, менее трудоемкий. Собранный со дна залива мох бросали на каменные грудовицы — кучи камней, убранных с полей. Таким образом, мох хранился до весны, когда его можно было уже использовать в дело. Считалось, что наилучший мох встречается в местах со стоячей водой.

Водным мхом мшили не только стены изб, но и утепляли полы.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Применяли мох и при изготовлении знаменитых лодок-кижанок. Трудно сказать, с какого времени водный мох используется жителями острова, но в стенах Покровской церкви он уже встречается, причем отличной сохранности. Знаменитый кижский плотник и лодочник Иван Федорович Вересов, к примеру, утверждает, что этот мох, в отличие от пакли, «живет» в срубе: разжимаясь при высыхании бревен, он плотно заполняет паз.

Возникает закономерный вопрос: могла ли фонетическая форма «киийджи» видоизмениться в «кижи». В топонимии людиковских районов есть многочисленные примеры, когда аффриката «дж» в русском употреблении заменяется на «ж». Ср. кар. **Pädžünselg** — рус. **Пяжиева Сельга,** кар. **Liidžmi** — рус. **Лижма** и т. д. Следует отметить, что на вепсской территории (район реки Оять) встречаются топонимы, сходные по звучанию с топонимом **Заонежские Кижи** (см. **Кижое озеро, Кижий остров**) (Муллонен 1989, с. 102). Не исключено, что в этих географических именах содержится тот же апеллятив, что и в названии **о. Кижи.**

Рассмотрим другие названия о. Кижи. Церковь **Кижского погоста** — Преображение Спасово — была главной приметой округи. Так, у **д. Кургеницы** в заливе находится **Спасова Луда.** «Спас видно оттуль», т. е. церковь Спаса видна с этого места. Южная же оконечность о. Кижи была прозвана **Святой наволок.** Противоположный мыс на **Большом Клименецком острове** также назывался **Святым.**

На **Святом наволоке** в Кижах находился погост из двух церквей, колокольни и кладбища с оградой из камней, к югу от него — деревня с одноименным названием — **Погост.** На ближайшем восточном мысу стояла малодворная деревня **Наволок.** Неподалеку от церквей погоста в направлении д. **Васильево** некогда была д. **Нестерево.**

За болотистой **Кульпегой** (вероятно, из карельского kulppa 'маленькая лямбушка, лужа' или kupla 'пузырь') на западном берегу гнездятся избы д. Васильево, в прошлом называвшейся **Лукинщиной** (возможно, по имени Луки Федорова — новгородского хозяина многих северных деревень). Васильевы — основная фамилия в деревне. К востоку от д. Васильево находится кижская **Нарьина гора.** Вероятно, название это происходит от новгородского областного слова «нарья», одно из значений которого 'покосы на склоне холма', правда, сам же этот термин ведет свое начало из финно-угорских языков. Другие варианты имеют прибалтийско-финскую

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

основу (ср. фин. näre 'ель', а также фин. narri 'шут, дурак'). Возможны и иные версии. Как известно, Нарьина гора издавна почиталась в Кижах. В Духов день здесь веселилась и танцевала молодежь, а на вершине холма стояла Духовская часовня.

К северу от д. Васильево была **д. Босарево**, получившая свое название по фамилии жителей.

От северного склона Нарьиной горы, где, по преданию, находилось старинное кладбище, начинается **Мош-болото**. (По языковой традиции могло быть **Мох-болото**.) Слева от болота огромной клешней тянется **Гаук-наволок**. Название происходит, вероятно, от карельского haugi 'щука', т. е. **'Щучий наволок'**. Порой его зовут еще **Бачуринский наволок** — на северной его оконечности раньше была старинная деревня **Бачурино**, упоминавшаяся уже в писцовых книгах за 1582–1583 гг.: «... деревня на Кижском острове в наволоке: Фетко **Бачюрин**...».

Прямо к северу за **Мош-губой** на **Удоев-наволоке** находилась **д. Кажево (Кяжево)**, названная по фамилии ее обитателей — Кежевых. Название наволока — Удоев — не поддается однозначному объяснению. Возможны различные варианты его происхождения. Так, у карел существовало личное имя Uto, Utoi, а у саамов оно звучало чуть иначе Udto. В том же саамском языке есть слово oadai в значении 'кувакса (летний чум)'. Близко по звучанию и шведское udd 'мыс'. В **д. Кежево** находился один из кижских перевозок — перевозили путников, а также скот с материка на **Волкостров**.

К югу от д. Кежево на берету Мош-губы на небольшом мысу есть поляна, где еще в 30-х годах стояла **д. Морозово** из двух домов. Здесь жили Морозовы — зажиточный кижский род. По соседству с д. Морозово, но уже на восточной стороне Удоев-наволока, находилась **д. Бишево (Солдатовская)**, названная, видимо, по имени первопоселенца.

От **Бишево** в километре к югу — **д. Ямка**, или **Ольхинская**. Ольхины — старожилы деревни. По преданию, кижская молодежь любила собираться на «вечерни беседы» (т. е. на посиделки) в самый крайний в деревне дом. Это была бедная изба, и приходящие на беседы платили хозяевам «мостовое» — плату деньгами или продуктами за аренду помещения. В разгар одного веселья две девушки вышли в сени. Тут они услышали голос: «Скорее бегите дальше от дома и никому не сказывайте, что случится!» На глазах у подружек дом провалился под землю. Испуганные девушки бежали вдоль деревни в сторону **д. Бишево**, где встретили какого-то му-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

жика и, забыв о предупреждении, рассказали ему о случившемся. Здесь же на месте они превратились в ели, сросшиеся в одну. Это место до сих пор зовется «Ведьмина ель».

На месте же провалившегося дома образовалась большая яма, и, говорят, еще не один день оттуда кричал петух. Действительно, участок местности, где якобы происходили эти события, очень своеобразный. В сотне шагов к юго-западу от деревни на возвышенности, которая зовется **Горское** или **Горское поле**, имеется внушительных размеров воронка, которую и связывают с местом, где провалился дом. Правда, некоторые старики утверждают, что дом провалился в северной — бишевской стороне.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ФРАГМЕНТЫ ЗАКОНОВ О ЯЗЫКЕ

Из закона «О языках народов республики Татарстан»[1]

Статья 2. Свобода пользования языком.

На территория Республики Татарстан государством создаются условия каждому народу и личности для сохранения и всестороннего развития родного языка, обеспечивается свобода выбора и использования языка общения.

Статья 3. Правовое положение языков.

1. Государство признает равные права народов Республики Татарстан на сохранение и развитие всех языков. Все языки народов республики пользуются поддержкой государства.

2. В Республике Татарстан функционируют два равноправных государственных языка: татарский и русский.

3. В местности компактного проживания населения, пользующегося иными языками, в официальных сферах общения наряду с государственными языками может использоваться язык большинства населения данной местности. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Республики Татарстан.

Статья 5. Гарантии прав республики Татарстан вне зависимости от знания ими языка.

Статья 14. Использование языков в работе государственных органов, предприятий, учреждений и организаций.

1. В деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций Республики Татарстан используются государственные языки республики Татарстан.

2. Гражданам республики Татарстан, не владеющим татарским или русским языком, представляется право выступать на заседании, совещании, собрании в государственных органах, на предприятиях, в учреждениях и организациях на том языке, которым они владеют. В случае необходимости обеспечивается соответствующий перевод.

3. Гражданам Республики Татарстан, не владеющим тем языком, на котором ведется заседание, совещание в государственных органах, на предприятиях и организациях, в случае необходимости обеспечивается перевод на приемлемый для этих граждан язык.

4. Граждане Республики Татарстан вправе обращаться в государственные органы, в учреждения и организации Республики Татарстан с предложениями, заявлениями, жалобами на родном языке или на любом другом языке народов Республики Татарстан, которым они владеют.

5. Ответы на предложения, заявления и жалобы граждан республики Татарстан, направленные в государственные органы, на предприятия, в учреждения и организации Республики Татарстан, даются на том государственном языке, на котором написано обращение.

---

[1] В ходе изложения, по возможности, автор воздерживается от поспешной личной субъективной оценки тех или иных положений законов о языках.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Параллельно в Татарстане разработана Государственная программа развития языков. Отметим некоторые основные направления этой программы.

Одной из главных задач Государственной программы следует считать создание благоприятных условий для сохранения и развития татарского и русского языков как государственных языков Республики Татарстан.

Нужны также специализированные государственные программы сохранения и развития языков малочисленных народов.

В области образования основной задачей, с точки зрения сохранения и развития языков, является формирование национальных систем образования.

В соответствии с этим Программа предусматривает.

На уровне дошкольного и начального образования:

обучение на первом функциональном языке (как правило, родном языке ребенка).

На уровне среднего и среднего технического (специального) образования:

использование в качестве языка обучения татарского или русского (в зависимости от типа школы) с введением второго языка в качестве обязательного учебного предмета для всех жителей региона республики, независимо от их национальной принадлежности.

Огромное значение для поддержания языков имеет издание газет и журналов (общественно-политических, литературных, краеведческих). При этом имеется в виду издание не только на государственных языках, но и — в оптимальном варианте — на языках народов Республики Татарстан.

Из Закона о государственном языке Узбекистана

Все граждане, проживающие на территории Узбекистана, равны независимо от того, какой язык является для них родным.

Придание узбекскому языку статуса государственного не ущемляет конституционных прав наций и народностей, проживающих на территории республики, в употреблении родного языка.

Настоящий закон не регламентирует употребление языков в быту, в межличностном общении, в воинских частях и при отправлении религиозных и культовых обрядов.

Статья 1. Государственным языком Узбекистана является узбекский язык.

На территории Узбекистана обеспечивается развитие и свободное пользование русским языком как языком межнационального общения.

Статья 3. Лицам, проживающим на территории Узбекистана, обеспечивается право обращения в государственные, общественные организации и учреждения на государственном языке республики с заявлениями и предложениями, жалобами, а также получать на них ответы на государственном языке. Обеспечивается право граждан обращаться и на других языках, получать ответы на государственном языке и на языке межнационального общения.

Подробно оговорены сферы использования языка.

Статья 5. В органах государственной власти и управления Узбекистана съезды, пленумы, курултаи, сессии, конференции, заседания и совещания проводятся на государственном языке республики и обеспечиваются синхронным переводом.

В трудовых коллективах собрания проводятся на государственном языке, а также языке, утвержденном участниками собрания. Каждый участник собра-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ния может выступать на любом языке, его речь переводится на рабочий язык собрания.

Статья 6. Законы, постановления и другие документы органов государственной власти и управления Узбекистана подготавливаются, принимаются и объявляются на государственном языке республики.

Документы местных органов власти и управления готовятся, принимаются и объявляются на государственном языке. В местах компактного проживания представителей отдельных национальностей документы местных органов власти и управления принимаются и объявляются на государственном языке республики и языке данной национальности.

Статья 7. На предприятиях, в учреждениях, организациях и объединениях делопроизводство ведется на государственном языке республики.

На предприятиях, в объединениях, учреждениях и организациях, где большинство работающих не владеют узбекским языком, делопроизводство осуществляется, наряду с государственным языком республики, на русском или других языках.

Статья 8. Учетно-статистическая и финансовая документация на предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных на территории Узбекистана, ведется на государственном языке республики, а также на языке межнационального общения.

Статья 10. Судопроизводство ведется на узбекском языке, каракалпакском языке или на языке большинства населения данной местности.

В органах арбитража при рассмотрении и решении хозяйственных споров между предприятиями, организациями и учреждениями используется узбекский язык. Хозяйственные споры могут быть рассмотрены при согласии сторон и на языке межнационального общения.

Статья 11. В государственных нотариальных конторах нотариальные действия осуществляются на государственном языке республики. По требованию граждан текст оформленного документа государственным нотариусом или лицом, исполняющим нотариальные действия, выдается на русском или при наличии возможностей на другом приемлемом для них языке.

Статья 12. Акты гражданского состояния, документы, удостоверяющие личность и ее права, оформляются на государственном языке республики и дублируются на языке межнационального общения.

Узбекистан обеспечивает на своей территории получение общего среднего образования на государственном языке республики, а также на русском, каракалпакском, таджикском, казахском, киргизском, туркменском языках и на языках других национальностей, компактно проживающих в республике.

Статья 20. В Узбекистане книги, газеты, журналы и бюллетени в основном издаются на государственном языке. С учетом потребностей издается литература и периодика на русском и других языках.

Статья 22. Тексты официальных печатей, штампов, бланков государственных и общественных организаций используются на государственном языке и дублируются на русском языке.

Статья 23. Почтово-телеграфные отправления в Узбекистане производятся при желании граждан на государственном языке республики или на русском языке.

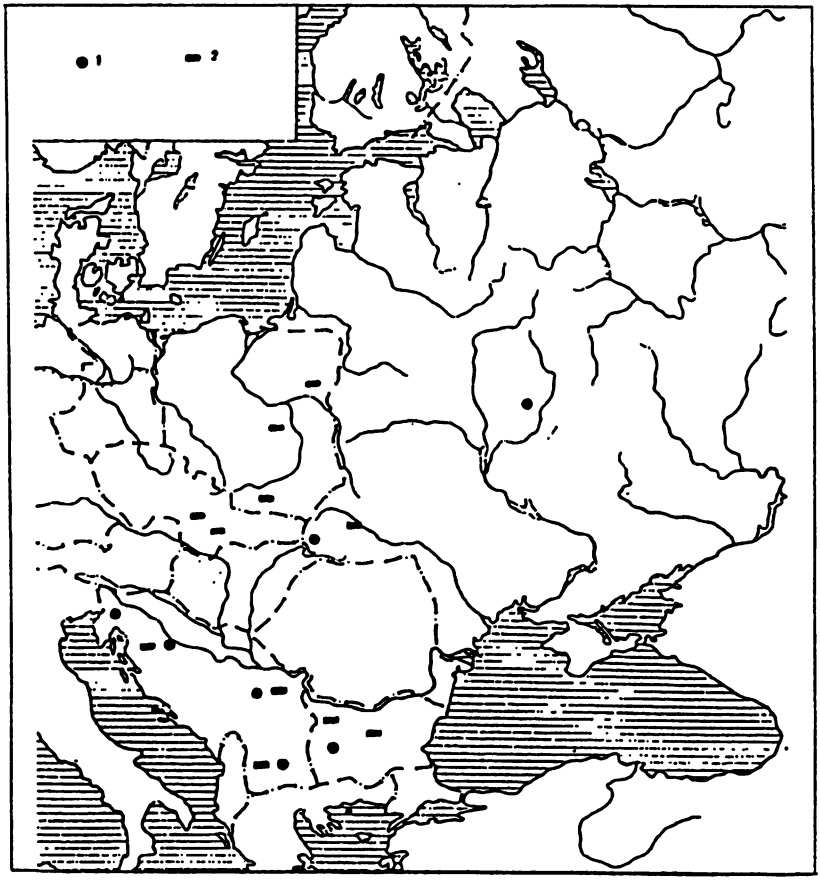
LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

ФРАГМЕНТЫ СЛОВАРЕЙ

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: Вып. 11 (*konьsь — *kotьna(ja)) Под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева

***košara/*košarъ/*košerъ:** цслав. **кошєрꙋ** ж. р. σπυρίχ sporta, cophinus 'корзина' (SIS), болг. *кошáра* ж.р. 'загон для скота (овец)' (БТР; Дювернуа: 'загон', 'овчарня', 'улей (плетеный)'; Геров—Панчев; Геров: *кошáра* 'закут'), *кóшер* м.р. 'улей' (БТР; РБЕ; Дювернуа: *кóшаръ, кóшеръ;* Геров: *кóшеръ, кóшьръ*), диал. *кошáра* ж.р. 'загон для скота' (М. Младенов. Говорът на Ново Сéло, Видинско 240; Он же. — БД III, 92), также *кушáрь* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 48; Колев БД III, 303), *кошáръ* ж. р. (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), *кушéр'а* ж. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 77), *кóшар, кóшер* м.р. 'улей' (М. Младенов БД III, 92; Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *кошара* ж. р. 'овчарня; загон для скота (плетеный)' (И–С), *кошар* м.р. 'улей' (И–С), *кошер* то же (там же), также производные диал. *кошерица, кошарíна* (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — MJ XXI, 1970, 130), сербохорв. *кóшара* ж.р. 'корзина', 'отрада, загон (для скота)' (РСА X, 363; RJA V, 381–382), *кȍшāр, кóшар* м. р. 'корзина', 'кузов (повозки)', 'улей' (РСА X, 362; RJA V, 381: с. XVIII в.), ум. *кòшарица* ж. р. 'корзинка, корзиночка' (с. XVI в., RJA V, 382), словен. *košára* ж. р. 'круглая ручная корзинка' (Plet, I, 444), *košár* м. р. то же (там же), ум. *košárica* ж. р. 'корзиночка' (там же), *košárka* ж. р. 'круглая ручная корзинка' (там же), чеш. *košár* м. р. 'загон для скота в поле' (Jungmann II, 142: mor., sic. (et pol.); Kott I, 762: «Na Mor. a na Slov.»), диал. *košár* (Bartoš. Slov. 156), слвц. диал. *košár* 'пастушья хижина', *košiar* м. р. 'загон для овец' (Kálal 262), ст.-полск. *koszara* ж.р., *koszar* м.р. 'овчарня (в лесу)' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. *koszar* м.р., *koszara* ж.р., стар, *kosara,* диал. *kosara* 'овчарня, загон для овец (в лесу)' (Warsz. II, 494), *koszar, kąosor, koszor, kosar* м. р. 'открытая, переносная ограда, загон для овец', 'пастушеское хозяйство в горах' (Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego I, 97), *kąosár* 'загон, овчарня' (Kucała 159), русск. диал. *кошáра* ж. р. 'большая плетеная корзина' (брян., Филин 15, 139), укр. диал. *кошар* м. р. 'корзина' (Вх. Уг. 246, Гринченко II, 296), *кошáрка, кошéрка* ж. р. 'большая двухручная корзина' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 89).

Представленный выше обзор форм и значений имеет достаточно выразительную географическую проекцию (см. карту): слова **košara/*košarъ/*košerъ* в значении 'загон для скота (овец), овчарня' более или менее четко локализуются на слав. территориях балканских (Болгария, Македония, Сербия, Хорватия) и прикарпатских стран (Моравия, Словакия, Польша), которые входят полностью или частично (Польша) в ареал горного пастушества. Значения 'корзина' и 'плетеный улей' (т. е. тоже 'род корзины') тесно сосуществуют со значением 'загон для скота' (при совпадении формы самих слов), однако не повсюду. Из ю.-слав. ареала этих слов, который считается преимущественным



Карта

1 — 'корзина, плетеный улей'; *2* — 'загон для скота, овчарня'

ареалом **košara/*košarъ/*košerъ*, выпадает словен., где слово имеет только значение 'ручная корзина'. Словен. и по другим признакам обычно остается вне региона карпато-балканского горного пастушества. Нередко считают формы **košara/*košarъ*/košerъ*, за пределами ю.-слав. языков вторичным импортом из этой области. Но это справедливо только в отношении термина карпато-балканского горного пастушества, каковым являются соответствия **košara/*košarъ/*košerъ* в значении 'загон для скота' в чеш. (морав.), слвц. диал., польск., укр. При всем формальном слиянии, слова в значении '(плетеная) корзина' (см. выше укр. диал., а также русск. диал. — брян.) уже никак не могут быть зачислены в тот же терминологический разряд. География значения 'кор-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

зина', хоть и не очень четко, но все же отличается от географии термина 'загон для овец'. Значение 'корзина, плетенка' является для **košara/*košarъ/*košerъ*, видимо, древним и исходным. В связи со сказанным мы объясняем это слово как производное с суф. *-erъ* от **košь* (см.), вариантное к **košelь/*košela* (см.), которое обозначает в ряде слав. языков корзину, плетенку и — диалектно (в н.-луж.) — 'плетень, изгородь, шалаш пастуха из прутьев'. Весьма любопытно, что серболуж. вообще не знает пастушеского термина **košara/*košarъ/*košerъ*. На эту исконнослав. лексико-семантичекую почву (**košerъ* 'плетенка') на Юге достаточно равно попало народнолат. заимствование, обозначавшее загон для скота, ср. макед.-рум. *căşare* 'овчарня' из лат. *casearia* 'сыроварня'. Однако слав. заимствование сопровождалось значительным освоением и народноэтимологическим осмыслением. Дело в том, что **košara/*košarъ/*košerъ* сплошь и рядом обозначает именно плетеный загон для скота, в чем сказалась вторичная мотивация со стороны исконнослав. **košь* 'плетенка, корзина'. Этой мотивации лат. слово-источник, естественно, не знал, будучи производным от лат. *caseus* 'сыр' (ср. рум., македорум. *caş* 'сыр'): *casearia*. Как бы то ни было, народнолат. происхождение **košara/*košarъ* как названия загона для горного овцеводства и молочного хозяйства не вызывает сомнений. Формальный исход *-ага* этого слова также выдает латинское свое происхождение, или формальное влияние, импульс, как и в ряде других примеров этого суф. *-ara*, особенно популярных в сербохорв. и трудно отделимых генетически от лат. *-aria*. Распространенное одностороннее объяснение **košara* 'загон' как ю.-слав. образования, производного от **košь* с суф. *-ага* без внешнего импульса (см. литературу ниже) не может быть принято.

См. Berneker I, 587 (нерешительно допускает рум. источник); Bruckner 260 (четко сказано о рум., лат. происхождении); Z. Golab. Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach góralskich. — JP XXXII, 5, 1952, 205; Földes L. — Ethnographia 71 (Budapest, 1960), 437 и сл. (цит. по: RS XXV, 1965, 189); Stawski II, 540–541 (критику см. О. Н. Трубачев. — Этимология, 1966 (М., 1968), 377); Machek [2]282 (говорит только о рум. посредстве при распространении ю.-слав. слова); Skok. Etim. rječn. II, 166; БЕР 2, 692–693 (отдельно рассматривает болг. *кóшар* 'улей' — от *кош* и *кошáра* 'овчарня', допуская для последнего балк.-лат. источник); Фасмер II, 360. О слав. суф. *-ага* см. Miklosich. Vgl. Gramm. der slav. Sprachen II, 88; Vaillant, Gramm. comparée IV, 653–654 (без указания на связь с лат., хотя автор, как правило, прибегает к этой возможности и в несравненно более сомнительных случаях); Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология, ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974, с. 188 и сл.

***košatajъ**: русск. диал. *кошáтай* м.р. 'косец' (костр., новг., Филин 15, 139), *кошáтель* м. р. то же (перм., свердл. Там же. Словарь говоров Соликамского района Перм. обл. 257), *кошáтый* м. р. (арх., Филин 15, 139).

Имя деятеля, производное с суф. *-atajъ*, или, вернее, *-jatajъ*, от глагола **kositi* I (см.).

***koščanъ(jь)**: макед. *каштан* 'костный' (И–С), сербохорв. *кòштан, кáштан, кòштанӣ,* 'костяной' (РСА X, 372), также *кòшчан, кáшчан, -а, -о* (РСА X, 385; RJA V, 383), диал. *кóшћен* (РСА X, 380), *кóштен* (РСА X, 374), словен. *koščẽn*, прилаг. 'костяной', 'костлявый, тощий' (Plet. I, 445), чеш. *koštěný*, прилаг. 'костяной' (Jungmann П, 143), др.-русск., русск.-цслав. *кощень* (Чернъ wбразомъ, и соухъ тѢломъ и *кощенъ* (densa habitudine). Ио. Флав. В. Иуд. VI, 16. Срезневский I, 1308). — Ср. сюда же суффик-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

сальные производные болг. (Геров) *кощеникъ* м. р. 'растение тимофейтрава', русск. диал. *кощáнка* 'густера' (Картотека Псковского областного словаря).

Может быть понято как образование **kostjanъ*, соотносительное с **kostěnъ*, (см.).

***koščavъ(jь)**: болг. диал. *кóщчаф, -ва, -во, -ей* 'упорный' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 468), производное *кóщчавé се* 'не поддаваться, упорствовать' (там же), сербохорв. *кȁштав, -а, -о* 'костлявый, костистый, тощий' (РСА X, 371), также *кȁшчав* (РСА X, 385), ст.-слвц. *koštavý*, прилаг. (Kún dobry gest, který pri sobe má tjeto čtiri weci ... chudé, zdráwé, žilowaté a kosstawé stehná. J. Gubernant. Poznamenánj vžitečného lekárstwj, w B. Bistrici 1787. Ист. слвц., Братислава), слвц. диал. *košťavý* 'тощий' (Banská Bystrica, Kálal 262), *košťäví* (Habovštiak. Orav. 176), др.-русск. *кощавый*, прилаг. 'костлявый, худой' (Азб., 155. 1654 г. СлРЯ XI–XVII вв. 7, 398), русск. диал. *кощáвый -ая, -ое* 'худой, худощавый' (смол., олон.), 'имеющий плохой аппетит' (новг.) (Филин 15, 159), укр. *кощáвий, -а, -е* 'костлявый' (Гринченко II, 297), блр. диал. *кашчáвы*, прилаг. 'худой, костлявый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449).

Прилаг., производное с суф. *-javъ* от **kostъ* (см.).

***koščuniti**: болг. (Геров) *кощунáк.* 'кощунствовать, насмехаться над священными предметами', диал. *кущýн'ъ сь* 'насмехаться' (II. Китипов. Казанлъшко. БД V, 125), сербохорв. *коштýнити* 'ругать, бранить' (РСА X, 377), русск. *кощýнить* 'насмехаться над священными предметами, отзываться о них с презрением' (Даль[3] II, 470).

Глагол на *-iti*, производный от **koščinъ* (см.).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей

Под ред. А. С. Герда (Вып. 2. СПб., 1995)

Корзина, *ж.*: > Бéлая корзúна. *Корзина, сплетенная из очищенных от коры прутьев.* Если хотят сплести белую корзину, прутья надо ошкурить. *Чуд.* > Бýчильная корзúна. *Корзина, в которой парили (бучили) белье.* Раньше стирали: были сделаны с лучины бýчильные корзúны, складешь все белье, льешь воду. *Новг.* > Горновóстая корзúна. *Корзина с крышкой для сбора ягод.* Горновóстая корзúна с крышкой для ягод, в нее сбирали. *Кириш.* > Гумённая корзúна. *Корзина больших размеров с двумя ручками высотой 100–140 см, размером днища 80–90.* Гумённая корзúна носить-от, например, зерно, с гумна мякину, колосья, она большая. *Тихв.* Гумённы корзúны больши, мякину возили. *Кириш.* + *Выт., Под., Медв., Подп., Пуд., Чер.* > Двоерýчная (двухколéчная, двуколéчная) корзúна. *Плетеная корзина с двумя ручками.* Корзины из соснового лесу, двоерýчны корзúны, ягодняе корзúны, под рыбу те же двоерýчны корзúны. *Тер.* Крот нору сделал под межу, чтоб с картофелиной пройти, и унес две малёнки туда, двуколéчную корзúну. *Медв.* Корзúны двухколéчны большие, рыбу класть. > Зáпертая корзúна. *Корзина, которая закрывается крышкой.* Зáпертая корзúна — пирожница с крышкой, мож-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

но всяку: крутую, с углами сделать, чтобы пироги держать. *Медв.* Клёпальная корзи́на. *Корзина для полоскания белья.* Клёпальна корзи́на — это корзина плоскодонка с двумя кольцами, кольца из вицы, дно с лучиной построено; лучину берем с хорошей сосны и циплем тело его, а сердцевину не берем, корзина большая для картофеля аль для ягод, аль белье полоскать. *Кондоп.* > Колосо́вая корзи́на. *Корзина для сбора колосьев.* А на ричагах колосья еще в отходы шли, так в колосо́вую корзи́ну их собирали, кормить лошадей, плели из сосновой лучины. *Кондоп.* > Коса́я корзи́на. *Корзина, сплетенная из лучины под углом.* Дед-ка и корзи́ны косы́е плел. *Бокс.* > Ласти́ночная (ластяна́я) корзи́на. *Корзина, сплетенная из деревянных пластинок.* А то ласти́ночные корзи́ны, сосну плету́т. *Вашк.* Корзи́на ластяна́я, ластинка из сосны, надо рубить, а потом надерут и плетут. *Вашк.* > Лучи́нина (лучи́нова) корзи́на. *То же, что* ласти́ночная (ла́стяна́я) корзи́на. Ляй корзи́на лучи́чина, там сущик с рыбы. *Медв.* А корзины с лучины плетем, лучи́новы корзи́ны, за грибам плетем пореже, за ягодами почаще. *Прион.* > Ме́рочная корзи́на. *Корзина, которая служила мерой чего-н.* Тут корзи́на ме́рочная надо. *Белоз.* > Мирска́я корзи́на. *Корзина, с которой нищие просили подаяние.* Грозила мирска́я корзи́на мне, и я плакал. *Плес.* > Мости́нная корзи́на. *Корзина, предназначенная для переноски поклажи на спине. Вып.* > Перевёсленная корзи́на. *Корзина, имеющая одну ручку.* А это перевёслена корзи́на, вишь, у ее перевесло? *Онеж.* > Плетёная корзи́на. *Корзина, изготовленная особым плетением.* Приданое дают, сундук или ящик, или корзи́ну плетёну, из луцины. *Тер.* > Стря́пельная корзи́на. *То же, что* за́пертая корзи́на. А стря́пельна корзи́на с крышкой, из лучины, на полке стояла. *Подп.* > Я́годная корзи́на. *Корзина, предназначенная для сбора ягод.* Корзины из соснового лесу — я́годны корзи́ны, двоеручны корзины, под ры́бу те же двоеручны корзины. *Тер.* Я́годна корзи́на, обшивают край корзины берестой, край корзины и ручку из берёсты делают, берёста — это кора березы. *Кондоп.*

Корзи́нка, *ж.* 1. *Деревянный ящик для обуви возле печи.* Да раньше-то у многих были корзи́нки; в Марфино у нас тоже, помню, корзи́нка была. *Уст.* 2. *Лаз под пол.* Закро́й корзи́нку-то. *Чер.* 3. *Росток, появившийся на картофеле при прорастании.* Сажаем картошку осторожно, чтоб корзи́нку не потревожить. *Медв.*

> Ткать корзи́нками. *Узор на ткани, напоминающий корзинку.* Корзи́нками тка́ли раньше. *Чер.* > Ходи́ть с корзи́нкой. *Просить подаяние.* Раньше старики-то с корзи́нкой ходи́ли, а тепе́рь кака́ ни есть пензия. *Под.* С корзи́нкой теперь никто не хо́дит, это очень хорошо, оберут в дом престарелых. *Медв.* + *Плес.*

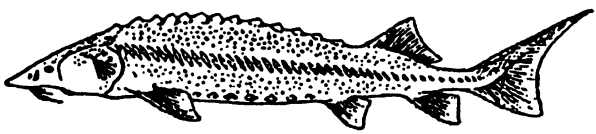
Корзи́ночка: > Покры́лостная корзи́ночка. *Четырехугольная, с крышкой корзиночка.* Покры́лостна́я корзи́ночка — такая же корзиночка, только с крышкой, только она плетется не кругленькая, а четырехугольная. *Тихв.*

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран (Л., 1972)

*2.1.1 (1). **Acipenser baeri** Brandt, 1869 — **Сиби́рский осётр** (Б.: 86).

[1] русск. **Карыш** (молодь) Обь — Варп., 1902 : 198; Борисов, 1923а : 184; Иртыш — Борисов, 1923а : 184. **Костёр** (мелк.) в. т. Енисея — Рузский, 1916 : 5. **Костера́** (молодь) Обь, Иртыш — Ревн. : 210; сиб. — Б.: 86. **Костерик** (мелк.) сиб.: р. Томь — Рузский, 1920 : 31; в. т. Енисея — Рузский, 1916 : 5. **Костеришка** Обь, Иртыш — Ревн.: 210. **Костёрка** (мелк.) Вилюй, Колыма — Маак. **Костерь** Обь — Пром. р. : 62 (молодь); Енисей — Исач., 1912 : 14; сиб. — Б.: 86. **Костерята** (мн. ч.) Обь, Иртыш, **Костливец** Обь, Иртыш — Ревн. : 210. **Костяк** Обь — Зол. **Красная рыба** Обь, **Лобарь** Кама, Иртыш — Ревн. : 210; Обь — Варп., 1902 : 198; Иртыш — Борисов, 1923а : 184. **Осётр** урал. — Ревн. : 210; сиб.: р. Томь — Рузский, 1920 : 31; Обь, Иртыш — Борисов, 1923а : 184; Енисей — Исач., 1912 : 14; в. т. Енисея — Рузский, 1916 : 5; Колыма — Б., 1908 : 72. **Остроры́лый сибирский осетр** — Рузский, 1920 : 31. **Сибирский осетр** — Б., 1911 : 265. **Стерля́дь** (мелк.) Лена, Колыма — Б.: 86. **Чалбас** (крупн.) Вилюй — Маак. **Чалба́ш** вост.-сиб. — Доп. **Чалбыш** сиб. — Б.: 86; Обь — Пром. р. : 62. **Чолбыш** — Гр. : 47. **Шип** Иртыш — Ревн. : 210. ~ **Осетр** — Зуев: 69. **Осетр сибирский** — Кн. прих.-расх. Вел. Устюга, 1681 г. **Schyp, Zaibysch** томск. — Pallas : 91–92. [34] хант. **Айсо-хуть** (мелк.), **Ис, Остырь** — Б., 1911 : 267. Сох Обь, Иртыш — Борисов, 1923а : 184; рр. М. Обь, Сыня — Ревн. : 210. ~ **Joch** Зуев : 69. **Kyogon** Нарым, **Oes** Березово, **Sooch** — Pallas : 92. [35] манс. **Schubby** — Pallas : 92. **Schubÿ** — Зуев : 69. [45] ненецк. **Бехана** (авам.) Енисей — Исая., 1912 : 14. **Иена** рр. Обь, Щучья — Ревн. : 210. **Иенэ** Обь — Борисов, 1923а : 184; р. Щучья — Ревя.: 210. **Квэкор** — Б., 1911 : 267. **Эна** (юрак.) — Исач., 1912 : 14. **Ягана** рр. Обь, Щучья — Ревн. : 210. ~ **Bahanä** (юрак.) — Pallas : 92. **Ghyrri** — Pallas : 103. **Enä** — Зуев : 69. **Jagana, Jéna, Koja, Nadsik** (юрак.) — Pallas : 92, 103. [49] тат. (зап.-сиб.) **Таго** Обь, Тобол, Иртыш — Ревн. ; 210. **Toro** Обь, Иртыш — Борисов, 1923а : 184; Тобол — Ревн. : 210. ~ **Békra, Saribalyk** р. Чулым, **Tógho** — Pallas : 91. [51] якут. **Каатыш** (долган.) — Исач., 1912 : 14. **Катыс** (долган.) норил.: оз. Мелкое — Логашов, 1940 : 26. **Хатыыс** — Кириллов : 19. ~ **Chattys** — Pallas : 91. [59] бур.-монг. **Kilimé, Koelmé, Schodokf** Енисей — Pallas : 92, 103. [60] эвенк. **Тинá** — Б., 1911 : 267. **Koldetschon** Енисей, **Tanna** — Pallas : 92. [67] юкаг. **Iчä** — Б., 1911 : 267. ~ **Istscha** — Pallas : 92.



2.1.1 (1). *Acipenser baeri* Brandt — Сибирский осетр.

2.1.1 (1а). **Acipenser baeri baeri n. baicalensis A.** Nikolsky, 1896 — **Байка́льский осётр** (Б.: 1318).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

2.1.1 (2). **Acipenser baeri stenorhynchus A.** Nikolsky, 1896 — **Восточносибирский осётр** (Б. : 91).

[1] русск. **Восточносибирский осетр, Длиннорылый осетр** — Андриашев, 1954 : 71. **Остроносый осетр** — Рузский, 1916 : 5. **Стерлядь** якут. — Пирожн., 1955 : 62. **Тонконосый осетр** — А. Ник. : 444. **Хатыс** якут. — Андриашев, 1954 : 71. **Шип** в. т. Енисея — Рузский, 1916 : 5. **Якутский осетр** — пирожн., 1955 : 62. [51] якут. **Кэче, Кэчире, Хатыс** — Есипов, 1923 : 34. ~ **Chattys** — Pallas : 91.

2.1.2 (1). *Acipenser güldenstädti* Brandt — Русский осетр.

*2.1.2 (1). **Acipenser güldenstädti** Brandt, 1833 — **Ру́сский осётр** (Б. : 78).

[1] русск. **Костарик** (мелк.) Днепр, **Костеник** — Пром. р. : 57. **Костера́** астрах. — Данил., 1869; Волга — Зол. **Костерёж** р. Урал, Касп. м. — Кл. **Костерёнок** (мелк.) Волга — Зол. **Костерик** (мелк.) Волга — Б. : 78; Волга: нижегор. — Варп., 1891 : 28; ср. т. Волги — Аристовская, 1948 : 151. **Костеричок** (мелк.) Волга — Б., 1911 : 248. **Костербк** — Кл. **Костерь** (мелк.) Волга — Б. : 78. **Костеряк** (мелк.) нижегор.: Ока — Варп., 1891 : 47; Волга выше Саратова — Невраев : 35. **Костливец** (молодь) Кама: перм. — Меньш., 1928 : 381. **Костра** Волга: казан., **Кострёнок** Волга: казан. — Гр. : 48. **Костюшка** — А. Ник. : 439. **Костяк** Волга — Зол. **Лобарь** Кама — Ревн.: 210. **Осётр волог.**: р. Шексна — А.; смол.: Днепр — Воронцов, 1930 : 139; Волга: нижегор. — Варп., 1891 : 28; урал. — Ревн. : 210. **Остряча́** в.т. Волги — Кл. **Русский осётр** — Кессл., 1870 : 284. **Чалбыш** (молодь) Волга — Зол.; Пром. р. : 57. **Шип** (молодь) Волга — Пром. р. : 57; **Кама**: перм. — Меньш., 1928 : 381; **Кама** — Ревн. : 210. **Шипик** нижегор.: Ока — Варп., 1891 : 47. **Щип** — Гр. : 46. ~ **Шип** — Гмелин, II : 278–280; Паллас, I : 423–424; Ловецкий : 464. **Kosterá** (молодь), **Schyp** — Pallas : 91 [2] укр. **Осятёр** — Тат. : 77. **Російський осетер** — Марк. : 51. **Турпак** — Тат. : 77. [4] польск. **Nadwożlski jesiotr, Turpak, Wschodni jesiotr** — Majew. [5] чеш. **Ruský jeseter** — Hrabe : 26. [7] болг. **Несетра** — Пром. р. : 57. **Руска есетра** — Дренски : 33. [18] англ. **Russian sturgeon** Канада — Ricker : 83. [42] удм. **Bikrae** — Pallas : [43] марийск. **Pekra-kol** — Pallas : 92. [44] морд. **Pulla** — Pallas : 92.

2.1.2 (2) **Acipenser güldenstädti colchicus V.** Marti, 1940 — **Черномо́рско-азо́вский осётр** (Б. : 83).

[1] русск. **Горча́к** (молодь) н.т. Дуная — Гриц. **Костарик** Днепр, **Костеник** Днепр — Св., 1964 : 49. **Костра́** (мелк.) н.т. Дуная — Гриц. **Костючек** Днепр, **Костяк** Днепр — Св., 1964 : 49. **Осётр** н.т. Дуная, **Сетёр** н.т. Дуная, **Хорёк** (мелк.) н.т. Дуная — Гриц. **Черноморско-азовский осётр** — Б. :

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

83. [26] рум. **Kiutui, Nisetru, Osetior, Osetrin** — Vasiliu : 266. [30] арм. **Zughún** — Pallas : 92. [32] груз. **Зутхи** — Барач, 1939 : 61.

А. Х. ХАЛИКОВ

500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения
(Казань, 1992)

45. **Ахматовы.** Дворяне с 1582 года (ОГДР, V, с. 52). Скорее всего, выходцы из Казани, так как под 1554 годом отмечен под Каширой Фёдор Никулич Ахматов (Веселовский 1974, с. 17). *Ахмат* — типично тюрко-татарское имя (Баскаков 1979, с. 176). Еще под 1283 годом упоминается бесермянин (очевидно, мусульманин-булгарин) Ахмат, откупивший баскачество на Курской земле (ПСРЛ, 25, с. 154). Ахматовы в XVIII–XIX вв. — военные, моряки, прокурор Синода (РБС, П, с. 362).

189. **Карамзины.** В официальном родословии отмечается происхождение фамилии от татарского мурзы по имени Кара Мурза (ОГДР, V, с. 62; РБС, VIII, с. 500). В XVI веке его потомки уже носили фамилию Карамзин, например, Василий Карпович Карамзин в 1534 году под Костромой, Федор Карамзин в 1600 году в Нижегородском уезде (Веселовский 1974, с. 134). Жалованы поместьями, т. е. переведены в дворяне в 1606 году. Этимология прозвища фамилии Карамза — Карамурза достаточно прозрачна: *кара* «чёрный», *мурза* ~ *мирза* «господин, князь» (Баскаков 1979, с. 178; Гафуров 1987, с. 166). В потомках — великий Н. М. Карамзин — писатель, поэт, историк.

Славянские древности: Этимологический словарь
Под ред. Н. И. Толстого (Т. I (А–Г). М., 1995)

Блины — одно из традиционных блюд у вост. славян (главным образом у русских). В других славянских зонах блинам соответствуют иные разновидности хлеба. Основная символика Б. — поминальная, связанная с представлениями о смерти и «том свете». Как ритуальное блюдо Б. употребляют не только в похоронных и поминальных, но и в календарных обрядах (на Святки, масленицу, в Великий четверг и на Вознесение), так или иначе связанных с тематикой смерти. Лица и персонажи, которым предназначаются Б., — покойник, предки, нищие, колядники, пастух, священник, жених, первый встречный, Власий, Христос, Масленица, Мороз. Особую значимость в различных обрядах и бытовой практике имеет первый испеченный Б. (горячий) и последний — верхний (сухой) в стопке, а в гаданиях — соленый Б.

Блины на похоронах и поминках — блюдо, посвящаемое умершим. В день погребения хозяин до рассвета ставит стопку Б. на стол, за который садятся лишь мужчины. Старший из гостей разрывает первый горячий Б. (как ломают, а не режут и поминальный хлеб) и кладет на окно, чтобы паром от него питалась душа умершего. Б. иногда кладут на грудь покойнику и в гроб. Блинами *(последним хлебным)* поминают

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

на могиле. В Белоруссии за гробом несут Б. и другую поминальную еду, которую едят на могиле, а остатки отдают нищим. Б. кладут на могилу при установке креста, а также когда на второй или третий день носят завтрак покойнику. Б. пекут, едят и оставляют покойнику дома или носят на могилу и в последующие поминальные дни. Считают, что тот, кто *печет* Б. на поминки, *печется* о насыщении души покойника. Б. пекут и в поминальные дни: на Фоминой неделе, в Дмитровскую субботу и т. п. Поминальные Б. разносят по домам, приносят на могилу, в церковь священнику и причту, раздают нищим. В Белоруссии и Полесье Б. пекут на Деды — «шоб дéдам пáра пошлá» (Житомир.), кладут Б. «дедам» на окна. На осенние Деды пастух собирает Б. по домам, говоря под окнами, что за ними его прислали «дяды» (могилев.). В Брянской обл., чтобы не снились умершие, их приглашают к себе обедать, сидя на пороге с горячим Б. Менее употребительны Б. в украинских похоронных и поминальных обрядах, где их часто заменяют кусками первого испеченного в этот день хлеба.

Блины на масленицу — повсеместное угощение главным образом у русских. Б. пекут всю неделю *(блинницу, блинщину)*. Первый Б. посвящают Власию или умершим. Его кладут «родителям» на слуховое окно, боженицу, крышу или могилу, дают нищим в память о предках или съедают за упокой усопших. В прощенное воскресенье идут на кладбище «прощаться с родителями» и приносят Б. Блин дают в руки чучелу Масленицы. В воскресенье во время проводов масленицы бросают Б. в костер, говоря: «Гори, блины, гори, Масленица!», «Вот они каплют, блинчики плачут!» (твер., ТОРП 28). В четверг или пятницу зять ездит к теще на Б. В сев. Белоруссии в четверг хозяйки с блином ходят друг к другу для пробного снования, пьют и закусывают *снувáльным блином*. У украинцев и белорусов Б. на масленицу не обязательны и часто их вообще не пекут; на Украине в эту неделю варят вареники с сыром, иногда пекут гречневые Б. *(гречаники)*.

Блины в других календарных обрядах. На Вознесение у русских, украинцев и белорусов пекут Б. — *Христу (христовы, Божьи)* онучи. Их пекут на счастье, берут с собой в поле. Б. пекут и на Рождество; первый Б. в Сочельник отдают овцам — от мора; отдают скоту и остатки Б. Под Рождество хозяин с кутьей и Б. выходит звать «мороз» на ужин (брян.), специально пекут Б. для колядников (рязан.). В Полесье пекут Б. под Новый год и для щедровальников. Изредка на святки пекут Б. и приглашают «дедов» (гомел.). В середине Великого поста девушки с Б. и пышками *(одоньями)* ходят на гумно «кликать лето» (рязан.). В Великий четверг бабы на заре пекут Б., кладут три блина на окно (как на поминках), молятся и причитают (рязан.). При первом выгоне скота несут угощение пастуху, который грозит: «Кто не даст блинцá, не устанет овца» (гомел.). Б. бывают составной частью угощения на дожинках и в ритуалах, связанных с первым снопом.

Блины на свадьбе. Угощение Б. в доме невесты на обручении *(смотрах)* и в канун свадьбы наиболее характерно для русского северо-востока (вологод., вят., костром., нижегород., с.-рязан.). Функции: Б. накануне свадьбы могли быть родственными их функциям в похоронно-поминальной обрядности. Так, в Ярославской губ. во время застолья *(блинков)* ставят

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

на стол стопку Б., вырезают в ней ямку и вливают туда масло. После угощения «хоронят» невесту, которая в это время вопит и причитает, а жених ее выкупает (Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1981:63). На севернорусской свадьбе молодых нередко кормят Б. или оладьями сразу же после брачной ночи, устраивают шуточный обряд *блин продолбить*, устраивают *блинный стол*, мать невесты присылает Б. к выходу молодых из бани. В заключительной части свадьбы у русских распространено угощение зятя Б.: молодые едут к теще *(на блины, блинно, хлебины, горячие)*, она посылает им Б. с *блинницами (блиночницами, котовниками)* или сама едет в дом жениха с Б. Во время угощения невеста старается вырвать у жениха первый Б., чтобы иметь первенство над мужем. На верхний, немасленный Б. или под него теща кладет подарок зятю (арханг. *блини́т)*, за что тот платит теще: кладет деньги на сковороду, на верхний Б. или заворачивает в него. Жених съедает блин, первый из-под верхнего, сухого, иногда отрезает от верхнего Б. кусок и кладет его под нижние Б., иногда съедает нижний, самый большой — *зятний блин*. На западе восточнославянской зоны сходную функцию послесвадебного блюда для жениха нередко имела яичница. По тому, как жених ел Б., судили о «честности» или «нечестности» невесты. Если невеста оказалась «нечестной», жених ломает блин, прокусывает середину его, кладет взятый Б. на стопку и не ест, дарит теще «худой» Б., кладет на Б. мелочь вместо целого рубля, если молодая «не цела». В некоторых местах в конце свадьбы сама невеста печет Б. (или оладьи): первый Б. кладет на руку мужу, второй — свекру, третий — свекрови (новгород.) или угощает всех гостей (яросла́в.). Иногда этот обряд происходит как шуточная продажа невестиных Б. У русских на Алтае он сближается с дележом свадебного каравая (ср. ю.-рус. *каравайцы, каравайчики* 'блины'): Б. поочередно раздают гостям, каждый из которых одаривает молодых. Иногда печение невестой Б. имеет характер испытания молодой жены: невесте стараются помешать печь, подбрасывают онучи, угли и т. п. в тесто (то же у белорусов Витебского у.).

Девичьи гадания с блинами (или лепешками) о замужестве чаще всего происходят на Святки, особенно под Новый год и под Рождество, иногда на Андрея и Ивана Купалу. Для гадания часто используют первый Б. или специальный соленый Б., от которого откусывают все гадальщицы. Девушка выходит с Б. под мышкой, за пазухой, в кармане или наложив Б. себе на лицо, затем отдает его первому встречному мужчине, спрашивая его имя. Ждут, чей Б. первым схватит с порога собака. С Б. бегут (выезжают на кочерге) на улицу, перекресток или на мусорную кучу и там «гукают долю», слушая, откуда отзовется эхо или залает собака; при этом Б. кладут на голову, наступают на него ногой, съедают или оставляют *женихну на вячерину*. С Б. под окном у соседей слушают, что скажут в хате (напр., «иди» или «сиди»), при этом его иногда перекидывают через крышу. С Б. в руке кричат в печную трубу, считают колья в заборе, стараются первыми схватить Б. со стола, съедают Б., наступив на кочергу. На ночь девушки прячут матери под голову сковородник («блинами жениха кормить») и утром узнают, что ей приснилось. В Пензенской губ. девушки пекут пироги и Б. на Кузьму и Демьяна (1, XI) и при этом поют песни, в которых выражают пожелание найти хорошего жениха.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Бытовые предписания и запреты. Посторонним не разрешается смотреть, как ставят Б., иначе не «зададутся» (орлов.). Женщину, пекущую Б., приветствуют: «Скачком блíны!», на что она отвечает: «Тарчком з ізбы!» (бел., Высл.: 178). Когда пекут первый Б., «зовут» покойных родных есть Б. (рязан.). Первый Б. перед обедом дают молодому домашнему животному, а последний оставляют на сковороде и после обеда дают матери этого животного (витеб.). Запрещено печь Б. в Великий пост (или на Пасху, Новый год, в Петровский пост) во избежание засухи (полес.).

Символика блинов в фольклоре соотносит их со смертью и с небом — иным миром. В русских, белорусских и украинских сказках из Б. построены избушки на небе, избушки на курьих ножках. В русской сказке (СУС 218 B*) старик лезет на небо и видит хатку: стены из Б., лавки из калачей, печка из творога вымазана маслом (Аф.НРС 1, №20). Тот же мотив — в русской поговорке «блинами промшить, лепешками покрыть (избу)» (Даль 1:98). В другой сказке (СУС 552 B) Б. пекут на солнце, ср. украинскую пословицу «вона своїм носом чуэ, як на небі млинці печуть» (Словарь укр. яз.: 435). В русских подблюдных песнях Б. связываются со смертью: «Идет смерть по улице, / Несет блин на блюдце» (ПКП:217). В заговоре икоту отсылают туда, где пекут Б. (скрытое пожелание ей смерти): «Там блины пякуть, табе дадуть» (брян., ПА). В русской загадке Б. (в масле на сковороде) сравниваются с рыбой без костей: «Берега круты (железные), вода не вода (вода дорога), рыба без костей» (Даль 1:98). С Б. рыбу сближает функция поминального блюда.

А. В. Гура, Л. С. Лаврентьева

Волк — один из центральных и наиболее мифологизированных животных персонажей. Соотносится с другими хищниками — вороном, рысью, щукой и особенно медведем (сходные у В. и медведя демонологические представления, персонажи ряжения, обереги, способы табуирования, взаимозаменяемость в фольклорных текстах, лексические соответствия). В. также тесно связан с собакой (В. — псы лешего, происходят от пса св. Саввы, сходство быличек о В. оборотне и собаке-оборотне, аналогичные обереги от В. и собаки). Хтонические свойства В. роднят его с гадами, особенно со змеей. В. присущи функции медиатора: он посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой (см. Волколак), отсюда амбивалентность некоторых его функций. Определяющим в символике В. является признак «чужой». Поэтому В. может соотноситься с «чужими», приходящими извне: с женихом; с мертвым, предком, ходячим покойником-вампиром; с принимавшимся в кругу взрослых косцов парнем (пол. wilk); с колядками (см. также Вучары). В. нередко воспринимается как нехристь: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного, разгул В. приходится на период «некрещеных ночей» и т. д. В. может осмысляться и как инородец: в белорусских заговорах В. называются *явреями*, стая В. у русских и поляков — *ордой*. В. называют различные инородные тела — нарост на дереве (гуцул.), черную сердцевину в нем (бел.); наросты и опухоли на теле лечат волчьей костью. Характерные мотивы и атрибуты, связанные с В.: кровь (мотив крови в этимологических легендах, в оберегах в «волчьи дни», лечение скотины от крови

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

в моче при помощи мяса В.; кровопийца ближайший родственник В. — вампир-вурдалак-волколак), камень (в различных оберегах, заговорах, табу) и огонь (громничная, или сретенская, свеча, головешка в оберегах, уголь, необходимый для того, чтобы волчица забеременела, горящие огнем глаза В.). Признаки, особо выделяющие В., — белый цвет (белый В. — царь волков в поверьях) и хромота (хромой — главный, старший В., «волчий пастырь», болг. *Куцалан, Натлапан* и т. п., ср. кривую волчицу в русских сказках). Среди других свойств В. — сломанный ему Богом хребет, отчего он не может вставать на задние лапы (ю.-серб.), или цельная, негнущаяся хребтовая кость, отчего В. может поворачиваться лишь всем телом (малопол., з.-укр.). В. связан с различными пограничными, переломными моментами или периодами: к переходному зимнему или весеннему периоду, к промежуточным календарным датам относится время разгула волков и оберегов от них; во время поездки к венчанию или от венчания свадьбу могут обратить волками; передача ткаческих орудий за границу села опасна нападением В. и т. п.

Этимологические легенды. Наиболее распространена легенда о В., сотворенном чертом (у поляков зап. Бескид также пастухами), чтобы обратить его против Бога. Черт слепил В. из глины (бел.), грязи, ила (пол., макед.) или выстрогал из дерева (бел., пол.), но не смог его оживить. Жизнь В. получил от Бога. Оживший В. накидывается на черта, который пытается спастись на дереве, и хватает его за ногу (с тех пор черт беспятый и т. п., ольха красная под корой от его крови). В другой легенде В. возникли из крови Каина, как и псы, змеи и злые духи — вилы, ведьмы и т. п. (далматин.).

Хтоническая символика. Происхождение В. в легендах связано с землей (глиной, грязью, илом). Клады выходят из земли в виде В. (бел., укр.); болг. *таласъм* 'дух, охраняющий клад' появляется в облике В. или медведя и превращается в котел с золотом. В. часто объединяют с гадами (ср. болг. *гад, гак,* с.-х. *гадина* применительно к В., а также в этимологических легендах), одним из признаков которых является слепота. Ср. мотив слепоты в южнославянских оберегах от В.: глиной, грязью, навозом «замазывают» глаза В., «зашивают» их (болг.). Ср. также в кашубских поверьях v'ilče slèpą 'блуждающий огонь', украинскую загадку о В.: «Прийшла темнота пiд наши ворота».

Связь волка с умершими проявляется в южнославянских представлениях о ходячем покойнике-вампире, который может иметь волчий облик (болг., серб.) и называется *вук* [волк] (черногор., далматин.). Некоторые заговоры от В. свидетельствуют о том, что он бывает у мертвых на «том свете» (полес.). В Полесье при встрече с В. называют по имени умерших — *гукаюць мёртвага,* зовут знакомого умершего охотника (гомел.), называют имена трех покойных предков (чернигов.). Время разгула В. поляки Хелмского воев. связывают с днем Всех святых, посвященных умершим. В черниговском Полесье при встрече с В. к нему обращаются: «*Дамавой хазяин,* старани дарогу» (ПА). Так же как умерших или домового, белорусы, поляки и сербы приглашают В. к рождественскому ужину (см. **Приглашение**). У болгар существует представление, что В., родившийся в одно время с человеком, умирает одновременно с ним (пловдив.).

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Брачная символика волка связана с символикой В. как «чужого». Так, *волком* называют дружку, представителя жениха (псков.), но и вся невестина родня, приезжающая во второй день свадьбы в дом жениха, называется *волками* (сев. Причудье и Принаровье). В севернорусских свадебных причитаниях *волками серыми* невеста называет братьев жениха. В свадебных песнях родня жениха называет невесту *волчицей* или *медведицей* (псков.). При встрече невесты родителями жениха поют: «А прывезлі, прывезлі / з цёмнага лесу ваўчыцу» (мин., Лірыка беларускага вяселля. Мінск, 1979:472). Мать невесты выходит встречать жениха в вывернутом шерстью наружу кожухе, и ей поют: «Убралась теща в вовченька, / Хотіла злякати зятенька» (подол., ZWAK 1888/12:109). Соотнесенность жениха с В. определяется также мужской символикой В., напр., в болгарском приговоре сватов: «Вий имате млада теличка, пък ние младо волче. Хайде да ги впрегнем заедно в ралото да орат нивата» [У вас молодая телушка, а у нас молодой волчонок. Давайте запряжем их вместе в плуг, чтобы они вспахали ниву] (троян., Б-ка Софийского ун-та 318:156). В Полесье В. во сне означает для девушки жениха и предвещает ей приход сватов. Свадебный староста жениха, подходящий к подругам невесты, в своей речи уподобляет себя В. среди овечек (пол.-силез.). В чешской игре «волки и овцы» «волк» ловит «овец», а потом заявляет, что хочет «пастушку», а не «овцу». Мотив брака козы с В. встречается в белорусских и польских песнях. В витебской свадебной песне съеденная волком коза символизирует доставшуюся жениху невесту (Ром. БС 8:376). Таким образом, жених, ищущий себе невесту, может символически соотносится с В., охотящимся за добычей. Кроме того, В., нападающий на скотину, загрызающий добычу, нередко наделяется эротической символикой, в частности символикой коитуса (ср. польскую шуточную песню: ZWAK 1893/17:75). У болгар запрет прикасаться к животному жиру и творогу в «волчьи дни», чтобы уберечь скот от В., относится к молодым женщинам, которые спят с мужьями (благоевград.). В Боснии группа молодежи, называемая *вукови* 'волки', имитирует нападение на дом жениха, в котором молодые проводят первую брачную ночь. «Волки» стучат в кровлю, воют по-волчьи и кричат, пока им не вынесут угощение: «Около, вуче, чувај младу, момче, чувај овцу да ти је вуци не изију» [Кру́гом волк, стереги, жених, невесту, стереги овцу, чтобы волки у тебя ее не съели] (CMP:83). В некоторых местах во время брачной ночи по-волчьи воют сваты и особенно деверь. В Боснии и Герцеговине (Ядар) *čauš*, шутник и балагур на свадьбе, одет в шапку с волчьим хвостом и в вывернутый кожух, а между ног у него искусственный фаллос. Фаллическая символика В. в фольклорных текстах может быть связана не только с мужским, но и с женским началом.

Связь волка с нечистой силой в поверьях двойственна. С одной стороны, нечистая сила пожирает В.: пригоняет их к человеческому жилью, чтобы после истребления их людьми поживиться волчьей падалью (вят.); дьявол ежегодно таскает себе по одному В. (полес.). *Vlk* — эфемическое название черта у чехов; дьяволом, злым духом считают В. македонцы. В. знается с нечистой силой (с.-рус.). В. — чертов конь, и на нем часто ездит ведьма, кума черта (пол. серадз.). Ведьма может оборачиваться волком (пол. помор., люблин.). Ведьма может наслать В. на дом в первый день Рождества (гуцул.); колдуны насылают их на скот

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

(рус., полес.). С другой стороны, В. уничтожают или устрашают нечистую силу: черт боится В. (серб.), по велению Бога В. истребляют, поедают чертей, чтобы они меньше плодились (рус. казаки, укр., бел., пол.), отпугивают и уничтожают вампиров; при упоминании вампира в Болгарии добавляют: «вълци го яли» [волки б его ели]. В. сам тесно связан у юж. славян с вампиром и упырем, названия которых (болг. *вълколак*, с.-х. *вукодлак*, словен. *volkodlak*) соотносят его с другим мифологическим персонажем — волколаком, волком-оборотнем у вост. и зап. славян. Вилы или *jедогоње* поднимают сильный ветер, который сербы отгоняют, обращаясь к нему: «Вук, виле, вук...» [Волк, вилы, волк...] (Попово Поле, Мић. ЖОП:257) или «Мини, вуче, с Богом» [Обойди, волк, с Богом] (Грбаль, СЕЗб 1934/50:16). Сам В. иногда представляется демонологическим персонажем — может обращаться в пень, в кочку (гомел.); белорусам и болгарам известны поверья о мифическом белом В.

Хозяин, покровитель волков. У русских и белорусов хозяин — леший: он кормит В. как своих собак хлебом. Глаза у него горят, как у В. (ц.-бел.). У гуцулов В. — собаки мужских и женских лесных духов. У сербов и хорватов хозяин В. — *вучији пастир* 'волчий пастух', имеющий вид старого В. или старика верхом на В.; ежегодно он собирает всех В. и распределяет между ними добычу на будущий год. Эти функции переносятся на различных христианских святых. Так, у вост. славян хозяин В. и одновременно охранителем стад считают св. Георгия, который накануне Юрьева дня собирает В. и назначает каждому его добычу. Он ездит верхом на В. (бел.). В. — его собаки (рус. *волк — Юрова собака*) или скот (бел. *святый Юрь зверя (волка) пасе*). Св. Георгий — патрон В. у болгар, сербов, хорватов, словенцев, В. — его псы (Босния). В Сербии, Герцеговине, Метохии В. — псы св. Саввы. В Герцеговине волчьим святым считают также пророка Даниила. В качестве патрона В. юж. славянам известны также св. Мартин и архангел Михаил. В зап. Болгарии и Македонии повелитель В. — св. Мина. У зап. украинцев в этой роли выступают святые Михаил, Лупп, Петр или Павел, Николай, у поляков — св. Николай. Широко распространен сюжет о человеке, видевшем, как хозяин В. (старый, хромой В., царь волков, святые Юрий, Николай, Савва) распределяет среди В. их будущую добычу (СУС 934В*).

Период разгула волков во многих местах совпадает с временем разгула нечистой силы. У вост. славян с осеннего Юрия (26.XI, иногда св. Григория, 23.XI) или со дня св. Дмитрия (26.X) до весеннего Юрия (23. XI) В. выпущены на волю и нападают на всякий скот, а на 23.IV святой «замыкает» им пасть и дает съесть только определенное количество скота. Жеребенок, родившийся между Юриями, весенним и осенним, избежит волчьих зубов (гроднен.). Зимой — в Рождественский пост, на Святки и т. п. — В. бегают стаями (рус. *станица, гурьба, ватага, артель, свадьба*, полес. *толока, гойна, гурт, валка, течка, воўчая свадьба*, гуцул, *лая*, *пол. horda, banda, zgraja*, болг. *глотница, билюк, бесовица, вълча сватба*, серб. *вучје сватове*). У русских это считается приметой начавшейся зимы. На Украине В. собираются в стаи на Андрея зимнего (30.XI, гуцул.) или на Зачатие св. Анны (9.XII) и расходятся на Крещение (6.I), устрашенные охотничьим залпом во время водосвятия. У зап. украинцев св. Николай (6.XII) «отмыкает» пасть В. и выпускает их из леса.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

В. выпущены из леса до тех пор, пока на Сретение (2.II) Громничная Божья Матерь не махнет своей свечой и В. не уйдут назад (мазовец.). Она идет в лес с зажженной громничной свечой, и В. от нее разбегаются (познан.). В польском Подлясье В. разбойничают между католическим и православным Сретением. У болгар, считается, что В. *бесуват* и особенно опасны в мартинские ночи (11–17.XI) или пять дней после дня архангела Михаила до кануна Рождественского поста (9–14.XI) или дня Введения Богородицы (21.XI), между Рождеством и Ивановым днем, у сербов — в декабре, от св. Николая (6.XII) до св. Саввы (14.I); в некоторых местах пасть В. «завязывает» архангел Гавриил (13.VII). Подробнее о времени разгула В. у юж. славян см. Волчьи дни. В Витебской губ. гадают по вою В. вблизи жилья: если воют в ночь под Рождество, то будут нападать на стадо весной, если под Новый год — летом, если под Крещение — осенью.

Выведение волчат. По некоторым украинским и болгарским поверьям, волчица приносит волчат лишь раз в жизни. Чтобы забеременеть, она должна съесть собачье мясо, уголь или что-нибудь из одежды, изготовленной в волчьи дни (болг.). Чтобы волчица не схватила уголь, не выносят золу и угли между 9 и 14.XI. Волчата выводятся в том месте, где В. завоет на всеношную (гомел.), вблизи человеческого жилья примерно на св. Еремию (болг.) или в ночь на св. Юрия (гуцул.). Где выводятся волчата, там В. вреда не делает (укр., пол., болг.). Волчат выводится столько, сколько недель пришлось в этом году на мясоед от Рождества до Великого поста (укр., болг.). Пойманных накануне дня св. Еремия волчат разносят по селу, получая за это подарки (болг.). Волчица, принесшая потомство пять раз, превращается в рысь (укр.-карпат.).

Календарные и другие временны́е запреты направлены на защиту скота и человека от В. и касаются работ и действий, связанных с различными продуктами скотоводства (овечьей шерстью и пряжей, мясом скота, навозом), часто с ткаческим циклом, а также с острыми предметами. Запреты могут быть приурочены к времени суток (после захода солнца), к дням недели, к началу месяца, года, началу хозяйственного сезона (выгон скота), к календарным датам (дням святых — покровителей В.), часто к пограничным (последняя ночь мясопуста) или промежуточным дням или периодам (между сходными праздниками — большим и малым, как с.-х. međubožiće 'период между Рождеством и Новым годом', весенним и осенним, католическим и православным), у юж. славян — чаще всего к волчьим дням. Никаких работ (напр., полевых) не выполняют в день св. Георгия (рус., с.-х.), на св. Луппа (гуцул.), на Зачатие св. Анны (в.-укр.). Не стригут овец в пятницу или на св. Дмитрия (серб.). Не чешут шерсть гребнем в пятницу и среду (серб. Хомолье). Не чешут волосы гребнем и не сучат веревки на архангела Гавриила (в.-серб.). Не навивают пряжу в день св. Параскевы Пятницы (з.-болг.); не мотают пряжу с кануна дня св. Николая до кануна Сретения (мазовец.); не мотают и не снуют от Рождества до Крещения (пол.); не снуют на Святки (укр.-карпат.), между Рождеством и Новым годом (Božić и *Mali Božić,* босн.), Успением *(Велика Госпођа,* 15.VII) и Рождеством Богородицы *(Мала Госпођа,* 8.IX) (в.-герцеговин.), православным и католическим Благовещением (гроднен.), Юрием (23.FV) и Николой (9.V), т. е.

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

патронами В. у православных и католиков-поляков (витеб.); не прядут на Святки, от Рождества до Нового года (з.-укр.); не прядут и не шьют по четвергам и субботам (словац.); не прядут, не ткут и не шьют одежду в первый день каждого месяца (рупчос.). Нельзя передавать в чужое село (через границу села, реку) основу и/или ткацкие орудия (чернигов., пол.-лит.), между Юрием и Николой (витеб.). Между Юрием и Николой нельзя также ставить или чинить изгороди (витеб.). Запрещается резать скот от Даниила (17.XII) до Иванова дня (далматин.). Чтобы В. не ели скотину, не едят мяса в канун или в день св. Николая (мазовец., малопол., з.-укр.), на св. Савву (косов.), пророка Даниила, св. Игнатия и св. Андрея зимнего (боснийск.). С той же целью новобрачные не едят мяса на второй день свадьбы, обычно в понедельник (витеб.). Не дают ничего взаймы во время первого выпаса скота и вывезения навоза на поле (гомел.); не вывозят навоз в среду и между Успением и Рождеством Богородицы (в.-герцеговин.), на Святки (боснийск.-герцеговин., серб. краин.). Пастух не начинает сам резать хлеб, иначе В. «почнет» стадо (словац.). Запрещается резать ножом в среду (в.-герцеговин.), 1.III (макед.), рубить дрова в воскресенье и праздники (з.-укр.), стричь ножницами в первый день каждого месяца (рупчос.) и т. п. В последнюю ночь мясопустной недели муж не должен спать с женой, иначе В. поедят у них всех поросят (харьков.). Мужчинам и женщинам нельзя одеваться в одежду противоположного пола, иначе они будут бояться В. (подляс.).

Запреты упоминать В. относятся чаще всего к вечеру или к ночи, иногда к «волчьим праздникам». Считается, что упоминание В. накликает его: рус. «Про волка речь, а он навстречь»; укр. «О вовку помовка, а вовк и есть»; пол. «O wilku mowa, a wilk idzie» [О волке речь, а волк идет]; болг. «За вълка приказват, и вълкът насрещу (в кошарата)» [О волке говорят, а волк навстречу (в загон для скота)]; серб. «Ми о вуку, а вук на вратима» [Мы о волке, а волк в дверях] и т. п. В случае нарушения запрета говорят: «За морем му вечері — горэчий му камінь в зуби!» (покут., Kolb. DW 31:155), «Ками му у вилице» [Камень ему в челюсти] (черногор., ГЕМБ 1931/6:71), «Мълчи, немой, дума името му, ами жар му фаф устата и главня му фаф гъза!» [Молчи, не называй его по имени, раскаленные угли ему в пасть и головешку в зад!] (макед., СбНУ 1963/50:110). У белорусов Виленской губ. запрещается упоминать В. во время еды, у македонцев г. Драмы — вечером 26.XII (канун дня св. Стефана). Если на Рождество назвать камни *голубями* и сразу же после этого В. *колядниками*, то В. станут грызть камни и от этого гибнуть (теб.). Мотив камня представлен и в заместительных названиях В.: укр. *скаменник*, с.-х. *каменик*. Ср. рус. *зверь*, укр. *звір, звірак*, пол. *zwierz*, болг. *звяр*; также эвфемизмы типа рус. *бирюк, лыкус, серый*, укр. гуцул. *малий*, пол. *lepiwy*, макед. *дивечина*, с.-х. *непоменик, ала, шумњак, курва*. Используются и личные имена: рус. кубан. *Кузьма*, пол. (люблин.) *jakubek*; в заговорах — *вовк Мялълян, вовчица Улъляна, вовк Мосей, вовчица Калина* (могилев.), *Егор* (сум.), *Petrynko* (серадз.), в загадке — *Петра* (бел. полес.).

Мотив жертвы. В. — медиатор, посредник между людьми и силами «иного» мира. Задирая скотину, он действует не по своей, а по Божьей воле (далматин. *po poslanju božjemu*, ZNZO 1906/11:129), «хватае анно гэто, што

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Бўог празначыў, ні гэто, што сам хоча» (гроднен., Fed.LB 1:192), «что у волка в зубах, то Егорий дал» (рус., Даль ПРН: 946). Поэтому отнимать его добычу небезгрешно, особенно постороннему, не хозяину, так как взамен ее В. унесет его собственную скотину (витеб.). Если на Рождество Богородицы хозяин пожалеет зарезать барана, то В. унесет этого барана (гродн.). Похищение волком скотины воспринимается нередко как жертва и сулит хозяину удачу. Так, у болгар похищение волком овцы — счастливый знак: овцы будут хорошо ягниться и давать много молока. Добрым знаком является и похищение овцы из стада, предназначенного на продажу: весь скот будет продан быстро и принесет большой доход. Хорваты Лики считают, *что* там, где ступит В., отвращается всякое зло от людей, скота и посевов. Самому В. несут в церковь в качестве жертвы лен и коноплю (ю.-малопол.).

Обереги скота от волка. Для устрашения В. вешают освежеванного В. на дверях хлева (люблин.), закапывают в дверях хлева голову собаки, которую загрызли В. (волын., полес.); совершают обряды с этой головой (витеб.) и вешают ее на шест или на забор (витеб., вилен.); вешают на нем конскую голову (вилен.), колесо (харьков.) и т. д. Чтобы В. не съел пасущуюся скотину, кладут в печь железо в день св. Николая (подол.); втыкают нож в стол (курск.), порог (могил.); накрывают камень горшком со словами: «Моя корова, моя кормилица надворная, сиди под горшком от волка, а ты, волк, гложи свои бока» (могил., Дм.СПСО: 258–259, Даль ПРН:944). В рождественский Сочельник пастухи носят камень под языком, чтобы у В. окаменела пасть (ю.-серб.). На Рождество кладут гребни по обе стороны прохода в загон для овец и ставят две зажженные свечи, выгоняют овец, а затем сцепляют гребни вместе (серб.). В Юрьев день пастух стреляет из ружья возле овец, зашивает пулю себе в пояс и носит весь год (сербы Горней Краины). Обвязывают ножки стола цепью в рождественский Сочельник, чтобы «замкнуть» волчью пасть (морав.-валаш.), пастухи завязывают цепь на пастбище, чтобы «связать» пасть В. (серб.), празднуют «славу», посвященную цепям *(часне вериге)* (босн.). При первом выгоне скота с той же целью замыкают хлев, хату, все сундуки и отдают ключи пастуху на весь день (брест.), посыпают печным жаром порог конюшни и на все лето замыкают замок (укр. заднестров.), пастух должен иметь сомкнутые уста (кашуб.). Скот охраняет от В. в поле первое яйцо от черной курицы (з.-рус.). В. боится также черных свиней и к их стаду никогда не приближается (болг. шумен., тырговишт.). Следы В., унесшего скотину, выкапывают лопатой и выносят на чужие поля, чтобы сюда он не повадился (вилен.). Для защиты скота от В. используются заговоры, обращенные к лешему, к святым — повелителям В., к Божьей Матери, с тем чтобы они уняли своих псов (свой скот), характерные мотивы заговоров — замок, ключ (просьба «замкнуть» пасть волкам), камень (отсылание В. к морю за белым горючим камнем, ограждение от них каменной стеной), железные, острые предметы (железные дубцы, острые мечи), огонь (Божья Матерь со свечами). Чтение заговоров сопровождается сжиманием кулаков, смыканием зубов, втыканием топора в стену и т. п.

Защита при встрече с волком. Наткнуться на В., как считают, может тот, кто поет в лесу и увидит ворона (рус.); нападение В. предвещает

LA FILOLÒGICA POR LA CAUSA

ворон, с карканьем пролетающий над стадом (витеб.). Чтобы не встретить в пути В., снимают пояс и волчат (да *се вучи*) за собой, чтобы В. *(вук)* думал, что это ловушка (сербы Височской Нахии, болг. пловдив.); входя в лес, читают заговор «от злого зверя» (полес.), 40 раз говорят «Господи, помилуй» (брян.) или приговаривают: «Skąd, wilku, idziesz, tarn idź» [Откуда, волк, идешь, туда и иди] (хмель., запись автора). При встрече с В. отходят в правую сторону — считают, что В. пойдет в левую (полес.). Иногда не двигаются, молчат, не дышат и прикидываются мертвыми. Часто, наоборот, отпугивают В. шумом: стучат камнями (подляс.). железными предметами, кричат, свистят. Считается, что если не свистеть или, расстегнув себе ворот, не кричать, то В. может «отобрать» голос (киев., краков.). Если В. первым увидит человека, то нападет на него (полес., з.-укр.) или человек лишится дара речи (пол.); если человек увидит волка, то В. его не тронет. При встрече с человеком В. раскрывает пасть, чтобы человек заглянул внутрь и от этого лишился дара речи (пол. з.-помор.). Волка отпугивают также огнем, напр. громничной свечой (пол. женов.), обвязываются чем-нибудь красным (полес.). Используют формулы-угрозы: «Іды, вовку, з дороги, бо переб'ю ноги» (волын., ПА). Иногда кланяются, встают перед ними на колени, приветствуют или просят, напр.: «Здравствуйте, молодцы» (смол., Ерм.НСМ 3:446), «Здравствуйте, братцы, пропустить, пожалуста, мяне дарогу» (черниг., ПА), «Ваўчица, матушка, памилуй меня» (брян., ПА). Задабривают, увещевают, напр.: «Wilk, Petrynko, to prześliczny» [Волк, Петенька, да какой красавец] (серадз., Dekawski J. P. Strzygi i topieluchy. Warszawa, 1987:20–21). Отвращают В. крестом (малопол.), крестятся сами (полес.), называют имя св. Саввы (Метохия). Используют заклинательные формулы: «Атвярни мене, Госпади, ат этага зверя» (брян.), «Хрест на мене, вовк від мене» (житомир.), «Вовк, вовк, щоб ти умовк» (волын.), «Камен ти во заби» [Камень тебе в зубы] (макед., ПА), «Воўк, воўк, гдэ ты буў, як Суса Хрыста роспыналы (як Христос родзився; на Ордані христився)?» (полес., подлес., могилев., укр.; ПА; записи автора; Ром.БС 5:47; Ефим.СМЗ:38). Показывают В. кукиш («Як складзена дуля, так штоб твае склаліся зубы») и читают заговор: «На том свеце быў? — Быў. Мёртвых бачыў? — Бачыў. / Мертвый кусаютца? — Не. / І ты не кусайся» (гомел., ПА).

Магическое использование частей тела и имени волка. Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть В. часто служат амулетами и лечебными средствами. Коготь В. зашивают в одежду ребенку в качестве оберега от сглаза (ю.-серб., косов.). Пчелам вешают на леток улья когти и зубы В. (серадз.), выставляют туда высушенную волчью гортань (люблин., жешов.), выставляют на улья волчью голову (серб.). Волчьей гортанью обтирают зубы скотине, чтобы она хорошо ела (малопол.). Если кормить через нее ребенка, он будет прожорливым, сильным, как В., и у него будут негнущиеся конечности (пол. помор.). Воду, пролитую через волчью гортань, пьют при болезни горла (пол., бел., болг.). Сквозь волчью челюсть продевают новорожденного (чтобы предохранить его от болезней и всякого зла) или больного ребенка (серб.), ср. с.-х. *јак (здрав) као вук* [здоров, как волк]. Волчий хвост носят при себе от болезней (рус.), вывешивают в качестве оберега на конюшне (пол.). Колдун может окурить волчьей шерстью скрипку, сказав: Rez, wouk, barana» [Грызи, волк, бара-

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

на], и у скрипача на свадьбе полопаются все струны (замойск.), Kolb.DW 17:134,135). От испуга окуривают ребенка волчьей шерстью, обтирают волчьей кожей, говоря: «Да ми биднеш ка вук» [Чтобы был как волк] (серб., ГЕИ 1953–54/2–3:578). Пояс из волчьей кожи носила женщина, если у нее умирали дети (пол.). Съевший волчьего мяса способен лечить наросты и опухоли, кусая их (пол. помор.). В болгарских и сербских эпических песнях юнаки, отправляясь в бой, надевают шапку или накидку из волчьей кожи. Волчье сердце носят как амулет (болг., серб.), так как оно придает храбрости, а также носят больные эпилепсией (ю.-серб.). При болезнях легких едят легкие, сердце и печень В. (полес.). Волчьим жиром или салом мажут раны, ушибы, лечат ревматизм (гуцул.). Волчий зуб помещают в кормушку для скота, чтобы скот не терял аппетита (малопол.). Когда у ребенка прорезываются зубы, ему дают грызть волчий зуб (бел.), вешают его на шею (укр., серб.) или дают в качестве игрушки (пол.). Прорезавшиеся у ребенка зубы называют *вучићи* (серб.).

Нередко оберегом служит само упоминание волка или называние волком. О появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорят: «Это не теленок, а волчонок» (смолен., ТА 1718:7). Повитуха крестит новорожденному лоб, живот и ноги со словами: «На глава кръст, в сърце ангел, под нозе вълк» [На голове крест, в сердце ангел, под ногами волк] (макед., Арн.ОБФ 2:702). Если в семье умирают дети и родится мальчик, то, чтобы уберечь его от смерти, повитуха кричит: «Роди вучица вука свијету на знање а ђетету на здравље!» [Родила волчица волка всему свету к сведению, а ребенку на здоровье!] (серб., СЕЗб 1934/50:12,35,36). Или же дают в этом случае мальчику имя *Вук*, так как верят, что ведьма *(вештица)*, поедающая детей, на «волка» не покусится; имя *Вуко* дают также, чтобы сын был здоровым и сильным, как В. (серб.).

Волк в приметах. Повсеместно В., перебегающий дорогу путнику, пробегающий мимо деревни, встретившийся в пути, предвещает удачу, счастье и благополучие. Чтобы встретиться с В., берут с собой в дорогу головку чеснока (витеб.). В украинских свадебных песнях обращаются к В. с просьбой перебежать на счастье дорогу молодым по пути к венчанию. Для ведьмы встреча с В. опасна, и если кто-то упоминает ведьму, следует сказать: «Вук јој пут претекао, не спомињте је!» [Волк ей путь перебежал, не поминайте ее!] (СЕЗб 1934/50:30). В., забежавший в деревню, — примета неурожая (рус.). В. прокладывают свои тропы туда, где будет война (с.-рус.). Множество В. сулит войну (рус., макед.) или мор скота (макед.). Вой В. предвещает голод (рус., малопол.); если В. воет пастью вверх — это к голоду, прямо — к войне, к земле — к мору (малопол.), под жильем — к войне или морозу (рус.), осенью — к дождям, зимой — к метели (бел.).

А. В. Гура

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

СОДЕРЖАНИЕ

Лекция 1
Предмет этнолингвистики 3

Лекция 2
Типы языковых состояний как объект этнолингвистики 17

Лекция 3
Полиэтничность и билингвизм как основные тенденции языкового развития в современных государствах 34

Лекция 4
Этнос как объект моделирования в этнолингвистике 46

Лекция 5
Моделирование знаний и представлений в области материальной и духовной культуры 59

Лекция 6
Историческая реконструкция модели народного знания в области материальной и духовной культуры 82

Лекция 7
Языковая политика 93

Лекция 8
Этногенез и этническая история как объект этнолингвистики 110

Вместо заключения 138

Дополнительная литература 139

ХРЕСТОМАТИЯ

Раздел I
Теоретические основы этнолингвистики
Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин 144
Арутюнов С. Этнические процессы и язык 155

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Чистов К. В. Фольклор и этнография 174

Раздел II
Общие проблемы этнолингвистики

Уорф Бенджамен Л. Отношение норм поведения и мышления к языку 185
Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) 215

Раздел III
Этнолингвистика в кругу гуманитарных наук

Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города (с сокращениями) 244
Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) 252
Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения 259
Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык 307
Девкин В. Д. О видах нелитературности речи 317
Карпенчук Ю. Этикет и речь 331
Жуков А. А. Применение геолингвистических и статистических методов в бантуистике 339
Черепанова О. А. Состав и генетическая характеристика мифологической лексики 350
Толстой Н. И. Откуда дьяволы разные? 364
Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) 369
Бернштам Т. А. Заключение: возможные интерпретации возникновения, этимологии и эволюции групповых этнонимов (с сокращениями) 396
Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепсско-русского контактирования 406
Березович Е. Л. Финно-угорские мотивы в топонимических преданиях Белозерья 416
Попов А. И. Притоки оз. Ильмень 422
Агапитов В. А. Кижи: что в имени твоем? (О происхождении названия Кижи и не только...) 427

Приложения

Приложение 1. Фрагменты законов о языке 432
Из закона «О языках народов республики Татарстан» 432
Из закона о государственном языке Узбекистана 433
Приложение 2. Фрагменты словарей 435

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: Вып. 11 (*konьcь–*kotьna(ja)) .. 435
Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 438
Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран 440
Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения 442
Славянские древности: Этимологический словарь 443

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Учебное издание

Александр Сергеевич Герд

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОЛИНГВИСТИКУ

Курс лекций и хрестоматия

Второе издание, исправленное

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Художественный редактор *Е. И. Егорова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Корректор *Н. В. Ермолаева*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 18.07.2005. Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,5. Заказ 142

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
199004. С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.